ДЕСЯТИЛЕТИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

СБОРНИК СТАТЕЙ

Под редакцией М. Охитовича

С предисловием К. Радека

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА
ВЕСТНИК ВОЗДУШНОГО ФЛОТА
МОСКВА 1925

ТИПОГРАФИЯ ЖУРНАЛА
ВЕСТНИК
ВОЗДУШНОГО ФЛОТА
Москва, Улица Разина, дом 5.

Главлит № 32809. Тираж 30.000.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ ЛЕВОЙ

самому решительному, интернационалистски-последовательному борцу с империалистской войной 1914-1918 гг.

ПЕРВОМУ ЯДРУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

ПОМНИ ВОЙНУ!

(Предисловие).

Nie wieder Krieg! (да не будет никогда войны!)—кричали аншлаги социал-демократических демонстраций в десятилетнюю годовщину войны.

Социал-демократическая пресса и социал-демократическая литература делают все, чтобы рабочие массы забыли о роли социал-демократии, как одного из главнейших факторов возникновения войны и четырехлетнего ее затягивания. Социал-демократическая теория в лице разных Рудольфов Гильфердингов пытается еще успокоить народные массы. Капитализм-де под руководством американской и английской буржуазии ищет форм международной организации. И так как война оказалась весьма не экономным средством конкуренции, то буржуазия сама пытается преодолеть опасности войны.

Великий учитель мирового пролетариата—Л е н и н—предостерегал рабочий класс от сладкой иллюзии, будто после уроков мировой войны 1914—18 гг. новая империалистическая война—немыслима. В своей инструкции, данной делегации советских профсоюзов на международный конгресс мира в Гааге, он говорил:—тот, кто вспоминает как мировая буржуазия подготовляла и организовывала войну и думает, что ей это больше не удастся—тот обманывает пролетариат. Если мировая революция не победит раньше, чем империалистические противоречия приведут к новой мировой войне—пролетариат будет снова принужден итти на международную бойню.

Самым мощным орудием предупреждения этого неслыханного события, самым мощным орудием агитации и пропаганды против мировой войны и за мировую революцию—является изучение всех уроков мировой войны.

Оно производится в минимальных размерах. И эта книга охватывает только маленькую часть великих уроков мировой войны. Нет задачи более важной и более неотложной, чем исчерпывающее изучение, а затем и раз'яснение этих уроков широчайшим народным массам.

Из этих уроков—два являются самыми важными. Первый, это—изучение того, как буржуазия обманула народные массы легендой о защите отечества. Дипломатической истории войны посвящены уже целые библиотеки исследований. Авторы этих исследований состоят на службе той или иной из воюющих сторон; все эти исследования посвящены одной цели: обелить себя и очернить своего противника.

Но изучение этой литературы рабочему читателю даст совершенно иную картину: оно покажет ему, как все капиталистические государства подготовляли войну, как все они в последний момент испугались ее и как ни одно из них не было в состоянии выскочить из железной логики своей предшествующей политики.

Подвести итоги этому, показать, как цеплялись друг за друга зубцы дипломатической машины и как эта машина сделалась мясорубкой для миллионов—величайшая задача коммунистической пропаганды.

Второй урок заключается в том, чтобы показать, как социал-демократия, партия реформистской оппозиции капитализма, сделалась партией активной поддержки империализма. Эту задачу необходимо проработать во всех деталях, и не только в ученых трудах, но и в брошюрах и листовках для миллионов.

Как я уже сказал, настоящая книга кладет начало этой работе—и в этом ее большая заслуга.

Работа требует организованных усилий всего Коминтерна и она должна вооружить нас в борьбе за социальную революцию, вооружить нас на тот случай, если социальная революция не победит до того, как наступит новая империалистическая война, если солнце социальной революции взойдет только на полях, залитых кровью новой империалистической войны.

Карл Радек.

Москва, 13 февраля 1925 года.

От редактора.

Потребность в сборнике, который осветил бы империалистическую войну с разных сторон, определенно назрела. Можно только пожалеть, что сборник выходит с таким опозданием, но думается, что он не устарел и долго не устареет, поскольку вопросы, поставленные в сборнике, представляют теперь более чем когда-либо актуальный интерес.

Наши стремления — дать возможно более всестороннее представление возможно лучше подобранного и проверенного материала, выдержанного в одном направлении. При всем этом сборник не претендует и не может претендовать, по понятным причинам, на исчерпывающую полноту. В портфеле редакции осталось несколько работ, которые не могли быть помещены за отсутствием места; материал и так значительно перерос предполагаемый размер сборника.

В интересах читателя, желающего углубить изучение вопросов, мы поместили в конце сборника библиографический справочник, который, будучи наиболее полным среди опубликованных до сих пор, по отношению к количеству вышедшей литературы является далеко неполным.

Распределение материала произведено не по строго формальным признакам: первые 4 отдела являются историко-политическими (из них особняком стоит IV отдел, характеризующий отношение Первого Интернационала к войне). V отдел дает собственно военные и итоговые статьи, VI отдел—воспоминания, VII отдел—литературно-художественный и в конец отнесены—синхронистические таблицы, библиография, карты.

Сборник, начиная с IV отдела и до конца, составлен сплошь, за малыми исключениями, из оригинальных работ.

В III отделе даны перепечатки в тех случаях, когда тема согласно программе отдела была ранее выполнена для других изданий (Варга, Радек, Покровский, Павлович), в противном случае статьи написаны для сборника специально (А. Тальгеймер — Германия, Р. Федоров — Англия, В. Коларов — Балканы, Ф. Кон — Польша, Сен-Катаяма — Япония, Л. Шацкин—Молодежь и война, В. Яроцкий —Профдвижение и др.). Заказанные статьи о Франции и Италии по независящим от Редакции обстоятельствам не могли быть выполнены, и мы вынуждены были прибегнуть к перепечаткам статей из „Комм. Интернационала“ (А. Дюнуа и А. Таска). Досадным пробелом остается отсутствие статьи о С.-А. С. Ш.,– обещанная работа не поступила в связи с неожиданной болезнью ее автора.

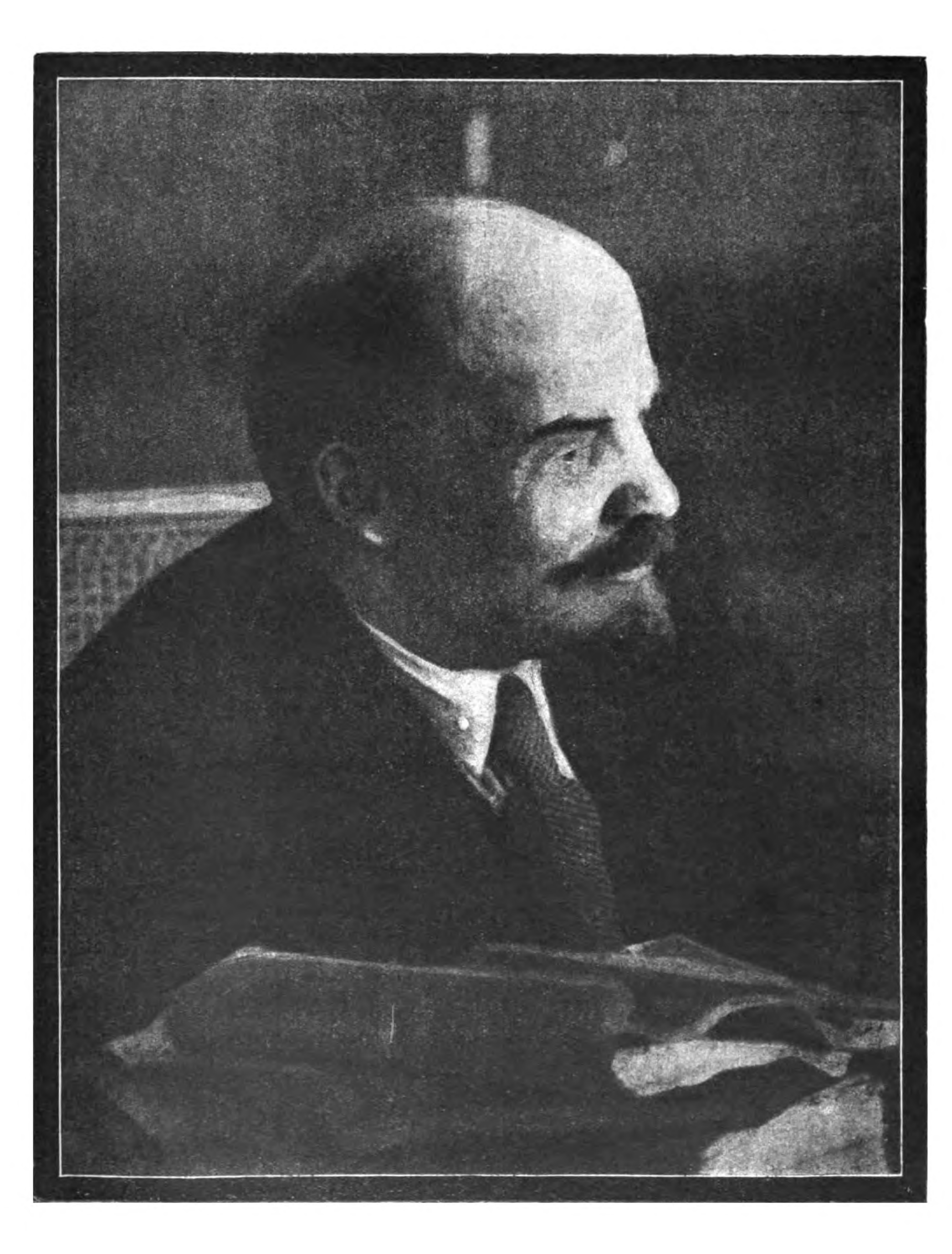
Вопросам специально военным мы не могли дать много места. Имеющиеся работы по специальным темам (в V отделе и синхронистические таблицы) по возможности связаны с общей концепцией других отделов, и мы надеемся, что в таком виде они будут полезны и интересны как военному, так и не-военному читателю.

По возможности все отделы сборника иллюстрированы. Часть иллюстраций (в том числе и шаржи Дени) появляется в печати впервые, часть взята из иностранных печатных источников и воспроизводится в русской печати также впервые.

Надеемся, что наша работа в настоящем ее виде будет полезна и интересна читателям и послужит ступенью для новых, более совершенных изданий и углубленных работ.

М. Охитович.

Москва, 15-го февраля 1925 года.



ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МАНИФЕСТ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА К МИРОВОМУ ПРОЛЕТАРИАТУ.

Против войны! Против буржуазии! Против социал-предательства!
За всемирную революцию! За диктатуру пролетариата! За коммунизм!

(К десятилетию империалистской войны).

I.

Десять лет прошло с тех пор, как мировая буржуазия разнуздала адские силы милитаризма. 1 августа 1914 года открылась величайшая в истории человеческая бойня. Правящие классы и их военные стратеги считали, что война закончится в несколько месяцев. Однако, вызванные ими события скоро переросли их головы. Армии, непрерывно возрастая в числе, закапывались в землю друг против друга. Вся трудовая энергия Европы,—и далеко за ее пределами,—направлялась на нужды войны. Созидали, чтобы разрушать, и разрушали, чтобы творить новые орудия истребления. Четыре года, три месяца и 26 дней длился этот подлый и безумный процесс, в котором капиталистическое общество нашло свое законченное выражение.

Пролетарии строили машины разрушения. Пролетарии вместе с крестьянами их применяли. Пролетарии и крестьяне разных наций истребляли друг друга. Сейчас, оглядываясь назад, каждый из нас спрашивает себя: каким образом мыслимо было это безумие? Но еще важнее и острее другой вопрос: не грозит ли нам его повторение в будущем?

Военная катастрофа подготовлялась задолго. Передовые рабочие предвидели ее неизбежность и предупреждали об этом трудящиеся массы. Предотвратить надвигавшуюся войну и сделать войну вообще невозможной могли только революционная борьба, только восстание трудящихся против империализма. Такое восстание, какие бы жестокие формы оно ни приняло, не причинило бы и одной сотой, и одной тысячной доли тех человеческих жертв и материальных разрушений, которые вызвала война. Но восстания не произошло. Социалистические партии в подавляющем большинстве своем не только не призывали рабочих к революционной борьбе против войны, но, наоборот, примкнули к своим правительствам, провозгласили войну своего государства правильной, справедливой войной и призвали трудящиеся массы поддерживать войну. Только благодаря этой поддержке социалистов буржуазия получила возможность держать в узде массы и вести войну. Только благодаря измене социалистических партий буржуазия могла длить войну свыше четырех лет. Только благодаря сотрудничеству социал-патриотических вождей с мясниками милитаризма человечество потеряло десять миллионов убитыми и приобрело многие миллионы калек. Только благодаря низкопробному прислужничеству Шейдемана и Эберта, Реноделя и Лонге, Гендерсона и Вандервельде буржуазия получила возможность беспрепятственно разорять и истощать Европу, разрушая то, что создано было усилиями веков.

День 1 августа 1914 года, первый день империалистской войны, день открытой капитуляции социал-демократических вождей перед буржуазией, останется навсегда самым черным, самым зловещим, самым бесчестным днем человеческой истории.

Рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! Вспомните, что вам говорили и что вам обещали правящие с первых дней войны. Вам говорили, что эта война принесет народу обеспеченное существование. Вам обещали, что в результате войны не будет больше тягот милитаризма. Вас заверяли, что эта война будет последней войной. Так говорили вам короли, президенты, буржуазные министры, журналисты. То же повторяли на свой лад социал-демократы и патриотические вожди профессиональных союзов. Теперь, ко дню десятилетия, вы, трудящиеся, можете полностью подвести итоги. Вы видите, как бесчестно злоупотребили вашим доверием. Даже и победоносные страны стали несравненно беднее, чем были до войны. Но если вас обманула буржуазия, это в порядке вещей: буржуазия— наш непримиримый и беспощадный враг. Вас обманули, однако, и те, которых вы считали вашими вождями. Социал-демократы, завоевавшие доверие рабочих своими речами против буржуазии, в день 4 августа 1914 г. перекинулись на ее сторону и весь свой авторитет, весь свой вес обратили на то, чтобы помочь ей довести бойню до конца. Таковы факты. Такова голая правда.

Социал-демократы обещали в результате войны справедливый, демократический, честный мир между народами. Они лгали, они сознательно и рассчитанно обманывали вас. Они не могли не знать, что мир будут диктовать победоносные империалисты. Бесчестная война, руководимая буржуазией при бесчестной поддержке социал-демократов, могла привести только к бесчестному миру. Он был подписан в Версале, где торжествующий хищник наступил ногой на горло хищнику побежденному. Германию и ее союзников раздавили и расчленили.

Чтобы оправдать порабощение немецкого народа, не менее подлое, чем сама война, социалисты победоносных стран—Гендерсон, Ренодоль, Вандервельде и другие—повторяли вслед за своей буржуазией: „Германия наказана за то, что именно она хотела войну и вызвала ее“. Какое лицемерие и какое тупоумие! Если бы даже верно было, что только Гогенцоллерн и Габсбург ответственны за войну,—можно ли карать народ за злодеяния давившей его династии? Можно ли душить германский пролетариат за преступления его буржуазии? Социалисты стран Антанты считают справедливым лишать немецких рабочих, их жен и детей хлеба и молока в наказание за то, что немецкая буржуазия истребила и искалечила их братьев, мужей и отцов. Но может ли здравомыслящий и честный человек хоть на минуту допустить, что ответственность за войну ложится исключительно на Германию и Австро-Венгрию? Разве мы не знаем ненасытного империализма английской буржуазии—поработительницы колониальных народов? Разве мы не знаем отвратительной жадности французской биржи? Разве царская Россия, в союзе с Францией и Англией, не стремилась к захвату Константинополя и проливов? Империалистская война явилась в результате столкновения разнузданных аппетитов обоих сторон. Все они вооружались для войны. Все хотели нового передела мира. Все стремились к захватам. Все рвались к добыче. Правящие классы обоих лагерей ответственны за войну, за ее четырехлетнюю длительность, за ее жертвы и разрушения, за ее безумный версальский исход. Не меньшая ответственность ложится клеймом бесчестья на лица социал-демократических политиков, патриотических профессионалистов, прислужников буржуазии, наемных и добровольных агентов империализма, социалистических нотариусов версальского мира.

Одна страна не участвовала в версальском позоре ни как побежденная, ни как победительница. Трудящиеся массы революционной России, руководимые коммунистической партией, низвергли буржуазию, взяли в свои руки власть и вывели страну из адского круга войны. Правительство большевиков открыло железные шкафы царской дипломатии и опубликовало тайные документы, обличавшие преступность правительств Антанты, наравне с правительствами Гогенцоллерна и Габсбурга. Сейчас уже неоспоримо, что, если бы Россия продолжала вести войну вместе с Антантой, как того хотели социалисты-революционеры и меньшевики, в конец истощенная страна превратилась бы в британско-француз-

скую колонию, в северную Индию. Спасение свое Россия нашла только через Октябрьскую революцию!

Трудящиеся Германии и Австро-Венгрии в результате войны также поднялись на восстание. Старые династии были низвергнуты. Но социал-демократия удержала рабочие массы на первом этапе революции. Если после ноября 1918 года немецкие помещики и капиталисты сохранили богатства и власть, то они этим полностью и целиком обязаны Шейдеману, Эберту, Каутскому и всем другим вождям германской социал-демократии. Те же люди, те же политики, те же предатели, которые в течение четырех лет помогали кровавой гогенцоллернской шайке истреблять немецкий народ, удержали в конце 1918 года трудящихся от низвержения эксплоататоров. Если в потрясенной до самых основ Европе устояла после войны власть капитала,—это полностью и целиком заслуга Второго Интернационала—сторожа, цепной собаки у ворот буржуазии.

Германия экономически отброшена назад. Осколки императорской Австро-Венгрии отделены друг от друга колючей изгородью. Еще хуже на Балканском полуострове. Франция подавлена военными долгами и бременем милитаризма, как никогда. Италия ослабла и не выходит из потрясений. Англия может только мечтать о своем довоенном экономическом могуществе. Хроническая безработица, как саркома, раз'едает тело Европы. Численность европейских армий и флотов не ниже, чем накануне 1 августа 1914 года, а военные расходы, в соответствии с усложнением техники, несравненно выше.

Война жестоко ударила по крестьянству Европы, Америки и всего мира. Буржуазия каждой страны обещала своему крестьянству в результате войны расцвет сельского хозяйства. Она заверяла крестьянина, что после этой „последней войны“ с крестьянских плеч будет снято непосильное бремя милитаризма. Крестьянство оказалось обманутым вдвойне. Если в начале войны зажиточное крестьянство, сбывая свои продукты по высоким ценам и уплачивая старые долги дешевыми деньгами, казалось разбогатевшим, то дальнейшее падение валюты превратило крестьянские барыши в мыльные пузыри. Хозяйственный упадок Европы понизил спрос на продукты сельского хозяйства и ударил не только по европейскому крестьянству, но и по американскому фермерству, доведя его до массового разорения. А в то же время милитаризм становится все более требовательным и расточительным. Бремя военных налогов грозит окончательно раздавить позвоночник крестьянину.

II.

Оккупация Рура французскими войсками в январе прошлого года явилась прямым продолжением империалистской войны: победитель добивал побежденного. Оккупация нанесла новый удар хозяйству Европы и в первую голову стала источником дальнейшего ужасающего разорения Германии, обнищания ее народных масс. Но та же оккупация, опрокинув франк, обнаружила непосильность для хозяйства Франции поддерживать военную диктатуру тяжелой индустрии над Европой. Каким, однако, образом французская буржуазия после всех преступлений, которыми она себя покрыла в войне, могла снова бросить свою армию на рурское преступление? Каким образом могло оказаться, что трудящиеся массы Франции и всей Европы не помешали новому разбойничьему нападению? Рабочие, вдумайтесь в это, и вам станет ясно, что только поддержка буржуазии социалистами, во Франции, как и в Германии, сделала возможной рурскую военную операцию и, следовательно, дальнейшее разорение Европы. Мы снова повторяем здесь: если бы рабочие массы Франции и Германии решились в революционном восстании принести те жертвы, какие вызвала одна только рурская оккупация,—буржуазия была бы опрокинута, милитаризм был бы раздавлен, и в Европе могли бы восторжествовать мир и труд. Но именно в такие ответственные часы, когда дело идет о жизни и смерти буржуазии и о судьбе трудящихся, социал-демократы злостно нарушают единство революционного пролетарского

фронта, сеют нерешительность в рабочих рядах, вызывают упадок духа, изолируют коммунистическую партию, подготовляя торжество капиталистической реакции.

Как бы в ознаменование великих заслуг, оказанных капитализму социал-демократией за истекшее десятилетие, европейская буржуазия к близящемуся кровавому юбилею ставит своих заслуженных доверенных—испытанных меньшевиков у власти то полностью, то частично. В Англии сейчас у кормила—правительство так-называемой рабочей партии. Во Франции—министерство левого блока, которое может существовать только при поддержке социалистов. В Германии социал-демократия является одной из опор буржуазного правительства. В Дании у власти стоит социал-демократическое министерство Стаунинга. В Бельгии не исключен приход к власти партии Вандервельде, который усердно расчищает себе путь. Даже в Италии буржуазия начинает тяготиться диктатурой Муссолини и подготовляет ему реформистскую смену. Фашизм временно сходит со сцены,—он как бы выполнил свою задачу. В самые трудные дни, когда пролетариат потрясал основы капиталистического строя, когда аппарат власти выпадал из рук растерянной буржуазии, фашистские банды спасали положение, заменяя собою обанкротившееся государство, отбрасывая прочь все условности парламентаризма и легальности, прибегая на службе буржуазии к резне, стрельбе, поджогам, разгромам. Фашизм есть важнейшее орудие капитала в часы высшего обострения гражданской войны. Другое его орудие—социал-демократия. В решающий момент она мобилизует все свои силы, чтобы помешать натиску пролетариата на буржуазное государство. Осуждая фашизм в длинных и бесплодных речах, укоряя буржуазию за ее жестокость, она в то же время заклинает рабочих воздерживаться от „ужасов гражданской войны“, обманывает, льстит, усыпляет, отравляет сознание, парализует волю, духовно разоружает пролетариат и, в конце концов, выдает его фашистам. Так было в Венгрии. Так было в Италии. Так было в Германии.

Когда буржуазия убеждается, что революционный натиск снова отбит сочетанием усилий фашизма и социал-демократии, тогда она считает своевременным восстановить менее кровавый, менее провокационный, более нормальный, т.-е. прикрытый лохмотьями легальности, режим. И мы наблюдаем широкую смену декораций. Вчера еще авансцену занимали фашисты—с револьвером, кинжалом, зажженным фитилем, а социал-демократы свою подсобную работу выполняли за кулисами; сегодня, когда непосредственная опасность кажется миновавшей, буржуазия торопится фашистов увести за сцену и выводит из-за кулис на переднее место радикалов, реформистов, меньшевиков—апостолов легальности, демократии и мира. Буржуа говорит меньшевику: твои фашистские двоюродные братья не соблюли необходимой меры; нужно сгладить и смягчить последствия их работы; нужно замыть слишком яркие кровавые следы, нужно пролить бальзам утешения на зияющие раны; нужно пробудить в наиболее удрученных сердцах новые надежды или старые иллюзии, иначе безнадежность перейдет в отчаяние, а отчаяние—в революционное возмущение. Вот почему и вот для чего у власти ставятся или к власти приближаются Макдональды, Блюмы, Стаунинги, Вандервельды, Шейдеманы и Вельсы.

Милитаризм тем временем автоматически продолжает свою работу: при правительстве Макдональда воздвигаются новые крейсера, расширяется строительство танков, растет военный воздушный флот, умножаются химические средства войны. Для чего это? Не для борьбы ли английского пролетариата против капитала? Нет, для поддержания власти английского капитала над Индией, Египтом, над Ирландией и над английским пролетариатом. Не поступаясь ничем в пользу трудящихся, буржуазия укрепляет свою воздушную военную машину руками меньшевиков, французское министерство Эррио, опирающееся на социалистов, продолжает военную и международную политику Мильерана—Пуанкаре. Когда мы, коммунисты, утверждали, что ответственность за оккупацию Рура ложится не только на буржуазию, но и на социал-демократию, меньшевики протестовали. Теперь весь мир видит, что оккупация Рура сохраняется лишь в результате сделки между Эррио, Мак-

доналыдом, Блюмом, Вандервельде, Эбертом и Вельсом. На наших глазах Второй Интернационал стал Интернационалом рурской оккупации.

Консерваторы, фашисты, радикалы и меньшевики приходят и уходят, а милитаризм остается. Он восстанавливает и умножает свои запасы, он совершенствует свои орудия, он строит новые планы, он пережидает, пока в памяти народов сгладятся наиболее жгучие воспоминания о последней войне, пока социал-демократии удастся примирить заново рабочие массы с мыслью о незыблемости буржуазного государства. Тогда он снова сможет выйти открыто на дорогу мировых разбоев. Тогда пробьет час новой империалистской войны.

III.

Причины и поводы для новой войны с железной необходимостью вытекают из последней войны и версальского мира. Правящие классы Франции все сильнее чувствуют, что созданный ими в Европе режим террора не может длиться долго. Французский буржуа, и реакционный и радикальный, одинаково боится немецкого реванша и в то же время вызывает и подготовляет его. С своей стороны, германская буржуазия, идя на соглашение за счет народа, нетерпеливо ждет, когда пробьет час реванша. Европейский и колониальный антагонизм Англии и Франции непрерывно обостряется. Дипломатические сделки и соглашения прикрывают этот процесс, но не ослабляют его. Военная программа обоих союзников, в особенности программа авиационных и химических сил, строится в расчете на грядущую англо-французскую войну. В то время, как Эррио пацифистски воркует с Макдональдом, генеральный штаб Парижа развертывает план будущих авиационных налетов на Лондон, а британский штаб занят разработкой встречного визита.

Второстепенные государства Европы уступают первостепенным в силе, но не в жадности и не в злой воле.

Малые государства, существовавшие уже до войны, утратили последние остатки своей самостоятельности, а новые государства, созданные войною, родились с ядром зависимости на ногах. Средние и мелкие государства сочетаются в различные группировки по указке великих держав. Государства, расположенные в центре европейского континента, тяготеют к Франции, — так же точно, как каторжник тяготеет к тюремщику. Мелкие государства европейского побережья гнут спину перед Англией. Таким образом, даже выбор между двумя хлыстами определяется не свободной волей, а общим положением малых государств. Хрупкость нейтралитета достаточно обнаружена последней войной. Нет сомнения, что новая война с первых же дней своих вовлекла бы в кровавый водоворот большинство мелких держав. Милитаризм стран Малой Антанты, балканских или балтийских государств является вспомогательным ресурсом больших держав и в то же время источником самостоятельной опасности в отношениях мелких государств между собою.

Самый могущественный мировой антагонизм медленно, но упорно прощупывает ту линию, где интересы Великобританской империи сталкиваются с интересами Соединенных Штатов Северной Америки. За последние два года могло казаться, будто между этими гигантами достигнуто прочное соглашение. Но видимость прочности будет сохраняться лишь до тех пор, пока экономический под'ем Северо-Американской республики развертывается, главным образом, на основе внутреннего рынка. Ныне этому явно наступает конец. Аграрный кризис, выросший из разорения Европы, явился предвестником уже надвигающегося торгово-промышленного кризиса. Производительные силы Америки должны искать все более широкого выхода на мировой рынок. Внешняя торговля Соединенных Штатов может развиваться прежде всего за счет торговли Великобритании; американский торговый и военный флот—за счет британского флота. Период англо-американских соглашений должен будет уступить место все возрастающей борьбе, которая, в свою очередь, знаменует военную опасность в невиданных миром размерах.

Антагонизм Японии и Соединенных Штатов сохраняет всю свою напряженность. Японское землетрясение изменило соотношение сил, но не смягчило вражды. Запрещение желтой иммиграции в С. Штаты придает борьбе тихоокеанских империалистов окраску расовой борьбы. В случае схватки между Соединенными Штатами и Великобританией роль японского милитаризма будет несравненно активнее, чем во время прошлой империалистской войны.

Неисчислимые богатства буржуазии Соединенных Штатов представляют ныне вообще могущественнейшую взрывчатую силу мировой обстановки. Временная замкнутость Соединенных Штатов, пытавшихся переварить награбленные богатства, приходит к концу. Североамериканскому капиталу нужно расширение по всем направлениям. Один из его путей ведет на юг. Натиск на Мексику должен усилиться, наряду с дальнейшим проникновением в Южную Америку, вытеснением оттуда европейского капитала и полным ее подчинением. Милитаризм в Соединенных Штатах не только на море, но и на американском континенте примет более активный и наступательный характер.

Рост революционного движения на Востоке, происходивший в течение всего истекшего десятилетия, все больше придает колониальному владычеству империалистских держав характер открытого военного насилия.

Конституционные иллюзии, соглашательские надежды порабощенных масс Индии рушатся. Партии национального либерализма и мелкобуржуазного утопизма сходят на-нет. Революционное движение уходит все глубже, захватывая все более широкие массы. Нужна крепкая, централизованная, революционная партия, которая могла бы овладеть этим движением и нанести британскому империализму смертельный удар.

В разодранном на части Китае империалистские державы установили режим замаскированной военной оккупации через посредство наемных туземных войск. Стремление китайского народа достигнуть об'единения и независимости на каждом шагу наталкивается на сопротивление японского, американского и европейских хищников. Пекинский посланник Макдональда добивается расправы над китайским солдатом, совершившим прогулку по той части города, где дышать воздухом имеют право только белокожие эксплоататоры. Законною ненавистью, еле сдерживаемой злобой трепещут сердца многомиллионных масс Китая. И здесь, как в Индии, в тяжких испытаниях и в повторных попытках сопротивления создается революционная организация, которая призвана освободить Китай от чужеземных и собственных насильников.

Франция, раздвинувшая пределы своих колоний, делает настойчивые попытки расширить источники своего милитаризма, вовлекая не только арабов, но и негров в армию капитала. Военно-обученная цветная масса должна явиться не только резервуаром будущих войн — нет, черные и желтые полки должны стать в руках буржуазии надежным орудием для разгрома пролетарской революции в Европе.

База милитаризма ширится, как и база революции.

IV.

Война и сегодня царит над человечеством в скрытом состоянии. Что такое новое решение вопроса о германских платежах—„план экспертов"—как не применение методов войны к решению основных экономических вопросов? Америка, карманы которой набиты европейским золотом, опирается на военную силу Франции и предписывает Германии определенный хозяйственный режим в наказание за то, что та дала себя победить. Только отпетые шарлатаны могут говорить, будто решение экспертов есть мирное, демократическое, пацифистское решение вопроса. На самом деле Антанта диктует свое решение, приставив браунинг к виску Германии. Нам повторяют, будто возрождение европейского хозяйства мыслимо только путем свободной игры капиталистических сил, желая этим

осудить идею социалистической организации хозяйства. А на деле основной вопрос европейского хозяйства разрешается при помощи непрерывного военного насилия над Германией, которая еще недавно была руководящей капиталистической страной Европы.

Германская буржуазия идет на эту сделку потому, что она рассчитывает—при помощи иностранного капитала и, если понадобится, иностранной вооруженной силы — совладать с германским пролетариатом. Она постепенно забирает его в тиски, вырывая у него последние завоевания революции, удлиняя рабочий день, повышая интенсивность труда, и таким образом хочет заставить немецкого рабочего, в условиях новой техники и концентрации производства, пройти вторично через все тяготы, лишения и бедствия эпохи первоначального накопления. Обессиление и принижение германского пролетариата должно будет служить европейской буржуазии средством держать под страхом немецкой конкуренции рабочий класс остальных стран. Наконец, американский капитал собирается при помощи своих экспертов „контролировать" Европу, т.-е. фактически управлять ею, как отдельные американские магнаты контролируют десятки трестов и железных дорог. Вместе с тем, он рассчитывает при помощи европейских прибылей подкармливать верхушку американского рабочего класса, его аристократию, руководимую самым желтым изо всех изменников, Гомперсом, и беспощадно подавлять десятки миллионов пролетариев, держа их под угрозой новой волны иммиграции из разоряемой Европы.

Этот чудовищный план закабаления европейских трудящихся масс англо-саксонским капиталом через посредство французского милитаризма принят и одобрен партиями II Интернационала. Социалисты Антанты получают, таким образом, ханжески-пацифистское прикрытие для грабительской политики своей буржуазии, с которой они идут нога в ногу. Германская социал-демократия рассчитывает на то, что восстановление твердого капиталистического порядка даст ей победу над коммунистической опасностью. В то же время она получает возможность свое сотрудничество с немецкой буржуазией об'яснять массам необходимостью совместного отпора внешнему давлению. Под крики и вопли о коммунистических заговорах и международной Че-Ка развертывается на наших глазах гигантский заговор капитала против трудящихся Европы и всего мира. Организатором заговора является финансовый капитал, с генеральным штабом в Нью-Йорке и отделением в Лондоне. Важнейшая исполнительная работа возложена на маршалов французской биржи. Истолкователями, защитниками, мелкими адвокатами заговора выступают социал-демократы и амстердамские профессионалисты. Экспертам капитала приходят на помощь эксперты измены.

V.

Спросим снова: что же мешает до сего дня рабочим и крестьянам единодушно встать против губящего их милитаризма?—Международная социал-демократия, меньшевики, Второй Интернационал, бюрократия амстердамского об'единения профсоюзов. Таков главный урок империалистской войны. Таков основной вывод истекшего десятилетия.

Об этом мы, рабочие, организованные в Коммунистический Интернационал, заявляем открыто на весь мир. Мы хотим, чтобы нас услышали трудящиеся всех стран. Мы хотим, чтобы голос наш достиг каждого труженика, каждой труженицы города и деревни. Мы хотим пробудить революционную тревогу в сердцах угнетенных: глядите, буржуазия готовит новую войну, а социал-демократия растлевает вашу мысль, чтобы тем легче продать вас.

Рабочие и работницы! Вслушайтесь, всмотритесь, вдумайтесь. Несколько недель тому назад вожди Амстердамского Интернационала Профсоюзов обсуждали в Вене между собой и вместе с вождями Второго Интернационала вопрос о военной опасности. Организация, во главе которой стоят Вильямсы, Жуо, Грассманы, Макдональды, Эберты, Носке, Вандервельды, вынуждена была заняться вопросом о войне только потому, что опасность войны снова носится в воздухе. И вот мы слышим, как эти господа велеречиво обещают бороться

против войны всеми средствами, вплоть до всеобщей забастовки. Неужели вы поверите этой презренной комедии, в которой те же актеры играют перед вами во второй раз ту же предательскую роль? Ведь на международном с'езде в Базеле, в 1912 году, они куда более торжественно клялись не останавливаться ни перед какими средствами для предотвращения войны, — чтобы стать вскоре затем самыми ревностными и самыми надежными помощниками воюющей буржуазии. После войны они служили капиталу в качестве министров или верных депутатов или патриотических лидеров профессиональных союзов. Они удерживали и удерживают рабочих даже от экономических стачек. Они голосуют за военный бюджет. И они же обещают бороться против войны! Можно ли поверить, что Макдональд, который строит крейсера, танки и самолеты по поручению своей буржуазии на деньги рабочих масс, призовет рабочих к стачке в тот час, когда буржуазия решит пустить в ход построенные Макдональдом самолеты, танки и крейсера? Можно ли поверить, что Вандервельде, помогавший своему королю вести войну и давший свою подпись под Версальским договором, призовет бельгийских рабочих к восстанию в тот час, когда бельгийская буржуазия найдет нужным вмешаться в войну для охраны версальских завоеваний? Можно ли думать и верить, что Блюм и Жуо, вожди патриотического социализма и синдикализма Франции, поддерживающие сегодня рурскую оккупацию, призовут завтра рабочих ко всеобщей стачке, если французской буржуазии для закрепления оккупации придется прибегнуть к силе оружия? Убийца еще не успел отойти от своей жертвы, еще с ножа его каплет кровь, и он торжественно обещает выступить грозным мстителем за совершонное убийство! Где же слепец, где тот безумец, который захочет ему поверить?

Трудящиеся и угнетенные, вглядитесь, вслушайтесь, вдумайтесь! Социал-демократы затевают к десятилетию войны маскарад борьбы за мир, комедию протеста против военной опасности. Они хотят рассеять ваше внимание, усыпить вашу бдительность, чтобы тем вернее связать вас по рукам и ногам и предать в руки милитаризма. Не верьте им, изобличайте их! Спрашивайте их на каждом собрании: если они хотят бороться против войны, зачем вотируют они военный бюджет, зачем голосуют за буржуазное правительство, зачем поддерживают капиталистическое государство?

Опыт десяти лет не должен пройти даром. Мы наблюдали за это время пацифистов, социалистических и буржуазных, во всех частях света: они все стоят друг друга. Разве мы не имели перед собою пацифистов Америки, которые в первые годы войны проливали благочестивые слезы по поводу кровавых нечестивцев Европы, а затем всеми силами помогали Вильсону добивать Европу, чтобы обеспечить возможность капиталистической Америке усиливаться и жиреть за ее счет? Разве мы не видели за работой французских пацифистов, радикалов и социалистов, которые во франкмасонских ложах проповедывали братство всех людей, а после 4 августа 1914 года стали проповедниками разгрома и расчленения Германии? Разве не насмотрелись мы на немецких социал-пацифистов, как Каутский, Гильфердинг и им подобные, которые во все время мира со слезами дожидаются войны, а во время войны с надеждой дожидаются мира. Эти жалкие трусы цеплялись даже за Вильсона, как ныне они цепляются за медоточивую форму империалистических нот Макдональда, который упражняет свой пацифизм на спине Германии. Вместе с французским буржуазным пацифистом Эррио Макдональд восстанавливает контроль Антанты над разоружением Германии, продолжая в то же время увеличивать вооружение Великобритании. Пацифисты стоят за мир во время мира. Они безоговорочно примыкают к своим правительствам во время войны. В международном масштабе они ползают на брюхе перед сильными и помогают им давить слабых. Социалистические пацифисты в конец развращены этим десятилетием войн и революционных потрясений. От их прежней наивности не осталось и следа. Ныне — это прожженные дельцы, неразрывно связанные с правящей финансовой и военной кликой каждой страны и сознательно пользующиеся пацифистской фразой для обмана простаков.

Главным полем действия пацифистов является ныне борьба против революции и, в частности, против Красной армии. Пацифисты — против революционного насилия, против восстания, против гражданской войны. Но буржуазия вооружена, а рабочий — безоружен. Борясь против вооружения рабочих, пацифисты поддерживают капиталистический милитаризм и тем самым расчищают путь будущим войнам. Тем отвратительнее их ссылки на гуманность и культуру. Когда обличают пацифистов в том, что они поддерживают милитаризм своей буржуазии, они отвечают неизменно ссылкой на Красную армию. Они хотят этим сказать, что существование Красной армии, созданной трудящимися России для обороны от империализма, оправдывает вооружение капиталистических государств с целью мирового хищничества и подавления революции. Пацифисты молчали, когда вооруженные отряды Франции, Англии, Соединенных Штатов и др. стран оккупировали Одессу, Мурманск, Архангельск, Владивосток. Зато они возмущались насилием, которое революция применяла против угнетателей. Пацифисты ссылаются ныне на то, что военные интервенции прекратились и что одно буржуазное государство за другим видит себя вынужденным признать Советскую Республику. Было бы, однако, величайшей глупостью думать, будто военной опасности для государства рабочих и крестьян более не существует. Рост коммунистических партий укрепляет международное положение Советского Союза, но, с другой стороны, тревожит и ожесточает империалистов. В известный момент, когда революционная опасность снова обнаружится более непосредственно, она может толкнуть их на путь грандиозной военной интервенции. Мы видели недавно, как германские власти, ожесточенные коммунистической опасностью, поставили на карту отношения между Германией и Советской Республикой. Это служит предзнаменованием для всего дальнейшего развития. Между капиталистическим миром и Республикой Советов возможны соглашения, но не примирение. Как правительства Макдональда и Эррио должны будут в известный момент снова уступить свое место более открытой и решительной реакции, так и договоры капиталистических стран с Советским Союзом могут и должны будут в известный момент пресечься новыми интервенциями. Вот почему Красная армия и Красный флот необходимы. Они ограждают величайший плацдарм мировой революции. Если бы Советская Республика пала, дело буржуазии было бы выиграно на многие десятки лет. Наступлению капитала на пролетариат не было бы преград. Но этого не будет, ибо рабочие и крестьяне Советского Союза вооружены, Красная армия — щит угнетенных и меч восставших!

VI.

В то время, как производительные силы Европы резко задержаны в своем развитии, военная техника неутомимо продолжает свою работу. Создаются орудия небывалой дальнобойности. Пулеметы и автоматы повышают силу огня пехоты во много раз. Ядовитые газы отодвигают динамит на второй план. Авиация в сочетании с химией чудовищно расширяет район истребительного действия войны. Различие между армией и мирным населением стирается. Береговые укрепления и островное положение уже более не ограждают. Мощные человеческие скопления, как Париж, как Лондон, открыты поражению сверху. Ужасы последней войны кажутся бледными зарницами перед молниями грядущей грозы. Все техническое могущество капиталистического общества и все его социальное варварство, безвыходность его противоречий, ожесточение его правящих классов друг против друга и всех вместе против пролетариата — принимают вид необ'ятной массы отравляющих и взрывчатых веществ, которые грозят обрушиться на голову злосчастного человечества. Новая война означала бы, прежде всего, массовое разорение крестьян и фермеров, обезлюдение и запустение деревень, превращение земель, культивированных долгим рядом крестьянских поколений, в пустыри и кладбища. Для Европы в целом она означала бы гибель культуры, крушение всех освободительных надежд, за которые уже билось несколько поколений пролетариата.

Все, что творится ныне в человеческом обществе — в области хозяйства, политики, науки, искусства — отступает на задний план перед гигантской задачей — помешать во что бы то ни стало новой войне и тем спасти человечество от вырождения и гибели. Сделать это могут только трудящиеся под руководством революционного пролетариата. Никакие репрессии, никакие силы милитаризма не справятся, если пролетариат единым фронтом поднимется против войны. Машины убийства мертвы, пока их не приводит в движение человек. В подавляющем большинстве своем этот человек — рабочий или крестьянин. Это вы—трудящиеся! От вас зависит судьба войны, следовательно, и ваша собственная судьба!

Борьбу против милитаризма нельзя откладывать до того часа, когда война разразится, ибо тогда будет поздно. Борьбу против войны нужно вести теперь же, немедленно, изо-дня в день. Первое условие такой борьбы — отказать капиталистическому государству в бюджете, в доверии, в поддержке. Тот социалист, который вступает в буржуазное министерство, тот депутат, который помогает буржуазии взимать налоги или привлекать рабочих и крестьян на военную службу — предатель и изменник. Ему не может быть места в рядах рабочего класса. Нужно гнать из профсоюзов таких вождей, которые прямо или косвенно помогают милитаризму, оправдывают его, солидаризируются с ним. Нужно очистить пролетарские организации от политических штрейкбрехеров. Нужно напоминать всем трудящимся мужчинам и женщинам о том, как была подготовлена последняя война и как социал-демократы помогали генералам империализма четыре года истреблять рабочих и крестьян. Нужно неутомимо обращаться к молодежи города и деревни. Нужно, чтобы нечеловеческие страдания отцов и старших братьев во время империалистической войны превратились у рабочей и крестьянской молодежи в жгучую ненависть к виновникам войны. Нужно, чтобы молодежь входила в капиталистические армии с внутренней готовностью направить оружие не против братьев-пролетариев, а против классового врага—буржуазии. Нужно неутомимо разрушать ту искусственную стену, которая возводится между армией и рабочим классом. Нужно поддерживать связь с казармой. Нужно, чтобы слова правды доходили до каждого солдата Нужно об'единять сознательных солдат в небольшие группы. Нужно создавать революционные организации на железных дорогах из наиболее преданных и мужественных пролетарских борцов. Нужно обратить особое внимание на военные заводы. На каждом из них должны быть крепкие боевые ячейки. способные в решительный момент повести за собой всю рабочую массу. Буржуазия не боится ни пацифистских проповедей, ни социал-демократических угроз всеобщей забастовкой. Зато буржуазия трепещет от ненависти и страха при вести о каждой мелкой нелегальной ячейке на железных дорогах, на военных заводах и особенно в армии и флоте. Буржуазия знает, что не одни рабочие и крестьяне, но и солдаты не хотят войны, и что только их разобщенность и неуверенность в себе вынуждают их идти покорно на бойню. Буржуазия знает, что небольшое, но крепкое ядро в каждом полку может сыграть решающую роль в решающий момент. Вот почему всякое капиталистическое правительство, под любой демократической вывеской, беспощадно преследует подлинно революционную работу, и вот почему долгом каждого революционера является удвоить и удесятерить свои усилия на этом пути. Только та партия действительно борется против войны, которая изо-дня в день ведет непримиримую борьбу против буржуазии, та партия, которая сплачивает трудящихся в этой борьбе, которая учит ненавидеть государство капитала, которая закаляет массы этой ненавистью, которая готовит для борьбы необходимые силы и средства, которая создает для революции опорные пункты в казарме. Такой руководящей силой является коммунистическая партия каждой страны. Боевая совокупность этих партий составляет Коммунистический Интернационал. Мы, делегаты этого Интернационала, собравшись в пятый раз на свой мировой конгресс в Москве, освобожденной усилиями рабочих и крестьян, обращаемся к вам, трудящиеся всего мира, с этим нашим словом напоминания, предостережения и призыва!

Победить можно, только желая победы и веря в победу. Победить можно, лишь сплотившись вокруг партии, которая хочет и может вести к победе.

Трудящиеся! Пусть вопрос войны станет оселком, на котором вы будете испытывать верность партий и вождей. Поистине, довольно трудящихся морочили словами, фразами, посулами, звонкой ложью демагогии. Требуйте дела, проверяйте на фактах. Долой шарлатанов пацифизма, которые во время мира ведут словесную войну против войны, а при первом пушечном залпе превращаются в шовинистских шакалов. Долой тех социалистов, которые в газетах и на собраниях обличают гнет буржуазии, а во все трудные для буржуазии дни являются лучшей ее опорой. Долой тех желтых профессионалистов Амстердама, которые получают свои директивы у буржуазных министров и у магнатов капитала. Долой предателей, голосующих за буржуазный бюджет, помогающих строить капиталистические армии, охраняющих буржуазное государство, поддерживающих колониальное рабство и тем подготовляющих новые войны. Долой меньшевистских вождей политических и профессиональных организаций. Гоните их прочь, обличайте их, бойкотируйте, изгоняйте из рядов рабочего класса. Вглядывайтесь зорко, сравнивайте, не верьте словам, проверяйте на деле,—и вы убедитесь, что есть одна лишь партия, готовая вести вас в бой и способная обеспечить победу· это коммунистическая партия. Глядите на Россию: в этой отсталой стране, раскинувшейся на необ'ятных пространствах, созданная гением Ленина революционная партия сумела не только опрокинуть свою буржуазию, но и отстоять власть трудящихся от бесчисленных врагов. Среди величайших трудностей, вызываемых отсталостью страны, низким уровнем культуры и грандиозностью разрушений, произведенных двумя последовательными войнами, рабочие и крестьяне воздвигают кирпич за кирпичем здание социалистического общества.

Вы, пролетарии Европы и Америки, могли бы совершить на этом пути дела несравненно большие, чем пролетариат России, ибо вы многочисленнее и ваши страны богаче. Для того, чтобы стать несокрушимой силой, вам нужно лишь понять вашу силу и суметь применить ее. Этому вас учит международная коммунистическая партия. Следуйте за ней.

И вы, разоряемые и угнетаемые крестьяне, примыкайте к нашему великому союзу. Созданный в прошлом году Крестьянский Интернационал полностью и целиком отдает свои силы борьбе против милитаризма и опасности новой войны.

Крестьяне Европы! Фермеры Америки! Пахари всего мира! О судьбе вашего хозяйства, о головах ваших сынов идет дело. Поднимайтесь, об'единяйтесь, примыкайте к революционному рабочему классу! Другого пути, другого спасенья для вас нет.

Женщины, сестры и матери—менее заметно, менее чем мужчины, но не менее тяжко—несут на себе чудовищное бремя милитаризма и войны. Разрушая рабочую семью, подрывая крестьянское хозяйство, четырехлетняя война превратила трудовую женщину во вьючное животное капитала. В сердцах матерей, жен и сестер бойня оставила страшные рубцы. После всего, что трудящаяся женщина испытала за эти годы, она должна быть в первых рядах борьбы против войны и капитала.

Работницы! Крестьянки! Ваше место—с нами, мы ждем и призываем вас.

Революционное просвещение колониальных народов становится вопросом жизни и смерти для пролетариата. Если буржуазия стремится угнетением колоний поддержать и увековечить угнетение пролетариата, то мы должны с своей стороны восстание колоний призвать на помощь восстанию пролетариата.

Национальные и расовые предрассудки суть продукт рабства и питают рабство. Шовинистическое настроение, явное или скрытое, является лучшей опорой милитаризма и верным средством для подготовки будущих войн. Надо об'явить беспощадную борьбу национальным предрассудкам и расовому высокомерию. Не только прямая вражда, издевательство, ироническое отношение, но и покровительственно-снисходительный тон белых по отношению к желтым или черным, должны сурово караться общественным мнением

трудящихся, как отвратительное нарушение солидарности, как злостное штрейкбрехерство. Нужно, чтобы борьба классов не затемнялась и не искажалась шовинизмом. Нужно научить колониального труженика видеть в белом рабочем своего брата. А для этого белый пролетарий должен научиться по-братски относиться к цветному населению колоний.

Пролетарий Европы! Больше внимания вопросу о колониях, больше сил для революционной работы в колониях. Оттуда, где буржуазия хочет найти свою надежную опору, должен быть нанесен ей один из величайших ударов.

Труженики колоний! Рабы империализма! Наши братья! Пробуждайтесь к борьбе и независимости. Коммунистический Интернационал с вами.

* * *

Ближайшей, очередной, неотложной задачей нашей в борьбе против войны является в настоящий момент борьба против того заговора капиталистических насильников, который носит невинное название плана экспертов. И здесь, как везде, первый удар должен быть нанесен социал-демократии. Она пугает рабочих грозной силой Америки, она требует от них подчинения и покорности, она предрекает Европе и, прежде всего, Германии гибель, если та выйдет из подчинения американскому капиталу. Мы же, коммунисты, говорим трудящимся Европы: наше спасение в непримиримой войне против плана экспертов, его проводников и защитников. Надо убрать с пути социал-демократию, надо опрокинуть буржуазию, надо взять в свои руки власть, надо об'единить европейское хозяйство, надо направить его по социалистическому пути. Если Советская Россия могла в течение ряда лет победоносно отстаивать себя от капиталистической Европы и Америки, вместе взятых, то тем вернее будет победа пролетариата Европы, если он, овладев властью, об'единит европейские государства в Советскую Федерацию, в Рабоче-Крестьянские Соединенные Штаты Европы. Этим будет не только спасена европейская культура от упадка и гниения, не только будут обеспечены свобода и самостоятельность колониальных и полуколониальных стран, но и нанесен будет смертельный удар мировому самодержавию американского капитала. Революционное движение в Америке получит гигантский размах. Европейская социалистическая федерация станет, таким образом, краеугольным камнем мировой социалистической республики. Только с того времени человечество получит возможность мыслить и действовать по-человечески, мировое хозяйство будет организовано на началах солидарности и разума, мировые связи превратятся в братский обмен материальными и духовными благами между отдельными материками и народами. Войны отойдут в прошлое, ибо для них не будет более причин. Армии исчезнут вместе с войнами. Все усилия людей будут направлены на обогащение нашей планеты, на улучшение и украшение человеческой жизни.

Такова задача Коммунистического Интернационала,—грандиозная, но осуществимая. Путь ее осуществления указан Марксом и Лениным. Это—путь суровой борьбы в каждой стране против национальной буржуазии, это путь сочетания борьбы пролетариата разных стран во имя захвата власти и установления диктатуры пролетариата. Кто говорит, что есть другие пути—тот лжет вам. Коммунистический Интернационал служит делу пролетариата тем, что говорит ему правду. Пусть эта правда звучит повсюду, как набатный колокол революционной борьбы.

Против войны, против буржуазии, против социал-предателей,—за всемирную революцию, за диктатуру пролетариата, за коммунизм!

Президиум Пятого Всемирного Конгресса Коммунистического Интернационала:

Зиновьев, Клара Цеткин, Сталин, Бухарин, Троцкий, Браун, Гебгард, Трейн, Селье, Бордига, Шмераль, Муна, Шефло, Коларов, Краевский, Катаяма, Рой, Стюарт, Дэни, Вайнкоп.

Н. Ленин.

Положение и задачи Социалистического Интернационала *).

Тяжелее всего в теперешнем кризисе—победа буржуазного национализма, шовинизма над большинством официальных представителей европейского социализма. Не даром буржуазные газеты всех стран то издеваются над ними, то снисходительно похваливают их. И нет задачи важнее для того, кто хочет оставаться социалистом, как выяснение причин социалистического кризиса и анализ задач Интернационала.

Есть люди, которые боятся признать ту истину, что кризис, вернее крах, II Интернационала есть крах оппортунизма.

Ссылаются на единодушие, напр., французских социалистов, на полную будто бы перестановку старых фракций в социализме по вопросу об отношении к войне. Но эти ссылки неправильны.

Защита сотрудничества классов, отречение от идей социалистической революции и от революционных методов борьбы, приспособление к буржуазному национализму, забвение исторически преходящих границ национальности или отечества, превращение в фетиш буржуазной легальности, отказ от классовой точки зрения и классовой борьбы из боязни оттолкнуть от себя „широкие массы населения" (читай: мелкую буржуазию)—таковы, несомненно, идейные основы оппортунизма. Именно на этой почве и выросло теперешнее шовинистское, патриотическое настроение большинства вождей II Интернационала. Фактическое преобладание оппортунистов среди них давно отмечалось с самых различных сторон, различными наблюдателями. Война лишь вскрыла особенно быстро и остро действительные размеры этого преобладания. Что необычайная острота кризиса вызвала ряд перетасовок в старых фракциях,—это не удивительно. Но в общем и целом эти перетасовки коснулись только личностей. Направления внутри социализма остались прежние.

Среди французских социалистов нет полного единодушия. Сам Вайян, ведущий шовинистскую линию вместе с Гэдом, Плехановым, Эрве и др., вынужден признать, что он получает ряд писем от протестующих французских социалистов, указывающих, что война есть империалистская война, что французская буржуазия не менее других повинна в ней. Не надо забывать, что такие голоса заглушает не только восторжествовавший оппортунизм, но и военная цензура. У англичан группа Гайндмана (английские с.-д.—„Британская Соц. Партия") вполне скатилась к шовинизму, как и большинство полулиберальных вождей трэд-юнионов. Отпор шовинизму дает Макдональд и Кейр-Гарди из оппортунистической „Независимой Рабочей Партии". Это—действительно исключение из правила. Но некоторые революционные с.-д., давно боровшиеся с Гайндманом, вышли теперь из рядов „Бр. Соц. Партии". У немцев картина ясна: оппортунисты победили, они ликуют, они „в своей тарелке". „Центр" с Каутским во главе скатился к оппортунизму и защищает его особенно лицемерными, пошлыми и самодовольными софизмами. Из среды революционных с.-д. раздаются протесты—Меринга, Паннекука, К. Либкнехта, ряда безыменных голосов Германии и немецкой Швейцарии. В Италии тоже ясна группировка: крайние оппортунисты, Биссолати и К° за „отечество", за Гэда—Вайяна—Плеханова—Эрве. Революционные с.-д. („соц. партия") с „Avanti" во главе борется с шовинизмом и разоблачает буржуазно-корыстный характер призывов к войне, встречая поддержку огромного большинства передовых рабочих. В Рос-

*) Статья является первым печатным откликом В. И-ча на происшедшие события и напечатана в № 33 „Социал-Демократа" 1 ноября 1914 года. *Ред.*

сии крайние оппортунисты из лагеря ликвидаторов уже подняли свой голос в защиту шовинизма на рефератах и в печати. П. Маслов и Е. Смирнов защищают царизм под предлогом защиты отечества (Германия, видите ли, грозит „силой меча“ навязать „нам“ торговые договоры, тогда как царизм, должно быть, не силой меча, кнута и виселицы душил и душит экономическую, политическую и национальную жизнь 9/10 населения) и оправдывают вступление социалистов в буржуазно-реакционные министерства и голосование сегодня за военные кредиты, завтра за новые вооружения. К национализму скатился Плеханов, прикрывая свой русский шовинизм французофильством, и Алексинский. Мартов, если судить по парижскому „Голосу“, держится всех приличней из этой компании, давая отпор шовинизму и германскому, и французскому, восставая и против „Vorwärts'a“, и против г. Гайндмана, и против Маслова, но боясь об'явить решительную борьбу всему международному оппортунизму и его „влиятельнейшему“ защитнику, „центру“ немецкой с.-д. партии. Попытки представить волонтерство, как осуществление социалистических задач (см. декларацию группы волонтеров в Париже, соц.-дем. и соц.-рев., а также польских с.-д., Ледера и др.), встретили защиту только Плеханова. Большинство парижской секции нашей партии осудило попытки эти. Позицию ЦК нашей партии читатели видят из передовой статьи настоящего номера. К истории того, как сложилась формулировка взглядов нашей партии, мы должны—во избежание недоразумений—установить следующие факты: группа членов нашей партии, преодолевая громадные трудности восстановления организационных связей, прерванных войной, выработала сначала „тезисы“ и 6—8 сентября нов. стиля пустила их в обращение между товарищами. Затем она передала их через швейцарских с.-д. двум членам итало-швейцарской конференции в Лугано (27 сент.). Только в половине октября удалось восстановить связи и сформулировать точку зрения ЦК партии. Передовая статья этого номера есть окончательная редакция „тезисов“.

Таково, вкратце, положение дел в европейской и российской с.-демократии. Крах Интернационала налицо. Полемика в печати между французскими и немецкими социалистами окончательно доказала это. Не только левые с.-д. (Меринг и „Brem. Bürg. Ztg.“), но и умеренные швейцарские ограны („Volksrecht“) признали это. Попытки Каутского затушевать этот крах—трусливая увертка. И этот крах есть именно крах оппортунизма, оказавшегося в плену у буржуазии.

Позиция буржуазии ясна. Не менее ясно и то, что оппортунисты просто повторяют слепо ее доводы. К сказанному в передовице остается разве добавить простое указание на издевательские речи „Neue Zeit“, будто интернационализм состоит как раз в стрельбе рабочих одной страны против рабочих другой во имя защиты отечества.

Вопрос об отечестве—ответим мы оппортунистам—нельзя ставить, игнорируя конкретно-исторический характер данной войны. Эта война империалистическая, т.-е. война эпохи наиболее развитого капитализма, эпохи конца капитализма. Рабочий класс должен сначала „устроиться в пределах наций“, говорит „Ком. Манифест“, указывая при этом границы и условия нашего признания национальности и отечества, как необходимых форм буржуазного строя, а, следовательно, и буржуазного отечества. Оппортунисты извращают эту истину, перенося то, что верно по отношению к эпохе возникновения капитализма, на эпоху конца капитализма. А об этой эпохе, о задачах пролетариата в борьбе за разрушение не феодализма, а капитализма ясно и определенно говорит Карл Маркс: „рабочие не имеют отечества“. Понятно, почему оппортунисты боятся признать эту истину социализма, боятся даже в большинстве случаев открыто посчитаться с ней. Социалистическое движение не может победить в старых рамках отечества. Оно творит новые, высшие формы человеческого общежития, когда законные потребности и прогрессивные стремления трудящихся масс всякой национальности будут впервые удовлетворены в интернациональном единстве при условии уничтожения теперешних национальных перегородок. На попытки современной буржуазии разделить и раз'единить рабочих посредством ссылок на „защиту

отечества" сознательные рабочие ответят новыми и новыми, повторными и повторными попытками установить единство рабочих разных наций в борьбе за свержение господства буржуазии всех наций.

Буржуазия одурачивает массы, прикрывая империалистический грабеж старой идеологией „национальной войны". Пролетариат разоблачает этот обман, провозглашая лозунг превращения империалистической войны в гражданскую войну. Именно этот лозунг намечен Штутгартской и Базельской резолюциями, которые как раз предвидели не войну вообще, а именно теперешнюю войну, и которые говорили не о „защите отечества", а об „ускорении краха капитализма", об использовании для этой цели кризиса, создаваемого войной, о примере Коммуны. Коммуна была превращением войны народов в гражданскую войну.

Такое превращение, конечно, не легко и не может быть произведено „по желанию" отдельных партий. Но именно такое превращение лежит в об'ективных условиях капитализма вообще, эпохи конца капитализма в особенности. В этом направлении, и только в этом направлении, должны вести свою работу социалисты. Не вотировать военных кредитов, не потакать шовинизму „своей" страны (и союзных стран), бороться в первую голову с шовинизмом „своей" буржуазии, не ограничиваться легальными формами борьбы, когда наступил кризис и буржуазия сама отняла созданную ею легальность,—вот та линия работы, которая ведет к гражданской войне и приведет к ней в тот или иной момент всеевропейского пожара.

Война не случайность, не „грех", как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма капиталистической жизни, как и мир. Война наших дней есть народная война. Из этой истины следует не то, что надо плыть по „народному" течению шовинизма, а то, что и в военное время, и на войне, и по военному продолжают существовать и будут проявлять себя классовые противоречия, раздирающие народы. Отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн. Пропаганда классовой борьбы и в войне есть долг социалиста; работа, направленная к превращению войны народов в гражданскую войну, есть единственная социалистическая работа в эпоху империалистического вооруженного столкновения буржуазии всех наций. Долой поповско-сантиментальные и глупенькие воздыхания о „мире во что бы то ни стало"! Поднимем знамя гражданской войны. Империализм поставил на карту судьбу европейской культуры: за данной войной, если не будет ряда успешных революций, последуют вскоре другие войны—сказка о „последней войне" есть пустая вредная сказка, мещанская „мифология" (по верному выражению „Голоса"). Пролетарское знамя гражданской войны не сегодня, так завтра,—не во время теперешней войны, так после нее,—не в эту, так в ближайшую следующую войну, соберет вокруг себя не только сотни тысяч сознательных рабочих, но и миллионы одураченных ныне шовинизмом полупролетариев и мелких буржуа, которых ужасы войны будут не только запугивать и забивать, но и просвещать, учить, будить, организовывать, закалять и подготовлять к войне против буржуазии и „своей" страны, и „чужих" стран.

II Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от „перебежчиков" (как желает „Голос"), но и от оппортунизма III Интернационал!

II Интернационал выполнил свою долю полезной подготовительной работы по предварительной организации пролетарских масс в долгую „мирную" эпоху самого жестокого капиталистического рабства и самого быстрого капиталистического прогресса последней трети XIX и начала XX века. III Интернационалу предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства, для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма!

Г. Зиновьев.

Война и ленинизм.

(К десятилетию империалистической войны).

Отношение к войне является одной из важнейших сторон того учения, которое называется ленинизмом. Принципиальное отношение к войне, конкретная оценка каждой данной войны, взгляд на соотношение войн и революций, различие между наступательной и оборонительной войной, классификация войн по различным историческим типам, взгляд на защиту отечества, отношение к пацифизму, отношение к поражению „своего“ правительства в империалистской войне,—во всех этих проблемах ленинизм сказал свое слово. В оценке некоторых из этих проблем ленинизм поднялся до высшего своего пункта.

Непосредственно перед созывом Циммервальдской конференции, приблизительно к первой годовщине империалистской войны, вышла брошюра Ленина и Зиновьева „Социализм и война“. Брошюра эта, целиком вдохновленная В. И. Лениным и в главной своей части им самим написанная, обрисовала отношение ленинизма к войне с наибольшей сжатостью и ясностью.

Отношение социалистов к войнам.

Социалисты всегда осуждали войны между народами, как варварское и зверское дело. Но наше отношение к войне принципиально иное, чем буржуазных пацифистов (сторонников и проповедников мира) и анархистов. От первых мы отличаемся тем, что понимаем неизбежную связь войн с борьбой классов внутри страны, понимаем невозможность уничтожить войны без уничтожения классов и создания социализма, а также тем, что мы вполне признаем законность, прогрессивность и необходимость гражданских войн, т.-е. войн угнетенного класса против угнетающего, рабов против рабовладельцев, крепостных крестьян против помещиков, наемных рабочих против буржуазии. И от пацифистов и от анархистов мы, марксисты, отличаемся тем, что признаем необходимость исторического (с точки зрения диалектического материализма Маркса) изучения каждой войны в отдельности. В истории неоднократно бывали войны, которые, несмотря на все ужасы, зверства, бедствия и мучения, неизбежно связанные со всякой войной, были прогрессивны, т.-е. приносили пользу развитию человечества, помогая разрушать особенно вредные и реакционные учреждения (напр., самодержавие или крепостничество), самые варварские в Европе деспотии (турецкую и русскую). Поэтому надо рассмотреть исторические особенности именно теперешней войны.

Исторические типы войн нового времени.

Новую эпоху в истории человечества открыла великая французская революция. С этих пор и до Парижской Коммуны, с 1789 г. до 1871 г., одним из типов войн были войны буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера. Другими словами, главным содержанием и историческим значением этих войн было свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета. Поэтому-то были прогрессивные войны, и все честные революционные демократы, а также все социалисты при **таких** войнах всегда сочувствовали успеху той стороны (т.-е. той буржуазии), которая содействовала свержению или подрыву самых опасных устоев феодализма, абсолютизма и угнетения чужих народов. Напр., в революционных войнах Франции был элемент грабежа и завоевания чужих земель французами, но это нисколько не меняет основного исто-



Г. Е. Зиновьев.

рического значения этих войн, которые разрушили и потрясли феодализм и абсолютизм всей старой, крепостнической Европы. Во франко-прусской войне Германия ограбила Францию, но это не меняет основного исторического значения этой войны, освободившей десятки миллионов немецкого народа от феодального раздробления и угнетения двумя деспотами—русским царем и Наполеоном III.

Различие между наступательной и оборонительной войной.

Эпоха 1789—1871 гг. оставила глубокие следы и революционные воспоминания. До свержения феодализма, абсолютизма и чуженационального гнета не могло быть и речи о развитии пролетарской борьбы за социализм. Говоря о законности „оборонительной" войны по отношению к войнам *такой* эпохи, социалисты всегда имели в виду именно эти цели, сводящиеся к революции против средневековья и крепостничества. Социалисты всегда понимали под „оборонительной" войной „*справедливую*" в этом смысле войну (В. Либкнехт однажды так и выразился). *Только в этом смысле социалисты признавали и признают сейчас „законность, прогрессивность, справедливость „защиты отечества" или „оборонительной" войны.* *Напр., если бы завтра Марокко об'явило войну Франции, Индия—Англии, Персия или Китай—России* (писалось в 1915 году) и т. п., *это были бы „справедливые", „оборонительные" войны, независимо* от того, кто первый напал, и всякий социалист сочувствовал бы победе угнетаемых, зависимых, неполноправных государств против угнетательских, рабовладельческих, грабительских „великих" держав.

Но представьте себе, что рабовладелец, имеющий 100 рабов, воюет с рабовладельцем, имеющим 200 рабов, за более „справедливый" передел рабов. Ясно, что применение к подобному случаю „оборонительной" войны или „защиты отечества" было бы исторической фальшью и практически, просто, обманом простонародья, мещанства, темного люда ловкими рабовладельцами. Именно так и обманывает народы посредством „национальной" идеологии и понятия защиты отечества теперешняя империалистическая буржуазия в современной войне между рабовладельцами за укрепление и усиление рабства.

Война 1914—18 гг. есть империалистская война.

Почти все признают теперешнюю войну (писалось в 1915 году) империалистской, но большей частью искажают это понятие или применяют его к одной стороне, или подсовывают все же возможность того, чтобы эта война имела буржуазно-прогрессивное, национально-освободительное значение. Империализм есть высшая ступень развития капитализма, достигнутая в XX веке. Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма. Капитализм настолько развил концентрацию, что целые отрасли промышленности захвачены синдикатами, трестами, союзами капиталистов-миллиардеров, и почти весь земной шар поделен между этими „владыками капитала", в форме ли колоний или посредством запутывания чужих стран тысячами нитей финансовой эксплоатации. Свободную торговлю и конкуренцию сменили стремления к монополии, к захвату земель для приложения капитала, для вывоза сырья и т. д. Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций. Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами, и даже десятилетиями, переживать вооруженную борьбу „великих" держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода.

С такой же классической ясностью ленинизм отвечал на вопрос о том, что такое социал-шовинизм.

Что такое социал-шовинизм.

Социал-шовинизм есть защита идеи „обороны отечества" в данной войне. Из этой идеи вытекает, далее, отказ от классовой борьбы во время войны, вотирование военных кредитов и т. п. На деле социал-шовинисты проводят антипролетарскую, буржуазную политику, ибо на деле отстаивают они не „оборону отечества" в смысле борьбы с чуженациональным гнетом, а „право" тех или иных „великих" держав грабить колонии и угнетать чужие народы. Социал-шовинисты повторяют буржуазный обман народа, будто война ведется из-за защиты свободы и существования наций, и тем переходят на сторону буржуазии против пролетариата. К социал-шовинистам принадлежат как те, которые оправдывают и прикрашивают правительства и буржуазию одной из воюющих групп держав, так и те, кто, подобно Каутскому, признают одинаковое право социалистов во всех воюющих державах „защищать отечество". Социал-шовинизм, будучи на деле защитой привилегий, преимуществ, грабежей и насилий „своей" (или всякой вообще) империалистской буржуазии, представляет из себя полную измену всем социалистическим убеждениям и решению Международного Социалистического Конгресса в Базеле.

И отсюда ленинизм делал вывод: социал-шовинизм есть законченный оппортунизм. Единство с оппортунистами есть союз рабочих со „своей" национальной буржуазией и раскол интернационального рабочего класса...

Особенно доставалось ленинизму за его „пораженчество". Даже иные интернационалисты, доходя до этого пункта, поворачивались спиной к большевизму и лицом к социал-шовинизму. А учение ленинизма, оставаясь и тут верным себе, говорило:

„Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своего правительства, не может не видеть связи его военных неудач с облегчением низвержения его. Только буржуа, верящий, что война, начатая правительствами, несомненно, кончится, как война между правительствами, и желающий этого, находит „смешной" или „нелепой" идею о том, чтобы социалисты всех воюющих стран выступили с пожеланием поражения всем „своим" правительствам. Напротив, именно такое выступление соответствовало бы затаенным мыслям всякого сознательного рабочего и лежало бы по линии нашей деятельности, направленной к превращению империалистской войны в гражданскую... Социалисты должны раз'яснять массам, что для них нет спасения вне революционного низвержения „своих" правительств и что затруднения этих правительств в теперешней войне надо использовать именно для этой цели".

Превращение империалистской войны в гражданскую — таков был основной лозунг ленинизма в эпоху первой всемирной империалистской войны. Защитить последовательно и до конца этот лозунг можно было только ступив обеими ногами на почву так-называемого пораженчества.

Ненавидя всей душой империалистскую войну, ленинизм в то же самое время видел, что война эта вкладывает винтовку в руки миллионов и миллионов трудящихся. Высмеивая сладенький пацифизм, Ленин звал народ воспользоваться тем, что оружие находится в руках трудящихся, звал повернуть это оружие против буржуазии, звал к революции.

И в то же время ленинизм еще в разгар империалистской войны подчеркивал, что коммунисты ни в коем случае не отвергают защиту отечества в тот момент, когда это отечество становится социалистическим, пролетарским. В тезисах 1915 г., т.-е. еще за два слишком года до перехода власти к большевикам, в момент, когда большевизм был еще гонимым политическим течением и никто не верил в то, что большевики скоро станут у власти, ленинизм явил миру образец диалектического подхода к вопросу о защите отечества. Защита отечества капиталистов—нет! Защита отечества рабочих, низвергших капитализм и взявших власть в свои руки,—да!

Эта диалектика облеклась плотью и кровью после октября 1917 г., когда под знаме-

нем ленинизма родилась Красная армия, защищавшая и защитившая первое в мире социалистическое государство.

Ленинизм не терпит революционной фразы. Более всего не терпит он этой фразы в вопросе о войне. Никто не высмеивал так беспощадно, так уничтожающе антивоенную фразеологию анархо-синдикалистских крикунов и широковещательные обещания социал-демократических вождей насчет устройства всеобщей стачки против войны и т. п. Недавно напечатанная инструкция (написанная тов. Лениным) нашей делегации, ездившей на Гаагскую международную конференцию, против войны, дает нам образец трезвого подхода великого революционера к вопросу о борьбе против войны.

„Хотите бороться против войны—учитесь же устраивать нелегальные революционные ячейки в армии во время мира. Учитесь во время мира подготовлять такие организации среди, скажем, железнодорожников, которые действительно смогут в момент начала войны помешать капиталистам в самом уязвимом месте. Хотите бороться против войны—боритесь против буржуазии в мирное время, откажитесь голосовать за военные бюджеты, не входите в блоки с буржуазией, стройте камень за камнем самостоятельную революционную пролетарскую партию. А если война все-таки грянула, учите солдат организовать братание в траншеях, не заключайте с буржуазией „священного мира", ведите революционную агитацию и в решающую минуту поднимайте знамя восстания против войны и против буржуазии".

Отсюда—горячая, непримиримая, революционная ненависть ленинизма к контр-революционным вождям социал-демократии, помогавшим буржуазии вести империалистскую войну. Шейдеманы, Вандервельде, Ренодели, Тома, Гендерсоны, Аустерлицы с точки зрения ленинизма не менее виновны в империалистской бойне, чем Людендорфы, Гинденбурги, Фоши и Пуанкаре.

Вожди II-го Интернационала 10 лет тому назад выступили, как открытые загонщики рабочих на поля мировой бойни. Вожди II-го Интернационала были и остаются поэтому палачами рабочего класса.

Теперь мы благополучно отмечаем первое десятилетие империалистской войны. Вожди II-го Интернационала продолжают вести ту же палаческую политику империалистской войны, только другими средствами. Когда французские социалисты, играющие роль лакеев „пацифиста" Эррио, голосуют за военные кредиты на рурскую оккупацию; когда глава II-го Интернационала, Макдональд, строит новые дредноуты и благословляет расстрелы индусов; когда весь II-й Интернационал, славословя пресловутое заключение экспертов, вновь осуществляет грандиозный обман народа,—что все это, как не продолжение подлой, кровавой социал-демократической политики 1914 г., только в иной форме и в иной обстановке?

Чтобы победить буржуазию, международный пролетариат должен перешагнуть через политический труп контр-революционных вождей социал-демократии.

За горло буржуазию! И в то же время — колено на грудь предательским вождям социал-демократии! Полностью, без утайки, мы, коммунисты, должны сказать это передовым рабочим всего мира.

Н. Ленин.

Главный труд немецкого оппортунизма о войне *).

Книга Эдуарда Давида: „Социал-демократия во всемирной войне" (Берлин, изд. Vorwärts, 1915) дает хорошую сводку фактов и доводов, относящихся к тактике официальной германской с.-д. партии в теперешней войне. Нового в книге нет ничего для людей, следивших за оппортунистической и вообще немецкой с.-д. литературой. Но, тем не менее, книга очень полезна. И не только как справочник. Кто хочет серьезно вдуматься во всемирно-исторический крах немецкой социал-демократии, кто хочет действительно понять, как и почему из передовой партии с.-д. „вдруг" (якобы вдруг) получилась партия лакеев немецкой буржуазии и юнкеров, кто хочет внимательно вникнуть в значение ходячих софизмов, служащих для оправдания и прикрытия этого краха,—тому скучная книга Э. Давида не покажется скучной. В сущности у Давида есть известная цельность взглядов и убежденность либерального рабочего политика, чего нет, например, ни капли у лицемерного и держащего „нос по ветру" Каутского.

Давид—оппортунист насквозь, давний сотрудник немецкого „Нашего Дела" **)—„Социалистического Ежемесячника", автор толстой книги по аграрному вопросу, в которой нет ни грана социализма или марксизма. Что подобный суб'ект, вся жизнь которого посвящена буржуазному развращению рабочего движения, мог стать одним из многих, столь же оппортунистических *вождей* партии, депутатом и даже членом правления („форштанда") немецкой с.-д. парламентской фракции, это уже одно наводит на серьезные мысли о том, как давно, глубоко и сильно шел процесс гниения в германской социал-демократии.

Научного значения книга Давида не имеет никакого, ибо даже поставить вопроса автор не может или не хочет, именно: вопроса о том, как главные классы современного общества подготовляли, выращивали, создавали в течение десятилетий свое теперешнее отношение к войне *такой-то* политикой, коренящейся *в таких-то* классовых интересах. Давиду совершенно чужда даже мысль о том, что без такого исследования нечего и толковать о марксистском отношении к войне и что только такое исследование может служить базой для изучения *идеологии* разных классов в отношении к войне. Давид—*адвокат* либеральной рабочей политики, приспособляющей все свое изложение и все свои аргументы к тому, чтобы повлиять на *рабочую* аудиторию, чтобы скрыть от нее слабые пункты своей позиции, чтобы сделать либеральную тактику приемлемой для рабочих, чтобы придушить пролетарски-революционные инстинкты возможно большим количеством авторитетных примеров „тактики социалистов в западных государствах" (заглавие VII главы книги Давида) и т. д., и т. д.

Поэтому весь идейный интерес, представляемый книгой Давида, сводится к тому, чтобы проанализировать, как должна буржуазия разговаривать с рабочими, *дабы влиять на них*. Суть идейной позиции Э. Давида с этой (единственно правильной) точки зрения сводится к его положению: „значение нашего голосования" (за военные кредиты)—„*не за войну, а против поражения*" (стр. 3, оглавление и много отдельных мест книги). Это—лейтмотив всей книги Давида. К этому „подогнаны" и примеры того, как Маркс, Энгельс, Лассаль относились к национальным войнам Германии (гл. II), и данные о „гигант-

*) Эта и далее следующая статья В. И-ча опубликованы Институтом Ленина уже после выхода в печать XIII тома собр. сочинений, охватывающего работы Ленина во время войны. Отпечатаны в „Правде" в юбилейные дни войны (1924 г.). *Ред.*

**) «Наше дело»—орган ликвидаторов, издававшийся в Петербурге во время войны. *Ред.*

ской завоевательной политике держав тройственного согласия“ (гл. IV), и дипломатическая история войны (гл. V), сведенная к обелению Германии на основании смехотворно-ничтожного и столь же смехотворно-несерьезного официального обмена телеграмм накануне войны, и т. д.

В особой главе (VI), „Размеры опасности“, приводятся соображения и данные о перевесе сил у тройственного согласия, о реакционности царизма и пр. Давид, разумеется, вполне за мир. Предисловие к своей книге, помеченное 1 мая 1915 года, автор кончает лозунгом: „Мир на земле“. Давид, разумеется, интернационалист: немецкая социал-демократия, видите ли, „не изменила духу Интернационала“ (VIII), она „боролась с ядовитым посевом ненависти между народами“ (VIII), „с первого же дня войны она заявляла о принципиальной готовности к миру по достижении безопасности своей страны“ (VIII).

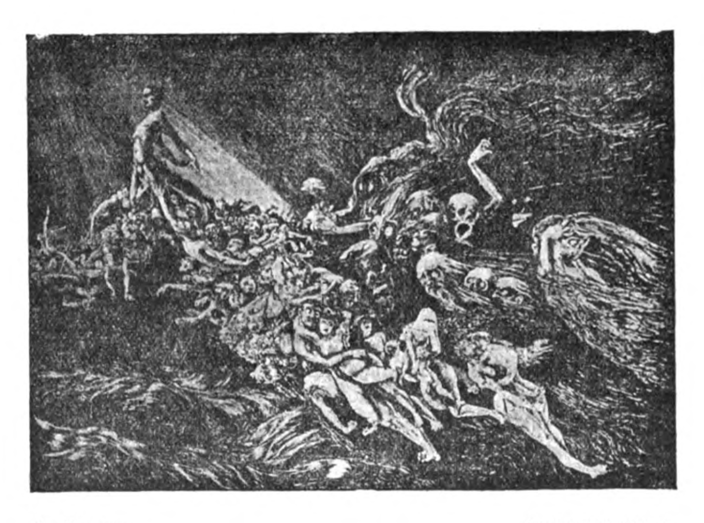
Книга Давида показывает особенно наглядно, что либеральные буржуа (и их агенты в рабочем движении, т.-е. оппортунисты) готовы, чтобы влиять на рабочих и на массы вообще, расписаться сколько угодно раз в своем интернационализме, в принятии лозунга мира, в отречении от завоевательных целей войны, в осуждении шовинизма и пр. и т. п. Все, что угодно, кроме революционных действий против своего правительства; все, что угодно, лишь бы „быть против поражения“. И в самом деле, эта идеология, говоря языком математики, как раз необходима и достаточна для одурачения рабочих; меньшего невозможно им предложить, ибо нельзя повести за собой массы, не обещая им справедливого мира, не пугая их опасностью нашествия, не клянясь в верности интернационализму; большего не надо предлагать, ибо большее, т.-е. захват колоний, аннексия чужих земель, грабеж побежденных стран, достижение выгодных торговых договоров и т. п.— будет проводить не либеральная буржуазия непосредственно, а империалистски-милитаристская военно-правительственная клика после войны.

Роли распределены правильно: правительство и военная клика, опираясь на миллиардеров, на всю „деловую“ буржуазию, ведет войну, а либералы утешают и одурачивают массы национально-оборонительной идеологией войны, посулами демократического мира и т. д. Идеология либеральных, гуманных, пацифистских буржуа и есть идеология Э. Давида, как русских оппортунистов из О. К., борющихся против желательности поражения, против распада России, за лозунг мира и т. п.

Принципиальная, иная, не либеральная тактика начинается только там, где начинается решительный разрыв со всеми видами оправдания участия в войне, где на деле ведется политика пропаганды и подготовки революционных действий во время войны, используя затруднения войны против своего правительства. Давид подходит к этой грани, настоящей грани между буржуазной и пролетарской политикой, но подходит только для того, чтобы замять неприятную тему. Он вспоминает несколько раз Базельский манифест, но заботливо обходит все революционные места его, он вспоминает, как Вальян в Базеле звал „к военной стачке и к социальной революции“ (стр. 119), но только для того, чтобы защитить самого себя примером шовинизма Вальяна, а не для того, чтобы процитировать и разобрать революционные указания самой резолюции Базельского конгресса.

Давид перепечатывает довольно большую часть манифеста нашего ЦК, в том числе его главный лозунг—превращение империалистической войны в гражданскую, но только для того, чтобы об‘явить эту „русскую“ тактику „безумием“ и „грубым искажением решений Интернационала“ (стр. 169, 172). Это, видите ли, эрвеизм (стр. 176): в книге Эрве „содержится вся теория Ленина, Люксембург, Радека, Паннекука и т. д.“. Нет ли „эрвеизма“, любезнейший Давид, в революционных местах Базельской резолюции и Ком. (мунистического) Манифеста. Воспоминание об этом последнем так же неприятно для Давида, как для Семковского напоминающее о нем название нашего журнала. Что „рабочие не имеют отечества“, это положение Ком. (мунистического) Ман. (ифеста), по убеждению Давида, „давно опровергнуто“ (стр. 176 и др.). По вопросу о национальности Давид в целой за-

ключительной главе преподносит самый пошлый буржуазный вздор о „биологическом законе дифференцирования“ (!!) и т. п. Интернациональное не значит антинациональное, мы за право наций на самоутверждение, мы против насилия над слабыми нациями,—уверяет Давид, не понимая (или, вернее, прикидываясь, будто он не понимает) того, что именно оправдывать участие в империалистской войне, именно ставить в этой войне лозунг „против поражения“,—значит быть не только антисоциалистическим, но и антинациональным политиком. Ибо современная империалистская война есть война великодержавных (угнетающих целый ряд других наций) народов ради угнетения новых наций. Нельзя быть „национальным“ в империалистской войне иначе, как будучи социалистическим политиком, т.-е. иначе, как признавая право угнетенных наций на освобождение, на отделение от угнетающих их великих держав. В эпоху империализма не может быть иного спасения для большинства наций мира, как революционное действие пролетариата великодержавных наций, выходящее за рамки национальности, ломающее эти рамки, свергающее интернациональную буржуазию. Без такого свержения останутся великодержавные нации, т.-е. останется угнетение девяти десятых наций всего мира. А такое свержение ускорит в громадных размерах падение всех и всяких национальных перегородок, не уменьшая этим, а в миллионы раз увеличивая „дифференцирование“ человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных стремлений, течений, оттенков.



А. Мартини. Аллегория войны.

Н. Ленин.

Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории *).

В Англии политическая свобода до сих пор была несравненно шире, чем в других странах Европы. Буржуазия здесь всех более привыкла управлять и умеет управлять. Отношения между классами развитее и во многих отношениях яснее, чем в других государствах. Отсутствие обязательной воинской повинности делает народ свободнее в вопросах об отношении к войне в том смысле, что каждый волен отказаться вступать в войско, и поэтому правительство (в Англии правительство есть чистейшего вида комитет по заведыванию делами буржуазии) вынуждено напрягать все усилия, чтобы развить „народный" энтузиазм к войне, при чем достигнуть этой цели было бы абсолютно невозможно без коренной ломки законов, если бы пролетарская масса не была совершенно дезорганизована и деморализована переходом меньшинства наилучше поставленных, квалифицированных, сплоченных в союзы рабочих на сторону либеральной, т.-е. буржуазной, политики. Английские трэд-юнионы включают около $^{1}/_{5}$ части наемных рабочих. Вожаки этих трэд-юнионов большей частью либералы, и Маркс давным-давно звал их агентами буржуазии.

Все эти особенности Англии помогают нам тем легче понять сущность современного социал-шовинизма с одной стороны, ибо эта сущность одинакова в странах самодержавных и демократических, милитаристских и не знающих воинской повинности, а с другой стороны—они помогают нам оценить на основании фактов значение того примеренчества с социал-шовинизмом, которое выражается, например, в восхвалении лозунга мира и т. п.

Самое законченное выражение оппортунизма и либеральной рабочей политики мы имеем, несомненно, в „Фабианском Обществе". Пусть читатель заглянет в переписку Маркса и Энгельса с Зоргэ (есть русский перевод в двух изданиях). Он найдет там блестящую характеристику этого общества Энгельсом, который третирует гг. Сиднея Вебба и К°, как шайку буржуазных проходимцев, желающих развратить рабочих, желающих влиять на них в контр-революционном смысле. Можно ручаться, что ни один сколько-нибудь ответственный и влиятельный вожак Второго Интернационала не пытался никогда не только опровергнуть этой оценки Энгельса, но даже усумниться в ее правильности.

Сравните же теперь факты, оставляя на минуту в стороне теории. Вы увидите, что поведение во время войны фабианцев (см., наприм., их еженедельник The new Statesman) и немецкой с.-д. партии, включая Каутского, совершенно одинаково. Та же, и прямая и косвенная, защита социал-шовинизма; то же соединение такой защиты с готовностью говорить какие-угодно добренькие, гуманные и почти левые фразы о мире, разоружении и тому подобное и т. д.

Факт налицо, и вывод из него, как он ни неприятен для разных лиц, неизбежно и неоспоримо следующий: на деле руководители современной немецкой с.-д. партии, включая Каутского, совершенно такие же агенты буржуазии, какими назвал Энгельс давно уже фабианцев. Непризнание марксизма фабианцами и „признание" его Каутским и К° ровно ничего не меняет в сути дела, в фактической политике, доказывая лишь превращение марксизма в струвизм у некоторых писателей, политиков и проч. Их лицемерие не есть

*) См. примечание к предыдущей статье. Ред.

их личный порок, они могут быть в отдельных случаях добродетельнейшими отцами семейства,—их лицемерие есть результат об'ективной фальши в их социальном положении, когда они якобы представляют революционный пролетариат, а на деле суть агенты по проведению в пролетариат буржуазных, шовинистских идей.

Фабианцы искреннее и честнее Каутского и К°, ибо они не обещали стоять за революцию, но политически они—едино суть.

„Исконность" политической свободы в Англии и развитость ее политической жизни вообще, ее буржуазии в особенности, сделали то, что различные оттенки буржуазных мнений быстро, легко, свободно нашли себе в этой стране новые выражения в новых политических организациях. Одной из таких организаций является „союз демократического контроля" (Union of Democratic Control). Секретарем и казначеем этой организации состоит Морель (E. Morel), который ныне является постоянным сотрудником и центрального органа „Независимой Рабочей Партии" газеты „Labour Leader". Этот суб'ект был несколько лет кандидатом от либеральной партии в округе Беркенхед (Birkenhead). Когда Морель вскоре после войны высказался против нас [1]), комитет Беркенхедской либеральной ассоциации известил его письмом от 2 октября 1914 года, что кандидатура его впредь для либералов неприемлема, т.-е. попросту исключил его из партии. Морель ответил письмом от 14 октября, которое переиздал потом отдельной брошюркой под названием „The outbreak of the war" (Как вспыхнула война). В этой брошюре, как и в ряде других статей, Морель разоблачает свое правительство, доказывая лживость ссылок на то, что будто причина войны — нарушение нейтралитета Бельгии, будто цель войны—разрушение прусского империализма и т. д. и т. п. Морель защищает программу „Союза Дем. (ократического) контроля", состоящую в мире, разоружении, предоставлении всем областям по плебисциту решать вопрос о своей судьбе и в демократическом контроле над внешней политикой.

Из всего этого видно, что Морель, как личность, заслуживает, несомненно, признательности за искреннее сочувствие демократизму, за поворот от буржуазии шовинистской к буржуазии пацифистской. Когда Морель доказывает фактами, что его правительство надувало народ, заявляя об отсутствии тайных договоров, хотя таковые на деле были; что английская буржуазия еще в 1887 году вполне ясно сознавала неизбежность нарушения нейтралитета Бельгии в случае германско-французской войны и решительно отвергала мысль о вмешательстве (тогда Германия не была еще опасным конкурентом); что французские милитаристы в роде полковника Буше (Boucher) в целом ряде книг до войны совершенно открыто признавали свои планы наступательной войны Франции и России против Германии; что известный военный авторитет Англии, полковник Репингтон, в 1911 г. печатно признавал рост вооружений в России после 1905 года, как угрозу Германии;— когда Морель доказывает все это, мы не можем не признать, что перед нами исключительно честный и смелый, не боящийся разрыва со своей партией буржуа.

Но всякий сразу согласится, что это все же буржуа, фразы которого о мире и разоружении остаются пустыми фразами, ибо без революционных действий пролетариата ни о демократическом мире, ни о разоружении не может быть и речи. И Морель, разошедшийся теперь с либералами из-за вопроса о данной войне, остается либералом по всем остальным экономическим и политическим вопросам. Почему же, когда в Германии те же буржуазные фразы о мире и разоружении прикрывает марксистскими аллюрами Каутский, в этом видят не лицемерие Каутского, а заслугу его? Только неразвитость политических отношений и отсутствие политической свободы в Германии мешает тому, чтобы в ней так скоро и легко, как в Англии, образовалась буржуазная лига мира и разоружения с программой Каутского.

---

[1]) Из дальнейшего следует, что под этим словом разумеется Россия. Прим. Ред. „Правда".

Признаем же правду, что Каутский стоит на позиции пацифистского буржуа, а не революционного с.-д. Мы переживаем события достаточно великие, чтобы, „невзирая на лица", иметь мужество признавать правду.

Питая нелюбовь к абстрактным теориям, гордясь своим практицизмом, англичане нередко прямее ставят политические вопросы, помогают таким образом социалистам иных стран находить реальное содержание под оболочкой всякой (в том числе „марксистской") словесности. В этом отношении поучительна вышедшая до войны в издании шовинистской газеты „Clarion" брошюра „Социализм и война" [1]). Брошюрка содержит „манифест" против войны американского социалиста Эптона Синклера (Upton Sinclair) и ответ ему шовиниста Роберта Блечфорда (Blatchford), давно стоящего на империалистской точке зрения Гайндмана.

Синклер—социалист чувства, без теоретического образования. Он ставит вопрос „попросту", возмущаясь надвигающейся войной и ища спасения от нее в социализме.

„Нам говорят,—пишет Синклер,—что социалистическое движение еще слишком слабо, что мы должны ждать эволюции. Но эволюция происходит в сердцах людей; мы—орудия эволюции, и если мы не будем бороться, то не будет никакой эволюции. Нам говорят, что наше движение (против войны) будет раздавлено; но я заявляю свое глубокое убеждение, что подавление какого-угодно возмущения, имеющего целью, по мотивам высшей гуманности, помешать войне, было бы величайшей победой, когда-либо одержанной социализмом, что оно потрясло бы совесть цивилизации и встряхнуло бы рабочих всего мира, как ничто в истории не встряхивало еще их. Не будем слишком боязливы насчет нашего движения, не будем придавать слишком большого значения числу и внешним видимостям сил. Тысячи людей, с пылкой верой и решимостью, сильнее, чем миллион, ставший осторожным и почтенным (респектабельным). И нет для социалистического движения опасности большей, как опасность сделаться установившимся учреждением".

Как видите, это—наивное, теоретически непродуманное, но глубоко верное предостережение насчет опошления социализма и призыв к революционной борьбе.

Что же отвечает Синклеру Блечфорд?

„Что войну вызывают капиталистические и милитаристические интересы, все это верно,—говорит он,—и я не меньше любого другого социалиста стремлюсь к миру и к преодолению капитализма социализмом. Но «риторическими и красивыми фразами» Синклер не убедит меня, не устранит фактов. Факты, друг Синклер, — упрямая вещь, а германская опасность есть факт. Ни мы, ни немецкие социалисты не в силах помешать войне. Синклер преувеличивает безмерно наши силы. Мы не об'единены, у нас нет ни денег, ни оружия, «ни дисциплины». Нам остается только помогать британскому правительству увеличивать свой флот, ибо иной гарантии мира нет и быть не может".

В континентальной Европе шовинисты ни до войны, ни после нее не выступали так откровенно. В Германии вместо откровенности царит лицемерие Каутского и игра в софизмы, у Плеханова тоже. Именно поэтому поучительно взглянуть на отношения в более развитой стране. Здесь никого не проведешь софистикой и карикатурой на марксизм. Вопросы поставлены прямее и правдивее. Будем учиться у „передовых" англичан.

Синклер наивен со своим призывом, хотя этот призыв глубоко верен в основе,—наивен, ибо игнорирует полувековое развитие массового социализма, борьбу течений в нем, игнорирует условия роста революционных действий при наличности об'ективно-революционной ситуации и революционной организации. „Чувством" этого не заменишь. Суровой и беспощадной борьбы могучих течений в социализме, оппортунистического и революционного, риторикой не обойдешь.

Блечфорд режет напрямки и выдает сокровенный довод Каутскианцев и К°, боящихся

---

[1]) Socialism and war. The Clarion. Press 44, Warship Street. London E. C. *Н. Л.*

говорить правду. Мы еще слабы—вот и все,—говорит Блечфорд. Но прямотой он сразу разоблачает и оголяет свой оппортунизм, свой шовинизм. Что он служит буржуазии и оппортунистам,—это сразу видно. Признавая „слабость" социализма, он сам ослабляет его проповедью антисоциалистической, буржуазной политики.

Подобно Синклеру, но в обратную сторону, как трус, а не как борец, как изменник, а не как „безумно смелый", он тоже игнорирует условия создания революционной ситуации.

Но по своим практическим выводам, по своей политике (отказ от революционных действий, от пропаганды и подготовки их) Блечфорд, вульгарный шовинист, сходится вполне с Плехановым и Каутским.

Марксистские слова стали в наши дни прикрытием полного отречения от марксизма; чтобы быть марксистом, надо разоблачить „марксистское лицемерие" вождей Второго Интернационала, надо взглянуть безбоязненно на борьбу двух течений в социализме, додумать до конца вопросы этой борьбы. Вот вывод из английских отношений, которые показывают нам марксистскую сущность дела без марксистских слов.



Шнейдер. Вперед.

Роза Люксембург.

Восстановление Интернационала*).

II.

Официальная теория, приютившаяся на столбцах „Нейе Цейт“ и непринужденно злоупотребляющая марксизмом в интересах партийных инстанций, нуждающихся в доводах для оправдания своей повседневной практики, пытается об'яснить некоторую несогласованность теперешних действий рабочей партии с ее вчерашними словами ссылкою на то, что интернациональный социализм много занимался вопросом о том, какие меры следует принимать против возникновения войны, но не касался вовсе вопроса о том, что надлежит делать после ее возникновения [1]). Как некая девица, готовая к услугам всякого, эта теория уверяет нас, что нынешняя практика социализма находится в полной гармонии с его прошлым, что ни одна из социалистических партий не может упрекнуть себя в чем-либо таком, что могло бы поставить под вопрос ее принадлежность к Интернационалу. Но в то же время эта на редкость гибкая теория имеет наготове и достаточное об'яснение для противоречия между нынешней позицией интернациональной социал-демократии и ее прошлым, — противоречия, явного для всякого, кроме слепого. Интернационал, — говорит она, — обсуждал только вопрос о предупреждении войны. Но вот „война стала фактом“, и тут выяснилось, что с момента возникновения войны социалистам надлежит руководствоваться совершенно иными правилами поведения, чем до войны. Как только война стала фактом, для пролетариата любой страны важен только один вопрос: победа или поражение. То же самое говорит и другой „австро-марксист“, Фр. Адлер, выражаясь языком философии естествознания: нация должна, как и всякий организм, прежде всего отстоять свое существование. В переводе на житейский язык это значит: для пролетариата имеется не одно правило поведения, как до сих пор гласил научный социализм, а целых два, — одно для мирного, другое — для военного времени. В условиях мира надлежит внутри каждой страны вести классовую борьбу, во-вне — поддерживать интернациональную солидарность; в условиях войны — внутри страны поддержи-



1870—1918.

---

*) Настоящая статья, из которой мы помещаем II и III главы, была написана в феврале 1915 года и напечатана в „Интернационале“ („ежемесячном журнале, основанном Розой Люксембург и Францем Мерингом, как сказано на титульном листе первого и единственного №-ра „Интернационала“). Номер этот имеется в русском переводе в издании Госиздата 1923 г. Ред.

[1]) См. статью Каутского в „Neue Zeit“ от 2 октября 1914 г. *Р. Л.*

вать классовую солидарность, во-вне — отстаивать борьбу между рабочими всех стран. Исторический призыв Коммунистического Манифеста получает ныне существенное дополнение и, с поправкою Каутского, гласит: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь во время мира и перегрызайте друг другу глотки во время войны"! Итак, сегодня: „бей врага, патронов не жалей", а завтра, по заключении мира: „придите в наши об'ятия, миллионные массы, наш поцелуй — всему миру". Ибо Интернационал представляет собою „в сущности орудие мира", но „не аппарат, применимый во время войны" [1]).

Эта услужливая теория открывает, таким образом, чарующие перспективы для социал-демократической практики, возводя чуть ли не в основной догмат социалистического Интернационала непостоянство фракции-флюгера в комбинации с иезуитизмом центра. Но это еще не все. Официальная теория, вдобавок, кладет начало совершенно новому „пересмотру" исторического материализма, — пересмотру, по сравнению с которым все попытки, сделанные в свое время Бернштейном, представляются невинной детской игрой. По этой теории пролетарская тактика до возникновения войны и после ее возникновения должна направляться по совершенно различным и даже противоположным путям. В основании такого положения лежит предпосылка, что и социальные условия, определяющие нашу тактику, в корне различны в мирное и в военное время. По теории исторического материализма, в том виде, как она создана Марксом, вся дошедшая до нас история человечества представляет собою историю классовой борьбы. По пересмотренной Каутским теории материализма, к словам Маркса необходимо прибавить: исключая периоды войн. Таким образом, имея в виду периодически повторяющиеся на протяжении тысячелетий войны,— схему общественного развития надо представлять себе в следующем виде: период классовой борьбы, за ним — перерыв, заполненный единением классов и национальной борьбой; затем — опять период классовой борьбы, опять перерыв и единение классов, и так далее, с теми же очаровательными сменами. Основы социальной жизни переворачиваются вверх ногами всякий раз, как только возникает война, и вторично переворачиваются обратно, как только заключен мир. Это уже, как видите, не теория общественного развития „катастрофами", против которой Каутскому приходилось в свое время ополчаться вместе с другими „озорниками", это — теория развития... акробатическими прыжками. В данном случае общество движется на манер ледяной горы, плывущей в весенних водах: по истечении известного времени, как только ледяная гора пообтаяла кругом в своем основании, она переворачивается вниз головой, и эта забавная процедура повторяется периодически время-от-времени.

Но, во-первых, этому пересмотренному историческому материализму резко противоречит весь известный фактический материал истории, вплоть до наших дней: вместо наспех сконструированного противоречия между войною и классовой борьбой, факты, наоборот, самым наглядным образом свидетельствуют о постоянном диалектическом переходе войн в классовую борьбу и классовой борьбы в войны и, следовательно, о внутреннем единстве их сущности. Это мы наблюдаем и в войнах средневековой истории городов, и в войнах эпохи реформации, и в войне за освобождение Нидерландов, и в войнах Великой Французской революции, и в Американской войне за независимость, и в восстании Парижской Коммуны, и, наконец, в Русской революции 1905 года. Во-вторых, и при чисто абстрактно-теоретическом подходе к вопросу, теория исторического материализма Карла Каутского не оставляет и камня на камне от теории Маркса, что явствует из следующего простого соображения. Если, как полагает Маркс, и классовая борьба, и войны не падают с неба, а вытекают из глубоких экономически-социальных причин, то они могут периодически прекращаться только при условии, если исчезают их причины. Что касается пролетарской **классовой борьбы**, то она является лишь неизбежным последствием эксплоа-

---

[1]) См. статью Каутского в „Neue Zeit" от 27 ноября 1914 г. *Р. Л.*

тации наемного труда, во-первых, и политического классового господства буржуазии, во-вторых. Но во время войны эксплоатация наемного труда ни в малейшей степени не исчезает; наоборот, интенсивность этой эксплоатации усиливается в огромной степени в связи со спекуляцией и горячкой „грюндерства", процветающими на благодарной почве военной индустрии и вследствие нажима, производимого военной диктатурой на рабочих. Точно так же не прекращается во время войны и политическое классовое господство буржуазии; наоборот, вследствие отмены конституционных прав, оно вырастает в неприкрытую классовую диктатуру. А если экономические и политические источники классовой борьбы во время войны бьют в обществе с удесятеренной силой, то каким же образом может классовая борьба прекращаться? Далее, что касается войн современного исторического периода, то они проистекают из конкурирующих интересов различных групп капиталистов и из потребности капитала в расширении сфер своего приложения. Но обе эти движущие пружины действуют не только под грохот пушек, но и под сенью мира: тут-то именно они и подготовляют и делают неизбежным возникновение войн. Ведь война, по выражению Клаузевица (которое Каутский особенно любит цитировать), представляет собою только „продолжение политики другими средствами". И ведь именно империалистический фазис господства капитала своим соперничеством в вооружениях и превратил мир в нечто иллюзорное, установив, по существу дела, перманентность диктатуры милитаризма, перманентность войны.

Из всего предыдущего вытекает для пересмотренного исторического материализма определенная альтернатива. Либо классовая борьба представляет собою и в обстановке войны доминирующий закон существования пролетариата, а провозглашение, вместо нее, на время войны, классовой гармонии является со стороны партийных инстанций преступлением против жизненных интересов пролетариата; либо классовая борьба представляет собою и в условиях мира преступление против „национальных интересов" и против „безопасности отечества". Одно из двух — либо классовая борьба, либо гармония классов — является основополагающим фактором общественной жизни, как в обстановке войны, так и в условиях мира. В переводе на язык практики эта альтернатива получает еще более ясную форму: либо социал-демократии придется, принеся покаянную перед отечественной буржуазией, подвергнуть основательному пересмотру всю свою тактику и свои принципы и в мирное время, чтобы приспособиться к своей теперешней социал-империалистической позиции (об этом уже заговорили и в наших рядах кающиеся грешники, бывшие некогда молодыми забияками, а ныне превратившиеся в старых святош), либо она будет вынуждена покаяться в грехах перед международным пролетариатом и согласовать свое поведение во время войны с принципами, исповедываемыми ею в мирное время. При этом все, что мы говорим применительно к германскому рабочему движению, сохраняет свое значение также и для Франции.

Интернационал либо и после войны останется кучей обломков, либо начнет возрождаться на основе классовой борьбы, на той почве, из которой он только и извлекает свои жизненные соки. Он воскреснет к новой жизни не под звуки вновь заведенной после войны старой шарманки, на которой станут бойко и непринужденно, как будто бы ничего не случилось, наигрывать старые мелодии, пленявшие до 4 августа весь мир. Восстановление Интернационала может начаться только путем „сурово-беспощадного осмеяния и отрешения от собственной половинчатости и собственных слабостей", своего собственного нравственного падения со дня 4 августа, только путем ликвидации всей тактики, усвоенной социал-демократией с того дня. И первым шагом в этом направлении является активное выступление в пользу быстрого окончания войны, а также за согласование условий будущего мира с общими интересами международного пролетариата.

III.

До настоящего времени по вопросу о мире в партии обозначилось два течения. Одно из них, выразителями которого являются член президиума партии Шейдеман, ряд депутатов рейхстага и ряд партийных газет, выдвигает, вторя правительству, лозунг „войны до конца“ и ведет кампанию против движения в пользу мира, как несвоевременного и опасного для военных интересов отечества. Это течение отстаивает необходимость продолжения войны, т.-е. об'ективно добивается, чтобы война продолжалась „до победы, соответствующей принесенным жертвам“, до „мира с гарантиями“, как понимают эти слова господствующие классы. Другими словами, сторонники лозунга „войны до конца“ добиваются, чтобы об'ективная тенденция войны, по возможности, приблизила страну к тем империалистическим завоеваниям, относительно которых газета „Пост“, господа Рорбахи, Диксы и прочие пророки мирового владычества Германии откровенно высказались, что они являются целью войны. Если же не осуществятся все эти прекрасные сны и молодые побеги нашего империализма не разрастутся до поднебесья, то в этом не придется винить ни господ из редакции „Пост“, ни их подручных из рядов германской социал-демократии. Ясное дело, что для исхода войны имеют существенное значение не торжественные „декларации“ в парламенте „против всякой завоевательной политики“, а отстаивание необходимости „войны до конца“. Война, за продолжение которой ратуют Шейдеман и иже с ним, имеет свою собственную логику, признанными носителями которой являются верховодящие ныне в Германии группы капиталистов и аграриев, а не скромные фигуры социал-демократических парламентариев и редакторов: последние только помогают первым держаться в стременах. В этом направлении социал-империалистическая линия поведения партии выражена, как нельзя более, ясно.

Во Франции партийные вожди — правда, исходя из совершенно иной военной ситуации — также неуклонно отстаивают лозунг „войны до победного конца“. Но тем временем во всех странах все яснее обозначается движение в пользу скорейшего окончания войны. Наиболее характерной чертой всех этих исканий мира является старательное придумывание всяческих гарантий мира, которых надлежит добиваться при ликвидации войны. Помимо единодушного требования отказа от завоеваний, выдвигается целый ряд новых требований: всеобщее разоружение или, поскромнее, планомерное ограничение соперничества в вооружениях; отмена тайной дипломатии, свободная для всех наций торговля в колониях и много других хороших вещей. Во всех этих пунктах, имеющих целью осчастливить человечество и предупредить в будущем войны, заслуживает удивления неискоренимый оптимизм, который, уцелев в ужасающей катастрофе нынешней войны, еще сажает на могиле старых надежд цветы новых... резолюций. Если что-нибудь доказано крушением 4 августа, так это — историческое положение, что действительной гарантией мира и действительным оплотом против войн являются не благие пожелания, не хитроумные рецепты и утопические требования, пред'являемые господствующим классам, а исключительно только твердая решимость пролетариата оставаться верным своей классовой политике, своей международной солидарности, как бы ни бушевали ураганы империализма. У социалистических партий главнейших стран, и прежде всего Германии, не было недостатка в требованиях и формулах; им не хватало способности подкрепить свои требования волею и действием в духе классовой борьбы и интернационализма. В настоящее время, после всего пережитого нами, рисовать себе работу по утверждению мира в виде попыток измышления наилучших рецептов против войны — это значило бы констатировать нечто, чреватое величайшими опасностями для интернационального социализма, а именно, что он, несмотря на суровые уроки действительности, ничему не научился и ничего не забыл.

Германия и в данном случае являет нам классический образец. Недавно в журнале „Нейе Цейт“ депутат рейхстага Гох изложил программу мира, в защиту которой он, по

свидетельству одного партийного органа, выступил с большим пылом. В этой программе было все, что угодно: и длинный список расположенных по пунктам „требований“, долженствующих безболезненно и раз навсегда предотвратить всякие войны, и очень убедительные соображения о том, что скорый мир возможен, необходим и желателен. Только одного не было в программе, — указания, что для достижения этого мира необходимо действовать, необходимы дела, а не „пожелания“; не было также пояснения, каким образом необходимо действовать. Дело в том, что автор программы принадлежит к тому компактному большинству фракции, которое не только голосовало дважды за военные кредиты, но и отстаивало всякий раз этот акт, как политическую, патриотическую и социалистическую необходимость, и, будучи превосходно выдрессировано в новой своей роли, готово вотировать и дальнейшие кредиты для продолжения войны, как нечто вполне естественное. Но одновременное согласие на отпуск материальных средств на продолжение войны и разглагольствования на тему о желательности скорого мира со всеми его благами, стремление „одною рукою вручить меч правительству, а в другой—держать ветку мира, помахивая ею над Интернационалом“,—все это ни что иное, как живой классический образчик политики „болота“, теоретически пропагандируемой в том же „Нейе Цейт“.



Р. Люксембург за царской решеткой. Снимок жандармского отделения варшавской крепости 1906 г.

Когда социалисты нейтральных стран, когда участники Копенгагенской конференции самым серьезным образом считают сочинение на бумаге требований и рецептов для установления мира активным выступлением в пользу скорого окончания войны, мы имеем перед собою сравнительно невинное заблуждение. Уразумение важнейших моментов в нынешнем положении Интернационала и причин его крушения может и должно стать общим достоянием всех социалистических партий; но спасение, действие, которое приведет к восстановлению мира, равно как и Интернационала, может исходить только от социалистических партий воюющих стран. Для первого шага к миру, как и к Интернационалу, необходимо повернуть обратно с путей социал-империализма. А пока социал-демократические парламентарии продолжают вотировать военные кредиты, их пожелания мира и рецепты для достижения мира, в частности их торжественные декларации „против всякой завоевательной политики“, представляют собою то же, что и „Интернационал“ Каутского, члены которого „ни в чем не могут упрекнуть себя“ и периодически то братаются и обнимаются, то перерезают друг другу глотки, а именно—лицемерие и, что еще хуже — химеру. И здесь также вещи имеют свою логику. Вотируя военные кредиты, господа Гохи выпускают поводья из своих рук и не служат делу мира, а наоборот — помогают „продержаться“, немногим отличаясь при этом от господ Шейдеманов, которые, отстаивая необходимость „продержаться“, фактически отдают поводья в руки людям, стоящим на платформе журнала „Пост“, и, таким образом, не осуществляют на деле своих торжественных деклараций „против всякой завоевательной политики“, а, наоборот, способствуют разнузданию империалистических инстинктов... до полной потери крови. Здесь также имеется альтернатива: либо Бетман-Гольвег, либо... Либкнехт; либо империализм, либо социализм в понимании Маркса.

Подобно тому, как в личности самого Маркса были неразрывно слиты, поддерживали и дополняли друг друга проницательный историк-аналитик и смелый революционер, человек мысли и человек дела, точно так же и марксизм, как социалистическое учение, впервые

в истории современного рабочего движения соединил теоретическое познание с революционной энергией пролетариата, осветил и оплодотворил одно другим. То и другое одинаково принадлежит к существенным элементам марксизма; без того или другого марксизм превращается в жалкую карикатуру Германская социал-демократия в течение полувека собирала в изобилии плоды теоретического познания марксизма; их соками она вырастила могучую организацию. Но когда для нее пришел час величайшего исторического испытания,—испытания, которое она, вдобавок, теоретически предвидела с уверенностью естествоиспытателя и предсказала во всех его существенных чертах,—она обнаружила полное отсутствие второго жизненного элемента рабочего движения,—действенной воли, без которой можно только понимать историю, но не делать ее. При всей образцовой ясности ее теоретического понимания и всей ее организационной мощи, ее подхватило водоворотом истории, повернуло в один миг, как оставшийся без руля корабль, и подставило под ветры империализма, против которых она думала пробиться к спасительному острову социализма. Поражение всего Интернационала было уже предрешено этой аварией его „авангарда", его отборного, наиболее подготовленного и наиболее сильного отряда, даже если бы не было ошибок со стороны других частей.

Перед нами одно из величайших по своему значению во всемирной истории крушений, опасным образом осложнившее и замедлившее процесс освобождения человечества от господства капитализма. Но если так должно было случиться, то все же марксизм тут совершенно не при чем. А все нынешние попытки приспособить его к маразму, в который впала в данный момент социалистическая практика, проституировать его для нужд продажной апологии социал-империализма,—эти попытки опаснее даже всех открытых и вопиющих эксцессов националистического угара в рядах партии; в этих попытках имеется тенденция не только продолжать скрывать истинные причины глубокого падения Интернационала, но еще и засыпать родники, из которых он может почерпнуть силы, чтобы в будущем вновь стать на ноги. Возрождение Интернационала, равно как и осуществление мира, соответствующего интересам пролетарского дела, возможно только на основе самокритики пролетариата, на основе осознания им своей силы,—той силы, которая 4-го августа склонилась, как слабая былинка от налетевшей бури, но которая является исторически призванной, выпрямившись во весь свой рост, свалить тысячелетние дубы социальной несправедливости и двигать горами. Путь, ведущий к воскрешению этой силы (а не путь бумажных резолюций), и есть вместе с тем путь к миру, к восстановлению Интернационала.



А. Кубин. Милитаризм.

Клара Цеткин.

Позор, который ничем не искупить *).

Истекшее десятилетие со дня возникновения империалистической войны вполне доказало, что взрыв войны явился предвозвестником банкротства II Интернационала. Банкротства, ни с чем не сравнимого, не находящего себе в истории никаких оправданий, банкротства позорного и вместе с тем рокового.

Война нагромоздила горы трупов и развалин, произвела громадные разрушения материальных ценностей и породила глубокую экономическую разруху. В диалектическом процессе исторических явлений, эта разруха породила в свою очередь новые силы, развила их и впервые оплодотворила революцию. Непосредственным, наиболее ощутимым следствием банкротства II Интернационала явилось: искажение действительной исторической сущности пролетариата, как класса, ложное направление революционных сил и происходившее отсюда замедление темпа общественного развития.

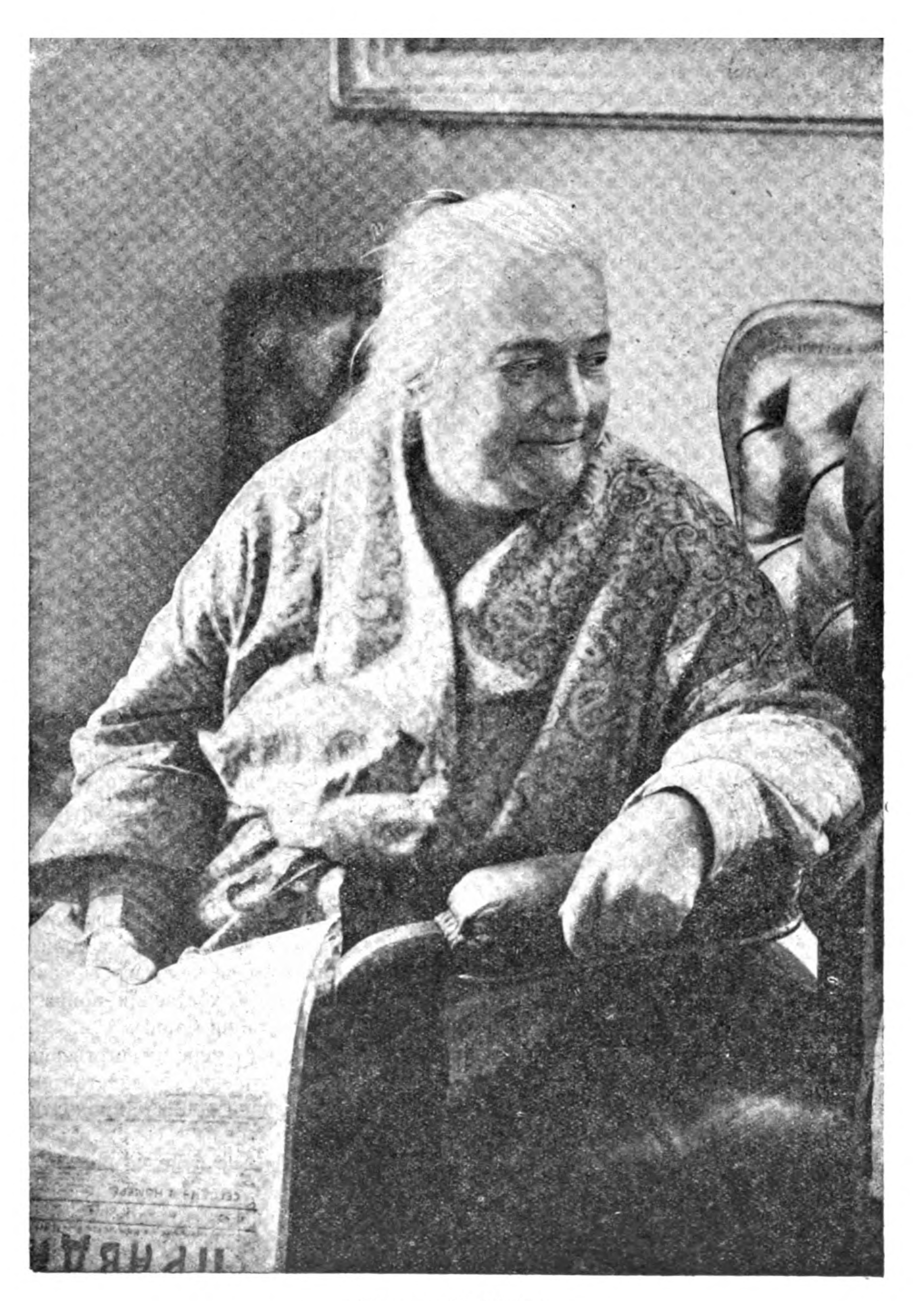
Сказки о „защите отечества" отравляли сознание и поражали волю рабочего к борьбе, к революции. Интернациональный пролетариат размежевался по пограничным столбам государств и группировок их: об'единившись каждый в своей стране в „священном единении" (union sacré) и в „гражданском мире" (Burgfrieden) со своими смертельными классовыми врагами. Рожденные бойцами за мировую революцию, отряды интернационального пролетариата вынуждены были играть роль то палача, то жертвы в империалистической бойне. Так заблудился пролетариат на пути от исторически необходимого к исторически возможному: на пути к превращению империалистической войны в международную гражданскую войну. Об'ективные условия для победоносного исхода гражданской войны пролетариата против буржуазии заложены были в резком противоречии между развитием производительных сил, с одной стороны, и капиталистическим способом производства и институтом частной собственности на средства производства—с другой. На этой почве выросли экономические и социальные конфликты, которые в мировой войне нашли свое выражение.

Не допустить войны, помешать ей могла только одна сила в человеческом обществе; эта сила—пролетариат, идейным руководителем которого являлся II Интернационал. И на вождей II Интернационала падает тяжелая ответственность за мировую войну.

Они были только исполнителями воли класса, исторической функцией которого было ограбление и порабощение неимущих,—класса, для которого война являлась коммерческим делом, выгодным предприятием. Имущие классы не предавали своих классовых интересов, когда гнали миллионные армии уничтожать друг друга—напротив, они служили своим классовым идеалам. Партии II Интернационала, наоборот, предавали интересы и идеалы класса, которому они под присягой клялись служить. Рядом с Шейдеманом, Реноделем, Вандервельде, Гендерсоном такие люди, как Людендорф и Фош, Стиннес, Де Вендель, Армстронг и К°, кажутся прямо-таки благородными и честными. Война была бы немыслима при серьезном сопротивлении пролетариата. Но война стала возможной, стала фактом благодаря деятельности социал-шовинистов, затемнявших сознание рабочего класса, ослаблявших и отравлявших его волю к борьбе, к революции.

---

*) Статья написана для настоящего сборника. Ред.



Клара Цеткин.

Самым бесстыдным, самым наглым является то лицемерие, с которым по окончании войны вожди II Интернационала выступили в роли обвинителей империалистской мировой буржуазии, понося ее самым резким образом.

Но все обвинения, все клеймящие позором речи должны пасть в такой же мере и на них самих.

Из года в год, плечо к плечу с беспощадными, алчными империалистами брели они по колено в море крови, пролитой за время мировой войны. Из года в год они заставляли волны этой крови вздыматься все выше и выше, в то же время под социал-патриотическую, янычарскую музыку ведя на ужасную бойню пролетариат воюющих стран или социал-пацифистскими елейными речами пасторов удерживая пролетариат от борьбы против бедствий, против буржуазного порядка.

Кажется, что перед лицом такой лжи и бессовестности, из бесчисленных огромных могил на полях битв, из тихих лесных чащ, горных ущелий, из темных пучин морей должны восстать души многих сотен тысяч жертв войны и громко возопить к социал-патриотическим сорванцам и социал-пацифистским трусам, стоявшим во главе II Интернационала: „Вы, наши убийцы, не оскверняйте наших могил, не нарушайте наш покой; ваши крокодиловы слезы не смоют с вас вашей кровавой вины. Вы лишь еще больше запачкаете себя кровью и отягчите свою вину".—И бесконечные ряды военных инвалидов, больных, родителей, потерявших детей, вдов, сирот должны заглушить каждую попытку к новому обману масс, всякую подготовку к войне.

Этим подавленным несчастным жертвам смерть часто кажется завидной долей и все они могут пред'являть реформистским вождям II Интернационала слишком щедро выписанные, но не оплаченные векселя „благодарного отечества", оплату которых эти руководители гарантировали с развязностью и усердием прекрасно дрессированных лакеев, прислуживающих знатным господам.

Рядом с кровавыми бедствиями отдельных жертв войны выдвигается гигантская картина бедствий всех народов Европы. Это—не угрожающий призрак, а мучительная действительность. Война и ее последствия разорили мир, особенно массы рабочих, средних и мелких буржуа, мелких крестьян, из сравнительно культурного благополучия оттолкнув их к варварству. Крик страдания бесчисленных миллионов разоренных и растоптанных настолько силен, что его не могут заглушить ни оргии, ни выкрики военных победителей, ростовщиков и спекулянтов.

Мировая война оставила после себя только одного побежденного, как в торжествующих победу государствах Антанты, так и в побежденных центральных державах, и этот побежденный—трудящийся народ. Даже в наиболее разоренных экономически и политически Германии и Австрии крупные капиталисты и спекулянты находят на чем нагреть свои руки. Они едва могут подсчитать миллионы и миллиарды, которые им доставили война, экономическое разорение и финансовый кризис государств по окончании войны.

Вожди II Интернационала навсегда останутся в полной мере ответственными за происшедшую от войны общую сумму бедствий. Их преступление в действительности будет еще больше, так как они свою измену прикрывают волей социал-демократических партий и шовинистическим настроением масс.

Вожди должны итти впереди своей партии и впереди масс и не позволять другим управлять собой.

Немецкая социал-демократия упивалась гордым сознанием, что она—руководящая партия, образцовая партия II Интернационала. Она доказывала свое превосходство количеством своих членов, голосов избирателей, парламентских мандатов, об'емом и содержанием ее повседневной прессы, ее агитационной и плакатной литературой, партийными резолюциями и речами в рейхстаге. На конгрессах II Интернационала ее мнения, ее влияние были господствующими и решающими. В атмосфере империалистиче-

ского кризиса не окреп, однако, ее дух революционной борьбы. Наоборот, из проникнутой классовым духом руководящей, революционной, боевой партии она превратилась в пошлую, мещански-демократическую, реформистскую организацию.

С взрывом мировой войны немецкая социал-демократия первой из всех партий погрязла в глубокой трясине союза с буржуазией и ее вильгельмовским правительством. Ее позорная измена в решающий исторический момент, плохо прикрытая нерешительностью ее вождей, и их полная политическая неспособность действовать (двойственная игра Германа Мюллера в Париже)—подали сигнал к окончательному упадку II Интернационала, который был надеждой пролетариата всех стран на сохранение мира.

И немецкая социал-демократия явилась блестящим примером, за которым под „победные знамена отечества" (проще говоря для удовлетворения империалистических аппетитов буржуазии) последовал ряд других партий II Интернационала.

Ее социал-демократические вожди проводили поспешно один за другим все военные кредиты, требовавшиеся тем или другим правительством, по прихоти Вильгельма II или по приказам военных министров, ложившиеся тяжелым бременем на трудящихся. Под гостеприимной крышей Гельфериха они растроганно пожимали руку монарха, которого прежде презирали. Как на фронте, так и вдали от выстрелов (ведь пули так легкомысленны!), в правительственных кабинетах и парламентских кулуарах они братались с затянутыми в мундир важными генералами.

В качестве коммивояжеров немецкого империализма они посещали нейтральные страны и умоляли их вступить в военный союз с Германией, как например Зюдекум в Италии или Отто Браун и другие светила партии, подготовлявшие в Швейцарии „Белую книгу" правительства о причинах войны—это собрание „документов", представлявших одну сплошную тенденциозную ложь.

Они поддерживали в своей прессе и литературе военный психоз обреченных на смерть в окопах и голодающих на родине. Они подозревали, преследовали всех и клеветали на всех, кому социал-демократическая программа и решения международного конгресса не казались грязным клочком бумаги, и старались задавить в массах всякое революционное движение.

Когда я за свои „предательские действия" сидела в заключении, то судебный следователь пред'явил мне, как исключительно отягчающий мою вину материал, воззвание социал-демократической партии. В нем товарищам внушалось, что манифест и резолюции Международной Женской Конференции в Берне, в марте 1915 г., не должны быть распространяемы на том основании, что это воззвание несомненно вызовет выступления государственных властей. Гуго Гаазе тщетно указывал, опираясь на свой авторитет юриста, на то, что это воззвание следует квалифицировать, как донос по адресу начальства.

Социал-пацифисты, оппоненты Шейдемана, Эберта и их сообщников, вели борьбу против бойни народов без мужества и готовности к жертвам, что так свойственно буржуазным пацифистам, а о революционных их тенденциях не могло быть и речи.

Партийная дисциплина не служила орудием единства и решительности революционных действий, а, наоборот, убивала революционную энергию. Парламентские представители оппозиции[1]), ругаясь за спиной сплоченных социал-демократических вождей, никак не могли подобрать достаточно сильных и грубых выражений по адресу социал-патриотических „плутов" и „дураков", а на деле в течение долгого времени своим молчанием поддерживали поведение официальных вождей с.-д. фракции.

Для отклонения военного кредита они решились, хотя и поздно, на разрыв с социал-патриотами после того, как они пожертвовали Либкнехтом, единственным смелым знаме-

---

[1]) Речь идет о группе Гаазе, Диттман и др., впоследствии выделившихся в группу „Sozialistische Arbeiter gemeinschaft", а после исключения их из с.-д. фракции рейхстага основавших партию „независимых" (USPD). Ред.

носцем Интернационала и революционного пролетариата. Гаазе, Диттман, Розенфельд отказались мобилизовать пролетарские массы и вести их в бой. Вместо того, чтобы, полагаясь на силу рабочего, подготовить и организовать борьбу, они надеялись на Вильсона, его программу и на его Лигу Наций. Могло ли бы быть иначе? Их мысль и воля были так слабы, что не могли освободиться от хождения на помочах у Каутского, самого ярого теоретика II Интернационала. Он пытался прикрыть их банкротство трусливо-глупым изречением, что Интернационал может быть лишь орудием мира, а не войны.

Волей безжалостной Немезиды—истории, ни один пролетариат не расплачивается так тяжело за свою вину в войне, как немецкий, допустивший страстную империалистическую активность Шейдемана и покорную пацифистскую пассивность Диттмана. Не потому, что реформистские вожди рабочего класса в других империалистических державах были хотя бы на одну полушку лучше этих людей, отнюдь нет. Однако, они не все пользовались одинаковым преимуществом: за ними не было трудящихся масс, за ними не стояла такая великолепно организованная сила, как за немцами, их не освещал ослепительный блеск традиций и авторитета глубокого марксистского учения, испытанной практической борьбы, тот блеск, который целиком озаряет германскую социал-демократию.

Партия, обеспечивающая решающее влияние своих вождей на немецкий пролетариат и II Интернационал, становилась исторически великой.

Все, что говорилось Германом Мюллером или Отто Вельсом, считалось „выражением личного мнения“ этих господ, якобы не имеющим значения. Друг и враг прислушивались с напряженным вниманием до тех пор, пока их заявления выражали мнения и волю миллионной партии. Руководящие немецкие социал-патриоты и социал-пацифисты бросили на весы стальную мощь и значение социал-демократии во II Интернационале для пользы и выгод империалистической буржуазии. Благодаря их решениям и их поступкам пал II Интернационал.

Но последняя капитуляция социал-демократии является еще большим преступлением, чем голод, упадок культуры, разорение и смерть бесчисленных миллионов. Она загрязнила и разбила в глазах порабощенных всего мира великий идеал революционно-пролетарского братства, так как с ее благословения и по ее зову пролетарии стран, ведших войну, начали уничтожать друг друга. Широкие массы потеряли веру в освободительную силу международной солидарности трудящихся всех стран, в свою собственную разбивающую оковы силу, в социализм и в революцию. Все, что им до сих пор было дороже и выше всего, показалось им в убийственных облаках ядовитого газа пустыни ничтожными фразами. В то время, как посылаемые с воздуха бомбы и дальнобойные орудия превращали цветущие города в развалины, их сила показалась им жалкой.

Но международная солидарность пролетариата все-таки—не расплывчатая фантазия, она существует и растет, питаемая болезненными страданиями—уделом обездоленных.

Пролетарская солидарность выросла из тысячи кровавых ран на полях битв. Она говорила речами поднятых на смех четырех выдающихся людей Германии, первыми протестовавших против империалистической войны и гнусного поведения представителей социал-демократии, этих четырех вождей, не отвращавших своего взора от пролетарской революции. Голос ее звучал в многократном „нет!“ Карла Либкнехта при голосовании военных кредитов, в Международной Социалистической Женской Конференции в Берне и несколько позднее в Международной Конференции Молодежи,—первых организаций, призывавших трудящиеся массы всех стран к об'единению и к революционной классовой борьбе. В Циммервальде-Кинтале она с силой продвигалась вперед. Наконец во весь свой исторический рост она выступила перед мировым пролетариатом в Октябрьскую (Ноябрьскую) революцию русских рабочих. Это бессмертное дело снова укрепило веру угнетенных в свою силу, в социализм и дало надежду, что солидарность пролетариата положит конец империализму.

Со времени рокового лета 1914-го года история дважды становилась на перепутьи. В первый раз, когда в Октябре 1917-го года славная русская революция выкинула лозунг о мире на весь залитый кровью мир. Мир не только для молодой, борющейся за свою жизнь Республики Советов, но мир для всех народов, которые готовы были пасть от ран, нанесенных им империалистическим безумием. Мир, обеспеченный освобождением от ига капитализма, вызывающего войны, который могла побороть только революция. Во второй раз II-й Интернационал должен был проявить себя годом позже (XI-18), когда в Германии вспыхнула революция. Вандервельде, Гендерсон и Зайнбат оба раза повели международный пролетариат в рабство к буржуазии, а не в лагерь революции. Одни из них без всякого колебания приняли ответственность за „вооруженный мир" Брест-Литовска, который должен был свергнуть первое рабоче-крестьянское государство и сделать возможным триумф центральных империалистических держав. Другие же с злорадством подписали кровавый Версальский мир, обращавший Германию и Австрию в политическом и экономическом отношении в колонии Антанты.

Однако, то, что их разделяло как верных лакеев „своей" буржуазии от пролетариата другой страны, это же самое привязывало их железными оковами к буржуазии вообще. Они поставили себе своей исторической задачей охранять „священнейшую собственность" буржуазного порядка и следить за тем, чтобы она не была поглощена красным потоком большевизма.

Реформистские вожди II-го Интернационала составляют одно сердце, одну душу в своей распаленной, тягучей, упрямой ненависти к русской победоносной революции, ко всякой пролетарской революции. Они ненавидят революцию, как укоряющую их нечистую совесть, и стараются ее подавить при всяком проявлении; они помогли буржуазии в том, что ей никогда не удалось бы сделать своими собственными силами. С их помощью она снова утвердила свою власть над трудящимися и беспощадно ею пользуется.

Вельс и К° различных стран одинаково ответственны за неописуемые страдания и жертвы, которыми анти-большевистская кампания лжи и клеветы так же, как контр-революционные газетки, пачкали геройских русских рабочих и крестьян. С рук их капала кровь революционных борцов Балтики, Финляндии, Венгерской и Мюнхенской Советских Республик, к ним прилипла кровь Розы Люксембург и Карла Либкнехта, Лео Иогихеса, Левинэ и всех тех, которые были убиты фашистами по сигналу демократии Эберта. Голодающие и измученные в капиталистических застенках говорят против них. Вожди II-го Интернационала продолжают после войны дело, начатое ими во время войны: предательство пролетариата и революции. Они делаются ответственными за надвигающуюся угрозу империалистической войны, которая будет еще ужаснее, убийственнее, настоящим адом в сравнении с прежней.

II-й Интернационал не искупил своей позорной роли в мировой войне. Он увеличивал все больше и больше свою вину против революции. Искупление этого позора никогда не будет делом его вождей, оно может быть только делом пролетарских масс, которые с содроганием освободятся от последствий реформистских преступлений против революции. Историческим искуплением позора может быть лишь пролетарская мировая революция. Битвы ее никогда не произойдут под руководством II-го Интернационала. Руководителем и вождем мирового пролетариата в мировой революции будет Коммунистический Интернационал—потомок русской революции, стимулом будет стремление к свободе разоренных и порабощенных,—стремление, которое нельзя ничем убить. Он призывает трудящиеся массы к искуплению позора—борьбой, к поднятию побежденного в мировой войне пролетариата через победу мировой революции.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

Резолюция о войне VII Интецринаонального Социалистического конгресса в Штуттгарте (16—24 VIII 1907 г.).

Конгресс подтверждает резолюции прежних Интернациональных конгрессов по вопросу о борьбе с милитаризмом и империализмом и напоминает, что деятельность против милитаризма не может быть отделена от деятельности против капитализма вообще.

Войны между капиталистическими государствами являются в общем последствием их конкуренции на мировом рынке, так как каждое государство стремится не только к обеспечению за собой известного рынка, но и к приобретению новых рынков, преимущественно путем порабощения другого народа и отнятия его территории.

Эти войны являются результатом непрекращающейся конкуренции, вызванной милитаристическими вооружениями, которые представляют собою одно из главных средств властвования буржуазии и экономического и политического порабощения рабочего класса.

Войны поддерживаются националистическими предрассудками, которые систематически культивируются в интересах господствующих классов для того, чтобы отвлечь пролетариат от его классовых обязанностей и от его долга международной солидарности.

Таким образом, войны носят капиталистический характер и прекратятся лишь вместе с падением капиталистического строя или же тогда, когда необходимое для развития военной техники обилие жертв людьми и деньгами и вызванный вооружениями бурный протест заставят народы отказаться от этой системы.

Рабочий класс, из среды которого, главным образом, вербуются бойцы и который преимущественно и несет все материальные тягости войны, является естественным противником войны, так как она противоречит той цели, которую он преследует, т.-е. созданию нового экономического строя, основанного на социалистических воззрениях и имеющего в виду осуществить в действительности солидарность народов.

Поэтому конгресс считает обязанностью всех рабочих и представителей в парламентах всеми мерами бороться с вооружениями, как на суше, так и на море, изобличая классовый характер буржуазного общества и мотивы, которые им руководят при поддержании национального антагонизма, а также, отказывать во всякой денежной поддержке такой политике и стараться, чтобы пролетарская молодежь воспитывалась в социалистических идеях братства народов и чтобы в ней постоянно поддерживалось ее классовое самосознание.

Конгресс смотрит на демократическую организацию системы милиции, которая должна заменить собою постоянные армии, как на реальную гарантию, которая сделает невозможным агрессивные войны и будет способствовать исчезновению национального антагонизма.

Интернационал не может наперед очертить в строго определенных рамках деятельность отдельных национальных партий (которая по необходимости должна быть различной в зависимости от условий места и времени), но он считает своим долгом, поскольку возможно, усиливать и координировать усилия рабочего класса, направленные против милитаризма и войны.

Действительно, со времени Брюссельского Интернационального Конгресса пролетариат, ведя беспрестанную борьбу с милитаризмом путем отказа в разрешении военных и морских кредитов и путем стремления к демократизации армии, прибегал с возраставшей энергией и силой к самым разнообразным средствам для того, чтобы предупреждать войны или

чтобы прекращать их; или для того, чтобы использовать в интересах раскрепощения рабочего класса те потрясения, которые вызывались войной во всех слоях общества. Таковы, например: соглашение между английскими трэд-юнионами и французскими рабочими синдикатами, заключенное после инцидента в Фашоде для того, чтобы обеспечить мир и установить добрые отношения между Францией и Англией; поведение социалистической партии во французском парламенте и в германском рейхстаге при марокккском кризисе; народные манифестации, организованные по этому поводу французскими и немецкими социалистами; согласованная деятельность собравшихся в Триесте австрийских и итальянских социалистов для того, чтобы предупредить столкновение между двумя государствами; энергичное вмешательство рабочего класса в Швеции с целью помешать нападению на Норвегию; наконец, героическая и самоотверженная массовая борьба социалистов, русских и польских крестьян и рабочих, для того, чтобы помешать царизму вести ожесточенную войну, чтобы положить ей конец и чтобы среди этого столкновения бросить русским народностям и пролетариату призыв к свободе. Вся эта деятельность указывает на растущее могущество рабочего класса и на его постоянное стремление поддержать мир посредством энергичного вмешательства. Для успеха этой деятельности необходимо, чтобы постоянная пропаганда подготовляла людей к мощным выступлениям и чтобы действия отдельных национальных партий были постоянно вызываемы и координируемы Интернационалом. Конгресс, кроме того, убежден, что под давлением пролетариата серьезное применение на практике международного арбитража заменит собою во всех разногласиях жалкие попытки буржуазных правительств, и таким образом народу будет обеспечено благодетельное всеобщее разоружение, которое даст возможность обратить в пользу цивилизации неисчислимые запасы энергии и богатств, поглощаемые вооружениями и войнами. Конгресс заявляет *): если грозит вспыхнуть война, то обязанностью рабочего класса во всех заинтересованных странах и долгом их представителей в парламентах является приложение, при помощи Интернационального Бюро, путем энергичных и координированных действий, всех возможных усилий для того, чтобы помешать войне всеми способами, которые будут ими признаны наиболее подходящими и которые, само собой разумеется, могут быть различными в зависимости от степени обостренности классовой борьбы и общей политической ситуации.

Если же война уже возникла, несмотря на все эти меры, то они обязаны приложить все усилия к тому, чтобы ее как можно скорее прекратить и всеми силами использовать вызванный войной экономический и политический кризис для того, чтобы всколыхнуть наиболее глубоко лежащие общественные слои и тем ускорить падение капиталистического господства.

---

*) Заключительный абзац этой резолюции, следующий далее, принят согласно предложенной Лениным, Люксембург и Мартовым поправке. Ред.

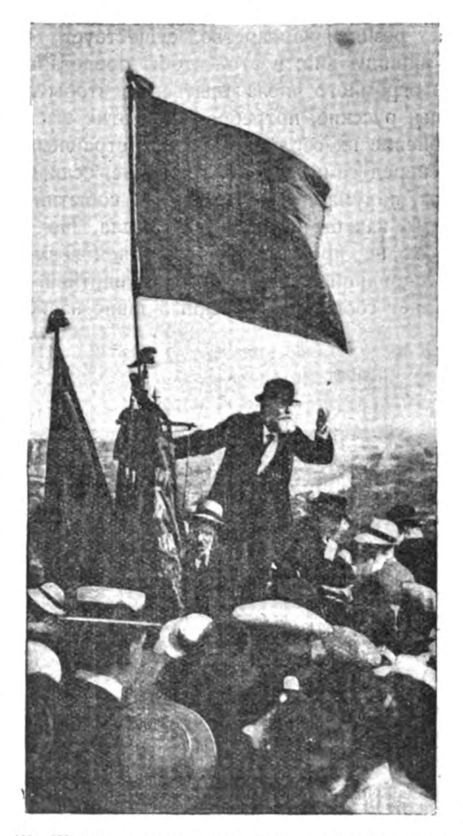
Последняя речь Ж. ЖОРЕСА*).

Граждане!

Я хочу вам заявить в этот вечер, что никогда за последние сорок лет Европа не находилась в состоянии более угрожающем и более трагическом, чем то, в котором мы находимся в этот час, когда я в сознании своей ответственности обращаюсь к вам с речью.

О, граждане, я не хочу сгущать темных красок картины, я не хочу сказать, что дипломатический разрыв между Австрией и Сербией, о котором мы получили известие полчаса тому назад, обязательно означает, что между ними должна вспыхнуть война, и я не говорю также, что если война между Сербией и Австрией вспыхнет, то конфликт обязательно распространится на всю остальную Европу; но я говорю, что в настоящую минуту против нас, против мира, против жизни людей встают страшные опасности, против которых пролетариям Европы необходимо направить наивысшие усилия солидарности, какие только они могут направить...

Каждый народ появляется на дорогах Европы с своим маленьким факелом в руке, и вот отсюда пожар. О, да, граждане...



Ж. Жорес произносит свою последнюю речь (снимок взят из буржуазной французской газеты тех дней; подпись под портретом гласит: „Демагог Жорес...“).

И вот, граждане, в том мраке, который нас окружает, в той глубокой неизвестности о завтрашнем дне, в которой мы находимся, я не хочу произносить безрассудного слова. Я, несмотря ни на что, надеюсь еще, что в силу самой огромности того бедствия, которое нам угрожает, в последнюю минуту правительства овладеют собой, и нам не придется дрожать от ужаса при мысли о бедствиях, которые повлекла бы сегодня за собою для людей европейская война.

Мы видели балканскую войну, когда почти целая армия погибла либо на полях сражений, либо на госпитальных койках. Армия отправилась в путь в количестве трехсот тысяч человек, и она оставляет на полях сражений, в придорожных канавах, зараженными тифом на больничных койках сто тысяч человек—из трехсот тысяч.

Подумайте же, какое это будет бедствие для Европы: уже не будет более, как на

*) Произнесена им за шесть дней до смерти—25 июля 1914 г.—в Веве близ Лиона, на предвыборном собрании; дается в несколько сокращенном виде. Ред.

Балканах, армий в триста тысяч человек, но четыре, пять и шесть армий из двух миллионов человек*). Какое это будет бедствие, какая резня, какие разрушения, какое варварство. И вот почему, когда грозовая туча уже повисла над нами, вот почему я еще хочу надеяться, что преступление не будет совершено. Но, граждане, если буря разразится, то на нас на всех, социалистов, ляжет забота спастись в наивозможно кратчайший срок от преступления, которое правители совершат, а пока же, если у нас еще остается что-либо, если у нас еще остается несколько часов, мы удвоим усилия для предотвращения катастрофы. В Форвертсе наши социалисты товарищи Германии восстают уже с негодованием против австрийской ноты, и я полагаю, что наше международное социалистическое бюро уже по этому поводу созвано.

Как бы то ни было, граждане,—я произношу эти свои слова с некоторой скорбью—в момент, когда нам угрожает резня и варварство, существует только один шанс на поддержание мира и спасение цивилизации; и это—чтобы пролетариат собрал все силы социалистов, которые состоят из огромного числа братьев, и чтобы все пролетарии, французы, англичане, немцы; итальянцы, русские, потребовали у этих тысяч людей об'единения для того, чтобы единодушное биение их сердец отвратило страшный кошмар.

Мне было бы стыдно перед самим собой, граждане, если бы среди вас нашелся хоть один человек, который бы подумал, что драматизм событий я стараюсь направить на пользу избирательной победы, как бы ценна она ни была. Но я имею право сказать вам, что это долг наш, вас всех, не пренебрегать ни одной возможностью, чтобы показать, что вы заодно с той международной социалистической партией, которая в данную минуту под угрозой бури представляет собою единственный шанс на возможность мира.



О Боссер. Дикая погоня.

*) Чтобы сказал Жорес, если бы он знал, что армия не живых, но армия *мертвых* будет составлять десять миллионов. Ред.

Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. о войне*).

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы наиболее отсталых восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, раз'единение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачать ложь, софизмы и „патриотические“ фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией, в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прусскими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран—Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели „передовые“ демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украину и друг., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его

*) Отпечатан в „Социал-Демокр.“ № 33 от 1—XI—14 г. Написан т. Лениным и вошел в XIII том его собрания сочинений под названием „Война и Российская социал-демократия“. Ред.

внимание от единственной действительно освободительной войны, именно гражданской войны против буржуазии, как „своей" страны, так и „чужих" стран,—для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патриотизме старается возвеличить значение „своей" национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради „освобождения" всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран раз'единить рабочих и натравить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, „внутреннего", чем внешнего врага), тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма „патриотической" буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о социалистических, стремлений.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической возможности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914) социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставили себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические „патриотические" лозунги буржуазии „своих" стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д., и т. п. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистической буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские с.-д. пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские с.-д., заявляем, что такое оправдание считаем простым софизмом. Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики.

Не далее, как накануне войны президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что, если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистическая печать России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее **отказаться** от каких бы то ни было революционных действий, то и в этом случае нельзя было присоединиться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская С.-Д. Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано.

Но наше парламентское представительство—Российская С.-Д. Рабочая Фракция в Государственной Думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть зал заседаний Думы для еще более энергического выражения своего протеста, сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной соц.-демократии в лице меньшинства немецких с.-д. и лучших с.-д. в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства с.-д. партии раздаются и в Англии, и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского „Социалистического Ежемесячника", давно стоящие на национально-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом, — то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной соц.-демократией люди (подобно „центру" в германской с.-д. партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (так-наз. „мирной") исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале.

Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом;—отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов;—проповедуя шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества;—ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной борьбы пролетариев всех стран против буржуазии всех стран;—превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное „дополнение" оппортунизма — столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской, точке зрения, анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и раз'яснением массам неизбежности его фиаско.

Задачей соц.-демократии каждой страны должна быть в первую голову борьба против шовинизма данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм (кадеты) и частью народников, вплоть до с.-р. и „правых“ с.-д. (В особенности обязательно заклеймить шовинистические выступления, например, Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-„патриотическою“ печатью).

При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских соц.-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом соц.-демократии Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, при чем в отличие от буржуазии, которая готова „обещать“ что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, соц.-демократы будут раз'яснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачами соц.-демократии в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть попрежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация всех помещичьих земель и 8-ми часовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного „патриотического“ варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма.

Использование буржуазных законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации и организации. Пусть оппортунисты „берегут“ легальные организации ценой измены своим убеждениям, революционные соц.-демократы используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочение рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочими всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма не долговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный Комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии.

Карл Либкнехт.

Заявление К. Либкнехта в рейхстаг по вопросу о кредитах.

Об'яснение и обоснование своего отрицательного голосования в заседании рейхстага от 2 декабря 1914 года*) Карл Либкнехт передал президенту рейхстага для напечатания в стенографическом отчете, согласно § 59 правил внутреннего распорядка, следующее:

„Мое отклонение сегодняшнего предложения об'ясняется следующим. Настоящая война, которой ни один из народов, в ней участвующих, не желал, ведется не ради блага германского или какого-нибудь другого народа. Это — империалистическая война, война за капиталистическое господство над мировым рынком, за политическое овладение областями приложения промышленного и банкового капитала. С точки зрения системы всеобщего вооружения, это есть превентивная война, вызванная германской и австрийской военными партиями под покровом полуабсолютизма и тайной дипломатии. Это — бонапартистская затея в целях дезорганизации и разгрома нарастающего народного движения. Все это ясно доказали истекшие месяцы, несмотря на беззастенчивую систему официальной лжи. Германский лозунг „против царизма", подобно французскому и английскому „против милитаризма", имел целью использовать лучшие инстинкты, революционные традиции и чаяния народа для дела человеконенавистничества. Германия, соучастница царизма, оставшаяся до последнего дня образцом политической отсталости, не призвана быть освободительницей народов. Освобождение русского, как и германского народов есть их собственное дело.

Настоящая война не есть германская освободительная война. Ее исторический характер и ее течение до настоящего времени не дают возможности поверить капиталистическому правительству, утверждающему, что целью, ради которой испрашиваются кредиты, является защита родины.

Нужно требовать немедленного мира**), ни для кого не оскорбительного, мира без захватов. Нужно приветствовать все старания, направленные к этой цели. Только одновременное усилие направленных к такому миру течений во всех воюющих странах может остановить кровавую бойню и предотвратить полное истощение участвующих в ней народов. Только мир, основанный на международной солидарности рабочего класса и на свободе всех народов, может быть прочным. Задачей пролетариата всех стран и сейчас, во время войны, остается совместная социалистическая борьба за мир.

Я одобряю кредиты на борьбу с нуждой в испрашиваемом размере, который считаю еще далеко недостаточным. Я одобряю также все меры, способные как-либо облегчить тяжелую участь наших больных и раненых, которым принадлежат все мое сочувствие и вся моя жалость. И здесь никакое требование не может быть слишком высоким. Но, протестуя против войны, против ее виновников и руководителей, против капиталистической политики, вызвавшей ее, против капиталистических целей, ради которых она ведется, против планов аннексий и захватов, против нарушения бельгийского и люксембургского нейтралитета, против военной диктатуры, против политического и социального вероломства, в котором виноваты правительство и господствующие классы, я отклоняю испрашиваемые военные кредиты.

Берлин, 2 декабря 1914 г.

---

*) На 2-м военном заседании рейхстага. Как известно, на 1-м же, 4 августа 1914 г., противники кредитов члены фракции с.-д. голосовали в порядке партийной дисциплины за кредиты. (См. синхрон. таблицы в настоящем сборнике). Ред.

**) По поводу этой декларации т. Зиновьев в декабре 1914 года заметил, что несомненно *верно* все то, что Либкнехт сказал *о характере и причинах войны;* но вывод должен быть: превращение империалистской войны в гражданскую; недостаточно ограничиться провозглашением лозунга мира, как это сделано К. Либкнехтом (см. примеч. Г. Зиновьева к статье „Не герои" в сборнике „Против течения", стр. 41). Ред.

Письмо Франца Меринга в редакцию „LABOR LEADER“ в Лондоне.

Дорогие товарищи!

Тяжелая задача для члена германской социал-демократии—писать в настоящий момент о солидарности международного пролетариата. Было бы лицемерием отрицать, что большинство социал-демократической фракции рейхстага нанесло этой солидарности если не единственный, то, во всяком случае, первый и наиболее тяжелый удар. Этого факта не уничтожить вздорными рассуждениями о том, что Интернационал не является действительным орудием войны, а есть по существу только орудие мира. Это все равно, что сказать: в мече существенен не клинок, а эфес.



Франц Меринг.

И все же, то неблагоприятное освещение, в котором германская социал-демократия предстает перед братскими партиями за границей, обманчиво. То, что разыгрывается в ней сейчас, напоминает первые годы закона против социалистов, когда вожаки, как теперь, потеряли голову, но массы скоро об'единились под лозунгом: „С вождями, если они хотят; без вождей, если они отказываются; против вождей, если они препятствуют“. Уже идет сильное брожение во всех больших партийных центрах Германии: В Берлине, Гамбурге, Лейпциге, Штуттгарте. И недалек тот день, когда рабочий класс Германии потребует мира и возвращения к непоколебимым основам Интернационала; он потребует этого с буйной силой воли, закаленной в полувековых битвах.

Берлин—Штеглиц, в декабре 1914 года.

Письмо Карла Либкнехта в редакцию „Лейбор-Лидер“ *).

Фальшивая мишура—вся эта фразеология о защите отечества и освобождении народов, какою империализм украшает свое смертоносное оружие. У всякой социалистической партии есть свой враг; враг международного пролетариата—в собственной стране. Там должна она бороться с ним. Освобождение всякого народа должно быть делом его собственных рук.

Каждый социалист может и теперь в своей стране действовать, как классовый борец, как проповедник международного братства, в уверенности, что каждое его слово, сказанное им, каждый поступок, совершонный в пользу социализма и мира, вызовет такие же слова и поступки в других странах, пока пламя стремления к миру не вспыхнет ярким пожаром над всей Европой.

Пролетариат всех воюющих стран скоро проложит дорогу международному сотрудничеству для достижения мира—мира без завоеваний, без унижений.

Так может вновь возродиться Интернационал во время войны, борясь и искупая свои прежние ошибки. Он должен будет возродиться, и укреплен он будет не внешней, но внутренней революционной силой, ясностью, готовностью преодолевать опасности абсолютизма, тайной дипломатии, капиталистического заговора против мира.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

---

*) Редакция английской газеты „Labor-Leader“—органа Ind. Lab. Party—обратилась в декабре 1914 г. к Либкнехту, Люксембург и Мерингу с просьбой дать им письма, из которых мы помещаем письма К. Либкнехта и Меринга. Ред.

Проект манифеста, внесенный на 1-ю Циммервальдскую конференцию левой группой делегатов *).

Пролетарии Европы!

Уже более года тянется война. Миллионами трупов усеяны поля сражений, миллионы калек осуждены на всю жизнь быть в тягость себе и другим. Война причинила страшные опустошения, она повлечет за собой неслыханное увеличение налогов.

Капиталисты всех стран, ценой проливаемой пролетариями крови наживающие во время войны громадные барыши, требуют от народных масс, чтобы они напрягли все усилия и держались до конца. Они говорят: война нужна для защиты отечества, она ведется в интересах демократии. Они лгут! Ни в одной стране капиталисты не начали войну потому, что независимость их страны подвергалась опасности, или потому, что они хотели освободить какой-либо порабощенный народ. Они повели массы на бойню потому, что хотят притеснять и эксплоатировать другие народы. Они не могли сговориться между собой, как поделить еще оставшиеся независимыми народы Азии и Африки, они подстерегали друг друга, стремясь вырвать один у другого уже захваченную добычу.

Не ради своей собственной свободы, не ради освобождения других народов истекают кровью народные массы во всех частях громадной бойни, называемой Европейской. Эта война принесет пролетариату Европы и народам Азии и Африки новое бремя, новые цепи.

Поэтому эту братоубийственную войну не к чему вести до конца, до последней капли крови; наоборот, надо напрячь все силы, чтобы положить ей конец.

Время для этого уже настало. Первое, чего вы должны требовать,—это, чтобы ваши социалистические депутаты, которых вы послали в парламент для борьбы с капитализмом, с милитаризмом, с эксплоатацией народа, исполнили свой долг. Все они, за исключением русских, сербских, итальянских и за исключением т.т. Либкнехта и Рюле, попрали ногами этот долг и или поддержали буржуазию в ее хищнической войне, или, колеблясь, уклонились от ответственности; вы должны требовать, чтобы они или сложили свои мандаты, или использовали парламентскую трибуну для того, чтобы выяснить народу характер теперешней войны, и вне парламента помогали рабочему классу вновь начать свою борьбу; вашим первым требованием должно быть: **отказ от голосования всяких военных кредитов, выход из министерств Франции, Бельгии и Англии.**

Но этого мало! Депутаты не могут спасти вас от бешеного зверя—мировой войны, пьющей вашу кровь. **Вы должны сами действовать.** Все свои организации, свои издания вы должны использовать для того, чтобы вызвать в широчайших, стонущих под бременем войны массах возмущение против нее. Вы должны итти **на улицу**, бросить господствующим классам в лицо клич: **довольно резни!** Пусть останутся глухи к нему господствующие классы, его услышат недовольные народные массы и примкнут к вам, чтобы принять участие в борьбе.

Необходимо немедля энергично требовать прекращения войны, надо громко про-

---

*) В Циммервальдскую левую группу входили: тт. Ленин и Зиновьев (ЦКРСДРП), К. Радек (польская оппозиция с.-д.), С.-Д. Лат. края — т. Винтер, шведск. с. д. Хёглунд, норвержск.—Стуре Нёрман, один немецкий делегат и швейцарский с.-д. Ф. Платтен. Циммервальдское большинство приняло известный манифест, составленный т. Троцким (от „Нашего Слова") и Р. Гриммом—правым, председателем конференции, а затем и Интернац. Соц. Комиссии, избранной на конференции. Этот **манифест** т. Ленин характеризовал, как „шаг к идейному и практическому разрыву с оппортунизмом и социал-шовинизмом". Но в то же время манифест „страдает непоследовательностью и недоговоренностью" (см. „Первый шаг" 11—X—15, стр. 199 тома XIII собр. соч.). **Ред.**

тестовать против эксплоатации одних народов другими, против раздела между разными государствами отдельных народностей. Все это будет иметь место при победе любого капиталистического правительства, которое сможет диктовать другим условия мира. Если мы предоставим капиталистам заключать мир таким же путем, как они начали войну—без участия народных масс, то новые завоевания не только усилят в победившей стране реакцию, господство полицейского произвола, но посеют семена новых, еще более ужасных войн.

Свержение капиталистических правительств—такова цель, которую должен поставить себе рабочий класс всех воюющих стран, потому что лишь тогда только будет конец эксплоатации одних народов другими, конец войнам, когда будет вырвана из рук капитала власть располагать жизнью и смертью народов. Только освобожденные от нужды и бедствий, от господства капитала народы будут в состоянии организовать свои взаимные отношения не путем войн, а путем дружественных соглашений.

Велика цель, которую мы ставим, велики усилия, необходимые для достижения ее, велики будут жертвы, прежде чем цель будет достигнута. Длинен путь к победе. Мирных средств давления будет недостаточно, чтобы одолеть врага. Но лишь тогда, когда вы будете готовы часть тех неисчислимых жертв, которые вы приносите на поле брани ради интересов капитала, принести ради собственного освобождения, борясь с капиталом, только тогда будете вы в состоянии положить конец войне, заложить настоящую основу для прочного мира, который из рабов капитала превратит вас в свободных людей.

Если же лживыми фразами буржуазии и поддерживающих ее социалистических партий удержат вас от энергичной борьбы, и вы удовлетворитесь воздыханиями, не желая итти на приступ, положить свою душу и тело за великое дело, тогда капитал будет продолжать расточать вашу кровь и имущество по своему усмотрению. Во всех странах с каждым днем растет число тех, которые думают, как мы; по их поручению собрались мы, представители различных стран, чтобы обратиться к вам с этим призывом к борьбе. Мы поведем ее, поддерживая друг друга, так как нас не разделяют никакие интересы. Надо, чтобы революционные рабочие каждой страны считали своим долгом и правом чести являться для других образцом энергии, самопожертвования. Вот та дорога, которая ведет к образованию могучего Интернационала, который положит конец войнам и капитализму.



К. Кольвиц. Война.

Руководящие положения группы „Интернационал" *).

Большое число товарищей со всех частей Германии приняло следующие руководящие положения, представляющие собой применение Эрфуртской программы к современным проблемам интернационального социализма:

1. Мировая война свела на-нет результаты сорокалетней работы европейского социализма, погубив значение революционного рабочего класса, как фактора политической силы, и моральный престиж социализма, разрушив Пролетарский Интернационал, столкнув его секции друг с другом в братоубийственной борьбе и приковав чаяния и надежды народных масс в важнейших капиталистических странах к колеснице империализма.

2. Одобрением военных кредитов и об'явлением гражданского мира официальные вожди социалистических партий в Германии, Франции и Англии (за исключением независимой рабочей партии) обеспечили тыл империализму, обрекли народные массы терпеливо нести нужду и ужасы войны, содействовали разнузданию империалистического неистовства, продлению бойни и увеличению числа ее жертв и взяли, таким образом, на себя ответственность за войну и ее последствия.

3. Эта тактика официальных партийных верхов во всех воюющих странах, в первую голову в Германии, бывшей до тех пор руководящей страной Интернационала, является изменой элементарным основам интернационального социализма, жизненным интересам рабочего класса, всем демократическим интересам народов. Благодаря этой измене обречена была на бессилие социалистическая политика в трех странах, где партийные вожди остались верными своему долгу: в России, Сербии, Италии и отчасти Болгарии.

4. Прекратив классовую борьбу и отложив ее на время после войны, официальная социал-демократия главных стран тем самым предоставила возможность господствующим классам в громадной степени усилить за счет пролетариата свое экономическое, политическое и моральное положение.

5. Мировая война служит не национальной защите, не экономическим или политическим интересам народных масс,—она является только порождением империалистического соперничества между капиталистическими классами различных стран в их борьбе за мировое господство и монопольную эксплоатацию и порабощение областей, еще не завоеванных капиталом. В эпоху этого разнузданного империализма не может быть больше национальных войн. Национальные интересы служат только средством обмана, чтобы заставить трудящиеся массы служить их смертельному врагу—империализму.

6. Из политики империалистических государств и из империалистической войны не может возникнуть свобода и независимость какой бы то ни было подавленной нации. Малые национальности, господствующие классы которых составляют только придаток капиталистических классов больших государств, совиновниками которых они являются, суть не больше, чем пешки в империалистической игре великих держав; так же, как и трудящиеся массы, их используют во время войны для того, чтобы после войны принести в жертву капиталистическим интересам.

7. Настоящая война при всех обстоятельствах,—при поражении или победе какой угодно стороны,—означает поражение социализма и демократии. При любом ее исходе,—

---

*) Приняты единогласно на тайной Всегерманской конференции группы „Интернационала", состоявшейся на квартире К. Либкнехта 1 января 1916 г. Написаны Розой Люксембург. Ред.

за исключением революционного вмешательства международного пролетариата,—война приведет к усилению милитаризма, международных противоречий, мирового соперничества. Она усиливает капиталистическую эксплоатацию и внутреннюю реакцию, ослабляет, общественный контроль и низводит парламенты все более до степени послушного орудия в руках милитаризма. Таким образом, современная мировая война сама же развивает все предпосылки новых войн.

8. Мир всего мира не может быть обеспечен утопическими и в основе своей реакционными планами, как-то: международными третейскими судами капиталистических дипломатов, дипломатическими соглашениями о „разоружении" и о „свободе морей", об „уничтожении права морской добычи"—капёрства, „европейскими союзами государств", „средне-европейскими таможенными союзами", национальными буферными государствами и т. п. Империализм, милитаризм и войны не могут быть устранены до тех пор, пока капиталистические классы беспрепятственно пользуются своим господством. Единственным средством оказать им успешное противодействие и единственным обеспечением мира являются политическая активность международного пролетариата и его революционная воля бросить свою мощь на чашу весов истории.

9. Империализм, как последний фазис и высшая ступень развития политического мирового господства капитала, является смертельным врагом пролетариата всех стран Однако, он делит участь всех прежних стадий капитализма: он укрепляет силы своего противника в той же мере, как раскрывает свои собственные. Он ускоряет концентрацию капитала, разложение среднего сословия, рост пролетариата, вызывает растущее сопротивление широких масс и ведет, таким образом, к интенсивному обострению классовых противоречий. Пролетарская классовая борьба должна сосредоточиться в первую голову против империализма, как во время мира, так и во время войны. Борьба против него есть в то же время для международного пролетариата борьба за политическую власть в государстве, окончательное сведение счетов между социализмом и капитализмом. Конечная цель социализма будет достигнута международным пролетариатом только тогда, когда он поведет решительную борьбу с империализмом на всех фронтах и с полным самоотвержением и самопожертвованием сделает принципом своей практической политики лозунг: „война—войне".

Ю. В виду этой цели главной задачей социалистического движения в наши дни является об'единить пролетариат всех стран в одну живую революционную силу, сделать его решающим фактором политической жизни,—к чему он и призван историей,—путем крепкой организации на основе единого понимания его задач и интересов и единой тактики и политического действия как во время мира, так и во время войны.

11. II Интернационал взорван войной, его непригодность доказана его неспособностью воспрепятствовать национальному расколу во время войны и провести общую тактику и об'единенное действие пролетариата во всех странах.

12. В виду измены официальных представителей социалистических партий руководящих стран целям и интересам рабочего класса, в виду их перебежки от дела пролетарского Интернационала на позиции буржуазной империалистической политики, для социализма является жизненной необходимостью создание нового, рабочего Интернационала, который взял бы на себя руководство и об'единение революционной классовой борьбы против империализма всех стран.

Для того, чтобы разрешить свою историческую задачу, Интернационал должен покоиться на следующих основаниях:

1. Классовая борьба внутри буржуазных государств против господствующих классов и международная солидарность пролетариев всех стран—суть два неразрывных правила поведения рабочего класса в его исторической освободительной борьбе. Нет социализма вне международной солидарности пролетариата и нет социализма вне классовой борьбы.

Социалистический пролетариат не может отказаться ни во время мира, ни на время войны от классовой борьбы и международной солидарности, не совершая самоубийства.

2. Классовая деятельность пролетариата всех стран как во время мира, так и во время войны должна быть направлена, как на свою главную цель, на ниспровержение империализма и препятствование войнам. Парламентская деятельность, профессиональная работа, как и все рабочее движение, должны стремиться к одной цели—как можно острее и резче противопоставить—пролетариат в каждой стране отечественной буржуазии, шаг за шагом вскрывать политическую и духовную противоположность этих классов и одновременно выдвигать на первый план пролетарское единство во всех странах и содействовать ему.

3. Центр тяжести классовой организации пролетариата лежит в Интернационале. Интернационал определяет во время мира тактику национальных секций в вопросе милитаризма, колониальной политики, торговой политики, первомайского празднования и далее тактику, которая должна проводиться во время войны.

4. Обязанность выполнять постановления Интернационала стоит впереди всех других обязанностей рабочих организаций. Те национальные секции, которые нарушают эти постановления, тем самым ставят себя вне Интернационала.

5. В борьбе против империализма и войны решающую роль могут сыграть только внушительные массы пролетариев всех стран. Главной целью тактики национальных секций должна быть поэтому подготовка широких масс к политическому действию и к решительной инициативе, обеспечение интернационального единства общей деятельности и создание таких политических и профессиональных организаций, посредством которых можно было бы достичь в любой момент быстрого и решительного совместного действия всех секций, чтобы воля Интернационала претворялась, таким образом, в действие широких рабочих масс.

6. Следующей задачей социалистического движения является духовное освобождение пролетариата от опеки буржуазии, которая выражается во влиянии националистической идеологии. Национальные секции должны вести свою агитацию в парламентах и прессе, чтобы разоблачать традиционную националистическую фразеологию, как орудие буржуазного господства. Единственной защитой действительно национальной свободы является сейчас только революционная борьба против империализма. Родиной пролетария, защите которой все должно быть подчинено, является только **Социалистический Интернационал.**

Манифест 2-й Циммервальдской конференции к разоряемым и умерщвляемым народам*).

Два года мировой войны! Два года опустошения! Два года кровавых жертв и бешенства реакции!

Кто несет за это ответственность? Кто скрывается за теми, которые бросили пылающий факел в бочку с порохом? Кто давно уже хотел войны и подготовлял ее?

Это—господствующие классы.

Когда мы, социалисты воюющих и нейтральных стран, в сентябре 1915 года, невзирая на кровавую свалку, протянули друг другу руки и среди бешенства разгоревшихся военных страстей об'единились в Циммервальде, мы сказали в нашем манифесте:

„Правящие силы капиталистического общества, в руках которых покоились судьбы народов,—монархические, равно как и республиканские правительства, тайная дипломатия, могущественные предпринимательские организации, буржуазные партии, капиталистическая пресса, церковь—они все несут на себе всю тяжесть ответственности за эту войну, которая возникла из питающего их и ими охраняемого общественного порядка и ведется во имя их интересов“.

„Каждая нация,—сказал Жорес за несколько дней до своей смерти,—неслась с горящим факелом по улицам Европы“.

Уложив миллионы людей в могилу, повергнув в горесть миллионы семей, превратив миллионы во вдов и сирот, нагромоздив развалины на развалины и разрушив незаменимые культурные ценности, война попала в тупик.

Несмотря на горы жертв на всех фронтах, никаких решающих результатов! Чтобы только поколебать эти фронты, правительства должны были бы пожертвовать новые миллионы людей.

Ни победителей, ни побежденных, или вернее все побежденные, то-есть все изошли кровью, все разорены, все истощены,—таков итог этой полной ужасов войны. Таким образом, фантастические мечты господствующих классов об империалистическом мировом господстве не сбылись.

И вновь обнаружилось, что только те социалисты сослужили службу интересам народов, которые, несмотря на клевету, выступили против националистического безумия и потребовали немедленного мира без аннексий.

Об'единимся поэтому под боевым лозунгом.

Долой войну! Да здравствует мир!

Рабочие городов и деревень!

Правительства, империалистические клики и их пресса говорят вам, что нужно вести войну до конца, чтобы освободить угнетенные народы. Из всех средств обмана, пущенных в ход во время этой войны, это средство самое грубое. Истинная цель этой всеобщей бойни, это—обеспечение для одних того, что они награбили в течение столетий, в течение многих войн; другие хотят нового раздела мира, чтобы увеличить свои владения; они

*) 2-я Циммервальдская Конференция состоялась в мае 1916 года в Кинтале (Швейцария). Она отразила процесс полевения в соц.-дем. движении. Настоящий манифест это выражает в том смысле, что в целом он *против* социал-пацифизма, *против* каутскианства. Манифест принят в результате компромисса левой и примыкающих к ней элементов—с французскими делегатами (Бризон и др.). Отсюда недостаточная четкость, ясность. Ред.

хотят аннексировать новые области, разорвать на части народы, низвести их к роли простых рабов и илотов.

Ваши правительства и их пресса говорят вам, что войну необходимо продолжать, чтобы уничтожить милитаризм.

Не давайте себя обманывать! Милитаризм той или иной нации может быть ниспровергнут лишь ею самою, и во всех странах надо его преодолеть.

Ваши правительства и их пресса говорят также вам, что войну надо продолжать, чтобы сделать ее последнею.

Но и это обман. Никогда война не убивала войны. Наоборот, она пробуждает желание возмездия,—насилие порождает насилие.

Таким образом, после каждой жертвы наши мучители будут требовать от вас новых жертв, и из этого заколдованного круга не могут вывести вас и буржуазные пацифисты. Существует одно лишь единственное средство помешать будущим войнам: это завоевание политической власти и отмена капиталистической собственности рабочим классом.

„Прочный мир" будет плодом победы социализма.

Пролетарии!

Кто проповедует „войну до конца", „до победы?" Это виновники войны; продажная пресса, военные поставщики и все те, кто наживается на войне; это социал-патриоты, повторяющие буржуазные военные лозунги; это реакционеры, которые в глубине души радуются, что на полях битвы погибают те, кто вчера еще был угрозой привилегиям господствующих классов: социалисты, члены профессиональных союзов, все те, кто сеял семена социализма в городе и деревне.

Вот сторонники политики войны до конца!

Они располагают государственной властью, они командуют лживой прессой, отравляющей народы, они пользуются свободой агитации за продолжение войны, за продолжение кровавых жертв и опустошений.

Жертвами являетесь вы: вы имеете право голодать и молчать, для вас цепи военного положения, цензурный намордник, мертвый воздух тюрьмы.

Вы, народ, трудящиеся массы, вы делаетесь жертвами войны, а между тем эта война не ваша.

В траншеях, на передовых позициях находитесь вы, трудящийся сельский и городской люд.

Позади фронта видите вы богатых с их приспешниками, скрывающихся в безопасности.

Для них война—это смерть других!

И ведя свою классовую борьбу против вас еще в более острой форме, чем раньше, они проповедуют вам гражданский мир. Беспощадно эксплоатируя вашу беду, вашу нужду, они хотят побудить вас изменить вашему долгу по отношению к своему классу и вырвать у вас из души вашу лучшую силу, надежду на социализм.

Еще яснее, чем в мирное время, выступает во время войны социальная несправедливость и классовое господство.

Во время мира капиталистическая система отнимает у рабочего всякую радость в жизни, во время войны она отнимает у него все, даже жизнь.

Довольно убийств! Довольно страданий!

Довольно также опустошений!

Ибо на вас, на трудящихся, обрушиваются ныне и будут обрушиваться потом эти нагроможденные развалины.

Сотни миллионов бросают теперь в пасть бога войны и пропадают таким образом для благосостояния народа, для культурных целей и социальных реформ, которые могли бы облегчить ваш жребий, улучшить народное образование и ослабить нищету.

Но завтра новые тяжелые налоги лягут на ваши обремененные плечи.

Довольно растраты вашего труда, ваших денег, вашей жизненной силы!

Поднимемся на борьбу за немедленный мир без аннексий.

Пусть во всех воюющих странах трудящиеся мужчины и женщины выступят против войны и ее последствий, против нужды и лишений, против безработицы и дороговизны. Пусть они поднимут голос за восстановление отнятых у них гражданских свобод, за социальное законодательство, за требования трудящихся классов в городе и деревне.

Пусть пролетарии нейтральных стран помогают социалистам воюющих стран в их тяжелой борьбе и всеми силами противятся дальнейшему распространению области войны.

Пусть социалисты всех стран действуют согласно постановлениям международных конгрессов, которые гласят, что обязанностью рабочего класса является употребить все усилия, чтобы положить скорейший конец войне.

Оказывайте самое сильное давление, какое только можете, на ваших депутатов, на ваши парламенты, на ваши правительства.

Требуйте от представителей социалистических партий немедленного отказа от поддержки военной политики правительств. Требуйте от социалистических депутатов, чтобы они отныне голосовали против всех военных кредитов.

Способствуйте всеми имеющимися у вас в распоряжении средствами скорейшему окончанию человеческой бойни.

Требуйте немедленного прекращения войны. Поднимайтесь на борьбу, разоряемые и умерщвляемые народы.

Смелей! Помните о том, что вы большинство и, если захотите, можете стать силой.

Пусть правительства увидят, что во всех странах растет ненависть к войне и желание социального искупления.

Тогда приблизится час мира среди народов! Долой войну!

Да здравствует мир, немедленный мир без аннексий!

Да здравствует международный социализм!

Вторая Социалистическая Международная Циммервальдская Конференция.

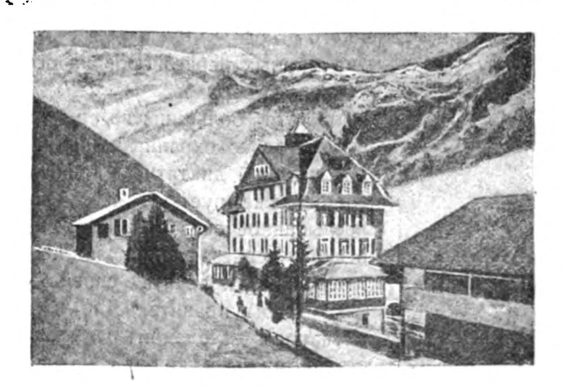


К. Кольвиц. Война.

Резолюция, собственноручно написанная Владимиром Ильичем (на французском языке) в Кинтале.

Depuis la [illegible] conférence de Zimmerwald la situation internationale s'est encore aggravée. Les victimes, dans les états belligérants augmentent de jour en jour en même temps que la cherté de la vie et la misère sont aggravées par une spéculation effrontée, protégée par une corruption toujours croissante qui menace la force vitale des peuples.

(Со времени Циммервальдской конференции международное положение еще более ухудшилось. Число жертв в воюющих странах увеличивается с каждым днем, при одновременном росте дороговизны и нищеты, которым благоприятствуют бесстыдная спекуляция и постоянно растущая коррупция, составляющие серьезную угрозу для народов)



Деревня Кинталь в Швейцарии, где происходила II Социалистическая конференция левых социалистов—противников мировой войны.

Последний парламентский акт Карла Либкнехта *).

Берлин, 28 апреля 1916 г.

Господин президент!

Рейхстаг распущен на каникулы до 2 мая. По газетным сведениям, имеется намерение открыть пленарные заседания еще позже. Я протестую против этого и требую немедленного созыва парламента.

Конфликт с Америкой, а вместе с тем и вопрос дальнейшего расширения, обострения и продления войны, вступил в критический момент. Правительство собирается и этот существенный для немецкого народа вопрос решить в темном кабинете тайной дипломатии, в то время, как на шее народных масс затянута веревка осадного положения. Империалистические спекулянты, наживающиеся на войне, и капиталисты снова пускают в ход свое влияние, готовясь навязать народным массам новые жертвы и ужасные страдания.



Германское правительство, аппелирующее к американскому народу, должно быть принуждено выслушать также мнение германского народа и действовать по его воле,—по его воле, которая требует безусловно мирного разрешения конфликта, немедленного прекращения злополучной подводной войны против торговых судов, немедленного открытия мирных переговоров на основе отказа от аннексий всякого рода.



Хотя большинство рейхстага и представляет собой только охранный корпус милитаризма и ширму для военной диктатуры, хотя оно, оставляя далеко за собой даже русскую думу, ввело для самого себя неслыханное осадное положение с целью подавления всякого серьезного оппозиционного выступления внутри рейхстага, я считаю своей обязанностью требовать:

Чтобы правительство в немедленно созванном пленарном заседании рейхстага представило общественному мнению весь материал относительно конфликта и изложило свои соображения и намерения, что даст возможность требовать окончательного и немедленного снятия осадного положения, для того, чтобы германский народ мог при решении конфликта положить на чашу весов свое веское слово.

Примите и пр. **Карл Либкнехт.**

*) Настоящий протест послан К. Либкнехтом президенту рейхстага за два дня до его ареста на Постдамской площади. Ред.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

Е. Варга.

Экономические причины и следствия мировой войны.

I. Причины.

При оценке мировой войны очень часто совершают ошибку, рассматривая войну в качестве изолированного, случайного явления, которое можно было бы избежать, если б велась более разумная политика. Но истина в том, что при капитализме войны неизбежны и что мировой войне предшествовал целый ряд других. За последние пятьдесят лет до мировой войны не было, кажется, такого момента, когда бы не велось войны в том или другом месте земного шара.

Правда, эти войны в экономическом отношении носили несколько иной характер. Это были преимущественно войны против беззащитных народов в целях подчинения все большего числа территорий власти империалистических мировых держав. И целый ряд колониальных войн способствовал, таким образом, развитию империалистических форм капитализма. Мировая война в экономическом отношении существенно отличается от прежних. Здесь дело шло уже не о подчинении новых областей режиму империализма, а о борьбе представителей империализма между собою за новый передел эксплоатируемых колониальных и полуколониальных областей. Для уяснения этого охарактеризуем вкратце довоенный капитализм.

Последние двадцать пять лет перед мировой войной характерны в экономическом отношении своим громадным промышленным под'емом. В качестве иллюстрации приведем несколько цифр: особенно показательным для современного капитализма является производство угля и железа.

В миллионах тонн.

Год.	Соед. Штаты.		Англия.		Германия.		Франция.	
	Уголь.	Железо.	Уголь.	Железо.	Уголь.	Железо	Уголь.	Железо.
1890	111,13	9,2	181,6	7,9	89,2	4,6	26,0	1,9
1913	478,4	30,9	287,4	10,2	190,0	19,2	40,8	5,2

(Из книги М. Бреле—Кризис металлургии, франц. изд., стр. 25)

Под'ем этот еще заметнее в области машиностроения и развития машинной техники. Считалось, что в машинах всего мира было

миллионов лошадиных сил:
в 1896 г. 66
в 1911 г. . . . . 200.

Через 25 лет мощность эта утроилась. Из 200 миллионов 100 приходилось на железные дороги, 25—на водный транспорт, а 75—на индустрию.

Развитие капитализма не было равномерным во всем мире. Можно наметить несколько центров развития. Центр тяжести приходился на Западную Европу и был представлен Англией, Францией и Германией. Кроме названных государств, имели значение, в качестве капиталистических стран, Австро-Венгрия и Россия, а вне европейского континента—Соединенные Штаты Америки и Япония.

Для западно-европейского ядра капитализма являлось характерным, что для поддержания своего хозяйства оно большими партиями ввозило сельско-хозяйственные продукты и сырье, а для того, чтобы иметь возможность оплачивать их,—вывозило индустриальные товары. В то же время эти страны все больше становятся странами по вывозу капиталов

Все большую часть накопленных капиталов начинают размещать не в самой стране, а за границей, в целях использования более высокой нормы прибавочной стоимости и более высокой нормы прибыли в отсталых странах; в то же время это должно было также противодействовать тенденции падения нормы прибыли*).

Одновременно происходила сильная концентрация производства и централизация имуществ. Экономика империалистических стран, а с нею и экономика всего мира, находилась в руках все уменьшавшегося числа крупнейших капиталистов. Об'единение капиталистических предприятий в картели, тресты и концерны делало небольшую группу заправил, в сотрудничестве с крупными банками, господами всей хозяйственной жизни страны. С экономической властью они, если не формально, то фактически, получали и политическую власть. Крупная буржуазия распоряжалась в государстве, направляя его политику в интересах собственного кармана.

Рост восходящей кривой капитализма и эксплоатация полуколоний и колоний дали возможность буржуазии империалистических держав обеспечить промышленному пролетариату своих стран его жизненный уровень, возраставший хотя и медленно, но непрерывно. Названным фактом об'ясняется то, что значительная часть рабочего класса империалистических стран выделилась из общей массы пролетариата и превратилась в рабочую аристократию. И эта рабочая аристократия послужила основой для ревизионизма и одобрения социалдемократией колониальной политики. Она явилась также экономической основой для социал-патриотизма и для совместного выступления индустриального пролетариата с его буржуазией во время войны.

Об'единение буржуазии в организации монополистического типа и фактический захват ею государственного аппарата дали ей возможность монопольно подчинить себе внутренние рынки различных стран. Высокие покровительственные пошлины исключали иностранную конкуренцию и позволили выбрасывать на мировой рынок избытки производства в сравнении с потребностями внутреннего рынка и продавать их на мировом рынке по ценам более низким, чем внутри страны, а во многих случаях даже по ценам, лишь окупавшим фактические издержки производства. С течением времени стремление к монопольному господству распространилось и на внешние области и легло в основу колониальной политики; в частности здесь дело шло о трех различных, но тесно связанных между собою вещах:

1) о монопольной эксплоатации сырья и естественных богатств колоний. Здесь приходится отметить, что в период под'ема капитализма, при благоприятной кон'юнктуре, промышленность страдала почти постоянно от недостатка в важнейших сырьевых материалах и буржуазия каждого империалистического государства была живо заинтересована в том, чтобы обеспечить себе собственные источники сырья и монопольно пользоваться ими;

2) о монопольном использовании рынков сбыта для индустрии и

3) о новых монопольных возможностях для приложения капитала.

Последний момент, по мере развития капитализма, приобретал все больше значения и находился в тесной связи с пунктом вторым, так как размещение новых капиталов за границей, разумеется, происходило преимущественно в виде вывоза средств производства в менее развитые страны. Тот фазис высоко развитого капитализма, который

---

*) Сарториус фон-Вальтерсгаузен в 1914 г. считал, что помещенные за границей английские капиталы равнялись 32 миллиардам фунтов стерлингов. Выручка (прибыль) от парижских капиталов, размещенных за границей, равнялась 140 миллионам, а от таких же капиталов всей Франции в 1900 г.—по официальной статистике—30; а фактически капиталов размещено было за границей по подсчету Сарториуса в 1906 г.—на 40 миллиардов франков, по подсчетам же Аренда в 1914 г.—на 16 миллиардов франков; ежегодная выручка равнялась по Сарториусу 1,8 миллиарда. Помещенные за границей германские капиталы равнялись по Сарториусу в 1916 г.—26, а выручка (прибыль) от них—1,24 миллиарда марок. Если прибавить к этому размещенные за границей капиталы Голландии, Бельгии, Швейцарии, а также других стран, то в общей сложности получится сумма в 150—200 миллиардов марок золотом. *Е. В.*

может быть охарактеризован стремлением буржуазии расширить монопольно используемый ею внутренний рынок путем присоединения к нему менее развитых областей, мы называем империализмом.

Это стремление буржуазии высоко развитых в капиталистическом отношении стран к завоеванию рынков и монопольному властвованию над ними должно было неизбежно привести к столкновениям, так как большая часть мира уже была поделена на сферы влияния.

Это привело к острой противоположности интересов отдельных капиталистических держав, что, в свою очередь, в связи с интересами военной промышленности, имевшей большое политическое влияние, привело к тяжелым конфликтам между отдельными государствами. Конкретно мы можем себе представить следующие столкновения интересов.

Столкновение интересов Англии и Германии.

Из всех капиталистических государств Европы Германия в этот период пережила наибольший под'ем. Она все сильнее конкурировала на мировом рынке с английской индустрией. При этом Германия, как самая младшая из капиталистических держав, при разделе мира осталась почти без колоний. На ее долю выпали лишь жалкие остатки, предоставленные ей Англией. Поэтому германская буржуазия чувствовала себя обойденной и требовала „места под солнцем", т.-е. предоставления ей соответственно ее хозяйственному развитию части незахваченных еще капиталом областей мира для монопольной эксплоатации. Это стремление германской буржуазии привело к громадным вооружениям на суше и, главным образом, на море. Последние и были главной причиной ревности Англии, которая до того была единственной властительницей морей.

В виду владычества Англии на морях, Германия принуждена была искать сфер влияния преимущественно на континенте. Поэтому она направила все усилия к тому, чтобы подчинить германскому капиталу восточную Европу и переднюю Азию. Сооружение Багдадской железной дороги, прямого железнодорожного пути между Берлином и Багдадом, было началом осуществления захватных планов. Но это не могло не возбудить в Англии величайшего беспокойства, так как конечный этап этого пути на берегу Персидского залива создавал угрозу для Индии. Экономическая линия, на которой разгорелась мировая война, сводилась, таким образом, к вопросу, попадет ли передняя Азия в *сферу влияния Германии или в сферу влияния Англии*, или—в еще более общей форме—будет ли Германия признана в качестве равноправной империалистической державы на суше и на море Англией.

Столкновение интересов Германии и Франции.

Второе основное противоречие—интересы Германии и Франции, при чем речь шла о господстве над Средней Европой. Решался вопрос, станет ли во главе „Соединенных Штатов Средней Европы" господствующей державой европейского континента Германия или же названная роль выпадет на долю Франции, как это имело место в течение всей новейшей истории, исключая период от 1871 до 1914 года. Этот вопрос связан с проблемой западно-европейской добывающей промышленности, угольной и железной.

Противоположность интересов Англии и России.

Третьим противоречием явилось стремление России получить выход к морю на юге, т.-е. стремление к Константинополю или к Индийскому океану. Традиционная борьба между Англией и Россией по этому поводу была временно устранена стремлением Германии выйти к Индийскому океану в направлении с запада на восток. Оба соперника—Англия и Россия—об'единились, дабы убрать с дороги нового противника, в тот момент для Англии более опасного,—Германию.

Прочие государства.

Из других великих держав Австро-Венгрия, в экономическом и материальном отношении, была всецело втянута в сферу германского влияния, а Япония и Соединенные Штаты, повидимому, стояли пока вне этих крупных столкновений интересов.

Указанные экономические противоречия и привели к величайшей в мировой истории войне.

Многое писалось о возможности избежать этой войны путем более благоразумной политики. Подобную постановку вопроса можно считать довольно праздным занятием, она может иметь смысл только в том случае, если бы из этого можно было извлечь уроки для будущего. Еще до войны было сильное пацифистское течение, и некоторые экономисты, как, например, Норман Энджель, пытались доказать, что война является для буржуазии делом невыгодным. Ошибочность этой точки зрения в том, что она оперирует с понятием общего интереса страны или буржуазии. Фактически же политика стран с высоко развитым капитализмом определяется не всем народом и даже не буржуазией, а лишь небольшой группой крупной буржуазии—тяжелой индустрией, крупными банками, картелями, трестами и концернами.

Война разорила средние слои населения различных стран, но имеющие решающее значение группы капиталистов сильно обогатились. Правда, человеческих жизней погибло много и хозяйственные потери огромны, что является в общем крупным экономическим ущербом, но главари капиталистов за это время не пострадали.

В настоящее время, через десять лет после мировой войны, вооружения продолжаются таким же форсированным темпом, как до нее. И это является лучшим доказательством того, что буржуазия не извлекла из мировой войны пацифистских уроков. Несмотря на то, что Германия разоружена, под ружьем постоянно находятся миллионы солдат, и человекоубийственная техника совершенствуется с каждым днем все больше и больше.

Столь же праздным является вопрос, кто был нападающим в мировой войне. Фактически все империалистские державы готовились к мировой войне. При суждении о том, кто напал, важно, что все готовились к войне, и о каждой стороне можно спокойно утверждать, что нападающей была она.

II. Следствия.

Мировая война имела сугубые последствия для всей экономики капиталистического строя. Ею было положено начало кризису капитализма, колоссальной встряске всей капиталистической системы.

Сама война была неимоверным расточительством ценностей.

а) Около 20 миллионов мужчин, вполне работоспособных, были оторваны от производительной работы и занимались убийством.

б) Другие миллионы были оторваны от нормальных условий производства и должны были работать на „оборону".

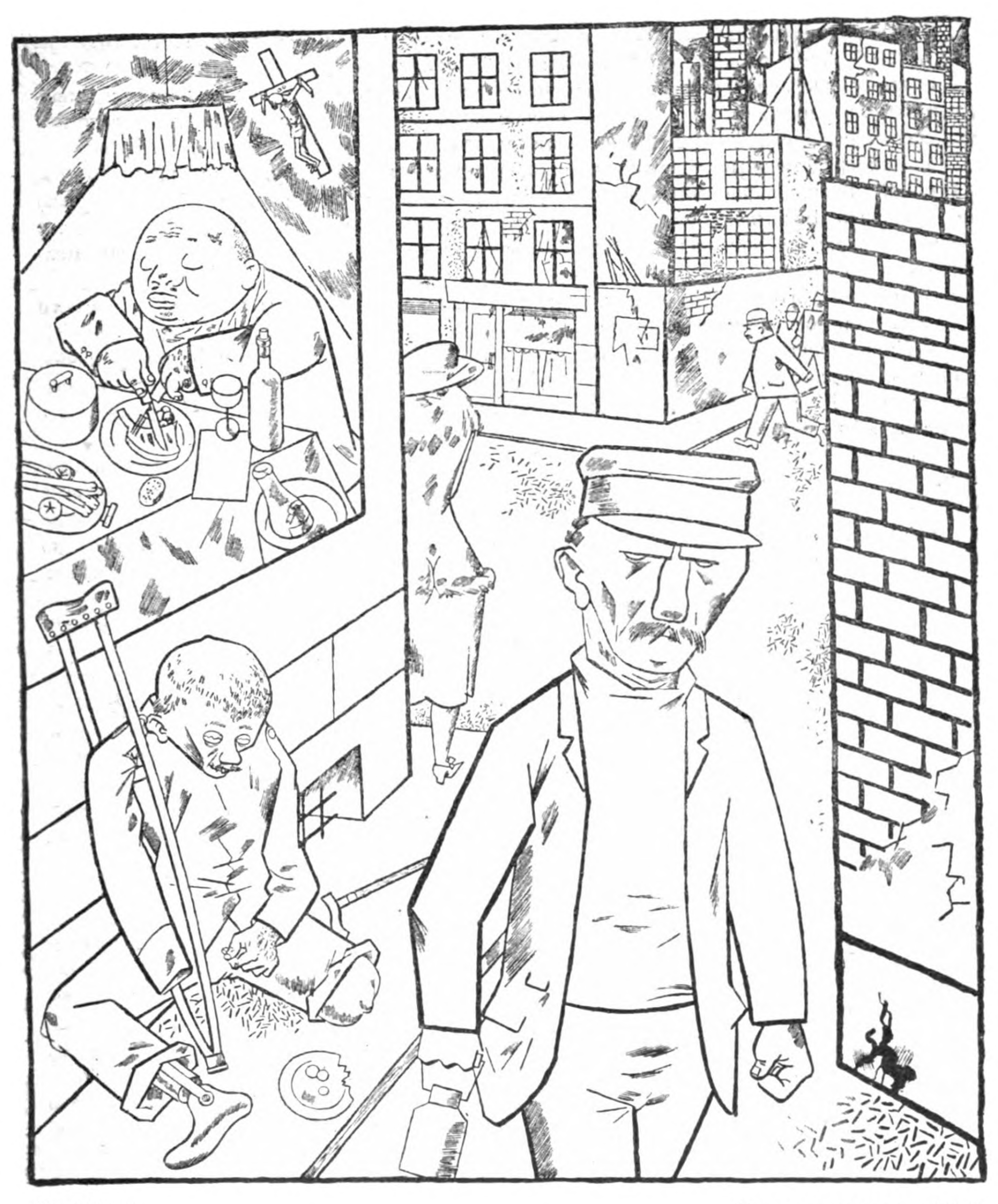
в) На театрах военных действий в огромных размерах уничтожались средства производства и другие ценности.

г) Чрезвычайно трудно фиксировать сокращение производительности труда, явившееся в результате обнищания и плохого питания трудящихся.

Кроме того, нужно принять в расчет еще инвалидов войны, число которых по данным Международного Бюро Труда равняется 10 миллионам.

Исходя из этого, можно попытаться подсчитать ущерб, нанесенный войной производству, следующим образом:

1) Ценность ежегодной продукции одного человека в среднем равнялась 2.000 марок золотом. Если это число помножить на 20 миллионов, т.-е. на число участников вой-



Жорж Гросс **Послевоенные картинки.**

ны, то мы получим 40 миллиардов в год, а за все время войны, т.-е. за $4^1/_2$ года—170 миллиардов марок золотом.

2) 10 миллионов рабочих было занято в военной промышленности; за $4^1/_2$ года, из расчета 2.000 марок на каждого, это составит 85 миллиардов марок золотом.

К этому еще надо прибавить сокращение производства самим населением вследствие недостаточного питания, а также сокращение живых производительных сил вследствие уменьшения рождаемости; последнее обстоятельство только начинает еще сказываться.

3) Непосредственные разрушения, произведенные войной, трудно поддаются учету. Для одной Франции они определяются в 26 миллиардов марок золотом. К этому нужно еще прибавить Бельгию, Восточную Пруссию, Северную Италию, Сербию, Румынию и Россию, а также все потопленные суда—в общей сложности приблизительно на 200 миллиардов марок золотом.

В общем, по всем трем пунктам выходит круглым счетом около 450 миллиардов марок золотом.

4) Уменьшение производства, как результат обнищания и плохого питания рабочих, вообще не поддается учету. С другой стороны, повышение производства удалось достигнуть тем, что была занята вся резервная армия труда: женщины, дети и старики были вовлечены в процесс производства.

Тов. Троцкий в своем докладе на III Конгрессе Коминтерна попытался заняться сравнительной статистикой мирового национального богатства до войны и всех потерь, обусловленных войной. Он пришел к выводу, что национальное богатство участвовавших в войне стран равнялось до войны 2.400 миллиардам марок золотом, во время же войны в общей сложности было уничтожено богатств на 1.200 миллиардов марок. Кроме того, упадок производительности равняется ежегодно 100 миллиардам марок.

Обнищание вследствие войны можно установить в его натуральной форме. Совершенно прекратилась строительная деятельность, и до сих пор во многих странах она еще не возобновилась. Предметы ежегодного обихода—мебель, платье и т. п.—не обновляются. Земля эксплоатировалась хищническим образом, не заботились о соответствующем удобрении для восстановления ее плодородности. Запасы металлов, мануфактуры и продовольствия истощились. Помещенные за границей капиталы истрачены на приобретение с'естных припасов и необходимейшего сырья и почти целиком израсходованы. Большая часть участвовавших в войне стран, если только имели возможность, заключали займы у нейтральных государств и таким образом предвосхищали и заранее потребляли продукт будущего производства.

Неравномерность обнищания в различных областях.

В различных странах, участвовавших в войне, обнищание было различным. Сильнее всего оно сказалось в центральных государствах, которые благодаря блокаде были отрезаны от мирового рынка и зависели почти исключительно от собственного производства. В Англии и Франции это обнищание по части средств производства и других ценностей было меньше, потому что эти государства имели возможность использовать многие из помещенных за границей капиталов и получили крупные займы. И, наоборот, Америка и ее колонии разбогатели. Отсутствие европейской конкуренции способствовало сильной индустриализации заокеанских областей,—способствовал этому недостаток тоннажа, а также переход европейской промышленности к работам на оборону, вследствие чего она уже не могла быть экспортером, как прежде.

Эта индустриализация колониальных стран является новой длительной причиной кризиса западно-европейского капитала, который уже не в силах прокормить свое население одним экспортом индустриальных товаров. Поэтому капиталисты теперь—за эмиграцию, и снова начинается расцвет мальтузианства.

Соотношение сил великих держав.

Из семи великих империалистических держав вышли после войны из строя три:

Россия—вследствие революции и отделения окраинных государств, которые в представлении империалистов должны послужить барьером против большевизма.

Германия, у которой были отняты все возможности для того, чтобы продолжать считаться великой мировой державой (разоружение флота и армии, военный контроль, аннексия Эльзас-Лотарингии, Гольштейна, Познани, Верхней Силезии, подчинение экономическому контролю Антанты—по смыслу проекта экспертов). Благодаря этому, Германия стала уже колонией Антанты, об'ектом империалистической эксплоатации.

Австро-Венгрия подверглась разделу, благодаря чему произошла балканизация всей средней и восточной Европы.

Англия и Франция благодаря войне расширили и округлили свои колонии. Власть Англии простирается теперь от Капа до Египта и от Египта до Индии. Во французских колониях насчитывается более 100 милл. населения.

Однако, истинным победителем являются все же не Франция и не Англия, а Соединенные Штаты, которые благодаря войне превратились из должника в кредитора. Страны Антанты в общей сложности должны Америке 10,2 миллиардов долларов (в том числе Великобритания—4,1 и Франция—3,3), а до войны внешние долги Америки были значительно выше помещенных ею за границей капиталов. К этому нужно еще прибавить значительное количество американских кредитных билетов, циркулирующих в среднеевропейских странах; за эти билеты Соединенные Штаты получают в той или иной форме от Европы реальные блага.

Кроме того, в этот подсчет не вошли еще займы частных обществ и товарные кредиты. Позиция Америки, как кредитора Антанты, дает ей возможность в любой момент оказывать на державы Европы сильное политическое давление.

Благодаря войне экономический центр тяжести окончательно переместился в Соединенные Штаты. Об этом прежде всего свидетельствует производство важнейших сырьевых продуктов: участие Америки в мировом производстве нефти с 65,3% в 1913 г. дошло до 72,4% в 1923 году; в производстве железа—с 39,7% до 61,6%, стали—с 40,1% до 61,6%. Аналогично обстоит дело и с большей частью остальных товаров. Число автомобилей в Америке составляет 90% всего мирового контингента. Из видимого золотого запаса более половины находится в самих Штатах. За последние годы в Соединенных Штатах наблюдался период высокой кон'юнктуры, между тем как в Европе продолжался кризис. Благоприятная кон'юнктура, от начала 1922 года до апреля 1924 г., ограничилась почти исключительно Соединенными Штатами, совершенно не коснувшись Европы.

Такое перемещение экономического центра тяжести в Америку не является результатом только войны; война лишь подчеркнула существовавшую и раньше тенденцию, вытекающую из наличия в Америке больших естественных богатств (уголь, нефть, медь). В то время как в Европе, в особенности, производство угля требует лишь все больших и больших издержек, в Соединенных Штатах издержки производства понижаются. Кроме того, упомянутая тенденция основывается на громадном земельном богатстве Соединенных Штатов (только 15 чел. жителей на квадратный километр), обрабатываемом по последнему слову техники. Благодаря всему этому Европа вынуждена играть, по сравнению с Соединенными Штатами, второстепенную экономическую и политическую роль.

Изменения в классовых отношениях.

Обнищание в европейских странах не является поголовным и не распространяется на правящие группы капиталистов и крупных землевладельцев; напротив, эти группы урвали себе еще большую часть уменьшившегося национального богатства, чем та, которая

была у них до войны. Все более развивались концентрация и централизация. После войны крупной буржуазии удалось, главным образом вследствие обесценения денег, экспроприировать средние слои. Все расходы на войну, в виде военных займов и бумажно-денежной инфляции, окончательно и полностью легли на широкие круги населения. Тяжелее всего это отразилось на рантье, на мелких сберегателях, на владельцах страховых полисов, пенсий и т. п. Характерно образование в Германии во время последних выборов „партии обманутых сберегателей“ (партии гезов). Обнищание маскировалось займами и бумажно-денежной инфляцией, и иногда умудрялись даже превращать его в кажущееся обогащение, но это только на некоторое время могло скрыть от средних слоев их обнищание.

Ликвидация государственных военных долгов, а также и частных путем инфляции была настолько выгодна для буржуазии, что ее, в явной или скрытой форме, добивается даже буржуазия стран-победительниц. И действительно, инфляция постепенно захватывает и страны-победительницы (за исключением Соединенных Штатов) и нейтральные государства.

В результате всего этого сильное обострение классовых противоречий. Небольшая группа крупных капиталистов еще резче противостоит и подымается над обнищавшими средними слоями. В то же время наблюдается сильнейший рост трестов и картелей. А монополии без удержу стремятся использовать для обирания потребителей.

Вопрос о репарациях.

В развитии этого вопроса отчетливо отражается весь кризис капитализма. Можем установить следующие моменты:

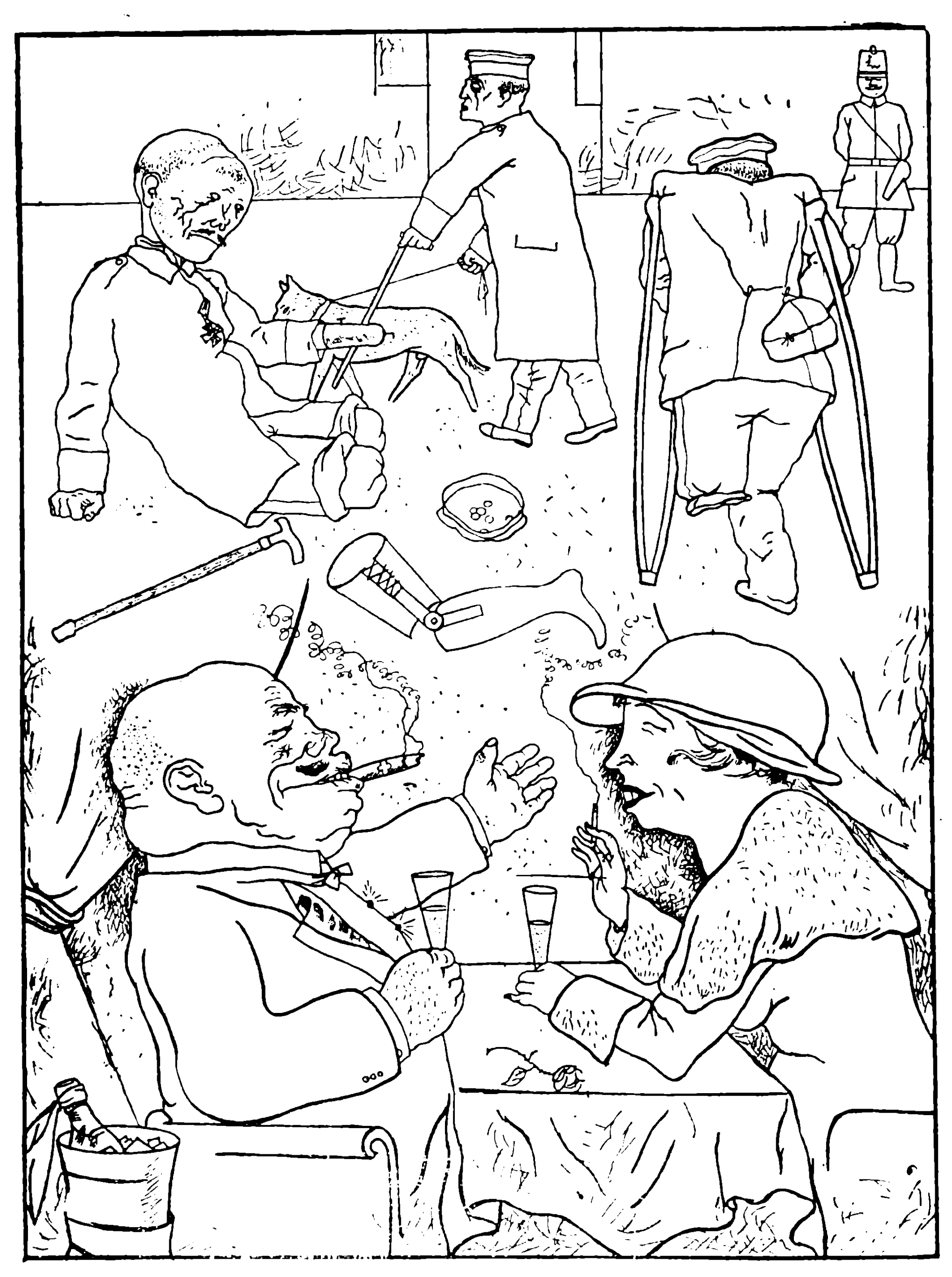
1) От Германии требуют уплаты союзникам всех их убытков. Результат: крушение валюты, так как в конечном итоге платежи могли производиться только путем усиленного вывоза товаров или золота. Но вывозу товаров были поставлены искусственные преграды, а платежи из значительного золотого запаса нельзя производить в течение сколько-нибудь продолжительного времени. На короткий срок платежеспособность Германии удалось продлить покупками бумажной марки за границей, продажей иностранцам домов, акций, земель и других реальных ценностей.

2) Германия не в состоянии платить больше. Происходит оккупация Рурской области, означающая начало борьбы между французским и английским империализмом за превращение Германии в колонию. Франция победила в данном случае Германию, но должна подчиниться экономическому давлению Англии и Америки и не может провести в жизнь своего плана раздела Германии.

3) Доклад Комиссии Экспертов. Он знаменует собой победу Англии над попытками французов расчленить Германию. Строгий и систематический контроль экспертов должен превратить Германию в колонию Антанты, ибо все важнейшие отрасли производства подчиняются финансовому контролю. На германскую индустрию возлагается бремя новых обязательств, обеспеченных залогами. Той же цели служит обложение германских железных дорог ежегодной данью в размере почти миллиарда. Индекс благосостояния введен с той целью, чтобы иметь возможность повысить платежи в том совершенно невероятном случае, если бы в Германии совершился под‘ем народного хозяйства. Смысл всех этих мероприятий в том, дабы на долгое время задушить рост инфляции, германской индустрии. Главное—ослабить ее конкуренцию с английской и французской промышленностью.

Период кризиса капитализма.

Годы, протекшие после окончания мировой войны, привели к состоянию, которое мы назвали периодом кризиса капитализма. В рамках этого периода происходит смена кризисов и под‘ема кон‘юнктуры.



Жорж Гросс. Послевоенные картинки.

Но, вообще говоря, в капиталистическом обществе кризис никогда не прекращается в силу нарушения динамики мирового капитализма. Основные признаки этого периода:

1. Нарушение единства в ходе кон'юнктуры. В то время как раньше по отношению всего мира можно было установить единообразную смену фаз под'ема и кризисов, в настоящее время в каждом государстве свои циклы под'ема и кризисов. В 1922—23 гг. Америка переживала период высокой кон'юнктуры, который не коснулся Европы. Эту неравномерность в развитии кон'юнктуры можно усмотреть из нижеследующей таблицы:

1922 г.	1 четверть	2 четверть	3 четверть	4 четверть
Соед. Штаты	Улучшение	Хорошо	Хорошо	Хорошо
Англия	Плохо	Плохо	Плохо	Улучшение
Франция	Улучшение	Улучшение	Улучшение	—
Германия	Хорошо	Очень хорошо	Поразительно хорошо	Поразительно хорошо
Чехо-Словакия	Плохо	Плохо	Плохо	Плохо
Польша	Улучшение	Улучшение	Улучшение	Улучшение

1923 г.	1 четверть	2 четверть	3 четверть	4 четверть
Соед. Штаты	Выс. кон'юнктура	Выс. кон'юнктура	Поразит. выс. кон'юнктура	Поразит. выс. кон'юнктура
Англия	Улучшение	Улучшение	Ухудшение	Улучшение
Франция	Ухудшение	Ухудшение	Улучшение	Улучшение
Германия	Плохо	Плохо	Кризис	Кризис
Чехо-Словакия	Улучшение	—	Кон'юнктура падает	Неопределенно
Польша	Ухудшение	Ухудшение	Улучшение	Улучшение

1924 г.	1 четверть	2 четверть
Соед. Штаты	Высок. кон'юнктура	Начало кризиса
Англия	Улучшение	Улучшение
Франция	Улучшение	Улучшение
Германия	Улучшение	Улучшение
Чехо-Словакия	—	—
Польша	Плохо	Плохо

2. Особый кризис в западно-европейских промышленных странах. Этот кризис является следствием вышеупомянутой индустриализации колоний и полуколониальных областей и знаменует, таким образом, начало ликвидации принципа разделения труда в масштабе мирового хозяйства. Промышленные страны Европы уже не в состоянии прокормить своего населения, как это было до войны, путем вывоза фабрикатов. Колоссальная безработица в Англии и Германии охватила, главным образом, экспортную индустрию. Эмиграция не является выходом из этого тяжелого положения прежде всего потому, что Соединенные Штаты ставят все новые и новые рогатки. Европейская буржуазия не в состоянии повысить заработной платы и оттого пытается поднять экономику стран Антанты за счет Германии; но эту попытку следует признать безуспешной.

3. Аграрный кризис.

Цены на предметы потребления отстают от цен на фабрикаты, цен, которые искусственно удерживаются на высоком уровне благодаря трестам, монопольно распоряжающимся рынком, и их политике цен („ножницы"). Общехозяйственный кризис и безработица сильно понизили покупательную способность европейского населения. Начинается кризис сбыта несмотря на то, что мировая сельско-хозяйственная продукция не увеличилась. Так:

по данным буржуазного немецкого профессора Зеринга, возделанная площадь земли в 1923 г. была значительно меньше площади довоенного времени: площадь под пшеницей—меньше на 17%, под рожью—на 8%, под овсом—на 13% и под ячменем—на 24%.

„Ножницы" привели к аграрному кризису, особенно в тех странах (Соединенные Штаты, Германия), где прежние высокие цены на рожь уже успели зафиксироваться в земельную ренту.

Все эти обстоятельства приводят к неустойчивости экономических отношений и эта неустойчивость усиливается еще более вследствие отсутствия твердой валюты: вместо производства царит спекуляция, быстро чередуются кризисы распродажи и стабилизации. Подобные экономические условия ведут к хронической неустойчивости и в области политической: министерские, парламентские и партийные кризисы стали обычным явлением в большинстве европейских стран.

Бремя, возложенное на пролетариат.

В настоящее время почти все тяготы войны ложатся на пролетариат. Первая революционная война в 1918 г. побудила буржуазию к некоторым уступкам (8-часовой рабочий день, социальное законодательство, повышение заработной платы). С падением стихийной волны революционного брожения среди рабочих масс начинается всюду наступление капитала на завоевания революции. Наступление характеризуется прежде всего систематическим понижением реальной заработной платы во всех европейских странах на 50—80% по сравнению с довоенным временем. Понижение заработной платы сопровождается серьезными столкновениями. Решающим моментом явилась борьба английских горнорабочих весной 1921 г., окончившаяся полным поражением. Осенью 1923 г. заработная плата немецких деревообделочников равнялась всего 12% довоенной реальной заработной платы, а заработная плата других категорий колебалась между 15 и 45%.

На-ряду с понижением заработной платы мы видим стремление международного капитала к увеличению рабочего дня, во многих случаях уже увенчавшееся успехом.

Социал-демократия и часть буржуазных экономистов ожидают от новой попытки урегулировать репарационный вопрос на основе проекта экспертов решительного поворота к улучшению в экономическом положении Европы. Эти ожидания тщетны: доклад экспертов означает продолжение продуманных и систематически проводимых попыток возложить все без остатка тяготы войны на пролетариат, так как средние слои по большей части уже экспроприированы и, кроме того, отказываются терпеть дальнейшее ограбление. От боеспособности пролетариата зависит успех или неуспех этих планов. В экономическом отношении доклад экспертов означает частичный отказ от репарационных платежей, но зато превращение Германии в колонию империалистических держав Антанты, с целью искусственно удержать развитие германской промышленности в границах, требуемых интересами французской и английской индустрии. Это новое решение вопроса смягчит острый кризис капитализма в Германии, но обострит общий кризис западно-европейских промышленных стран.

Кризис будет длиться еще долго (если победоносная пролетарская революция не положит конца капитализму). Противоречия капитализма принимают все более обширные размеры. Военные приготовления стран-победительниц друг против друга идут форсированным маршем. Несмотря на потрясающие события мировой войны, крупная буржуазия готовится к новой войне. При таких условиях буржуазному пацифизму не предотвратить войны. Войну предотвратит только пролетарская революция.

Карл Радек.

Лик земли после войны.

Империалистическая война 1914—18 годов была только продолжением империалистской политики предыдущих 20-ти лет. Но она развила с неслыханной скоростью намечавшиеся уже до нее тенденции развития, с неслыханной силой обострила противоречия, заложенные в капитализме, и создала таким образом новое соотношение сил. Шесть лет империалистского мира еще более углубили борозды, которые вырезала на лице земли — война. Четыре перемены, произведенные войной, требуют от всякого революционера точного учета, ибо они являются основой дальнейшего развития мировой революции, начатой мировой войной.

I. Перегруппировки в лагере капиталистических государств.

Открытие Америки переместило центр человеческого развития из Средиземного моря на Атлантический океан. Уже в 1851 году Маркс писал в „Обозрении Ново-Рейнской Газеты", что открытие золотых рудников в Калифорнии перемещает центр мирового развития на побережья Тихого океана. Но несмотря на всю революцию, пережитую с момента вступления Японии в ряд капиталистических держав, с момента, когда англичане своими пушками разбили стену китайской замкнутости, с момента, когда земледельческая Америка сделалась страною фабричных труб и небоскребов,—центром экономического развития, источником толчков для всего мира осталась Европа. Английский и германский капитализм представлял сердце, которое гнало кровь по всем кровеносным сосудам капиталистического мира. Война положила этому конец. Экономическое ослабление Европы, неслыханное ускорение промышленного развития С. Штатов, их баснословное обогащение за счет целого мира пока-что положили конец первенству Европы. И только социалистическая революция, об'единив Европу, соединив в один организм ее громадные производительные силы, ее кристаллизованный в технической умелости рабочих масс опыт, может сохранить ее от гниения или от роли американской колонии. Перед лицом этого факта на задний план уходят все другие перегруппировки в капиталистическом мире. Будет ли руководить капиталистической Европой Франция, опираясь на железо и уголь бассейна Брие и Рура, или же Англии удастся создать в Европе новый период так.-наз. равновесия сил, т.-е. подсиживания одного капиталистического государства другим, — это определит только формы распада капиталистической Европы, формы борьбы между капиталистическими державами старого континента. И в том, и в другом случае С. Штаты будут проводить свою политику американского мира, политику натравливания одного европейского капиталистического государства против другого. Это чувствуют дальновидные представители господствующих в Европе классов. И поэтому добиваются в той или другой форме об'единения капиталистической Европы. Но это об'единение на основе капитализма невозможно, ибо капитализм означает конкуренцию, и будь даже создана Лига Наций, об'емлющая все капиталистические страны, даже с участием Америки, она будет только полем для сражений национальных капиталистических групп между собой. Каждая из них будет пытаться заручиться поддержкой С. Штатов для борьбы с другими. Но С. Штаты Америки являются державой, не только географически расположенной над двумя океанами—Атлантическим и Тихим, — они и экономически принуждены пытаться стать твердой ногой на азиатском и европейском материке. К этому толкает их и индустриальное развитие Запад-

ной Америки, и пробуждение Китая. Когда генерал Гордон входил в Пекин в 1859 году, когда в 1900 году экспедиция представителей всего капиталистического мира подавляла восстание боксеров, капитализм завоевал только приморскую область Китая. За последние 20 лет капиталистическое развитие пробралось вглубь Китая. Четыреста миллионов людей находятся в процессе пробуждения. Ближайшие тридцать лет решат вопрос, будут ли они сами управлять своей страной, имеющей громаднейшие залежи угля, железа, нефти, производящей столько риса, что им может быть прокормлена вся Азия; или же этот головокружительный процесс будет совершаться под руководством американского капитала. Соединенные Штаты Америки приготовляются для роли не только диктатора Европы, но и диктатора Восточной Азии. Предсказание Маркса от 1851 года о перенесении центра развития с Атлантического океана на Тихий только теперь становится фактом.

II. Возникновение капиталистического порядка на Востоке.

Развитие капитализма на Востоке не ограничивается долиной реки Янтсекианг. То, что начала эпоха империализма, ускорила война: пробуждение всего Востока к новой жизни. За время после войны этот процесс продолжается. Недостаточно мерить его числом веретен и числом ткацких машин, ввезенных в Китай, Индию из Англии, Америки и Японии. Число новых текстильных фабрик, открытых в Индии со времени войны, не так уж велико. Более важно то, что народы Востока, разбуженные империалистическим развитием и войной, увидели капиталистический мир таким, каков он есть. Когда-то китайцы считали Китай центром мира и считали, что все европейские нации, если они не являются вассалами китайского императора, то только потому, что китайский богдыхан не заботится о них. Когда английский генерал Гордон, бомбардировав Пекин, принудил китайского императора принять его в аудиенции,— он был первым европейским послом, который удостоился смотреть в лицо самодержца Срединной монархии,—то перед ним и его свитой при отправлении в летнюю резиденцию бежали курьеры со знаменами в руках, на которых на китайском языке было написано: представитель английской королевы приносит дань и челобитную императору Китая. Но век империализма научил народы Востока покорности, внушил им суеверный страх перед европейским капитализмом. Морские гиганты в Шанхае, Кантоне, Константинополе, Калькутте, Каире продемонстрировали народам Востока силу капиталистического мира своими сверкающими пушками. Сотни тысяч сынов Востока, выгнанных капитализмом из своих деревень, ищущих хлеба на плантациях чая, гутаперчи на острове Цейлоне, в Голландской Индии, на фабриках С. Штатов, в гаванях всех европейских стран, увидели мощность современного капитализма. И народы Востока покорились. Но пришла война, она показала им все капиталистические антагонизмы, взаимное истребление всего мира. Пришел Версальский мир. Он низверг в прах две большие европейские



К. Радек.

державы, он исключил из числа держав, пользующихся капитуляционными привилегиями, гордую Германию, кайзер которой, посылая своего генерала Вальдерзее для участия в экспедиции против боксеров, приказал ему так обращаться с китайцами, чтобы до 5-го поколения никакой китаец не посмел больше косо смотреть на германца! Они видели низвержение грозного белого царя, перед которым дрожал весь Восток, они видели издали огненный столб русской революции, идущей перед народами, они видели, как все капиталистические державы пытались ее задушить и как поднялся русский трудовой народ и прогнал их. Они видели баррикады в сердце Европы. И миновала покорность, миновало смирение и в широчайших массах народов Востока зародилась и начала крепнуть мысль, что и они могут защищаться и что и они могут быть равными другим. Эта мысль проникает через реки и горы, проникает в деревни, которые еще не видели не только автомобиля и паровоза, но даже и плуга. Просыпается мусульманский, просыпается буддийский Восток. Религиозные идеи уступают место современной национальной идее. Глубочайшая борьба началась в недрах старого Востока. Встает восточная женщина. Такое событие, как участие женщин в экономическом конгрессе в Смирне, есть не менее великий исторический факт, чем падение халифата.

Старый капиталистический мир, терзаемый внутренними противоречиями, терзаемый революцией, станет с глазу на глаз с молодым капиталистическим миром Востока, слабым, только-что складывающимся, но имеющим за собой резервы сотен миллионов крестьян, выходящих из идиотизма своей деревни на широкую дорогу национальной и интернациональной жизни. Это вторая великая перемена, вызванная мировой войной.



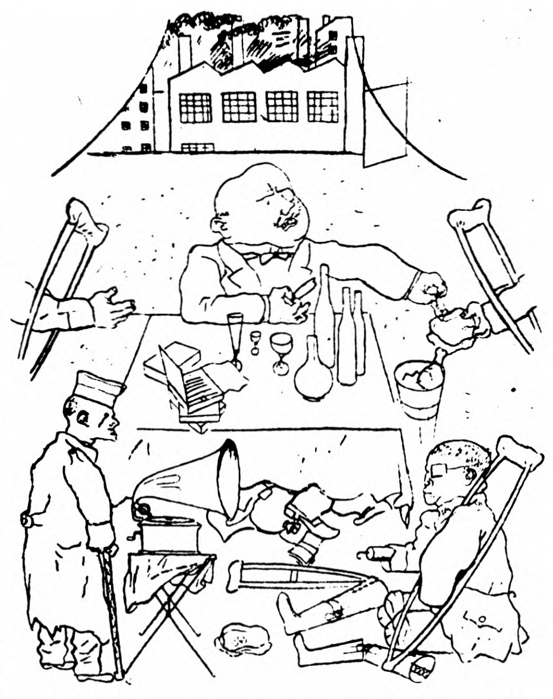
Жорж Гросс. Нужда.

III. Брешь в международной системе капиталистических государств.

Третьим и самым важным последвием мировой войны является конец монополии международной системы капиталистических государств. Тот факт, что руководство капиталистическим развитием переходило от одной капиталистической державы к другой, что центр капитализма перемещался,— этот факт происходит не в первый раз в истории капитализма. Когда-то маленькая Голландия была таким центром, и когда в 16-м веке русские цари заключали договоры с другими странами, то одной из их постоянных забот было, как обеспечить себе связь с „Антропом“ (Антверпеном). Голландию сменяли то Франция, то Англия, между которыми в продолжении столетий происходила борьба за владычество над миром. Падение капиталистической Германии, которое считается немцами самым важным и прискорбным результатом войны, является, понятно, крупным историческим фактом. Но ведь Германия только сорок лет жила на деле как об'единенная капиталистическая держава. Самым основным

результатом войны является тот факт, что в то время, когда перед войной существовали только капиталистические державы и феодальные страны, являвшиеся об‘ектом их политики, из моря крови империалистической войны вулканические социальные потрясения выдвинули гранитный остров Советской России.

Что представляет она собой? Английский посланник Линдлей, приехав в 1918 году в Россию, новый флетчер для изучения красной Московии, телеграфировал своему правительству: Увы, это не просто разбойники, это разбойники с идеями. Какую „идею“ представляет Октябрь? Союз Советских Республик является первым государством, руководимым рабочим классом. Что это означает? Это означает начало новой исторической эпохи. В своей „Рабочей Программе“ Лассаль, рассматривая развитие современного общества, устанавливает три его эпохи. Первая эпоха, где вся власть, вся постройка государства опирается на владение землей, это—эпоха феодализма. Во второй эпохе фундаментом власти является капитал, это—эпоха господства буржуазии. Третья эпоха будет эпохой господства рабочего класса, опирающегося на демократию, говорил Лассаль. В этой схеме проснулся в Лассале идеалист, гегельянец. Период господства рабочего класса не имеет под ногами никакой новой формы собственности, не имеет под ногами материального базиса. Этот идеализм Лассаля, сломивший линию его исторического рассуждения, сделался в дальнейшем базой оппортунистической политики социал-демократии, которая перед войной договорилась до того, что рабочий класс завоюет свою власть в рамках демократии, медленно меняя общественный строй средствами, представленными ему демократией. Эта реформистская формулировка, как бы она ни отрицалась представителями левого крыла II Интернационала, на деле отвечала его взглядам. С ней можно было примириться и буржуазии, ибо перспектива социализма через 100—200 лет, социализма без революции, не содержала в себе ничего страшного. Возникновение Советской России, национализация промышленности,—все это показало с неслыханной наглядностью мировой буржуазии, что дело не идет о переменах, совершающихся в продолжение столетий, что на исторических часах пробило время новой исторической эпохи. Как бы буржуазия ни утешалась тем, что Советская Россия станет современем также благоразумной, как становились благоразумными в прошлом все революционные правительства, когда очутились перед ответственностью, когда начали давить на них факты,—все утешения, что после Робеспьера пришли Термидор, Консульство, Наполеоновская империя,—весь этот вздор не мог успокоить более дальновидных политиков буржуазии. Ибо ни директория Баресса, ни Бонапарт не повернули назад колеса истории, не уничтожили дела революции, не вдохнули новую жизнь в ликвидированный ею феодальный строй. Союз Советских Республик есть и будет. Его не



Жорж Гросс. Послевоенные картинки.

уничтожила интервенция, его не уничтожит нэп. Все вопросы Советской России сводятся к тому, как найти силы, чтобы экономический под'ем, переживаемый первым государством рабочих, использовать не только для сохранения власти, для сохранения командных высот русской экономики до момента победы пролетариата в одной из руководящих промышленных стран, но как бы уже теперь итти медленным, но решительным шагом по пути социалистического строительства.

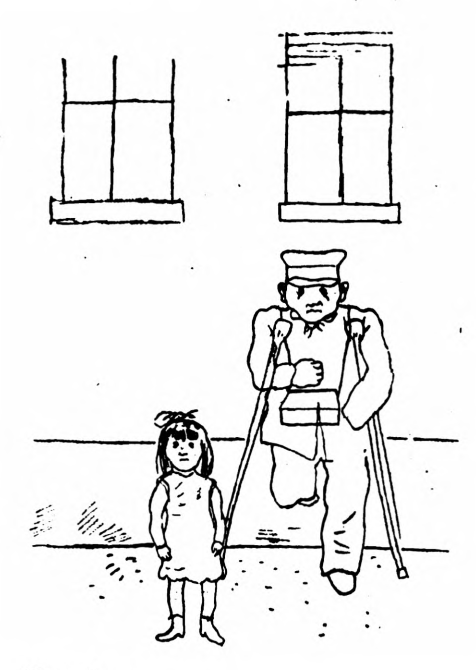
СССР есть и будет не только потому, что растет умелость рабочего класса в хозяйственном строительстве, не только потому, что улучшается его аппарат власти, но и потому, что международный капитализм не в состоянии справиться с противоречиями, раз'едающими его. Если бы даже ему удалось хозяйство Европы поднять до довоенного уровня, то это бы означало одновременный рост империалистических противоречий, это бы означало конфликт их на более высокой ступени. Капиталистические противоречия, которые дали молодой неокрепшей Советской России брестскую передышку, которые помогли ей победить интервенцию, которые дали ей признание ряда руководящих капиталистических держав,—эти противоречия гарантируют дальнейшее укрепление Советской России. Самое признание Советской России Великобританией, руководящей державой европейской контрреволюции, является громадным историческим событием. Признав Советскую Россию, капиталистический мир сам расписался в том, что кончился период монополии системы капиталистических государств. С одной стороны, стоит капиталистический мир, с другой—государство, отрицающее все его основы. Значение этого факта станет ясным во всем его размере только в момент нового острого революционного или империалистического кризиса в Европе. Международная буржуазия не имеет уже обеспеченного тыла. В ее тылу стоят просыпающиеся народы Востока, стоит великое государство, охватывающее 6-ю часть мира, руководимое пролетариатом, рожденным в молниях и громах, наполненным невиданным в истории революционным энтузиазмом. Слово, хлеб и меч Советской России будут иметь в этих условиях решающее значение, даже если бы нам не удалось в ближайшие годы сделать больших шагов в направлении социалистической организации производства.

IV. Революционное движение пролетрриата капиталистического мира.

Четвертой чертой послевоенной эпохи является факт, что капитализм убил реформизм. Реформистские партии еще существуют, они еще очень сильны, они представляют собой главный резерв капиталистического строя, они спасли его во время войны, они спасали его во время послевоенного революционного кризиса. Но реформизм погиб, ибо погибла возможность улучшения положения широких рабочих масс в капиталистической Европе. Неслыханные тяготы, оставленные войной, поставили капиталистический класс перед вопросом: или отказаться от попыток восстановления капиталистического хозяйства, или же производить эти попытки за счет рабочих масс. Имеем ли мы дело с фашистским режимом, или с режимом мелкобуржуазной демократии, все тяготы восстановления капитализма сваливаются на плечи рабочего класса. Громадная концентрация промышленности во время войны дает средства буржуазии для борьбы с рабочим классом по всему фронту. Отброшенный назад рабочий класс втягивается во всех странах в революционную борьбу. Он изживает свои реформистские иллюзии, и всякая победа реформистов является—при наличии невозможности улучшения положения рабочего класса парламентским путем, путем реформ—еще одним шагом к крушению реформистских иллюзий. Если рабочий класс не смог в 1918—1919 гг. победить в целом ряде стран, где он находился уже на шаг от победы, то только благодаря тому, что реформистская эпоха не оставила ему в наследство революционных партий, способных им руководить. Невиданными жертвами уплатил рабочий класс за этот недостаток. Но нет другого пути кроме Голгофы для порабощенного класса к науке об условиях победы. Он учится на своих поражениях, на своих ошибках,

учится знать сильные и слабые стороны врага, покоряет свою трусость, изощряет свой ум, учится двигаться на поле сражения и бить врага. Перед войной действительно революционные элементы международного рабочего класса были ничтожными группами. Коминтерн представляет сегодня уже мировую силу, хотя он еще организация меньшинства рабочего класса, хотя ему еще придется долго сражаться за доверие большинства рабочих, хотя ему долго придется еще учиться руководить боями рабочего класса. Рабочее движение, радикализируясь, перестает быть движением только рабочего класса и только за его ближайшие цели. То же изменение социальных отношений, которое радикализирует рабочее движение, пробуждает не только крестьянство и мелкую буржуазию Востока, но путем пролетаризации средних слоев в Европе уничтожает обособление рабочего класса, создает условия для возникновения оппозиционных или даже революционных движений мелкой буржуазии и ставит перед рабочим классом задачу—сделаться руководителем, гегемоном всего страдающего человечества.

Миллионы рабочих легли костьми на полях сражений империалистской войны. Миллионы рабочих погибают от нужды послевоенного мирного периода, десятки тысяч рабочих легли в гражданской борьбе. Никто их не вернет к жизни. Но из их костей растут мстители, растет новое поколение, которое кончит с капитализмом. Возврата к старому нет. Мировая война положила начало эпохе социалистической революции. Эта эпоха будет, быть может, свидетелем новых империалистских войн, но она будет одновременно свидетелем революционных боев, которые покончат с эпохой империализма и заложат основы новой эпохи, эпохи пролетариата, строящего социалистический строй.



Жорж Гросс.

Лазарь Шацкин.

Рабочая молодежь и мировая война.

Антимилитаризм и молодежь до войны*).

Пролетарское юношеское движение в Западной Европе (которое сейчас, захватив уже все части света, существует в виде Коммунистического Интернационала Молодежи и его национальных секций) началось во второй половине восьмидесятых годов прошлого столетия. И причиной, которая вызвала появление первых Союзов Рабочей Молодежи (в Бельгии и Голландии), была необходимость начать энергичную борьбу против милитаризма. Почти все без исключения Социалистические Союзы Молодежи, которые вслед за Бельгией и Голландией организовались почти во всех странах Европы в период 90-х годов и в начале XX века, считали антимилитаристскую борьбу одним из важнейших, если не главным пунктом своей программы. Первая международная пролетарская юношеская организация—„Интернациональное Об'единение Социалистических Организаций Молодежи"—основанная в 1907 г., уже на своем учредительном конгрессе в Штуттгарте особо выделила вопрос об антимилитаризме и вменила всем союзам в обязанность вести энергичную борьбу против буржуазной военщины.

Эта тесная связь между антимилитаризмом и движением рабочей молодежи была, конечно, не случайной. Именно рабочая молодежь была и остается главным об'ектом шовинистической пропаганды буржуазных государств (в первую очередь через школу), буржуазной печати, буржуазных союзов (бой-скаутов и др.). Именно из ее рядов рекрутировались постоянные армии мирного состава, об'единявшие солдат юношеского возраста. И именно в Союзах Молодежи, долгое время не поддававшихся омещаниванию и оппортунистическому перерождению, разлагавшему социал-демократические партии, имелся человеческий материал для этой и в довоенное время трудной и опасной революционной работы в войсках.

Принципиально правильная постановка вопросов антимилитаризма в пролетарском юношеском движении была делом далеко нелегким. Громадную роль в этом отношении сыграл Карл Либкнехт, который всю свою жизнь посвятил изучению милитаризма и борьбе против него и который великолепно понимал, что основой антимилитаризма является движение рабочей молодежи. Он постоянно участвовал в германском и международном юношеском движении, был его идеологом прежде всего в вопросах антимилитаризма. Активной антимилитаристской позиции Либкнехта и молодежи противостояла значительная часть социал-демократии, прежде всего в лице ее главного оппортунистического отряда в Германии. Отговариваясь неразрывной связью между милитаризмом и капитализмом, взрослые оппортунисты высказывались против необходимости специальной антимилитаристской борьбы. Под революционной фразой здесь скрывалась явная капитуляция перед империализмом. Кроме того, считая молодых рабочих детьми, которым нельзя заниматься политикой, они уже во всяком случае были против активного участия молодежи в антимилитаристской борьбе. С другой стороны, анархо-синдикалистские элементы, которые были сильны в ряде организаций молодежи в первое десятилетие нынешнего столетия, пытались навязать юношескому движению неправильную тактику. Вместо работы внутри войск через солдат-революционеров они проповедывали отказ от военной службы. В большинстве случаев

*) Написана для настоящего сборника. Ред.

эта пропаганда „военной забастовки“ не имела успеха в Союзах. Надо также отметить, что среди некоторых товарищей, боровшихся против оппортунистической и анархо-синдикалистской точки зрения, имел место некоторый уклон в сторону мелко-буржуазного пацифизма. Это относится в частности к Скандинавии, где некоторой популярностью в качестве средства против войны пользовались „международные третейские суды“.

На-ряду с идейным оформлением в вопросах антимилитаристской тактики шла большая практическая работа в этой области. Правда, чем больше торжествовал оппортунизм в рабочем движении, тем больше он пытался подчинить своему влиянию юношеские организации. Там, где ему это удавалось, антимилитаристская работа сводилась на-нет. Но не все организации молодежи подчинились оппортунистическому влиянию. Остался ряд самостоятельных союзов, которые вели энергичную антимилитаристскую борьбу. Мы не будем здесь подробно описывать ее — это заняло бы слишком много места. Приведем лишь два примера того, как действовали революционные Союзы Молодежи еще до 1914 г., в момент военной угрозы. Когда осенью 1908 г. ирредентистская пропаганда в Италии приняла размеры, чреватые военной опасностью, итальянский союз принял резолюцию, в которой „предостерегает социалистическую молодежь даже от косвенного участия в ирредентистском движении, которое противоречит не только интересам пролетариата, но и международной идее социалистической партии. Он (Союз) постановляет обратиться к уже организованной социалистической молодежи Австрии с манифестом, который выражает солидарность рабочих вне всяких национальных границ и призывает молодых товарищей австрийских стран к борьбе с ирредентистским национализмом для укрепления братской связи пролетариата всех народов“. Что эти слова не остались фразами, доказал итальянский Союз во время мировой войны. Другой пример: в 1903 г. происходила борьба Норвегии за свою независимость от Швеции. С‘езд шведского Союза, происходивший в этом году, принял следующее постановление: „Принимая во внимание растущую с каждым днем агитацию буржуазии и реакционной печати Швеции в пользу войны с Норвегией, борющейся за свою независимость, представители шведской рабочей молодежи, собравшиеся в Стокгольме, заявляют: ...Что возбуждать мирный шведский народ к войне против братского норвежского народа—преступление, что рабочие и рабочая молодежь Швеции твердо решили не повиноваться призыву к оружию; что рабочие Швеции готовы остановить все работы, чтобы препятствовать войне“, и т. д.

За распространение этого воззвания Хеглунд засел тогда на полгода в тюрьму; он был еще тогда, как и во время войны, революционером.

Таким образом, уже в довоенный период пролетарское юношеское движение в лучшей своей части было одушевлено жаждой борьбы против милитаризма и войны и накопило некоторый опыт в этой области. Этим отчасти об‘ясняется деятельность Интернационала Молодежи во время мировой войны.

Интернационал Молодежи во время войны.

Однако поведение рабочей молодежи во время войны может быть лишь отчасти об‘яснено ее довоенной антимилитаристской деятельностью. Очень важную роль сыграло ухудшение положения молодых рабочих во время войны. В первые свои дни война обернулась к молодежи своей увлекательной, романтической стороной. Этим—на-ряду с общими причинами—об‘ясняется некоторая волна шовинизма и в рядах юных пролетариев в первые дни войны. Но чем дальше, тем больше рабочей молодежи становилась понятна оборотная сторона медали. Цвет рабочей молодежи физически уничтожался на полях сражений. По мере развития военных операций все более молодые возрасты призывались под империалистские знамена. На их место в громадном количестве вовлекались в военную промышленность массы юных пролетариев младшего возраста. Фактическая отмена законов по охране

труда и школьных законов, беспощадная дисциплина в милитаризованных предприятиях, военная подготовка, принудительные отчисления на войну, преследование организаций молодежи и т. д. — все это не замедлило оказать свое действие на наиболее передовую часть пролетарского юношества. Еще более глубокая причина, об'ясняющая нам большую революционность молодых рабочих по сравнению с взрослыми, заключается в том, что в рядах рабочей молодежи отсутствовала та самая рабочая аристократия и рабочая бюрократия, которая является опорой оппортунизма в общепролетарском движении. Таким образом, в самом положении рабочей молодежи и в традициях ее передовиков имелись об'ективные основания для революционной деятельности Интернационала Молодежи во время мировой войны.

Не надо однако думать, что и в рядах организаций рабочей молодежи не было измены делу борьбы против войны. Выше уже было указано, что часть организаций молодежи подчинилась оппортунистическому влиянию. Ц. К. немецкого Союза „Рабочая Молодежь", сверху назначенный взрослыми оппортунистами, примкнул к немецкой социал-демократии в ее шовинистической пропаганде. Центральные комитеты Франции и Австрии заняли колеблющуюся, центристскую позицию, не одобряя войны, но и не ведя против нее решительной борьбы. Однако, уже в самом начале войны в Германии проявила себя революционная оппозиция в рядах организации молодежи, которая в 1916 г. оформилась в особый Союз („Свободная Социалистическая Молодежь Германии"). Ее учредительная конференция в Иене (весной 1916 г.) приняла резолюцию, в которой между прочим говорилось:

„Конференция германской молодежи особенно настойчиво подчеркивает свою солидарность с антимилитаристским движением, в духе постановлений международных конференций молодежи — штуттгартской в 1907 г., копенгагенской 1910 г. и бернской 1915 г. Теперь во время мировой войны главная задача движения пролетарской молодежи заключается в том, чтобы всеми силами и средствами бороться против войны, и в том, чтобы использовать все созданные войной условия для того, чтобы ускорить крушение капиталистического общества.

Конференция отвергает туманную фразеологию о долге защиты отечества и ложь о национальной классовой гармонии во время войны и ставит на первый план долг международной солидарности классовой борьбы. Конференция считает первой обязанностью всякого классово-сознательного рабочего сделать все, чтобы подорвать силу классового государства и господствующего класса, отказаться от всякого содействия войне с принципиально-социалистической мотивировкой, разрушить парламентский гражданский мир и повести беспощадную борьбу против политики 4 августа 1914 г., выдающей рабочие массы головой империализму".

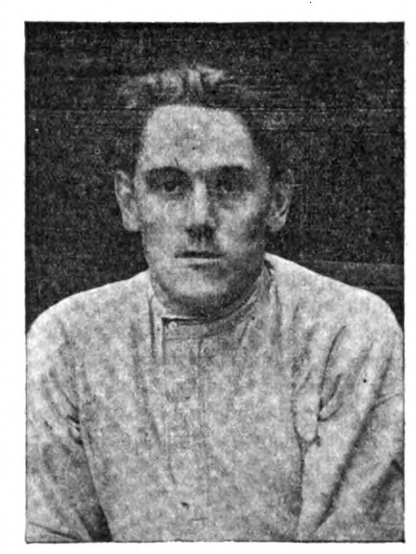
Конференция резко высказалась за разрыв с оппортунистами и колеблющимися, за независимость революционной молодежи от соц.-дем. партии. Она приветствовала молодых рабочих Англии, Франции, Бельгии и др. стран. Во Франции и Австрии тоже народилась революционная оппозиция, которая в будущем во Франции (в 1920 г.) завоевала Союз, а в Австрии была исключена (1917) и образовала на-ряду со старой организацией Комсомол.

На-ряду с оппозицией в этих трех странах существовал однако целый ряд союзов, сохранивших свою самостоятельность по отношению к оппортунистам, которые без расколов почти целиком стали на революционную позицию. Сюда относятся Союзы Италии, Швеции, Норвегии, Дании, Швейцарии, Болгарии, Америки, Голландии и ряда других стран. Они и составили основу революционного возрождения Интернационала Молодежи во время войны.

Мы говорим „возрождения" потому, что оппортунистическое влияние, которое в той или другой мере сказалось в отдельных национальных Союзах, проявило себя и в международном масштабе, в интернациональной организации молодежи. Уже до войны Интернационал Молодежи играл сравнительно незначительную роль в работе Союзов. Он не был

во всяком случае руководящим международным штабом, не был даже в сколько-нибудь значительной мере организатором международной пропаганды. Национальная замкнутость рабочего движения предвоенной эпохи сказалась и на Интернационале Молодежи. Война сначала порвала было всякие связи, отчасти благодаря саботажу международного секретаря (австрийского социал-демократа г-на Даннеберга) и нескольких Ц. К., занявших оппортунистическую или колеблющуюся позицию, отчасти в виду об'ективных технических трудностей.

Но уже очень скоро ряд организаций взял на себя инициативу восстановления Интернационала Молодежи. Именно потому, что резко ухудшилось экономическое и политическое положение молодежи, что в ее рядах не было социальной основы для социал-шовинизма, что она имела антимилитаристские революционные традиции и наоборот была свободна от ряда социал-демократических традиций, что сохранился ряд самостоятельных революционных Союзов Молодежи,—революционный Интернационал Молодежи был во время войны построен так скоро и его борьба и работа дали громадные результаты. 1-я международная конференция „взрослых" интернационалистов в Циммервальде (которая к тому же не создала прочной международной организации) состоялась лишь в сентябре 1915 года. А международная конференция молодежи в Берне состоялась в апреле 1915 года и на ней был создан революционный Интернационал Молодежи, к которому постепенно примкнули большинство организаций, входивших до войны в международное об'единение, и оппозиция в тех союзах, которые в большинстве пошли за социал-шовинистами или центристами.



В. Мюнценберг.

Главным вопросом Бернской конференции был, конечно, вопрос об отношении к войне. В соответствующей резолюции этой конференции, на коорой было представлено 10 стран, подтверждаются прежние постановления международных конгрессов и конференций социалистической молодежи (в Штуттгарте—1907 г., Копенгагене—1910 и Базеле—1912) против войны и милитаризма, устанавливается, что в большинстве стран партии и Союзы Молодежи в начале войны этих постановлений не выполнили, и затем говорится:

„Нынешняя война есть результат империалистической политики господствующих классов всех капиталистических стран" и несколькими строками ниже:

„Политика примиряющего классы гражданского мира есть политика ликвидации социал-демократии, как партии пролетарской классовой борьбы, и предательство (Preisgabe) жизненных интересов и идеалов пролетариата.

Исходя из этих соображений, международная конференция социалистической молодежи призывает к немедленному окончанию войны. Она приветствует с радостью попытки партийных групп в воюющих странах и решение международной конференции работниц путем возобновления классовых выступлений рабочих принудить господствующие классы к миру. Она об'являет обязанностью молодых товарищей в воюющих странах энергично поддерживать это все больше развивающееся движение за мир. Со стороны юношеских организаций нейтральных государств конференция ожидает действенной поддержки этих выступлений.

Конференция энергично протестует против попыток поставить социалистические организации молодежи на службу буржуазно-милитаристским юношеским формациям и тем самым отвлечь рабочую молодежь от ее настоящей задачи: социалистического воспитания, борьбы против капиталистической эксплоатации и против милитаризма.

В виду ужасных последствий нынешней войны, которая даже едва вышедшую из школьного возраста молодежь превращает в пушечное мясо, конференция, подчеркивая необходимость еще гораздо более интенсивно, чем до сих пор, раз'яснять молодым рабочим и работницам всех стран причины и сущность войны и милитаризма, как неизбежных спутников капиталистического строя, воспитывать их в духе международной классовой борьбы и таким образом сплачивать их все крепче и во все большем количестве вокруг знамени революционного социализма".

Кроме этой основной революции, Бернская конференция приняла большинством 9 против 4 голосов следующее предложение скандинавских товарищей:

„Международная конференция социалистических организаций молодежи предлагает Союзам Молодежи всех стран работать в рабочем движении в направлении того, чтобы требование полного разоружения было об'явлено программным пунктом".

Эта резолюция была громадной ошибкой. Лозунг разоружения есть невольный обман рабочих, ибо, не разоружая буржуазии, он разоружает пролетариат. Это лозунг мелкобуржуазного пацифизма, Каутского и Вильсона. Из общей резолюции видно, что генеральный лозунг тов. Ленина „превращение империалистской войны в гражданскую" (между прочим в корне противоречащий лозунгу разоружения) не был еще усвоен конференцией. А из этой неясности политической платформы вытекала еще недостаточная ясность в деле окончательного и полного разрыва с социал-патриотами.

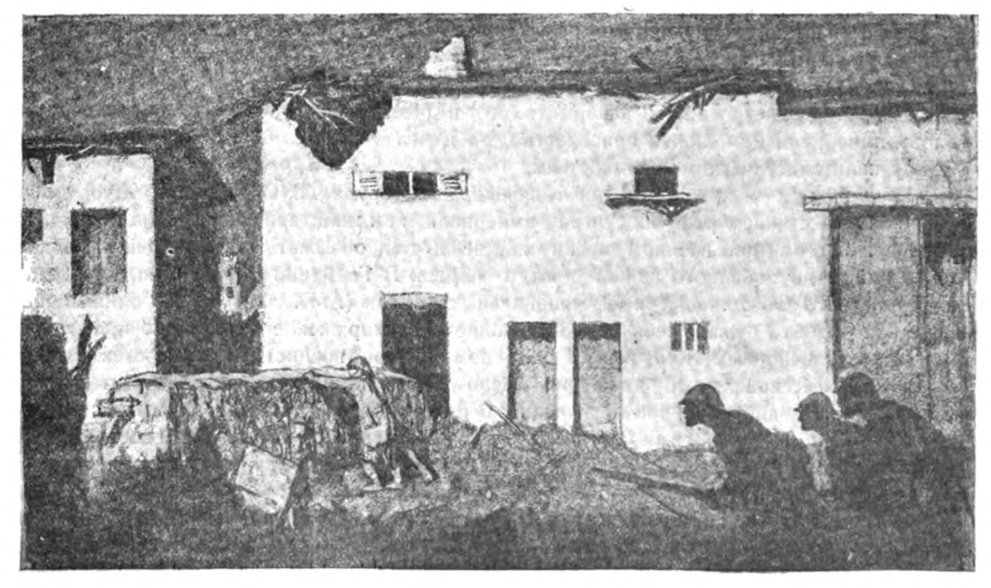
И все же Бернская конференция Интернационала Молодежи в тех условиях была большим достижением. Ее ошибки были почти всюду (позднее всего в Скандинавии) безболезненно исправлены в процессе развития борьбы. Этому сильно помог тов. Ленин своей знаменитой статьей в журнале „Интернационал Молодежи", в которой он эти ошибки раз'яснил. Несмотря на эти неясности, конференция начала грандиозную кампанию против войны (между прочим она же ввела „международные юношеские дни") и создала руководящий орган этой кампании—международный секретариат во главе с тов. Мюнценбергом. И этот международный секретариат фактически работал в соответствии с позицией „циммервальдской левой", т.-е. позицией тов. Ленина.

Мы не можем здесь подробно описать всей работы и борьбы Интернационала Молодежи после Бернской конференции, во время войны. Остановимся лишь на главнейших пунктах. За время войны вышло 10 номеров журнала „Интернационал Молодежи"—боевого органа революционного интернационализма, в котором сотрудничали: Ленин, Зиновьев, Троцкий, Радек, Коллонтай, Либкнехт, Роланд-Гольст и др. Международный секретариат поддерживал связь примерно с 20 странами, несмотря на то, что почти весь мир был разделен фронтами. Издавались воззвания, листовки, брошюры. Но самое важное—это международные выступления и демонстрации, организованные Интернационалом Молодежи. 3 октября 1915 г. был проведен первый международный юношеский день в 9 странах с участием около 120.000 молодых рабочих и работниц под лозунгом революционной борьбы против войны. В мае 1916 года состоялись снова международные собрания и демонстрации протеста против ареста Либкнехта, Хёглунда и др. 3 сентября 1916 г. и 2 сентября 1917 г. были проведены 2 и 3-й международные юношеские дни с еще большим успехом, чем первый.

И все это несмотря на свирепейшие преследования, особенно в воюющих странах, где большей частью царило осадное положение. Ссылка на фронт, многолетние каторжные работы, запрещения организаций, собраний и прессы—были ответом империалистских государств на деятельность Интернационала Молодежи. Несмотря на преследования пра-

вительств и травлю социал-предателей, Интернационал Молодежи во главе более 200.000 организованных молодых рабочих с честью выдержал испытание тяжелейших лет мировой бойни.

Мировая война 1914—18 гг. „кончилась" тем, что создала десятки поводов для новых империалистских войн. Революционный Интернационал Молодежи (с 1919 г. Коммунистический Интернационал Молодежи)—ведет энергичную работу против новых войн. Он уже давно излечился от последних остатков пацифизма. Он усвоил себе всю антивоенную стратегию тов. Ленина. Он накопил громадный опыт борьбы против войны. Когда разыгралась „война" в Руре, он был на своем посту и глубоко революционизировал французские оккупационные войска. За это еще и сейчас многие немецкие комсомольцы и французские комсомольцы-солдаты сидят в тюрьмах после зверских пыток в застенках оккупационных дивизий. Во всех странах растет число революционных ячеек в армиях, уменье строить свои боевые пролетарские организации для подготовки вооруженного восстания. В то время, как так-называемый „Социалистический Интернационал Молодежи" занимается всякими буржуазно-просветительными благоглупостями, КИМ упорно готовится к новым войнам. И нет сомнения, что, когда они грянут (если эта чаша не минует международный пролетариат, если он до тех пор не свергнет буржуазии), рабочая молодежь будет под знаменем КИМ'а.



Ж. Леру. Патруль ночью.

В. Яроцкий.

Профессиональные союзы во время войны*).

Когда в тайниках дипломатических канцелярий империалистических государств шла лихорадочная работа по подготовке того всеевропейского взрыва, который перевернул весь мир в августовские дни 1914 года,—в профессиональном движении всех стран назревали большие перемены. Годы 1911—1914 были годами резкого нарастания революционных настроений в профессионально-организованном пролетариате и Англии, и Франции, и Германии, и России. Англия вся кипела в огне экономической борьбы, которая, по удачному определению будущего министра колоний в кабинете Макдональда Дж. Томаса, приблизила страну как никогда к революции. В Германии возникло недовольство реформистскими уклонами движения, принявшее уродливую форму синдикалистских увлечений. Французские синдикаты вели настойчиво антимилитаристскую пропаганду. Всему этому соответствовало укрепление всего профессионального движения, его количественный рост. За годы, непосредственно предшествовавшие войне, приток новых членов в союзные ряды составлял отличительную особенность движения во всех главных странах Европы. В Англии, например, число организованных в союзы рабочих за пятилетие до войны возрасло с 2.369.000 (в 1909 г.) до 4.143.000 (в 1914 г.), что составляло увеличение в 56,4% за пятилетие, тогда как первое пятилетие XX века дало сокращение числа организованных профессионально рабочих в 3,1%, а второе—увеличение в 22,8%.

Но стоило лишь прогреметь первым пушкам на военных фронтах, чтобы картина резко изменилась. После минутного колебания и временной, но полной растерянности—профессиональное движение, вместо того, чтобы ширить и углублять нараставшее ранее революционное настроение и оформить его в решительной борьбе с поднявшим свою голову империализмом, почти повсеместно, за исключением России, отдало себя на службу капиталистическим государствам.

Во Франции вождь Всеобщей Конфедерации Труда (С. G. Т.) Леон Жуо, до того грозивший восстанием рабочих „тиграм империализма и милитаризма", принял пост „главноуговаривающего" при военном правительстве и стал об'езжать рабочие центры с проповедью войны до победного конца против немцев. В Германии Карл Легин, председатель Всегерманского Об'единения профессиональных союзов (A. D. G. B.), и его ближайшие товарищи по работе отдали себя не менее полно в распоряжение имперского правительства и не менее удачно, чем Жуо, играли роль помощников военного министерства. В Англии деятели профессионального движения точно также приняли участие в агитации среди рабочих масс за добровольное вступление в ряды армии. Повсюду профессиональные союзы отказывались от завоеванных десятилетиями борьбы прав и в интересах защиты родины соглашались прекратить всякую стачечную борьбу.

В тех же случаях, когда среди профессиональных союзов находились и такие, которые продолжали стоять на точке зрения необходимости борьбы с капитализмом и капиталистами, неизбежно и немедленно государства применяли все меры к подавлению подобного „бунта против бога и властей". В России существовавшие до войны легально незначительные относительно союзы были разогнаны, их помещения, после обыска, запеча-

*) Написана для настоящего сборника. Ред.

таны, а наиболее заметные руководители — арестованы. Точно так же поступали военные власти и в Германии, где, несмотря на полную готовность Легина и его сторонников итти на все, что от них потребуют военные власти, сразу же было запрещено устраивать собрания, созывать с'езды и конференции, а еще больше—бастовать. Всюду же—правительство принимало и иные меры, чтобы „успокоить" профессионально-организованных рабочих, предпочитая всему отправку на фронт в качестве солдат недовольных и проявлявших это недовольство. Даже в Англии в 1915 году, после введения всеобщей воинской повинности, применялось „вычесывание" рабочих из предприятий, при чем нередко, как это показал опыт, „вычесывавшиеся" оказывались наиболее энергичными и неспокойными элементами предприятия...

Все это чрезвычайно подрывало силу профессионального движения, омертвляло его и превращало в совершенно бездеятельный и лишенный содержания фактор. Движение не было убито. Но оно было основательно захлороформировано.

И это сразу же сказалось на силе и мощи профессиональных союзов. О наблюдавшемся до войны росте численности движения не могло быть, понятно, и речи. Напротив, скорей наблюдался явный упадок движения. В одной лишь Англии число профессионально-организованных рабочих не сократилось сколько-нибудь заметно, а, напротив, со второй половины военного периода вновь начало быстро расти. Так, в 1914 году было в союзах 4.143.000 членов, а в 1915 году—4.356.000, в 1916 г.—4.640.000. в 1917 г.—5.496.000 и в 1918 г.—6.530.000. Другими словами, здесь за первую половину войны численность союзов возрасла на 16,6%, а за вторую—на 37,2%. Зато в других странах дело обстояло значительно хуже. Так, в Германии число членов союзов равнялось в 1913 г.—2.573.000, а в 1915 году—уже только 1.159.000 (менее половины довоенного числа), в 1916 г.—966.000, в 1917 г.—1.106.000 и в 1918 г.—1.664.000. Таково же было положение и во Франции.

Этот упадок движения об'ясняется, конечно, позициями, занятыми союзами в данных странах. Организации сохранялись, но они перестали совершенно выполнять свои задачи. Наиболее показательным в этом отношении было то, что имело место в Англии, где между британским кабинетом, представленным министром военного снабжения Ллойд Джорджем и Уолтером Рэнсименом, и рабочими организациями был заключен формальный договор об отказе от всех норм, которые ими устанавливались для работы, об отказе от запрещения работать сверхурочно, от установления размеров средней выработки каждым рабочим, от всех требований повышения заработной платы иначе, как с согласия специальных примирительных камер, наконец, об отказе от стачечной борьбы. В Германии точно так же на союзы выпала задача содействия производительности труда военных предприятий в интересах капиталистических групп—и потому союзы, раз ставши на путь признания империалистической войны, быстро докатились до прямого сотрудничества с капиталистами в особых организациях, которые так и назывались „деловым сотрудничеством".

Чем об'яснялась такая смена революционных настроений, свойственных довоенному периоду, настроениями шовинистическими. Почему профессиональные союзы так быстро перешли от ожесточенной стачечной борьбы и пред'явления все более революционных требований к обслуживанию военных нужд капиталистических государств.

Война застала профессиональное движение во всем мире врасплох не только в том смысле, что деятели и вожди профессиональных союзов растерялись в первые моменты военных действий и не знали, как им быть. Она застала его врасплох и в том смысле, что союзы почти во всех странах были без твердого руководства. В течение длительного времени во всех почти странах, за исключением России, профессиональные союзы строились независимо от партии. В Англии, в сущности говоря, и не было вовсе партии, которая могла бы руководить классовой борьбой пролетариата. Рабочая партия представляла собой детище профессиональных союзов, лишенное самостоятельной программы, построенное для защиты в парламенте очередных требований

профессиональных союзов и привыкшее за короткий срок своего существования итти бок-о-бок с либералами. В Германии, где партия долгое время фактически руководила профессиональными союзами, с конца XIX столетия, по мере укрепления в социал-демократии реформистских течений, наблюдалось стремление оторвать союзы от партии и даже поставить партию под фактический контроль союзов. К 1913 году, когда в социал-демократической фракции рейхстага оказалось большинство реформистов, союзы этого и добились. Лишь в одной России с 1912 года немногочисленные, слабые численно союзы все определеннее шли под знамя партийного руководства—начиная с того митинга в театре „Вулкан" в Питере, на котором в союзе металлистов победили большевики.

А что означал этот отрыв от партийного руководства, этот растущий нейтрализм движения, его независимость. Он означал в первую голову передачу руководства в союзах не наиболее стойким, выдержанным и последовательным сторонникам классовой борьбы, а тем, кто не обладал ни знаниями, ни навыками, нужными для политического руководства классовой борьбой. Вожди профессиональных союзов подбирались массой в довоенный период не по признаку наибольшего развития классового сознания. Они нужны были в качестве представителей рабочих в постоянных переговорах между рабочими и хозяевами, в качестве людей, тщательно изучивших свое производство и в этом производстве, под контролем самой массы, защищавших то или иное изменение в расценках, то или иное изменение в производственных процессах. Это не было школой для решения политических вопросов, не было школой классовой борьбы. Напротив, у таких вождей скорей всего накапливался опыт к соглашениям, к примирению интересов.

Вот почему и в предшествовавший войне период мы находим относительно слабый рост классового сознания среди профессионально организованных рабочих при значительном повышении революционных настроений. А когда загремели первые пушечные выстрелы на всех фронтах—только в одной России, где союзы продолжали итти под знаменем партийного руководства, эти союзы оказались среди наиболее стойких противников империалистической войны... Революционные настроения прошли, потому что настроения никогда еще не служат прочной основой революционных действий. А некоторое улучшение материального положения в первые месяцы войны и заигрывания буржуазии с рабочими—содействовали укреплению в рабочей массе уверенности, что классового сотрудничества достаточно для перестройки общественных отношений в интересах рабочих.

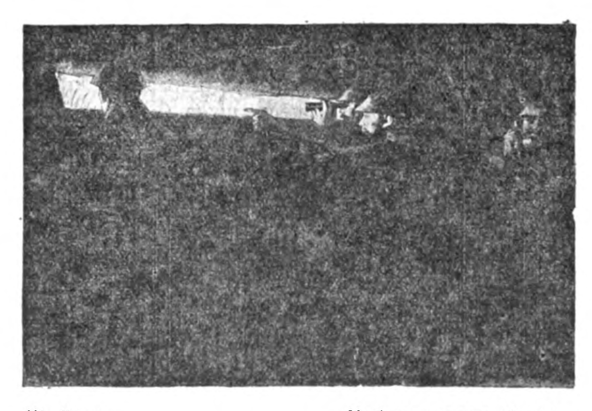
В основном и общем—под знаком такого классового сотрудничества и развивалось профессиональное движение во всем мире во время войны. Это не означало, конечно, что в обстановке затянувшихся военных действий рабочая масса, перенося на своих плечах всю тяжесть войны, не начала проявлять сначала глухо, а затем все отчетливее, свое недовольство. Это не означало, конечно, того, что классовое сознание не получало толчка к развитию в результате военных испытаний. Мы находим в истории военного периода признаки заостряющейся стачечной борьбы. Так, в Англии, где в 1912 году принимало участие в стачках 41 миллион рабочих, а 1914 г., когда с августа совсем уж не было забастовок, число стачечников падает до 10 миллионов, а в 1915—1916 гг. даже до 2 с половиной миллионов, — с начала 1917 г. начинает подниматься новая стачечная волна. Уже в 1917 г. число участников забастовок достигает почти 6 миллионов. И это несмотря на висящую над рабочими угрозу быть отосланными в окопы на фронтах в случае „неповиновения" хозяевам. Точно такое же положение наблюдается и в Германии, и во Франции, где рабочие сотнями и тысячами отправляются в окопы за попытки борьбы.

Но профессиональное движение в целом оставалось вне этого нового под'ема классовой борьбы. Оно продолжало хранить верность всевозможным „коалиционным" правительствам, которых образовалось так много во всех странах ради лучшего прикрепления рабочего класса к капиталистическому государству. Внутри профессионального движения,

в низовых его ячейках появляются лишь оппозиционные группы, появляются новые организации, в роде фабрично-заводских комитетов, которые ведут борьбу и против „чиновников“ профессионального движения, и против хозяев.

Само собой разумеется, когда война приходит к концу с революцией в России, превращающей в дни Великого Октября старую царскую и капиталистическую Россию в Республику Советов, и с революцией в Германии, тоже впервые вводящей республиканский образ правления в стране, где торжествовала монархия—из этих переживаний рабочей массы возникают постепенно новые силы социальной революции. Коммунистические партии рождены в зарубежных странах повсюду этими переживаниями рабочего класса, показавшими, что союзам необходимо руководство партии, что нейтральность и независимость союзов—это предательская ловушка, что война является делом империалистов, бросающих рабочие массы разных стран друг против друга в интересах не цивилизации и человечества, а в интересах капиталистов. Равным образом, война приводит повсюду и к перестройке союзов, и к смене старых, предавших интересы рабочих, вождей новыми.

Но все это имеет место уже много времени спустя, когда уроки войны воспринимаются всем рабочим классом. А во время самой войны профессиональное движение оказывается целиком бездеятельным, бессильным. Как человек, который хорошо захлороформирован, не теряет жизни, но на время перестает жить и сознавать,—так и союзы во время войны были основательно захлороформированы дурманом патриотизма и военных настроений и превратились в бессознательных пособников империалистов своих стран.



Ж. Леру. Наблюдательный пост.

М. Покровский.

Как русский империализм готовился к войне*).

Для начинающего марксиста всего труднее — выучиться мыслить диалектически, т.-е. представлять себе каждое общественное состояние не как нечто неподвижное и замкнутое, точно и строго ограниченное, как спереди, так и сзади, а как нечто текучее, заключающее в себе одновременно и некоторые остатки прошедшего и рядом некоторые зародыши будущего. У нас возможны споры чуть не в таком роде: с какого года в России „начался“ империализм. И в то время, как одни уверенно заявляют: „не раньше 1906 года“, другие готовы спуститься до 1900 г., если не до 1896 г.



М. Н. Покровский.

И то, и другое, конечно, далеко от диалектики, как земля от Сириуса. Царская Россия была страной торгового капитала больше чем на 50% еще и в 1915 году: кто этому не поверил бы, тому достаточно было бы посмотреть на Распутина. Абсолютизм, специфическая „форма правления“ эпохи торгового капитала, был налицо в разгаре империалистической войны. А эпоха торгового капитала и эпоха империализма отделены в Англии, например, почтенным промежутком в полтора столетия. И в то же время, за десять лет до этого мы имеем ту же Россию, идущую на завоевание Китая во всеоружии банкового капитала, учреждающую Русско-Китайский банк в союзе с Лионским Кредитом, Генеральным Обществом и прочими левиафанами парижской биржи. Господство банковского капитала — это как-будто весьма характерный признак империализма, а именно: в русской внешней политике 90-х годов банковый капитал уже господствовал. Если припомнить, что в эти же дни налицо были и другие симптомы империализма (колоссальные таможенные пошлины и стремление расширять все дальше и дальше таможенную границу, захват Манчжурии, попытка захвата Кореи, о которой будущий русский министр иностранных дел Извольский отзывался, что она должна стать „Второй Бухарой“, и т. д.),—то может явиться искушение об'явить Россию находящейся „в стадии империализма“ уже в дни Витте. Но тут полезно вспомнить, что вся эта машина держалась на активном балансе — а, стало быть, на русском хлебном вывозе. Без активного баланса не на что было бы строить броненосцы для империалистических захватов на Дальнем Востоке. А хлебный вывоз — какая это старая вещь! Ведь, около хлебного вывоза вертится история русской экономики еще в дни Александра I.

В особенности туго приходится не-диалектику с такой ультра-диалектической страной, как Россия. Мы не даром стали первыми марксистами мира — под этим есть глубочайшая „материальная база“. Нигде больше не встретишь такого диковинного сочетания политических форм эпохи первоначального накопления, недоконченного, неразложившего еще окончательно старых „натуральных“ форм хозяйства аграрного капитализма и надвигающегося уже, вполне отчетливо нащупываемого, финансового капитала. Кто определял в конце-концов политическую линию поведения этого несуразного целого?

*) Для более полного ознакомления с этим вопросом отсылаем читателя к блестящей работе т. Покровского „Как началась война“, помещенной в журнале „Пролетарская Революция“ № 7, а также и к недавно выпущенной им брошюре, посвященной мировой войне. Ред.

Отвечать на это приходится опять-таки с точки зрения диалектики. В развивающейся стране берет верх то, что толкает вперед, а не то, что тянет назад. К 1900 году было вложено в русскую промышленность:

капиталов русского происхождения . . .	447,2 милл. руб.	— 21,1%
„ иностранного происхождения	762,4 „ „	— 35,9%
„ полученных от продажи русских фондов за границей	915,6 „ „	— 43,1%

Последняя группа, конечно, тоже должна быть причислена к капиталам „иностранного" происхождения — и обе последних группы, прежде чем попасть в русскую промышленность, прошли через иностранные банки. Банковый капитал на ⅘ определял судьбы русского капитализма 90-х годов. Правда, это было „сращение" совершенно особого вида: почти в 50% всех случаев связующей пуповиной являлось государственное казначейство. Это вспрыскивало живую кровь в устаревший организм абсолютной монархии. Но в общем и целом экономическая картина не менялась. Основная зависимость все же шла по линии финансового капитала. Заведывающий в 1908 году снабжением русской армии генерал Поливанов записал в своем дневнике под 2 декабря: „У Столыпина сегодня был французский посол адм. Тушар просить, чтобы военное министерство заказами пушек не обошло завод Шнейдера, так как он слышал, что хотят заказать Круппу, а для успеха нашего займа во Франции лучше бы обращаться к французской промышленности".

Заказ в конце-концов попал не Шнейдеру и не Круппу, а русским заводам, но работавшим на французском капитале. Факт относится к 1909 году, когда гегемония банкового капитала в России била в глаза. Банки росли чудовищно—за промежуток с 1909 по 1914 гг. их капиталы увеличились почти вчетверо (с 222 милл. зол. руб. до 836 миллионов — прирост 276%). Концентрированные им частные „сбережения" только по 1912 год увеличились почти вдвое (с 976 милл. руб. до 1.817 милл. руб.). Но характерно, что даже и в это время вся благодать держалась — и больше, чем когда бы то ни было — на хлебном вывозе. Затруднения с этим последним были главным из реальных поводов войны. А в то время уже в 1897 г. русское железо и русский каменный уголь были в руках 60 обществ, вложивших в дело иностранного (т.-е. пришедшего через банки) капитала на 223 милл. руб.

Было уже тут „сращение" или нет, не будем на этом останавливаться, это вопрос больше теоретический. Ясно одно, огромное участие не-русских капиталов в русском хозяйстве должно было выводить это последнее из национальных рамок и заставлять его разделять судьбы мировых кон'юнктур. И если признать, что западный — английский, французский, германский—капитал уже целиком вошел к этому времени в финансовую стадию, русский капитализм не мог избежать общей участи. Национальная политика была для него закрыта, даже если бы он и хотел ее вести. Русско-турецкая война 1877—78 гг. была последним проявлением этой национальной политики — и уже ее неудача, подчеркнутая неудачей болгарской политики Александра III в 80-х гг., означала невозможность национальных войн и для России.

Следующая война, русско-японская 1904—1905 гг., носит уже отчетливо империалистический характер, не отличаясь в этом отношении от испано-американской войны 1898 г. и англо-бурской 1899—1901 гг. Резкий идеологический протест против японской войны, доходивший направо до „освобожденцев", выпускавших анти-военные прокламации, тем и об'ясняется, что русская буржуазия и обслуживавшая ее интеллигенция еще всецело жили понятиями эпохи промышленного капитализма, с его деланным пацифизмом и лицемерным отвращением к оружию (которое, однако, выделывалось и употреблялось в промышленную эпоху в достаточном количестве). К 1914 году идеология догнала экономику, и против империалистической войны протестовал уже один пролетариат.

Вот отчего, если архи-нелепо искать русских корней разразившегося в 1914 году мирового конфликта в пределах „роковой недели" 24 июля — 1 августа этого года, не многим более глубоко привлекать к делу и только последние 3—4 года перед конфликтом,

как это делает большинство исследователей и не столь близоруких, как Каутский. В литературе, посвященной „предвойне", не цитировался, кажется, до сих пор один драгоценный источник: показания Колчака перед следственной комиссией в Иркутске. Колчак непосредственно после русско-японской войны стоял чрезвычайно близко к русскому военно-морскому центру и „присутствовал на всех решительно обсуждениях вопросов, которые касались флота". И вот что он показывал следственной комиссии.

„Еще в 1907 г. мы пришли к совершенно определенному выводу о неизбежности большой европейской войны. Изучение всей обстановки военно-политической, главным образом, германской, изучение ее подготовки, ее программы военной и морской и т. д. совершенно определенно и неизбежно указывали нам на эту войну, начало которой мы определяли к 1915 г. В связи с этим надо было решить следующий вопрос. Мы знали, что инициатива в этой войне, начало ее будет исходить от Германии, знали, что в 1915 году она начнет войну. Надо было решить вопрос, как мы должны на это реагировать. После долгого и весьма детального изучения исторического и военно-политического, было решено, как морским, так и сухопутным штабами, что мы будем на стороне противников Германии, что союза с Германией заключить нельзя и что эта война должна будет решить в конце-концов вопрос о славянстве — быть или не быть ему в дальнейшем. Были известные группы, которые резко расходились с этой точкой зрения и указывали на необходимость союза с Германией, но та политическая обстановка, которая была положена в основание, показывала, что война произойдет с союзом срединных империй. Я хочу только подчеркнуть, что вся эта война была совершенно предвидена, была совершенно предусмотрена. Она не была неожиданной и даже при определении начала ее ошиблись только на полгода, да и немцы сами признают, что они начали ее раньше, чем предполагали".

Мы не будем останавливаться на вопросе, кто „начал" войну. Подобный ответ на это дан в другом месте. Да Колчак делает и излишним этот вопрос.

„Для того, чтобы выработать программу, надо было иметь определенного противника и определенный срок. Этот срок был фиксирован 1915 г., главный же противник был определен, как Германия".

Немец должен был напасть, хочет или не хочет. А по существу дела, руководители германской политики были бы, разумеется, круглыми идиотами, если бы они стали дожидаться пока русская „программа" будет совсем готова, т.-е. пока русские станут сильнее немцев на Балтийском море. Если бы русский генеральный штаб не поторопился,—войну, с точки зрения простоватого „общественного мнения", можно было бы начать куда чище.

Что сухопутные коллеги адмирала Колчака были ничуть не менее предусмотрительны, показывает ряд отметок в уже цитированном выше по другому поводу дневнике Поливанова. По отношению к сухопутной армии этот заведывающий всем военным снабжением генерал был осведомлен не хуже, чем Колчак о флоте. Прежде всего он подтверждает своим дневником всецело показания своего собрата по морской части. Под 25 мая 1907 г. (еще до разгона 2-й Думы, т.-е. до „официального" конца революции...) он записал:

„С 11 час. у меня был генерал Протопопов. Он заседает в Комиссии ген.-ад'ютанта Дикова по программе судостроения: задумывают широкие планы на два миллиарда, ссылаясь на испрошенное высочайшее повеление; Совет Государственной Обороны оставляют в стороне; хотят устроить заседание под председательством государя, дело ведется в секрете, но заводчики, повидимому, знают, что им нужно".

Под 14 декабря 1909 г.:

„К 9 час. вечера совещание у председателя Совета Министров для обсуждения программы судостроительной и крепостной. Сущность программы Морского Министерства: создать на Балтийском море цельную эскадру, которая могла бы действовать наступательно, когда Германия ведет войну на два фронта, и оборонительно на линии укреплений Ревель—Паркалауд, когда неприятельский флот сильнее; для этого надо построить 8 линейных кораблей с соответствующим количеством крейсеров и подсобных судов".

Сухопутная подготовка начинает как-будто особенно остро чувствоваться в 1910 году, когда в марте была проведена „чистка" корпусных командиров, а в мае началось обсуждение новой военной программы в Комиссии Государственной Обороны. Нет надобности говорить, что октябристское большинство 3-й государственной думы было всецело на стороне программы, и штатские „оборонцы" даже опережали военных.

Под 13 мая этого года Поливанов записал:

„А. И. Гучков предупредил меня, что в субботу вечером будет назначено заседание Комиссии Государственной Обороны по кредитам на оборону, где затронут возможность выделить кое-что на весну, дабы дать работу по изготовлению орудий и снарядов заводам, остающимся без работы. Он намекнул, что было бы полезно, если бы приехал и сам военный министр".

Под 15 мая:

„В $8^1/_2$ час. в. я прибыл в Государственную Думу, где застал уже военного министра; пришел председатель Комиссии кн. Шаховской и предупредил министра, что сегодня первое собрание для изучения новой программы обороны. Заседание началось с того, что я изложил сущность программы, затем пошли перекрестные разговоры, и прения приняли весьма доброжелательный для военного министра характер. Нам ставили на вид, что мы должны требовать все, что нужно для обороны, не стесняясь мин. финансов; постановили, что надо выяснить, что надо дать теперь же главным образом для заказов артиллерии, и это выяснение производится первоначально в особой подкомиссии"...

„Валяйте во всю, денег жалеть не будем!" („тем более что они пойдут в наши же карманы")—так можно охарактеризовать позицию „благонадежных" думских элементов. Не только штабы, но и российская буржуазия была в эти годы совершенно готова воевать. Не менее готов был и глава всей системы. Под 9 ноября Поливанов записывает:

„В разговоре с военным министром был затронут еще вопрос о вызове командующих войсками Западных округов для проверки их подготовки к управлению армиями. Здесь неизбежно возникла необходимость установить, кто же будет командовать всеми армиями. На докладе государю, его величество изволил указать, что верховное командование он берет на себя. Но так как нельзя же привлекать его величество к занятиям военной игрой, полагалось бы на военной игре иметь в роли главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича"...

Эта военная „игра" была столь нешуточной, что отмена ее—по „интриге" Николая Николаевича—едва не повела за собой отставки военного министра Сухомлинова. От него же узнаем, что приготовления к этой военной игре—в сущности экзамену будущих полководцев—продолжались несколько месяцев. А в каком духе должна быть ведена „игра", показывает откровенное признание Сухомлинова, что целью всех его военных реформ было „превратить русскую армию из чисто оборонительного оружия, каким она была еще в 1909 году, в наступательное оружие первого сорта".

В этой именно связи Сухомлиновым было проведено то изменение мобилизационного плана, которое делало частичную мобилизацию технически почти неосуществимой. Сухомлинов откровенно признается, что о частичной мобилизации он думал с большой неохотой, ибо с 1909 года был твердо убежден, что Россия идет к войне с Германией и ей понадобится напряжение всех сил, поэтому нечего тратить времени по пустякам. Но он в своей откровенности идет еще дальше. Он в корне разрушает официальную концепцию русской „Оранжевой книги" о том, будто это всеобщая мобилизация могла носить оборонительный характер. Он проводит в высшей степени любопытное высочайшее повеление, спроектированное в 1912 году и не пущенное в ход Николаем из осторожности. Это высочайшее повеление гласило:

„Телеграфный приказ о мобилизации европейских военных округов в случае политических осложнений на западной границе следует рассматривать одновременно как приказ об открытии военных действий против Германии и Австрии. Что, напротив, касается

„ГЕРОИ ВОЙНЫ“.



Николай II.

Румынии, то открытие военных действий должно последовать лишь по прямому приказанию".

Дневник министерства иностранных дел разрушил легенду о русском „оборончестве" в июле 1914 года. Теперь мы видим, что царское правительство неповинно было в этом оборончестве уже и в 1912 году. Готовилась наступательная война против Австрии и Германии, морально оправдываемая тем, что Германия „хочет напасть". Имея такого миролюбивого соседа, как царская Россия, хочешь - не хочешь, а нападешь... Если правильно указание Каутского, что в немецких военных кругах не рассматривали русскую мобилизацию 30 июля, как прямой вызов к войне, это свидетельствовало бы о крайней наивности этих кругов. При чем фиговый листок—„Германия хочет напасть"—вовсе не был обязателен, поскольку планы русско-германской войны строились и в те времена, когда Вильгельм, по собственному заявлению Николая „был так дружески настроен, как никогда".

Напечатанная до сих пор часть дневника А. Н. Куропаткина начинается с такой записки:

„Приехал в Петербург из Крыма 10 ноября. 12 ноября был у вел. князя Николая Николаевича. Сидел 2 часа. Все время обсуждали исполнение воли государя, дабы в случае войны Николай Николаевич был главнокомандующим войск германского фронта, а я главнокомандующим войск австро-румынского фронта.

Николай Николаевич говорил мне, что им получено письмо государя, в котором значилось это предназначенье, при чем войска фронта, которыми я назначаюсь командовать, названы: австро-румынским фронтом. В том же письме значилась воля государя, чтобы и при этих назначениях высочайше утвержденное расписание № 18 осталось без перемены с тем, чтобы изменения в плане действий, кои признает сделать нужным великий князь, отразились бы лишь на расписании № 19. В письме указывалось, что государь передал мне свою волю, дабы командующие войсками в округах были поставлены в известность о сих важных решениях государя. По этому вопросу вел. князь высказал мнение, что лучше, чтобы сам государь лично сообщил им об этом свою волю.

Мы обсуждали вопрос и о том, пускать ли В. В. Сахарова в одесский военный округ или задержать его в главном штабе, дабы государь мог иметь в нем надежного начальника штаба верховного главнокомандующего. Условились, что надо задержать. Николай Николаевич сказал мне, что на должность начальника своего штаба он преднаметил Палицина: я его давно знаю и мы друг друга догоняем. Я для этой должности наметил ген. Сухомлинова.

Наиболее тревожит меня предвзятость, повидимому, мнения Николая Николаевича относительно того плана, который он предложит государю, по получении по его приказанию плана, ныне принятого по расписанию № 18. Я указывал князю, что не позволит ли он мне с Сахаровым, в присутствии Палицина ознакомить его самым подробным образом со всеми нашими расчетами и соображениями, на основании коих принят план № 18, что тогда он увидит лучше, что, по его мнению, следует переменить.

Но Николай Николаевич стоял на своем, что ему этого не надо, как бы указывая, что решение его уже принято. Я всего более боюсь, что это будет решение для нас невыгодное—отдать без борьбы весь передовой театр и, не принимая боя на Нареве или у Белостока, или у Червонноборской позиции, отступить к Барановичам или Минску".

Эта запись помечена „17 ноября 1902 года". А от 9 числа того же месяца (все числа по старому стилю) мы имеем такую телеграмму Николая Вильгельму II.

„Очень благодарен за твое сообщение. Я надеюсь, что и в других случаях мы всегда сможем рассчитывать на нашу взаимную искреннюю дружбу и на нашу любовь к миру!"

В следующем 1903 году генерал Сухомлинов, будущий военный министр, намечавшийся тогда в начальники штаба австро-румынского фронта, „пришел к твердому убеждению в неизбежности столкновения с габсбургской монархией". О планировавшемся уже столкновении с Германией теперешний германофил умалчивает, но что будущий начальник штаба Куропаткина не мог не быть посвящен в разговоры будущих командующих

фронтами, это ясно само собой. 5 января этого же года Куропаткин, докладывая в Нико лаю, отмечал, что „успехи Германии в Турции (занятие Гайдар-Паши, Багдадская жел. дор., реорганизация турецких сил) могут ускорить столкновение России с Германией или с Турцией или с той и с другой".

Принципиального вопроса о русско-германской войне даже и не ставилось—это разумелось само собой: разногласие могло быть лишь о том, как скоро произойдет это—вопрос был о темпе исторического процесса, точь-в-точь как для нас стоял вопрос о революции в промежутке 1907—1917 годов. И так как темп событий, повидимому, ускорялся, то уже пятого марта этого года Куропаткин переходит к планировке практических мероприятий.

„Вчера вечером у меня собрались в первый раз: Сухомлинов, Соболев, Протопопов, Гершельман, Маврин, Жилинский для выслушания моих указаний в качестве будущего, в случае войны, главнокомандующего о задачах III, IV и V армий.

На основании полученных мной директив я обязан представить государю общий по всем армиям план действий. Ранее всего требуется, чтобы мне представлены были планы действий частных армий. Еще раз на заседании подтвердилась наша неготовность к наступлению. Ни по одной из армий соображений о наступлении не составлено. Но и по обороне лучше других армий обставлена только IV армия, но и в ней позиции наши у Ровны, Луцка и Дубно скорее только обозначены, чем укреплены. Надо усиленно будет поработать. В III армии в оборонительном отношении ничего не сделано, а между тем на эту армию могут обрушиться очень большие силы австрийцев и вынудить III армию к отступлению к Бресту. Вероятно, в виду возможного быстрого прорыва германцев через Нарев, наступление придется вести к Влодаве и далее правым берегом Буга. Между тем местность по правому берегу Буга не подготовлена к действиям больших масс (пути, мосты), не обеспечена также возможность отступления III армии к Пинску, что может представиться необходимым.

На маневре сего года, с позволения государя, я намереваюсь командовать армией, собранной у Холма, которая для проверки наших предложений и будет отступать к Влодаве и далее на правый берег реки Буга".

Мы пропускаем дальше мало интересные теперь стратегические подробности. Но у генерала Куропаткина была наготове не только стратегия, но и политика.

„С разгромом первых австрийских корпусов надо надеяться на оставление рядов австрийских войск массой славян. Надо умело воспользоваться первым же успехом и иметь людей, подготовленных еще в мирное время, дабы войти в быстрое сношение с потрясенными и колеблющимися еще элементами, дабы отторгнуть их из рядов австрийской армии. Операции между нашей границей и Львовом надо обдумать со всех сторон, надо организовать подвоз всех запасов. Надо передвинуть ко Львову осадный парк очень быстро. Надо затем, если Львов нами взят, организовать переход до Львова нашей колеей железной дороги, а далее—австрийской. Надо организовать охрану тыла и охрану со стороны Карпат. Надо организовать охрану со стороны действий румыно-австрийской армии. При дальнейшем движении от Львова навстречу главным австрийским силам движение будет затруднено: 1) крепостью Перемышлем, 2) фланговым положением Карпат с их проходами. Марш выйдет как бы фланговым по отношению к Карпатам. Требуется очень тщательное изучение этой сложной обстановки, дабы избежать в возможной степени роковых случайностей. Подвоз запасов будет затруднителен, и при всем том требуется возможная быстрота действий. Успех этих действий не может быть обеспечен в достаточной степени, если ко времени появления наших VI и V армий в районе к западу от Львова,—Ковель попадет в руки австрийцев".

Мы видим, что манчжурский неудачник, как многие неудачники, был весьма предусмотрителен. Он предвидел в сущности все трудности будущей кампании 1914—1915 гг. и возню с Перемышлем и затруднения со снарядами и т. д. При этом он попутно раз-

обличает уже до конца сухомлиновское лицемерие, определенно подчеркивая, что на заседании, где Сухомлинов присутствовал, обсуждался вопрос о войне не только с Австрией, но и с Германией.

„Маленькая победоносная война" с Японией, рассматривавшаяся почти как маневры в боевой обстановке, помешала разразиться большой войне на Западе в 1903—1904 годах. Вильгельм это великолепно предвидел — оттого „адмирал Атлантического океана" и подзуживал так „адмирала Тихого океана" к авантюре, отправившей на дно Тихого океана весь русский флот. Охваченный после Цусимы паникой и бессильной яростью против англичан одновременно, Николай минутно пошел даже на русско-германский союз (договор в Бьоркэ 24 июля 1905 г.)—тотчас же, правда, спохватившись. Особенно характерно это влияние морского поражения на Николая. Нам редко рисуется русско-германская война в этом аспекте,—столкновения на море. Между тем, это была довольно естественная точка зрения. Именно с воды, с Финского залива, всего легче было нанести царской России решительный удар в центр—в форме ли нападения на Кронштадт, в форме ли высадки в Финляндии или в Эстляндии. Колчак подробно рассказывал на допросе, с какой горячей энергией он и его товарищи спешили заградить вход в Финский залив, начав эту работу уже 16—29 июля, накануне общей мобилизации.

В этой связи становится понятна мобилизация Балтийского флота в первую голову, о чем мы узнаем из дневника министерства иностранных дел: еще ни один батальон на суше не был мобилизован против Германии, а уже минные заградители вышли в море. Но еще более в этой связи становится понятна глубочайшая стратегическая логика русско-английского союза. Пока английский флот висел над берегами Германии со стороны Северного моря, она физически не могла перебросить главные свои силы в Балтику. Как бы ни хотелось Вильгельму одним ударом стать под „Петроградом", он никогда на это не пошел бы ценой потери Гамбурга и Бремена. Союз с Англией ручался Николаю за целость его столицы. Вот отчего, лишенный сразу и флота, и надежды на английскую помощь, он мог впасть в такую прострацию, что соглашался даже на союз с Вильгельмом, при чем характерно, что первые разговоры об этом союзе пошли тотчас после „Гулльского инцидента" *), когда англо-русская война казалась в двух вершках.

Русско-Японская война и последовавшая за ней революция оттянули русско-германскую войну на 10 лет. Но мы видим, до какой степени Англия неповинна в „искушении" царской России. Последняя была „всегда готова" начать драку на Висле и Немане и ее подталкивали в этом направлении не соблазны английских дипломатов, а миллиарды французского золота, влитые в русскую промышленность. Желание воевать со стороны Франции было основным из войно-образующих факторов. Не даром военная подготовка пошла уже без всяких перебоев с того момента, как во главе Франции стал Пуанкаре-война. Говорить только о русском империализме было бы половинчатым решением задачи: уже с конца XIX века мы имеем русско-французский империализм. На континенте Европы он стоял против германского империализма, английский был „третьим радующимся" в этом споре. В июле 1914 г. ему могло казаться, что он великолепно использовал континентальную драку, получив возможность раздавить своего главного конкурента—Германию—и парализовать, самым фактом своей помощи, второго, возможного: судьба атлантических берегов Франции, как и восточного берега Балтики одинаково решалась в Лондоне. Лондон не предусмотрел одного, что может явиться четвертый радующийся, который положит в карман всех троих... Последствий этой своей ошибки Лондон не ликвидировал до сих пор. Ликвидировала ее пока только одна страна, на которую все участники смотрели только, как на запас пушечного мяса—а она неожиданно оказалась запасом самого сильного взрывчатого вещества, которое когда-либо знал мир.

*) „Гулльский инцидент"—расстрел в припадке паники эскадрой адмирала Рожественского, шедшей под Цусиму, английских рабочих судов в Северном море, принятых за японские миноносцы. Это было в октябре 1904 г. *Н. П.*

А. Тальгеймер.

Причины поражения Германии в мировой войне.

(Перевод с немецкого) *).

1. Разграничение вопросов и ход исследования.

Поражение и разгром гогенцоллернской Германии в мировой войне 1914—1918 гг. естественно привели к появлению целого потока исследований о ближайших и о самых отдаленнейших причинах этой чудовищной катастрофы.

В своих бесчисленных и обширнейших мемуарах государственные мужи и военные руководители пытались приписать вину или невиновность кому-либо персонально; при чем все они стараются возложить вину друг на друга, точно перебрасываясь мячом.

В данном исследовании личная сторона вопроса имеет для нас второстепенное значение. Мы исследуем великие исторические причины поражения для того, чтобы изыскать великие исторические силы для возрождения немецкого народа. Правда, представляется весьма затруднительным отделить личное от существенного. В исторических личностях сосредоточены исторические силы; в них исторические причины находят свое выражение. Личности, имена являются только символами исторических явлений. С этой точки зрения беспрерывное требование группы Спартаковцев в 1918—1919 гг. о предании суду Революционного Трибунала „виновников войны" следует считать политически совершенно правильным и целесообразным. Это явилось бы самым наглядным, явственным, ярким выражением полного и окончательного разрыва немецкого рабочего класса со своим собственным социал-патриотическим прошлым, с гогенцоллернской Германией и гогенцоллернской социал-демократией. Оно бы вырыло пропасть между гнусным прошлым и революционным будущим, а вне Германии оно бы в корне подрезало силы национальных подстрекателей рабочего класса стран Антанты — буржуазию.

Головы Карла I в Первой Английской Революции и Людовика XVI в Великой Французской Революции, скатившиеся на землю, имели большое политическое значение. Они, эти головы, служили залогом решительности, основательности революционных мероприятий. Это еще придется наверстать Германии при пред'явлении счетов надвигающейся гражданской войны.

Как раз в Германии, где до сих пор все классовые столкновения, начиная от реформации, прерывались на пути к своему разрешению, где революционная теория была последовательна, в то время, когда революционная практика на своем челе носила печать половинчатости и непоследовательности; как раз именно в Германии эту практику и личные моменты необходимо считать предварительным условием, с одной стороны, и символом разрыва со „слабостью, половинчатостью, жалкостью" собственного революционного прошлого—с другой.

Однако, нет надобности в предварительных обширных исторических исследованиях о „виновниках" мировой и гражданской войн. Все равно, взывающие к гласу народа всегда останутся „правыми"...

К рукописям личного характера следует отнести разнообразные военные и политические исследования причин поражения Германии, которые охватывают большой промежуток времени. Главным образом, имеется в виду период франко-прусской войны и основания германского союза (1870—71 г.).

*) Написано для настоящего сборника.

Необходимо выяснить основы творения рук Бисмарка, которое в ноябре 1918 г. превратилось в пыль.

Поскольку здесь мы имеем дело с буржуазными историческими исследованиями, в них проявляется узкая классовая ограниченность германской буржуазии. Особенно резко бросается в глаза, что она не выходит из поля зрения основ бисмарковской политики.

Германская буржуазия меланхолически посматривает назад на времена гегемонии Бисмарка в Германии, чтобы впоследствии иметь возможность заявить, что поражение об'ясняется лишь тем, что ей не хватало героев типа Бисмарка и Мольтке.

Между тем германская буржуазия совершенно неспособна разглядеть, что основные причины германского поражения необходимо искать как раз в основах бисмарковской политики: этим самым она показывает, что у нее не хватает мужества перепрыгнуть через свою собственную тень. А с другой стороны, в вопросе о поражении 1918 г. выясняется степень глубины и ширины размаха революционной критики основ германского величия, которая применялась Марксом и Энгельсом.

В исследовании мы коснемся отдельных моментов ведения войны и военной политики, постепенно переходя к общим, более глубоким причинам германского поражения.

Последним, по времени, пределом нашего исследования явится германская революция 1848 года.

2. Обстоятельства возникновения войны 1914 года.

Исходным пунктом исследования должно быть: выяснение вопроса об обстоятельствах возникновения войны 1914 года.

Война 1914 года, само собою разумеется, является результатом предшествующей политики держав. В начале войны враждебная коалиция охватила из великих держав только Францию, Англию и Россию, но впоследствии к ней присоединились Япония, Италия Северо-Американские Соединенные Штаты.

Германская же коалиция включала в себя из великих держав Австро-Венгрию и Турцию. Союз с Австро-Венгрией остался в наследство от Бисмарка, а с Турцией — заключен в послебисмарковский период.

Во враждебной коалиции можно также различить наслоения разной давности. Враждебность Франции опять-таки наследство Бисмарка и натянутые отношения с Францией — продукт аннексии Эльзас-Лотарингии.

Оправдался прогноз Маркса, изложенный им в его „Гражданской войне во Франции", в отношении болезненных последствий этой аннексии.

Если при заключении мира с Австрией в 1866 г. Бисмарк догадался провести границы так, как это было нужно для устойчивости его творения, то в 1870—71 г. он уже потерял глазомер.

Как известно и германская буржуазия в то время образовала верноподданный козлиный хор, кричавший беспрестанно только об Эльзас-Лотарингии.

Германская буржуазия, игравшая во времена Бисмарка крайне подчиненную роль, хотела хоть чем-нибудь возместить и проявить себя извне, выступив, как „рыкающий лев". Только рабочий класс, предвидя заранее последствия насилия над Францией, заявил протест.

Но он был еще недостаточно силен, чтобы его протесты были приняты во внимание и, таким образом, решилась с роковой неизбежностью судьба Франции, превратившая ее из предначертанной ей роли союзника в агента, вербующего всяческую коалицию против Германии.

Бисмарк стремился прежде всего отвлечь взоры Франции от своей восточной границы, направив их на колонии. Это было, однако, возможно до тех пор, пока Германия не принимала участия в состязаниях на империалистической арене.

Но тут Германия должна была столкнуться с Францией. Конфликт из-за Марокко и вообще из-за Африки раздул яркое пламя враждебности Франции к Германии. Франция начала усиленным и ускоренным темпом готовиться к войне, предвидя ее в ближайшем будущем.

Этим далеко не сказано, что именно Франция выбрала 1914 год. Но финансовые и физические усилия, последующее расширение армии, 3-годичная военная служба, неимоверное увеличение численности армии мирного времени,—послужили причиной к тому, что подобное состязание не могло быть длительным.

Таким образом комбинировались старые мотивы войны 1870—71 годов с новыми империалистическими мотивами. К тому еще прибавилась Бисмарковская и после Бисмарковская политика в Эльзас-Лотарингии, которая способствовала тому, чтобы свежая рана на теле Франции не заживала.

Необходимо не упускать из виду, что Эльзас-Лотарингия в экономическом отношении колоссально выросла под владычеством Германии.

Если же она, тем не менее, не слилась с гогенцоллернской Германией даже в той части Эльзас-Лотарингии, разговорным языком которой был немецкий, то это следует приписать исключительно плохой политике.

Дальше, можно ли было не допустить включения Англии в состав враждебной Германии коалиции.

Этот вопрос часто обсуждался буржуазными критиками военной политики, которые потратили на него не мало пороху. Вот тут-то в действительности сосредоточены все нити, которыми можно воспользоваться для выяснения обстоятельств возникновения войны.

Одним из этих обстоятельств послужили империалистические противоречия между Германией и английской мировой империей.

Вопрос о том, можно ли было устранить Англию из враждебного лагеря, фактически сливается с вопросом о том, хотел ли в данный момент германский империализм кинуть на весы войны свои империалистические вожделения.

Если Германия к этому стремилась, то столкновение с сильнейшей мировой державой, Англией, было неминуемо и, кроме того, одновременно должен был произойти разрыв с Францией, тесно связанной с Англией.

Всякое большое столкновение на континенте должно было заставить Англию подумать о том, чтобы создать такое положение, которое не дало бы возможности Германии разбить Францию и Россию и стать, таким образом, владычицей и установить свое господство на континенте Европы.

Подобно тому, как Англия выступила против военной гегемонии Наполеона, создавая для борьбы с ним коалицию за коалицией, пока она не добилась его разгрома,—точно так же и здесь Англия вынуждена была бороться не на жизнь, а на смерть с германским империализмом.

То, что Вильгельмовская Германия, а особенно Бетманн-Гольвег, предавались иллюзии предотвратить возможность участия Англии в войне, показывает насколько они были политически близоруки.

Даже наши писатели (например, Пауль Фрёлих в своей прекрасной книге о войне) истолковали нарушение Германией нейтралитета Бельгии, как одну из главных причин, заставивших Англию принять участие в войне. Так рассуждать, значит исследовать этот вопрос только поверхностно.

Поход Германии через бельгийскую территорию, насилие прусского милитаризма над маленькой беззащитной страной послужили лишь хорошим агитационным средством для английской буржуазии, но не больше; и не это повлияло на настроение Англии.

Попытка завладения Бельгией или Голландией со стороны какой-либо сильной континентальной державы всегда служила для Англии поводом войны, но всегда только в связи

и как некая часть целого, другого выступления. Это последнее и являлось настоящим основанием войны.

Нарушение Германией бельгийского нейтралитета в данном случае имело значение лишь постольку, поскольку речь шла об овладении континентальной Европой со стороны германской военной клики. Всякая держава, которая намстила бы себе выступление в Европе против Англии, должна была бы раньше всего заручиться в военном и политическом отношениях согласием Бельгии (также и Голландии).

Так поступил, по крайней мере, Наполеон I.

Я не думаю, что нарушение нейтралитета Бельгии является основной ошибкой, тем более, что вообще империалистические аппетиты свойственно удовлетворять посредством войны.

Имея в виду, что разрыв с Францией был неминуемо связан с разрывом также и с Англией, надо признать, что в стратегическом отношении продвижение через бельгийскую территорию являлось единственным шансом для немедленного овладения Францией.

Самой грубой ошибкой следует считать предположения многих о возможности раздавить Францию, не вызывая вмешательства Англии.

Подобную близорукость следует, однако, приписать исключительно Бетманн-Гольвегу, но, во всяком случае, не германскому генеральному штабу.

Вот что пишет Куль, долголетний сотрудник Шлиффена и Мольтке II: „Мы заранее причисляли Бельгию к своим врагам и определенно считались с Англией, как с врагом...*).

Германскому империализму оставалось только определить момент выступления. То обстоятельство, что именно Германии пришлось выбрать момент выступления, не считаясь с неимоверным численным перевесом противника (так как она могла найти лишь таких союзников, как Австро-Венгрия и Турция), убеждает нас, что этот шаг был роковой ошибкой для Германии. Эта ошибка тесно связана с ужасными дефектами воззрений вождей немецкого юнкерства, юнкерского офицерства, бюрократической касты и личного режима, который венчал эту исконную пирамиду.

Имеется, однако, целый ряд доказательств, что у германского империализма был такой момент, когда была возможность сговориться с Англией.

Отказ Германии от этой возможности следует определенно считать ошибкой.

Таким образом, ему была предоставлена возможность отдалить время выступления и выбрать более благоприятную для него обстановку. Отказ отсрочить момент был решающей ошибкой.

Старый, с широким кругозором английский империализм смог задушить молодой, слепой как щенок, тыкающийся носом германский империализм.

Англии способствовала в этом неопытность германского империализма, обладавшего непомерными аппетитами и еще невыясненными силами.

Единственно, что было возможно, это временный компромисс (до выбора более соответствующего момента для выступления) с сильнейшим империалистическим противником.

Серьезным препятствием на пути соглашения с Россией был также Константинополь.

Опять-таки все те же, присущие руководителям германского империализма, дефекты воззрения препятствовали ему сделать своевременно уступки Италии для того, чтобы заставить ее отказаться от выступления и этим оставить ее в своем резерве на случай вмешательства Америки, которая в удобный момент не забыла от избытка чувств лягнуть германский империализм.

Эти ошибки являются последовательным продолжением основных ошибок, являющихся их исходным пунктом.

---

*) „Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges, II neubearbeitete Auflage, Berlin 1920—Mittler Seite 177".

Надо сознаться, что предположения многих о возможности вообще недопущения разрыва с Англией — неосновательны.

Делать подобные предположения—значит не знать существа самого империализма.

Война является мерилом вовлечения новых соучастников мирового хищничества. Нет другого мерила. „Мирный империализм"—это своеобразная филистерская фантазия тех, которые всерьез верят в это, или же сознательно применяемый дипломатический и политический шантаж тех, которые намерены подобным способом создать себе укрытие перед предстоящей боевой обстановкой.

Военная мощь России была сведена почти к нулю благодаря подкупности, отсталости, бюрократическому управлению и военному командованию.

Заметное на горизонте 1914 года приближение революции загнало дрожащую русскую буржуазию и мелкую буржуазию в руки царской бюрократии, что, однако, ослабило военную мощь страны, привело к разгрому и в конце-концов к революции.

Вильгельмовская Германия была прикована к двум трупам—Австро-Венгрии и Турции.

Выбывшую из строя Россию Антанта заменила модно-капиталистическим американским великаном.

Германия не имела заместителей своим разваливавшимся союзникам; и это не случайно, это вытекало из некоего внутреннего сродства, издавна присущего прусско-германским феодалам и царской России.

3. Немецкое продвижение и оперативный план.

Обстоятельства, при которых Германия затеяла войну, были не особенно выгодны для нее, в виду громадного численного превосходства военной мощи Антанты; экономическое и финансовое положение ее противников выросло с присоединением к ним Италии и, главным образом, Соединенных Штатов. Вот главные цифровые данные о соотношении сил.

Военные силы 1914 года (летом).

	Пех. див.	Кав. див.	Число бойцов.
Германия	89	11	2.019.470
Австро-Венгрия	57	11	1.470.000
Всего	142	22	3.489.470
	Пех. див.	Кав. див.	Число бойцов.
Россия	118½	40	3.461.750
Франция	75	10	2.042.820
Англия	6	1	132.000
Сербия	10	1	285.000
Бельгия	6	1	280.000
Всего	215½	54	6.191.570

Мыслима ли была вообще победа центральных государств при этом неимоверном численном превосходстве противника?

Не следует ли из этого, что, невзирая ни на какую стратегию при всякой военной политике, они должны были быть побеждены?

Поставить вопрос в такой плоскости, это значит совершенно не понимать, как подойти к этому вопросу.

Военная участь решается не простой задачей сложения или вычитания, хотя и число бойцов, винтовок, орудий и т. д. являются очень важными факторами.

Малочисленность в сравнении с противником может быть в определенных условиях и границах возмещена другими факторами. Главными из них, о которых идет здесь речь, являются: лучше разработанный принцип ведения войны, что всецело зависит от военной организации, тактики и стратегии, превосходство моральных стимулов войск, превосходство в талантливости командования, лучшая подготовка войск.

Военно-историческая критика в своих легендах о мировых исторических победах, одержанных когда-либо против численно превосходящего противника (как, напр., в персидских войнах, в галльских войнах Цезаря и т. д.), приписывает победы, как общее правило, главным образом, высшим военным принципам; последнее, с своей стороны, тесно связано с высшими общественными и политическими принципами.

И Наполеон большей частью одерживал свои победы при численном превосходстве противника.

Имеются и исключения, когда вымирающие старые культуры бывали разгромлены дикими ордами варваров.

Здесь, однако, военное превосходство основывается на влиянии первобытного коммунистического строя на способ ведения войны, а равно на военном духе; нет, тем не менее, надобности сомневаться в том, что в начале французской революции войскам ее пришлось вести борьбу с неимоверным численным превосходством противника,—но с противником, не проявлявшим себя компактными массами и организованно.

Подобное положение имело место и в гражданских войнах Советских Республик.

На германской стороне не было такого превосходства военного или морального принципа; он, скорее всего, имелся на французской или английской стороне. Кроме того, в начале войны и в вооружении сторон не было особенной разницы.

Задача, которую пришлось решить германскому командованию, была, несомненно, чрезвычайно трудна, но она была бы разрешима, если бы наступательный и оперативный план соответствовал намеченным целям войны и соотношению сил.

Германии не под силу была наполеоновская стратегия—уничтожения, но зато она легко могла бы применить фридриховскую стратегию истощения. Эту точку зрения отстаивал знаменитый исторический писатель Г. Дельбрюк, и нам она кажется вполне правильной. Последнее, конечно, относится к известным типам возможного ведения войны.

Германский генеральный штаб никогда не понимал этой основной разницы, так как он не отдавал себе отчета в том, что можно сделать и чего нельзя. Крайне интересна история германского наступления и оперативного плана в изложении Куль.

Старший Мольтке сейчас же после войны 1870—1871 г. полагал себя достаточно сильным, чтобы вести двустороннюю наступательную войну против Франции и России.

В связи с усилением военной мощи Франции, он быстро меняет свою точку зрения и считает возможным вести наступление теперь только против Франции, защищаясь от России.

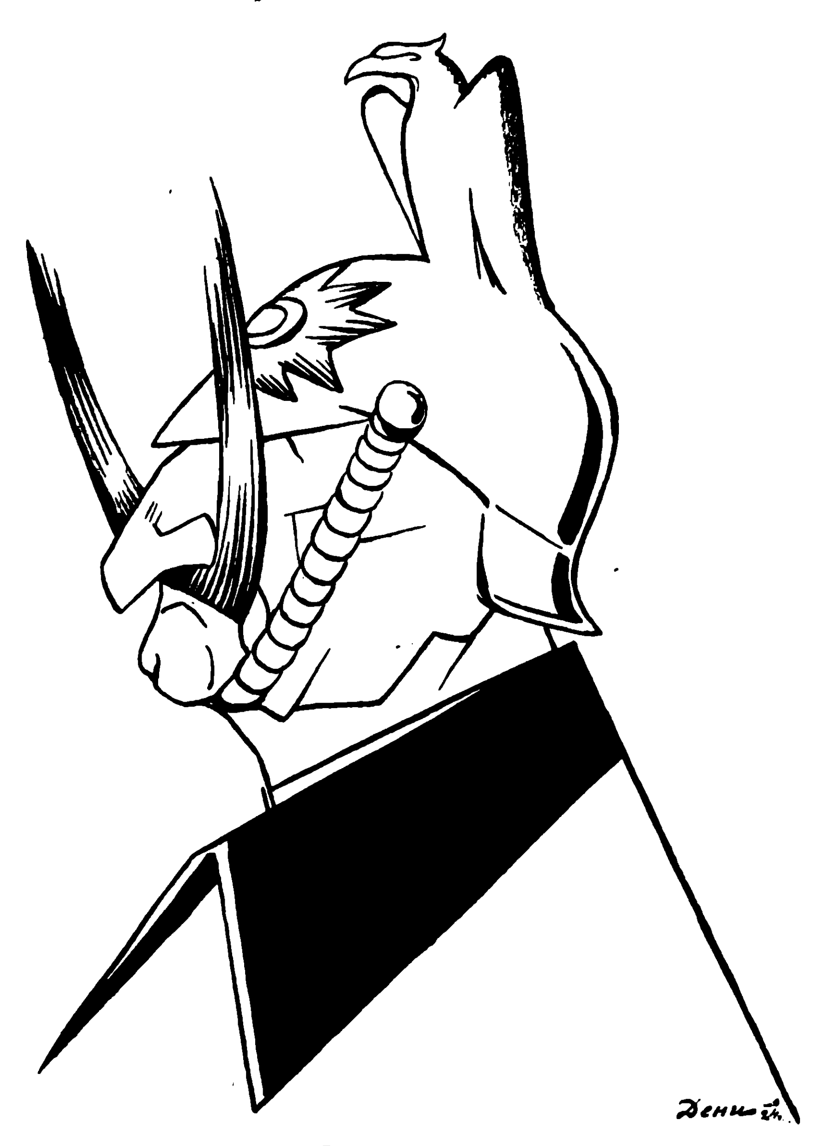
Решительное сражение на Западе должно было наступить на 3-й неделе (по данному плану).

После фактического союза с Австро-Венгрией (1879 г.) и этот план был снова изменен.

С возведением французских крепостей, Мольтке уже не думает о возможности молниеносного разгрома Франции, но зато он находит, что необходимо рассчитывать на медленность выступления России. В противовес этому наступлению он полагает целесообразным более быстрое наступление Германии, которое должно было молниеносными ударами решить кампанию в пользу Германии. Поэтому сперва защита на Западе и наступление на Россию. Победа на Западе, на Марне, должна была быть одержана после вынужденного отступления России.

Мольтке поддерживает этот план и тогда, когда Италия присоединяется к союзу.

„ГЕРОИ ВОЙНЫ".



Вильгельм II.

Преемник Г. Ф. Мольтке, гр. А. Ф. Вальдерзее (1888 г.), его сотрудник в 1872 г. в качестве генерал-квартирмейстера, после существенного изменения взгляда в 1886—1887 гг. был в общих чертах того же мнения.

Коренное изменение во взглядах наступило лишь в 1891 г. с передачей Генерального штаба в руки графа Шлиффена.

Существенными причинами для изменения плана были:

а) рост французской военной мощи, ускорение французской мобилизации и сосредоточения и затем необходимость считаться с возможными наступательными действиями Франции,

б) изменение благоприятных условий для наступления на восток, в виду укрепления Оссовца, Ломжи, Остроленки, Пултуска, Зегржа и Новогеоргиевска.

По плану Шлиффена Германии надо было искать быстрого решения всех боевых заданий на Западе. Он мыслил себе решение этой боевой задачи лишь путем охвата. Для выполнения последнего необходимо было нарушение нейтралитета Бельгии, т.-е. прохождение через ее территорию.

На Востоке он полагал возможным поддерживать фронт весьма слабыми силами.

Наступление на Западе мыслилось в грубых чертах в следующем виде: почти все военные силы должны были быть предоставлены для охвата, при чем одновременно надо было поддерживать левый фланг у Меца. Северная группа должна была быть, по возможности, сильнее. Девять армейских корпусов и семь кавалерийских дивизий, сопровождаемые семью резервными корпусами, предназначались для прикрытия правого фланга. Две лотарингские дивизии должны были быть немедленно направлены на правый фланг.

В связи с этой операцией Шлиффен предполагал привлечь ландштурм и ландвер для несения этапной службы и сформирования запасных и резервных корпусов и запасных частей.

Для наступления на линии Эна—Уаза—Париж были предназначены: 25 армейских корпусов, $2^{1}/_{2}$ запасных корпуса и шесть вновь сформировавшихся армейских корпусов.

1-го января 1906 года граф Шлиффен подал в отставку и на его место пришел молодой Мольтке—племянник фельдмаршала.

Под его руководством был изменен шлиффенский план, который известен, как его „разжижение".

Он был за прикрытие Эльзас-Лотарингии и для этой цели он предоставил шестую и седьмую армии (8 армейских корпусов). Последние должны были задержать противника или разбить его, если бы он попытался перейти в наступление между Мецем и Вогезами. Одновременно должны были быть выделены боевые силы на Восток, предназначавшиеся Шлиффеном для охвата фланга на Западе.

Военная критика ведет наступление против подобного „разжижения" плана Шлиффена графом Мольтке.

Фон Куль пишет:

„План Шлиффена был значительно проще. Главная мысль была с большей ясностью разработана, но все остальное оставалось в тени..." (стр. 170).

О проведении в жизнь плана ф. Куль пишет:

„Ход событий не соответствовал ожиданиям. Не удалось своевременно излишние силы перебросить с левого на правый фланг, а потому он был крайне слаб и, кроме того, он был ослаблен разными выделениями сил.

6-я и 7-я армии не были своевременно после битвы в Лотарингии задержаны, а, наоборот, им приказано было перейти Мозель и между Тулем и Эпиналем прорвать фронт в то время, когда правое крыло должно было зайти правым плечом.

Из большого обхода через Бельгию и Сев. Францию должен был бы получиться охват вправо и влево, т.-е. полное окружение.

Операция с обеих сторон не удалась" (там же).

Г. Дельбрюк полагает, что изменение плана, т.-е. предварительный разгром России был также возможен.

Мы полагаем, что „разжижение" и непоследовательное проведение в жизнь плана Шлиффена в значительной степени уменьшило шансы на успех; но нет, однако, возможности доказать, что последовательное проведение в жизнь плана Шлиффена должно было увенчаться успехом.

Немецкое военное командование страдало более тяжкой болезнью, чем „разжиженным" планом Шлиффена—несоответствием сил и намеченных целей.

Надо было полагать, что после битвы на Марне, которая вскрыла основной недостаток и, кроме того, доказала, что о быстром разгроме противника не может быть и речи,—основные ошибки будут исправлены.

Нельзя было уже выиграть войну, но была еще возможность спасти германский империализм, если бы он был способен сделать соответствующие выводы из того положения, в котором он находился, и временно согласился лишиться „нескольких клоков".

Во всяком случае, представлялся единственный шанс для спасения своего положения.

Вот как просто и удивительно метко рисует это положение Дельбрюк:

„Мы придерживались в 1915, 1916 и 1917 гг. на Западном фронте большей частью оборонительной политики, как наиболее сильной боевой формы, при которой, невзирая на нашу малочисленность, мы все-таки могли удержаться".

Подобным образом, однако, выиграть войну не представлялось возможным, а потому мы перешли в 1918 г. в наступление и сели на мель, в виду нашей малочисленности *).

4. Политика и стратегия.

Исправление этой ошибки было бы возможно лишь при достаточно сильном политическом руководстве, которому всецело подчинилось бы военное командование.

Известно, однако, что произошло нечто обратное. Политическое руководство попало окончательно в руки верховного военного командования, т.-е. Людендорфа.

Последнее обстоятельство доказывает, что германская буржуазия в политическом отношении не достигла совершеннолетия и не способна была взять бразды правления в свои руки.

Основная ошибка стратегии была перенесена на политику.

Один за другим носились слухи о возможности путем компромисса ликвидировать войну,—пока туго натянутая струна не лопнула.

Мы кратко перечисляем эти возможности:

а) Попытка Вильсона (декабрь 1916 г.). Она не увенчалась успехом, так как германские политики чувствовали себя победителями и не пожелали совершенно считаться с тем что с течением времени скажется превосходство сил противника.

Победные настроения германской политики не предрасполагали ее к компромиссам.

К тому же еще прибавилась подводная война, которая в одинаковой степени поразила, как мирного посредника, так и противников.

б) Попытка заключения мира летом 1917 г. (посещение папским нунцием 26 июня 1917 г. Бетманна-Гольвега) в связи с резолюцией о мире, принятой рейхстагом.

Предварительным условием для переговоров, как об этом недвусмысленно дали понять англичане, должно было быть об'явление о полном освобождении территории Бельгии.

Условия противников, как об этом сообщено было полковником фон-Гельфен представителю (Verbindungsmann) высшего военного командования при министерстве иностранных дел, сводились к следующему:

---

*) „H. Delbrück, Luddendorffs Selbstporträt S. 12".

„Безоговорочное очищение территории Северной Франции и Бельгии, возмещение всех расходов, связанных с восстановлением разрушений, об'явление самостоятельности Эльзас-Лотарингии, аннулирование мира, заключенного на Востоке, передача на разрешение всех восточных вопросов в особую мирную конференцию, созываемую Антантой, полная перемена системы управления в Германии в духе и по указанию Вильсона".

Под последним подразумевается не упразднение монархии, а исключительно введение парламентаризма (Дельбрюк l. c. p. 23).

При принятии рейхстагом мирной резолюции Людендорф требовал „немножко больше перцу". С помощью Эрцбергера был свергнут „хилый" Бетманн-Гольвег и на его место посажен „плакса" Михаэлис.

Протоколы верховного Совета от 11 декабря 1917 г. в замке Бельвю раз'ясняют отношение Людендорфа и Михаэлиса к вопросу о целях войны.

По записям канцлера Михаэлиса, с мнением которого Вильгельм вполне согласился: „Бельгия должна была быть восстановлена, но при условии полного устранения английского влияния, принятии экономических мер предосторожности и разрешения фламандского вопроса; кроме того, вопрос о Люттихе (Льеже) должен был быть разрешен особым актом, но все это должно было быть урегулировано между Германией и Бельгией непосредственно" (Дельбрюк, стр. 13).

Людендорф требовал в своем докладе высшему командованию: от Франции—Лотарингский угольный бассейн, от Бельгии—Люттих (Льеж) и кроме того экономического присоединения Бельгии к Германии, что в конце-концов должно было бы заставить Бельгию искать политического сближения с Германией (Дельбрюк l. c. p. 19).

Становится понятным, почему Дельбрюк на исходе 1917—1918 гг. заявил, что ему „близко к сферам стоящий человек" сказал „нами управляет сумасшедший кадет" (стр. 40).

в) Фон Кюльман девять раз пытался зимою 1917—1918 гг. и весной 1918 г. зондировать почву в Англии, но он после всего этого был прогнан Людендорфом.

Интересен доклад известного английского полковника Репингтона об одном разговоре на эту тему с Ллойд-Джорджем 29 марта 1917 г.

„Он полагает, что немцы стремятся к миру и что Гинденбург того же мнения, что Германия получила больше, чем ей нужно (wanted). Они могли бы себе позволить очистить территории, которые они не предполагают оставить за собой, включая Сев. Францию, части Бельгии и даже часть Эльзас-Лотарингии и, кроме того, на Севере—Курляндию. К чему немцы, невзирая особенно на опасности, привяжутся,—это дорога на Восток, которая предоставит им в будущем колоссальную возможность эксплоатировать Малую Азию. Они откажутся от Курляндии, об'явят автономию Польши, предоставят России свободный проход (но не владение) через Дарданеллы и захотят в такой мере утвердиться в Антверпене, в какой они сумеют себе это выторговать (Raeggle for). Они оставят нам свои колонии, за исключением Вост. Африки, о которой он сказал: Сметс не жадничает и не стремится к ней, хотя он ее завоевал". В подобном случае Франция и Россия вынуждены будут задать себе вопрос, есть ли еще кое-что из-за чего следовало бы воевать, и если наши союзники найдут себя удовлетворенными и не будут особенно заботиться об Антверпене, то может наступить мир.

Он, однако, полагает, что французы, исходя из своего высоко развитого чувства чести, не захотят прекратить войну до фактического очищения германцами бельгийской территории. Очень возможно, что мы получим Месопотамию, Франция—Сирию, Россия—Армению, а Турция превратится в вассальное государство Германии..."

Репингтон при этом прибавляет от себя „план, приписываемый премьер-министром немцам или, по крайней мере, Гинденбургу, весьма интересен и наглядно показывает направление мыслей премьера Англии" *).

*) Lieutenant—Colonel C. à Court Repington, The First World War 1914—1918, Personal Experiences of Vol 1,9 th. éd. London, Constable 1921, p. 501, 502.

Теперь легко установить, что Ллойд-Джордж переоценил Людендорф-Гинденбургское мнение о положении на театре военных действий. Тем не менее из его суждений видно, что с его стороны была возможность компромисса.

Другой стороной, трактующей о том же предмете, является Восточная политика Людендорфа.

Оккупация Украины и Северной России пригвоздила к ним громадные войсковые силы, в которых особенно нуждались на Западе; оккупационные же войска деморализировались, у них ослаблялась дисциплина и они превращались в батраков.

Отсюда появилась зараза, которая, во всяком случае, не была революционной заразой,— перенесенная на Запад.

К тому еще прибавилась безумная польская политика, Брест-Литовский и Бухарестский мирные договоры.

Неистовство, надменность „сумасшедшего кадета“ сливались воедино с политическими преступлениями и глупостью—вот откуда выросла мстящая Немезида, сломавшая позвоночный хребет Германии во время весеннего наступления 1918 года.

Не подлежит сомнению, что начиная с 1917 г. вплоть до весны 1918 г. у Англии было стремление найти какой-либо компромисс.

5. „Оберегаемая полицией юнкерско-бюрократическая монархия“.

Вильгельмовская Германия пользовалась тем громадным преимуществом, что колоссальные организации так-называемых социалистов и профсоюзов предоставили себя всецело в распоряжение германского империализма. Дельбрюк не без основания замечает, что для германского империализма было бы куда хуже, если бы немецкие рабочие не были организованы. В подобном случае нельзя было бы предотвратить индивидуальные активные выступления германских рабочих против военного режима.

Действительно, германский империализм без поддержки социал-демократической партии и профсоюзов не был бы в состоянии вести 4-летнюю борьбу против все возрастающего численного противника. Но эта медаль имеет и оборотную сторону. Социал-демократия ползала у ног юнкерско-бюрократического военного режима, что дало возможность последнему извне и извнутри вполне выявить свои реакционные близорукие инстинкты.

Только широкие внутренние реформы могли бы продлить жизнь этому режиму и создать новые моральные силы для ведения войны. Но, благодаря исключительно подлому раболепству социал-демократии и буржуазно-демократических партий, стало невозможным достигнуть чего-либо подобного.

Германское юнкерство не чувствовало поэтому ни малейшей нужды в реформах; не гнали его к этому ни внутренние побуждения, ни политический разум.

Для того, чтобы явственно разглядеть и выяснить, почему именно неограниченно царствующая германская юнкерско-бюрократическая и военная каста была так ограниченна и близорука, необходимо прочесть ниже помещенные заметки Г. Дельбрюка.

Г. Дельбрюк—это лучший исторический ум среди германских профессоров. Хотя он приверженец консерваторов, но его историческое образование дает ему от поры до времени возможность обнаружить некоторые проблески света даже вне тех границ, которые обычны для людей его круга.

Мы даем некоторые характерные выдержки из его сборника военных статей*).

Предисловие, датированное 31 октября 1917 года, содержит следующие главные мысли: а) Дельбрюк думает, опираясь на статью Трейтчке (1871 г.), что теперь, как и после 1871 года, следует разрешить вопрос: „каким образом сдерживать в рамках нара-

*) Krieg und Politik 1914 bis 1916 von Hans Delbrück, Berlin 1918, Verlag von Georg Stilke.

стающие силы пробужденного народа и оберегать его от увлечения мировыми планами древней священной империи“.

б) Германия, по нашему мнению, должна была бы не только требовать для себя самой участия в разрешении вопросов о далеко лежащих областях, но, главным образом, проявить себя, как защитница национальных меньшинств. (Дельбрюк, между прочим, еще до войны протестовал против вильгельмовской польско-датской политики, но его голос оставался гласом вопиющего в пустыне).

в) „Внутренне я всегда имел убеждение, что социал-демократия, по образному выражению того времени, должна будет когда-нибудь провороваться, и одновременно считаю старые партийные противоречия (в с.-д-ии) выдохшимися и изжитыми.

Без предвзятого взгляда взираю я и на новые образования*)“. Он поддается неимоверному самообману, когда речь идет о руководителях вильгельмовского режима.

„Наше превосходство,—пишет он в начале войны, — основывается не на численности, но на лучшей организации правительственного аппарата и руководства. Французы несомненно имеют много талантов и много патриотизма, но невозможно допустить, чтобы армия, имевшая в течение 43 лет 42 военных министра, представляла из себя правильно и надежно функционирующий механизм; почти исключается всякая возможность, чтобы у французской армии все было так обдумано, подготовлено и проконтролировано, как у германской, чтобы мобилизация и переброска сил были проведены у них с такой же аккуратностью и уверенностью, как это мы наблюдаем собственными глазами в Германии.

Могли ли французские частновладельческие железные дороги работать рука-об-руку с генеральным штабом, как государственные дороги в Германии?

Невозможно также допустить, чтобы командование было у них на такой высоте, как германское.

„ГЕРОИ ВОЙНЫ“.



Фельдмаршал Гинденбург.

Рисунок из немецкого патриотического сборника **).

Генерал Жоффр может быть, и выдающаяся личность, но он не свободен в своих действиях. Президент Республики, совет министров и военный министр стоят около него и за ним, а за всеми ими стоит всесильное, поддающееся колебанию от дуновения всякого ветерка общественное мнение.

Для благополучного исхода войны, по знаменитому выражению Клаузевица, бывает очень часто не мало путей и не так важно выбрать наилучший из них, как необходимо единой волей удержаться на раз выбранном.

*) Речь идет, повидимому, о выделившейся U. S. P. D. Ред.

**) Помещается потому, что он и в патриотическом изображении, по мнению редакции, не уступает в яркости шаржам Дени, помещенным в наст. сборнике. Ред.

Под руководством кайзера Германия обеспечена этим единством,—единством стратегии и политики.

У французов нет этой уверенности" (стр. 35).

Да, было в Германии единство, но единство, низведшее военную политику к уровню кадетского корпуса.

Вскоре Дельбрюк убеждается, что соотношение сил заставит германский империализм обуздать свои аппетиты, но приходя к подобным выводам, он одновременно выражает при этом свои крайне курьезные мысли:

„Уверенность, которую мы хотим отвоевать себе, может, таким образом, состоять лишь в соединении высшей собственной военной мощи с политической умеренностью,—умеренностью, которая обезоружила бы всякое недоверие, выросшее благодаря влиянию военной касты. Иначе выражаясь, наша цель должна быть: удержание нынешнего политического равновесия на материке и отвоевание равновесия на море" (стр. 60—61).

„Равновесие" Германии на море толкуется им позднее так: „Германия на море так же сильна, как и Англия".

А в другом месте он пишет:

„Война, окончившаяся для Германии вничью, по мнению англичан, была бы для Германии большой победой. У нас нет основания к тому, чтобы не признать от всей души подобный взгляд правильным".

Удивительная смесь световых контрастов и грубых ошибочных приемов.

Мыслима ли война, окончившаяся вничью, сохраняющая военную мощь Германии и оставляющая ее по силе на море равной Англии.

Дельбрюк, тем не менее, остается среди правящей касты, к которой он принадлежит в одиночестве со своими взглядами о возможностях войны.

В дальнейшем он предвидит во внутренней политике Германии необходимость перебросить широкий мост „товарищам", т.-е. сделать большие уступки.

„Главный вопрос вот в чем: где эти большие и действительные уступки, которые правительство и буржуазные партии должны сделать, чтобы иметь возможность перебросить мост для перехода к положительному сотрудничеству, при существующем порядке управления, общественной и экономической жизни страны.

Пропасть, через которую должны переступить „товарищи", достаточна широка и глубока и без достаточно широкого и солидного моста они даже при наличии доброй воли не сумеют примириться.

Ясно, что должно произойти что-то великое, но что и где? — Об этом, я думаю, боги разойдутся во мнениях, и в ближайшем будущем разгорятся великие бои" (стр. 41).

Но после того, как правительство ограничилось в своей тронной речи в январе 1916 года лишь обильными обещаниями относительно прусского избирательного права, он писал:

„Есть люди, которые одними обещаниями не удовлетворяются и требуют соответствующего проекта для проведения закона в жизнь еще во время войны. Нет надобности доказывать, что правительство не считалось с ними и удовлетворилось одними обещаниями, в решительности которых сомневаться не приходится. Левая этим удовлетворилась, но правая, к сожалению, не могла с этим примириться, и в этот час была решена судьба" (стр. 89).

Немного позже Дельбрюк пишет:

„Действительные дальнозоркие руководители консервативной партии должны были проделать то же самое, что проделали английские консерваторы под руководством Д'Израэли—привлечь популярными мероприятиями в свой лагерь широкие народные массы.

Эта задача, наверное, не особенно легка, но не невозможна; путь, на который решилась консервативная партия, должен был в итоге привести ее к катастрофе" (написано 30 января 1916 г., стр. 190).

Но как ограниченны и глупы были те, которые верили, что массы можно удовлетворить пустыми обещаниями о равном избирательном праве в Пруссии. Это равносильно тому, чтобы искусственно возбудить аппетит, не удовлетворяя его.

Рассуждая о „катастрофе", Дельбрюк не думал о полном разгроме и революции в Германии, но исключительно о возможности роспуска прусского ландтага под лозунгом требования избирательной реформы и полного разгрома консервативной партии.

Как глубоко этот муж был убежден в превосходстве вильгельмовского режима, видно хотя бы из высказанных им соображений в резолюциях прусского ландтага, а также германского рейхстага об усилении подводной войны, той подводной войны, которая должна была по его мнению принести столько несчастий Германии.

„Наша мощь и наше превосходство основываются в этой войне, главным образом, на дальнозорком едином управлении.

Теперь более, чем когда-либо, мы отрицаем всю благость сильного монархического правления, которое всякое заявление рейхстага рассматривает, как вмешательство в дела командования. И такое вмешательство оно считает необходимым абсолютно резко и решительно отвергнуть.

В этом существо нашей государственной мощи, поражаемой в корне подобными выступлениями (стр. 231). Прямое же вмешательство в дела командования—есть, очевидно, наивысшее проявление плохо понятого парламентаризма, которое всякие заявления рейхстага рассматривает, как вмешательство в дела командования, отбрасываемые ею с абсолютной решительностью.

Куда придет в конце-концов Германия, если политические партии и подобного рода партийные вожди станут у нас царствовать?" (стр. 259).

И он продолжает в таком же духе.

Господствующий класс Германии, интеллигентнейшим выражением и представителем которого являлся г. Дельбрюк, был побит в борьбе с Англией, руководимой Ллойд-Джорджем, и Францией, руководимой Клемансо,—несмотря на неисчислимые жертвы, принесенные массами на алтарь отечества и удивительнейшей храбрости и выдержанности рядовой солдатской массы.

Стоит только кинуть взгляд в военный дневник полковника Репингтона, чтобы убедиться, что и в Англии отдельные генералы поднимали визг против „политиков", желая получить карты в руки. Подобные выступления кончались там жалким разгромом. Последнее об'ясняется тем, что там английская буржуазия крепко держалась в седле, благодаря обладанию длительным опытом в деле управления страной.

6. Исход войны 1918 года.

Все вместе взятое, детально обсужденное и разобранное нами, привело к полному разгрому и поражению на Западном фронте.

Ниже помещаем сведения о соотношении военных сил в разные периоды войны. (На основании сообщения капитана Райта и актов высшего военного совета Антанты*).

Райт утверждает, что Центральные державы, если не считаться с первыми неделями войны, а равно с периодом (6 месяцев) 1918 года, имели в течение остального 4-летия численный перевес на Западном фронте.

Численное же превосходство Германии было не только кратковременно, но и незначительно. И вот благодаря численному превосходству краткого периода 1918 года Германия чуть-что не выиграла войну.

---

*) A the supreme War Council by Captain E. Wright, Late assistant Secretary. Supreme War Council. London Evekigh Nash Company Limited. First published 1921.

В течение ряда лет соотношение сил англичан и французов на Западном фронте было по отношению к немцам 7 : 4 в отношении числа бойцов, а по отношению к боевому материалу 2 : 1.

Соотношение сил на Западном фронте 1917 г.

	Антанта.	Центр. державы.
Дивизий	178	127

В конце декабря общее число сражающихся в Антанте на всех фронтах составляло 5,4 милл. против 5,2 миллионов Центральных держав.

Превосходство Антанты в течение этого периода дало следующие соотношения:

в Турции 6 : 5, в Балканах 4 : 3, в Италии 13 : 8, во Франции 6 : 4,
полевые орудия 6 : 5, тяжелые 7 : 6.

Темп прибытия на фронт американских войск характеризуется следующими цифрами:

	Дивизи.
Январь 1918 года	$4^1/_2$
Июнь " "	17
1 ноября " "	41

Число бойцов в американских дивизиях превосходит дивизии других государств. То, что не доставало им в военной подготовке и в умелом руководительстве, то покрывалось свежестью и неистрепанностью нервов.

Немецкие силы на Западе 1917 года.

	Дивизии.
Январь 1917 года	127
Декабрь " "	151
Январь 1918 "	158

Соотношение сил на Западе в феврале 1918 г.

Дивизий.	Батальонов.	Винтовок.	Сабель.	Пол. орудий.	Тяжел. орудий.
Германия 178	1.630	1.232.000	24.000	8.800	5.500
Антанта 167	1.585	1.480.000	74.000	8.900	6.800

Незадолго до Людендорфского наступления, 13 марта 18 г., соотношение сил на Западе выразилось:

	Дивизий.	Штыков.	Орудий.
Германия	186	1.370.000	15.700
Союзники	167	1.500.000	16.400

21 марта в день наступления против Gough английской армии в направлении Амьена в распоряжении Людендорфа имелись 192 дивизии.

Во время последних событий численное и материальное превосходство было на стороне Антанты.

Успех наступления Людендорфа был только временным, так как он воспользовался отсутствием единого командования у Антанты, с одной стороны, и выделением сильного резерва на Западный фронт, предоставленным всецело в его распоряжение—с другой. Этот резерв в течение целой недели был направлен против изнемогающей маленькой Амьенской армии, не получавшей все время подкреплений.

Но прежде, чем удар сделался решительным для Амьена, Фошу было передано единое командование над всем Западным фронтом, и он был в состоянии превосходящими силами предпринять контр-удар.

Маневр Людендорфа привел, наконец, к поражению потому, что в распоряжении его уже не было численного и морального превосходства, которые так необходимы для удачного наступления.

К этому еще следует прибавить, что в стратегическом отношении наступление Людендорфа было неправильным.

Райт, между прочим, в своем изложении обращает внимание на другую сторону вопроса, а именно: на соперничество французских и английских генералов, которое служило часто препятствием для своевременного принятия мер против людендорфского наступления, о начале которого знали заранее с математической точностью.

Райт при этом замечает:

„После того, как немцы в течение двух лет отражали попытки союзных армий, превосходящих вдвое Германию, прорвать фронт Германии, сами они прорвали фронт Антанты почти равными силами (в действительности у немцев число бойцов было немного меньше, чем у Антанты—*А. Т.*), но с крайне ошибочным оперативным планом, который должен был стать для Германии роковым" (стр. 120—121).

„Людендорф,—замечает Райт в саркастическом тоне,—до сих пор не понимает своего успеха и приписывает его внезапности. Не может быть сражения, в котором было бы менее неожиданного" (стр. 123).

До приостановки прорыва Амьена французы предполагали перевести правительство из Парижа в Бордо, а англичане в то же время вычисляли, можно ли будет подплыть, чтобы спасти остатки армии (стр. 120).

Из последнего видно, какую незначительную роль, в окончательном исходе кампании, сыграло стратегическое искусство обеих сторон.

Фош, правда, отзывается с полным уважением о способностях германских солдат, но он посмеивается над германской стратегией, называя ее „стратегией буйвола", что безусловно подходит по отношению ко всем частичным наступлениям на других частях фронта, предпринятым Людендорфом после крушения первой и самой сильной попытки прорыва. По отношению же к Фошу вполне подходит сказанное о нем Дельбрюком:

„После того, как немецкое наступление 18 июня определенно закончено, со стороны союзных войск можно было наблюдать лишь медленное, но постепенно усиливавшееся общее наступление, в котором едва ли можно было обнаружить специфически стратегическую идею".

Если поражение Людендорфа было связано с недостаточно последовательной стратегией, связанной в первую очередь непосредственно с отсутствием достаточных сил и несоответствующей военной политикой, то победу со стороны Антанты следует приписать не чрезвычайно искусным приемам над „стратегией буйвола", а исключительно численному превосходству Антанты и превосходству военной политики.

7. Истинные корни поражения.

Мы видим, что отдельные моменты, которые привели к поражению, обстоятельства, при которых затеяна война, сосредоточение войск и оперативный план, внешняя и внутренняя политика во время войны вплоть до большой стратегии—все вместе взятые, они могут быть легко приведены к одному знаменателю, так как они однотипны,—к отсутствию глазомера для оценки соотношения сил.

Фактом останется классовый подход к этим отдельным моментам: все военное руководство и политика были сосредоточены в руках исторически-реакционного слоя юнкерства, офицерства и окостеневшей бюрократии.

Бисмарковская и гогенцоллернская Германия погибла от тех самых причин, которые ее создали: революции сверху, которая предоставила им правительственную машину в руки; трусости буржуазии, которая из-за боязни рабочего класса не осмелилась отвоевывать революционным путем национальное единение для создания демократического государства, ограничиваясь лишь превращением себя в деловых „подданных".

1918 год своим концом вполне напоминает собою конец 1848 года—крушения буржуазной революции.

Единственно, что оставалось Германии, это—пролетарская революция, но рабочий класс, благодаря предательству социал-демократии во время мировой войны так же, как и вследствие поражения Германии, был слишком слаб для этого. Естественно, что он не мог взять на себя руководство империалистической войной, ибо это неминуемо привело бы к поражению. Только одна пролетарская революция могла бы и сможет возродить немецкий народ, как силу, с которой будут считаться.

Последнее определенно доказано Октябрьской революцией в России и противоположным образом демонстрировано последними годами после заключения грабительского Версальского договора.

Германия падала со ступеньки на ступеньку и будет снова падать до тех пор, пока пролетарская революция не соберет колоссальные силы народа, не закалит их и не восстановит его значение в истории.

Это значит, что нить революции, прерванная в 1848 г., поднимется на высшую ступень, и тогда вся эра Бисмарковского государства так же, как Республики банков и промышленных концернов, будет сметена с лица земли, как отвратительный эпизод истории.

Выяснение действительных причин поражения 1918 года сыграет ценную роль для подготовки лучшего революционного будущего Германии.



Жорж Гросс. Послевоенные картинки.

Р. Федоров.

Участие Англии в мировой войне*).

Весь мир готовился к войне, но когда война разразилась, никто не оказался готовым. Война превзошла размерами и продолжительностью все ожидания, и характер ее не был предусмотрен ни в одном учебнике военной стратегии и тактики. Шесть недель после начала войны все ее участники были банкротами: она превратилась в позиционную войну, и борьба возобновилась с самого начала при новых методах и новых средствах.

Англия не составляла исключения. Еще больше других она неустанно готовилась к войне в течение десяти лет. В 1904 году она закладывает фундамент коалиции против Германии заключением „сердечного согласия" с Францией. Три года спустя она расширяет это „согласие" на Россию. Одновременно она сближается с Италией, и хотя тайники архивов еще хранят секрет того, когда в точности было заключено соглашение между обеими державами, но нет сомнения, что когда Италия напала на Турцию в 1911 году, чтобы захватить Триполи, она уже имела в кармане соглашение с Англией в виде аванса за ее будущее участие в мировой войне на стороне Антанты. Подготовительные меры в военной области Англия тоже начала очень рано. В 1906 г. был выпущен первый „дредноут", революционировавший тип военных судов. Вскоре после этого она начинает стягивать свой флот из других морей в Северное и начинает строить на этом море новую морскую базу, как опорный пункт для предстоящих действий на море против Германии. Она, наконец, заводит у себя территориальную армию, в дополнение к своей постоянной наемной армии, малочисленной, но очень крепкой. Территориальная армия имеет своей целью тренировать максимум гражданского элемента, чтобы создать резервуар для пополнения военных сил на случай войны. Создаются громадные склады военного снаряжения и продовольствия, вырабатываются вместе с французским штабом планы десанта на бельгийский берег, чтобы ударить в тыл правому флангу германской армии, и делается подготовление для будущей концентрации золотых запасов в Английском Банке—для покрытия предстоящих военных эмиссий. Словом, она готовилась во всех направлениях, и когда война началась, она была уверена, что готова „до последней пуговицы на гетрах". В течение первой недели лозунг ее, как это можно было читать во всех газетах, был: „коммерция продолжается"—обычная надпись на плакатах, вывешиваемых в английских магазинах и конторах, в которых происходит ремонт. Вскоре, однако, и она убедилась, что все ее приготовления ни к чему ее не приготовили. И она должна была начать сызнова и напрячь все свои усилия, чтобы справиться с задачей. Мы можем разбить эти усилия на несколько областей и, таким образом, обозреть степень и характер ее участия в мировой войне.

Начнем с области дипломатической. Как указано было, Англия дипломатически готовилась к войне ровно десять лет. Она заручилась могущественными союзниками в лице Франции и России и была уверена, что их хватит для того, чтобы раздавить центральную Европу, тем более, что Италия с самого начала войны заявила о своем нейтралитете и разрешила Франции оттянуть свои войска с юга на восток. В своей дипломатической самоуверенности Англия не сделала никаких усилий, чтобы перетянуть на сторону своей коалиции Турцию и Болгарию, и только после первых страшных поражений, после

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

того, как война приняла позиционный характер, она поняла, что нужны еще большие силы чем те, которые имелись у коалиции, чтобы выбросить Германию и Австрию из окопов. Тогда она возобновила свои дипломатические усилия. И прежде всего она привлекла Италию, свою давнишнюю приятельницу, которая только потому продолжала оставаться в Тройственном союзе (после того, как сама Англия отдалилась от него), что рассчитывала оказать Антанте большие услуги, оставаясь в нем, чем преждевременно уходя из него. Совместно с Францией Англии удалось заставить Италию вступить в войну в мае 1915 года. В дальнейшем ее усилия устремились на Румынию. Румыния тоже долгое время (чуть ли не 30 лет) вращалась в орбите Тройственного Союза в качестве союзницы Австрии и Германии. На ее престоле сидел принц из дома Гогенцоллернов и большая часть нефтяных ее богатств была в руках немецкого капитала. Задача Антанты была поэтому очень трудная, но ей все же удалось оторвать Румынию от германской коалиции и привлечь ее на свою сторону. Этому помогли, с одной стороны, смерть короля Карла Гогенцоллернского и, с другой стороны, новая королева—родом английская принцесса. Конечно, дело не обошлось-таки без подкупа важнейших государственных деятелей Румынии, которые и без того имели французскую ориентацию, благодаря своему французскому воспитанию. Но самым главным достижением английской дипломатии было привлечение на сторону Антанты Соединенных Штатов при помощи финансовых связей с Морганом и другими крупнейшими банкирами Америки и искуснейшей пропаганды. Во всех этих многочисленных дипломатических достижениях Англии, конечно, очень много помогала и Франция; все же большая часть лавров, несомненно, принадлежит английской дипломатии, которая издавна имела интимные связи во всех государствах мира. Следует упомянуть также и об успехе английской дипломатии в передней Азии, где она сумела подкупом и обещаниями оторвать от Турции арабские племена и сплотить их вокруг своего знамени. Эти союзники оказали ей существенную помощь в преодолении турецкой военной мощи в Месопотамии и Сирии, не говоря уже о самой Аравии, где турецкое владычество и без того было номинальное.

Рука-об-руку с дипломатической работой шла у англичан работа пропагандистская. Она была двоякая: внутри и вне страны. Внутри Англии нужно было не только нейтрализовать естественное недоверие рабочих масс к войне, но и приобрести их активную симпатию для пополнения армии, для расширения и интенсификации работ по заготовке военного снаряжения и для противодействия тому настроению, которое создалось в народе военными неудачами, ростом цен и нехватками в продовольствии. Выдвинутая для этой цели пропаганда приняла с течением времени колоссальные размеры. Устно и письменно доказывалось на все лады, что настоящая война, это—война против варварства, за цивилизацию, война за существование старой и свободной Англии, война за освобождение угнетенных народов. Пресса сыграла в этом направлении огромную роль. Направляемая и вдохновляемая особыми правительственными органами, но достаточно патриотическая сама по себе, она достигла высочайшего совершенства в измышлениях против врагов и восхвалениях собственной доблести. В начале войны, когда французские и бельгийские крепости падали, как карточные домики, под ударами 42-сантиметровых мортир, английские газеты от своих „собственных“ корреспондентов на местах продолжали распространять чудесные рассказы о геройстве защитников и о том, как скашивались их убийственным огнем густые колонны глупых германцев. Рассказывались чудеса о том, как целые части немецких войск, голодные и усталые, покорно сдавались в плен, когда им показывали хлеб и кусок вареного мяса. В один прекрасный день по всей стране прошел слух о том, что две русские дивизии, прибыв ночью в английский порт, перебрались тайком во Францию, чтобы помочь союзникам на восточном фронте. Никто этих дивизий не видал, но каждый человек в Англии мог указать другого, который ему рассказал, как он ночью видел бесчисленные вереницы поездов, провозивших русских солдат. Немцы устраивали бесчисленные воздушные

налеты не только на приморские города, но и на самый Лондон, сбрасывали бомбы, которые выворачивали целые улицы, уничтожали доки, разрушали вокзалы и железнодорожную сеть. Но в прессе можно было читать на другой день лишь саркастический рассказ о том, как немецкие летчики, попав не туда, куда они хотели, убивали скот или теряли бомбы свои на открытом поле или в волнах Темзы. Выдумки про немцев превосходили все пределы фантастичности. Немцы, в сущности, никогда не побеждали, немцы пухли с голода и холода и перебегали десятками тысяч в стан союзников. На них взводили всевозможные обвинения, одно нелепее другого. В один прекрасный день почтенный „Таймс", первая газета Англии, вышел с сенсационным известием о том, что немцы каким-то особым способом снимают жир с трупов и пользуются им для каких-то целей. В начале инсинуировалось, что жир этот идет на питание, но, повидимому, сама редакция решила, что легковерие английских читателей имеет свой предел, и потому стала утверждать, что этот жир идет в военную промышленность на изготовление взрывчатых веществ. Хотя все улыбались и немцы громко протестовали, но „Таймс" не переставал повторять свою ложь до конца войны. Вероятно, и сейчас найдется не мало англичан, которые убеждены, что во время войны немцы для каких-то целей пользовались жиром, снятым с трупов своих и чужих. Все это имело своею целью дискредитирование врагов и поднятие воинственного настроения среди своей публики. Пишущему эти строки приходилось во время войны читать также и немецкую прессу, и он должен сказать, что до такой утонченности и до такой смелости воображения немецкие писаки никогда не в состоянии были дойти.



Вождь ирландских революционных рабочих Джим Ларкин перед дверцами тюремного автомобиля *)

Во вторую половину войны пропаганда приняла еще и другой характер, а именно пропаганды в рядах самих противников. С аэропланов, при помощи тайных агентов через нейтральные страны германская публика стала обрабатываться литературой, в которой проводились сравнения между плачевным положением германской коалиции и прекрасным состоянием стран Антанты, рисовалось в мрачных красках продовольственное и вообще экономическое положение Германии и Австрии и доказывалось, что союзники вовсе не желают зла народам Германии и Австрии, что они только борются с пережившим себя монархическим и милитаристским режимом и что народам, введенным в заблуждение этим режимом, стоит только захотеть и они могут получить мир на самых почетных условиях и затем приобщиться к западной цивилизации и общей семье мирной Европы. Такого рода пропаганда оказалась действительнее всех других. В руках знаменитого лорда Нортклифа она стала могучим оружием, морально опустошившим не только фронты, но и тыл, и подготовившим ту страшную капитуляцию, за которую впоследствии Германия и Австрия так жестоко поплатились. Громадную службу этой пропаганде оказал президент Вильсон, глупость, ограниченность и тщеславие которого союзники использовали в полной мере. Знаменитые его 14 пунктов были частью той пропаганды, которую вел Нортклиф с таким

*) Как известно, т. Джим Ларкин был заключен в тюрьму С.-А.С.Ш. за свою резкую оппозицию империалистической войне. Ред.

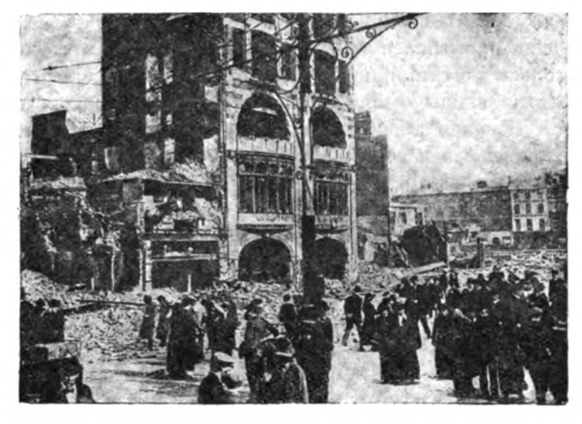
убийственным эффектом. Наконец, пропаганда велась также и в нейтральных странах, которые, как мы сейчас увидим, стонали под прессом английской блокады и которые нужно было замирить, стерилизовать и использовать против Германии. В Голландии, в Швейцарии и в Скандинавских странах основались целые агентуры пропаганды и подкупа, которые неутомимо работали в журнальном и политическом мирах, парализуя немецкую контрпропаганду и вербуя для Антанты сторонников в прессе, в ученом мире, в парламентах, на биржах и т. д.

Третья область, в которой Англия, как участница войны, развила большую деятельность, была финансово-экономическая. Англия до войны была центральным денежным рынком мира. Таковой она осталась и во время войны, собирая золото со всего мира и ссужая союзников средствами для ведения войны. Даже когда ее собственных средств стало не хватать и она сама стала прибегать к финансовой помощи Соединенных Штатов, она все же являлась тем каналом, по которому американское золото проходило в кассы боровшихся на ее стороне держав. За время войны она, таким образом, ссудила своим союзникам около 1,8 тысяч миллионов фунтов стерлингов, сама задолжавши Америке больше чем половину этой суммы. На эти нужды и на свои собственные во время войны она израсходовала свыше семи тысяч миллионов фунт. стерл., добытых, главным образом, внутренними займами. Чтобы поддержать курс своей бумажной валюты, она забирала золото, где только могла, включая и русское золото на сумму 64 миллиона долларов. Без ее финансовой помощи ни Франция, ни другие более мелкие союзники не справились бы со своей задачей и вынуждены были бы капитулировать в довольно скором времени. Но еще большую роль сыграла ее блокада. По Парижскому трактату 1856 года нейтральный флаг покрывал неприятельский груз невоенно-контрабандного характера, и, обратно, даже под неприятельским флагом мог провозиться безнаказанно нейтральный груз такого же характера. Накануне войны был подписан в Лондоне новый дипломатический документ, известный под названием „Лондонской декларации“, по которому делалось дальнейшее послабление в этом направлении, в том числе и то, что всякая блокада должна быть действительной, т.-е. такой, которую нельзя было бы прорвать. Это значило, что блокада неприятельского берега должна была происходить у самого этого берега при помощи достаточных военно-морских сил, которые не допускали бы прорыва. И Парижский трактат, и Лондонскую декларацию Англия бесцеремонно смела в корзину. Она об'явила, что никаких нейтральных грузов, никакого нейтрального флага она пропускать в германские порты не будет. Все грузы были, таким образом, об'явлены ею военной контрабандой, и все нейтральные флаги над кораблями, идущими в германские порты, она заранее об'явила неприятельскими. Это было вопиющим нарушением всех основных принципов и традиций международного права, но Англия этим нисколько не смущалась. Мало того, она спокойно перешагнула через все определения блокады, какие ею давались с незапамятных времен, а в особенности в Лондонской декларации. Пользуясь своим географическим положением, она у своих же берегов останавливала нейтральные корабли и задер-



Восстание в Дублине.

живала их, или снимала с них грузы, если оказывалось, что эти корабли имеют своим назначением германские порты. Но и это показалось ей недостаточным. Ничто не мешало нейтральному кораблю заходить в нейтральную страну, прилегающую к Германии, и там выгрузить свой груз, который затем по железной дороге переправлялся в Германию. Такими странами были, например, Голландия и косвенно Швейцария. Англия заявила, что она этого не потерпит, и стала допускать в эти страны груз лишь в таких количествах, которые соответствовали их собственному потреблению за последние годы до войны. Другими словами, она посадила и нейтральные державы на паек, придираясь к малейшим преувеличениям над тем количеством, которое ей казалось или которое она находила для этих стран нормальным. Корабли, например, возившие пшеницу из Аргентины в Геную, подвергались тщательному осмотру и только определенное количество пшеницы пропускалось затем из Генуи по итальянским ж. д. в Швейцарию. Точно так же контролировались суда, направлявшиеся в голландские и скандинавские порты: все излишки бесцеремонно отбирались и этим странам отпускалось лишь самое минимальное и необходимое. С течением времени эта система окружила все нейтральные страны железным кольцом невиданной по своим размерам и по своему характеру блокады, но она, действительно, достигла своей цели: Германия с большим трудом доставала необходимые ей для питания и для военного снабжения продукты и материалы, и продовольственные затруднения и военные нехватки стали для нее весьма ощутительными. Систему блокады, созданную англичанами, нужно признать самым ценным вкладом, который она сделала в общее дело союзников во время войны. Она в продовольственном и военном отношении заморила Германию.



Главная улица Дублина Секвиль-Стрит, сожженная повстанцами и разрушенная английской артиллерией.

Четвертая и последняя область, в которой проявилось ее участие, была, конечно, область военных действий. Ее старая постоянная наемная армия легла костьми в первые же недели на французских полях битв. Территориальные части также оказались через пару недель недостаточными, и тогда началась новая вербовка солдат по добровольному принципу. Вербовочная кампания производилась в гигантских размерах и средствами самого разнообразного характера: рекламой, убеждениями и скрытым принуждением. Плакатами и кинематографами расписывались и изображались все прелести военной жизни; девицы ходили по улицам, приставая к каждому молодому человеку, одетому в штатское, опрашивая его, почему он, трус, сидит дома; специальные агенты караулили в пивных, на рынках, у ворот фабрик и заводов и расточали потоки красноречия, чтобы убедить молодых людей записаться в армию. В школах и университетах шла усиленная пропаганда; на митингах выступали рабочие вожди, и в конторах и магазинах хозяева, под угрозой расчета с волчьим паспортом, заставляли своих „клерков“ и приказчиков итти в армию. Но всего этого оказалось недостаточно, и в 1916 г. был проведен закон о принудительной военной службе Ничего подобного во всей своей истории английский народ не испытывал, но почва была достаточно подготовлена, и набор в громадных размерах, начиная с 18-летнего и кончая 50-летним возрастом, проводился в последовательных стадиях беспрепятственно. Таким образом, во вторую половину войны Англия располагала на различных фронтах рядом

армий, насчитывавших в совокупности немногим менее 6 миллионов. Параллельно с этим военная промышленность приняла постепенно гигантские размеры, изготовляя снаряжение не только для самой английской армии, но и для многих союзников. За недостатком мужчин в военные заводы были влиты миллионы женщин, которые вертели станки и начиняли снаряды. Военная техника достигла в Англии за время войны весьма высокого развития, причем она ввела и совершенно новое орудие в виде танков. Она также широко развила производство ядовитых газов и изобрела так-называемые „параваны"—приспособление для автоматического вылавливания и уничтожения подводных мин при продвижении военного судна, что давало последнему возможность свободно продвигаться в минном поле.

При всем этом она стяжала себе во время войны весьма мало лавров. За ней не числится ни одной крупной победы на суше, и единственно, чем она могла похвалиться, это то, что несколько раз ее войскам удалось отбить сильную атаку неприятеля. Самое крупное поражение ее было в Галлиполи, где она вздумала устроить десант для захвата проливов с суши. Там лег костьми не один десяток тысяч английских (преимущественно, австралийских) солдат. Эти неудачи, однако, относятся исключительно к европейскому театру войны. Напротив, на африканском и азиатском фронтах английская армия имела успех: в Африке потому, что силы неприятеля были там весьма ограничены и лишены всяких подкреплений, а в Азии потому, что англичанам, как уже упоминалось, удалось привлечь на свою сторону арабские племена. Таким путем англичане, следуя своим традициям, сумели без больших напряжений захватить ряд немецких колоний и обосноваться в передней Азии на путях в Индию.

Еще менее удачна была работа английского флота. Все довоенные теории о ее роли в будущей борьбе с Германией были опровергнуты практикой; равным образом все многовековые традиции английского флота оказались неосуществимыми. В первые же недели войны английский флот вздумал дать сражение неприятелю близ Гельголанда, но немцы, потопив несколько английских судов, безнаказанно скрылись в своей базе, и англичане беспомощно остановились перед гельголандской твердыней. Вскоре после этого странствовавшая, не имея базы, часть германского флота в Тихом океане встретилась с английской эскадрой близ южно-американских берегов: в завязавшемся сражении немцы вышли победителями, потопив английские суда вместе с их адмиралом. Англичане в ответ послали сильную эскадру и с помощью японского флота поймали продолжавшую блуждать германскую часть флота и потопили ее в свою очередь. Это и была единственная морская победа англичан за время войны, потому что и знаменитое морское сражение в Скагеракке 31 мая 1916 года, в котором приняли участие значительные силы с обеих сторон, окончилось если не матерьяльным, то моральным поражением англичан, которые потеряли значительные единицы своего флота и не в состоянии были настигнуть неприятеля, сумевшего укрыться от их преследований.

Нужно еще упомянуть пресловутую попытку английского флота форсировать Дарданеллы в феврале 1915 года: эта попытка окончилась для них полнейшей катастрофой. Фактически во все время войны английский флот был сосредоточен в своей морской базе, редко дерзая выходить в открытое море и не будучи в состоянии предупреждать или покарать многочисленные морские налеты, которые делались частями германского флота на английское побережье. Не раз случалось, что какая-нибудь немецкая часть, переплывая Северное море, бомбардировала в течение 2—3 часов прибрежные английские города и преспокойно возвращалась домой прежде, чем английский флот выходил из своей берлоги. Вся роль английского флота практически свелась к контролю упоминавшейся выше блокады. И этим он сыграл колоссальную роль в войне, но не ту, которую ему заповедал Нельсон и другие великие морские полководцы.

Так суммируется участие Англии в мировой войне. Это участие не было блестящим в военном отношении, но было очень эффективно в отношении экономическом. Однако не

ее участие, а участие Америки в последние минуты решило исход борьбы: без Америки союзники не справились бы с своей задачей. Война вообще обошлась Англии дешевле, чем другим участницам ее. Мобилизованные ею 5,7 миллионов человек составляли лишь 12,6% всего населения, в то время как во Франции мобилизовано было свыше 20%, в Германии почти 20%, а в Италии 15%. Потери Англии убитыми и ранеными исчисляются в 680.000 человек, что составляет 1,5% населения, в то время как Франция потеряла почти 1.400.000 человек, что составляет 3,37% населения. С другой стороны, благодаря пассивной тактике английского флота и смелому действию германских подводных лодок, Англия потеряла из своего торгового флота 2.700 судов с общим тоннажем 9½ милл. За то она и вознаградила себя очень щедро. Она не только разрушила торгово-промышленную мощь Германии, не только лишила ее военного и значительнейшей части торгового флота и всех ее колоний, но она во время войны забрала у нее все огромное имущество в виде фабрик и заводов, патентов, недвижимостей, складов, банков и денежных вкладов, которые находились на территории Британской империи и, прежде всего, самой Англии. Англия, неся наименьшие жертвы, извлекла из войны наибольшие материальные выгоды. Это вполне соответствует коммерческим и пиратским традициям старой английской державы.



Амедей Дюнуа.

Французский пролетариат и мировая война*).

I.

В жизни партии, как и в жизни людей, встречаются печальные страницы, которые хотелось бы уничтожить; именно так хотелось бы поступить со строчками, написанными в августе 1914 года и содержащими историю позорной капитуляции французского социализма и синдикализма перед империалистической войной.

Правда, французский социализм и синдикализм не были единственными силами, без боя сдавшими свои позиции в эти роковые дни. Партия, занимавшая во II Интернационале бесспорно первое место—германская социал-демократия, совершила такое же предательство, разрешив своим 110 депутатам Рейхстага вотировать военные кредиты. Но, не собираясь выдвигать в защиту социал-демократии смягчающие вину обстоятельства, мы все же можем сказать, что ее измена была менее неожиданной, менее скандальной, чем измена французских социалистов и синдикалистов. Ведь социал-демократия не расточала звонких деклараций, равносильных торжественным обещаниям, и не в ее вымуштрованных рядах родился славный лозунг: „на призыв к войне ответим восстанием“, тогда как французские социалисты и еще в большей степени „революционные синдикалисты“ стояли во главе антимилитаристского и пацифистского движения. Сквозь призму марокккского дела они яснее других видели, как надвигается война, и считали одной из основных своих задач—борьбу с милитаризмом.

Вполне естественно, что с их стороны надо было ожидать серьезного сопротивления, в виде уличных демонстраций, или, по меньшей мере, энергичных парламентских выступлений. Можно было ожидать всего—кроме того, что произошло в действительности. Остается предположить, что убийство Жореса, совершившееся 31 июля, за восемнадцать часов до всеобщей мобилизации, ошеломило этих политических деятелей.

Буржуазия боялась того обвинительного акта, который Жорес несомненно пред‘явил бы ей в Палате в момент голосования кредитов. Опасались также его статьи против России и царизма, задуманной им за несколько дней до смерти—он должен был написать ее, по всей видимости, в самый день убийства. Единогласно, без звука протеста, без крика о мщении, которого ждали от старого Вайяна, сотни социалистических депутатов проголосовали за военные кредиты и за бонапартистские законы, вводившие в республиканской Франции осадное положение и военную цензуру.

„Священный Союз“ был скреплен. Пролетариат был оставлен без защиты и отдан своими же вождями минотавру империализма. Мобилизация проходила везде, даже в рабочих центрах, без малейшего сопротивления. „Война скоро кончится“—внушали всем правительственные агенты, и в то же время пресса неустанно и единодушно распространяла легенду о „нападении Германии“ и проповедывала обманутой толпе крестовый поход во имя справедливости и права.

Анализируя причины этого провала социалистов и синдикалистов, приходится в значительной степени приписать его измене. Измена вождей не подлежит никакому сомнению, но корень измены лежал не столько в них самих, сколько в меньшевистской идеологии II Интернационала. Не смея быть до конца последовательным в вопросе классовой борьбы, II Интернационал, вопреки Штуттгартской резолюции, никогда не порывал с идеей национальной защиты. Допуская, что в некоторых случаях рабочий класс может защи-

*) Статья является перепечаткой из № 5—6 «Коммун. Интернационала», посвященного 10-летнему юбилею мировой войны. Ред.

щать капиталистическое отечество и что классовая борьба может иногда быть отодвинута на задний план, партия открывает широкую возможность для всяких колебаний и для всевозможных оппортунистических компромиссов. „В некоторых случаях буржуазное отечество, т.-е. буржуазное государство, можно защищать. В некоторых случаях отрицание национальной защиты при капиталистическом строе становится сомнительным". Что, кроме неразрешимого противоречия, внедренного в сердце рабочего движения, представляет такое заявление?! Не выработав прямой и твердой точки зрения по этому вопросу и не сумев сделать выбор между „общими интересами" и классовой борьбой, II Интернационал отрекся и отступил от своих обязательств и постепенно покатился в пропасть.

Капитуляция 4-го августа явилась лишь первым шагом на этом пути. Три недели спустя, по случаю поражения у Шарлеруа и отступления у Мортанжа, два знаменитых социалиста, Жюль Гэд, бывший идеологом интернационализма, и Марсель Самба, бывший левый, вступили в кабинет Вивиани. Священный союз, естественно, привел к сотрудничеству в министерстве. В манифесте, опубликованном в конце августа, социалистическая партия бесстыдно заявила о своем активном участии „в борьбе". Социал-патриотизм из тенденции превратился в факт; немного времени спустя он был возведен в принцип, в догму.

Гэд и Вайян были в социалистической партии патентованными представителями революционной идеологии, умевшими прикрывать боевыми формулами мелкий оппортунизм действительности. Жоресистам, разумеется, незачем было выступать „бо́льшими революционерами, чем сами революционеры". Синдикалисты, теоретики антипатриотизма и „всеобщей забастовки в случае войны", совершили свое отступление с быстротой, не доставившей им даже возможности прикрыть свой позор: „Во имя тех, что уже ушли, во имя тех, что готовы уйти и к которым принадлежу и я..." вскричал Жуо 4 августа (на похоронах Жореса). Накануне тот же Жуо справлялся по всем железнодорожным указателям и спрашивал каждого встречного, охраняется ли уже испанская граница. Что же случилось за этот промежуток времени? Узнаем ли мы когда-нибудь, кто именно в Елисейском дворце и на улице Гранж-о-Бель, в правительстве Вивиани и Всеобщей Конфедерации Труда вел предательские переговоры об отказе от всеобщей стачки и от восстания ценой уничтожения списка В? (Список В содержал имена всех опасных революционеров, подлежащих аресту в случае мобилизации). Во всяком случае, Жуо, несмотря на все свое многословие, никуда не ушел. Измена Эрвэ произвела сенсацию. Без соблюдения каких бы то ни было переходных тонов и оттенков, он сразу стал выявлять все крайности националистической истерии. Что касается анархистов, то они скромно молчали. С первых же дней Грав закрыл свой „Тан Нуво" и, как Пилат, смыл уже обагрившую его руки кровь, а семидесятилетний Кропоткин, надевши мягкие туфли, проповедывал беспощадную войну. В течение ряда месяцев процветал священный союз. В это время, надо сказать, социалистическая партия существовала лишь на бумаге,—три четверти ее членов были мобилизованы, но ее обычные глашатаи продолжали говорить и действовать. Компэр-Морель и старый Вайян отличались в „Юманитэ" особенной невоздержанностью в своем неожиданном патриотизме.

Ренодель, наоборот, воздерживался, не верил, что война окажется затяжной, и бранил в кулуарах избыток усердия друзей; лишь весною 1915 года, с вступлением в войну Италии, Ренодель присоединился к группе проповедников войны „до победного конца", где он „до конца" был самым пылким и боевым сочленом.

В течение этого медового месяца священного союза группа социалистических демократов и профсоюзных чиновников предоставила к услугам правительства, буржуазии и империализма свое знание среды и массовой психологии, стремясь избежать классовых конфликтов, в корне подавить всякий протест и без устали проповедуя наглую песню о „последней войне", которой суждено разбить прусский милитаризм и установить вечный мир.

Министр внутренних дел Мальви был занят тем же делом обесплoжения и разложения движения. Он специализировался на приручении архиреволюционеров из Всеобщей Конфедерации Труда и добивался поразительных успехов. Позднее буржуазия не оценила должным образом важных услуг, оказанных ей Мальви в опасные дни 1914—1915 гг. Его приговорили к пяти годам ссылки: правая рука буржуазии не знает, что получает левая. Буржуазия, можно сказать, обязана лишь Мальви (инспирированному Ренoделем и Жуо) тем, что совесть наиболее известных синдикалистов была так легко приручена. Мальвизм так же, как мильеранизм, займет свое место в анналах французского рабочего движения, как одна из наиболее ловких попыток, предпринятых властью с целью овладеть всем движением путем подчинения нескольких намеченных людей.

Мальвизм сумел превратить страшную львиную пещеру на улице Гранж-о-Бель в отделение министерства иностранных дел, сумел также заставить бывшего анархиста Жуо сотрудничать в Национальной Помощи с архиепископом Аметтом и с целым рядом академиков, финансистов и адмиралов.

Как далеки были все тогда от применения списка В и от интернирования Жуо и ему подобных в концентрационных лагерях! Накануне битвы при Марне правительство не захотело больше расставаться с вождями рабочих и захватило их вместе со всем багажом в Бордо. Я своими глазами видел приказ о переезде, врученный Жуо по настоянию Мальви военными властями. О, чудодейственная сила Священного Союза, давшая возможность поместить волка в овчарню безопасности для стада! Правда, волк был лишь из папье-маше.

II.

Обработка общественного мнения и удушение проводились чрезвычайно искусно. Они не встречали явного сопротивления, и Мальви мог полагать, что если он овладел вождями, то и массы на его стороне. Этот мелко-буржуазный радикал не имел представления о рабочем движении, не знал, что сила его покоится в глубине, а не на поверхности. Что же думали глубинные слои? Дезорганизованные мобилизацией, покинутые теми, кто пользовался их доверием, они молчали. Но рядовые революционеры все время читали и перечитывали Штуттгартскую резолюцию:

„В случае об'явления войны социалисты считают своим долгом вмешаться, стремясь к немедленному прекращению ее, и воспользоваться вызванным ею кризисом, дабы ускорить падение капитализма“.

С чувством скорбного недоумения спрашивали они себя, как можно примирить ультра-шовинистическую риторику всяких Компэр-Морелей, рассуждения Вайянов и вотирование военных кредитов с революционными директивами, выработанными в Штуттгарте? Пусть „германское давление“ имело место, но не было ли нападение Германии, не вызывавшее сомнений ни в ком,—не было ли оно следствием антигерманской политики, которую вели Франция и Англия, начиная с 1904 г.? Пусть 4-го августа произошло бесспорное банкротство социал-демократов в Рейхстаге, но разве банкротством других можно оправдывать свое собственное? Да кроме того, банкротство как в Рейхстаге, так и в Палэ Бурбон совершилось почти в один и тот же час, следовательно, ни одно из них не может оправдывать другое. Так рассуждали втихомолку рядовые борцы, и отзвук бесчисленных убийств, доносящийся с фронта, возмущая их чувство человечности, углублял силу этих рассуждений.

Этим людям нужно было время, чтобы найти, узнать друг друга и сорганизоваться. И первым связующим звеном оказался провинциальный журнал „Эклерер“. Товарищи из „Эклерер“ изложили свои сомнения и беспокойства перед Вайяном. Может ли при капиталистическом строе возникнуть справедливая война? Можно ли себе позволить, под предлогом низвержения германского милитаризма, связаться с французским и с еще более отвратительным—русским милитаризмом. Старый Вайян ответил на это искреннее письмо

совершенно бессодержательным выговором. Зато, с другой стороны, „Эклерер" получил от некоторых парижских революционеров (как Монатт, Дюнуа) письма с выражением симпатий, говоривших ему о том, что он не одинок. Лично я старался воспроизвести в „Юманитэ", тогда еще не совсем отданной в „феодальное" владение социал-патриотов, страстные призывы Ромэна Роллана с комментариями. Вокруг каждого из нас создавались маленькие группки борцов за мир.

Яркий протест Карла Либкнехта в Рейхстаге (2-го декабря) наэлектризовал нашу энергию. И в то время, как социал-патриоты бесстыдно старались использовать этот протест в своих интересах, мы хорошо поняли смысл выступления: Либкнехт восставал не только против германского империализма, но против всякого милитаризма, империализма, против всякой войны. Был такой момент (от января до марта), когда мы считали себя настолько сильными, что собирались издавать в Ойянаксе маленький еженедельный или двухнедельный журнал под названием „Интернационал"[1]). Через несколько дней после выступления Либкнехта, Пьер Монатт вышел из Всеобщей Конфедерации Труда, громко хлопнув дверью.

Пресса обошла молчанием этот факт, как бы поняв, что на фасаде здания священного союза образовалась трещина.

Я не собираюсь излагать хотя бы краткую историю движения меньшинства во Франции, я лишь привожу воспоминания, готовый пополнить их впоследствии ссылками на документы.

Привожу один из фактов, сохранившихся в моей памяти и представляющих известный интерес. Речь идет о приезде в Париж швейцарского товарища Роберта Гримма. Прибыв из Лондона на другой день после состоявшейся там конференции социалистов союзных стран, в середине февраля, Гримм отправился в Палату, виделся с некоторыми депутатами и, разочарованный в них, пожелал встретиться с членами партии. В „Ви Увриер" состоялось интимное совещание, на котором присутствовали Гримм, Монатт, Росмэр, Мергейм, Троцкий, Мартов, если не ошибаюсь, один польский товарищ и я. Гримм сообщил нам ценные сведения о положении в рядах германской социал-демократии, где намечались уже три течения. Было принято решение о том, что мы сохраним связь с швейцарцами и при их помощи постараемся снестись с Либкнехтом и его друзьями. В этот февральский вечер 1915 года была поставлена первая веха на тернистом пути, который должен был привести к Циммервальду.

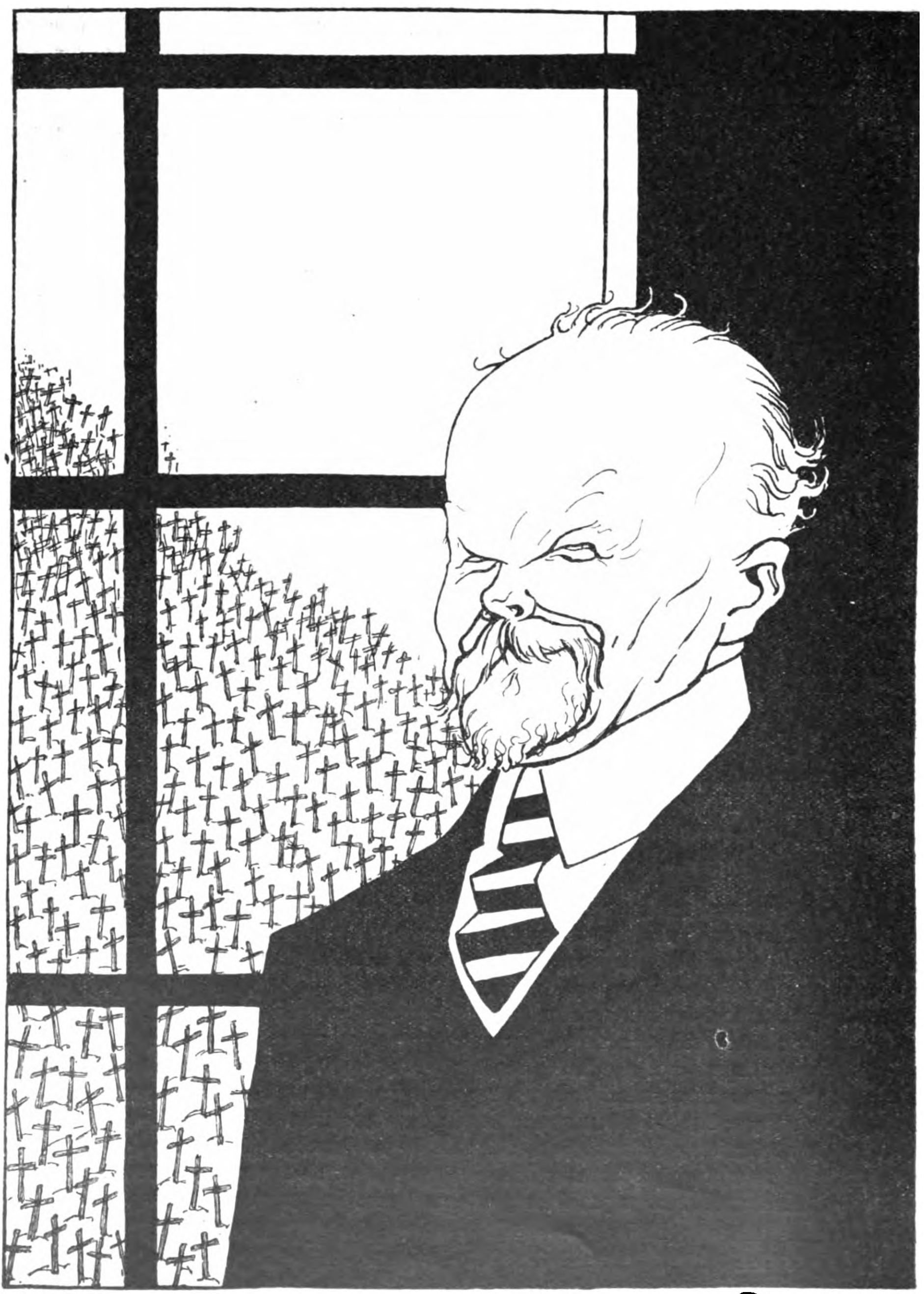
Вслед затем в марте заявило о себе течение центристского протеста. Сведения о недавно подписанном тайном договоре, отдававшем в случае победы Константинополь России, вызвали в группе парламентских социалистов сильное волнение. Как можно было после этого говорить о войне за право? Как не видеть, что эта так-называемая война за право была ничем иным, как грабительским предприятием капитализма, позорным и лицемерным в одно и то же время. В течение трех заседаний группа очень взволнованно говорила об этом.

Самба жалостно выставлял смягчающие вину обстоятельства, ссылаясь на бессилие, на невозможность сопротивляться требованиям русского царизма. Наиболее горячие противники договора почти все впоследствии влились в группу меньшинства. Я говорю „почти все", так как в их числе был и Ренодель, который вскоре стал главарем большинства. В то время он еще колебался и однажды вечером сказал мне в обескураженном, не слишком ему свойственном тоне: „Эта война не то, что мы о ней думали... И я спрашиваю себя, не должны ли мы отозвать наших министров". Два месяца спустя было уже три министра-социалиста, вместо двух, и министерский пыл Ренodeля стал безграничным.

---

[1]) Этот журнал не появился, так как инициаторы его были мобилизованы. Он должен был вести кампанию за созыв Интернационала. *А. Д.*

„ГЕРОИ ВОЙНЫ".



Пуанкаре-война.

С этих пор центристскую оппозицию стали, главным образом, представлять Жан Лонгэ, депутат Парижского предместья, депутаты из Отт-Виен (Пресман и другие) и изерские депутаты (Раффэн-Дюжан, Мистраль). Оппозиция захватила ежедневный орган центра „Попюлэр“, издаваемый в Лиможе, под редакцией Поль Фора. 13 мая 1915 г. социалисты из Отт-Виен, минуя партийные центры, разослали циркуляр, наделавший много шума. Социалисты из Отт-Виен признавали в принципе национальную защиту, но требовали в интересах справедливого и скорого мира вмешательства Интернационала.

Лонгэтистская оппозиция никогда не шла дальше этого: она до конца колебалась между изысканной верностью догме национальной защиты и искренним стремлением к миру: упорствуя все больше в необходимости голосования за военные кредиты, она в то же время считала себя обязанной фарисейски требовать прекращения бойни. В мае 1916 года она создала „Попюлэр“, который выходил еженедельно вплоть до тех пор, пока не преобразился в ежевечернюю газету под редакцией Лонгэ.

Центристы об'единились в комитете защиты международного социализма, число их членов увеличивалось со дня на день, и нет никакого сомнения, что только маневрирование группы „До победного конца“ не давало им взять в свои руки руководство партией. Официальное большинство они получили лишь накануне перемирия. В мае 1917 года они одержали большую победу,—которая, впрочем, не имела серьезных последствий,—заставив Национальный Совет согласиться на участие партии в международной конференции в Стокгольме.

На-ряду с Комитетом Защиты международного социализма, левая группа мира, во главе с Мергеймом, Росмэром, Лорио и другими, создала свою организацию, под названием Комитета по возобновлению Международных Сношений. Вначале трудно было установить разницу между обоими комитетами. Первый об'единял более умеренные элементы всех колеблющихся, выжидающих, во втором, где большим влиянием пользовался Троцкий, были наиболее непримиримые революционеры, все те, которые не могли признавать, что можно называться противником войны и голосовать за военные кредиты: Обе группы работали врозь, не беспокоя друг друга; в распоряжении группы Лонгэ был „Попюлэр“, группа Мергейм-Росмэр-Лорио, за неимением периодического издания, выпускала небольшие пропагандистского характера брошюры в духе принципов Циммервальда. Двум членам этой группы, Мергейму и Будерону, удалось принять участие в Циммервальдской конференции; в следующем году на конференции в Кинтале присутствовали три социалистических депутата: Блан, Раффэн-Дюжан и Бризон. Анри Гильбо, основавшись в Женеве, стал выпускать обозрение „Дэмэн“, которое в количестве нескольких экземпляров провозилось за границу и передавалось друг другу из-под полы.

Уехав из Франции пацифистом в стиле Роллана, Гильбо, под влиянием Ленина, очень скоро стал циммервальдистом и даже левым циммервальдистом. Во Франции же, даже в самом Комитете Возобновления Сношений, все были скорее правыми циммервальдистами: Мергейм и Будерон были безусловно правыми так же, как и три кинтальских депутата, Росмэр же и Лорио держались, пожалуй, левого уклона.

В конце 1916 г., на третьем году войны, пацифистская пропаганда достигла во Франции таких успехов, что социалистическая партия разделилась почти пополам—на сторонников и противников политики 4 августа. Сторонники войны до победного конца чувствовали с каждым днем все больше и больше, что почва под их ногами колеблется, и это заставляло их с еще большим озлоблением пускать в ход низкие интриги и изменническую клевету. Между ними и нами произошел к тому времени полный разрыв. Они обвиняли нас в пораженчестве и в германофильстве, в лицемерии перед солдатами, распускали глухие слухи о том, что мы, быть может, являемся агентами Германии. Не осмеливаясь исключить Будерона за его поездку в Циммервальд из партии, последняя публично осудила конференцию

Течение, однако, становилось таким сильным, что социал-патриотам трудно было устоять против него. К весне 1917 года в игру вошел новый партнер в лице **самого пролетариата**. Усталость от войны, выстрел Фрица Адлера, первые воззвания Вильсона, в которых империалистическая подоплека не сразу была разгадана, и особенно русская революция встряхнули дремлющую энергию, воскресили надежды. Движение за мир, до тех пор ограничивавшееся узкими кругами, на этот раз охватило массы.

В мае 1917 года в Париже начались забастовки работниц. Правительство поторопилось уладить дело, заставив хозяев уступить; но долго сдерживаемое рабочее движение всюду ломало преграды. Дороговизна росла; рабочие, мобилизованные на фабриках и заводах, волновались, требовали улучшения условий существования, но больше всего стремились к миру. Альбер Тома, создавший комитеты делегатов от предприятий, рассчитывал вытеснить с их помощью профсоюзы, но он тем самым, наоборот, придал им лишь менее бюрократическую, более жизненную форму, влив их в самую гущу производства. Несмотря на все усилия военных властей, делегаты в общем оказались честными и преданными уполномоченными. К концу 1917 года, когда один из делегатов Лионского района, Андриэ, был послан на фронт, началось стачечное движение, заставившее отозвать Андриэ обратно. Вся первая половина 1918 года была отмечена забастовками, затихавшими в одном месте лишь для того, чтобы вспыхнуть в другом. Ими были охвачены область Лаона и Луары, Вуржа и район Парижа. Так как мягкие меры оказались бесплодными, то правительство стало прибегать к репрессиям, пользуясь при этом поддержкой продажной прессы, во всю глотку кричавшей об измене. Все же движение стало утихать лишь с приближением перемирия.

Бесполезно говорить о том, что Всеобщая Конфедерация Труда не оказала абсолютно никакой поддержки стачечникам, на которых сыпались удары за ударами; она вышла из своего оцепенения только единственный раз, чтобы заявить о своей солидарности с Мальви, которого преследовал Клемансо.

Не только в социалистической партии, но и в профсоюзах меньшинство усилилось и окрепло. В мае 1916 года оно созвало С'езд в Сент-Этьене. Мергейм, капитулировавший перед правительством по некоторым мелким вопросам, в виде прелюдии к своей окончательной измене, не счел нужным сюда явиться; С'езд был проведен Дюмуленом, еще сохранившим во всей полноте свою революционную форму—никто не подозревал таившегося в нем изменника.

Конференция на закрытом заседании с'езда потребовала обнародования целей войны, сопроводив требование предложением перемирия, и, желая испытать силу движения, провозгласила всеобщую забастовку. Руководители движения, за исключением Дюмулена, были немедленно арестованы, с Геркле и Ришета во главе. Всеобщая Конфедерация Труда сочла благоразумным созвать впервые за семь лет свой с'езд. Он состоялся в октябре и после нескольких дней ожесточенных прений закончился, ко всеобщему изумлению, примирением борющихся сторон и вступлением Дюмулена в Бюро Конфедерации.

В то же время социалисты большинства были подавлены состоявшимся соглашением лонгэтистов и циммервальдистов. Лонгэтисты стали во главе партии и „Юманитэ". Месяц спустя зазвучали колокола перемирия.

Дальнейшее изложение не относится непосредственно к теме, но наш очерк был бы слишком неполон, если бы мы закончили его перемирием. Силы, вовлеченные в движение империалистической войной, не остановились внезапно с моментом ее окончания. Кризис, пережитый французским пролетариатом, в связи с социал-предательством не мог быть разрешен ни благодаря тому, что в социалистической партии бойкотисты взяли в свои руки бразды правления, ни благодаря тому, что во Всеобщей Конфедерации Труда произошло об'единение Мергейма и Дюмулена с Жуо. Кризис мог быть изжит только путем коренного изменения принципов и методов работы, применявшихся до войны, путем окон-

чательной ликвидации политики оппортунистических компромиссов, вызвавших банкротство 1914 года.

И в самом деле, как в партии, так и во Всеобщей Конфедерации Труда, борьба продолжалась под новыми лозунгами. И в то время, как мечты партийных центристов не шли далее восстановления Интернационала в том или почти в том виде, в каком он существовал до войны, циммервальдисты требовали немедленного присоединения к III Интернационалу, только что образовавшемуся в Москве под флагом Октябрьской революции. Этот конфликт закончился через два года (в 1920 г.) победой циммервальдистов, за которыми пошла половина центристов. Среди правых произошел, таким образом, раскол, в результате которого в их рядах осталась другая половина центристов. Присоединение партии Жореса, Гэда и Вайана к III Интернационалу показало, что она поняла, наконец, основной урок войны, заключавшийся в том, что оппортунизм всегда завершается предательством, которого можно избегнуть лишь путем беспощадной борьбы со всеми видами оппортунизма.



Ж. Леру. Ослепленные.

В области профсоюзного движения борьба между революционными поборниками присоединения к Красному Профинтерну и реформистами, сторонниками Амстердамского Интернационала, безусловно закончилась бы также победой революционеров и отставкой вероломных и двуличных вождей, если бы революционеры, доведенные до отчаяния реформистской политикой исключения революционеров, не сочли нужным выйти из Всеобщей Конфедерации Труда. Они создали общенациональную организацию революционных синдикатов под названием Унитарной Всеобщей Конфедерации Труда с программой классовой борьбы без компромиссов и извращений. Благодаря поправке, внесенной ею в знаменитую Амьенскую резолюцию (поправке, противопоставлявшей профсоюзы партиям и сектам[1]), благодаря ее контакту с коммунистической партией, Унитарная Всеобщая Конфедерация Труда возродила революционный синдикализм. Она отдала себе отчет в том, что партии и профсоюзы, являющиеся различными, но дополняющими друг друга организациями одного и того же класса, не могут игнорировать друг друга, и сознавала, что старые формулы— „синдикализм ни в ком не нуждается", „синдикализм за все отвечает", имевшие свой смысл ранее, в настоящее время являются контр-революционными.

III.

В начале этой статьи я сказал, что капитуляция 4-го августа является одной из тех страниц истории, которые хотелось бы вычеркнуть. Я подходил к этому с чисто эмоциональной точки зрения. С точки зрения практической политики история есть нечто цельное,

[1]) Амьенская резолюция придавала этому противопоставлению революционный характер. Теперешние сторонники резолюции придают ей пошло-реформистское значение. *А. Д.*

где все части тесно между собой связаны. Ни одна страница этой великой книги не может быть вырвана, ни одна строка не может быть вычеркнута; написанное должно остаться.

Вместо того, чтобы вырывать позорные страницы нашего прошлого, будем, наоборот, перечитывать их и подумаем, какой урок можно из них извлечь.

Кризис, пережитый большинством партий II Интернационала и профсоюзных организаций, был оздоровляющим. Он раскрыл язвы, втайне раз'едавшие организм. Он изгнал из движения не только некоторых людей, но и некоторые методы. Таким образом, было очищено место для образования политической партии со строгим подбором, с дисциплиной, с боевым закалом, партии, одновременно твердой и гибкой, как сталь.

Ленин тогда же понял, что страшная измена 4-го августа 1914 года была далеко не исключительным и случайным явлением, а, наоборот, фатально проистекала из оппортунистической тактики II Интернационала, являясь последним звеном в длинной цепи доктринерских компромиссов и извращений. Он тотчас же разоблачил лживость центристских лозунгов о восстановлении Интернационала. Восстановить II Интернационал значило восстановить его псевдо-непримиримую словестность, его лживую риторику, скрывающую оппортунистическую сущность.

Лозунгу восстановления Интернационала, который во время войны привел лишь к жалким переговорам в Стокгольме, Ленин противопоставил лозунг создания **нового** Интернационала, освобожденного от тумана мелкобуржуазного демократизма, не чувствительного к иллюзиям слащавого пацифизма. Этот III Интернационал был создан лишь в марте 1919 года, но он зрел уже давно в недрах левого циммервальдизма, который по существу являлся разрастанием международного большевизма.

Во Франции всегда повторяли одно из любимых словечек Гэда о том, что революция, подобно Минерве из головы Юпитера, выйдет в полном вооружении из европейской войны. Но чтобы она могла выйти из войны, надо было ее туда внедрить. Всюду должны были существовать партии с революционной идеологией и практикой, партии классовые, являющиеся исключительно органами борьбы с буржуазией. Таких партий не было нигде, кроме России. Вместо партий гражданской войны и вооруженного восстания, начиная с 4-го августа, были лишь партии „священного союза“, созданные путем длительной оппортунистической практики для того, чтобы играть служебную роль у левого крыла буржуазии.

Революция „родилась из войны“ лишь в побежденных странах, и повсюду, где она совершилась, за исключением России, где большевистская энергия поддержала ее силой диктатуры, она в конце-концов была раздавлена. В странах-победительницах из войны вышла капиталистическая и буржуазная реакция, кое-где в форме фашизма,—благодаря отсутствию идеологических и политических революционных партий, способных, подобно большевикам в России, властно использовать положение.

Если, в силу отсутствия истинно революционных партий, война не везде „ускорила падение капитализма“, как говорится в известной формуле международных конгрессов, то все же она привела во всех странах к образованию новых, действительно революционных партий, отсутствие которых так жестоко дало себя знать в 1914 году.

Коммунистический Интернационал образовался в силу необходимости покончить раз навсегда с оппортунизмом (причиной всех измен) и повести массы, обманутые демократическими фантасмагориями, на беспощадную борьбу против диктатуры буржуазии, под какой бы личиной она ни пряталась. Коммунистический Интернационал суть законное детище большевистской партии, бывшей во все времена непримиримым врагом явного и скрытого оппортунизма. В противовес Гамбургскому Интернационалу, всегда готовому вернуться к своему кликушеству 4-го августа, Коммунистический Интернационал представляет огромную армию рабочих, которые поняли, что капитал уступит лишь насилию и что в империалистический и военный момент истории, переживаемый нами, великой миссией коммунизма является методическая организация насильственного переворота. Нет боль-

ше места ни сожительству с буржуазией, ни смертоносным компромиссам с мещанской идеологией, ни сотрудничеству классов, даже в исключительных условиях; такова неизменная тактика Коммунистического Интернационала.

II Интернационал допускал — он это доказал на деле — возможность соглашения с буржуазией в исключительных случаях: война естественно представлялась таким случаем. Коммунистический Интернационал отвергает всякую возможность в этом роде. Война является для него новой возможностью свержения буржуазии и ускорения падения капитализма. Он открыто заявляет, что всеми силами постарается превратить империалистическую войну в гражданскую, согласно лозунгу Ленина.

Когда Франция в прошлом году захватила Рур, Коммунистический Интернационал перешел от слов к делу, он работал над тем, чтобы двинуть против Пуанкарэ и Куно союз рабочих Франции и Германии; он призвал рабочих Рура к братанию с французскими войсками. Суровые наказания, которым подверглись в Майнце около 20 солдат и рабочих, показывают, что инструкции Интернационала не остались мертвой буквой. С момента вступления французов в Рур контакт не был утрачен ни разу, ни разу не нарушался единый фронт пролетариата двух враждебных стран. То, что произошло в Руре, дает нам прообраз того, что сделал бы Коммунистический Интернационал в случае мировой войны.

Капитуляция 4-го августа повлекла за собой непоправимые несчастия и, как сказал Зиновьев во вступительной речи к V Конгрессу: „Мы никогда не простим социал-демократам 13-ти миллионов убитых, 10-ти миллионов изувеченных, 20-ти миллионов раненых во время мировой войны". Но как бы ни было ужасно преступление, оно не прошло бесследа. Международному пролетариату нужен был этот страшный опыт, чтобы освободиться от привидений демократизма и рационализма, угнетавших его дух и заслонявших перед ним его революционный классовый долг. Благодаря Коммунистическому Интернационалу преступление 1914 г. больше не повторится.



Ж. Леру. На позиции.

Анжело Таска.

Пролетарское движение в Италии и мировая война.

Когда вспыхнула мировая война, Итальянская Социалистическая Партия была слишком слаба, чтобы повести итальянский пролетариат на решительные и самостоятельные действия в этот решительный и важный момент.

Анконский С'езд Итальянской Социалистической Партии (1913 г.) показал сильный сдвиг влево. Из партии были исключены лидеры, поддерживавшие Ливийскую экспедицию (Биссолати, Бономи, Подрекка). Было подтверждено „непримиримое" отношение к выборам, вынесено постановление о том, что принадлежность к франк-массонам несовместима с достоинством социалиста. Эти явления были вызваны пробуждением революционного духа в Италии, который за время от 1900 г. по 1910 г. почти совершенно был усыплён политикой реформистских и профсоюзных вождей. Против этой политики ополчились синдикалисты, применявшие методы обструкции, что вскоре было признано недопустимым. Они являлись, главным образом, представителями движения крестьянских масс долины По, а также, частично, движения в области Пуй, т.-е. сельскохозяйственных районов современного типа, обслуживаемых большими массами наемных рабочих. После некоторых успехо в 1904—1906 г.г. синдикалисты потеряли всякое значение, и в рабочем движении наступил момент почти могильного затишья. В 1909—1911 г.г. намечается уже некоторое движение в авангарде пролетариата, в особенности, благодаря оживленной и энергичной работе социалистической молодежи, которая столкнулась в недрах социалистических секций и синдикатов с недоверием, враждебностью и консерватизмом старого „генерального штаба" партии и рабочей организации.

Ливийская война заронила в итальянские рабочие массы семена недовольства, которые основательно всколыхнули рутину и пацифистские традиции, царившие в политической и синдикалистской организациях пролетариата. Довольно значительная группа вождей особенно среди реформистов и анархо-синдикалистов высказалась более или менее открыто за колониальную войну, что в результате сильно поколебало их престиж и вызвало спасительную реакцию в массах. Позиция Итальянской Социалистической Партии во время Ливийской войны была довольно энергичной, но приняла форму пассивного сопротивления, сопровождавшегося антивоенной пропагандой, опиравшейся, главным образом, на сантиментальные и гуманитарные соображения. Кампания, предпринятая „Аванти". была такова, что ее с равным успехом могла бы вести всякая другая демократическая и мелкобуржуазная пацифистская группировка. Она была направлена, главным образом, против „преувеличений" и „обманов" националистов, против жестокостей „колониальной партизанщины", она разоблачала „подоплеку" финансовых и спекулятивных махинаций капиталистов, не выходя все же „из рамок", не стараясь из этого извлечь материал для революционного воспитания и накопления революционного опыта в массах.

Там и тут мелькали вспышки протеста, в особенности при отправке солдат на фронт. Некоторые из вспышек были довольно внушительны, но это были лишь симптомы народного отчаяния, доказательство того, что Социалистическая Партия никогда не помышляла об организованном серьезном сопротивлении, об энергичном противодействии призывам к войне.

Ливийская война оставила глубокие следы в революционном развитии Италии; рабочие и крестьянские массы почувствовали доверие к своим силам, и Социалистическая

Партия стряхнула с себя постыдное бездействие, в котором она пребывала в течение многих лет; однако, с точки зрения политики пролетариата по отношению к войне Ливийская авантюра далеко еще не являлась тем „опытом", который был способен подготовить в известной мере пролетариат и его политическую партию к выступлению против кошмарных требований мировой войны. Это случилось не только потому, что колониальная война Италии с туземцами была пустяком в сравнении с мировой войной, вспыхнувшей в 1914 г., но также и потому, что из этого эпизода Итальянская Социалистическая Партия не умела еще извлечь всех возможных выводов и уроков. По существу не была затронута ни одна из проблем идеологии и организации борьбы пролетариата против войны: дискуссия, которая по этому поводу велась в социалистической прессе с 1911 по 1913 г.г., поражает своим убожеством и удручающей бессодержательностью.

От всего этого осталось лишь смутное сознание, что необходимо порвать с бездеятельностью, характеризовавшей прошлые годы—годы реформистского вырождения; стали проявляться также симптомы нового революционного духа—духа борьбы, который сказался в таких кровавых эпизодах, как мятеж в Анконе и „Красная неделя".

Когда война начала свое „кругосветное путешествие", Итальянская Социалистическая Партия делала только первые шаги на пути обновления своей идеологии и проверки тактики, но эти новые веяния выражались больше в „отрицательной непримиримости", чем в серьезной подготовке к революционному действию.

Это достаточно об'ясняет, почему роль Итальянской Социалистической Партии в мировой войне была столь пассивна и неопределенна и почему рабочие массы Италии, революционное настроение которых было сильнее настроения, преобладавшего в рядах Партии, не нашли политической организации, которая бы стала во главе их и заставила бы итальянскую буржуазию дорого заплатить за ее предательство в мае 1915 года.

Каково было в действительности положение в Италии в 1914 году? Рабочие массы после довольно жарких схваток 1913—1914 г.г. достигли невиданного дотоле уровня заработной платы; экономическая кон'юнктура,—благоприятная, как и вообще во всей Европе накануне мировой войны,—в свою очередь благоприятствовала требованиям рабочих организаций. Находясь еще в несравненно худших условиях жизни, чем английские, немецкие и другие рабочие, итальянские рабочие вышли, наконец, после крупных стычек и упорных забастовок (одна только забастовка металлистов в Турине продолжалась три месяца) из того положения, в котором они могли считаться „люмпенпролетариатом". В связи с развитием некоторых отраслей промышленности, увеличилось число квалифицированных рабочих, наличность которых с того времени становится характерной для некоторых больших промышленных центров (Турин, Милан и т. д.).

Экономические условия, в которых находились рабочие массы, не будучи в состоянии задержать развития классовой борьбы, вызвали в них крайне враждебное отношение к войне, которая по общему убеждению являлась грандиозной катастрофой. Рабочие массы Италии в 1914 году стояли всецело за нейтралитет.

Но и значительная часть итальянской буржуазии состояла из „нейтралистов". Хорошо известно, что об'явление войны в мае 1915 года явилось чуть ли не государственным переворотом, содеянным некоторыми кругами крупной буржуазии и военной кастой против значительного большинства в стране и даже наперекор воле парламента.

Каким образом это стало возможным?

Неоднократно восхвалялись заслуги Итальянской Социалистической Партии за ее позицию по отношению к войне. Пришло время протестовать против этой нелепой легенды и об'явить во всеуслышание, что Итальянская Социалистическая Партия далеко не заслуживает репутации „весталки священного революционного огня",—репутации, которую ей приписывают.

Бесспорно то, что с августа 1914 года по апрель 1915 г. почти все население Италии было против войны. Может ли назваться революционной партия, которая, находясь в столь исключительно благоприятном положении, позволила бы буржуазии бросить Италию в круговорот войны, не задав себе своевременно вопроса об этой возможности и о тех мерах, которые нужно было бы предпринять для действительного сопротивления войне?

В течение 1914—1919 г.г. в Италии не ставилось никому в заслугу пребывание в рядах „нейтралистов“: кто был „нейтралистом“, тот лишь брёл по течению. Итальянская Социалистическая Партия одобрила лозунг „нейтрализма“, подобающий скорее буржуазии, чем не стяжала себе лишних лавров, хотя подавляющее большинство трудящихся было в то время согласно с нею и настроено против войны; она не сумела сколько-нибудь значительно повлиять на ход событий. Ничтожное, но наглое меньшинство навязало войну стране, которая не хотела ее, и парламенту, который в большинстве своем состоял из сторонников Джиолитти, но Итальянская Социалистическая Партия почти бездействовала в предшествовавший войне подготовительный период: в разных местах было устроено несколько манифестаций, в Турине, по местной инициативе, об'явлена была генеральная забастовка; и с'езд партии, состоявшийся в Болонье 19 мая, не дал никаких практических результатов.

Все изложенное выше об'ясняет, почему в течение войны Итальянская Социалистическая Партия ограничивалась только „непримиримой“ оппозицией, не имея никакого плана деятельности, не наметив себе даже политической линии, которая позволила бы ей использовать в революционном направлении всеобщее недовольство, усугубленное тем фактом, что неподготовленность и недостаточность средств, имевшихся в распоряжении буржуазии, сделали последствия войны чрезвычайно тягостными для итальянского народа.

Позиция Итальянской Социалистической Партии, в особенности позиция реформистов, сравнивалась с позицией тех же группировок в других странах. Но такое сравнение не выдерживает критики. Италия ринулась в войну уже после того, как прошел почти год от ее начала, т.-е. когда картина ужасов и кошмарных последствий мирового конфликта была у всех перед глазами. Война была об'явлена при обстановке, созданной искусственно, когда любой предлог был хорош, чтобы создать впечатление „неизбежного“ в отношениях Италии и Австрии. Другими словами, в Италии не было налицо тех условий, которые затемняют в некоторых пролетарских слоях сознание классовых антагонизмов и делают весьма затруднительной борьбу с войной. Если бы Италия находилась, например, в положении Бельгии, если бы буржуазия могла пустить в ход факторы, сильно затрагивающие и волнующие национальные чувства, то несомненно, что мы имели бы также и у нас отрыжку „священного союза“.

В действительности же на с'езде в Болонье в мае 1915 года, о котором мы говорили выше, реформисты поддерживали положение, что надо рассматривать войну, как „совершившийся факт“, и принять на себя функции „гражданского красного креста“. Муниципальный совет Милана опубликовал после извещения об об'явлении войны манифест, призывающий всех к гражданской „лойяльности“, а Дирекция*) Социалистической Партии не решалась принять мер против администрации, возглавляемой реформистом Талдарой. После поражения при Капоретто (1917 г.) Туратти произнес речь в парламенте, об'являя, что отечество трудящихся стоит перед угрозой на фронте и т. д.

Но сама формула, принятая Дирекцией партии в редакции „не примыкать к войне и не саботировать ее“, которая была придумана Лаццари, доказывает, как далека была Социалистическая Партия от желания играть какую-либо роль и как силен был дух формальной и пассивной „непримиримости“, покрывшей ее несмываемым пятном даже и в повоенное время.

---

*) Так называется в Италии Центральный Комитет. Ред.

В массах, безусловно, был жив дух возмущения. В общем в кругах, примыкающих к партии, формула Лаццари (которая все же оставалась „официальной“ формулой политики Итальянской Социалистической Партии на все время войны) не была никогда понята и признана надлежащим образом. В виде реакции против этой формулы массы выработали другую формулу. „чем хуже, тем лучше“. Но это „пораженчество“ было продуктом отчаяния, не находившего возможности сорганизоваться и стать активной революционной силой.

Итальянская Социалистическая Партия приняла участие в Циммервальде и Кинтале, но на этой второй конференции, закончившейся 1-го мая 1916 года, вся итальянская делегация (в которой находились Модильяни, Прамполини, Дугони, Мусати) высказалась против формулы Ленина и превращения империалистской войны в гражданскую; Серрати, напротив, принял ее, но с оговорками . . . для Италии и покинул конференцию до голосования.

Подписи под резолюциями Циммервальда и Кинталя не дали никаких практических результатов в деятельности Итальянской Социалистической Партии; не только на февральском с‘езде 1917 года (Рим) тезис революционного активизма не мог восторжествовать, но даже на конференции фракции непримиримых, состоявшейся после Капоретто в ноябре 1917 года во Флоренции, не были приняты кинтальские тезисы Ленина.

Это тоже свидетельствует об отсутствии революционного духа и боевых способностей у Итальянской Социалистической Партии, тем более, что рабочие и крестьянские массы были доведены до отчаяния войною и почти ощупью искали выхода из трагического тупика, куда завлекла их буржуазия. Преступная расточительность „человеческого материала“, явившаяся следствием „фронтальной атаки“ маршала Кадорны, стяжавшего печальную известность, безумное обогащение спекулянтов и рвачей создали атмосферу безграничной злобы, жажду мести, которую ничто не в состоянии было бы остановить, если бы рабочие были свободны от связывавших их пут.

К эпизодам, лучше всего характеризующим общее состояние умов, должны быть отнесены Туринские события (август 1917 г.) и процесс Прадомано.

В Турине вследствие продовольственных затруднений (несколько дней не было хлеба) рабочие начали всеобщую забастовку, а группы более решительных вооружились, соорудили баррикады, особенно в предместьях, и в течение трех или четырех дней власти были беспомощны и потеряли совершенно голову. Случайная причина движения (недостаток хлеба) отступила тотчас же на задний план—рабочие хотели „покончить“ с войной. Но Турин остался совершенно изолированным. Немедленно начались свирепые расправы, число убитых было велико, „мятежников“ сотнями отправляли в казармы, а затем на фронт. Итальянская Социалистическая Партия, как таковая, не существовала в те дни. Движение было предоставлено единственно инициативе и героическому порыву пролетариата Турина.

Процесс Прадомано, возбужденный по поводу открытия в 1917 году в армии организации пропаганды, выяснил, что группа товарищей (из которых многие в настоящее время состоят в коммунистической партии, как, например, Поццоли, Пиццито, Пиетробелли и др.) по собственному почину воспользовалась военными бюро, при которых они состояли, чтобы распространять социалистическую литературу (нелегальный кинтальский манифест и т. д.), и имели связь с миланскими товарищами. Это—единственный случай работы в армии, при чем инициатива его исходила всего лишь от одной группы и не входила в планы общей деятельности партии.

Когда в Италию пришли известия о первой русской революции, впечатление было невероятное. Однако, Дирекция Социалистической Партии и даже „Аванти“ не поняли этого события, как следует. Первая опубликовала 12 апреля 1917 года манифест, в котором восхвалялись прелести „демократической войны“, второй рассматривал эту революцию.

как специфически крестьянскую революцию, выдвигал на первый план роль социалистов-революционеров и долго игнорировал большевиков и Ленина. Но рабочие и крестьянские массы не ошиблись в оценке этого события. Смысл русской революции был ими быстро усвоен. „Это только начало"—говорили они, ожидая не „демократической войны", но мира и социальной революции. Весною 1917 года в Италию прибыла делегация Петроградского Совета, состоящая исключительно из меньшевиков и буржуев. С этой теплой компанией носились по всей Италии, чтобы добиться повышения акций демократической войны. Но итальянские пролетарии были дальновиднее министра Шьялойи, который уверял, вслед за Керенским, что русская революция дала возможность интенсифицировать войну на восточном фронте, и русские делегаты были сильно поражены, когда на митингах их приветствовали криками: „Да здравствует Ленин". Когда делегация проходила мимо казармы, в которой я находился в Турине, солдаты толпились у окон и аплодировали ей. Их настроение было такое же, как и настроение массы, собравшейся вечером на Бирже Труда, чтобы приветствовать представителей революции, которая свергнула царизм и которая (это все чувствовали и ожидали) должна была начать процесс нового, более радикального освобождения.

Рабочее движение в Италии во время войны было таково, что, если бы существовала настоящая Социалистическая Партия, она могла бы превратить его в базу для энергичного наступления на буржуазию. Но поведение Социалистической Партии было столь робким и недостойным, что не представлялось возможности использовать настроение умов и накопившийся в массах трудящихся Италии дух мятежа и жажду мести для превращения буржуазной войны в победоносную гражданскую войну. Та же традиционная пассивность и болтливость, благодаря которым некоторые буржуазные слои получили возможность захватить власть и ввязаться в войну в мае 1915 года и благодаря которым эта война продолжалась бесконечные годы, представляли из себя фатальное препятствие для революционной борьбы в 1916—1920 г.г.

Неоднократно „заслуги" Социалистической Партии во время мировой войны противополагались, в некотором смысле, ее крушению после войны. Экзамен, которому мы только что подвергли ее позиции в 1914—1918 г.г., доказывает, что падение ее в сентябре—октябре 1920 г. является лишь следствием и продолжением слабости и малодушия Социалистической Партии в предшествовавший период. Рабочим и крестьянским массам Италии, одушевляемым жаждой самопожертвования и духом революционной борьбы, не хватало самого главного условия для их освобождения, а именно—политической партии, истинно революционной и способной руководить ими. Социалистическая Партия совершенно не справилась с этой ролью как в 1914—1918 г.г. (борьба против войны), так и в 1919—1920 г.г. (борьба за власть). Сентябрь 1920 года является лишь результатом мая 1915 г.

Мих. Павлович.

Вопрос о разделе желтого и черного континентов в мировой войне *).

Древняя греческая легенда рассказывает нам о походе аргонавтов, мифических героев, которые отправились на корабле „Арго“, под предводительством Язона, за золотым руном, (шерсть золотого барана), оберегаемым страшным драконом, и похитили это руно с помощью волшебницы Медеи, дочери Ээта, царя Колхиды. Поэты воспевали это сказочное путешествие и видели в нем символ вечного стремления человечества к недоступному солнцу. Однако, явились прозаические историки и бесжалостные филологи и вскрыли истинную, реальную подоплеку геройской экспедиции. Аргонавты рисковали своей жизнью не в погоне за солнечными лучами, за бессмертным идеалом истины и красоты. Они попросту искали золото и, промывая золотой песок, пропускали его через овечью шерсть. Золотые крупинки собирались на шерсти, и, таким образом, последняя превращалась как бы в одно сплошное золотое руно. Этот способ добывания золота до сих пор сохранился у некоторых первобытных народов.



Мих. Павлович.

И когда мы ныне в применении ко многим прошлым и современным историческим событиям, к экспедициям европейцев в Азию или Африку, к постройке грандиозных рельсовых путей от Капштадта до Каира или от Гамбурга до Багдада и великих каналов, в роде Панамского, подготовляющих гегемонию той или другой державы в данной части земного шара, или, наконец, к кровавым конфликтам, бросающим друг против друга миллионы людей, слышим все эти красивые фразы об идеалах, о вечном стремлении к недосягаемому солнцу, о борьбе за высшую культуру, цивилизацию, национальную свободу, независимость, о священной войне с дерзкими насильниками и т. д., мы должны вскрыть реальную сущность этих легенд, как вскрыты грубая материальная подоплека и движущие пружины легендарного похода аргонавтов в сказочную Колхиду.

Мировая война 1914 г. явилась результатом невозможности для капиталистических государств разрешить мирным путем целый ряд проблем (вопросов), вставших перед господствующими классами первоклассных держав, как в области европейской, так и колониальной политики. Мы коснемся здесь проблемы азиатской и, прежде всего, малоазиатской, или, иначе говоря, проблемы окончательного раздела уцелевшего наследства Оттоманской империи, с одной стороны, и затем проблемы африканской—с другой.

*) Переработано для настоящего сборника из книги „Борьба за Африку и Азию“. Ред.

Говоря о борьбе за Малую Азию и за африканские территории, нам придется обратить внимание на рельсовую политику тех или других европейских государств в данной области, на борьбу за так-называемые железнодорожные концессии, т.-е. за монопольное разрешение тому или другому государству проводить рельсовую дорогу на данной территории.

Антагонизм между современными капиталистическими государствами, противоречие их интересов в области африканских и азиатских вопросов, вообще в области мировой политики, нигде не отражается с такой яркостью, как в борьбе за проведение тех или других железнодорожных концессий. Агрессивный характер рельсовой политики современных государств обусловливается тем, что эта рельсовая политика диктуется прежде всего интересами металлургической промышленности. Металлургическая же промышленность есть та отрасль капиталистического хозяйства, которая менее всего мирится с свободной торговлей. Несмотря на мировой характер и интернационализацию стальной промышленности, несмотря на существование международных стальных трестов, синдикатов и т. д., нигде борьба между отдельными национальными группами, между капиталистами отдельных стран, не принимает такой острой формы, как именно в области металлургии. Дело в том, что важнейшие фабрикаты металлургической промышленности, именно локомотивы, вагоны, рельсы, пушки, броненосцы, сбываются на иностранные рынки совершенно в иных условиях, чем фабрикаты остальных отраслей промышленности. Так, например, немецкие, австрийские, американские и другие заводчики имели возможность сбывать в Англию и во все ее колонии беспошлинно сахар, химические продукты, кожевенные, стеклянные изделия, фармацевтические препараты и т. д., но никогда даже „фритредерская", т.-е. стоящая за свободу торговли, Англия не позволяла какому-либо отдельному иностранному капиталисту или иностранному синдикату строить железные дороги в ее колониях, воздвигать вокзалы, сооружать железные мосты для данного рельсового пути и т. д. Более того, фритредерская Англия не только не позволяла иностранным капиталистам строить железные дороги в ее собственных владениях, но и всеми силами препятствовала сооружению иностранными капиталистами рельсовых путей во всех тех государствах и областях, где Великобритания имеет какое-либо влияние—в Турции, Китае, Африке и т. д. И если даже сторонница свободной торговли—Англия вела такую протекционистскую, узко-национальную политику в вопросе о железнодорожных концессиях, тем с большим рвением вели такую политику другие государства, как, например, Германия, царская Россия, Франция и т. д.

Металлургическая индустрия, интересы которой являются движущей пружиной современной рельсовой политики, есть индустрия, где менее всего возможна свобода торговли. В области вопросов этой рельсовой политики даже фритредерская Англия, Англия мирного Манчестера, отступает перед воинствующим Бирмингамом, столицей английской металлургии, становится под знамя агрессивного протекционизма. Здесь в этой области более, чем где бы то ни было, идет, несмотря на все международные соглашения, интернациональные тресты, синдикаты, картели, борьба не на жизнь, а на смерть за новые рынки, за концессии на рельсовые пути, за политическую и экономическую гегемонию, исключающую возможность предоставления разных прав другим странам.

Металлургическая промышленность является идеальным типом индустрии, в которой процесс интернационализации капиталов, связывание отдельных национальных хозяйств в одно гигантское комбинированное целое сопровождается ростом самой отчаянной конкуренции, борьбы не на жизнь, а на смерть между важнейшими национальными группами международной буржуазии, между господствующими классами Германии, Англии, Франции и т. д. В металлургической промышленности интернациональный трестированный капитал обостряет с необыкновенной силой противоречие интересов капиталистических олигархий вступивших в соглашение стран и, таким образом, отрицает исходные моменты своей дея-

тельности. Вот почему перемещение центра тяжести хозяйственной жизни от хлопчатобумажной индустрии к синдицированной металлургической промышленности представляет важнейший факт современной эволюции капитализма и имеет такое значение в обострении международных отношений. Вот почему именно в рельсовой политике, так тесно связанной с интересами металлургии, международная борьба между господствующими классами различных стран за монополии, за гегемонию в той или другой области достигает наивысшего напряжения и является главной причиной опаснейших международных конфликтов, приводящих в конечном результате к вооруженным конфликтам и страшным войнам.

* * *

Завоевательная политика различных государств, выдвигавшихся испокон веков на арене истории, шла в двух основных направлениях, выявляла две основные тенденции.

В одних случаях, на известных стадиях развития, эта завоевательная политика направлялась к образованию из данной национальной ячейки большого государственного тела, большого национального государства путем присоединения к этой основной ячейке раз'единенных частей одной и той же части нации: так из разрозненных по разным государствам осколков одной какой-либо нации создавалось одно национальное целое, об'единенное центральным правительством, общими границами и т. д. Такова была политика Сардинского государства, приведшая в результате Гарибальдийской эпопеи и национальных войн 1859—1870 г.г. к образованию единого Итальянского королевства. Такова была политика Пруссии 1848—1871 г.г., приведшая к образованию единой Германской империи.

В других случаях, на других стадиях развития, завоевательная политика направлялась прежде всего к созданию не национального, а мирового государства, к расширению границ национального государства именно за пределами данной государственной нации, данной национальной территории.

Конечно, существуют примеры войн, где националистические и империалистические тенденции совпадают (пример: первая и вторая балканские войны). Но все-таки эти тенденции не тождественны. Так, хорошо известно, что „железный канцлер“ Бисмарк, создатель германского единства, вдохновитель германской национальной политики, был противником немецкой мировой политики, увлечения колониальными захватами, относился отрицательно к Drang nach Osten (движению на Восток) и говорил, что весь балканский вопрос не стоит костей одного померанского гренадера. Стало быть, Бисмарк был противником империалистической политики!

Империя, это—прежде всего многонациональное единство, т.-е. государство, сплоченное из многих наций, созданное насильственным путем и состоящее из двух неравных частей: национальной территории, играющей роль метрополии, и остальных частей, играющих роль колоний, вращающихся по орбитам вокруг „империализующего“ центра, как планеты вращаются вокруг солнца.

Империализм представляет собой особый вид и особую форму такой завоевательной политики, направленной к мировому господству, к превращению национального государства в мировую державу, в многонациональное целое, созданное насильственным путем. Империализм, это—форма завоевательной политики, характерная для современной нам эпохи, начинающейся с конца XIX столетия. Эта эпоха отличается, по нашему мнению, от предыдущей экономической фазы, во-первых, перемещением центра тяжести капиталистического хозяйства от индустрии хлопчато-бумажной к индустрии металлургической, во-вторых, необычайно быстро развивающимся процессом синдицирования, картелирования, т.-е. сцеплением и об'единением тысяч отдельных предприятий в гигантские национальные и интернациональные тресты, синдикаты, картели—в одно комбинированное целое,—процессом, получившим наиболее яркое выражение именно в металлургической индустрии.

Пока центром тяжести капиталистического хозяйства данной страны была хлопчато-бумажная индустрия, рассчитанная на массовое производство, развивающаяся в зависимости от покупательных способностей населения, от непосредственного потребительского спроса, идеологи буржуазии не только в странах, выступивших после Англии, но и в самой Великобритании, относились отрицательно к агрессивной внешней политике, к колониальным авантюрам, обострявшим международные отношения, увеличивавшим государственные долги, налоговое бремя, падающее на население и ослабляющее в конечном результате покупательные способности внутреннего рынка.

Англия манчестерского периода, т.-е. того периода, когда промышленной столицей Великобритании являлся город Манчестер, главная цитадель английской хлопчато-бумажной индустрии, была страстной поклонницей свободной торговли, свободной конкуренции. Вообще в течение всей первой половины XIX столетия и даже в 70—80 годах минувшего века почти вся экономическая наука Великобритании и европейского континента была проникнута „фритредерскими“ идеями, т.-е. идеями свободной торговли. Под влиянием этих идей сами правительства рассматривали протекционизм, т.-е. систему высокого обложения иностранных товаров таможенными пошлинами, или как фискальную меру, имевшую единственной целью увеличить доходы казны, или как временную меру, которая будет отменена, как только национальная индустрия более или менее разовьется и станет на собственные ноги.

Манчестерская школа проповедывала не только свободную торговлю, но и мир. В период господства идей манчестерства колонии рассматривались в Англии, как остаток старого аристократического строя, скорее вредный, чем полезный. Известна знаменитая фраза Дизраэли, сказанная им в период увлечения манчестерскими идеями: „Колонии — это жернова, привязанные к нашей шее“. Известно, что Бисмарк толкал Францию к колониальным захватам, полагая, что колонии явятся „ярмом каторжника“, кандалами на ногах у Франции, что последняя в результате приобретений в Африке потеряет свободу действий и обессилит.

Под влиянием манчестерских идей, европейские правительства в периоде от 40 до 70 гг. не гнались за приобретением колоний, не стремились к уничтожению самостоятельных туземных государств в Африке и Азии и к овладению обширными территориями. В течение этого периода Англия вела три войны против Китая в 1810, в 1850 и в 1860 гг. Две последних войны велись Англией совместно с Францией. И после того, как англо-французские армии разгромили на-голову китайские войска и дошли до ворот Пекина, столицы Срединной империи, Франция и Англия в результате своих побед потребовали от правительства богдыхана лишь свободного доступа европейским товарам в Китай. Но ни Франция, ни Англия не потребовали от Китая территориальных уступок, а между тем гигантское государство беспомощно лежало у их ног. Право торговли в нескольких пунктах, в главных портах Китая — вот чем удовлетворились победители в этой тяжелой заморской войне.

Только с момента перемещения центра тяжести капиталистического хозяйства от хлопчато-бумажной индустрии к синдицированной металлургической промышленности, только с оттеснением Манчестера, города хлопчато-бумажной промышленности, Бирмингамом, столицей английской металлургической индустрии, начинается эпоха подлинного империализма, и Чемберлен, „человек из Бирмингама“, выдвигается на авансцену истории, как первый представитель эпохи, эпохи колониальной горячки, форсированной захватной политики, развивающейся с такой невиданной в минувшие эпохи интенсивностью, что только за пятилетие с 1885 по 1890 г. Англия приобретает земельную площадь протяжением в 4 миллиона квадратных километров, т.-е. пространство в 20 раз большее, чем вся Франция, и с населением в 60 милл. душ.

С такой же невиданной в предшествующие эпохи энергией, с таким же небывалым напряжением своих сил бросаются в перегонку друг с другом и все остальные государства, стремясь овладеть новыми и новыми заморскими областями. Африканские территории — Уганда, Родезия, Новая Гвинея, Тунис, Эритрея, Конго, Камерун, Мадагаскар, Марокко, наконец, даже независимые христианские государства Трансвааль и Оранжевая республика, — одним словом, почти весь оставшийся до сих пор незанятым черный континент (Африка) переходит в течение последних десятилетий в руки европейских государств. Вместе с тем параллельно идет завоевание азиатского континента: Франция овладевает Тонкином, а затем постепенно почти всем Индо-Китайским полуостровом, Соед. Штаты — Филиппинами, которые они отбирают у Испании, Великобритания утверждает свою гегемонию на Персидском заливе и затем совместно с Россией устанавливает англо-русский протекторат над Персией, Германия проникает в Малую Азию и с помощью стальной багдадской цепи стремится привязать к себе Оттоманскую империю и превратить последнюю в свою колонию.

400-милл. Китай теряет все более и более свою самостоятельность, и первоклассные европейские государства вместе с Японией и С. Штатами создают свои зоны влияния, сводя суверенитет богдыхана над важнейшими приморскими областями Срединной империи к призраку. И все эти колонии приобретаются уже не для сбыта товаров, ибо что сможет дать в качестве потребительского рынка какая-нибудь пустынная, безводная область Африки,—а в качестве места приложения свободных отечественных капиталов. Пустынные области пересекаются железными дорогами, непроходимые горные перевалы прорезаются тоннелями, через бурные реки перебрасываются железные мосты, повсюду строятся железнодорожные станции, у крутых берегов воздвигаются коммерческие гавани и военные порты, и на все это уходят миллиарды рублей, которые извлекаются с населения метрополии. В результате выигрывают, во-первых, банковые консорциумы, которые размещают излишки отечественных капиталов или непосредственно в колонии, или в государственные займы, необходимые для ведения этой лихорадочной колониальной политики, для вооружений, тесно связанных с этими колониальными войнами, с этими колониальными работами, с обострением международных отношений и т. д., во-вторых и главным образом, металлургические короли и бароны, которые наживают колоссальные дивиденды на проложении этих железных дорог — порой в совершенно пустынных местах, — на прорытии тоннелей, на сооружении дредноутов, супер-дредноутов, тяжелых и легких пушек и т. д. Ибо мы знаем, что приобретение какой-нибудь колонии или утверждение протектората над последней дает возможность одной какой-нибудь металлургической фирме получить колоссальные заказы. Так, например, удалось фирме Шнейдер (Крезо) получить подряд в связи с усилением французского „влияния“ в Марокко и на постройку гавани в Казабланке, и на сооружение железнодорожной колеи в Марокко, и на поставки артиллерий и прочего оружия для французских войск, и на сооружение новых дредноутов, супер-дредноутов, миноносцев и контр-миноносцев, и т. д. И чем сильнее стремление к новым захватам, тем более острый характер приобретает борьба за приобретение новых колоний между европейскими государствами, тем сильнее их нужда в большом войске и флоте, и, стало быть, тем большее влияние приобретают короли металлургической индустрии, изготовляющей все эти легкие и тяжелые орудия, большие и малые суда, строящей железные дороги и т. д.

Однако, стремление к колониальным захватам, к присоединению аграрных областей есть лишь одна из тенденций империализма. Империалистические государства бросаются с таким азартом именно на отсталые страны только потому, что колониальные авантюры сопряжены с меньшим риском, требуют меньшего напряжения сил, чем попытка захвата высоко развитых в индустриальном отношении областей, лежащих порой под боком, но принадлежащих сильным государствам, способным дать отпор самому могучему врагу и нанести последнему удары, в сто крат более страшные, чем те, которые может нанести

какой-нибудь марокский султан, тунисский бей или вождь гереро, с которыми боролись немецкие войска в Африке. Заветной мечтой империалистов каждого данного государства является овладение при первой возможности именно наиболее промышленными и развитыми в индустриальном отношении областями соседних государств или же наиболее важными торговыми путями. Так, для французского империализма основной задачей являлось овладение Эльзас-Лотарингией и левым берегом Рейна, наиболее индустриально развитыми областями Германии, богатыми железом и углем. Так, наоборот, для германского империализма главной приманкой являлись Бельгия и наиболее промышленные пограничные области Франции и России. Так, исторической миссией русского государства, с точки зрения русских империалистов, являлось овладение Босфором и Дарданеллами, важнейшим торговым путем от южных областей России к Средиземному морю, Индийскому океану и т. д., так, наконец, по мнению английских джингоистов, захват Кильского канала должен был явиться важнейшей наградой для Великобритании за все жертвы, понесенные ею в мировой войне.

И такое стремление к захвату именно промышленных областей соседних государств, богатых углем или железом, к овладению важнейшими мировыми рельсовыми путями или великими водными артериями, проливами, каналами, служащими соединительными звеньями между железнодорожными путями, является результатом именно перемещения центра тяжести современного хозяйства от индустрии, обрабатывающей волокнистые вещества, к тяжелой промышленности. Для последней задача внешней политики должна заключаться не попросту в присоединении новых областей с многочисленным населением, которое обязательно покупало бы в соответствии с своими потребительными силами фабрикаты метрополии,—согласно бутаде Биконсфильда, заявлявшего, что Англия не успокоится, пока все жители Каира не станут покупать себе фесок и шаровар из английского сукна, — а прежде всего в захвате тех областей, овладение которыми будет содействовать расширению и упрочению того железного фундамента, на котором только и может держаться тяжелое здание современной империи, претендующей на мировую гегемонию. И с этой точки зрения, несомненно, что приобретение одного квадратного километра в Европе важнее для французских, германских и т. п. империалистов, чем присоединение сотен и более квадратных километров в Африке и Азии с населением, значительно превосходящим численно население данной европейской области, соблазняющей так империалистов соседней страны. И этому жгучему стремлению овладеть прежде всего именно пограничной европейской территорией не в состоянии помешать даже то обстоятельство, что в большинстве случаев присоединение соседней высоко-культурной и развитой в индустриальном отношении области наносит тяжелый удар многим отраслям отечественной промышленности, не способной бороться с конкуренцией неожиданно появившегося внутри новых государственных границ соперника, не отделенного уже, как прежде, от рынка победившей его страны таможенными барьерами и всякого рода другими рогатками.

Империалистическая политика заключается в стремлении всякой индустриальной страны подчинить и аннексировать себе не только области аграрного характера, не только колонии, как думал когда-то Каутский, но и наиболее развитые в промышленном отношении провинции соседних государств. И если мировая война носила такой упорный характер, это происходило именно потому, что здесь шла борьба не только за колониальные территории, но и за европейские области. Если бы главной ставкой в мировой войне были те или другие африканские или азиатские владения, воюющие страны после страшных потоков крови и колоссальных финансовых расходов, вероятно, пришли бы значительно раньше к соглашению. Но в том-то и дело, что мировая война была не только войной за колонии, но и войной за территории старой Европы, колоссальные подпочвенные богатства которой не были еще достаточно использованы, за великие европейские каналы и проливы, овладение которыми крайне важно для усиления влияния и мощи данного государства, прежде всего в Европе. На заседании германского рейхстага 6-го июня 1916 г. лидер национал-

либералов Бассерман заявил, что создание громадной колониальной империи, как оно ни важно, имеет очень мало значения по сравнению с расширением германских границ на европейском континенте.

Тем не менее колониальная политика европейских государств в течение последних десятилетий, накануне мировой войны, особенно начиная с наступления нынешнего столетия, эта лихорадочная погоня за новыми и новыми территориями в Африке и Азии, эта ожесточенная борьба за железнодорожные концессии уже сами по себе обостряли отношения между первоклассными государствами, создавали атмосферу крайнего взаимного недоверия, являлись предлогом для чудовищного увеличения расходов на армии и флот, фатально толкали европейские государства к той войне, которая разразилась в 1914 г. и вовлекла в безумную братоубийственную бойню население 14 государств.

Таким образом, и изучение колониальной политики европейских государств накануне мировой войны является обще обязательным для всякого, кто желает понять основные причины катастрофы, разразившейся над Европой в 1914 г.

Политика металлургического треста по отношению к колониям всегда одна и та же: под различными предлогами то в „стратегических целях", то в целях приобщения данной колонии к „благам культуры и цивилизации" трест требует от правительства сооружения новых железных дорог в колониях. Часто это делается за счет казны на весьма выгодных для металлургистов условиях. Но порой, как это случалось во Франции, парламент отказывался голосовать кредиты на сооружение явно бесполезного и дорого стоящего рельсового пути, который ежегодно будет давать убытки. В этих случаях применяется система, изобретенная одним из видных руководителей французского металлургического треста Полем Думером в бытность его генерал-губернатором Индо-Китая. „Система Думера" состоит в том, что колония строит железную дорогу на свой счет, но для этого она делает в метрополии заем, гарантированный государством. Эта система одинаково приятна как металлургистам, так и банкирам, выпускающим заем.

Но металлургический трест не удовлетворяется сооружением железных дорог в собственных колониях. Металлургистам не достаточно владений собственного государства, и они неустанно ищут за пределами страны и своей „империи" территорий, которые можно было бы прорезать рельсовыми путями для сбыта миллионов пудов рельсов и т. д. Так, французские металлургисты, имеющие в своем распоряжении безграничную по протяжению французскую колониальную империю, все же домогались новых и новых концессий на сооружение железных дорог в Китае, Оттоманской империи и т. д. И с требованиями металлургистов правительствам приходится серьезно считаться, да и в самом правительстве обыкновенно заседает несколько представителей металлургического треста.

В нашей работе „Борьба за Азию и Африку" мы указываем, что во франко-германском конфликте из-за Марокко роль играло стремление фирмы Манесман захватить в свои руки монополию на эксплоатацию всех медных рудников Марокко. В этом конфликте из-за Марокко с необычайной выпуклостью обнаруживается стремление современного капитализма к монополиям и подтверждается правильность положения, согласно которому империализм по своей экономической сущности есть монополистический капитализм.

Мы увидим какую громадную роль во франко-германском конфликте играла борьба за монополистическое обладание источниками сырых материалов. И если верно, что самой французской промышленности отнюдь не нужны были железные рудники Марокко, за то последние очень нужны были Германии, и этого одного было достаточно, чтобы заставить капиталистическую Францию, колониальная империя которой по своим размерам и нетронутым богатствам далеко переросла производительные силы метрополии, напрягать все усилия для овладения Марокко, с целью недопущения Германии к захвату этой важной африканской области. И образования всякого рода „интернациональных" монополистических союзов капиталистов: картелей, трестов, синдикатов, где рука-об-руку работали

французские и немецкие капиталисты, не только не упрочивало дело мира, а, наоборот, обостряло отношения между государствами и толкало Европу и весь земной шар к мировой войне.

Вопрос о разделе африканского континента сыграл крупнейшую роль в происхождении мировой войны, вопреки мнению многих специалистов по вопросам внешней политики, в частности Милюкова, придававших африканским проблемам второстепенное значение в происхождении мировой войны. В статье „Константинополь и проливы", опубликованной в „Вестнике Европы", Милюков цитирует брошюру анонимного автора, появившуюся в Германии в 1913 г. под заглавием „Deutcshe Weltpolitik u. kein Krieg"—(Мировая политика Германии без войны). Можно ли без мировой войны достигнуть целей германской мировой политики? Автор отвечает: да, можно, но под тем условием, чтобы эта политика выбрала такое направление, на котором она не столкнулась бы с итересами Англии и России. И таким направлением может быть лишь политика дальнейшего германского колониального расширения в центральной Африке. Мировой политикой „без войны" могла бы быть, по мнению автора анонимной брошюры только политика африканская.

Наоборот, политикой mit Krieg (с войной) являлась бы политика малоазиатская.

Милюков вполне разделяет взгляды автора анонимной брошюры и считает эти взгляды пророческими. Мы не согласны с этой точкой зрения. В том-то и дело, что „африканская" политика Германии не могла ограничиться колониальным расширением только в центральной Африке, а направлялась, главным образом, к северо-западной части Африки, к берегам Средиземного моря, к Марокко. В другом месте мы доказываем, что именно в вопросе о Малой Азии ни Франция, ни Англия не обнаруживали особой склонности обострять конфликт с Германией и готовы были итти в случае, например, с Багдадской дорогой на любой компромисс с Германией. Поскольку „турецкий вопрос"—вопрос о разделе Оттоманского наследства—сыграл крупную роль в происхождении мировой войны, главными действующими лицами в этом малоазиатском конфликте и конфликте из-за обладания Босфором и Дарданеллами были не Германия и Англия или Франция, а Германия и Россия. Наоборот, в африканских вопросах непримиримыми противниками Германии являлись Франция и, особенно, Англия. Мы увидим, как Англия, готовая итти на всевозможные уступки в багдадском вопросе, не желала и слышать о каких-либо уступках Германии в Марокканском вопросе и толкала Францию к самому энергичному сопротивлению немецким планам в северо-западной части Черного континента и как в течение последних лет накануне войны Европа несколько раз находилась на волоске от мировой войны из-за Марокко. Можно сказать без преувеличения, что в течение этого периода Марокко играло в отношениях между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией, с другой, роль кнопки электрического провода к торпеде, подложенной под Европу. Не раз казалось, что одного прикосновения к кнопке достаточно, чтобы вызвать взрыв и наделать непоправимых бед. И, действительно, в конце-концов, благодаря невозможности для капиталистических государств разрешить мирным путем ряд проблем, вставших перед господствующими классами первоклассных держав, как в области европейской, так и азиатской и в особенности африканской политики, мировая война должна была вспыхнуть, как неизбежный результат борьбы за раздел последних остатков земного шара.

В. Коларов.

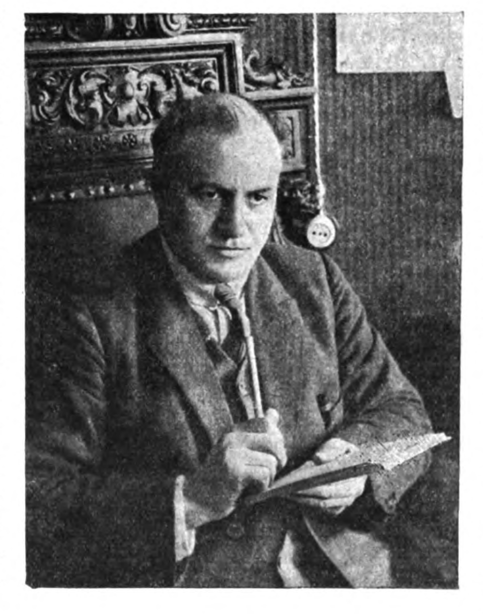
Балканы в мировой войне *).

I. Сараевское убийство и мировая война.

Балканский Союз и балканская война. Бухарестский мир.

Револьверный выстрел Принчипа, поваливший мертвым в Сараеве наследника австро-венгерского престола, воспламенил мировую войну. Конечно, наивно было бы думать, что убийство одной, хотя и высокопоставленной особы, могло бы повести к такому крупному историческому событию. В действительности война уже созрела и не доставало только искры для ее взрыва. Такой искрой, таким поводом и послужило сараевское убийство.

Два года до этого, во время балканской войны, империалистическим государствам ценой больших усилий удалось оградить мир от балканского пожара. Подготовка к гигантскому бою еще не была закончена, поэтому и „любовь к миру“ победила. Но балканская война была только вступлением к мировой войне. В течение ее великие государства постарались укрепить свои позиции в этом огромного стратегического значения крае и занять благоприятное исходное положение для решительного столкновения.



В. Коларов.

29-го февраля 1912 года тайным договором между Болгарией и Сербией был создан так-называемый Балканский Союз, к которому позже с особыми соглашениями примкнули Греция и Черногория. Первый раз балканские государства, которые разделяла долголетняя кровавая вражда, помирились, нашли точки соприкосновения между своими до сих пор противоречивыми „национальными“ интересами и согласились защищать их совместно.

Как это случилось?

Великим „примирителем“ балканских династий и буржуазий явилось русское царское правительство, очевидно, действовавшее в то же время и как представитель Франции. Надо было окружить тройственный союз с юга и пресечь путь германскому нашествию на Восток (Берлин—Багдад) путем создания мощной балканской коалиции под влиянием России. Это была главная цель, которая преследовалась болгарско-сербским союзом, фронт которого был повернут к северу. Но для создания болгарско-сербской дружбы необходимо было прежде всего разрешить раз навсегда спор между двумя государ-

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

ствами о Македонии. Вот почему февральский тайный договор предвидел раздел Македонии между ними, назначая в то же самое время русского царя арбитром для разрешения всех возможных споров по этому поводу. Что же касалось оппозиции Фердинанда, этого верного орудия австро-германской политики, петербургское правительство сломило ее, отпустив „царю болгар" для уравнения его запутанных счетов личный „заем" в несколько миллионов левов.

Так была подготовлена **балканская война.** После нескольких ударов почти все европейские владения султанов попали в руки союзников. После того, как русское правительство убедилось, что Царьграду не угрожают болезненные амбиции Фердинанда, оно отказалось от вмешательства; Австро-Венгрия же успокоилась только, когда Лондонская конференция вызвала к жизни „независимую" Албанию и этим преградила путь Сербии к Адриатическому морю. Однако, конфликт, вспыхнувший между союзниками-победителями, когда они приступили к дележу захваченных земель, привел к новым осложнениям. Венская дипломатия искусно толкала Болгарию к разрыву с ее союзниками, а русское царское правительство, став недвусмысленно на сторону Сербии и Греции, сделало кровавую развязку неизбежной. **Межсоюзническая война** на Балканах, для окончания которой сильно раздраженные петербургские круги бросили румынскую армию в тыл болгарской, превратилась в катастрофу для Болгарии. Бухарестский мир (июль 1913-го года) передал львиные доли турецкого наследства Греции и Сербии, а для Болгарии выделил только половину Западной Фракии и незначительный кусок Македонии, взамен же этого отнял у нее и передал Румынии богатый Добруджинский край.

Однако, поражение Болгарии было в то же время и поражением балканской политики русского царизма. Балканский блок был разбит и в тылу увеличенной Сербии, этого русского аванпоста на Балканах, был создан непримиримый и озлобленный враг, естественно попавший в круг влияния центральных государств. **Место Болгарии в грядущей мировой войне было определено еще в 1913 году в Бухаресте.**

II. Австрийский ультиматум и начало войны.

Вмешательство Болгарии и катастрофа Сербии.

Сараевское убийство произошло на почве национальных движений в старой австро-венгерской монархии. Южные славяне, населяющие Боснию, Герцеговину, Кроацию, Словению и проч., вели национальную борьбу против немецкой и венгерской гегемонии. Сербская буржуазия естественно разжигала эту борьбу, превращая ее в орудие своей захватнической политики против Австро-Венгрии. Тут она имела полную поддержку русского царского правительства. Сербская национальная пропаганда на севере усилилась особенно после балканской войны, которая принесла Сербии бо́льшую часть Македонии и этим удовлетворила на юге территориальные домогательства самых разнузданных сербских националистов. Дальнейшие территориальные расширения и выход к морю, к которому Сербия всеми силами стремилась, она могла получить только после разгрома Дунайской монархии. Поэтому в сараевском убийстве, нити которого вели к Белграду, венское правительство усмотрело начало новой оффензивы против монархии. Оно ответило на него, посылая сербскому правительству **ультиматум**, который, однако, последнее отвергло. Ясно стало, что Австро-Венгрия, опираясь на Германию, решила воевать с риском даже зажечь мировую войну. Ясно стало далее, что и царская Россия, приказывающая в Белграде, была тоже готова пойти на риск мирового пожара.

Итак, на берегах Дуная раздался грохот пушек, не перестававший оглашать весь мир больше четырех лет.

Каждый может себе представить, какую безграничную радость вызвал у болгарской националистической буржуазии и у ее коронованного вождя австрийский ультиматум. При демобилизации после бухарестского мира царь Фердинанд, выражая этим сокровенные чувства и чаяния всей болгарской буржуазии, заявил, что болгарское войско сворачивает свои боевые знамена для лучших времен. И вот эти лучшие времена наступили раньше, чем можно было ожидать. „Вероломную Сербию" уже приперли к стене и бухарестский счет безусловно придется пересмотреть.

Когда вспыхнула война, никто в стране не сомневался, что Болгария вмешается в нее. Буржуазия двух течений—русофильского и германофильского—считала, что пробил великий час для болгарского народа осуществить свой национальный идеал—национальное об'единение. Ведь обе воюющие коалиции об'являли, что они воюют за „торжество права" и за „свободу маленьких народов". Оставалось только решить вопрос: на какой стороне будет воевать Болгария и в какой момент она вмешается? По этому вопросу буржуазия раскололась на две группы: в то время как русофильская оппозиция утверждала, что необходимо вмешаться немедленно и то на стороне Согласия, правительство опираясь на царя и германофильские (либеральные) партии, твердо решило заключить союз с центральными государствами, об'явив, однако, временный нейтралитет.

На деле позиция германофилов была несравненно сильнее. Во-первых, русский царизм был сильно скомпрометирован своим поведением во время балканской войны, когда он открыто встал на сторону сербов и толкнул румын в тыл Болгарии; вследствие этого русофильская политика считалась окончательно обанкротившейся. Во-вторых, незадолго до начала войны, когда болгарское правительство попросило заем, французские банки поставили условием подчинение Болгарии политике Петрограда и отказ от всяких возражений против бухарестского мира; по этой причине заем был сделан в Германии, хотя и на очень тяжелых финансовых и экономических условиях. В-третьих, в то время как Антанта, связанная договором с Сербией, не могла обещать ничего реального Болгарии по существеннейшему для нее вопросу—македонскому,—центральные государства могли быть неограниченно щедрыми в этом отношении: заключенный позже союзнический договор отдавал всю Македонию болгарам и предвидел не более,—не менее как раздел Сербии между Болгарией и Австро-Венгрией. Благодаря посредничеству германского правительства и Турция согласилась сделать некоторые территориальные уступки на Фракийской границе. В таких условиях все усилия России, Англии и Франции, в том числе и грандиозные подкупы, известные под именем **Деклозиеровой аферы**, оказались тщетными, и 29-го сентября 1915 года болгарская армия была брошена в тыл сербской армии, атакованной одновременно германским генералом Макензеном. В короткое время сербская армия была разбита, и ее остатки отброшены в горные пустыни Албании. Катастрофа, более страшная той, которая постигла болгарский народ в 1913 году, обрушилась на сербский народ. Успехи на поле брани сплотили вокруг „национальной программы" германофильского правительства все буржуазные партии Болгарии и меньшевиков („широких" социалистов).

III. Борьба за Румынию.

Ее вмешательство и поражение. Второй бухарестский мир и оккупация Бессарабии.

Румынию связывал с центральными государствами тайный военный договор, заключенный еще в 1883 году ее королем. Это было скоро после Берлинского конгресса (1879 год), передавшего России Бессарабию взамен Добруджи, присоединенной к Румынии за счет Болгарии. С тех пор, однако, международное положение Румынии существенно изменилось. Благодаря поддержке русского правительства, румынская армия предприняла летом 1913 года свой бескровный поход на Болгарию и оторвала от территории последней жирный кусок южной Добруджи. Сколь ценной ни являлась для румынских помещиков

Бессарабия, все же национальные интересы Румынии в Трансильвании, Буковине, Банате и проч. австро-венгерских областях, где жило огромное число румын, стояли выше. Италия, являвшаяся союзницей центральных государств с того же времени, отказалась выполнить свой союзнический долг. По этим причинам преобладающая часть румынской олигархии высказалась решительным образом против старого короля, когда он через несколько дней после начала мировой войны предложил, чтобы Румыния выполнила свой союзный договор.

Не подлежало сомнению, что Румыния вмешается в войну. В этом пункте не было никакого спора между политическими факторами. Спор, как и в Болгарии, состоял только в том: на какой стороне и в какой момент? Образцом политики Румынии должно было служить ее поведение во время балканской войны: откладывать вмешательство до последнего момента и, таким образом, не подвергать армию риску поражения. Вмешаться только тогда, когда ее участие в войне превратится скорее в преследование побежденного врага и в оккупацию земель, на которые она претендовала.

Обе воюющие группы с самого начала войны пустили в ход все средства для того, чтобы привлечь Румынию на свою сторону. Ни в какой другой стране коррупция не нашла себе столь яркого выражения, как здесь. Тайные царские архивы, опубликованные после октябрьской революции, раскрыли качество и количество „аргументов", выставленных союзниками для поддержки своей политики. Еще более крупные деньги истратили центральные государства, задача которых была менее благодарной. Вся буржуазная печать была подкуплена той или иной стороной. Однако, спор должен был быть разрешен более существенными интересами. Румынские помещики, самый могущественный класс страны, в экономическом отношении были крепче связаны с западными государствами, являющимися покупателями их земледельческих продуктов, чем с германскими капиталистами, влияние которых преобладало только в области слабо развитой румынской промышленности. В этом заключалось огромное преимущество Антанты в Румынии. С точки зрения территориальных стремлений перевес был опять-таки на ее стороне. Румынские правительственные круги стремились получить некоторые территориальные уступки и в Бессарабии. Однако, они наткнулись на решительный отказ Петроградского правительства, которое долго не соглашалось признать даже все претензии Румынии на Буковину. Решение Италии воевать против своих бывших союзников также усилило позиции Антанты в Румынии. Со смертью же старого короля, связанного с германским двором родственными и долголетними союзническими связями, в его лице исчезло последнее препятствие для активной политики в сторону Антанты.

В таких условиях задача центральных государств состояла скорее в том, чтобы удержать Румынию от вмешательства, чем в том, чтобы завоевать ее, как союзника, на свою сторону. Однако, убедившись окончательно в том, что румынская армия будет их врагом, они постарались сосредоточить болгарскую армию за ее спиной, часть которой после разгрома Сербии находилась в бездействии. Болгарская буржуазия, перед которой открывалась соблазнительная перспектива возвратить под свою власть богатый кусок Добруджи, с готовностью пошла на это.

Румыния вступила в войну 28-го августа 1916 года. После поражения на итальянском фронте и разгрома русской армии в Галиции, Франции удалось получить согласие русского правительства на румынские претензии в Буковине. Однако, после некоторого успеха русских в Карпатах на Румынию обрушилась неописуемая катастрофа. Ее армия была разбита и большей частью уничтожена, огромная часть ее территории оккупирована, остальная часть спасена, благодаря русской помощи. Это поражение, с одной стороны, отдало в распоряжение истощенных центральных государств огромные материальные запасы Румынии, с другой стороны, возложило на русскую армию, чувствительно ослабленную после поражения в Галиции, задачу оборонять еще и румынский фронт.

После Брест-Литовского мира румынские помещики почуяли, что им удастся возместить требуемые от них победоносными центральными государствами территориальные уступки захватом Бессарабии. Поэтому они согласились заключить с ними **сепаратный мир**, в силу которого отказались от всей Добруджи и сделали еще некоторые территориальные уступки Австро-Венгрии. На самом деле, немного спустя они использовали хаос, вызванный гражданской войной на Украине и ворвались в Бессарабию.

IV. Борьба за Грецию.

Салоникская республика. Переворот в Афинах и „самоопределение" Греции.

Международная политика Греции, как и всех остальных балканских государств, колебалась между полюсами Согласия и центральных государств. Круги богатых купцов и владельцев судов, находившиеся в полной зависимости от английского капитала, естественно, являлись орудием влияния Антанты. Во главе их находился Венизелос, который стоял за активную поддержку Антанты. Король Константин, родственник (по жене) германского кайзера, наоборот, являлся агентом германской политики. Он использовал миролюбивое настроение мелкой буржуазии и отстаивал нейтралитет Греции. Греческий народ помнил, кроме того, что только благодаря поддержке Германии, после межсоюзнической войны 1913 г., он получил город Кавала. Что мог бы он еще приобрести своим вмешательством в войну? Согласие было не в состоянии обещать Греции никаких непосредственных территориальных приобретений. Константинополь и области его имели гораздо более серьезного претендента в лице царской России, а обещать Греции расширение за счет Болгарии, пока последняя не определилась на сторону центральных государств, было невозможно. Поэтому Греция на некоторое время сохранила свой нейтралитет.

Однако, в тот момент, когда Болгария решилась воевать и угрожала тылу сербской армии, греческий вопрос вступил в критическую фазу. Антанта во что бы то ни стало решила бросить Грецию на фланг Болгарии. Не успев склонить короля Константина, она нарушила нейтралитет Греции, высадив в Салониках экспедиционный корпус на помощь Сербии, находившейся в опасности. Корпус этот, разгромленный болгарской армией, отступил на позицию в пределах греческой территории. Позже с его помощью Венизелос вырвал Салоникскую область из-под власти Афинского правительства и вмешался в войну. Итак, в то время, как афинское правительство, оторванное территориально от театра военных действий, соблюдало нейтралитет, Салоникское правительство, наоборот, воевало на стороне Антанты.

Но по мере того, как война продолжалась, Антанте понадобилось участие всего греческого народа для удержания балканского фронта. Маленькая „революция" в Афинах при помощи флота Антанты разрешила вопрос. Король Константин был свергнут, Венизелос стал хозяином всей Греции, и, таким образом, греческий народ „самоопределился" „свободно" на сторону Антанты.

V. Отношение балканской соц.-дем. к войне.

Революционная социал-демократия на Балканах, об'единенная с 1910 года в Балканскую Социалистическую Федерацию, всегда боролась против подстрекательств к войне балканской националистической буржуазии и балканских династий, выставляя лозунг **балканской федеративной республики**. Хотя и слабые для того, чтобы изменить ход событий, революционные социалисты Болгарии, Сербии и Румынии во время балканской войны стали на враждебную войне позицию и тем спасли международную солидарность балканских рабочих. Румынские социалисты протестовали против вмешательства Румынии в войну и высказались решительно против захвата ею Южной Добруджи. Большего в тот момент балканские социалисты сделать не могли.

Они остались верными международному социализму и во время мировой войны. Только на этот раз их решительное противодействие войне имело гораздо большее политическое значение. Сербские социалистические депутаты протестовали в парламенте против войны и голосовали против военных кредитов, хотя и было ясно, что австро-венгерская монархия угрожала независимости сербского государства. Они понимали, что в империалистической войне не может быть и речи о „наступательной" и „оборонительной" войне и о „защите отечества". Болгарские революционные социалисты (тесняки) боролись одинаково против обоих воинственных течений буржуазии, разоблачая притворный нейтралитет одного и другого. В момент мобилизации социалистические депутаты обратились с воззванием к народным массам, приглашая их бороться против готовящейся войны. В парламенте они голосовали против всех военных кредитов и военных мероприятий правительства. Также и румынские социалисты высказались против вмешательства Румынии в войну. Только исключительные военные мероприятия сломили их оппозицию.

Балканские социалисты вели пропаганду и во время войны. В тылу и в окопах печатным и устным словом они разжигали недовольство масс и руководили их борьбой за мир. Их деятельность усилилась и приняла явно революционный характер после русской революции. Они восприняли методы революционной пропаганды большевиков и указывали на опыт октябрьской революции, приглашая массы последовать примеру русских рабочих и крестьян. Они поплатились многими жертвами, арестованными и расстрелянными за свою борьбу против войны.

VI. Бунт болгарской армии и конец войны.

Румынский поход в Венгрию. Греческая катастрофа. Заключение.

Революционная пропаганда нашла благоприятную почву среди болгарских рабочих и крестьян—на фронтах и в тылу. Измученные и бедствующие женщины демонстративно требовали, чтобы вернули с войны их мужей. К ним присоединилось все рабочее население бурными демонстрациями против войны. Духом бунта были охвачены усталые и невыразимо страдавшие от тупости и преступности генералов и правительства солдаты. Никакие увещания больше не помогали. Солдаты открыто заявляли, что они покинут фронт, если не будет заключен мир, и выставляли срок. И на самом деле, когда убедились, что и смена правительства не принесла мира, 15-го сентября 1918 года они покинули фронт. Этим и началась развязка войны на Балканах. Болгарское правительство было принуждено немедленно просить сепаратного перемирия, каковое и было заключено в Салониках в конце сентября.

Бунтующая армия предприняла наступление на Софию, однако, с помощью находящихся в Болгарии германских войск оно было отбито. Все же результатом этого похода был отказ от престола царя Фердинанда и его бегство из Болгарии.

После болгарской катастрофы турецкое правительство поторопилось тоже заключить сепаратное перемирие, а бунт австрийской армии выбил из строя и монархию Габсбургов. Вскоре за этим последовала и капитуляция Германии на западном фронте.

Однако, долго после этого Балканы не успокоились. Румынская армия, после отступления германских корпусов захватившая все австро-венгерские территории на которые претендовала румынская буржуазия, продолжала триумфально наступать в Венгрии, грабя беспощадно страну. Ее поход временно был остановлен венгерской красной армией. После поражения последней соединенными силами венгерской контр-революции и соглашательских войск румынские помещики закончили „войну", ограбив основательно Будапешт.

Сербская армия переступила через Дунай и захватила все южно-славянские области, на которые сербская буржуазия претендовала. Эти земли, вместе со старым сербским королевством, образовали теперешнюю Юго-Славию. Антанта попробовала послать против Советской Венгрии и сербскую армию, однако, последняя, в значительной мере революционизированная, отказалась итти.

Греческая армия оккупировала Фракию, но греческие империалисты, мечтавшие о восстановлении Византийской империи, по поручению Англии взяли на себя тяжелую обязанность разгромить революционное правительство Ангоры. После некоторых успехов греческая авантюра в Малой Азии в сентябре 1922 года кончилась катастрофическим поражением. Греческая армия, разбитая окончательно и спасающаяся на пароходах, взбунтовалась и с ее помощью было низвергнуто правительство и изгнан король.

Все балканские государства пережили тяжелые катастрофы во время войны. Управляемые алчной на завоевания буржуазией и предательскими династиями, верными орудиями завоевательной политики великих держав, балканские народы поплатились дорого за свои националистические иллюзии. Они все разорены, ограблены и обескровлены. Победители и побежденные,—все сделались добычей международных хищников.

Болгария не только не осуществила своих „национальных идеалов", но и потеряла часть своей старой территории. Болгарский народ сгибается под тяжестью невыносимых репарационных обязательств. Правда, что румынская и сербская буржуазия подчинили своей власти обширные территории с многочисленным населением, однако, их страны так разорены в экономическом и финансовом отношении войнами, что никакие репарации не в состоянии их восстановить. А многонациональный характер Юго-Славии и Румынии является неисчерпаемым источником тяжелых внутренних кризисов и национальных движений, угрожающих их целости. Македонский, фракийский и добруджинский вопросы, вызывавшие серьезные конфликты между балканскими народами, остались опять неразрешенными. К ним прибавились новые спорные вопросы. Нарушенное равновесие на Балканах в пользу Юго-Славии и Румынии и в ущерб Болгарии, Греции и Албании является тоже причиной увеличения захватнических аппетитов, обострения взаимных отношений, недоверия и интриг. Десятилетняя война на Балканах не только не устранила причин, вызывающих войны, но создала условия для новых, более гибельных войн.

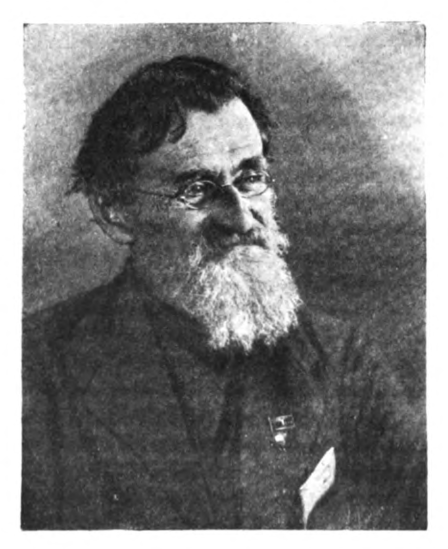
Однако, среди неописуемого балканского хаоса замечаются и светлые точки. Это — рост революционных сил, которые единственно способны будут установить порядок и обеспечить мир на Балканах. Рабочие и крестьянские массы, прошедшие школу военных катастроф, научившись на русской революции и на своей собственной революционной борьбе, единым фронтом, под руководством коммунистических партий и Балканской Коммунистической Федерации, готовятся нанести решительные удары виновникам войн, анархии и народных бедствий — капиталистам, помещикам и династиям. И вместе с установлением рабоче-крестьянской власти в каждом балканском государстве будет создан свободный Союз балканских рабоче-крестьянских республик.

Феликс Кон.

Польский вопрос в мировой войне[*].

Империалистическая война уже в силу того, что это была война между государствами, разделившими Польшу,—между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией,—с другой,—не могла не выдвинуть с первого же момента польского вопроса. Война неизбежно должна была происходить на территории Польши и отношение польского населения к воюющим сторонам имело для каждой из них огромное значение. Неудивительно поэтому, что как та, так и другая сторона при об'явлении войны пыталась в этот роковой для каждой из них момент расположить к себе население Польши, привлечь его на свою сторону.

Россия в пресловутом манифесте Николая Николаевича звала поляков на бой с „вековым врагом всего славянства", вспоминая о боях, которые происходили 500 лет тому назад, и в награду сулила об'единение всех частей Польши под скипетром Романовых... Германия и Австрия указывали на варварство России, звали „культурную" Польшу на борьбу с „азиатчиной", обещая освобождение от ига царизма, но не связываясь при этом никакими более точно сформулированными обязательствами и ограничиваясь призывом „довериться благородству" обоих монархов Франца-Иосифа и Вильгельма II.



Феликс Кон.

На эти призывы со стороны господствующих классов Польши последовал весьма характерный отклик.

В Царстве Польском — стране промышленной — буржуазия, заинтересованная в русских, сибирских и восточных рынках, ориентировалась на Россию; в земледельческих — б. Австрийской и Прусской Польше — польские аграрии, опасаясь конкуренции дешевого в то время русского хлеба и скота и заинтересованные в сохранении эмиссионных застав, ориентировались на центральные державы. Первые мирились с предлагаемым Россией об'единением всех частей Польши под властью России, довольствуясь той или другой формой автономии; вторые соглашались на оставление т.-н. „герцогства Познанского" в руках Пруссии и довольствовались унией Царства Польского и Галиции с Австро-Венгрией.

Заинтересованные, как класс, в победе того государства, к которому принадлежали, польские помещики по одну сторону фронта войны и польские капиталисты по другую не остались пассивными свидетелями кровавого состязания, „приняли войну" не за страх, а за свою классовую совесть, и, кроме обычной кровавой дани, взимаемой буржуазными государствами с рабочих и крестьян, ими была принесена добавочная „добровольная" дань

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

на алтарь войны. И в России, и в Австрии организовывались „легионы" на помощь воюющим армиям.

В Царстве Польском господствующие классы наткнулись на сопротивление социалистических партий.

В воззвании, подписанном „Краевым Советом социал-демократии Польши и Литвы", „Главным Советом социал-демократии Польши и Литвы", „Центральным Рабочим Комитетом Польской Социалистической партии" (PPS) и Центральным комитетом „Бунда", рабочим указывалось на то, „что не защита народных интересов, не борьба за свободу народа и национальностей, не национальные противоположности явились причиной настоящей войны"; и затем следовал призыв: „долой войну!" Таков крик, который вырвался из уст миллионов демонстрировавших рабочих всех стран и народов. Политике войны всех против всех пролетариат противопоставляет международную солидарность братства революционного духа, общее стремление к устранению существующей системы эксплоатации и угнетения и к введению социалистического строя.

Это противодействие войне, с одной стороны; быстрота и натиск наступавшей германско-австрийской армии, и со стороны т.-н. „революционной фракции" П. П. С.—нынешних пепэсовцев, с другой; агитация за восстание против „москаля", с третьей,—свели на-нет попытки организовать в Царстве Польском сколько-нибудь сильные легионы.

Иначе сложились обстоятельства по ту сторону фронта. Там еще с 1912 года существовала „временная комиссия об'единенных партий борьбы за независимость", которая ставила себе целью подготовить Польшу к борьбе за освобождение не всей Польши, а лишь той части, которая принадлежала к России, при чем „комиссия" уже тогда проводила идею повстанческой борьбы против России, рука-об-руку с центральными государствами.

В состав этой „комиссии" входила и т.-н. революционная фракция П. П. С. и Польская социал-демократическая партия Галиции и Силезии.

Последняя, когда вспыхнула война, звала к „оружию, на бой с царизмом", об'единилась со всеми буржуазными партиями, приняла самое активное участие в организации легионов, фактически поступавших в распоряжение немецкого и австрийского командования. Общими усилиями и с благословения обоих кайзеров был организован „Главный Национальный Комитет", который об'явил, что „легионы, как составная часть империалистической и капиталистической армии, ведут борьбу против России. Легионы—это наша благодарность благороднейшему монарху, которому мы обязаны своими национальными правами. Но легионы созданы и в польских государственных интересах: Польское государство в об'единении с Австро-Венгерской монархией является реальным и прочным разрешением польского вопроса"...

Правительства обоих кайзеров в первой стадии войны не выдвигали никакого решения польского вопроса, но не ставили никаких препятствий своим польским сотрудникам, чем бы те ни тешились, лишь бы они поставляли нужное им пушечное мясо...

Нельзя забывать, что проявленные в начале войны быстрота и натиск центральных армий продолжались недолго. Дело затягивалось, людской материал Германии и Австрии иссякал, а к Антанте присоединялись новые союзники: в 1915 году — Италия, в 1916 г.— Румыния. Война вступила в ту стадию, когда исход ее решает не тот или другой успех на том или другом участке фронта, а возможность продержаться дольше, чем противник.

Польские сторонники союза с центральными державами отдавали себе вполне ясный отчет в положении и на этом строили свои планы.

„Все государства и борющиеся армии,—пишет один из сторонников германской ориентации в ноябре 1915 г.,—уже выкачали из своих жителей и обществ такое количество жизненных соков человеческого материала, денег и провианта, какого впредь уже не в состоянии получить... Теперь все это пойдет на убыль.

Собственно говоря, победа уже на стороне центральных держав, и если бы в данный момент был заключен мир, то за ними была бы признана и честь победителя, и выгода, но сопротивление со стороны противника вынуждает их к дальнейшей борьбе.

На этом фоне выдвигается для центральных держав вопрос огромнейшего значения—вопрос о польской вооруженной силе, направленной против России. Польша, как союзник центральных держав в борьбе, могла бы сделаться средостением между востоком и западом и могла бы освободить огромное количество немецких и австрийских войск, оберегающих восточный фронт, эти войска могли бы быть направлены на западный и южный фронт, и это решило бы исход войны".

За предлагаемое центральным державам польское пушечное мясо торговцы этим мясом просили недорого:

„Признание за Царством Польским тех прав, какие признал за ними Конгресс 1815 г., разрешение на создание собственной армии и собственного правительства—вот пути, по которым могут итти центральные государства для того, чтобы обрести нового союзника".

Чем тяжелее становилось положение центральных держав на фронте, тем уступчивее становились они по отношению к формальной стороне вопроса, отлично сознавая, что когда „мавр свое сделает"—мавра можно будет лишить всего, что ему было дано.

С момента оккупации, как известно, Польша была разделена оккупантами на два генерал-губернаторства: германское и австрийское. Для того, чтобы успешнее выкачать из Польши все необходимое для войны, 5 ноября 1916 г. был обоими генерал-губернаторами издан манифест, в котором говорилось:

„Его императорское величество император Германии и его императорское величество император Австрии и апостольский король Венгрии постановили из этих земель (земель только Царства Польского) создать самостоятельное государство с наследственной монархией и коституционным строем. Новое королевство найдет необходимую гарантию свободного развития своих сил в его связи с союзными государствами".

Центральные государства далее не пытались маскировать того, что единственной целью этого манифеста было создание условий, отвечающих требованиям международного права, для того, чтобы из оккупированного Царства Польского выкачать нужное количество людей. Для этого и только для этого оккупированная страна превращалась в „самостоятельную и независимую"... Четыре года спустя был об'явлен набор, при чем новобранцы приводились к присяге на „верность польскому отечеству, германскому императору, как главнокомандующему, и монархам обеих центральных держав, как гарантирующим существование польского государства".

Одновременно с этим по отношению к рабочим принимались понудительные средства для того, чтобы по выражению генерал-губернатора фон-Безелера „понудить лентяев к труду".

Отметим еще один весьма существенный момент: 15 декабря 1916 г. этот же генерал-губернатор Безелер заявил:

„В настоящее время можно говорить не о создании самостоятельной польской государственности, а лишь о сотрудничестве с нами".

Как понимали центральные державы это „сотрудничество" видно из речи лидера П. П. С., Дашинского, который с самого начала войны шел „плечо к плечу с центральными державами", когда революционные громы развязали ему язык и он перебрасывал мост, чтобы перекинуться от центральных держав к державам Антанты.

Такая речь была произнесена им в Венском парламенте 3 октября 1918 г.:

„Вместо того, чтобы блюсти порядок в стране, ее грабили, обкрадывали, составляли воровские статистические данные, брали на учет каждую курицу, которая должна была нести яйца для голодных пруссаков. Ограбили все—наших лошадей и коров, наш лес и железо, наши машины, промышленность, торговлю—и все это поволокли в Германию. Но

это не все. Так как землю нельзя было ограбить, то решили и ее превратить в ничто, лишить всякой ценности и вывезли из Польши в Германию 700.000 рабочих, как негров, как рабов; самым мерзким образом устраивалась охота на людей... По деревням устраивали кинематографические представления с определенной целью: захватить зрителей и отправить в Германию".

С 5 ноября 1916 г. „свободная и независимая" Польша начала во всей широте испытывать эту „милость" кайзеров—свободу...

Гнет и репрессии, введение предварительной цензуры, установление прусских школьных инспекторов для наблюдения за польской школой, шпионаж, интернирование всех „супротивных" и прежде всего и главным образом деятелей рабочего движения,—вот те цветочки независимости, которые расцвели под первым дуновением австро-прусской весны... Ко всему этому присоединялось расчленение быв. Царства Польского на две части: одна управлялась по прусской системе, другая—по австрийской. Сношения между одной и другой были крайне затруднены.

До тех пор, пока Россией правил Николай II и Польша в перспективе видела возвращение Клейгельсов и Скалонов в качестве выполнителей царского режима польского вопроса, даже такое гогенцоллернское решение казалось господствующим классам Польши приемлемым. Погоня за „белыми неграми" их не касалась, в лице Гогенцоллернов они видели надежных защитников своих классовых привилегий; об'явленная Германией и Австрией „независимость", несмотря на всю ее призрачность, открывала перед помещиками и капиталистами новые перспективы—возможность участия в правительстве,—все это создавало почву для германской ориентации. Открытие польского университета в Варшаве, а впоследствии установление регентства в лице архиепископа краковского, князя Любомирского и графа Островского, воплощавшего в жизнь пресловутую троицу—духовенство, дворянство, капитал—мирили господствующие классы с Гогенцоллернами и Габсбургами, несмотря на активную борьбу той их части, которая, опасаясь потери русских и восточных рынков, обивала пороги английских и французских министерств, добиваясь того, чтобы они напали на русское царское правительство и заставили его сделать определенные уступки полякам и этим парализовать австро-германскую игру.

В это время произошло событие, совершенно не предусмотренное, по крайней мере. в связи с польским вопросом, ни той, ни другой воюющей стороной—Февральская революция,

В судьбах Польши это событие сыграло огромную роль. Революция ослабила восточный антигерманский фронт и нужда в польском пушечном мясе уже была для Германии не столь ощутительной, как раньше.

С этого момента перед германским и австрийским правительством не мог не встать вопрос, насколько безопасна для них самих игра в „независимость Польши". До тех пор, пока это было необходимо, они вели эту игру, но с выпадением России из Антанты (хотя бы не формальным, но фактическим) крайней необходимости прибегать к этой игре не было... Дело осложнилось еще декларацией Петроградского Совета Рабочих Депутатов и изданной под давлением рабочих масс декларацией Временного Правительства о признании независимости Польши. С момента падения царизма главнейший козырь в руках Германии и Австрии был выбит. Порабощение, руссификация, деспотизм, азиатское варварство — все то, что выдвигалось ими для замаскирования действительной цели набора и для борьбы с чем призывались поляки—все это отпало. Среди сторонников германской и австрийской ориентации начало замечаться колебание, вызванная крайняя разруха и экономическое обессиление обеих центральных держав заставляло задумываться, отвечает ли классовым интересам господствующих слоев связь с ними, не окажется ли Польша в целом по отношению к ним в таком положении, в каком была до войны Галиция по отношению к Австрии и Познанская область—по отношению к Германии.

Систематическое разрушение промышленности Царства Польского германскими сатрапами довершило дело. Последовал резкий поворот в настроениях, нашедший свое отражение

в приведенной нами выше речи Дашинского. Германские оккупанты учли эту перемену и, усматривая в легионах, как единственной, хотя и слабой, но все же вооруженной силе, опасность, провоцировали разрыв. Легионерам в июле 1917 года было предложено принести присягу, в которой они должны были поклясться „в нынешней войне остаться верными братскому вооруженному союзу с армией Германии и Австро-Венгрии и государств, находящихся в союзе с ними".

Большинство легионеров отказалось принести такую присягу и было немедленно разоружено и интернировано.

Вскоре события на западном фронте убедили Германию, что выпадение России не решает вопроса о войне, что она продолжается и исход ее может оказаться для Германии и Австро-Венгрии весьма печальным. И Германия возобновляет прежнюю игру. 12 сентября 1917 года устанавливается регентство, о котором мы упоминали выше. Польские паны пошли и на это, но мелкая буржуазия и часть масс, поставлявшие под их влиянием пушечное мясо для Германии, разочарованные отшатнулись от них. Дело Германии было проиграно. В Польше начался поворот в сторону Антанты. На авансцену выступают те, которые с самого начала войны ориентировались на восточные рынки и в Думе от имени польского народа поклялись верно служить Романовым. Они уже раньше обивали пороги Вильсонов, Пуанкаре и Ллойд-Джорджей, организовывали легионы в Америке и во Франции, а после февральской революции козыряли тем, что восстановленная Польша заменит выбывшую из строя Россию.

Брестский мир, заключенный между Германией и Украинской Радой, в связи с обещаниями Германии присоединить к „независимой Украине" Вост. Галицию и Холмщину, облегчил и в Польше работу сторонников Антанты, а революция в Германии окончательно ликвидировала ориентацию на Германию.

Таким образом, не война, а революция в России и в Германии решила польский вопрос, восстановила Польшу. Это восстановление было оформлено Версальским договором, а затем по мере проявлявшейся потребности в польском пушечном мясе договорами, расширявшими границы Речи Посполитой за этнографические пределы. Угнетенная раньше Польша стала угнетательницей. В состав ее входят 40% не польского населения, насильно к ней присоединенного. Это население всеми силами бьется за свое освобождение, и польское государство, потрясаемое, с одной стороны, борющимся за свое освобождение пролетариатом и задыхающимся от безземелья многомиллионным крестьянством, с другой— угнетенными национальностями, изнемогающее под тяжестью вооружений, без которых оно не представляет никакой цены для, якобы, создавших его „союзников", продолжает оставаться на краю пропасти... Германские шовинисты считают его „сезонным" государством. Поскольку они имеют в виду панскую Польшу, они правы, но на смену панской Польше идет рабочая и крестьянская Польша, которая покончит с этой сезонностью и в братском единении со всеми национальностями и с соседними народами создаст не „сезонную", а мощную, действительно независимую не только от других государств, но и от европейских банкиров Советскую Республику, могущественную и непобедимую. Тогда, и только тогда будет решен польский вопрос.

ен Катаяма.

Роль Японии в мировой войне *).

В течение последней мировой войны было мало наций, которые выгадали от нее. Явным же образом, получившими большую военную прибыль были Америка и Япония. Америка является страной, сделавшейся могущественнее и богаче благодаря войне. В настоящее время Американский морской флот равен (если не больше в действительности) морским силам Великобритании. Америка имеет свыше сорока процентов всего мирового запаса золота, в то время, как остальные страны ощущают в нем большой недостаток. Япония также обогатилась за счет войны и расширила свою промышленность и торговлю, получив новые военные рынки, потому что на этом поприще у нее не было европейских конкурентов.



Сен Катаяма.

На Японию выпала в мировой войне легкая роль, благодаря ее географическому положению. Когда началась мировая война, Японию возглавляло министерство Окума, который сформировал квази-либеральный кабинет 16-го апреля 1914 года, сменив кабинет Ямамото, который пал из-за морского скандала. 15-го августа Япония послала Германии ультиматум с требованием сдачи Киао-Чау „для окончательного восстановления Китая",— фраза, без сомнения, добавленная для успокоения общественного мнения Китая. Германия, конечно не могла согласиться с требованием Японии. Окума был использован милитаристической кликой, игравшей на популярности государственного человека в качестве видного члена палаты общин Японии; хотя он был из нового дворянства, все же его имя всегда связывалось с либеральным движением страны. Военные круги хотели бы иметь премьером Киоуру, но он, будучи не популярным, не мог бы сформировать иного кабинета, как только из ультра-консервативных бюрократов. Чтобы спасти положение слабеющей военной мощи, бюрократия призвала для формирования кабинета популярного Окуму под тем условием, чтобы Окума верно служил милитаристической клике, делая все, что последняя пожелает и что она сама не может выполнить из-за боязни народа. И Окума все это выполнил для милитаристической клики: увеличил вооружение, завладел Шоньтунь (Shantung), захватил Киао-Чау и служил милитаристической бюрократии в течение двух с половиной лет.

Окума оказался под непосредственным контролем принца Иамагота, генералиссимуса, и старых политиков. То, что Окума сделал для японской милитаристической клики, до некоторой степени похоже на то, что сделал для английского класса капиталистов

*) Написано для настоящего сборника.

Макдональд, используя популярность правительства рабочей партии. Широкие массы не интересовались войной и, в частности, взятием Киао-Чау. Этим интересовались лишь милитаристическая клика и раболепная пресса, находившаяся под непосредственным влиянием военщины. Они были очень заинтересованы в военной операции против Тзингтао (Tsingtao), т. к. со времени русско-японской войны японские милитаристы старались использовать вооружения так, как это только было возможно, и теперь им представился прекрасный случай для их употребления против германского Киао-Чау.

Многие критиковали премьера Окуму за поспешное вступление в войну на стороне союзников, хотя, как сказано, Япония только выиграла от подписания японско-английского союзного договора. Он ответственен за пред'явление китайскому правительству ныне знаменитых или вернее бесславных „двадцати одного требования", которые сделали Японию совершенно непопулярной среди китайского народа. Конечно, Окума был простой пешкой японской военщины и явно действовал в интересах милитаристической клики.

В то время многие интеллигентные люди считали, что Германия выиграет войну и что японское правительство стоит на проигрышной стороне войны, и, конечно, милитаристы думали, что Германия—их учитель в военном деле—наверное выиграет войну и остро интересовались ее исходом, в то время, как большая часть народа очень мало интересовалась течением войны. Они более интересовались Российской Революцией. Но правительство официально и открыто поддерживало союзников и их цели.

Основная задача японского военного командования заключалась в том, чтобы охранять безопасность плавания союзных судов в Тихом океане, и поистине Япония сделалась для Англии „сторожевым псом" в течение столь продолжительной войны. Ее флот и моряки сделались прямыми агентами Джон Булля для подавления индусских восстаний, как это было в Сингаполе. Ее войска преследовали германские военные суда и занимали в южных морях германские владения для Англии. Конечно, Япония играла важную роль в войне, так как она давала возможность Англии получать мясо и масло из Австралии и Новой Зеландии без всяких затруднений в виду отсутствия в Тихом океане германских подводных лодок. Япония извинилась за то, что она не шлет войск на европейские театры войны, об'ясняя это большим расстоянием, но она наводнила Сибирь войсками в количестве в десять раз превышающем то число, на котором она сговорилась с Америкой и другими!

В Сибири японские войска произвели огромные разрушения с 1918 по 1923 г. Япония была величайшей угрозой для русской революции. Таким образом Япония сыграла грязнейшую и жестокую роль в сибирской интервенции союзников, истратив почти семьсот миллионов иен и разрушив жизнь и имущество русских в Сибири совершенно безо всякой причины и цели. Японская интервенция в Сибири является наиболее позорной частью ее участия в мировой войне. Японская армия из-за этого более чем гнусного поведения потеряла доверие японского народа и сделалась сперва немного, а теперь и совсем, не популярной в глазах широких масс.

Не будь этого,—ведь Япония помогала белым генералам и контр-революционерам,—Русская Революция прошла бы с меньшими затруднениями в деле более легкого и быстрого пресечения контр-революционной деятельности. Япония была главной виновницей в замедлении прогресса и развития Российской Революции и ее нового строительства. Японский договор в Николаевске и последовавшие вслед за ним трагические бедствия, которые проводились на деньги японских дипломатов, выявляют темнейшую сторону японского милитаризма, которая присуща всем капиталистическим странам при ведении ими империалистических войн. Нам известен темнейший заговор, который взорвал на воздух „Майн" в Кабанском порту 15-го февраля 1898 г., приведший к гибели 260 офицеров и всего экипажа. А пароход Лузитания был потоплен германской подводной лодкой благодаря приказу британского морского командования замедлить ход, чтобы

облегчить попадание немецкой торпеды в Лузитанию. Николаевское дело—печальнейшее из всей японской интервенции в Сибири. Оно будет вспоминаться, как темнейший и наиболее жесточайший заговор японского империализма.

В течение мировой войны японские правительственные арсеналы сделались настоящими мастерскими выделки денег, т. к. снабжение союзников амуницией давало огромные прибыли. В монетные мастерские обратились не только правительственные учреждения, но также и частные общества, которые перешли на военную промышленность для снабжения союзников. Тогда стала развиваться общая промышленность, в виду увеличившейся экспортной торговли, ибо, как я упомянул выше, обширные иностранные рынки, ранее снабжавшиеся европейскими народами, не могли этого теперь делать из-за войны. Япония снабжала предметами своего производства не только колониальные и более слабо развитые нации на Тихом океане, но и союзников.

Это чрезвычайно деловое процветание в течение войны дало возможность Японии изменить ее экономическое положение и обратиться из должницы в кредитоспособную нацию. Ее золотой запас увеличился с немногих сотен миллионов до 2.100.000.000 иен сразу, следовательно, тут выскочило много новоявленных, быстро разбогатевших миллионеров, к которым применили специально для них придуманное название „Норикин" *).

Несколько больших хлопчато-бумажных прядильных фабрик об'явило свой годовой дивиденд в 70% с огромным резервным капиталом обеспечения и премиями, которые давались свободно и в изобилии. С развитием различных отраслей промышленности возросла и численность пролетариата, а с ней повысились и его жизненные потребности, что в связи с непропорциональным ростом цен на необходимые предметы, ставило рабочих в очень тяжелое положение.

Прямым следствием высокой стоимости жизни, в частности риса, явился голодный бунт. Это было в августе и сентябре 1918 г., как-раз в то время, когда генерал Отони выехал из Токио в Сибирь, чтобы вступить в главнокомандование союзной армией в Сибири. Цены на рис поднимались необычайным образом, благодаря военным приготовлениям и экспедиции в Сибирь. Возмущение началось в одной незначительной деревушке, населенной рыбаками, на северном берегу Японского моря и развивалось подобно бешеному огню в настоящее народное восстание. Оно распространилось в течение шести недель по всей стране, захватив 144 местечка и города. В восстании приняло участие около десяти миллионов человек и оно захватывало две трети всей территории страны. Свыше девяноста процентов восставших были рабочие—мужчины, женщины и девушки. Около тридцати или более местечек и городов произвели наиболее бурное восстание, и в некоторых местах оно сделалось настолько бурным, что лишь только национальные войска могли их усмирить. Много домов, складов и подвалов было разрушено или подожжено восставшими.

Это важное событие устрашило и терроризировало правящий класс, выявив мощь и значение масс, действующих согласованно. Правительство взялось за подавление восстания помощью легального террора, наказанием главарей восстания суровейшими средствами, какие только допускались существующими законами. Свыше 7.000 рабочих были присуждены к лишению жизни часть к другим, более легким наказаниям.

Правящие классы стали бояться могущества масс в виду опыта, полученного ими во время большого рисового восстания, начали умиротворять неудовлетворенность бедноты, и с тех пор были предприняты некоторые реформы—это с одной стороны, а пролетариат страны все пробовал и пробовал свою силу—с другой. Ныне совершенно установлен тот факт, что перед массами полицейские силы и жандармы не могут сделать ничего другого, как только сдаться. По существу рисовое восстание 1918 года дало новый толчок к

*) Соответствует немецкому „Schieber" и французскому „Nouveauriche". Ред.

развитию рабочего движения в Японии. Забастовки и саботаж сделались преобладающими формами выступлений рабочих, и даже крестьяне, и те пред'являют совершенно радикальные требования к эксплоататорам, вызванные на это революционной позицией пролетариата.

Таким образом, мировая война, в которую Япония втянулась сама, произвела большие изменения в народе и в особенности в пролетариате. Роль, разыгранная в мировой войне милитаристической кликой Японии, дала для нее в целом временно лучшую экономическую позицию, но немногие последующие года доказали, что Япония является чрезвычайно ослабленной и изолированной в международном отношении*), ее дипломатическое положение сделалось слабее, чем когда-либо: англо-японское соглашение разбито благодаря фактическому вмешательству Америки, а Америка делается все более и более агрессивной по отношению к Японии и на Дальнем Востоке вообще. Японская интервенция в Сибири ничего не принесла кроме позора и бесчестия стране, и этот процесс ослабления был ускорен землетрясением в сентябре 1923 г.: спустя десять лет после мировой войны Япония является более слабой, чем десять лет тому назад. Но пролетариат страны делался все сильнее и сильнее в своем росте, получая вдохновение и мужество от русской революции. Таким образом, оглядываясь назад на мировую войну, с точки зрения революционного движения Японии и Дальнего Востока в целом, мы должны рассматривать положение вещей с удовлетворением и мужественной уверенностью за будущее революционного движения и конечного его успеха!

---

*) Писалось до признания СССР Японией. Ред.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Д. Б. Рязнов.

Внешняя политика Первого Интернационала и его отношение к войне *).

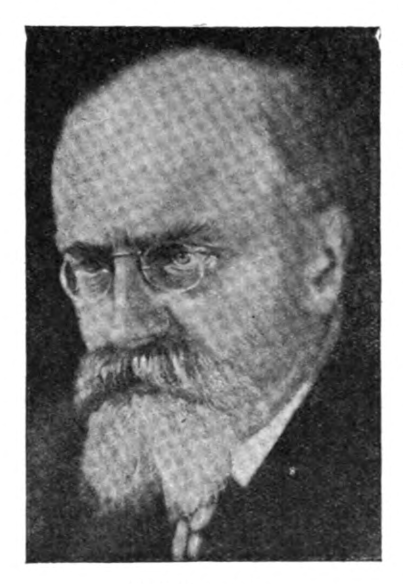
I.

Постановк вопроса.

„Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром на умах живых. Как раз тогда, когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как-раз в такие эпохи революционных кризисов они тревожно вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюмы, чтобы в этом освященном древностью маскараде и на чужом языке разыгрывать новый акт всемирной истории".

В настоящее время мы опять присутствуем при таком новом „всемирно-историческом заклинании мертвых", как его называет Маркс.

Теперь оно имеет своею целью оправдать новые споры, превратить задачу, навязанную внешними, непреодолимыми всемирно-историческими силами, в задачу, необходимо вытекающую из внутреннего развития социал-демократии, якобы предписываемую ее принципами. Вместо того, чтобы об'яснять свое теперешнее поведение горькою нуждою, — которая, как известно, не признает не только никаких предписаний, но и никаких резолюций, выдвигаемых новыми потребностями современности,— цепляются за прошлое и в нем хотят найти опору для своей новой позиции; вероятно, это вызывается сознанием, что новая позиция не вполне согласована со старою программою. При этом ссылаются не только на великих покойников, на Маркса и Энгельса, Бебеля и Либкнехта, но апеллируют также к Первому Интернационалу, чтобы в нем найти для себя принципиальное оправдание.



Д. Б. Рязанов.

Не подлежит сомнению, что Второй Интернационал, резолюции которого—тоже „клочок бумаги"—составлялись при участии ныне „воюющих" или „центральных" социал-демократических партий, самым решительным образом отвергал войну, как метод освободительной борьбы пролетариата, и допускал лишь в виде исключения оборонительную войну против неприятельского нападения и насильственного подавления.

Иначе обстоит дело с Первым Интернационалом. Представители угнетенных национальностей, всегда рассчитывавшие на европейскую или мировую войну, как на средство осуществления своих национальных идеалов, утверждали еще раньше, что Первый Интернационал, в противоположность Второму, был более „революционным"; теперь мы слышим и от защитников, и от противников позиции, занятой различными социал-демократическими

*) Появляется впервые на русском языке. Эта работа была опубликована в „Neue Zeit" в 1915 г.
Настоящая статья по техническим причинам не могла быть помещена после I Отдела, где она была намечена по плану. Ред.

партиями с наступлением войны, что Первый Интернационал отстаивал совсем другую внешнюю политику, менее всего пацифистскую.

Генрих Вебер, один из выдающихся сотрудников научного органа австрийской социал-демократии, писал: [1])

„Политика Первого Интернационала никоим образом не была политикою мира. Войну он считал неизбежным следствием капиталистического способа производства. Только вместе с капитализмом исчезнет опасность войны. Пока существует капитализм, мир—не более как утопия. Но пролетариат не может безучастно противостоять военной политике господствующих классов. Он должен стараться толкать ее в направлении, требуемом его интересами. Но высший интерес его, это — разгром России“.

Или, как недавно повторил Ф. Адлер: [2])

„В программе Первого Интернационала стояла борьба против России, как «часть общей борьбы за освобождение рабочего класса». Новый Интернационал не выставил никакой программы на случай войны и вряд ли сможет выставить какую-нибудь положительную программу. Ибо в эпоху Первого Интернационала для демократии речь шла только о войне завоевательной, и потому народы Запада, где только пролетариат и играл существенную роль, могли об‘единиться на одном военном лозунге“.

Правда, Ф. Адлер не так аподиктичен, как Г. Вебер: он указывает, что цитируемая им фраза имеется только в Учредительном Адресе и не повторялась ни на одном из последующих конгрессов Первого Интернационала. Но, подобно Г. Веберу, и Ф. Адлер нисколько не сомневается в том, что Первый Интернационал как в своей внешней политике, так и в своем отношении к войне преследовал „отнюдь не политику мира“. Рассмотрим этот вопрос поближе.

II.

Внешняя политика Учредительного Адреса.

Обыкновенно в указанном адресе видят официальную программу Первого Интернационала. Это — легенда, которую вместе с другими легендами о программе Первого Интернационала повторял также Иекк. Так, он говорит, что до Женевского конгресса Учредительный Адрес, равно как и устав и регламент, имели чисто временный характер и только в Женеве превратились в официально признанные акты [3]).

К сожалению, это утверждение ни на чем не основано. На Женевском конгрессе Учредительному Адресу не посвятили ни одного слова. Насколько страстно обсуждались в комиссии и в пленуме временные устав и регламент, настолько совершенно игнорировали Учредительный Адрес. И по очень простой причине. Этот адрес преследовал определенную цель: осведомить европейский рабочий класс о том, какие мотивы побудили рабочих различных стран, собравшихся 28 сентября 1864 г. на публичном митинге в зале св. Мартина в Лондоне, основать Международное Товарищество Рабочих. Дипломатическое искусство Маркса дало ему возможность вплести в этот чисто исторический адрес свои взгляды, хотя и в очень ослабленной форме. Благодаря этому Маркс мог выступить в адресе в качестве пропагандиста, подготовляя благоприятное для его взглядов настроение на ближайшем конгрессе Интернационала. Ведь известно, что во временных постановлениях, составлявших с самого начала настоящую программу Первого Интернационала, не все взгляды Маркса нашли полное выражение; он вынужден был вступить в компромисс с другими взглядами.

---

[1]) H. Weber, Der Sozialismus und der Krieg. „Der Kampf“, 1 Dezember 1912. S. 101. Вебер—псевдоним Отто Бауэра.

[2]) F. Adler, Die Sozialdemokratie in Frankreich und der Krieg. „Der Kampf“, Februar 1915, S. 70.

[3]) G. Jaeckh, Die Internationale, Leipzig 1904, S. 26. Русское издание: Г. Иекк, Интернационал. Изд. Тов. „Знание“, 1906 г., стр. 38.

Этот временный устав и регламент, утвержденные с некоторыми изменениями на Женевском конгрессе, составляли с тех пор официальную программу Первого Интернационала и в качестве таковой неоднократно перепечатывались. Напротив того, Учредительный Адрес был и оставался не более как манифестом временного Центрального Совета, функционировавшего до Женевского конгресса, а после этого конгресса Адрес ни разу не повторялся Генеральным Советом даже в его официальных заявлениях. Если бы дело обстояло иначе, внутренняя борьба в Первом Интернационале, разгоревшаяся впоследствии по вопросу о политической деятельности рабочего класса, имела бы совсем другой характер. Ведь в Учредительном Адресе завоевание политической власти провозглашалось одною из первых задач рабочего класса.

Но, возразят нам, хотя Учредительный Адрес никогда и не являлся официальною программою Первого Интернационала, но в действительности он провозглашал войну против России „частью общей борьбы за освобождение рабочего класса“; тем самым вся внешняя политика Первого Интернационала характеризуется, как „военная“. А автором этого адреса был не кто иной, как Карл Маркс!

Но историческая критика показывает, что и этот взгляд на Учредительный Адрес покоится на легенде.

Обратимся поэтому к оригиналу [1]). О России Маркс говорит в последней части адреса. Прежде всего он констатирует, что „опыт прошлого доказал, что пренебрежение к узам братства, которые должны соединить рабочих различных стран и побуждать их держаться, как один человек, во всей своей борьбе за освобождение, наказывается всегда общей неудачей их изолированных попыток“. Это убеждение побудило митинг в зале св. Мартина основать Международное Товарищество Рабочих. Но и „другое убеждение одушевляло этот митинг“. То было сознание, что внутренняя политика рабочего класса, направленная к его освобождению, несоединима с внешней политикой господствующих классов. Мы цитируем это место, сравнив его предварительно с переводом, появившимся в берлинском „Sozialdemokrat“ (№№ 2 и 3 от 21 и 30 декабря 1864 г.), т.-е. в формулировке, которая была известна еще до Женевского конгресса.

„Если освобождение рабочего класса требует совместного действия различных наций, то достижима ли эта великая цель при внешней политике, преследующей преступные цели, играющей на национальных предубеждениях и расточающей в разбойничьих войнах народную кровь и народное достояние? Не мудрость господствующих классов, а героическое сопротивление английского рабочего класса их преступной глупости предохранило Западную Европу от трансатлантического крестового похода за увековечение и пропаганду рабства. Позорное одобрение, мнимая симпатия или идиотское равнодушие, с которыми высшие классы Европы встретили предательское убийство героической Польши и захват Россией горных твердынь Кавказа, огромные и не встречавшие сопротивления захваты этого варварского государства, голова которого в С.-Петербурге, а руки—в любом европейском кабинете,—заставили рабочий класс понять, что его долг вникать в тайны европейской политики, следить за дипломатическими актами своих правительств, если возможно противодействовать им; если невозможно предотвратить их, выступать с одновременными разоблачениями, стремиться к тому, чтобы простые законы морали и права, которые должны регулировать отношения между частными лицами, были признаны высшими законами и в отношениях между народами. Борьба за такую внешнюю политику есть часть общей борьбы за освобождение рабочего класса.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ [2]).

---

[1]) В немецкой литературе Учредительный Адрес цитируется большей частью по переводу Эйхгофа, напечатанному в книжке о лейпцигском „Процессе по обвинению в государственной измене“. Но перевод этот отнюдь не безупречный, а в некоторых местах—прямо ошибочный.

[2]) В виду важности этого места приводим его также в оригинале:

„If the emancipation of the working classes requires their fraternal concurrence, how are they to fulfil that great mission with a foreign policy in pursuit of criminal designs, playing upon national prejudices and

Можно толковать эти слова Маркса как угодно, но нельзя видеть в них проповедь войны вообще и войны против России в частности. При таком толковании мы совершенно упустили бы из виду глубокие идеи, так классически формулированные здесь Марксом: указание на необходимую связь между внутренней политикой и внешней[1]) предостережение против ограниченного национального эгоизма отсталых слоев пролетариата, которые готовы вместе с господствующими классами поддерживать внешнюю политику, рассчитанную на угнетение других народов, и не замечают, что подобная внешняя политика, при всех своих временных экономических выгодах, ослабляет их позицию во внутренней политике; призыв следить постоянно за всеми махинациями тайной дипломатии и вникать в тайны международной политики. Изложенным толкованием мы низвели бы внешнюю политику рабочего класса до уровня вульгарной демократии, отождествили бы ее с внешней политикой тогдашних венгерских, итальянских, польских, румынских революционеров, которые, не интересуясь требованиями освободительной борьбы пролетариата, готовы были в интересах своей нации заключить союз с угнетателями других наций.

Борьба против дипломатии всех европейских правительств, против внешней политики, преследующей преступные цели, играющей на национальных предубеждениях и расточающей в разбойничьих войнах народную кровь и народное достояние; борьба за внешнюю политику, которая превратила бы простые законы морали и права, регулирующие отношения между частными лицами, в высшие законы отношений между народами,—борьба за такую внешнюю политику составляет, по словам Учредительного Адреса, часть „общей борьбы за освобождение рабочего класса", но отнюдь не война против России, как то думают Генрих Вебер, а за ним Фридрих Адлер.

И во время „безумного года" война против России была связана для Маркса и Энгельса с вполне конкретными условиями; они представляли ее себе не как завоевательную войну, под руководством существующих властей, а как войну революционной Германии в союзе с остальной революционной Западной Европой против деспотической России и ее возможных союзников[2]). Но в 1865 году ситуация была совсем другая, чем

---

squandering in piratical wars the people's blood and treasure? It was not the wisdom of the ruling classes, but the heroic resistance to their criminal folly by the working classes of Englang that saved the West of Europe from plunging headlong into an infamous crusade for the perpetuation and propagation of slavery on the other side of the Atlantic. The shameless approval, mock sympathy, or idiotic indifference, with which the upper classes of Europa have witness the mountain fortess of the Caucasus falling a prey to, and heroic Poland being assassinated by Russia; the immense and inresisted encroachments of that barbarous power, whose head is at St. Petersburg and whose hands are in every cabinet of Europe, have taught the working classes the dbuty to master themselves the mysteries of international politics: to watch the diplomatic akts of their respective governments; to counteract them, if necessary, by all means in their power; when unable to prevent, to combine in simultaneous denunciations. and to vindicate the simple laws of moral and justice which ought to govern the relations of private individuals the rules paramount of the intercourse of nations.

The fight for such a foreign policy forms part of the general struggle for the emancipation of the working classes.

Proletarians of all countries, unite!".

[1]) В своем сочинении „Das Verhältnis der äusseren Politik zur inneren", выгодно отличающемся от прочей пацифистской литературы, венский социолог Р. Гольдшейд пишет: „Маркс упустил из виду, что социальное развитие, вытекающее из внутренних тенденций, перекрещивается внешними". Это утверждение, как и критика Гольдшейдом научного социализма, представляют новое доказательство, что легче „критиковать" предмет, чем действительно понять его.

[2]) Мы будем иметь еще случай подробнее осветить этот вопрос. Как затемняет традиция взгляд даже такого исследователя, как Генрих Вебер, доказывает не только его цитата из Учредительного Адреса, но и следующая его цитата из Маркса: „Война, которая может теперь возникнуть из франкфуртских постановлений, была бы войной Германии против Пруссии, Англии и России. И как раз в такой войне нуждается засыпающее германское движение; это была бы война против трех великих держав контр-революции, война, которая действительно растворила бы

за 16 лет до того. Ведь опыт польского восстания показал, с каким „идиотским равнодушием", „позорным одобрением" или цинической угодливостью встречали английское и другие правительства „предательское убийство героической Польши".

Верно только то, что в шестидесятых годах Маркс оставался смертельным врагом русского царизма, что он всегда готов был „следить за его дипломатическими актами, если возможно противодействовать им, если невозможно—разоблачать их",[1]) что это свое убеждение он пропагандировал со всей своей энергией: но не менее готов был он сделать то же самое по отношению к неварварским правительствам Западной Европы, не менее старательно следил он за дипломатическими актами Бонапарта, Пальмерстона, Бисмарка и разоблачал их. Но проповедывать войну во имя Международного Товарищества Рабочих,—приходится действительно удивляться, как могла возникнуть такая легенда!

Важнейшее средство защиты Западной Европы от царизма Маркс и в шестидесятых годах видел в восстановлении Польши. Он делал все для того, чтобы этот взгляд стал лейтмотивом внешней политики Первого Интернационала. К каким аргументам прибегал он, какие давал он тактические указания, какой имел он успех,—об этом в следующей главе.

III.

Нет сомнения, что польское восстание послужило поводом для встречи английских и французских рабочих в июле 1863 года, составившей исходный пункт Первого Интернационала, но к тому времени, когда состоялся митинг в зале св. Мартина, это восстание было уже потоплено в крови. Всякая надежда на близкое освобождение Польши была потеряна. Намеченное давление на английское и французское правительства в пользу Польши не имело успеха. Русский царизм, обеспечивший себе договором от 8 февраля 1863 года помощь Пруссии, не останавливался ни перед какими мерами, чтобы возможно скорее подавить восстание. На-ряду с беспомощными репрессиями, русское правительство проводило реформу в пользу польских крестьян, заслужившую ему одобрение всей европейской либеральной прессы.

Правда, Бисли, открывая митинг, упоминает в своей речи Польшу, но на-ряду с другими угнетенными народами. Толен также упоминает об этом вопросе, в котором обыкновенно видят главную тему учредительного собрания Первого Интернационала, лишь для того, чтобы констатировать неудачу всей кампании в пользу Польши. Как в английском адресе, так и здесь на первый план выступает теперь не вопрос об угнетенных национальностях, не вопрос национальный, а освободительная борьба рабочего класса, вопрос социальный.

Проходит еще один год, и интерес к польскому вопросу слабеет не только во Франции и Бельгии, но и в Англии. Для первых двух стран это может быть об'яснено влиянием прудонизма.

Уже в своем сочинении „Война и мир" (1861 г.) Прудон высказался против восстановления Польши, но еще гораздо более решительно сделал он это в своей брошюре

Пруссию в Германии, сделала бы необходимым союз с Польшей, немедленно привела бы к освобождению Италии; война, направленная как раз против старых контр-революционных союзников Германии эпохи 1792—1815 годов, война, которая „подвергает отечество опасности и именно этим спасает его, ставя победу Германии в зависимость от победы демократии". Из этой цитаты Вебер выбрасывает все подчеркнутые нами строки, заменяет их словами: „Это была бы война против России", а в конце добавляет: „Так писал тогда Карл Маркс!" Не значит ли это стирать всякое различие между взглядами Маркса и пошлой буржуазно-демократической русофобией? Но написанное Вебером еще бледнеет по сравнению с нападками Бакунина на мнимого защитника „Кнуто-Германской империи".

[1]) „Поскольку в Адресе затрагивается международная политика, я говорю о countries (страны), а не о nationalities (национальности) и разоблачаю Россию, а не minores gentium (малые государства)". Письмо Маркса к Энгельсу от 4 ноября 1864 г.

„Si les traités de 1815 ont cessé d'exister?" (Разве договоры 1815 года уже перестали существовать?), появившейся в конце 1863 года, когда восстание было еще в центре политических интересов всей Европы. Он самым решительным образом протестует против утверждения, что Россия главная виновница раздела Польши, что „нашествие московитов" величайшее зло, которое вообще может угрожать Европе; он рисует в розовых красках „реформы" Александра II [1]).

Новое настроение нашло свое выражение уже на первой конференции, происходившей в сентябре 1865 г. в Лондоне вместо первоначально предположенного общего конгресса в Брюсселе.

На этой конференции Центральный Совет представил программу, обсужденную и принятую им в заседании 25 июля 1865 года. Девятый пункт этой программы, выработанной под сильным влиянием Маркса, гласил:

„The Moscovite invasion of Europe and the reestablishement of an independent and integral Poland" или в переводе: „Нашествие московитов и восстановление независимой и единой Польши".

Прежде всего бросается в глаза, что здесь употребляется совсем другая терминология, чем та, которую Маркс употреблял в адресе. Почему он говорит теперь о „нашествии московитов"?

Об'яснение этого нам дает сам Маркс в своем письме к Энгельсу, написанном за месяц до указанного заседания Центрального Совета (24 июня 1865 г):

„По вопросу о Польше я прочел с большим интересом сочинение Эли Реньо (автора истории дунайских княжеств) „La question européenne faussement nommée la question polonaise" (Европейский вопрос, ложно именуемый польским вопросом). Из этого сочинения я вижу, что г. Духинский (из Киева, профессор в Париже) вполне серьезно защищает с лингвистической, исторической, этнографической и т. п. точки зрения догму Лапинского, что великоруссы отнюдь не славяне. Он утверждает, что настоящие московиты, т.-е. жители бывшего Great Duchy of Moscow (Великого княжества Московского), суть большею частью монголы или финны и т. п., подобно жителям восточной и юго-восточной России. Во всяком случае, я вижу, что этот вопрос сильно обеспокоил петербургский кабинет (так как он может покончить с угрозою панславизма). Все русские ученые были приглашены написать ответы и опровержения, и написанное ими ужасно слабо. Чистота великорусского диалекта и его близость к церковно-славянскому, пожалуй, больше говорят в этой полемике в пользу польской точки зрения, чем в пользу московской. Во время последнего польского восстания национальные союзы воздали Духинскому должное за его „открытия". С геологической и гидрографической точки зрения доказывается, что местность к востоку от Днепра, в отличие от местности к западу от него, отличается „азиатскими" особенностями, Урал же (как то утверждал еще Марчизон) не образует пограничной черты. Вывод Духинского таков: Россия — это имя, узурпированное московитами. Они не славяне, вообще не принадлежат к индогерманской расе, это des intrus (пришельцы), которых надо снова прогнать за Днепр и т. д. Панславизм в русском смысле — изобретение правительства и т. д. Я хотел бы, чтобы Духинский оказался прав и чтобы at all events этот взгляд получил господство среди славян. С другой стороны, он считает неславянскими некоторые населяющие Турцию народы, считавшиеся до сих пор славянскими, как, например, болгар".

Девятый пункт проектированной программы обсуждался в публичном заседании 27 сентября 1865 г. Но уже в комиссии он подвергся редакционному изменению и обсуждался в следующей формулировке:

[1]) Об этой брошюре Маркс говорит в письме о Прудоне, что последний „проявил во славу царя идиотский цинизм".

„Настоятельно необходимо уничтожить возрастающее влияние России в Европе, предоставив Польше „принадлежащее всякому народу право на самоопределение“ и снова утвердив социальную и демократическую основу этой страны“.

Докладчиком этой комиссии был Маркс. К сожалению, мы ничего не знаем о мотивах нового изменения. Но и в этой формулировке девятый пункт вызвал сильные возражения.

Ле-Любе (Франция) предложил оставить только последнюю часть резолюции, т.-е. „право народов на самоопределение“. Но этот принцип должен быть формулирован на более широкой и общей основе. Англичанин Уэстон поддержал эту поправку: он против включения других вопросов, кроме социальных; нельзя разбрасываться, надо делать только одно дело!

Еще решительнее возражал против предложенного пункта бельгийский делегат Сезар де-Пап.

„Он не думает, что этот вопрос должен быть вообще поставлен (ought to be introduced at all). Восстановление Польши может быть полезно только трем классам: высшему дворянству, низшему дворянству и духовенству. Что касается крестьян, то у них мало надежды на это. Вы хотите, говорил он, уничтожить влияние России. Но чье именно влияние? Правительства. Но тогда я требую, чтобы было уничтожено влияние всех европейских правительств. Разве влияние прусского, австрийского, английского, французского правительств менее опасно, чем влияние русского? Я отвечаю на это: нет. Если же вы имеете в виду влияние русского народа, то я утверждаю, что русские точно такой же народ, как и все другие. Действительно, среди русского крестьянства развивается движение, требующее „земли и воли“. Кроме того, имеется не мало народов, которые страдают, и было бы несправедливо упомянуть только один из них“ [1]).

В том же духе говорили еще Лассаси и Везинье. Поляк Бобчинский, англичане Оджер, Уилер, Кертер поддерживали проект комиссии, который был, наконец, принят конференцией.

Но этим была одержана только половина победы. Если уже постановка вопроса в порядок дня будущей конференции вызвала такую сильную оппозицию, то еще более страстных споров можно было ожидать впоследствии, когда дело дойдет до принятия резолюции от имени Международного Товарищества Рабочих.

Немедленно после конференции один из делегатов, Везинье, открыл в Бельгии поход против Центрального Совета по поводу польского вопроса. Мы опускаем здесь его обвинения, повторяющие в основном взгляды Прудона: не одна Россия виновата в разделе Польши, бонапартизм не лучше царизма, ни один народ не должен быть поставлен вне закона за беззакония своего угнетателя, русское правительство действовало в реформаторском духе.

По поводу этой полемики Маркс писал Энгельсу (5 января 1866 г.):

„Настоящий нерв этой полемики—польский вопрос. Все эти господа примыкают к московитизму Прудона-Герцена. Поэтому я пришлю тебе прежние статьи этих оракулов против Польши в „Tribune du Peuple“, и ты напишешь возражение, для наших женевских газет или для „Workman's Advocate“. В прудонистской части „Jeune France“ господа русские нашли себе новоиспеченных союзников“.

Энгельс написал статью „What have the working classes to do with Poland“ (Отношение рабочего класса к Польше), в которой показывает, что внешняя политика рабочего класса с начала самостоятельного рабочего движения может быть формулирована в двух словах: восстановление Польши. На примере истории разделов Польши Энгельс хочет доказать, что, хотя Пруссия и Австрия также принимали участие в этих разделах, но вина

---

[1]) Де-Пап повторяет, собственно, аргументы, развитые Гектором Дени, учеником Прудона, в ряде статей в бельгийской рабочей газете „La Tribune du Peuple“. В отличие от своего учителя, он не повторял тех доводов, которые Маркс характеризовал как „идиотский цинизм“.

их незначительна по сравнению с виною России. Кроме того, немецкие рабочие стояли всегда за восстановление Польши. Одного этого достаточно для оправдания немецкого народа, как такового:

„Если рабочий класс России (если в этой стране существует нечто подобное в том смысле, в каком это слово употребляется в Западной Европе) выработает когда-нибудь политическую программу и включит в эту программу восстановление Польши, то тогда, но не раньше, Россия, как народ, будет оправдана, и наши обвинения будут направлены только против царского правительства“ [1]).

В докладной записке для Женевского конгресса, в которой Маркс разобрал все стоящие в порядке дня вопросы, он сделал также попытку доказать европейским рабочим важность польского вопроса. В очень сжатой форме он ответил при этом на основные возражения, сделанные уже на Лондонской конференции.

„а) Почему должны европейские рабочие поднять этот вопрос? Во-первых, потому, что буржуазные писатели и дипломаты конспирируют, желая замолчать его, хотя они берут под свою защиту всевозможные национальности на континенте и даже Ирландию. Чем об'ясняется это молчание? Тем, что оба, аристократия и буржуазия, усматривают последнее спасение против роста рабочего движения в мрачной азиатской державе, скрывающейся на заднем плане. Но эта держава может быть действительно обезврежена только восстановлением Польши на демократической основе.

b) При теперешнем изменившемся положении дел в средней Европе, особенно в Германии, более чем когда-либо необходимо иметь демократическую Польшу. Без нее Германия превратится в форпост Священного Союза, с Польшею она станет союзником республиканской Франции. До разрешения этого великого европейского вопроса рабочее движение будет всегда прерываться, задерживаться и возвращаться назад.

c) Германский рабочий класс особенно обязан взять на себя инициативу, так как Германия одна из соучастниц в разделе Польши“.

Эта аргументация оставляла открытым только один вопрос: как фактически осуществить столь важное восстановление Польши. Новым восстанием? Или войною не участвовавших в разделе Польши государств против участников этого раздела? Или же общею европейскою революцией и войною западно-европейских государств против азиатской державы, скрывающейся на заднем плане Европы?

Французы, имевшие свой собственный деспотизм и к тому же подозреваемые еще в заигрывании с своим бонапартизмом, который только что блистательно доказал свою освободительную миссию в Мексике и в Италии, не могли согласиться на протест только против русского деспотизма. В своей записке они выражаются следующим образом:

„Как защитники свободы, мы заявляем, что мы протестуем против всякого вида деспотизма, что мы энергично осуждаем и отвергаем организацию и социальные тенденции русского деспотизма, которые неизбежно должны привести к умерщвляющему дух коммунизму; но, будучи делегированы на экономический конгресс, мы считаем себя не в праве высказываться по вопросу о политическом восстановлении Польши“.

В дошедших до нас письменных протоколах Женевского конгресса сказано только, что Иоганн-Филипп Беккер и Кард (псевдоним, поляк) высказались за предложение Генерального Совета:

„Но так как общее убеждение состояло в том, что этот вопрос чисто-политический, что свобода может быть достигнута не борьбою одной национальности против другой, а только освобождением всех национальностей от деспотизма, то конгресс переходит к порядку дня, предоставляя германским и швейцарским делегатам подписать и приложить к протоколу предложение Беккера в пользу восстановления Польши“.

---

[1]) Как ни странно звучит для нас эта аргументация, но Энгельс, как известно, остался последовательным

Гораздо более подробные сведения находим мы в отчете, напечатанном в „Vorbote", который издавался Беккером.

По прочтении соответствующих мест из записки Центрального Совета поднялся Фрибур и от имени французской делегации предложил, чтобы конгресс не производил голосования по этому вопросу, а ограничился заявлением, что, питая отвращение к деспотизму всякого рода и всех стран, он не вмешивается, однако, в запутанные национальные вопросы. „Мы должны,—прибавил он,—желать освобождения народа в России, как и в Польше, и отбросить старую политику, противопоставляющую один народ другому".

Английская делегация, особенно Оджер, Эккариус, Кертер, высказалась „решительно за принятие предложенной резолюции в пользу Польши, так как последняя постоянно привлекала к себе сильнейшие симпатии даже среди демократической и интеллигентной части английского народа, и уже первая встреча английских, немецких и французских рабочих имела своею целью манифестацию протеста против угнетения Польши, чем, собственно, был сделан первый шаг к основанию Международного Товарищества Рабочих". Дюплей (француз из Швейцарии), напротив, предлагает не ставить этого вопроса, представляющего интерес только для немцев, и присоединяется к предложению французской делегации.

Старый Беккер ответил в подробной речи. Читатель увидит, как „современно" звучит эта речь, произнесенная более полувека тому назад. Меняются производственные отношения, меняются политические кон'юнктуры, меняются все формы общественной жизни, но идеи противятся этому движению и ведут свое собственное существование.

Свою речь Беккер начал выражением удивления по поводу того, что в этом вопросе собрание неожиданно обнаружило недостойную ограниченность. Речь идет не об об'явлении войны русскому народу, и само собою понятно, что Международное Товарищество Рабочих осуждает всякий деспотизм и имеет своею целью освобождение всех угнетенных народов, но освобождение польского народа ускорит освобождение русского народа. Он обратил внимание на то, что Русская империя благодаря своим размерам, географическому положению и климатическим условиям, особенностям почвы, низкому культурному развитию своих различных народностей, своему почти средневековому состоянию—за исключением некоторых более крупных городов—в области политической и религиозной, социальной и экономической,—не чувствует особенной потребности в мире; в России война далеко не приводит к таким потрясениям в домашней и экономической жизни, как в цивилизованных государствах; поэтому там имеется достаточно духовных и материальных условий для завершения дела Петра „Великого", что создает постоянную угрозу культуре и свободному развитию Европы. Беккер доказывал статистическими данными, что только польские провинции дали России возможность занять угрожающую агрессивную позицию по отношению к Западной Европе, что эти же провинции, благодаря своему более густому населению, более восприимчивому к цивилизации и близкому к западному просвещению доставляют России ее лучшие войска и особенно средства для их снаряжения и прокормления; восстановлением великой, независимой Польши будет сломлена агрессивность России, и она обратится более к внутреннему развитию, что только ускорит освобождение изнемогающих под гнетом царизма народностей. Также указал Беккер на то, что вместе с государственною властью царь соединяет в себе власть церковную, что и за пределами России православное духовенство прославляет его, как мессию; что панславизм стал религией русской молодежи, которая в поэтически-пророческой форме проповедует и прославляет восстановление славянского мирового народа, видя в этом волю провидения. Речь идет здесь, собственно, о том, чтобы рабочий класс в лице социал-демократической партии, в противоположность поведению буржуазии и дипломатии, которые из своекорыстных интересов, из интересов денежного мешка и двора, равнодушно взирают на то, как лучших русских людей казнят, вешают, ссылают в сибирские тюрьмы,—чтобы рабочий класс зажег

звезду надежды для будущего, чтобы он сказал и показал польскому народу, что его дело, это—дело рабочего класса всех стран и даже дело всего человечества. Отметив в заключение ошибочность высказанного в собрании мнения, будто польский вопрос представляет интерес только для Германии, он предложил принять пункт о Польше.

Хотя за принятие предложения высказывались еще другие немецкие и швейцарские делегаты, но французская делегация стояла на своем. Она ни за что не хотела выделять один деспотизм, хотя уже готова была принципиально признать требование восстановления независимой Польши. Но ясно было, что она ни за что не согласится голосовать за предложение Центрального Совета.

„Хотя, — продолжает далее отчет в „Vorbote“,— еще не приходилось сомневаться в большинстве в пользу этого пункта, но так как все остальные пункты (записка Центрального Совета) принимались до сих пор единогласно, то казалось нежелательным вызвать голосованием недовольство с той или другой стороны“, поэтому Беккер предложил приложить к протоколу следующее заявление:

„*Так как Международное Товарищество Рабочих ставит себе задачею освобождение рабочего класса всех стран, следовательно, устранение всякого деспотического господства и осуществление равенства всех людей и всех народов, то в его стремления входит устранение империалистического влияния России и восстановление социал-демократической Польши*“.

Эта поправка была сейчас же поддержана всеми немецкими и немецко-швейцарскими делегатами и французами из швейцарской Юры, изготовлена и подписана в виде *письменного* проекта и без дальнейших дебатов единогласно принята вместе с предложением французской делегации.

Теперь читатель может сравнить „письменный проект“ поправки Беккера с предложением французской делегации, которые оба приложены к протоколу:

Конгресс выражает свое убеждение в том, что благодаря укреплению и распространению Международного Товарищества Рабочих само собою произойдет *уничтожение деспотического влияния России в Европе* и восстановление социал-демократической Польши.

Le congrès déclare: Persuadé que par le développement et la consolidation de l'Association Internationale des Travailleurs, *tout despotisme disparaîtra* et la réconstitution de la Pologne démocratique et sociale se fera de lui-même.

Отличие обеих резолюций в том, что немецкая говорит об уничтожении русского деспотизма, французская же в общей форме о „всяком деспотизме“. Но обе резолюции согласны в том, что этого уничтожения приходится ожидать не от войны, не от внешних факторов, а от внутреннего развития каждой страны и от роста Международного Товарищества Рабочих [1]).

Можно как угодно относиться к этой резолюции, можно порицать или одобрять ее, хотя, между прочим, и Второй Интернационал не пришел в этом вопросе к другому, более „практическому“ решению; но несомненно одно: утверждение, что идея Первого Интернационала о восстановлении Польши, как единственном средстве защиты Европы от царизма,

[1]) Мы пользуемся *письменными* протоколами. На основе этих протоколов новый Генеральный Совет в Лондоне издал официальный протокол, составленный Марксом и Лафаргом при содействии английских делегатов (на французском и английском языках; оба текста напечатаны в „Courrier International“, англо-французской газете в Лондоне, март—апрель 1867 г.). В этих протоколах напечатана *только* французская редакция, ошибочно приписанная Беккеру, так что все дебаты по поводу обеих формулировок остаются совершенно непонятными. В официальном издании резолюций Женевского и Брюссельского конгрессов отсутствует и эта редакция; формально это вполне правильно, потому что конгресс, как целое, никакой резолюции по этому вопросу не принимал.

означает идею войны против России, принадлежит к многочисленным легендам и мифам, отличающим историю Первого Интернационала, как и историю прочих социальных движений.

„До сих пор думали, — сказал однажды Маркс, — что христианское мифотворчество могло процветать в эпоху Римской империи только потому, что тогда не было изобретено еще книгопечатание. Как раз наоборот".

Маркс был руководящим умом Первого Интернационала. Но при всем его влиянии, ему и впоследствии не удалось обеспечить всем своим взглядам согласие всего Интернационала [1]).

Вообще, внутреннее противоречие было в этой задаче, которая так ярко выступает в статьях Энгельса и отчасти дает себя знать также в мотивировке Маркса на Женевском конгрессе. Нельзя, ведь, от имени Международного Товарищества Рабочих об'являть вне закона целый народ; не только бельгийцев, которые в шестидесятых годах видели в Наполеоне своего главного врага, поджидающего только случая для аннексии Бельгии, но и французов нельзя было убедить в том, что главная опасность угрожает им только со стороны одного деспотизма. И история польского восстания 1863 года как нельзя более ярко показала бесплодность всех попыток оказать на соответствующие правительства давление в пользу Польши.

После Женевского конгресса Первый Интернационал уже более не возвращается к польскому вопросу. В споре между „русским" Бакуниным и „немцем" Марксом этот вопрос также не играет никакой роли. Неистового революционера можно было упрекать в чем угодно, но не в равнодушии к судьбе Польши. В самом Генеральном Совете польский вопрос был вытеснен ирландским.

Восстановление Польши остается требованием внешней политики международного пролетариата, но польский вопрос совершенно теряет для Первого Интернационала свой практический характер. Лишь развитие социализма и распространение принципов Интернационала в самой Польше снова поставили этот вопрос на очередь дня. Но и для Второго Интернационала, как для Первого, вопрос о том, какими средствами и при каких условиях может быть достигнуто восстановление Польши, оставался вопросом „академическим".

Как сильно изменилось международное положение по прошествии 25 лет, как сильно двинулось вперед внутреннее развитие „неподвижной" России, показывают новые дебаты о польском вопросе в 1896 году. В то время, как русские социал-демократы считали восстановление независимой Польши бесспорно желательным, некоторые польские социал-демократы протестовали против того, что этому требованию придается преувеличенное значение для интернационального пролетариата. Каутский уже тогда указал, что Польша перестала быть революционною страною par excellence, в виду чего идея восстановления Польши в качестве бастиона свободной Европы против русского абсолютизма

---

[1]) С другой стороны, Генеральный Совет не упускал ни одного подходящего случая для выражения своих симпатий польскому делу. Его представители принимали участие во всех собраниях, устраивавшихся польскою организацией в Лондоне. Когда Флоке, впоследствии президент французской палаты депутатов, при посещении Александром II Дворца Правосудия (в 1867 г.) воскликнул: „Vive la Pologne!" Генеральный Совет в заседании 18 июня 1867 г. принял следующую резолюцию:

„a) Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих выражает свою благодарность рабочим, студентам и адвокатам, участвовавшим в недавно происходившей в Париже демонстрации в пользу Польши, за то, что они напомнили московитскому царю, что подчинение части Европы, именуемой Польшею, азиатской и варварской державе противоречит справедливости и общественному сознанию.

b) Так как многие карьеристы и невежды порицали г. Флоке за его мужественное и истинно-космополитическое поведение в Дворце Правосудия в присутствии московитского царя, то мы об'являем себя солидарными с этим поведением и выражаем благодарность дисциплинарной камере адвокатов за ее отказ сделать выговор г. Флоке.

c) Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих поздравляет британскую нацию и правительство по поводу того, что они сочли недостойным более близкое знакомство с московитским царем".

В отчете „Commonwealth" не сказано, кто предложил эту резолюцию. Разумеется, не Маркс".

значительно потеряла в своем значении. Его критика предложенной Лондонскому конгрессу Второго Интернационала резолюции в пользу независимости Польши напоминает аргументы Прудона против резолюции Маркса. И когда Каутский протестовал против того, что хотят „оживить старый шаблон“ и „требуют от нового Интернационала точно такого же отношения к польскому вопросу, какое занимал Первый Интернационал“, то он ошибался лишь в одном пункте: то, что он называл „старым шаблоном“, не принадлежало Первому Интернационалу. Женевский конгресс отверг мотивировку Маркса и голосовал только за ее основную идею: за желательность восстановления Польши, но независимой и демократической Польши. Ибо и Маркс, и Энгельс стремились „к устранению всякого империалистического влияния России в Европе посредством проведения принципа самоопределения народов и восстановления социал-демократической Польши“.

В какой мере Маркс остался впоследствии верен своей точке зрения,—также в той формулировке, которую он дал ей в записке для Женевского конгресса,—этим вопросом мы займемся в другом месте[1]).

IV.

Первый Интернационал и прусско-австрийская война 1866 года.

До сих пор мы занимались только внешнею политикою Первого Интернационала в узком смысле слова. Но возникает также вопрос, как он вообще относился к войне. Ведь и до франко-прусской войны он неоднократно имел возможность обсуждать на вполне конкретных случаях свое отношение к войне. Это относится и ко времени до Женевского конгресса.

Уже в мае 1866 года стало ясно, что между Пруссией и Австрией неизбежна война, которая повлечет за собою и дальнейшие европейские осложнения. Но, обратившись к протоколам Центрального Совета, мы до заседания 5 июня 1866 г. не найдем ни одного следа, указывающего на опасность положения. Инициатива исходила от национальных секций, в том числе от французской секции в Лондоне, членом которой состоял тогда Лафарг.

15 мая парижские студенты выпустили воззвание к немецким и итальянским студентам, направленное против угрожающей войны и подписанное, между прочим, и Вальяном (всех подписей 500). Мы воспроизводим его буквально, как очень характерное для настроения революционной демократии во Франции[2]):

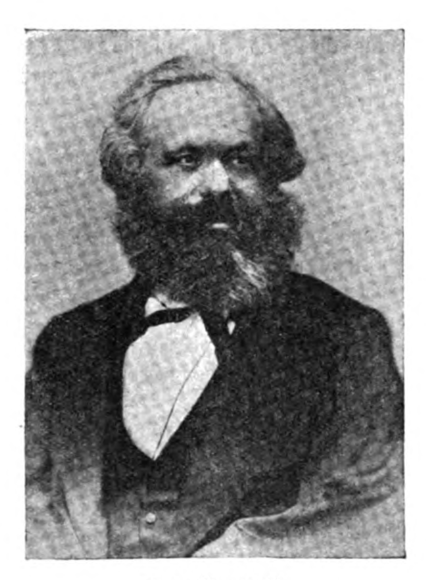
„Братья! В обеих странах вы зовете к войне. Молодая Италия и молодая Германия вооружаются друг против друга. С глубокою скорбью смотрит французская молодежь на это движение. Наше поколение призвано совершить дело, составляющее надежду человечества и требующее единения всех наших сил. Этого дела вы не признаете.

„Немецкие и итальянские братья, вы, с угрожающими лицами извлекающие друг против друга меч, скажите же нам, какие чувства и взгляды разделяют вас. Одна и та же ненависть пламенеет во всех наших сердцах. Какая ненависть? Отвечайте. Разве это ненависть к угнетению? Что любим мы больше всего в мире? Что все мы хотим осуществить в обществе?—Свободу и справедливость. Не задавайте дальше вопросов; мы все единодушны. И безумием было бы с нашей стороны нападать друг на друга. Братья, вы—обманутые жертвы старой, нелепой и ненавистной политики, которая вот уже много тысяч

---

[1]) Здесь приведем только один пример того, как Маркс отказывался по существу от некоторых своих взглядов. Выше мы видели, как горячо отстаивал он теорию Духинского. И тем не менее через пять лет (17 февраля 1870 г.) он писал Кугельману: „С точки зрения поляка было вполне естественно, что Духинский считал великорусское племя не славянским, а монгольским, и пытался доказать свою теорию обильною ученостью. Однако, эта теория ложная. Не русское крестьянство, а только русское дворянство имеет в себе сильную примесь монгольско-татарских элементов. Француз Анри Мартен взял свою теорию у Духинского, а „вдохновенный Готфрид Кинкель“ перевел Мартена и об'явил себя энтузиастом Польши, дабы заставить демократическую партию забыть его угодливые похвалы по адресу Бисмарка“.

[2]) По переводу на немецкий язык, помещенному в 1866 году в „Vorbote“.



Карл Маркс*)
(1818—1883).

лет натравливает народы на взаимное убийство, под нелепым предлогом национальных интересов и расовых различий.

„Национальности, отечества, расовые различия, равновесие,—все эти громкие и бессмысленные слова служат только прикрытием для честолюбия и сумасбродной гордости отдельных угнетателей. Подобные войны ведутся с тех пор, как существует мир. Что же достигнуто ими? Потоки крови пролиты, а что выиграли от этого народы?

„Братья! Пришла пора отбросить от себя все эти неразумные идеи, эти кровожадные предрассудки. Отделимся от этого старого мира, рассыпающегося в прах.

„Итальянцы, немцы, французы! Достаточно долго мы сражались за славу этих пустых названий. Довольно. Скажем наконец, что мы просто люди. Как мы признаем только одного вождя—разум, так будем признавать только одно отечество — человечество. Кто хочет быть свободным и итти с нами путем революции, тот наш соотечественник; нарушители же справедливости, желающие обречь народ на вечное рабство, невежество и нищету,—вот единственные наши враги.

„Братья из Германии и Италии! Мы должны вести войну с этими врагами, войну беспощадную, без снисхождения и передышки. К этой войне мы призываем вас всех. Это—наша священная задача, задача XIX века. Вместе вперед! Ибо эта война будет единственная со времени сотворения мира, имеющая великие заслуги перед человечеством, и эта война будет последняя. Ибо, когда угнетение будет уничтожено, предрассудки исчезнут, социальная справедливость будет осуществлена, мыслимо ли представить себе, чтобы народы захотели уничтожать друг друга? Ваш очевидный интерес заключается не в этих ужасных войнах, а в мире, согласии и братстве".

„В заседании Центрального Совета от 5 июня 1866 г. Лафарг предложил принятый французскою секцией (и составленный им самим) ответный адрес и от имени секции предложил, чтобы Международное Товарищество Рабочих от имени рабочих всех стран обратилось с этим адресом к студентам всех стран. Хотя некоторые члены протестовали против издания от имени Центрального Совета Адреса, в обсуждении которого большинство членов не могло принять участия, но 6 голосами против 6 (голос председателя дал перевес) Центральный Со-



Фридрих Энгельс*)
(1820—1895).

*) Фотографии Института им. К. Маркса и Ф. Энгельса. Ред.

вет одобрил Адрес, исходивший от французской секции и подлежавший опубликованию от имени рабочих всех стран. Уже 10 июня 1866 г. во французской газете „La rive gauche“ (Левый берег) был напечатан этот Адрес: „Aux étudiants de Paris, aux étudiants et aux jeunes hommes de tous les pays les ouvriers de tous les pays“ (К парижским студентам, к студентам и молодежи всех стран от рабочих всех стран). Мы передаем его здесь по тексту немецкого перевода, напечатанного в „Vorbote“ в июле 1866 г.

„Мы услышали ваш возвышенный призыв, направленный вами к вашим братьям в Германии и Италии. Наши сердца задрожали от радости. Нам говорили, что она умерла, прекрасная учащаяся молодежь, всегда готовая ринуться в бой за право и справедливость. Нет, она не умерла; она увереннее, чем когда-либо раньше, шествует по пути революции.

„Вам, которые среди слепого угара, охватившего правительства и натравливающего народы на взаимное убийство, имели мужество провозгласить слова мира и согласия, мы говорим здесь:

„Да. Подобно вам, мы также проклинаем войну, потому что мы должны нести всю ее тяжесть; мы должны ее оплачивать; мы гибнем тысячами на полях сражений от пушечных ядер.

„Человечество достаточно претерпело; достаточно долго склонялось оно под ярмом жестокого насилия, и давно пришла пора, когда человечество должно выбросить из ума и сердца все предрассудки и, возмужав, со всею силою возжаждать справедливости.

„Студенты и молодежь всех стран!

„Мы, обделенные и несущие на себе всю тяжесть, мы, создающие богатства и ничего не получающие из них, апеллируем к вашему сердцу.

„Студенты-медики! Вы лучше всякого другого знаете наши страдания, так как видите нас в больницах, этой единственной нашей награде за жизнь, полную лишений и тяжелого труда.

„Студенты-юристы! Вы знаете, какими цепями законы стесняют нас и сковывают наши организации.

„Студенты-философы! Вы знакомы с наукою, свободною от всяких суеверий; вспомните, сколько труда это вам стоило. Можем ли мы потратить на это столько труда, мы, работающие без передышки?

„Молодежь! Подобно нам вам приходится зарабатывать себе на жизнь, и вы отлично знаете, какого тяжелого труда стоит нам хлеб наш насущный.

„Подобно вам, и мы назначили наш конгресс, который состоится 3 сентября в Женеве.

„Мы, собравшись, хотим изучить раз'едающую нас страшную язву — пауперизм; мы хотим найти спасительное средство от него и во что бы то ни стало это средство испробовать.

„Вперед! Вам, еще молодым и не охладевшим для благородных чувств, вам, надежде будущего, мы говорим: Придите в наши ряды, придите пожать наши от труда мозолистые руки, скрепить наш союз. Вы будете светить нам светом науки, мы же откроем вам таинства труда. Тогда мы лучше узнаем и больше полюбим друг друга.

„Бедный люд не имеет отечества; во всех странах его угнетают одинаковые бедствия; поэтому он понимает, что пограничные стены, воздвигнутые господствующими классами между народами для вящего их порабощения, должны раз навсегда пасть. Да, бедный люд, именно он, молодые люди, осуществит мечту Анахарсиса Клотца, защитника рода человеческого, он создает великий союз народов. Придите же, придите и помогайте нам творить великое дело XIX века.

„Мы ожидаем социальной революции, мы жаждем ее со всею силою, она должна быть совершена. Тогда человек будет владыкою не только своей личности, но и своего труда, ибо привилегированные упадут тогда в бессилии и паразиты исчезнут с лица зе-

мли. Тогда слава будет только рабочим—умственного и физического труда, тогда будет мир на земле, будет создано единство человеческого рода".

Маркс не был согласен с этим адресом, который подписали, между прочим, Эккариус, Лесснер, Юнг, Дюпон, Шоу и т. д.; это видно из письма его к Энгельсу от 20 июня 1866 г.:

„Поездка в Манчестер невозможна, так как я не могу оставить свой дом в теперешнем состоянии; кроме того, я должен быть здесь из-за Интернационала, где мои французские друзья однажды уже использовали мое отсутствие для того, чтобы при теперешних сложных обстоятельствах сделать от имени Интернационала глупое заявление".

Дело обстояло действительно так, и повсюду—во Франции, в Германии, в Швейцарии—указанный адрес был принят за адрес Международного Товарищества Рабочих.

О начале самой прусско-австрийской войны упоминается впервые в заседании Центрального Совета от 12 июня 1866 г., т.-е. в тот самый день, когда Австрия отозвала своего посла из Берлина и вручила прусскому послу в Вене его паспорта. Но дебаты были отложены на ближайшее заседание (19 июня 1866 г.).

К сожалению, из протокола мы узнаем только, что дебаты были начаты Эккариусом, после которого говорили Ле-Любе, Фокс, Лафарг, Маркс, „произнесший в высшей степени интересную речь".

Кое-что об этом сообщает нам сам Маркс в цитированном выше письме к Энгельсу:

„Вчера в Совете Интернационала происходили дебаты о теперешнем военном положении. Об этом было об'явлено заранее, и наша комната была полна народа. Господа итальянцы также опять посетили нас. Как можно было предвидеть, дискуссия свелась к вопросу о „национальностях" вообще и об отношении к ним, которое мы должны занять. Этот вопрос отложен на ближайший вторник. Французы, представленные в очень большом числе, „gave vent" (проявили) свое глубокое отвращение к итальянцам. Вообще представители „Jeune France" (не рабочие) выступили с идеей, что всякая национальность и сами нации суть „des préjugés surannés" (устарелые предрассудки). Это штирнерианизм, переделанный на прудоновский лад. Надо все растворить в маленькие „groupes" или „communes", которые снова образуют союз, но не государство. И при том это „индивидуализирование" человечества и соответствующий „mutualisme" будут происходить сами собою, в то время как во всех остальных странах история приостановится и весь мир будет ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции. Тогда они проделают для нас эксперимент, а весь остальной мир, побежденный силою их примера, проделает то же самое. Как раз то, чего ожидал Фурье от своего „phalanstère-modèle". В общем они все реакционеры, начиняющие „социальный" вопрос „superstitions" (суеверными предрассудками) старого мира. Англичане немало смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменивший национальности, все же обращался к нам на французском языке, т.-е. на языке, которого девять десятых аудитории не понимали. Далее я указал, что под отрицанием национальностей он, видимо, совершенно бессознательно понимает растворение их в лоне французской нации. Вообще, этот вопрос теперь очень трудный, так как необходимо одинаково противодействовать, с одной стороны, глупому итальянофильству англичан, а с другой стороны—ложной французской политике против него, и необходимо избегать всякой демонстрации, которая придала бы нашему обществу одностороннее направление".

Последний пункт был для Маркса решающим.

Хотя в дебатах не принимал участия ни один русский, но они все же потребовали еще целых четырех заседаний (26 июня, 3 июля, 10 июля, 17 июля). Не только французские члены, но и некоторые другие были в своем отношении к этой войне смущены тем обстоятельством, что в ходе войны Гарибальди и Бисмарк оказались на одной стороне. Так, Юнг полагал, что хотя сердце Гарибальди „бесспорно подсказывает ему правду, но

его голова и меч служат ложному делу". Он сожалел, что Гарибальди и Мадзини находятся в союзе с Бисмарком, но надеялся, что последствием войны будет революция. Напротив, поляк Бобчинский защищал Гарибальди, указывая, что хотя он действует вместе с Бисмарком, но из других мотивов. Он и Кертер предложили следующую резолюцию:

„Лондонские члены Международного Товарищества Рабочих рассматривают конфликт на континенте, как спор между тиранами, и советуют рабочим оставаться нейтральными, но связаться друг с другом, дабы об'единением приобрести силу и приобретенную силу использовать для того, чтобы нанести смертельный удар всем тиранам Европы и провозгласить свою собственную свободу".

Одностороннюю резолюцию, направленную только против Пруссии, предложил Фокс:

„Прусское правительство ответственно за бедствия, причиняемые теперешнею войною на континенте".

Кремер предложил резолюцию, которая вряд ли исходила от него самого и, вероятно, была продуктом коллективного творчества:

„1. Война, разгоревшаяся ныне в Европе между прусским и австрийским правительствами, представляет собою войну за господство (for empire) и, как таковая, не имеет своею целью народную пользу; ибо кто бы ни остался победителем, это будет означать только замену одного деспота другим.

2. Центральный Совет сожалеет, что прусский народ позволил военной политике Бисмарка отвлечь его энергию от распространения и укрепления его свобод, благодаря чему Бисмарку удалось еще более закрепить политические цепи народа.

3. Центральный Совет одновременно выражает надежду, что итальянский народ, при всем своем стремлении к освобождению венецианцев, не даст вовлечь себя в преступный союз с прусским правительством и не совершит над собою акта политического и морального самоубийства; ибо, сражаясь за свободу венецианцев, он одновременно помогал бы прусскому правительству поработить немецкий народ.

4. Так как все войны, которые ведутся не ради свободы и справедливости, ужасны и преступны, мы рекомендуем народам Европы воздерживаться от всякого активного участия в теперешней несчастной войне".

Только в заседании 17 июля 1866 г. дискуссия была закончена. Мы узнаем, что главными ораторами были Деттон, Бобчинский и Маркс. После того, как Кремер и Фокс взяли обратно свои резолюции, была единогласно принята резолюция Бобчинского-Кертера с изменениями, в которых видна редакторская рука Маркса:

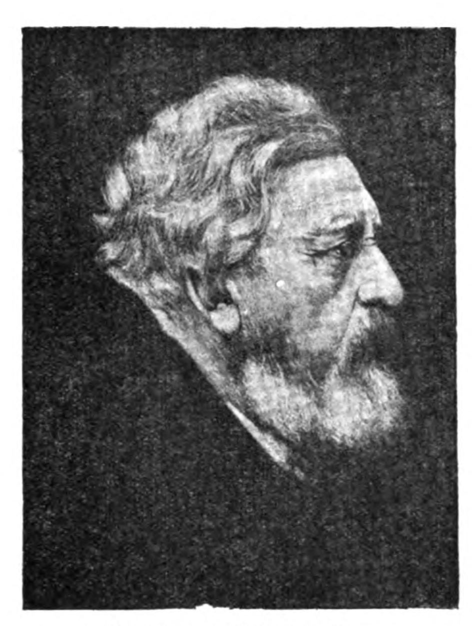
„Центральный Совет Международного Товарищества Рабочих рассматривает теперешнюю войну на континенте, как войну между правительствами, и советует рабочим оставаться нейтральными и связаться друг с другом для того, чтобы об'единением приобрести силу и эту силу использовать для своего социального и политического освобождения".

Резолюция эта была напечатана тогда, когда война была уже окончена. 26 июля в Никольсбурге был подписан прелиминарный мир между Пруссией и Австрией. Но как известно, запоздалые решения свойственны не только Первому Интернационалу. Во всяком случае, его резолюция имела то преимущество, что она „не придавала нашему обществу одностороннего направления" и, выражаясь словами Маркса, „избегала даже тени компромисса с властями предержащими".

V.

Принципиальное отношение Первого Интернационала к войне. Его отношение к „Лиге свободы и мира".

Мы видели, что и строго марксистское направление—поскольку может быть речь о подобном направлении в Первом Интернационале: ведь „марксизм" немыслим без опыта Первого



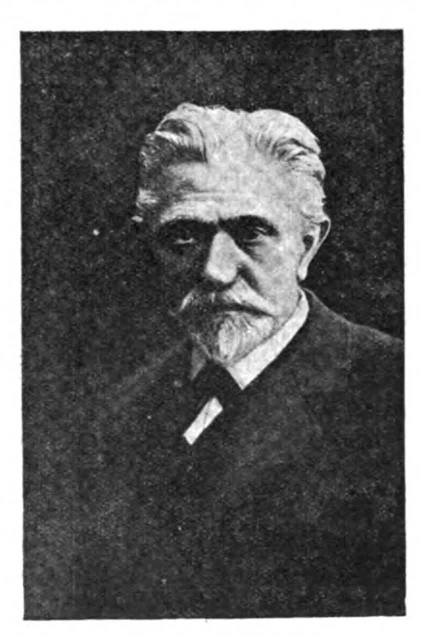
Вильгельм Либкнехт *)
(1826—1900).

Интернационала—никогда не пыталось провозгласить войну против России ближайшею задачею международного пролетариата.

Наоборот. Уже самый факт основания Первого Интернационала указывал на тенденцию по возможности устранить борьбу между нациями, чтобы тем беспрепятственнее вести борьбу классовую. И для „марксистов" практическим лозунгом был мир между народами. Они отличались от „прудонистов" не тем, что будто бы проповедывали „наступательную войну для демократии", а тем, что опасались наступательной войны со стороны России и считали своим долгом раз'яснять эту опасность международному пролетариату. Отсюда также их скептическое отношение к возможности разоружения, пока не будут устранены эта опасность с востока и основные причины войны. Отсюда же борьба Первого Интернационала против постоянных армий, которую он вел тем усерднее, чем более его вожди были убеждены в том, что милиция представляет лучшую гарантию успешной оборонительной войны. И не „воинственным" настроением Первого Интернационала об'ясняется его „враждебное" отношение к пацифистской „Лиге свободы и мира", а тем, что последняя ставила свою борьбу за мир на неправильную почву. И в этом пункте нам приходится бороться с различными легендами, чтобы установить действительную историю отношений между обеими интернациональными организациями.

К сожалению, протоколы генерального Совета за 1867 год дошли до нас только в разрозненном виде. Поэтому мы не можем установить, какую позицию занимал Генеральный Совет во время люксембургской истории, поставившей Европу на край войны. Мы знаем только, что этот военный вопрос впервые дал всему Международному Товариществу Рабочих возможность „предстать перед светом в качестве действительного, давно существующего союза международного мира". В протесте против войны секции Первого Интернационала стояли в первом ряду во всех странах, угрожаемых войною.

В это же время образовался комитет представителей буржуазных партий для созыва конгресса мира в Женеве на 5 сентября 1867 года. Старый Беккер отнесся к этому благожелательно.



Август Бебель *)
(1840—1912).

---

*) Фотографии Института им. К. Маркса и Ф. Энгельса.

В. Либкнехт (отец Карла Либкнехта) и Август Бебель (последний еще работал тогда за токарным станком) 17 декабря 1872 года были арестованы в виду своих антивоенных выступлений в прессе и северогерманском рейхстаге. Затем они были судимы по обвинению в подготовительных действиях к государственной „измене" и приговорены к двухлетнему тюремному заключению. Ред.

„Мы видим, что лелеемая вот уже свыше тридцати лет идея международного братства, нашедшая свое первое крупное практическое осуществление в виде основанного рабочим классом Международного Товарищества, теперь, наконец, принята всерьез также буржуазною демократиею, т.-е. демократиею, которая ведет односторонне-политическую агитацию. Мы тем более можем приветствовать этот факт, что он означает громкое признание наших стремлений и удовлетворение для нас... Для либеральной буржуазии конгресс будет пробным камнем, быть может, последним, который история дает ей. Мы не хотим упреждать событий, но подождем, как отнесутся в этих кругах к вопросу о средствах к цели, которые ведь не могут быть вполне безобидными; посмотрим, будут ли там не только прекрасные речи и многочисленные резолюции, но и энергичное проведение их в жизнь".

В том же духе Женевская секция постановила потребовать на предстоящем конгрессе Международного Товарищества Рабочих, чтобы оно поддержало конгресс мира в Женеве в его стремлениях и послало туда официальную делегацию.

Что инициаторы конгресса мира придавали большое значение возможному присоединению Первого Интернационала видно из того, что они согласились отложить срок созыва конгресса мира до 9 сентября, чтобы выждать резолюции Лозаннского конгресса.

Резолюция Беккера, предложенная в Женевской секции 20 августа 1867 г., была принята общим собранием секции 25 августа.

Совсем иначе решил этот вопрос Генеральный Совет в Лондоне. Сведения об этом мы находим в следующем месте из письма Маркса к Энгельсу (4 сентября 1867 г.):

„Это значит, что в Генеральном Совете я выступил против присоединения к этим фанфаронам мира. Речь моя продолжалась около получаса. Эккариус, в качестве секретаря, поместил отчет в „Beehive", где привел только несколько фраз. При перепечатке, в „Courier Français" были в свою очередь допущены фразы о необходимости армии против России и о трусости этих подлецов. Тем не менее эта история наделала много шума. Ослы из конгресса мира, агентом которых в Лондоне состоит г. де-Фолльвиль, совершенно изменили свою первоначальную программу и в свою новую программу, гораздо более демократическую, протащили слова о „the harmonising of economic interests with liberty", многосмысленную фразу, которая может также обозначать просто свободную торговлю[1]).

„Они бомбардировали меня посланиями и даже имели наглость прислать мне прилагаемую ерундовскую новую программу. Наглость их заключается в том, что в адресе они именуют меня „Member of the Geneva etc Congress" [2]).

Заседание Генерального Совета, о котором Маркс говорит в своем письме, происходило 13 августа 1867 года. Согласно отчету „Beehive", именно Маркс обратил внимание Генерального Совета на конгресс мира в Женеве. Он говорил, что желательно участие возможно большего числа делегатов в конгрессе мира в качестве частных лиц, но неуместно было бы официально участвовать в нем в качестве представителей Интернационала. Конгресс Международного Товарищества Рабочих является уже сам по себе конгрессом мира, так как об'единение рабочих различных стран приведет в конце-концов к невозможности международных войн. Если бы инициаторы Женевского конгресса мира имели правильное представление об основном вопросе, они должны были бы присоединиться к Международному Товариществу Рабочих. Теперешний рост больших армий в Европе вызван революцией 1848 года, постоянные армии представляют необходимое следствие господствующего социального строя. Они содержатся не из соображений международного положения, а чтобы держать в узде рабочий класс. Но так как не всегда имеются баррикады,

[1]) Первая программа была составлена 11 июня; вторая—от конца июля—противопоставляет одну другой две партии в Европе: партию свободы и партию военной диктатуры; третья, датированная 13 августа, говорит об alliance effective de la democratie européenne".

[2]) „Briefwechsel", III Band, S. 403.

которые можно бомбардировать, и рабочие, которых можно расстреливать, то они пользуются иногда возможностью раздувать международные конфликты, чтобы держать солдатчину в порядке. Нет сомнения, что на конгрессе будет представлена в большом числе партия „мира во что бы то ни стало". Эта партия охотно позволит одной только России сохранить средства, которые дадут ей возможность об'явить войну остальной Европе, а между тем один только факт наличности такой державы, как Россия, достаточен для того, чтобы заставить все другие государства сохранять свои армии. Более чем вероятно, что некоторые французские радикалы воспользуются возможностью произнести декламаторские речи против своего правительства, но эти речи произвели бы больший эффект, если бы были произнесены в Париже. Люди, не желающие содействовать изменению отношений между трудом и капиталом, игнорируют действительные предпосылки всеобщего мира. В конце своей речи Маркс предложил, чтобы делегаты Генерального Совета не принимали официального участия в конгрессе мира, а на конгрессе Интернационала выступали бы против всякого предложения, высказывающегося за официальное участие. Это предложение было принято единогласно.

В этом духе делегаты Генерального Совета и выступали на Лозаннском конгрессе. Но они натолкнулись на сопротивление Женевской секции. Комиссия [1]), которая должна была выработать ответный адрес конгрессу мира, имела в качестве материала подробную резолюцию Женевской секции от 25 августа [2]). У нас нет отчета этой комиссии; мы знаем только, что в заседании 4 сентября докладчиком по этому вопросу выступил от ее имени Гафнер и предложил следующий адрес конгрессу мира:

„Принимая во внимание, что из всех классов рабочий класс наиболее тяжело страдает от гнета войны, ибо она не только отнимает у него средства существования, но заставляет проливать кровь рабочих;

---

[1]) Из пяти лиц: Дюпон, Клейн, Бюркли, Гафнер, Рибо.

[2]) Эта резолюция была составлена Беккером. Она ярче всего показывает, как далеко отстояли „марксисты" Первого Интернационала от марксизма, как мы его понимаем теперь. И тем не менее „Vorbote" Беккера пользовался долгие годы влиянием на всю немецкую социал-демократию. Читая резолюцию, мы вряд ли найдем большую разницу между этою „немецкою" фразеологиею и „романскою".

„Принимая во внимание:

что существование Международного Товарищества Рабочих означает фактическое братство народов — союз мира;

что благосостояние человеческого общества может быть основано только на продуктах интеллектуального и физического труда;

что создание, улучшение и умножение моральных и материальных благ возможно только при условии мира;

что, напротив того, война не только задерживает и уменьшает производство, но даже разрушает продукты, производительные силы и средства производства;

что уже вооруженный мир задерживает бо́льшую часть производительных сил, возлагает на труд множество бесполезных работ и даже производство средств разрушения, создает постоянную угрозу войны и тем запугивает и ослабляет производство;

что вооруженный мир не может быть устранен и возникновение войны не может быть предотвращено до тех пор, пока повсюду не будет завоевана и обеспечена свобода, пока весь суверенитет не перейдет в руки народов и постоянная армия не будет заменена народным ополчением;

что народы могут завоевать себе и обеспечить свободу и суверенитет только при условии взаимного сотрудничества (мутуальности) и общей связанности (солидарности);

что в свою очередь это сотрудничество и общая связанность могут деятельно и плодотворно влиять только в том случае, если они имеют конечною целью отождествление частных и общих интересов — действительную справедливость для всех людей;

что эта конечная цель может быть достигнута лишь тесным об'единением всех рассеянных средств, прочною организациею всех распыленных сил — путем Международного Товарищества;

что старые прогрессивные партии слишком ограничены политическими и религиозными, национальными и социальными предрассудками, вследствие частных интересов своих членов, неспособны ни к какому решительному действию — исполнению культурно-исторической миссии, и приближаются к разложению;

что только пролетариат умственного и физического труда, интересы которого совпадают с культурно-исто-

принимая во внимание, что вооруженный мир ослабляет производительные силы, требует от труда лишь бесполезной работы и запугивает производство угрозами войны;

принимая во внимание, что мир, это—первое условие всеобщего благосостояния, может быть установлен только новым общественным строем, не знающим никакого деления на два класса, из которых один эксплоатируется другим;

конгресс Международного Товарищества Рабочих постановляет безусловно и решительно принять участие в конгрессе мира, собирающемся в Женеве 9 сентября, энергично поддержать его и принять участие во всем, что будет им предпринято для уничтожения постоянных армий и сохранения мира, с целью возможно скорее добиться эмансипации рабочего класса и освобождения его от власти и влияния капитала, а равно создания конфедерации свободных государств всей Европы".

Сравнивая эту резолюцию с резолюциею Беккера, мы видим, что только конец последней был принят комиссиею; мотивировка же ее была заменена более краткою и ясною. Можно предполагать, что Дюпону удалось в комиссии если и не отстоять предложение Генерального Совета, то провести другую мотивировку [1]).

Борьба продолжалась на пленарном заседании. Против резолюции возражал де-Пап; „Если бы мне приходилось изложить свое мнение перед Женевским конгрессом, я сказал бы ему так: подобно вам, мы стремимся к миру; но до тех пор, пока будет существовать так-называемый национальный принцип или патриотизм, будут происходить войны: до тех пор, пока существуют различные классы, будут происходить войны. Война не только следствие честолюбия того или иного монарха; так, действительною причиною мексиканской экспедиции были интересы группы капиталистов. Война есть следствие отсутствия равновесия в экономическом мире и отсутствия равновесия в политическом мире. Если Женевский конгресс хочет мира при теперешнем общественном строе, то он непоследователен: кто хочет цели, должен желать и средства".

По словам официального протокола, Эккариус выступал в том же духе, как де-Пап. Он об'яснил точку зрения Генерального Совета, но прибавил, что последний высказывается только против о ф и ц и а л ь н о й д е л е г а ц и и, но не против посылки адреса.

Толен тоже хотел поставить участие в конгрессе мира в зависимость от определенных условий и полагал, что только в случае удовлетворительного ответа Международное Товарищество Рабочих может участвовать в конгрессе мира. Раздавались также голоса, категорически возражавшие против участия. Возможно, что последнее мнение победило бы несмотря на вмешательство делегатов Перрона, Куллери и Бюхнера, если бы Дюпле не указал на то обстоятельство, что конгресс мира был отложен специально для того, чтобы подождать решения Международного Товарищества Рабочих. „И если,—сказал он,—

рическою задачею, может в союзе со всеми великодушными людьми высоко держать знамя человечества и человечности и в качестве партии возрождения указать мировой истории новый путь;

конгресс Международного Товарищества Рабочих постановляет: 1) поддержать всеми силами Женевский конгресс в его стремлениях к сохранению мира, уничтожению постоянной армии и замене ее народным ополчением, к об'единению средств борьбы и сил, при чем, однако, конгресс никоим образом не упускает из виду прежнюю цель освобождения рабочего класса от господства капитала — т.-е. преобразования социального и государственного строя — и создания союза свободных государств Европы; 2) назначить комиссию из пяти лиц, которая должна довести до сведения международного конгресса мира в Женеве эту резолюцию на немецком, французском, английском и итальянском языках, подробнее обосновать ее во всех частях и согласовать с другими предложениями в том же духе".

[1]) Это предположение подтверждается речью Дюпона на конгрессе мира. Он был делегирован туда француз скою секциею в Лондоне для отстаивания точки зрения Генерального Совета. Свою речь, вызвавшую сильную оппозицию, он закончил следующими словами: „Чтобы создать продолжительный мир, необходимо уничтожить законы, угнетающие рабочих, все привилегии; необходимо превратить всех граждан в рабочий класс. Короче говоря, необходимо принять социальную революцию со всеми ее следствиями" („Annales du Congrès de Genève", 9—12, Septembre 1867. Genève 1868, p. 172).

конгресс мира в Женеве представляет собою буржуазный конгресс, то Перрон, Беккер и он сам принадлежат к этой же буржуазии!" Беккер на заседании не выступал.

Наконец, согласились на компромисс, предложенный уже Толеном в его речи, т.-е. на участие при определенных условиях. Последние были формулированы в следующей поправке Толена, к которой присоединился и де-Пап, и которая была принята 32 голосами против 14-ти:

„Конгресс, принимая во внимание, что первою и основною причиною войны является пауперизм и отсутствие экономического равновесия, что для уничтожения войны недостаточно распустить армии, но необходимо также изменить социальную организацию на началах справедливого распределения производства, ставит **свое участие** в зависимость от принятия конгрессом изложенного заявления" [1]).

Поправка Толена, как и речь де-Папа, носят на себе явную печать идеи **Прудона**. Нарушение экономического равновесия, пауперизм, как основная причина войны, создание справедливости в торговле в качестве предварительного условия мира,--все эти лозунги были взяты из книги Прудона о войне и мире, в которой он издевался также над всеми конгрессами мира. Таким образом, Эккариус и Толен, исходя из различных точек зрения и различных методов, тем не менее практически заняли одну и ту же позицию по отношению к конгрессу мира.

Итак, резолюция Лозаннского конгресса о Лиге мира отнюдь не означала,—вопреки мнению Фридриха Адлера,—что Интернационал отказался от военной политики, якобы, провозглашенной им во Вступительном Адресе, и перешел к политике мира. Наоборот, Лозаннский конгресс отверг немедленное присоединение к Лиге мира именно потому, что наилучшее оружие международного мира он видел в программе Международного Товарищества Рабочих. И конгресс мира в Женеве доказал самым недвусмысленным образом, что условия Лозаннского конгресса были неприемлемы для этого буржуазного общества. Именно этим категорическим отклонением всех требований Интернационала, а не „интригами" Маркса об'ясняется, что следующий конгресс Интернационала категорически отказался присоединиться к „Лиге свободы и мира", созданной на Женевском конгрессе мира. Тот самый Беккер, который возлагал столько надежд на этот конгресс европейской демократии, указал уже в сентябрьском номере своего „Vorbote", сейчас же после конгресса мира, все причины, делавшие вступление невозможным [2]).

Резолюция Лозаннского конгресса ставила вступление Международного Товарищества Рабочих в зависимость от принятия его резолюций; поэтому неудивительно, что теперь, когда не только Женевский конгресс мира, но и „Лига мира и свободы" на своем новом конгрессе мира в Берне ни в малейшей степени не выполнила этого условия, Брюссельский конгресс Интернационала почти единогласно постановил:

„1. Что делегаты Международного Товарищества Рабочих, отправляющиеся в Берн, должны выставлять там в качестве программы от имени Интернационала различные постановления Женевского, Лозаннского и Брюссельского конгрессов; но, с другой стороны,

---

[1]) Ср. первое приложение к периодическому бюллетеню Интернационального Социалистического Бюро № 9, где сопоставлены резолюции Интернационала против войны за период от 1867 до 1910 годов. Женевских резолюций там нет. Лозаннская резолюция в немецком тексте местами прямо противоречит французскому. У Эйхгофа она также искажена. Что касается Иекка, то, не зная истории происхождения этой резолюции, он говорит, что она „вполне правильна и резко проводит принципиальную границу между буржуазным мечтательным пацифизмом и пролетарским отрицанием войны". Автором резолюции он считает Беккера.

[2]) „Чтобы добиться условий мира, не надо мечтать о покое, ибо кто хочет мира между народами, тот должен желать войны против всякой тирании и борьбы против всех политических, религиозных и социальных предрассудков. Но кто хочет войны против всякой тирании, тот должен прежде всего содействовать установлению мира внутри общества и быть готовым на все необходимые для того жертвы. Установление же внутреннего мира возможно только путем справедливости, а последняя—только путем действительного уравнения всех трудящихся в пользовании жизненными благами. Но осуществление такого уравнения означает полное преобразование экономических отношений". Напротив того, Гильом полагает, что Женевский конгресс мира сообразовался с резолюциями конгресса рабочих.

ответственность за все происходящие там дискуссии и принимаемые постановления ложится только на них лично.

„2. Что делегаты Интернационала полагают, что „Лига мира“ не имеет права на существование рядом с действующим Интернационалом; поэтому они приглашают Лигу присоединиться к последнему и призвать своих членов к вступлению в ту или иную секцию Интернационала“ [1]).

Но этот категорический отказ Брюссельского конгресса официально участвовать на конгрессе мира в Берне, как и условный отказ Лозаннского конгресса мира по отношению к Женевскому конгрессу мира нисколько не доказывают, что Первый Интернационал в отличие от Лиги мира отстаивал войну, как одно из средств своего арсенала. Как раз наоборот, Брюссельский конгресс определенно высказался против войны. На этом конгрессе были впервые указаны средства для предотвращения войны.

VI.

Вопрос о войне на Брюссельском конгрессе.

Немецкие секции Интернационала в Швейцарии поставили в порядок дня Брюссельского конгресса вопрос о том, „как должен вести себя рабочий класс в случае возникновения войны между двумя и более великими державами и, в частности, по отношению к виновникам этой войны?“ Прусско-французская война уже бросала наперед свою тень, и повсюду горячо обсуждался вопрос, имеются ли какие-нибудь практические средства против тайной дипломатии.

На этот раз инициатива исходила от Центрального Комитета группы секций немецкого языка. От его имени Беккер предложил составленную им резолюцию, в которой мы впервые встречаем идею отказа от военной службы и забастовки в предприятиях военной промышленности. Необходимо внимательно прочесть резолюцию „марксиста“ И. Ф. Беккера, послужившую канвою для дебатов о войне на Брюссельском конгрессе.

„Принимая во внимание:

что причиною непрочности мира является только несправедливый социальный строй и беспощадная экономическая борьба всех против всех;

что цезаризм не только дает этому строю опору, но даже способствует его ухудшению;

что буржуазия, хотя и желает мира для спокойного пользования своими благами, но в то же время в своих классовых интересах не только продолжает эту беспощадную экономическую войну, но для укрепления своего привилегированного положения ищет защиты у существующих властей, а тем самым способствует сохранению постоянной армии, этого продукта современного правительства, и облегчает возникновение национально-политических войн;

что большие войны ведутся не всегда только в династических интересах, но также в интересах национально-великодержавных и торговых и, следовательно, к ожидаемой выгоде господствующего класса;

что один только пролетариат решительно заинтересован в устранении навсегда как внутренней борьбы между индивидами и классами, так и внешней борьбы между народами;

что подобная война, в частности между Германией и Францией, должна рассматриваться, как настоящая гражданская война;

что только самодержавная Россия, участвуя или не участвуя в войне, может выиграть от борьбы между великими державами благодаря более низкому экономическому и культурному уровню огромной массы своего населения;

---

[1]) И эта резолюция Первого Интернационала, подобно многим другим, появилась первоначально в ошибочной формулировке, слишком резкой и по существу, и по форме. Вместо „присоединиться“, было написано „распустить себя“ (se dissoudre) и вместо „полагают“—„заявляют“ (déclarent). Этим об'ясняется, что некоторые члены французского Интернационала, в том числе и Варлэн, протестовали против этого требования „распустить себя“.

что пролетариат, независимо от того, выйдут ли его национальные властители победителями или побежденными, должен будет оплатить издержки борьбы своею кровью и рабочею силою и безвинно страдать от дальнейших последствий голода и нужды;

что Международное Товарищество Рабочих, которое в качестве представителя всего рабочего класса включило в свою программу необходимость завоевания всей политической власти, как средства к цели, должно уже и теперь стараться вести определенную политику в вопросах, имеющих мировое значение,—

Конгресс постановляет:

„1) Действовать через посредство всех конституционных органов Международного Товарищества Рабочих в том направлении, чтобы рабочие каждой страны не только громко и решительно высказались против всякой международной войны, но и всеми имеющимися в их распоряжении средствами совместно выступили против нее и отказались от службы человекоубийству и делу разрушения, а равно от всякой работы по снабжению воюющих армий.

„2) Издать брошюры, где в особенности каждому рабочему, вынужденному вступать в ряды постоянной армии, были об'яснены его человеческие обязанности и на случай войны предписаны правила поведения, установленные официальным порядком.

„3) Принять надлежащие меры к тому, чтобы рабочий класс мог повсюду направить всю свою силу прежде всего против посредственных и непосредственных виновников войны, будут ли они находиться в княжеских кабинетах конторах финансовой аристократии или в другом месте.

„4) Уполномочить Генеральный Совет принять все соответствующие меры в духе настоящей резолюции, как того потребуют время и обстоятельства".

По словам самого Беккера в „Vorbote", он при этом исходил из того, что подобное заявление со стороны рабочего класса имело бы гораздо большее практическое значение, чем если бы оно исходило от буржуазии. Оно указало бы каждому рабочему ту позицию, которую он должен занять в этом вопросе, и оказало бы тем большее влияние, что именно пролетариат составляет огромную часть воюющих армий. Сотни тысяч солдат, уходящих ежегодно в отпуск на работы и обратно возвращающихся в казарму, сотни тысяч рабочих, ежегодно призываемых в качестве рекрутов в армию, постепенно должны будут создать совсем другую психику, разложить традиционный воинский дух, искоренить слепое рабское повиновение и обуздать „беса войны". По существу рабочее движение давно уже вступило на этот путь, хотя еще лишь непроизвольно и не совсем сознательно; теперь необходимо продолжать тот же путь систематически и более сознательно. По мнению Беккера, решение рабочего конгресса против войны, основанное на указанных мотивах, произвело бы также гораздо более сильное впечатление на власть имущих, чем решение какого-нибудь конгресса более обеспеченных классов.

Дебаты по вопросу о войне начались во втором публичном заседании. Первым выступил Каталан (из Женевы). Прежде всего он указал, что инициатива принадлежит немцам, и об'яснил это тем, что они лишь недавно пережили войну. Он полагал, что в подобных случаях общественное мнение не оказывает влияния на власть имущих. Так, в 1866 году против войны протестовали различные слои населения: писатели, ученые, купцы, рабочие, и тем не менее мы пережили войну более ужасную, чем когда-либо раньше. Почему? Потому что выше общественного мнения стоит сила, которая держит в своих руках право об'явления войны. Поэтому для предотвращения войн необходимо уничтожить эту силу, а разрешить эту задачу можно только в своей собственной стране. Устранить зло мы можем только войною против войны, борьбою против виновников войны, против учрежде-

ний, предоставляющих им это право об'явления войны, против невежества, которое дает им возможность сохранить свое положение [1]).

Анри, парижский делегат, начал с того, что, собственно говоря, в обсуждаемом вопросе заинтересованы все классы населения. Поэтому необходимо осветить его с точки зрения всех классов и всех стран. Конечно, рабочему приходится оплачивать все издержки войны, он приносит все жертвы, проливает свою кровь. Но война причиняет вред всем, победителям, как и побежденным. Крымская война стоила 1500 миллионов, Мексиканская—1200. Что же получили мы от них? Кому служила пролитая кровь наших братьев? Капризам человека, распоряжающегося 40 миллионами душ. На самом деле никто не хочет войны, но как избежать ее? По его мнению, на ближайших выборах необходимо выбрать людей, которые должны позаботиться об изменении самих существующих учреждений. Как француз, он не может высказать свои мысли вполне свободно, но если он не в праве стремиться к изменению правительства, то он хочет, по крайней мере, изменения учреждений своей страны. Короче говоря, исходя из политической точки зрения, французы должны путем выборов, манифестаций, социалистической пропаганды стремиться к изменению личного режима, распоряжающегося жизнью и счастьем 40 миллионов людей.

Заметим кстати, что в мае 1869 г. во Франции предстояли выборы. Достаточно сравнить речь этого француза и резолюцию немца Беккера в 1869 г. с речами и резолюциями немцев и французов сорок лет спустя.

В ином тоне звучала речь бельгийского делегата де-Папа. Конечно, война представляет зло для всех нас, но наши вечные протесты нисколько не помогают. Речь идет о практическом действии. В этом он, следовательно, сходится с Беккером. Но какими средствами можно добиться этой цели?

Для этого имеются два метода. Один состоит в отказе от военной службы и, что сводится к тому же, от работы на нужды войны; другой метод, не прибегая к прямому действию, заключается в разрешении социального вопроса, что само собою уничтожит войну. Именно этот метод, будучи развит, принесет Интернационалу триумф. Первый метод требует постоянного повторения, второй же уничтожает зло в самом корне. Здесь говорили, что причина войны в отдельных лицах: это неверно. Короли и императоры не более, как случайное орудие. Истинная причина войны в наших социальных учреждениях. Войну вели и такие нации, которые не имели коронованного главы. Американская война представляла собою лишь вопрос труда [2]). Буржуазия южных штатов нуждалась в своих черных рабах, буржуазия северных штатов хотела отменить черное рабство, чтобы на его место поставить рабство белого рабочего, которое, быть может, еще хуже, так как черный раб кое-чего стоит, а белый раб не стоит ничего. Первоначальною причиною войн служил голод. Дикарь просто пожирал своего побежденного врага; впоследствии победитель отнимал у побежденного его землю, его орудия труда, продукты его труда, для удовлетворения своих собственных потребностей. Восточная война стоила много крови, а ведь она представляла собою не что иное, как борьбу за сбыт продуктов Востока, как настоящую социальную борьбу с торговыми целями.

Свой вывод де-Пап формулировал так:

„В вопросе о войне рабочие могут практически действовать только таким образом, что они будут продолжать свою социальную работу и организацией труда добьются уничтожения пауперизма, единственной причины современной анархии".

---

[1]) Мы придерживаемся, главным образом, официального протокола, который, конечно, тоже не свободен от ошибок. Речь Каталана передана различным образом в „Vorbote", в „Demokratisches Wochenblatt", и в отчете Эккариуса в „Таймс".

[2]) Qu'y avait-di dans la guerre d'Amérique, sinon une question de travail?

Итак, в противоположность Беккеру, рекомендовавшему отказ от военной службы и приостановку работ на нужды войны, де-Пап не предлагает никакого „практического" средства.

Здесь мы прерываем изложение дебатов о войне на Брюссельском конгрессе, чтобы дать слово Марксу:

„Эккариусом очень недовольны, и в ближайший вторник разразится благодетельная для него гроза. Пункты обвинения следующие: в конгрессе он не принимал почти никакого участии, а в „Таймсе" он изображает себя его главным руководителем. Он присвоил себе в собственность предложения Генерального Совета и себе же приписал доставшиеся последним аплодисменты. Речи других он по возможности опустил и, чтобы польстить „Таймс'у", исказил заключительную речь Дюпона. Кроме того, Лесснер жалуется, что Эккариус не поместил в „Таймс'е" прочитанного им (Лесснером) из моей книги; а резолюцию о книге он включил в свою корреспонденцию лишь под high pressure (высоким давлением); наконец, что он исказил немецкую резолюцию о войне. Он написал, что европейская война есть гражданская война, в то время как в немецкой резолюции сказано, что „a war between France and Germany was a civil war for the profit of Russia" (война между Францией и Германией была гражданской войной, в интересах России). Последнее он опустил. Напротив он приписал немцам и англичанам нелепую идею „the strike against war" (стачки против войны)".

Маркс сообщал это Энгельсу уже 16 сентября, т.-е. через несколько дней по окончании конгресса. Но и на этот раз, как во многих других случаях, он был жертвой информации Эккариуса и своего слишком большого доверия к немцам. Эккариус передавал речь де-Папа следующим образом:

„Де-Пап сказал, что война, это—эпидемия; единственное средство против нее, это—отказ от военной службы и приостановка работ на все время войны. Это убьет войну в ее корне. Причина войны в наших социальных и политических учреждениях. Международное Товарищество Рабочих должно заявить, что рабочий класс не может прибегать к прямому действию, но что причина войны лежит в совокупности наших учреждений. Американская война диктовалась классовыми интересами".

Мы видим, что „бельгийская нелепая идея" была просто придумана. Эккариус приписал бельгийцам „немецкую нелепую идею" [1]).

И в речах остальных бельгийских делегатов мы не находим ни малейшего следа рекомендованной Беккером „нелепой идеи". Гирш, говоривший в том же духе, как и де-Пап, прибавил даже, что буржуазия, несмотря на свою показную ненависть к войне, на самом деле поддерживает ее, ибо для сохранения своего господства она должна иметь армию, чтобы держать рабочих в узде. „Если бы мы,—закончил он свою речь,—могли добиться, чтобы рабочие отказались от военной службы, то мы употребили бы их совсем для другого дела, и тогда вообще уже не было бы вопроса о войне".

Пеллерен (ветеран бельгийского рабочего движения) сказал, что, хотя деспоты не всегда являются причиной войны, но тем не менее они подают повод к войне. Они постоянно развивают национальный дух вместо того, чтобы укреплять дух братства, они поддерживают людей, которые считают войну полезной, так как она препятствует чрезмерному росту населения. Итак, война—войне!

Из членов Генерального Совета в прениях о войне участвовал один только Люкрафт. Не надо забывать, что вопрос о войне был поставлен в порядок дня конгресса неожиданно для Генерального Совета, и его делегаты не имели по этому вопросу никаких инструкций или предложений. Люкрафт говорил поэтому от своего собственного имени.

---

[1]) Не только отчеты в „Vorbote" и в „Demokratisches Wochenblatt", но и отчет в „Daily News" сходятся с официальным отчетом. В своей искаженной передаче речи де-Папа Эккариус совершенно одинок.

Он сказал, что питает отвращение к войне. Война проистекала из гордости и жадности буржуазии, в виду чего она может исчезнуть только с победой принципов Интернационала. Для иллюстрации вреда постоянных армий он сослался на Монтескье и на сочинение д-ра Ларрок.

Корреспондент „Daily News", который передает речь Люкрафта еще подробнее, чем это сделано в официальном отчете, прибавляет, что Люкрафт предложил также резолюцию, в которой он приглашал конгресс выразить пожелание, чтобы в интересах европейских народов достигнуто было соглашение, которое позволило бы им ограничить вооружения, разоряющие трудящийся народ [1]).

Наконец, Толен от имени парижской делегации предложил следующую резолюцию:

„Принимая во внимание, что отношения между естественными сообществами [2]), народами и нациями, как и между гражданами, должны регулироваться на началах справедливости; что война означала всегда лишь право сильнейшего, а не признание права; что она представляет лишь средство подчинить народы господству привилегированных классов или их правительств; что она лишь укрепляет деспотизм, душит свободу (пример— последние войны Италии и Германии), разрушает семью и благодаря концентрации войск приводит к деморализации, усиливает невежество и нищету; что достояние и кровь народов служили только к тому, чтобы поддерживать среди них варварские инстинкты; что в обществе, основанном на труде и производстве, власть может служить только свободе и правам индивидуума, может быть только гарантией, но не нарушением прав хотя бы одного члена общества; что правительства Европы не представляют в настоящее время законных интересов рабочих,—

Конгресс Международного Товарищества Рабочих, собравшийся в Брюсселе, самым решительным образом протестует против войны. Он приглашает все секции Товарищества в их странах, а равно все рабочие союзы и организации без различия, присоединиться к его резолюции и с величайшей поспешностью и энергией действовать в том направлении, чтобы путем давления общественного мнения предотвратить войну между народами, которая означала бы войну гражданскую, ибо она велась бы между производителями, которая означала бы войну между братьями и гражданами".

Итак, французская резолюция также не обнаруживает ни малейших следов немецкой „нелепой идеи". Эрве эпохи Штуттгартского конгресса воскликнул бы: это—истинно „немецкая" резолюция, робкая и академическая! Прения продолжались так долго, что бельгийский делегат Фонтен предложил прекратить их. Однако, некоторые делегаты так рьяно протестовали, что было принято предложение Толена назначить комиссию, которой поручено было рассмотреть также и другие аргументы, не предложенные на пленуме, выработать на этом основании резолюцию и предложить ее другому пленарному заседанию конгресса.

Это произошло в одном из закрытых заседаний, где, по словам Беккера, „происходили серьезные и решающие прения по вопросам порядка дня конгресса, а обыкновенно также голосования". Но об этих заседаниях мы не имеем никаких отчетов.

Лишь в последнем заседании конгресса докладчик комиссии Шарль Лонге предложил принятую ею резолюцию, которая была одобрена и конгрессом. Мы передаем ее здесь не в том переводе, в каком ее дало Интернациональное Социалистическое Бюро, а в старом переводе, появившемся в шестидесятых годах [3]):

„Принимая во внимание, что справедливость должна регулировать все отношения между государствами и нациями, как и отношения между гражданами;

---

[1]) Эккариус в „Таймс" тоже говорит, что была предложена английская резолюция. Но он ее не цитирует, ограничиваясь саркастическим замечанием: „Она отнюдь не пришлась по вкусу тем, которые должны были голосовать резолюцию".

[2]) entre les groupes naturels.

[3]) В „Vorbote", „Demokratisches Wochenblatt", „Zukunft".

что война утверждала всегда только насилие сильнейшего, а не право;

что она служит только средством подчинить народы ярму привилегированных классов или представляющих их правительств;

что она укрепляет деспотизм и душит свободу (пример,—последние войны в Италии и Германии);

что она увековечивает невежество и нищету, внося в семьи горе и гибель и распространяя деморализацию повсюду, где концентрируются войска;

что достояние и кровь народов должны были служить только к тому, чтобы поддерживать среди них жестокие инстинкты первобытного состояния;

что в обществе, основанном на труде и производстве, власть может служить только свободе и равному праву каждого, что она может быть лишь гарантией права и свободы, но не средством угнетения хотя бы одного только полезного члена общества;

что при теперешнем состоянии Европы правительства не представляют законных интересов рабочих;

принимая во внимание, что, хотя война имеет своею основною причиною отсутствие экономического равновесия и потому может быть уничтожена только путем социальной реформы, но дальнейшая причина войны лежит в произволе, проистекающем из централизации и деспотизма;

что поэтому народы могут уменьшить число войн, противодействуя тем, которые их об'являют и ведут;

что в особенности это право принадлежит рабочему классу, который почти один только подлежит воинской повинности и один только в состоянии утвердить это право;

что для этого имеется действительное, законное и доступное немедленному исполнению средство;

что общество не может существовать, если производство приостанавливается на продолжительное время;

что, таким образом, приостановка работ трудящимися достаточна для того, чтобы сделать невозможным затеи личного и деспотического режима,—

Конгресс со всею энергиею протестует против войны. Он приглашает все секции Товарищества, равно как все рабочие общества и союзы, какого бы рода они ни были, со всею силою ействовать в их странах в том направлении, чтобы помешать войне между народами, которая может рассматриваться лишь как война гражданская, как война между братьями и товарищами.

„Особенно рекомендует Конгресс рабочим приостановку всех работ на случай возможности возникновения в их странах войны.

„Рассчитывая на дух солидарности среди рабочих всех стран, Конгресс надеется, что они не преминут оказать поддержку в этой „стачке народов против войны".

Сравнивая эту резолюцию с французскою и с резолюциею Беккера, мы видим, что в мотивировочной части комиссия приняла все соображения французской резолюции; из резолюции же Беккера она не восприняла ничего в буквальном тексте и лишь немногое по существу. Она повторила также фигурировавший уже в Лозаннской резолюции аргумент Прудона об отсутствии экономического равновесия, как основной причине войны.

В резолютивной части мы также находим следы французской резолюции, но давление общественного мнения, как средство против войны, исчезло.

Но пожелание Беккера, чтобы „рабочие каждой страны не только громко и решительно высказались против войны, но и всеми имеющимися в их распоряжении средствами выступили против нее", было принято. Отвергнуто было только главное средство, предлагавшееся им, а именно—отказ от военной службы и приостановка всех работ по снабжению воюющих армий.

Спрашивается только, как попала в резолюцию фраза о „приостановке всех раоот на случай возможности возникновения в их странах войны?“.

Уже слова „приостановка всех работ“, показывает, что цель этой фразы—категорически подчеркнуть, что она означает нечто совсем иное, чем предложение Беккера о приостановке работ в предприятиях, работающих на оборону.

К сожалению, как уже отмечено, мы совершенно не имеем протоколов закрытых заседаний. В своем „Vorbote“ Беккер сообщает нам об этом только следующее:

„Французская делегация устами Толена также предложила проект резолюции по вопросу о войне. Так как при теперешнем политическом положении Европы можно было опасаться прежде всего войны между Францией и Германией, то конгресс предложил делегатам обеих стран сговориться между собою насчет соответствующей резолюции. Избранная для этого комиссия из трех лиц (Мермилло, Толен, Беккер) очень скоро пришла к соглашению и переработала немецкий и французский проекты в общую резолюцию, приняв во внимание также мнения, высказывавшиеся в прениях на конгрессе“. Эта резолюция была единогласно и без прений утверждена конгрессом [1]).

Некоторые указания на этот счет мы находим в отчете Эккариуса. Изложив читателям „Таймс'а“ в кратком, но весьма извращенном виде предлагавшиеся со всех стран резолюции, он изображает прения в закрытом заседании следующим образом:

„Было указано, что отказ от военной службы наказуется по закону и не может быть проведен, а чисто „declaratory resolution“ в роде французской не имела бы никакого значения. Нужно нечто такое, что имеет по меньшей мере шансы быть осуществленным на практике, найти людей, которые проведут его. Таким средством является стачка. Даже во Франции стачки в настоящее время законом не воспрещаются. Ни одно правительство не может никого наказывать за отказ работать; и стачка имеет то огромное преимущество перед отказом от военной службы, что в последнем случае только люди определенного возраста и физического сложения дерзают оказать сопротивление, в первом же случае участие принимают все, зарабатывающие трудом на жизнь, и, кроме того, стачка об'явлется с согласия профессиональных союзов. Эта идея была выражена в следующей резолюции:

„Принимая во внимание, что наши социальные учреждения, как и централизация политической власти, представляют постоянную причину войны, которая может быть устранена только путем коренной социальной реформы; что уже теперь народы могут уменьшить число войн, противодействуя тем, которые их об'являют и ведут; что особенно это относится к рабочему классу, который почти один только проливает свою кровь; что для этого существует действительное, законное и доступное немедленному исполнению средство; что, так как политическое общество не может долго существовать в случае прекращения работ, то приостановка рабочими работ достаточна для того, чтобы сделать войну невозможною;—Конгресс Международного Товарищества Рабочих рекомендует всем секциям, а равно всем членам рабочих союзов, в частности и рабочему классу вообще, прекращать работы в случае возможности возникновения в их странах войны. Конгресс рассчитывает на дух солидарности, одушевляющий рабочих всех стран, и надеется, что в подобном случае не будет недостатка в средствах для поддержки народов против их правительств“.

Сравнивая эту формулировку с изложенною выше, мы видим, что они отличаются в мотивировочной части: здесь отсутствуют все аргументы французской революции. И все-таки Генеральный Совет в своем издании брюссельских резолюций, появившемся только на английском языке, напечатал резолюцию о войне в том виде, как она сообщена Эккариусом в „Таймс'е“. Маркс сделал это не потому, что в этой формулировке

[1]) Каутский пытается об'яснить постановление Брюссельского конгресса тем, что на нем преобладали французы и бельгийцы (Der politische Massenstreik, Berlin, 1914 s. 16—17). Но на самом деле, „наивных ребят“ которые „весьма рьяно, но и весьма наивно провозглашали массовую стачку безошибочным и простым средством принуждения“, надо искать совсем в другом месте. Предложение Беккера было, пожалуй, еще более „наивно“.

резолюция была для него более приемлема; это видно из того, что „бельгийская нелепая идея" выступает в ней еще ярче. Мы считаем очень вероятным, что комиссия согласилась на резолюции в формулировке, которая ближе всего к тексту Эккариуса, и лишь потом, после последнего заседания, комиссия, окончательно редактировавшая все резолюции, прибавил согласно решению конгресса также аргументы из французской резолюции [1]).

Но теперь нас интересует только вопрос, каким образом попала в эту резолюцию „бельгийская нелепая идея". Что Эккариус в общем правильно, хотя и со свойственным ему юмором, передает аргументацию в пользу приостановки всех работ, видно также из отчета „Demokratisches Wochenblatt".

„В качестве средства против войны конгресс рекомендовал рабочим тех стран, правительства которых об'являют войну, приостановку работ на время войны. Были предложены различные решения, но ни одно не нашло одобрения. Не хотели ограничиться только декларациею, но вместе с тем не хотели выносить решений неосуществимых, как например отказ от военной службы. Было указано, что стачка не воспрещается законом даже во Франции, и весь народ может принять в ней участие. Это — пассивное сопротивление пролетариата".

„Наивная" резолюция Брюссельского конгресса появилась на свет, как компромисс между „оппортунистическим" или „поссибилистическим" взглядом бельгийцев и французов и „революционным" взглядом „немцев". И если в конце-концов даже такие оппортунисты как Толен, присоединились к „действию", предложенному Беккером, то случилось это только потому, что, как им всем казалось, им удалось заменить это „действие" другим, которое не только не было революционным, но вполне разрешалось даже во Франции новыми законами „либеральной империи". Еще одно доказательство, что оппортунисты или поссибилисты бывают подчас еще наивнее, чем „радикалы" или „социал-революционные" марксисты.

Как бы то ни было, но нет сомнения, что Брюссельский конгресс Певрого Интернационала решительно высказался против всякой войны. Не его вина, но его беда, что предложенное им средство, хотя и вполне легальное, оказалось недействительным и менее всего пригодно для немедленного выполнения. История показала, что такая беда приключалась не только с ним. Извиняющим обстоятельством ему, как и вообще Первому Интернационалу, может послужить то, что тогда еще не было богатого опыта, массовых организаций, принципиального воспитания Второго Интернационала, которыми последний так гордился, но которые не спасли его от краха.

* * *

Мы проходим мимо дальнейших протестов Первого Интернационала против войны Решение Брюссельского конгресса осталось совершенно безрезультатным. Но не безрезультатною оказалась многолетняя пропаганда против войны. Только ей Европа обязана была тем, что вызванный франко-прусскою войною угар шовинизма так скоро прошел, что и во Франции и в Германии не победила тенденция превращения войны между господствующими классами в войну между классами угнетенными.

Во всяком случае, воскрешенная Генрихом Вебером и Фридрихом Адлером легенда о том, будто Первый Интернационал отнюдь не вел политики мира, а старался толкать военную политику господствующих классов в направлении, якобы, соответствующем интересам

[1]) Подтверждение этому мы находим в „Opinion Nationale", где резолюция передана в кратком виде, как у Эккариуса. Вообще, для конгресса Первого Интернационала вплоть до Базельского конгресса мы имеем собрания резолюций. Сделанное Марксом издание женевских базельских резолюций тоже неполно и тенденциозно. Ср. его письмо к Энгельсу от 24 февраля 1869 г.

пролетариата, не более, как сказка, основанная на недоразумении; последнее состоит в том, что на место Первого Интернационала подставляют Маркса и Энгельса, и при том не дают себе труда точно и критически рассмотреть их взгляды.

Маркс полагал, что требования буржуазных болтунов-пацифистов о разоружении представляют такую же наивную утопию, как и пацифистские мечты английской партии „мира во что бы то ни стало", до тех пор, пока угрожает опасность завоевательной войны со стороны России; в виду этого требуется не разоружение, а замена постоянной армии всеобщим вооружением народа. Эту идею Маркса бравый Боркгейм на конгрессе мира в Женеве превратил в требование превентивной войны против России. Маркс писал об этом Кугельману:

„Он подобен дикарям, которые думают украсить свое лицо, татуируя его всевозможными кричащими красками... В его речи имеется несколько фраз, в которых он окарикатурил (verkladderadatscht) мои взгляды".

Давно уже пора отказаться от таких карикатур на Маркса, особенно когда они исходят от людей, которые до войны имели с Марксом весьма мало общего и не уставали доказывать, что он „устарел".

Прошлое научает нас понимать современность в процессе становления. Но оно не может об'яснить нам ее собственные движущие силы. Для этого необходимо исследование реальных условий существования современности. Но мы хотим не только понять современность, но и изменить ее. Последнее же мы сможем сделать только в том случае, если будем всегда иметь в виду интересы всего интернационального пролетариата.

Если мы приходим к выводу, что то или иное действие необходимо, оно должно быть непременно проведено. Практика, будущее покажут, избрали ли мы правильный путь или ошибались.

Но опирается ли это действие на авторитет традиции, — это совсем другой вопрос. Занимаясь заклинанием великих духов прошлого, мы всегда подвергаемся опасности услышать ответ: Ты подобен духу, которого ты постигаешь, но не мне!

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

А. Де-Лазари.

Пролетарская революция на весах мировой войны 1914—1918 г.г. *)

Мировая война кончилась...

Участники ее разделились на победителей и побежденных.

Одна Россия решительно отказалась разделить участь тех или других.

Весь мир изучает эту величайшую из войн и ищет причины „побед“ и „поражений“.

Факторов, решивших участь мировой войны, много:

1) Первоначальная ошибка германского командования в начале мировой войны в осуществлении знаменитого шлиффенского плана войны против Франции.

2) Вступление в войну Англии и недооценка германским командованием значения английской армии, неожиданно обнаружившей свою военную организационную мощь и значительную наступательную силу своих новых формирований.

3) Отсутствие твердой линии ведения беспощадной войны, как результат постоянных разногласий и трений по этому вопросу между германским командованием и правящими сферами.

4) Вступление в войну, на стороне Антанты, С.-А. Соединенных Штатов с их неисчерпаемыми ресурсами и огромными запасами людского материала для ведения войны.

Вот те основные факторы, результатом которых мировая война вопреки близоруких расчетов правительств империалистических держав, вступивших в войну, приняла столь затяжной характер, что, в свою очередь, наметило вероятность ее конечного исхода.

Несмотря на значительность этих факторов, обусловивших затяжку войны и тем самым увеличивших шансы исхода мировой войны в пользу Антанты, ни один из них не оказался решающим; при различии их всех, решающая кампания 1918 г. началась на западном театре войны при такой обстановке, когда конечная победа была почти в руках германцев, но...

Победила Антанта.

Германия оказалась раздавленной, несмотря на то, что армия Германии *не потерпела в действительности ни одного решительного поражения*.

Где же тот фактор, который в мировой войне стал решающим?

Февральская революция, совершившаяся при благосклонном сначала отношении к ней Антанты, не оправдала надежд последней на под'ем настроений в народных массах в России, с целью доведения войны до победного конца во славу антантовского империализма.

Вопреки ожиданиям, русская „Революция Февраля“ (марта), окрепшая в классовых противоречиях, обостренных мировой войной, и выросшая в „Революцию Октября“ (ноября), грозно потрясла весь мир, зашатав рядом восстаний и выступлений в армиях и флотах всех воюющих держав и моральные устои их существования.

Боевой клич коммунистического манифеста „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“ и лозунг, брошенный *Лениным*—„Война—войне“, привели к прорыву общего фронта.

---

*) Написано для настоящего сборника в результате проработки русских и иностранных источников, Атласа войны 1914—18 г.г. (Москва, ГВИЗ, 1924 г.), разработанного т. Де-Лазари и на основании исторического очерка Зайончковского (в том же издании); интересно отметить, что выводы о причинах поражения Германии совпадают в значительной мере с выводами А. Тальгеймера. (См. стр. В. Н. настоящег осборника). Ред.

Русский фронт развалился...

Русская армия была сброшена со счетов и выкинута из баланса воюющих сторон: из актива Антанты и из пассива Центральных держав.

Однако, правительствам обоих империалистических лагерей приходилось крепко задуматься над своей судьбой в случае дальнейшего затягивания войны...

Путь от русского самодержавия до Советов был не длителен и у всех на глазах...

Как же реагировали на новый фактор обе стороны?

Во Франции, как только туда донеслись первые отзвуки Октябрьской революции, Пенлеве (первый министр того времени во Франции) собирает совещание из представителей держав Антанты для обсуждения создавшегося положения в связи с резким изменением, не в пользу Антанты, баланса сил [1]). Устанавливается безусловная необходимость срочнейшего заканчивания войны и для этой цели более энергичного участия вступившей в войну Америки..... Последняя весьма умело использует нажим Германии на охваченную революцией Россию, в частности создавая и направляя общественное мнение рабочих Америки против Германии, как душительницы Русской революции *).

В Англии и Франции сознается необходимость более тесного контакта и согласованности действий на театрах войны...

Высказывается необходимость об'единения командования всеми силами Антанты...

Этот фактор впервые понудил создать единую хозяйственную базу для ведения войны. Эти мероприятия осуществляются в кампании 1918 года и к моменту решительной схватки на полях Пикардии, без которых немыслимо было торжество стратегии нового главнокомандующего силами Антанты, маршала Фоша.

В Германии. — Освободившись от длиннейшего своего восточного фронта от Балтийского до Черного моря и получив возможность сосредоточить все свое внимание и силы на главном театре—французском, Людендорф решил использовать создавшуюся от этого благоприятную для Центральных держав стратегическую обстановку и решительной победой на главном театре войны добиться желанного и желательного для Германии мира.

Столь ясная политическая цель требовала от осуществляющей политику стратегии и ее исполнителя Людендорфа сосредоточения на указанном театре войны всей мощи, всего напряжения и всего внимания, какие могла дать к этому времени Германия.

Между тем на месте скинутой со счета, разложившейся массы старой русской армии, Октябрьская революция создала ту „красную большевистскую опасность“, которая к моменту решительной для Людендорфа ставки на Западе отвлекла его внимание и значительные силы на Восток.

Увлеченное кажущимся столь блестящим своим внешним положением и опьяненное столь разительным успехом на русском фронте, развал которого германское командование наивно приписывало себе, оно поставило себе две политические цели: на Западе—победа для мира, на Востоке—свержение Советской власти, задушение большевизма.

Ставя себе одновременно столь крупные политические цели, германское командование не учло того внутреннего состояния, в каком находились в это время Центральные державы.

Внутреннее же положение Центральных держав сулило мрачные перспективы.

Экономическое состояние их дошло до крайней степени упадка во всех отношениях.

Людской материал был весь исчерпан.

Весь запас, который мог быть использован для пополнения войск, не превышал в Германии 100 тысяч человек.

---

[1]) Painlevé. Comment j'ai nommé Foch et Pètain. Paris 1923. Н. Д.

*) Это ярко обрисовано у Синклера в романе „Джимми Хигинс“, где Джимми отправляют для борьбы с германским империализмом в.... Архангельск. Ред.

Подводная война не оправдала возлагаемых на нее надежд.

Обострение классовых противоречий, борьба политических партий, физический упадок, желание мира и сопряженное с этими факторами дезертирство принимали угрожающие размеры.

Идеи своеобразного пацифизма, бросаемые германским военным командованием на русский фронт, столкнулись с идеями большевизма, воспринятыми народными массами России, и хлынули широкой волной обратно в Германию, но уже в коммунистической обработке, уже под редакцией Ленина.

Германский солдат, выполняя пропагандистскую задачу своего командования, распропагандировался сам и разлагал свои части; эти последние, при переброске их с восточного (русского) фронта на западный (французский), вносили в свою армию и в свой народ те новые идеи Советского строительства, которые ярким революционным пламенем разгорались на месте царской России и разжигали жажду к миру, как первый необходимый этап для перестройки жизни на новых началах.

Всей этой действительности германское командование и его вдохновители не учли[1]).

В результате—поражение Германии на Западе, революция в самой Германии и „организованная красная мощь" на Востоке в лице молодой Красной армии...

Для подтверждения обратимся к истории.

Генерал Людендорф в своих „Воспоминаниях" на стр. 114 пишет:

„На рубеже 1917—18 года обстановка на суше, вследствие выхода из войны России, слагалась для нас выгоднее, чем за год перед этим. Мы вновь, как в 1914 и 1916 году, могли ставить перед собой задачу решения войны посредством наступления на суше. Соотношение сил складывалось для нас так благоприятно, как никогда".

При вышеприведенной оценке обстановки, сделанной Людендорфом, последний, однако, совершенно ясно сознавал, что такое благоприятное для Германии соотношение сил может быть только до тех пор, пока Америка не перевезет во Францию достаточных сил, чтобы это соотношение изменилось в пользу Антанты.

Такой момент должен был наступить летом 1918 года, учитывая, что Америка ежедневно перевозила по 7000 солдат с соответствующей богатейшей техникой.

Необходимо было торопиться, чтобы не упустить столь благоприятный и, по всем расчетам, последний момент.

Необходимо было подготовить во всех отношениях решительную операцию так, чтобы победа была обеспечена: на карту ставились исход войны, судьба Германии: победа и желанный и желательный мир, поражение и позорный мир, полная кабала.

Надо отдать справедливость германскому командованию в лице Гинденбурга—Людендорфа *): подготовка операции была проведена с исключительной тщательностью и продуманностью во всех отношениях.

Начиная от соответствующей обработки общественного мнения в лагере своих противников и кончая „тактикой стрелкового отделения" в „наступательном сражении в позиционной войне",—все было предусмотрено и проведено в жизнь.

13 февраля на совещании в Гомбурге Людендорф доложил Вильгельму: „армия сосредоточена и, будучи хорошо подготовлена, приступает к разрешению величайшей задачи в истории" (Людендорф. „Мои воспоминания", стр. 158). „Толчок к под'ему духовных факторов должна дать энергия действий на Востоке". (Людендорф. „Мои воспоминания", стр. 157)

---

[1]) Зайончковский. Мировая война, стр. 379.

*) Как известно Верховно-главнокомандующим Германии был—Вильгельм II, как в России—Николай II Начальником же штаба был Гинденбург, а оперативное руководство находилось в руках Людендорфа—генерал-квартирмейстера. Работу последнего трудно отделить от работы Гинденбурга и обратно. Хотя огромная популярность среди германского населения и выпала на долю Гинденбурга, но трудно сказать, кто из них больше заслуживал ее—Гинденбург или Людендорф. Ред.

Проследим кратко за ходом событий после принятых германским командованием решений на совещании в Гомбурге 13 февраля.

На Востоке.

Заключив 9-го февраля 1918 г. мир с отделившейся от Сов. России Украиной и заняв своими войсками Киев, Одессу и почти всю территорию Украины до Ростова и Черного моря включительно, германское командование, по настоянию ген. Людендорфа, прерывает переговоры с Советской Россией и, вопреки заявлению Советского правительства о нежелании воевать, 18 февраля предпринимает наступление вглубь России, защищаемой к тому времени лишь отрядами Красной Гвардии, созданными рабочими фабрик и заводов, матросами и опиравшимися на них ничтожными остатками старой русской армии и небольшими партизанскими отрядами.

Начинается „экспедиция наказания за сопротивление требованиям Людендорфа“.

„Карательная экспедиция“ и оккупация германцами территории Великороссии и Украины требуют, при самой строгой экономии в силах, для выполнения этой операции 30—32 дивизии и всю наличную к тому времени германскую конницу в составе 3 кавалерийских дивизий, что приводит к соответственному ослаблению германских сил на главнейшем (французском) театре.

Разбросанные же на огромном пространстве оккупированной территории, увлеченные больше спекуляцией спиртом, сахаром и т. д. среди местного населения, чем боевой службой, в атмосфере, насыщенной „большевистской заразой“, германские оккупационные отряды быстро теряют свои боевые качества и, при переброске впоследствии на французский фронт, распространяют там „заразу“, подрывающую в конечном итоге стойкость и упорство германской армии к моменту последней, решительной схватки.

На Западе.

21 марта 1918 г. после $5^1/_2$-часовой сильнейшей артиллерийской бомбардировки химическими снарядами, при густом тумане, на фронте в 70 клм. между Круазиль и Ла-Фер, три германских армии (17, 2 и 18), в составе сорока дивизий, обрушиваются на 21 английскую дивизию... Английский фронт прорван... К 26 марта 5 английская армия, в виде рассеянных бродячих остатков, не в состоянии оборонять р. Сомму. Перрон взят германцами... Фран-

цузы спешно перебрасывают свои стратегические резервы: 3 и 1 французские армии... Германцы развивают свое продвижение к Монтидье, где создается угроза прорыва растянутого фронта вступивших в дело 3 и 1 французских армий...

В Англии и Франции создается тревога... Созывается конференция в Дуллане... Сознается необходимость единого командования, которое осуществляется пока в виде согласования действий союзных армий в пределах Франции, возложенного на ген. Фоша... Германское командование развивает операцию и увеличивает ее район: 17 армии приказывается продвигаться на фронт С.-Поль—Аббевиль, 2 армии—на Эрен-Бретейль, 18 армии—на Бретейль—Компьен.

27 марта на фронте французов к югу от Монтидье образуется прорыв в 10 километров между с. с. Мениль и Ралло, никем не занятый в течение суток.

Командарм 1 фр. армии ген. Дебенэ в отчаянии просит ген. Файоля о спешной присылке войск в район С. Плайтон, чтобы помешать проходу в прорыв германской конницы но...

У Людендорфа в этот решительный момент, (когда по его же словам на докладе Вильгельму 13/II в Гомбурге „будут подвезены все до единого бойца"), единственные оставшиеся в германской армии 3 кавалерийских дивизии и до 30 дивизий пехоты (правда, старых сроков) застряли, по его же вине, на Востоке, где они выполняли задачи по сбору продовольствия и защите Германии от большевизма.

28 марта прорыв заполнен... Образуется сплошной англо-французский фронт... Дальнейшие атаки германцев оказываются безрезультатными. Обескровленные германские дивизии, не имея свежих пополнений, не в силах выполнить последнюю поставленную им ограниченную задачу: взять Амьен.

„Сопротивление англо-французов оказалось выше уровня германских сил. Верховное командование принимает весьма ответственное решение — окончательно приостановить наступление на Амьен" (Людендорф. „Мои воспоминания", стр. 168).

Последняя ставка Людендорфа была бита....

Дальнейшие наступления германцев у Кеммеля (9—25 апреля), в районе Суассон, Шато-Тьери, Реймс (27 мая—15 июля), давая им крупные тактические успехи, неизменно кончались безрезультатно в стратегическом отношении, при чем каждый раз все более и более не хватало германцам сил достигнуть решительных результатов.

„Толчок к под'ему духовных факторов должна дать энергия действий на Востоке",— докладывал Людендорф 13 февраля на совещании в Гомбурге, об'ясняя необходимость наступления на Восток. „К решительному моменту разрешения величайшей задачи в истории на Запад будут подвезены все до единого бойца, которыми мы можем располагать" тогда,— же докладывал Людендорф Вильгельму, рисуя ему шансы на победу.

Вот эта невязка политики и стратегии,—„толчок к под'ему"—на Восток, „все до единого бойца"—на Запад,—стала той авантюрой, в которой вполне определился „гений" Людендорфа.

Одна возможность развития и распространения пролетарской революции при дальнейшем затягивании войны предопределила стремление всех участников мировой войны к скорейшему ее окончанию и неминуемый крах, в первую голову, германского империализма, вынужденного, в лице ген. Людендорфа, взять на себя непосильную задачу: „удушение Великой Революции Октября на Востоке" и „решение величайшей задачи в истории на Западе".

В. Гурко-Кряжин.

Послевоенные мировые конфликты[1].

I.

Мировая война, как мы все прекрасно знаем, не разрешила ни одной империалистической проблемы последних десятилетий, помимо уничтожения блока Среднеевропейских держав, ликвидации Австро-Венгерской империи и необычайного военнополитического и экономического ослабления Германии. Вместе с тем, она посеяла ядовитые семена новых мировых конфликтов и создала совершенно новые географические и политические „зоны трения", угрожающие в будущем неизбежными вооруженными столкновениями. Говоря о „передышке" между империалистическими войнами, В. И. Ленин с обычной своей прозорливостью писал:

„Мирные союзы подготовляют войны и, в свою очередь, вырастают из войн, обусловливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из одной и той же почвы империалистических связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики".

Несмотря на то, что эти строки были написаны весной 1916 г., т.-е. почти за три года до окончания мировой войны, они дают необычайно отточенную и всеоб'емлющую формулу, целиком покрывающую послевоенные международные отношения.

Правда, „немирная борьба", т.-е. происходящая на полях сражений, уступила место „мирной" борьбе в дипломатических канцеляриях и за зелеными столами бесчисленных международных конференций. Но эти арьергардные военно-дипломатические бои протекают не менее ожесточенно, и, вдобавок, всегда грозят перейти в прямую военную борьбу. Недаром несколько раз в течение протекших пяти лет дипломатические угрозы подкреплялись военным действием: при оккупации Рура, при захвате итальянцами Фиуме, при столкновении великих держав с Турцией у проливов и т. д.

Изобразить все эти послевоенные столкновения и противоречия держав в виде схематической картины, конечно, невозможно. Как и накануне мировой войны, мы имеем сейчас невероятно запутанный клубок империалистических интересов, сплетающихся и пересекающихся во всех сферах государственной жизни и на территории всего земного шара. Тем не менее мы смело можем утверждать, что основной причиной той неустойчивости, которая характеризует мировую политическую жизнь, является жесточайшее империалистическое соперничество между Англией и Францией.

Стержнем всей европейской политики в ближайшие довоенные годы и в течение всей мировой войны было, несомненно, на-ряду с франко-русским союзом, „сердечное соглашение" (Entente cordiale), заключенное (в 1904 г.) между Францией и Англией. И вот мы видим, как тотчас же по заключении перемирия эта близость между указанными державами рушится и заменяется скрытой враждой. Сейчас можно смело сказать, что нет ни одного крупного вопроса международной политики, в котором Англия и Франция не выступали бы, как явные или тайные враги.

Каковы же причины этого фактического крушения Антанты? Чуть не главную роль играет здесь борьба империалистических интересов на Ближнем Востоке. Тотчас же, по окончании войны, взамен разгромленной Германии, Англии пришлось

---

[1]) Статья написана для настоящего сборника на основании, главным образом, материалов, вошедших в мою книгу „Послевоенные мировые конфликты", изд. Московский Рабочий. Москва. 1924. *В. Г.*

столкнуться на Ближнем Востоке с Францией, которая, обладая огромными финансово-экономическими интересами в Турции, могла превратиться здесь, после временного ухода России и Германии, в полного гегемона. Но на эту же роль претендовала сама Великобритания, и вот мы наблюдаем, как между двумя державами разгорается упорная четырехлетняя борьба. В результате последней Англии удается отстранить Францию от Мосула, превратить Грецию из агента Франции в своего послушного вассала и, наконец, окружить оккупированную французами Сирию поясом вассальных арабских государств: Палестины, Заиорданья и Ирака, на трон которого был умышленно посажен заклятый враг Франции—Эмир Файсал. Однако, Франция также нанесла несколько сильных ударов британской политике: именно из-за ее противодействия Англия не смогла окончательно утвердиться в проливах, превратив их в ближневосточный Гибралтар; самое же главное, в разгар войны с М. Кемалем Франция заключила с ним мирное соглашение (зимой 1921 г.) и оказала поддержку военным снаряжением для борьбы против греков и стоящих за их спиной—англичан. Момент заключения англо-турецкого договора был наиболее критическим во всей истории Антанты: обе стороны обменивались резкими угрозами и обвинениями в измене. Лозаннская конференция также вся прошла под знаком этой ожесточенной борьбы. На этот раз крупных успехов удалось достигнуть англичанам, которые заранее столковались с американцами. Франция осталась изолированной и, благодаря этому, потерпела поражение в самом больном месте, в вопросе о турецком государственном долге, который был значительно сокращен. Борьба за политические и экономические интересы на Ближнем Востоке является, таким образом, главной причиной кризиса в отношениях между Англией и Францией [1]).

Второй причиной, обостряющей между ними отношения, является вопрос о вооружениях. Для обеих держав этот вопрос имеет совершенно различное значение. Если для Франции милитаризм является необходимым орудием для обороны ее колониальной империи, то для Англии он является средством защиты самих британских островов.

Уже до мировой войны Франция имела огромную колониальную империю в четырех частях света: Африке, Азии, Америке и в Океании. В результате войны Франция присоединила немецкие владения в Африке (Того и Камерун), а также получила мандат на Сирию, т.-е. попросту оккупировала последнюю своими войсками. В настоящее время вся колониальная площадь Франции достигает огромной цифры 5.400.000 кв. миль, что составляет приблизительно половину площади великой Британской империи (13.600.000 кв. миль).

Однако, между этими двумя колоссами есть чрезвычайно существенная разница: в то время, как на колониальной территории Великобритании проживает 407.000.000 чел., в колониях Франции едва насчитывается 62 милл. жителей; плотность населения Французской империи, таким образом, более чем в три раза меньше плотности в колониях и заморских владениях Англии.

Далее, мы можем указать еще более существенное отличие: в Английской империи англо-саксы не только представлены постоянно растущим населением британских островов (47 мил. чел.), но составляют преобладающий этнический элемент важнейших заморских владений: Канады, Ново-Зеландии, Австралии и др. доминионов. Наоборот, особенностью колониальной империи Франции является то, что население ее носит цветной характер. В старейшем французском владении (Алжире), который официально считается даже не колонией, а частью Франции, французы составляют лишь 10% всего населения; если же обратимся, например, к Индо-Китаю, то увидим, что французы здесь составляют буквально микроскопический элемент народонаселения, не превышая 0,1%.

Управлять огромной колониальной империей и защищать ее—Франции приходится,

---

[1]) Подробности об англо-французской борьбе на Бл. Востоке см. у В. А. Гурко-Кряжина „Национальнс-освободительное движение на Бл. Востоке" Москва. 1923 г. и „Ближний Восток и державы". Москва. 1924 г. *В. Г*

используя, таким образом, исключительно те человеческие ресурсы, которые имеются в самой метрополии. Но подлинная трагедия французского империализма и заключается как раз в том, что в отличие от Англии и особенно от Германии население самой Франции, как известно, не увеличивается, а остается на одном и том же уровне.

Это тяжелое положение усугубляется еще тем, что мировая война причинила колоссальную убыль мужскому населению Франции, в результате чего целый ряд ее районов оказался прямо-таки обезлюженным.

Прошлой весной Палата Депутатов определила размер постоянной регулярной армии в 465.000 человек. Но где возьмет Франция потребное количество новобранцев при постоянно убывающем числе рождений, и в особенности после колоссальных потерь, причиненных мировой войной? Недаром, в военных и правительственных кругах уже сейчас поднимается вопрос о продлении военной службы до 3-х лет.

Необычайная серьезность этой проблемы усугубляется для Франции ее крайне невыгодным географическим положением. В самом деле, если мы взглянем на карту, то увидим, что ее азиатским и африканским колониям повсюду угрожают более сплоченные, более развитые в экономическом и политическом отношениях заморские владения Англии.

Индо-Китай расположен между Индией и Австралией и недаром единственный доступ к нему—Малаккский пролив—Англия намеревается преградить путем устройства базы в Сингапуре. Ворота к Алжиру и Тунису контролируются английским Гибралтаром; африканские владения Франции опоясаны сплошной лентой британских владений от Средиземного моря до мыса Доброй Надежды; наконец, Сирия с моря контролируется Кипром, а с материка забаррикадирована цепью арабских государств, находящихся в вассальной зависимости от той же Англии. Постоянные и совершенно неизбежные столкновения двух мощных империй в четырех частях света и составляют одну из основ англо-французского антагонизма.

Для защиты своей колониальной империи от Англии Франция выковывает два оружия военную авиацию и подводный флот. Подводный флот предназначен несомненно для периферической защиты колоний от английского флота. Недаром французская судостроительная программа на 1923 г. предусматривает почти исключительно постройку как раз подводного флота. Намечена постройка 2-х огромных подводных крейсеров, каждый по 3000 тонн, 30 подводных лодок I класса по 1.385 тонн каждая и, наконец, 7 подводных лодок по 600—1300 тонн для установки мин. Вопрос о расширении подводного флота, как известно, вызвал резкие столкновения между Францией и Англией на Вашингтонской конференции; Англия настаивала на уничтожении уже существующего подводного флота и на запрещении строить его в будущем. Франция, однако, категорически отказалась уступить в этом вопросе, он до сих пор составляет одно из самых больных мест англо-французских отношений.

Что касается французской авиации, то она, несомненно, предназначается для центральной атаки против Англии, а именно—для удара на британские острова.

За послевоенные годы воздушные силы великих держав потерпели чрезвычайно крупные изменения.

Нижеследующая табличка дает ясное представление о воздушном флоте 5-ти держав к моменту перемирия.

Великобритания	22.000	аэро- и гидропланов.
Франция	20.000	„ „
Италия	5.000	„ „
Германия.	18.000	„ „
Австрия	5.000	„ „

Правда, необходимо отметить, что боевые функции выполняла лишь приблизительно седьмая часть наличного флота; остальные машины находились в резерве или служили для обучения.

После мировой войны военная авиация Германии и Австрии была целиком уничтожена. Что же касается до держав победительниц, то они принуждены были капитально сократить свои воздушные флоты.

В конце 1921 г. мы видим уже следующую картину:

	В стране.	Вне.	Всего.
Франция	1.036	864	1.722
Великобритания	545	503	1.048
Италия	454	40	494

К этой интересной табличке необходимо сделать следующие дополнения: прежде всего, в то время, как воздушный флот Франции, находящийся вне страны, весь сконцентрирован в районе Средиземного моря, английские эскадрильи разбросаны на огромном пространстве: в Индии, Месопотамии и т. д. Мало того, в то время, как в Англии очень незначительна гражданская авиация, во Франции, благодаря денежной поддержке правительства, она в высшей степени развита. Благодаря этому Англия имела (в конце 1922 г.) всего 250, а Франция 800 гражданских аэропланов, как известно чрезвычайно легко могущих быть превращенными в военные аппараты. Эта диспропорция между французскими и английскими воздушными силами еще более выросла в течение 1923 года.

Воздушные флоты держав в 1923 году.

СТРАНЫ.	Перволинейные аэропланы.	Эскадрильи.	Личный состав.
Франция	1.562	174	37.730
Соед. Штаты	630	48	14.466
Великобритания	408	34	29.306
Италия	370	37	8.000 (предп. число).
Япония	330	33	5.000 „ „

Предполагаемые размеры воздушных флотов к 1924—25 гг.

СТРАНЫ.	Перволинейные аэропланы.		Эскадрильи.	
	1924	1925	1924	1925
Франция	1.800	2.000	200	220
Великобритания	600	1.000	50	84
Италия	720	—	60	—

Как видно из этой таблички, воздушный флот Франции в настоящее время почти равняется флотам всех остальных держав вместе и приблизительно в четыре раза превышает флот Англии. Если мы обратимся к воздушным программам, то увидим, что, даже сильно форсируя увеличение своего флота, Англия через два года добьется лишь отношения 1-го к 2-м. Против кого предназначена огромная французская авиация? Французские политики и военные, как мы увидим ниже, всегда с горячностью заявляют, что этим путем они стремятся обеспечить себя от возрождающегося воздушного могущества Германии. Однако, совершенно несомненно, что в первую очередь здесь имеется в виду союзница и близкая соседка Франции — Англия.

Действительно, благодаря своему островному положению, Англия является наиболее уязвимым с воздуха государством Европы. Англичане, уже неоднократно испытавшие во время мировой войны обстрел своего побережья и даже Лондона с германских аэропланов, конечно, не могут не тревожиться этим огромным перевесом воздушных сил Франции. Ведь именно Лондон, этот жизненный центр всей империи, занимающий поверхность в 700 кв. миль, является самой крупной воздушной мишенью в мире. „Если мы с Францией останемся лучшими друзьями в течение ста лет, я все же убежден, что побережье и столицу нашей империи нельзя оставлять открытыми для нападения, в особенности для внезапной, ужасной воздушной атаки", — официально заявляет руководитель воздушного министерства Англии — С. Хоор.

Неудивительно, что англичане лихорадочно принимают меры обороны. В середине 1923 г. консервативное правительство заявило, что оно решило принять систему one powers standard, т.-е. установить и поддерживать равенство воздушных сил Англии с авиацией наисильнейшей державы. Подходя к осуществлению этого плана, правительство решило увеличить число эскадрилий с 34 до 82, закончив постройку их к 1925 г. Как бы в ответ на это французская палата депутатов ассигновала 36.920.000 франков на постройку новых 68 эскадрилий. Любопытно отметить, что „рабочее правительство" в этом вопросе шло по стопам ниспровергнутых им консерваторов. Министр воздушного флота раб. пр-ва ген. Томсон при бурных аплодисментах консерваторов и либералов заявил (18/II—1924 г.), что „рабочее правительство" стоит за развитие авиации, как „самой жизненной формы защиты империи для данного момента". Несколько позже от имени правительства было заявлено, что оно не намерено изменять авиационные планы предшествующего правительства. Действительно, недавно опубликованный бюджет ассигнует на воздушный флот 14.500.000 ф. стерлингов, т.-е. на 2½ милл. ф. ст. больше, чем в прошлом году.

Как видно из этих данных, мы присутствуем сейчас при воздушном соревновании, носящем такой же беспощадный, неограниченный характер, каким до мировой войны отличалось морское соперничество Англии с Германией. В настоящее время двумя наиболее конкурирующими в воздухе державами являются Англия и Франция, и это придает особое ожесточение их послевоенному антагонизму *).

II.

Третьей причиной для разногласий является о к к у п а ц и я французами Р у р а. Уже владея богатейшими железными бассейнами Лонгви-Брие и Эльзас-Лотарингией, Франция, в случае окончательного присоединения саарского и рурского угольных районов, несомненно, превратится в сильнейшую в Европе металлургическую державу. При той роли, которую играет в современной войне металлургия, это означает превращение Франции в сильнейшую военную державу, пришедшую на смену империалистической Германии. Примириться с этим для Англии представляется совершенно невозможным, так как вся политика ее в течение ста лет сводилась как раз к борьбе против гегемонии какой-либо державы в Европе, для чего она и поддерживала всегда принцип „равновесия сил" (balance of powers). Между тем Франция, обладающая, повторяю, огромными металлургическими ресурсами (гл. обр. в Лотарингии), подчинившая своему военно-финансовому контролю Малую Антанту и Польшу и стремящаяся к полному расчленению и ослаблению Германии, является, несомненно, гегемоном почти всей континентальной Европы, не менее страшным для безопасности Британских островов, чем был сто лет назад Наполеон I.

---

*) Весьма вероятно, что Англия, имеющая бо̀льшие производственные и финансовые возможности, чем Франция, попросту экономит пока средства, рассчитывая подравняться, а то и обогнать Францию, быстро мобилизовав свою авиапродукцию в критический момент, сейчас же она уверена в том, что при данном соотношении сил она справится с задачами обороны, не подрывая своей экономической мощи расходами на вооружение. Р е д.

Какова же была политическая позиция, занятая Англией в рурском и, вообще, в германском вопросе? В конце 1923 г. в период наибольшего обострения турецкого вопроса, когда М. Кемаль направлялся во главе армии на Константинополь, Англия принуждена была согласиться на оккупацию Францией Рура, взамен свободы рук на Ближнем Востоке. В дальнейшем позиция, занятая Англией, продолжала оставаться шаткой и неопределенной. Связанная обязательствами по отношению к Франции, скрепив своей подписью подсчеты репарационной комиссии и, главное, занятая вплоть до последнего времени ближневосточным вопросом, Англия лишена была возможности решительно выступить против французской политики. Правда, она оговорила, на всякий случай, что считает оккупацию Рура „невытекающей из условий Версальского мирного договора", но дальнейшие шаги, предпредпринятые ею, сводились к посылке нескольких нот, рекомендующих Франции пересмотреть вопрос о репарациях, сократить их размеры и т. д. Получив резко отрицательный ответ от Франции и Бельгии, Англия фактически заняла позицию непротивления злу, так как „ее способность к продуктивному вмешательству — по словам лорда Керзона — была, очевидным образом, исчерпана".

При таких благоприятных условиях, обеспечив себе вынужденный нейтралитет со стороны Англии, французские империалисты, руководимые Пуанкаре, приступают к осуществлению своей заветнейшей мечты, а именно:—к оттеснению Германии за Рейн. Придравшись к неплатежу непосильных репараций, Франция оккупирует Рурскую область или, выражаясь словами Пуанкаре, „посылает туда отряд инженеров под охраной немногочисленных войск", чтобы гарантировать поставки угля и кокса, столь необходимые для французской стальной индустрии. Пассивное сопротивление, об'явленное германским правительством, однако, заставило увеличить эти „немногочисленные войска" до ста тысяч человек, которые и захватили весь Рурский бассейн.

Однако, было бы близоруко об'яснять оккупацию Рурской области одними лишь интересами французской металлургии, как бы они ни были в действительности велики. Не надо упускать из виду, что политико-географическое положение Франции в Европе является чреватым всевозможными опасностями.

В отличие от островной Англии Франция является чисто континентальной державой, при том граничащей на востоке с Германией, беспощадно униженной и обобранной ею в результате мировой войны. Конечно, Германия сейчас обескровлена экономически и политически путем отнятия Эльзаса и Лотарингии (с их богатейшими железными рудниками) и каменноугольных бассейнов Саара и Силезии, путем искусственной разрухи, вносимой в ее финансовую жизнь требованием непосильных репараций и, наконец, путем уменьшения ее армии всего до каких-нибудь 100.000 человек. Но французские империалисты прекрасно знают, что Германия, обладающая населением в 61 милл. человек, при этом ежегодно увеличивающимся (в среднем на 1,3%), может без всяких затруднений увеличить свою армию ровно в десять раз. Они ясно видят, что за последние два года в ней постепенно утверждается военная диктатура, питающаяся, как и всякая реакция, главным образом, идеями реванша, при том находящими новые и новые импульсы в насилиях французских милитаристов в нейтральной зоне. Панический страх перед будущей агрессивно-националистической Германией буквально, как ночной кошмар, тяготит сознание французских политиков.

Ведь если верить французам, испуганным призраком реванша и, понятно, перегибающим палку в другую сторону, то в настоящее время Германия постепенно превращается в вооруженный лагерь. Секретные мобилизационные ячейки продолжают функционировать в тех же местах, как и в 1914 году; в нескольких городах (Людвигсбурге и др.) устроены склады артиллерийских припасов и амуниции; чины охранительной полиции — „шупо" (Schutzpolizei)—получают кавалерийское, артиллерийское и т. п. специальное обучение. Особенно напряженная военно-организационная работа ведется в областях, пограничных с Руром и Рейнскими провинциями. В Баден, в Гессен и Вестфалию командированы лучшие

офицеры генерального штаба, чтобы создать пограничную армию; наконец, даже на оккупированной территории в Эссене недавно обнаружена секретная организация, имеющая целью вербовать добровольцев в рейхсвер. Приведя все эти факты и догадки, корреспондент „Temps" тревожно замечает, что мы наблюдаем здесь „приготовления к массовому призыву для освободительной войны, как это было в 1813 году".

Особенно пугает французов немецкая авиация. Недавно появившаяся в „Revue d. d. Mondes" статья капитана Фонка „Воздушная немецкая опасность" дает чрезвычайно любопытный разбор этой проблемы. Автор прежде всего устанавливает, что будущая война, как показал опыт мировой войны, будет по преимуществу авиахимической. У Германии в настоящее время, правда, нет военной авиации, уничтоженной согласно Версальского мирного договора, но она обладает в высшей степени развитой авиацией гражданской, которую очень легко можно милитаризовать. Развитие последней стимулируется тем, что она вся захвачена двумя мощными концернами: „Аэро-Ллойд" и „О-во Юнкерс". Филиалы этих трестов покрывают не только всю Германию, но они устроены даже за границей: в Швейцарии, Испании, Италии и т. д.; так, напр., отделение „Об-ва Юнкерс" учреждено в Америке с капиталом 30 милл. долларов. Используя мощный авиастроительный аппарат, который заключал во время мировой войны 150.000 рабочих, эти концерны строят тысячи аэропланов и десятки тысяч моторов. „Каковы будут результаты, если вся эта воздушная армия атакует Париж? Несомненно ужасные. Бомбы, зажигательные газовые снаряды разрушат, зажгут и отравят целые кварталы".

Опасность германской авиагазовой войны в необычайной степени усиливается благодаря общеизвестному колоссальному развитию германской химической промышленности. Знаменитый картель „Interessengemeinschaft" (со 100.000 рабочих) об'единяет всю промышленность по выделке химических красок. Однако, благодаря сходству этой продукции с производством военных газов, фабрики треста представляют уже сейчас „ужасный арсенал взрывчатых и удушливых газов".

Интересно отметить, что милитаристические круги Германии действительно, очевидно, совершенно сознательно готовятся к авиахимической войне. Бывший командующий германскими воздушными силами покойный ген. фон-Геппнер в своей книге „Германия и воздушная война" заявляет, что „настанет день, когда воздушное могущество Германии воскреснет для спасения и чести всего немецкого народа". Наконец даже сам диктатор фон-Сект как-то обмолвился следующей многозначительной фразой: „Воздушная армия не умерла жив ее дух!".

Здесь не представляет интереса подробно останавливаться на военно-политической истории французской интервенции в Германии. Как известно, благодаря целому ряду причин, она окончилась полнейшим крахом. Сопротивление местного населения, обусловившее огромные расходы на оккупационные войска, обнаруживавшаяся для французов невозможность самостоятельно организовать эксплоатацию огромных рурских предприятий, наконец, усилившийся нажим со стороны Англии, к которой примкнули Соединенные Штаты,—все это заставило французских империалистов отступить от их черезчур выдвинутых позиций. „Неукротимый" Пуанкаре был вышвырнут из правительства, после чего более уступчивый Эррио пошел на требуемые уступки. На Лондонской конференции (август 1924 г.) между державами победительницами было достигнуто соглашение (так-наз. план Дауеса), по которому Германия превратилась из „репарационной колонии" Франции в общую колонию всех союзников. Эррио принужден был обещать эвакуацию Рурской области в течение года, а в дальнейшем, в случае „добросовестности" Германии, очищение также части нейтральной зоны. Рурско-рейнская авантюра Франции окончилась, таким образом, полным крахом. Но она оставила после себя необычайно тяжелое наследие, а именно—укрепившуюся реакцию в Германии и в огромной степени усиливающийся шовинизм и милитаризм по обе стороны Рейна.

III.

Мировая война, казалось, ликвидировала ожесточенное империалистическое соперничество в течение столетия, происходившее в Средиземном море. Гегемонами в последнем стали: Франция, владеющая почти всем побережьем Сев. Африки, а также, Сирией, и Англия, захватившая, помимо ряда островов (Мальта, Кипр и др.), также Египет и Палестину.

Удар системе политического равновесия, которая установилась в Средиземном море, готовится нанести третья держава, а именно—Италия.

Как известно, в результате мировой войны Италия пережила полное крушение всей своей империалистической программы.

Благодаря собственной военной слабости и закулисным махинациям со стороны „союзных" Франции и Англии, она не смогла получить своей доли в Турции, принуждена была эвакуировать Албанию и вдобавок нажила в Средиземном и Адриатическом морях двух серьезных соперников—Грецию и Юго-Славию.

Несомненно, что этот позорный крах всей иностранной политики Италии был одной из главных причин, вызвавших фашистский переворот. Крупно-капиталистические круги нажившиеся в результате войны, оставшаяся не у дел военщина, наконец, патриотически настроенное мещанство—жадно стремятся к территориальной экспансии, вообще „к активной политике". Вместо этого они видят, как в течение последних 4 лет Франция и Англия рассматривают Италию, как второстепенную державу, лишь из вежливости предлагая ей контр-ассигнировать те решения, которые они выносят. Империалистическая Италия, очевидно, должна найти для себя новый путь, минуя обычные парламентско-министерские круги, связанные в прошлом рядом обязательств с европейскими великими державами, связывающими все их движения. Такой выход и был найден в виде фашизма, отрицающего традиционное политиканство и открывающего новую эру „чисто-итальянской" внешней политики. В самом деле, программу Муссолини составляет самостоятельная „великодержавная" политика, направленная к созданию „Великой Италии". Итальянская же буржуазная пресса, разрабатывающая эти махрово-реакционные настроения, необычайно шумно призывает к созданию „новой римской империи", к „средиземноморской экспансии" и т. п.

Переходя от слов к делу, фашистская Италия начинает лихорадочно накапливать свои силы для действительно активной политики в Средиземном море, совершенно отстранившись от разрешения германского вопроса, в котором, наоборот, по щиколки завязла Франция.

На первом месте здесь стоит создание морского флота. „Все совершающееся вокруг нас,—заявил недавно Муссолини на заседании совета адмиралов (февр. 1924 г.),—заставляет выдвинуть на первый план вопрос о флоте... Моим стремлением является постепенное, но беспрерывное увеличение боеспособности нашего флота". В 1923 г. итальянское правительство приступило к постройке 2 легких крейсеров, 11 миноносцев и 4 подводных лодок, т.-е. всего 17 военных судов легкого типа. Соответствующая морская программа Франции выражается в 34 легких морских единицах, Англии всего в 18. Сопоставляя эти цифры, мы должны помнить, что в то время, как Англия распыляет свой флот по всему земному шару для охраны своих колоний, Италия имеет возможность почти целиком концентрировать его в Средиземном море.

Аналогичную картину мы видим и в области воздушных вооружений.

После окончания мировой войны Италия сократила свой флот, достигавший 5.000 аэропланов всего до ста аппаратов. За исключением какой нибудь дюжины авиаторов и пилотов все остальные были демобилизованы, авиастанции и школы пришли в полный упадок.

После захвата власти фашистами, мы видим и здесь необычайное оживление. Муссолини назначает себя верховным комиссаром авиации, организует самостоятельный воздушный флот и увеличивает расходы на него (на 1924 г.) до 980 милл. лир (2.800.000 ф. ст.).

В 1923 г. воздушный флот Италии (370 перволинейных аэропланов) равнялся приблизительно одной четверти французского (1.562 перволин. аэропланов); однако, строительные программы на 1925 г. предусматривают увеличение воздушного флота Италии до 1000 аэропланов. Во время годовщины фашистского переворота над Римом летало уже около 300 аэропланов.

Наконец, что касается итальянской армии, то она со времени окончания войны вообще испытала полную реорганизацию и в настоящее время представляет весьма серьезную силу. Размеры ее, правда, не очень велики: сейчас она достигает всего 250.000 чел., но за то она великолепно снабжена боевыми материалами.

Фашистский милитаризм, как мы видим, одинаково затронул и сухопутную армию, и флот, и авиацию. Недаром Муссолини любит цитировать изречение Макиавелли, что „все вооруженные пророки побеждали, а безоружные—погибали".

При наличии этих фактов для нас становится вполне понятна та тревога, с которой французские и английские правящие круги начинают смотреть на фашистскую Италию.

IV.

Накопив военные силы, Италия переходит от обороны к нападению, стремясь нанести сокрушительные удары двум своим территориально близким соперникам—Греции и Юго-Славии.

Придравшись к убийству нескольких членов итальянской военной миссии на греческой территории (в августе 1923 г.), Муссолини бомбардирует и захватывает остров Корфу, заявляя, что не очистит его, пока Греция не выполнит всех условий посланного ей ультиматума.

Совершенно несомненно, что этот „удар" Муссолини был направлен столько же против Греции, сколько и против Англии, которая издавна являлась открытой покровительницей Греции, в значительной степени контролирующей внешнюю политику и вместе с Францией—финансы.

Неудивительно, что этот прямой вызов фашистской Италии вызвал взрыв негодования в Англии. Стремление Муссолини удержать в своих руках Корфу вызвало в ряде английских органов даже угрозу применения блокады в случае его дальнейшей неуступчивости.

Оккупация Корфу вызвала чрезвычайную тревогу среди балканских государств, входящих в малую Антанту: Юго-Славии, Румынии, а также Чехо-Словакии. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять причину этой тревоги. В самом деле, с одной стороны Корфу блокирует вход в Адриатическое море, и, владея им, Италия действительно может превратить последнее в итальянское озеро, лишая свободы мореплавания Чехо-Словакию и Юго-Славию. Одновременно с этим Корфу лежит как раз у берегов Албании, которая издавна представлялась для Италии удобнейшей опорной базой для утверждения своего влияния на Балканах.

Малая Антанта обратилась поэтому к своей покровительнице—Франции, требуя поддержки Греции, и Франция также высказалась против итальянской политики.

Перед лицом этой об'единенной оппозиции Муссолини пришлось отступить. Он принужден был очистить Корфу, сорвав, впрочем, с Греции изрядный денежный куш и подвергнув ее унизительной церемонии в виде „моральной" компенсации за убийство итальянских офицеров. Итак, первый „удар" Муссолини увенчался определенным успехом. Старый враг Италии—Греция—понесла серьезный и моральный, и материальный урон. Наоборот, престиж Италии чрезвычайно вырос на Балканах и в особенности в Албании.

Разделавшись с эгейским противником, фашистская Италия спешит нанести удар и своему адриатическому врагу. Поводом к столкновению явился вопрос о судьбе важного порта на восточном побережьи Адриатического моря—Фиуме.

Последний, превращенный в результате мировой войны в вольный город, имел огромное значение для Юго-Славии, как наиболее удобный выход к Адриатическому морю, соединенный железной дорогой с внутренностью страны. После ряда пробных шагов фашистская Италия решается разрешить вопрос о Фиуме вооруженной рукой.

В разгаре итало-греческого конфликта Муссолини внезапно поднимает вопрос о Фиуме, требуя присоединения его к Италии. Он указывает, что независимое Фиуме преграждает доступ Италии в бассейн Дуная: „Италия же может развиваться только на востоке, куда ведут линии ее распространения". Стремясь развить удар, фашистское правительство не ограничивается одними декларациями, а по методу д'Аннунцио, опираясь на „волю" местного населения, явочным порядком вводит в Фиуме итальянскую администрацию и, таким образом, фактически присоединяет его к Италии.

Этот смелый политический ход Италии, конечно, вызвал сильнейший переполох на Балканах (и во Франции, которая, как известно, является неофициальной покровительницей Юго-Славии, контролирующей ее армию). Однако, Франция, связанная по рукам и ногам в Руре, не могла оказать действительной поддержки своему балканскому клиенту.

Юго-Славии пришлось отступить. Завязались переговоры, которые привели не только к ликвидации, но к заключению итало-юго-славянского соглашения (30-I-1924 г.). Фиуме достался Италии, предоставившей Юго-Славии в пользование часть гавани, а также известные арендные права.

Заключение этого договора имеет, однако, более важное значение: оно означает начало активной политики Италии в Центральной Европе, где гегемония до последнего времени принадлежала исключительно Франции. Этот начинающийся отход части средне-европейских и балканских государств от Франции еще более обозначился, когда каких-нибудь 4 месяца спустя Чехо-Словакия также поспешила заключить соглашение с Италией о строгом нейтралитете при нападениях и о взаимной охране всех мирных договоров.... опять-таки, по примеру Юго-Славии, исключая Версальский.

Все эти факты ясно показывают, что Италия стремится играть сейчас руководящую роль в Средней Европе, выступая на смену Франции. Благодаря ее политике, в Средней и Южной Европе происходит кристаллизация сил вокруг Англии, направленных против Франции. Демонстративный отказ Италии от гарантий соблюдения Версальского договора, по справедливому замечанию немцев, действительно представляет „первую брешь в европейском здании".

V.

Главным очагом империалистических конфликтов в Средиземном море является несомненно Марокко.

Мировая война окончательно решила вопрос о Марокко, поделив его между Францией и Испанией, которые получили зоны, намеченные еще соглашением 1912 г. Франция, получившая львиную долю Марокко, целиком подчинила себе султана, сделав его марионеткой в руках своего генерального резидента. Военная оккупация Марокко, однако, оказалась необычайно трудной задачей и для Франции, и особенно для Испании.

Воинственное население Марокко (кабилы), действующее под предводительством энергичного Абд-эль-Керима, не только успешно сопротивлялось испанским войскам, но даже систематически наносило им поражения. Зимой 1921 г. испанский экспедиционный корпус подвергся у Ануаля полному разгрому; Абд-эль-Керим захватил около 4.000 пленных, и лишь прекращение наступления и крупный выкуп спас их от угрожавшей смерти. Почти в тех же размерах военная катастрофа повторилась в августе 1923 года в районе Афрау-Тофаруит.

Каковы же были причины этого позорного краха испанской авантюры в Марокко?

Несомненно, что крупнейшую роль здесь играет Франция, по уверениям испанской прессы снабжающая деньгами и оружием рифских кабилов и поддерживающая интимные сношения с их вождем Абд-эль-Керимом. Эта тактика Франции целиком об'ясняется теми замыслами, которые она питает относительно Танжера.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять огромное политико-стратегическое значение этого порта для всего западного Средиземноморья. Расположенный на африканском берегу против Гибралтара, Танжер, попав в руки крупной державы, может явиться сильнейшей угрозой для этой цитадели английского империализма. Одновременно с этим, прорезая дорогу из Атлантического океана в Средиземное море, он может угрожать безопасности великого пути в Индию, необходимого для самого существования Британской империи. Именно поэтому к захвату Танжера упорно стремится Франция, намереваясь устроить здесь базу для подводных лодок, „чтобы иметь возможность запереть в случае нужды Гибралтарский пролив для английских судов и обеспечить, таким образом, свое господство на Средиземном море". И вот мы видим, как танжерский вопрос начинает играть огромную роль не только в средиземноморских отношениях, но и в международной жизни всей Европы.

Для осуществления своих планов Франция начинает действовать следующим образом. Фашистский переворот в Испании не смог изменить военной обстановки в Марокко. Кабилы попрежнему наносят поражение за поражением испанским экспедиционным войскам, не желающим сражаться во имя непонятных для них империалистических целей. Военные неудачи в Марокко колеблют положение фашистского диктатора Примо-ди-Ривера и короля Альфонса, который интимно заинтересован в марокккской авантюре, являясь пайщиком военных и транспортных фирм, занимающихся перевозкой войск.

Что касается до юридического положения самого Танжера, то таковое после ряда столкновений между Францией и Англией было установлено на Парижской конференции (в конце 1923 года). Статут для Танжера, выработанный на последней, явился определенно результатом компромисса между борющимися державами. Франции была сделана уступка в виде: признания суверенитета над Танжером марокккского султана, допущения туземцев в международное собрание и, наконец, передача представителю султана управления туземцами. Англия добилась признания принципа открытых дверей нейтрализации всей зоны и международного контроля над Танжером. Испания получила компенсацию в виде увеличения ее зоны.

Как и всякий компромисс, решение вопроса об управлении Танжера, конечно, не может носить долговечного характера, принимая во внимание вышеочерченный ярый антагонизм между Францией и Англией. К тому же неудачи, переживаемые Испанией в Марокко, грозят установить новую ситуацию в этом районе, являющемся одной из наиболее серьезных „зон трения" между великими державами.

VI.

Начиная с 90-х годов прошлого столетия и вплоть до начала мировой войны, защита Английской империи сводилась, в сущности говоря, к обороне Британских островов. Наиболее опасным врагом Англии в течение этого периода была Германия, в течение 25 лет создавшая в Немецком море мощный, второй по величине после английского, флот.

Разгром Германии, сопровождавшийся полным уничтожением немецкого флота, разом аннулировал значение Немецкого моря в деле обороны Английской империи. Британские моряки с удовлетворением говорят теперь, что они не должны более сидеть „на цепи" у берегов Англии и могут наконец-то выйти на океанский простор.

Но другие результаты мировой войны оказались гораздо менее утешительными для английского империализма. Прежде всего на смену Германии явились два новых морских

колосса: Япония и Соединенные Штаты. Нижеприведенная таблица, дающая цифры на 1921 г. (т.-е. перед Вашингтонской конференцией), ярко показывает развитие морской мощи этих двух держав.

Как легко увидеть из нее, Япония значительно приблизилась к Великобритании, что же касается до Соединенных Штатов, то они даже перегнали последнюю в отношении некоторых типов судов (напр., истребители, крейсера и т. п.).

ТИП СУДОВ.	Великобритания.	Соединенные Штаты.	Япония.
Броненосцы	22	36	14
Броненосные крейсера	8	—	7
Пловучие авиаматки	3	—	—
Крейсера	2	15	8
Легкие крейсера	51	15	17
Проводники флотилий	15	—	—
Эскадренные миноносцы	185	284	87
Подводные лодки	96	103	23

Необходимо отметить, что этот огромный рост маринизма падает почти исключительно на годы мировой войны. Не входя в излишние детали, приведу небольшую сравнительную таблицу, характеризующую изменения в личном составе (офицеры, матросы) флотов трех держав.

СТРАНЫ.	1914—15 г.	1921 г.
Великобритания	151.000 чел.	123.700 чел.
Соединенные Штаты	65.644 „	150.800 „
Япония	55.712 „	75.600 „

Итак, мы видим, что у Великобритании появились новые опасные соперники на этот раз в Атлантическом и Тихом океанах. Правда, и сейчас еще по артиллерии (13,5" против американского калибра 12") и по скорости (1,5—2 узла) [1]), английский флот превосходит американский. Но говорить о прежнем огромном перевесе морских сил Великобритании, конечно, уже не приходится.

Необычайное развитие военных флотов Соединенных Штатов и Японии привело к крушению старую систему обороны Британской империи, так как защищать теперь приходится уже не британские острова, а заморские владения: колонии и доминионы. Поскольку же два новых гиганта соперничают между собой на Дальнем Востоке, мировой зоной трения становится теперь Тихий океан.

Попытка согласовать взаимно борющиеся интересы трех морских гегемонов—Великобритании, Соединенных Штатов и Японии—была сделана на Вашингтонской конференции.

[1]) Н. Горский. Англия на море. Журн. „Военная Мысль и Революция". 1924. III.

Последняя означала конец англо-японского соглашения и сближение Великобритании с Соединенными Штатами, направленное своим острием против Японии.

„Морское разоружение", так разрекламированное американцами в Вашингтоне, носило на самом деле очень скромный характер. Оно коснулось лишь крупных боевых судов, оставив великим державам неограниченную свободу развивать их легкий крейсерский флот, подводный флот и т. д.

На конференции было установлено для пяти держав (Англия, Соединенные Штаты, Япония, Франция и Италия) общее соотношение 5:5:3:1,75:1,75. Дальнейшая постройка морских гигантов была вообще запрещена до 1931 г., т.-е. до истечения срока заключенного в Вашингтоне трактата.

Как мы видим, в результате конференции Англия признала равной себе морской державой—Соединенные Штаты.

Установление твердой и при том статической пропорции для перволинейных судов ставило препону дальнейшему развитию японского флота, предназначенного не для обороны, а для нападения. Благодаря же зафиксированному преобладанию Англии и Соединенных Штатов над Японией (5:5:3), Филиппины, Австралия, Новая Зеландия и т. д. оказались в сравнительной безопасности от японского флота. После этого две первые державы нашли возможным сделать Японии уступку и обязались (по § 19) не устраивать новых морских баз и не усиливать уже существующих в водах Дальнего Востока.

VII.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что этот огромный рост японского маринизма сильнейшим образом угрожает английским имперским владениям в Тихом океане, а именно: Австралии, Новой Зеландии, Новой Гвинее и мелким островам. Помимо усиления своего флота, Япония приобрела для этого после мировой войны еще одно важное стратегическое преимущество — ряд немецких островов: Марианских, Каролинских и Маршальских, могущих в случае войны превратиться в боевые базы для японского флота. Территориальное продвижение Японии к югу (почти на 18° от Формозы), на-ряду с усилившейся японской эмиграцией и необычайно развившейся торговлей, поселяет буквально панику среди австралийцев и новозеландцев. Мало того, японская экспансия создает серьезнейшую угрозу для Голландской Индии (т.-е. для Зондских островов), имеющей для Англии огромное значение благодаря своим нефтяным источникам, и, наконец, в случае форсировки Малакского пролива—для Бирмы и для Индии. Теперь мы видим, что Япония, действительно, является сейчас наиболее грозным противником для Британской империи так же, как Германия была в свое время наиболее опасным врагом для британских островов.

Чтобы яснее понять новую фазу в деле защиты Британской империи, мы должны бегло отметить одно чрезвычайно важное обстоятельство: необычайно выросшее за время мировой войны и в послевоенные годы экономическое значение имперских владений, в особенности доминионов (Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Африка), для метрополии. Этот фактор первостепенной важности находит свое об'яснение в том упадке торговых связей, в том экономическом хаосе, в котором очутилась Европа (и, разумеется, также Англия) после окончания мировой войны.

Именно стремясь усилить экономические и политические связи доминионов с метрополией, консерваторы сделали протекционизм боевым пунктом своей программы. Правда, как-раз эти протекционистские планы вызвали (в начале 1924 г.) падение консерваторов и приход к власти рабочей партии: однако, поражение последней на недавних выборах и образование вновь консервативного кабинета несомненно опять поставят вопрос, если не о протекционизме, то об укреплении внутри-имперских политико-экономических связей.

Именно на фоне защиты Британской империи и в первую очередь тихоокеанских доминионов, которым угрожает Япония, надо рассматривать вопрос о Сингапурской базе.

Огромное стратегическое значение проектируемой морской базы в Сингапуре, конечно, совершенно ясно: расположенный в самом узком месте Малакского пролива Сингапур перехватывает важнейший морской путь, ведущий из Средиземного моря и Индийского океана в Тихий океан и, вообще, на Дальний Восток. С другой стороны, устроив здесь мощную морскую базу, англичане получают возможность оказывать военно-морскую помощь всем своим владениям, расположенным в Тихом океане: Гонг-Конгу, Австралии, Новой Зеландии и т. д. Наконец, находясь в центре Зондского архипелага, Сингапур защищает острова последнего, представляющие огромную важность, благодаря своим источникам нефти.

Вопрос о сингапурской базе был разработан в комитете имперской обороны и затем внесен на утверждение в парламент. Законопроект прошел лишь после ожесточенных прений (июль 1923 г.), которые раскололи весь парламент на две группы: на противников новой базы (либералы и рабочая партия) и защитников ее (консерваторов).

По утверждению защитников Сингапурской базы, устройство ее с военно-технической точки зрения, перед лицом возможных осложнений на Дальнем Востоке, является абсолютно необходимым. В самом деле, ближайшая от Австралии морская база Мальта лежит на расстоянии 6.000 миль, т.-е. на 31½ дня пути. Никакие морские операции в Тихом океане невозможны, если нуждающийся в исправлении броненосец или крейсер принужден будет отправляться в Мальту. Самый проект устройства сингапурской базы сторонники ее изображают не как новое предприятие, а как давно обдуманное за много лет до мировой войны. Они указывают, что в начале этого столетия знаменитый адмирал Фишер настаивал на стратегическом значении Сингапура для обороны империи. Лишь усилившееся морское соперничество с Германией отодвинуло в сторону вопрос о Сингапуре. Наконец, в 1921 г. в комитете обороны и в адмиралтействе был окончательно разработан план устройства новой базы.

Получение власти рабочей партией положило конец (надо полагать — временный) сингапурскому проекту. Правительство Макдональда провело в Палате общин в марте 1924 г. постановление об отказе от устройства базы (большинством 287 голосов против 211).

Решение парламента вызвало, как и следовало ожидать, бешеную оппозицию со стороны консерваторов и глухой протест, переходящий даже в обструкцию, в военном флоте.

Эта внешняя и внутренняя оппозиция заставила „гибкое" правительство Макдональда занять в вопросе о Сингапуре чрезвычайно двусмысленную позицию. В самом деле, отказ его от постройки базы вовсе не носил безусловного и окончательного характера. Недаром в своей программной речи по этому вопросу Макдональд сделал следующую примечательную оговорку:

„Если мы будем принуждены создать большой флот в Тихом океане для нужд имперской защиты, то стратегическое значение Сингапура в этих водах приобретает совершенно единственное значение. С морской точки зрения, Сингапур во всех отношениях, как база и для защиты и для нападения, я смею думать, был бы выбран тогда, как место для постройки больших доков".

Как мы видим, пацифизм Макдональда имеет здесь чрезвычайно условный характер. Идя в сущности на поводу у морских милитаристов, оно вовсе не отрицает необходимости устройства базы (как это делают либералы); оно находит лишь, что для этого не настал „подходящий момент".

Все морское строительство Англии также согласовано с намеченными новыми задачами обороны империи. Как замечает один специалист, „все существующие британские крейсера возникли при специальных условиях, существовавших до или во время мировой войны. Большинство из них было рассчитано на службу в узких пределах Северного моря..."

Новая океаническая обстановка диктует необходимость создания в первую очередь флотилии легких крейсеров: и вот мы видим, как английское правительство предпринимает постройку 17 легких крейсеров, не говоря о значительном количестве судов так-наз. малого тоннажа, т.-е. миноносцев, подводных лодок и т. д.

Судостроительная программа Англии на 1 января 1924 г. ясно видна из нижеприведенной таблички.

Эта большая судостроительная программа значительно усилит уже до того сильно представленные в английском флоте легкие крейсера (48), подводные лодки (64) и миноносцы (186) [1]).

Необычайно важно отметить, что и в вопросе морских программ правительство рабочей партии придерживается политики „преемственности", указывая, что „вопросы армии и флота не партийные, а национальные".

СУДА.	Заканчиваются.	Постройка продолжается.	Закладываются.	Всего.
Линейные корабли . . .	—	2	—	2
Легкие крейсера	1	3	5	9
Проводники флотилий . .	2	—	—	2
Эскадр. миноносцы . . .	3	—	2	5
Подводные лодки	2	2	1	5
Авиаматки	—	2	—	2
Минные заградители . .	—	1	—	1
	8	10	8	26

Приход к власти консерваторов, располагающих вдобавок огромным большинством в парламенте, в ближайшем будущем может необычайно усилить остроту империалистических конфликтов как в Европе, так и на Тихом океане. Можно не сомневаться, что первым делом они вернутся к своему излюбленному детищу — Сингапурской базе, обостряя тем самым отношения с Японией. Операции консерваторов в Центральной Европе, на Ближнем Востоке и в Танжере будут направлены, главным образом, против Франции, являющейся сейчас, как мы видели, главным врагом британского империализма. Возможно, что этим страхом перед агрессивной Англией продиктовано стремление Франции сблизиться с СССР. Несомненно, что мы вступаем сейчас в полосу тяжелых послевоенных мировых конфликтов. И очень важно отметить, что именно эта общемировая политическая ситуация необычайно усиливает удельный вес и значение нашего Союза Республик, превращающегося как на Западе, так и на Востоке в действительного поборника всеобщего мира и защитника всех угнетенных наций.

---

[1]) Таблица и цифровые данные заимствованы из указанной статьи Н. Горского (стр. 101, 105). *Г.-К.*

А. Буров.

Техника в мировой войне *).

„Победа основывается на производстве оружия, а последнее, в свою очередь, на производстве вообще, следовательно, на материальных средствах, которыми может располагать сила".

„Всюду и всегда экономические условия и средства позволяли силе одержать победу".

Ф. Энгельс. „Анти Дюринг".

Исследованию техники в мировой воине в ее бесчисленных приложениях к военному делу посвящены многие сотни работ. В настоящей статье мы предполагаем поэтому остановить внимание читателей лишь на основных особенностях техники в приложении ее к войне.

Военная техника с незапамятных времен была продуктом общей техники: древнейшими оружейниками были кузнецы, а плотники, землекопы и строители—дали первых военных инженеров.

Значение техники в войне измеряется теми потерями, которые наносятся оружием. Вслед за вытеснением ручного труда из производства, ручное оружие уступило свое место машинному вооружению (см. график) [1].

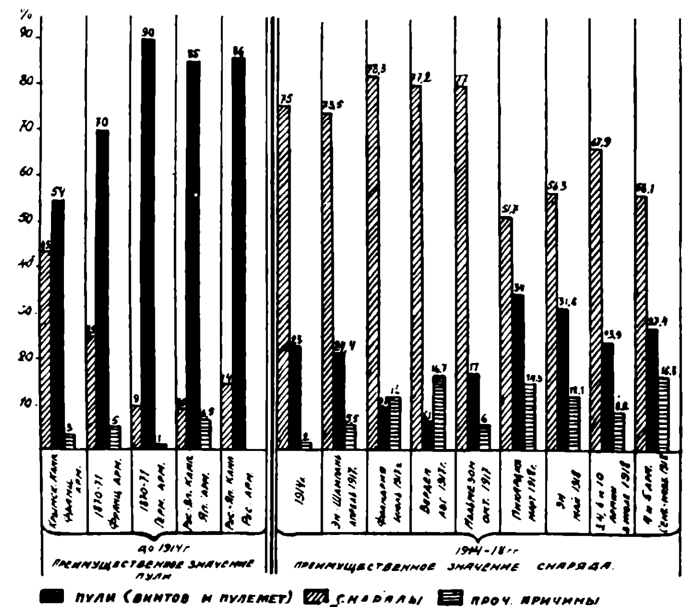


График процентного соотношения ранений от различных орудий войны.

Приведенный график ранений от различных машин войны показывает, что оружие пехоты, обогнавшее в 70-х годах в своем техническом совершенстве артиллерию, вырывало тогда примерно в 10 раз больше жертв, чем эта последняя. К началу же мировой войны артиллерия догнала и даже перегнала в техническом совершенстве вооружение пехоты, и в результате от $^1/_2$ до $^3/_4$ общих потерь наносится артиллерией.

Огромные потери пехоты от огня артиллерии заставили рассредоточить боевые порядки пехоты—появилась новая тактика пехоты в ее зачаточном виде. Но уменьшив-

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

[1]) „Revue d'infanterie" 15 septembre 1921. Le médecin inspecteur général Toubert. Взято из книги Herr'a—„L'artillerie ce qu'elle a été, ce qu'elle est, ce qu'elle doit être". Berger-Levrault 1923, p. 231. А. Б.

шаяся огневая сила пехоты должна была быть чем-то восстановлена: на помощь пришла техника, осуществившая массовое производство ручных пулеметов, которыми были снабжены самые мелкие части пехоты. Таким образом, техника заставила перейти к иным боевым формам и позволила их осуществить организационно.

В результате увеличения числа машин в пехоте, в артиллерии, в так-называемых технических, инженерных войсках, наконец, вследствие выросшего во время мировой войны до колоссальных размеров значения воздушного флота, число людей, занятых у машин, значительно возросло:

Сравнительная численность родов войск во Франции в 1914 г. и по законопроекту 1922 г.[1]

РОД ВОЙСК.	1914 г.		1922 г.		Уменьшение или увеличение в %%	
	Офиц.	Солд.	Офиц.	Солд.	Офиц.	Солд.
Пехота	12.800	511.500	8.600	290.000	— 32,9	— 43,3
Кавалерия	3.700	78.000	2.000	46.000	— 46%	— 41
Артиллерия	5.000	127.000	6.000	91.000	+ 20%	— 28,3
Инженерные войска	1.600	25.000	2.100	31.000	+ 31,3%	+ 24
Воздухфлот	200	2.700	1.800	35.200	+ 800%	+1204

Итак, эволюция технических средств борьбы, усовершенствование оружия, возможность снабжать им войска в том или ином числе—определяет не только тактику, но и организацию вооруженных сил.

Общая индустрия и военная техника.

Военная техника базируется на всей промышленности в целом и в особенности на тяжелой индустрии. Поэтому главнейшими данными, характеризующими степень пригодности промышленности для военного производства, будут цифры добычи угля и чугуна. Этот последний при переходе его в сталь и железо различных сортов—основной материал для производства оружия, снарядов, танков, бронемашин и т. п.; побочные продукты при производстве кокса—основная сырьевая база для изготовления порохов и взрывчатых веществ.

Рост добычи угля и чугуна характеризует, следовательно, и рост военного могущества страны. Пример Германии в этом отношении дает наиболее яркие цифры; только при знакомстве с состоянием ежегодной добычи ею угля и чугуна становится понятным, как это небольшое, сравнительно, государство Центральной Европы могло в течение 4-х лет вести упорнейшую борьбу с целым миром врагов и, при том, иногда с значительными шансами на успех.

Добыча каменного угля (в милл. тонн)[2]:

Название страны.	1887 г.	1912 г.	Увеличение в %%
Германия	76	225	193,3
Англия	162	264	62,9
Франция	29	41	95,2

[1]) Таблица составлена по данным статьи Н. в № 1 журнала „Война и Мир"—Новые законопроекты об организации армии во Франции. *А. Б.*

[2]) Таблицы составлены по данным Эд. Бернштейна (его статья—„Индустриализация Германии" в 14-м томе Энциклопедического словаря Граната), а также по материалам Мукосеева—„Экономические причины мировой войны". *А. Б.*

Выплавка чугуна (в милл. тонн) [1]):

Название страны.	1887 г.	1912 г.	Увеличение в %%
Германия	4	18	350
Англия	8	8	—
Франция	2	5	150

Из этих таблиц видно, что темп развития горнозаводской промышленности Германии за последнюю четверть века перед мировой войной представляется исключительным даже по сравнению с развитием промышленности Англии и Франции. При этом рост добычи угля и чугуна был не только абсолютным, но и относительным—в производстве потреблялось на голову населения в кгр.: [1]).

	1870 г.	1906 г.	1912 г.
Угля	711	2662	3424
Чугуна	38,8	162,5	272,8

Особенностями военной техники с точки зрения качества материалов являются:

1) Исключительная прочность материалов, в виду высоких напряжений, которые испытывают военные машины при работе, а также в виду требований подвижности (легкость).

2) Особая точность производства в виду необходимости взаимозаменяемости частей: запасная часть от винтовки, пулемета или пушки должна подойти к любой другой винтовке, пулемету или пушке, принятой на вооружение системы. Этим задолго до Форда предвосхищен один из основных методов „фордизма".

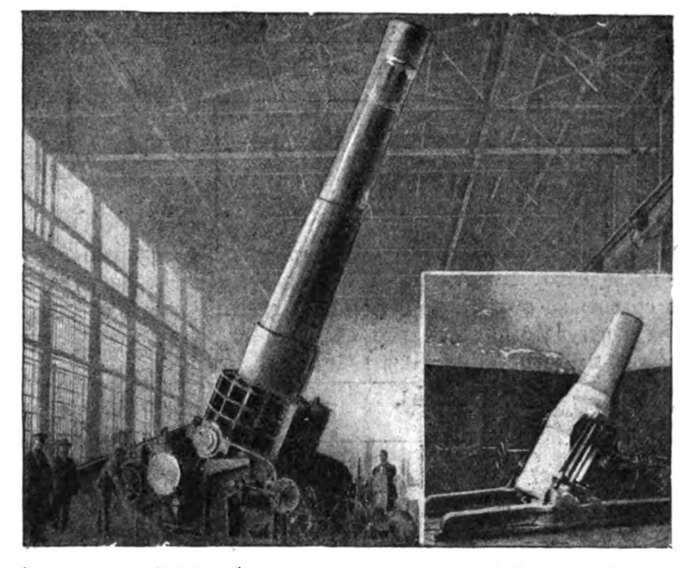
Оба эти условия, т.-е. высокие качества материалов и особая точность производства, свойственны только одной отрасли тяжелой индустрии, а именно—машиностроению. Как раз в этом направлении Германия сделала наибольшие успехи в последнюю четверть века перед мировой войной [1]):

Экспорт машин.	1886 г.	1911 г.	Увеличение в %%
Германия (в миллиардах марок)	53	605	+ 1431,6
Англия (в милл. фунт. стерл.)	11	31	+ 181,8

Следует оговорить, что между германским и английским машиностроением довоенного периода существенное различие заключалось в том, что Германия направила все свое внимание на тонкое машиностроение, т.-е. на производство точных инструментов, двигателей, сложных машин, артиллерийских орудий и т. п. Англичане сосредоточили свое внимание, главным образом, на производстве пароходов, локомотивов и др. предметов, не требующих той особой точности, которая присуща военной технике. Поэтому Англии для развертывания ее тяжелой индустрии на военное производство пришлось приглашать швейцарских и французских инженеров, а Германия не только справилась с военными задачами, стоявшими перед ней, но смогла командировать часть своих инженеров в помошь военному производству ее союзников.

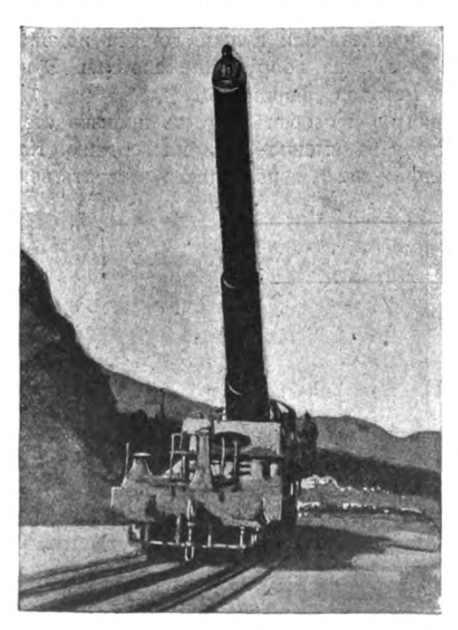
[1]) См. выноску 2-ю на странице 220. *А. Б.*

Развитие вооружения пехоты.



Америкапская 16 дм. гаубица, изготовленная во время войны, и довоенная 12 дм. осадная гаубица (в прав. углу).

Три основных требования к оружию пехоты— меткость, дальнобойность и скорострельность—были легко разрешены техникой во время мировой войны. Вместо ружей, значительная часть пехоты получила ручные пулеметы и автоматы. От дальнего огня винтовки пришлось отказаться, но станковый пулемет, благодаря введению остроконечнотяжелой пули, увеличил дальность стрельбы с 2-х километров до $3^1/_2$ клм. Оптический прицел позволил сделать эту дальнюю стрельбу точной. Такой же прицел у винтовки—для отборных стрелков сообщил меткость и этому оружию пехоты.



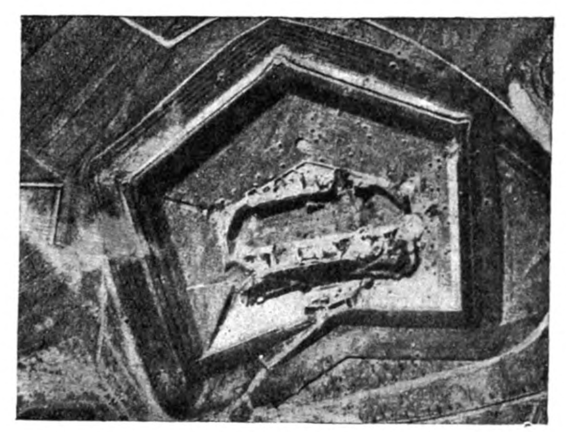
14 дм. дальнобойная пушка на ж.-д. установке.

Пулеметные и стрелковые щиты и танки вызвали к жизни 13 м/м. противотанковые ружья, 20 м/м. автоматические пушки [1]) и 37 м/м. пехотные орудия. Низко спускающиеся, такназываемые пехотные аэропланы заставили все это оружие, а также и станковые пулеметы снабдить прицелами и лафетами для стрельбы по зенитным целям.

Гренадеры XVIII века, возродившиеся на короткий срок под Порт-Артуром, вновь появились в мировой войне, но дальность бросания ручных гранат в 60—70 шагов оказалась недостаточной. На свет появились мортирки, надевавшиеся на ружья и бросавшие, при стрельбе обыкновенным или специальным патроном, гранатки весом около 1 фунта на расстояние от 300 до 500 шагов.

Условия позиционной борьбы, когда ружье беспомощно против окопа, а ручная и ружейная гранатки не достаточно дальнобойны и мощны, вызвали к жизни пехотную мортирку (опять вспомнили Порт-Артур) калибром около 3-х дюймов с дальностью стрельбы 1000—1500 шагов.

[1]) См. подробное описание их в журнале „La guerra y su preparation“ 1924 г. Madrid. № 5, ст. „Ametralladora „Semag“ стр. 500—506. *А. Б.*



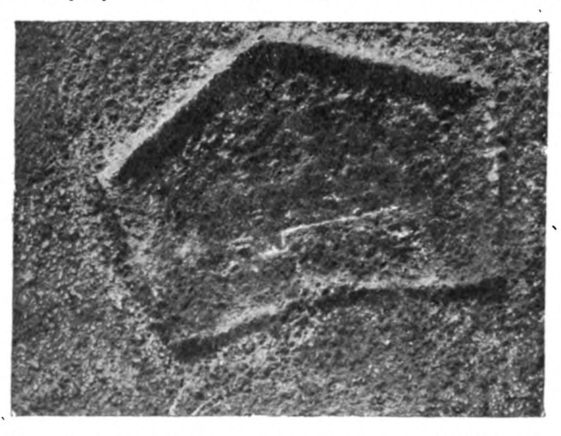
Форт Дуомон под Верденом до бомбардировки (1916 г.).

Массовое производство оружия дало настолько значительные результаты, что о них следует упомянуть особо. До перехода к этому методу производство ружей и пулеметов в Германии не поднималось в месяц выше 25.000 ружей и 2.300 пулеметов[1]). С переходом же к методам массового производства число ежемесячно изготовляющихся винтовок и пулеметов поднялось соответственно—до 250.000 и 14.400 шт.

Развитие артиллерии.

Раритеты (редкости) и артиллерийские трюки в роде „Берты“ (см. рис. на стр. 222, где изображена американская 16 дм. „Берта“ в сравнении с 12 дм. довоенной гаубицей) или пушки „Колоссаль“ [2]), вопреки уверениям диллетантов, конечно, не могут гарантировать успеха. Окончательные результаты борьбы определяются количеством и качеством **м а с с о в о г о в о о р у ж е н и я**.

Полевые пушки получили увеличение дальности на 25—30% путем введения снаряда наивыгоднейшего проникания (форма гоночного автомобиля), путем лучшего использования системы и, наконец, постановкой полевой пушки на лафет полевой гаубицы, чем был получен большой угол возвышения без подкапывания хобота. Аналогичные улучшения, в смысле увеличения дальнобойности, были применены к легким гаубицам, а также и к тяжелым пушкам и гаубицам. Гаубицы пришлось удлиннить до 22 калибров и увеличить начальную скорость путем увеличения заряда. В отношении снарядов перемены произошли очень значительные. Шрапнель уступила свое место гранате. Эта последняя появилась в большом числе изданий: 1) граната осколочного действия, рассчитанная для стрельбы по живым целям взамен шрапнели, тонкая стрельба которой была не под силу неопытным милиционным батарейным командирам середины и конца мировой войны; 2) гранаты химические, снаряженные различными отравляющими и дымовыми средствами; 3) гранаты осколочно-химические, соединяющие в себе качества хорошего снаряда для действия по живым целям и недурного химического снаряда. Все эти гранаты нуждались в такой ударной трубке, которая обеспечивала бы мгновенный разрыв гранаты при пер-

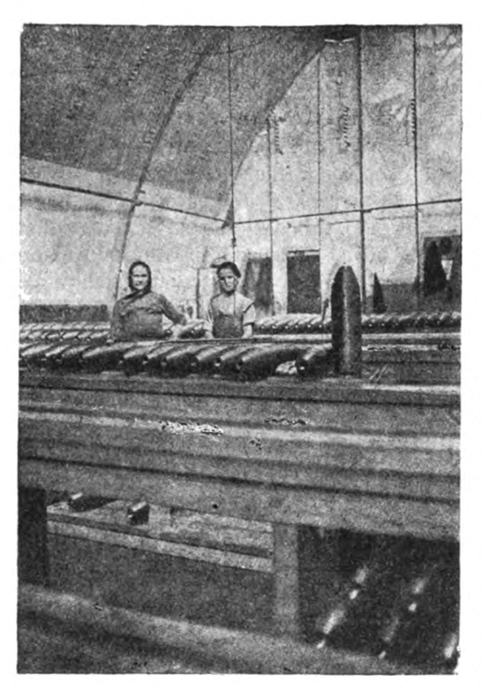


Форт Дуомон под Верденом **п о с л е** бомбардировки (1916 г.).

---

[1]) Более подробные сведения о производстве оружия в мировой войне с цифрами отдельно для каждой из главнейших стран, участниц войны, приведены нами в статье „Особенности военной промышленности с точки зрения организации подготовки войны“.—„Военная Мысль и Революция“, кн. 3, 1924 г. *А. Б.*

[2]) Из нее немцы обстреливали Париж с расстояния около 108 верст. *А. Б.*



Мужчины—на фронте, женщины—на заводах.

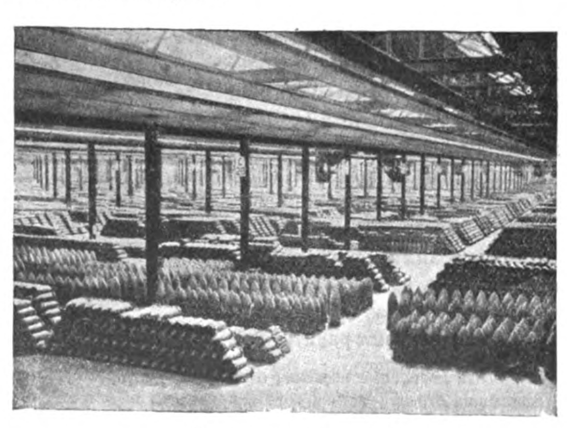
вом соприкосновении с препятствием. Техника разрешила и эту задачу, создав ударные трубки мгновенного действия. Некоторые участники мировой войны улучшили свои фугасные гранаты путем увеличения коэффициента полезного груза, т.-е. отношения веса взрывчатого вещества к весу всего снаряда. Колоссальная потребность в снарядах заставила перейти к методам массового производства их и потребовала взамен дорогих и высоких сортов стали дешевого и легкого в производстве сталистого чугуна.

Трудность производства пороха, удовлетворяющего требованиям мирного времени, в числе которых самое важное—возможность длительного хранения, повела к целому ряду мероприятий, имевших конечной целью—экономию во времени, материалах и рабочей силе.

Наличие в германской армии огромного количества гаубиц давало ей не только все преимущества навесного огня, но и огромную экономию в порохе. Легкие, в смысле массового производства, минометы (немцы выпускали их в 1917 г. около 4.300 шт. в месяц) давали еще большую экономию в порохе. Вместо стойких порохов мирного времени, дорогих и медленно производимых, стали употреблять дешевые и легкие в производстве, но нестойкие пороха: условия войны не требовали длительного хранения. Несмотря на все эти мероприятия порох остался из всех материалов, требовавшихся для войны, тем исходным средством, по производству которого приходилось равняться остальным производствам. Количество производимого пороха было исходной данной для расчета остальных материалов, из которых состоят элементы выстрела.

Так, у немцев для производства 10.000 тонн пороха и соответственных этому количеству взрывчатых веществ около 23.000 тонн надо было ежемесячно:

34.000 т.—азотной кислоты,
6.000 „—азотно - кислого аммония,
9.200 „—60% раствора серной кислоты.
26.900 „—20% раствора серной кислоты.
27.200 „—концентриров. азотной кислоты,
8.500.000 литров—спирта.



Неснаряженные снаряды.

Соответственно приведенному количеству пороха и взрывчатых веществ для снарядов требовалось:

150.000 тонн—стали,
2.000 „ —меди,
4.000 „ —свинца.

Для производства патронов и гильз при указанном выше количестве пороха надо было 4.200 т. латуни, 1.600 т. чистого цинка, 2.100 т. стальной жести; для изготовления дистанционных трубок—1.000 т. алюминия, 2.000 т. меди, 2.900 т. цинка [1]).

Разрывной заряд подвергся тем же изменениям, что и порох, т.-е. условия дешевизны и легкости массового производства стали на первое место по сравнению со стойкостью при хранении. Лозунг „Массы снарядов решат исход кампании", ставший обычным в этой войне на изнурение, заставил пойти на замену стойких взрывчатых веществ—суррогатами. Для войны это было хорошо, но хранение их после окончания войны невозможно. Их надо своевременно разрядить, либо подорвать.

Для производства пороха и взрывчатых веществ, а также и для удобрения нужен связанный азот. Отрезанная от Чилийской селитры английской блокадой Германия лишилась более 50% необходимого ей связанного азота (около 125.000 тонн связанного азота ежегодно). Казалось—Германии пришел конец: не было одного из важнейших продуктов для производства пороха и для удобрения. Но наука и техника разрешили успешно задачу добывания азота из воздуха: кальций — цианомидный способ Франка Каро дал возможность частично пополнить недостаток в азоте. На замену этому дорогому и сложному способу производства проф. Габером и Бошем был усовершенствован метод связывания азота воздуха. Гениальный химик Габер нашел, что газообразный азот и газообразный водород соединяются, образуя аммиак при температуре от 500 до 550° и при давлении от 150 до 200 атм. в присутствии катализатора.

Рост добывания связанного азота по Габеру на Баденской фабрике виден из следующих цифр:

1913 г.	3.000 т.
1914 „	15.000 „
1915 „	40.000 „
1916 „	80.000 „
1917 „	125.000 „
1918 „	300.000 „ [2])

Так наука и техника дали Германии необходимый связанный азот, несмотря на английскую блокаду.

Гильзы, составлявшие при тех массах снарядов, которые приходилось перевозить, значительный процент общего веса (до 6—10%), пришлось заменить у некоторых орудий шелковыми картузами, как это имело место раньше. С другой стороны, в виду недостатка меди, винтовочные и частично артиллерийские гильзы стали (немцы) делать из химически чистого, мягкого железа.

Для улучшения видимости при непосредственном наблюдении глазом, кроме оптических труб, техника дала специальные оптические мачты. Фотография также пришла на помощь и дала возможность фотографировать позиции противника через обыкновенную двурогую трубу. Такая фотография плюс воздушная фотография сильно упростили изучение позиций противника. Для определения мест расположения неприятельских батарей были привлечены аэрофотография, топография, специальные команды для засечек по звуку и по вэблеску выстрелов. Все эти новые органы разведки и наблюдения потребовали

[1]) Schwarte „Der Grosse Krieg 1914—18" VIII Band „Organisationen der Kriegsführung"—erste Teil. S. 69. *А. Б.*

[2]) Нужно заметить, что потребление самой Германии не превышало 200—250 тысяч тонн связанного азота ежегодно. *А. Б.*

в свою очередь новых технических средств и техника их дала: аэрофотоаппараты, звукометрические приборы и т. п.

Близкие расстояния, на которых велась борьба под Порт-Артуром, вызвали к жизни окопные мортирки. Немцы учли этот факт, и в начале мировой войны при осаде французских и бельгийских крепостей с их стороны принимали участие специальные пионерные роты, вооруженные минометами. Это новое оружие, родившееся в инженерных войсках, перешло потом частью к пехоте (легкие и средние минометы) и частью к артиллерии (тяжелые минометы). Стрельба производилась малыми зарядами, что позволяло готовить тонкостенные мины с большим количеством взрывчатого или отравляющего вещества (до 50%). Фугасное и химическое действие этих мин было ужасно.

Выпуск газов из баллонов, чреватый, вследствие капризов ветра, большими опасностями для своих войск, нашел себе замену в газометах—упрощенных минометах, многочисленные батареи которых в короткий срок могли выбросить в расположение противника массу тяжелых мин с огромным количеством отравляющих веществ.

Развитие технических средств связи.

На-ряду с голубиной почтой, античными бегунами и пчелами, окраской крылышек которых можно было передавать условные сигналы, техника колоссально двинула вперед радиотелеграфию и телефонию. Вместо искрового телеграфа техника дала радиотелеграф системы незатухающих колебаний; эта последняя дает следующие преимущества:

1) при сосредоточении массы радиостанций на узком пространстве, станции системы незатухающих колебаний (с катодными лампами) не мешают одна другой в работе уже при разнице в длине волн в 2—3 м., тогда как при искровом телеграфе разница в длине волн при тех же условиях должна быть не менее 50 м.;

2) при меньшем весе они занимают и гораздо меньше места, что имеет особенное значение в авиации, коннице и передовых частях пехоты.

3) для станций-отправителей искрового типа требовалась обычно энергия до 1500 ватт, тогда как новая система позволяла передавать на расстояния от 3 до 400 клм. при мощности генератора всего лишь от 8 до 10 ватт.

Эта же система незатухающих колебаний позволила осуществить радиотелефонию, и уже в 1917 г. немецкие воздушные эскадрильи снимались с аэродрома под звуки марша, передававшегося от граммофона радиостанцией аэродрома.

Во второй половине 1918 г. удалось осуществить передачу письма по радиотелеграфу; написанная на специально изготовленной пластинке (листе) особым грифелем записка вкладывалась в передаточный аппарат, нажималась кнопка, и не более чем через 3 минуты записка в размере $1/4$ листа бумаги была на приемной станции [1]).

На-ряду с этим явилась возможность использования земли в качестве проводника, позволившая: 1) организовать подслушивание телефонных разговоров противника, 2) передавать телеграммы, используя в качестве проводника землю.

Двигатели внутреннего сгорания.

Двигатели внутреннего сгорания нашли себе самое широкое применение во время этой войны: для тракторов, автомобилей, танков, аэропланов и т. п. Союзники к концу мировой войны имели около 200 тыс. автомобилей на ходу, что позволяло им осуществлять огромные переброски войск. Немцы, терпевшие сильный недостаток в горючем и резине, имели на ходу лишь около 40 тыс. машин. Железная необходимость заставила немецких

---

[1]) Neumann, „Deutschen Luftstreitkräfte im Weltkriege". Berlin, 1920, S. 203—205. *А. Б*

техников регенерировать отработанный каучук и снова пускать его в дело, а к концу войны привела к получению каучука искусственным синтетическим путем.

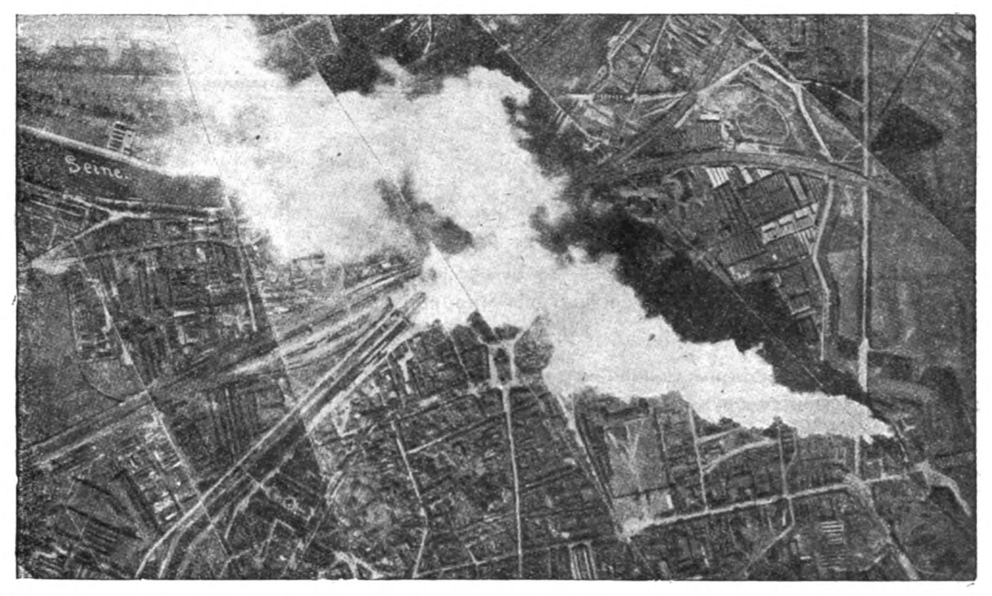
О том, как развилась авиация за время мировой войны, говорить не приходится. Вот цифры:

Начали войну: немцы с 218, французы с 400; к 1 января 1918 г. немцы построили 47.637 аппаратов и 40.449 моторов, французы с 1914 по 1918 г.г. построили 67.982 аппарата и 85.317 моторов; англичане около 50.000 аэропланов и американцы около 11.227 аэропланов и 29.500 моторов.

Потребление бензина германской авиацией росло в следующей прогрессии:

1914 г.	600 тонн.
1915 „	3000 „
1916 „	4500 „
1917 „	5500 „
1918 „	7000 „

Только одна германская авиация сбросила более миллиона бомб, общим весом около 28.000 тонн.



Париж во время бомбардировки. Дым—от одной из брошенных аэропланами бомб.

В 1915 г. немцами производилось 400 аэроснимков ежедневно [1]), в 1918 — 4000. В 1918 г. на одном только западном фронте еженедельно снималась аэрофотоаппаратами площадь в 24.000 кв. клм. (площадь Саксонии—25.000 кв. клм.). Во время мировой войны немецкие летчики засняли шестикратную площадь Германии.

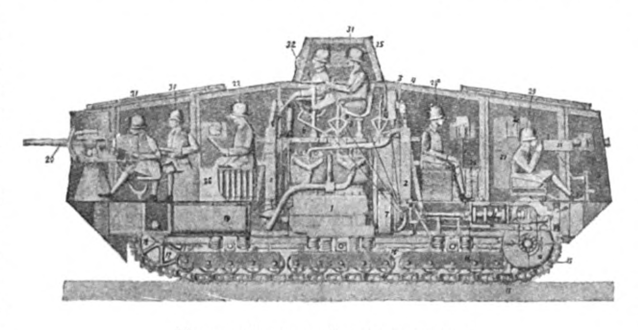
Представляем читателям возможность заняться статистикой, считая, что Антанта имела в $1^1/_2$—2 раза более многочисленный воздушный флот.

Двигатель внутреннего сгорания и гусеничный ход танков позволили союзникам, не умевшим достаточно скрытно и тонко организовать действия крупных артиллерийских

---

[1]) Neumann, S. 585. *А. Б.*

масс, осуществлять прорыв германских позиций там, где немцы меньше всего этого ожидали. Можно утверждать, что воля к победе изголодавшихся, усталых народных масс Германии была надломлена в качестве последнего военного аргумента — массовым применением союзниками танков. Распространено мнение, что якобы американская техника послужила таким последним аргументом. Следует сказать, что техника ее и поныне в производстве тонких машин вообще и военных в частности стоит ниже немецкой и французской. Влияние вступления С.-А. С. Ш. в войну было прежде всего экономическим (продовольствие, сырье, деньги Антанте и блокада Германии); в политическом же и в военном отношении—введение в бой свежих и многочисленных американских дивизий: американские дивизии насчитывали около 30.000 каждая, тогда как французские имели едва по 10.000 чел.

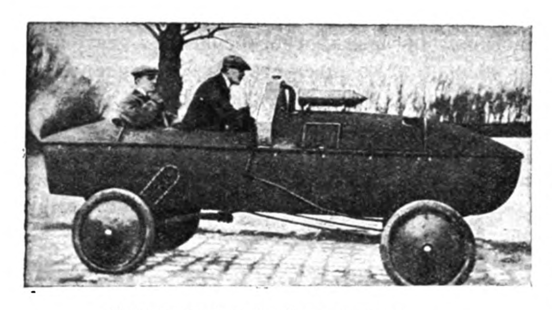


Немецкий тяжелый танк в разрезе.

Яркие, как закатные лучи солнца, успехи германской армии весной 1918 года были ликвидированы в значительной мере, благодаря своевременному прибытию и вступлению в бой 75 м/м. и 155 м/м. французских батарей на механической тяге. Эта последняя позволила им без всякого прикрытия (т. к. пехота не успела подойти) своим мощным огнем задержать, замедлить наступление германцев до подхода французских пехотных дивизий.

Военно-технические перспективы мировой войны и действительность завтрашнего дня.

Мировая война открыла широкие военно-технические перспективы. Уже проектируются и, наверное, строятся орудия с дальностью в 150 и 200 клм. Построены и испытаны легкие полевые пушки с дальностью 13 и 14 клм., строятся и испытываются танки со скоростью 40—50 верст, строятся и испытываются аэропланы со скоростью свыше 400 клм. в час. Но этим не следует увлекаться, этого нельзя пугаться. Эти успехи и их техническую сущность нужно знать; придется совершенствовать, улучшать и создавать новые образцы вооружения и материальной части, но следует помнить, что это — раритеты (редкости), уники, опытные образцы; нужно помнить, что огромные массы вооружения, имеющегося сейчас налицо, не могут быть заменены в течение, по крайней мере, ближайшего десятилетия новейшими образцами: ни одно государство не выдержит расходов на перевооружение, во всяком случае, без тяжких внутренних да и международных потрясений. Ближайший путь, которым идут и будут итти законодатели военно-технической моды, это—путь улучшения существующих образцов материальной части и вооружения. Насколько допустима замена одного типа аэроплана другим, несмотря на значительные расходы, связанные с этим, настолько следует признать невозможным замену в ближайшем будущем существующих образцов вооружения пехоты и особенно артиллерии вследствие колоссальных, связанных с этим расходов. При этом не столь велика стоимость орудий, сколько стоимость боевых комплектов (припасов); стоимость этих последних относится к стоимости орудий, как 10 к 1 или как 20 к 1, в зависимости от образца орудия.



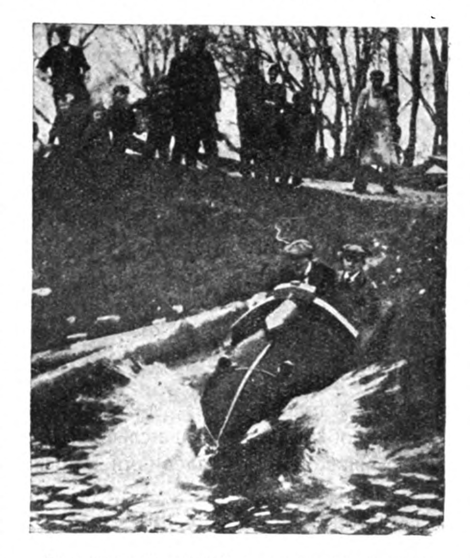
Земноводный автомобиль на суше.

Поэтому военная техника ближайшего десятилетия будет направлена на улучшение существующих образцов материальной части и вооружения больше чем на создание новых, тем более что не предвидится необходимого для этого перевооружения колоссального роста производительных сил. Исключения в этом отношении можно ожидать в С.-А.С.Ш. при наблюдающемся быстром росте в них государственной централизации, отсутствие чего определяло до сих пор американскую отсталость в военной технике при широком общем техническом и экономическом базисе.

Влияние военной техники на общую промышленность.

Военная техника и военная промышленность во время мировой войны оказали так же огромное влияние на характер общ. индустрии.

Достаточно показательным является лозунг „Industrialisation de l'Etat" (индустриализация государства), брошенный крупнейшими техническими органами и журналами Франции в 1915 г. Этот лозунг означает прежде всего необходимость концентрации и централизации производства по отраслям; во-вторых, он подчеркивает необходимость сосредоточения управления известными видами промышленности, по преимуществу тяжелой индустрии, в руках государства.



Земноводный автомобиль спускается в воду.

С другой стороны, постановка производства военных предметов на фабриках и заводах, дотоле этим не занимавшихся, приучила их: 1) употреблять материалы исключительно высокого качества и 2) привила методы массового производства.

В-третьих, сосредоточение в руках государства аппарата управления промышленностью, централизация распределения сырья и топлива заставили поднять вопрос и о планомерном распределении рабочей силы. Результатом этого было издание целого ряда государственных актов, пытавшихся урегулировать взаимоотношения рабочих и работодателей в интересах государства. Эти же акты повели к значительному росту недовольства как в армии, так и в среде рабочих. Солдаты были недовольны тем, что рабочие получали „много", находясь в тылу. Рабочие были недовольны потому, что их жалования не хватало в качестве прожиточного минимума.



Земноводный автомобиль на воде.

Поскольку война сделалась доминирующим экономическим и техническим фактором— типичные для военного производства и военной организации особенности—централизация и плановость с военной необходимостью давили на общую структуру государственного хозяйства. Отсюда т.-н. государственный капитализм в его первичной форме, когда власть находится в руках буржуазии. Однако, трудовая повинность рабочих в интересах империалистически-буржуазного государства не могла не вызвать протеста с их стороны, явилась при осуществлении государственного капитализма тем камнем преткновения, через который споткнулся Людендорф с его организаторскими дарованиями, в чем его не мог выручить гениальный организатор прорывов укрепленных позиций Брухмюллер.

Выводы.

Приведенный краткий очерк развития техники в мировой войне позволяет сделать следующие выводы:

1. Военная техника базируется на состоянии техники вообще и на состоянии материальных ресурсов при данной экономической структуре государства.

Высоко развитая химическая промышленность и тонкое машиностроение обеспечивают страну от нападения лучше, чем лишние сотни тысяч войск, содержимых в мирное время.

Россия содержала под ружьем к началу мировой войны около 1.300.000 человек, а Германия всего лишь около 668.578 человек; тем не менее двойное превосходство армии в мирное время не могло обеспечить России не только победу, но даже и крупных стратегических успехов. Часто производительнее, с военной точки зрения, тратить средства не на содержание лишней сотни человек в мирное время под ружьем, а на поддержание или развитие известных видов индустрии.

2. Современная война ведется не только массами людей, но и огромными количествами материальных ресурсов, т.-е. винтовок, пулеметов, орудий, танков, аэропланов и т.-п. Отсюда вывод: наличие в промышленности методов массового производства создает прочный базис для военной индустрии.

3. Для организации массового производства, для умелого и полного использования имеющихся в стране ресурсов—необходимы многочисленные кадры организаторов, ученых и техников-производственников, знакомых с условиями производства военных предметов в военное время.

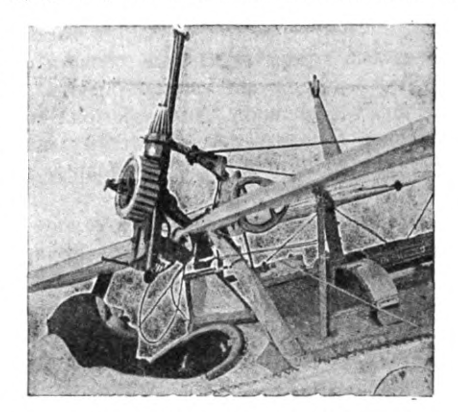
4. Война форсировала процесс концентрации производства и ускорила централизацию управления; она же ознакомила общую индустрию с методами массового производства и с применением материалов как высоко качественных, так и суррогатных.

5. Дополняя известные слова Фоша, можно сказать: война завтрашнего дня начнется тем, чем кончилась война вчерашнего дня, т.-е.—аэропланами, тяжелой артиллерией, танками и военной химией.

М. Строев.

Авиация в мировой войне *).

Начало XX века отмечается самым мощным и самым прекрасным достижением человечества в борьбе его с природою—завоеванием воздуха; это завоевание к началу мировой войны не было еще закреплено, и авиация к 14 году только-только начинала выходить из героического периода своей истории, когда каждый полет был своего рода событием, а процент катастроф был необычайно высок. Тем не менее военные круги не остановились, конечно, перед тем, чтобы с места возложить на воздушные силы боевую работу и помножить опасность полета, как такового, на опасность боевой обстановки; не будет преувеличением, если мы скажем, что мировая война была периодом насилования авиации, находившейся еще в стадии раннего младенческого роста.



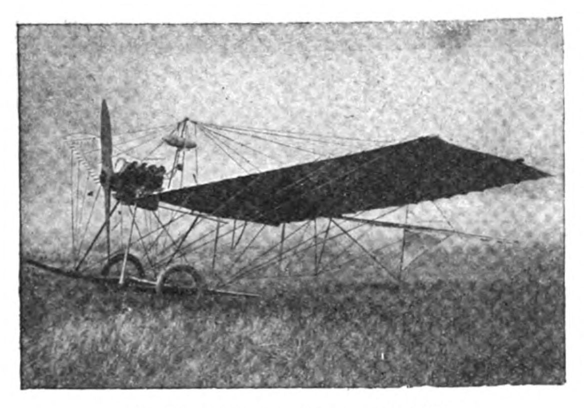
Установка пулемета на самолете.

Техническое совершенство или, точнее, несовершенство самолетов и ничтожное пока накопление летного опыта совершенно не соответствовали тем богатейшим возможностям боевого применения воздушных средств, которые априорно намечались военными мыслителями. Преувеличенное могущество нового боевого средства вызвало не в первый уже раз пацифистские мысли о том, что дальнейшее развитие военной техники сделает рано или поздно войну невозможною; действительность показала лишь, что война становится все более ужасною и что все новые средства поражения в значительной степени израсходуются на взаимное самоистребление. Невероятные усилия, затраченные на развитие авиасил в мировую войну, принесли, конечно, свои результаты: поэтому, на-ряду с разочарованием в возлагавшихся на авиацию черезчур смелых надеждах идет быстрое расширение отраслей применения воздушных средств и рост их влияния на ход военных событий; особые преимущества работы во всеоб'емлющей стихии приводят к тому, что авиация начинает вмешиваться во все без исключения действия войск и переносит войну в тыл, давая почувствовать ее и мирному населению.

В начале войны авиация почти исключительно использовалась как средство разведки и то преимущественно визуальной (зрительной). Бомбометание готовилось всеми почти государствами, хотя воспрещение метания бомб с воздушных судов и было внесено в постановления Гаагской конференции.

Однако, ничтожная грузопод'емность самолетов 1914 года не давала возможности широкого применения воздушной артиллерии, и только русские „Муромцы“ произвели довольно сильное впечатление своими налетами в Восточной Пруссии, заставив немцев принять срочные меры к созданию и у себя т.-наз. тяжелой авиации.

*) Написано для настоящего сборника. Ред.



Аэроплан системы Фоккер до войны.

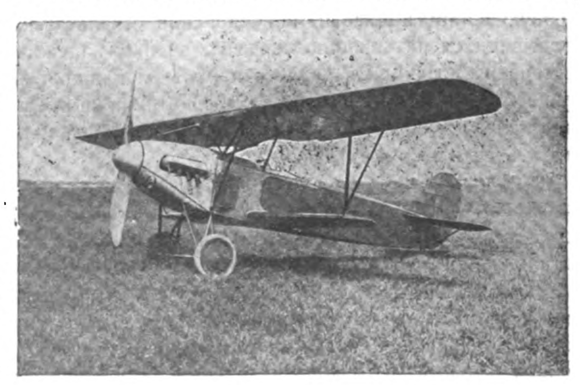
В дальнейшем ходе войны визуальная разведка постепенно дополняется фотографической, потребность в которой обусловливалась недостаточною подготовкою наблюдателей, а главным образом позиционным характером войны и широким применением средств маскировки; для характеристики тех широких возможностей, которые открывает авиация в области с'емки, достаточно указать, что немецкими летчиками в тяжелых условиях фронтовой обстановки была заснята площадь, в шесть раз превосходящая Германию.

Усовершенствование способов связи летящего самолета с землею открывает новые области его применения—корректирование артиллерийского огня и поддержание связи с боевыми линиями пехоты.

Заложенная в самой сущности авиации идея уничтожения всякого рода международных пограничных перегородок используется для относительно свободного сообщения с неприятельским тылом: летчики разбрасывают агитационные листовки и высаживают в тылу противника агентов и подрывников.

Наконец, постепенное увеличение грузопод'емности самолетов приводит к организованному применению этого транспортного средства будущего в качестве ближней и сверхдальней артиллерии. Бомбометание в войска применяется все чаще и приводит под конец войны к участию в атаках с воздуха сотен самолетов; особенно ощутительные результаты давали налеты с воздуха на конницу, имевшие место на второстепенных театрах войны (атаки немецких летчиков на Стоходе в 16 году, преследование летчиками Антанты болгарских войск у Дойранского озера и турецких в Палестине в 1918 году).

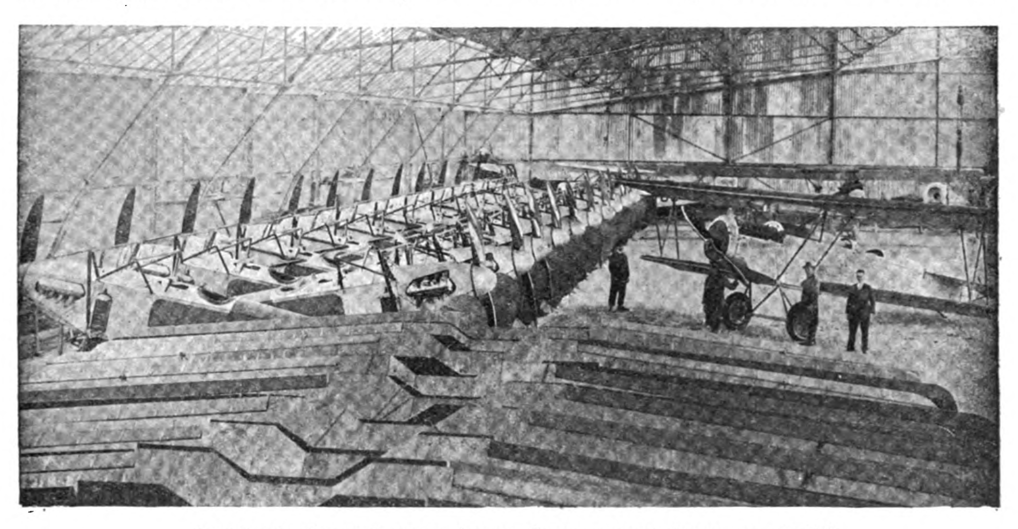
Параллельно развивается и бомбометание по неприятельским административно-промышленным центрам, при помощи которого в Германии надеялись окончить войну наиболее безболезненным образом—давлением на нервную систему народных масс и их правительств; впрочем, авиация оказалась в этой области недостаточно мощною, а нервы мирного населения—слишком прочными; наибольшее развитие получили германские налеты на Лондон; общее число человеческих жертв не достигло при этом и двух тысяч (причиною этого следует считать применение в немецких бомбах весьма гуманного приспособления—замедлителя, дававшего в некоторых случаях людям возможность своевременно отбежать от места попадания бомбы); материальные потери были на первый взгляд довольно значительны, и каждый крупный налет приносил вреда примерно на $1^1/_2$ миллиона фунтов стер-



Аэроплан той же системы—после войны.

лингов, однако, на общей физиономии такого большого города, как Лондон, результаты налетов не могли отразиться сколько-нибудь серьезным образом. Реальным результатом воздушных налетов были лишь взаимные „взрывы общественного негодования" в прессе, да новое напряжение производительных сил для развития средств противовоздушной обороны; достаточно указать, что Германия создала целую противовоздушную армию в 60.000 человек, 17.000 лошадей и 2.500 пушек, при 3.500 повозках и 800 авто.

Оборону Лондона, по некоторым источникам, несли 300 самолетов, 180 орудий и около 30.000 человек обслуживающего персонала. Необычайное развитие земных мер противодействия воздушному флоту приносило, однако, очень незначительные результаты: самолет, как предвиделось еще до войны, оказался крайне мало уязвимым от огня с земли; логика войны с самого начала ее привела к необходимости парализовать, елико возможно



Общий вид сборочной завода Фоккер. Стоят самолеты Фоккер типа D XIII.

новое средство его же собственными силами; с середины 1915 года, после ряда одиночных воздушных стычек, начинается организованная воздушная война с созданием для нее и специальных самолетов-истребителей, и специальных частей с отборным летным составом; к прежней и без того непосильной нагрузке нервов летчика добавляется новая перспектива воздушных дуэлей, в которых могут быть только убитые, а раненые являются самым редким, случайным исключением.

Война в воздухе расширяется с каждым днем, техника усиленно работает над тем, чтобы ценою крайнего изуродования аппаратов дать им хотя бы ничтожный перевес в маневренных качествах, составляющий главное условие успеха в бою одноместных истребителей; эта погоня конструкторов за каждым лишним километром скорости красною нитью проходит через всю историю колебаний боевого счастья в воздухе; к состязанию бойцов добавляется состязание инженеров-конструкторов; славу какого-нибудь „аса", сбившего 70—80 воздушных противников и под конец погибшего смертью героя, разделяет кабинетный ученый, который рисуется маленькому американскому солдату Джимми Хигинсу зверем в образе инженера. Этот немецкий инженер-зверь особенно ярко дал почувствовать себя русским летчикам, осужденным летать на устарелых и трепаных аппаратах, систематически сплавлявшихся в русскую армию сердечными ее союзниками.

Самолет оказался в итоге наиболее действительным средством борьбы с неприятельской авиацией: количество летчиков, сбитых воздушным противником за время мировой войны, превышает в шесть раз результаты работы зенитных орудий и пулеметов.

Однако, несмотря на быстрое и напряженное развитие авиации, несмотря на то, что результаты ее выступлений над полями сражений и театрами мировой войны были достаточно ощутительны, все же работа авиации характеризуется одною особенностью: выявлявшиеся новые задания все время превышали те возможности, которые открывались состоянием авиатехники и численностью самолетов. В связи с этим, ни в одной из отраслей военного дела мы не встретим такой безумной траты технических сил и такого надрыва личного состава, как в области воздушного флота.

Внешне цифры развития авиасил вызывают на первый взгляд серьезное уважение к тем достижениям, которые показала в деле создания авиации мощная техника Запада.

Технические качества самолетов выросли за четыре года войны примерно в следующей степени:

	ИСТРЕБИТЕЛИ.		БОМБОВОЗЫ.
	Скорость.	Потолок.	Грузопод'емность.
1914 г. . . .	115 клм.	3.000 м.	Ок. 1.000 кгр.
1918 г. . . .	220 клм.	7.000 м.	„ 5.000 кгр.

Соответственно повысились, конечно, данные прочности самолетов и надежности моторов, однако, на-ряду с этими достижениями выросла вдвое и так-называемая посадочная скорость самолетов, а вместе с тем трудность обучения и опасность посадки: в погоне за скоростями авиатехника часто давала на фронт самолеты, которые нельзя назвать иначе, как самоистребительными. Несмотря на развитие научно-испытательных институтов, конструирование новых типов во многом производилось „на глазок" и недочеты конструкции выявлялись только после ряда катастроф на фронте; целый ряд систем, изготовлявшихся сериями, определенно относился к категории так-называемых летающих гробов (R. E. 8 у англичан, Лебедь XII в России, некоторые французские системы).

В общем итоге, несмотря на то, что на развитие авиатехники во время войны шли огромные средства, несмотря на то, что при массовом испытании новых систем человеческие жизни к учету не принимались, темп развития рекордных качеств самолета не был более высоким, чем это имело место до войны.

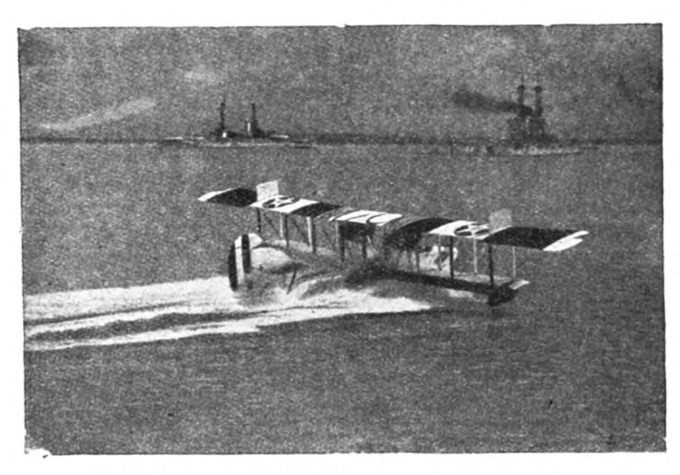
Ту же картину мы наблюдаем и в отношении количественного роста авиации. В нижеприведенной таблице показаны цифры фактически действовавших на фронте самолетов в начале и в конце мировой войны:

	1914 г.	1918 г.
Франция	160	3.600
Англия	50	3.000
С. Штаты	—	670
Германия	230	ок. 2.700

Авиационная промышленность, к началу войны кустарная, развилась в необычайно мощной степени, однако, как раз рост производства наводит нас на некоторые весьма грустные соображения.

За время войны выстроено:

	Самолетов.	Моторов.
Франция	51.000	93.000
Англия	55.000	41.000
Соед. Штаты	—	12.500
Россия	3.000	1.300
Германия	46.000	40.200



Морские маневры С.-А. С. Ш. с участием гидроавиации.

В среднем Франция, Англия и Германия вместе строили ежегодно 38.000 самолетов и 43.000 моторов, а содержали на фронте (в среднем же) только около 3.500 действующих машин; проще говоря, для того, чтобы содержать на фронте один действующий самолет, приходилось строить 10 аппаратов[1]) на пополнение убыли, обучение в школах, а также для того, чтобы забивать склады быстро устаревающим авиационным хламом.

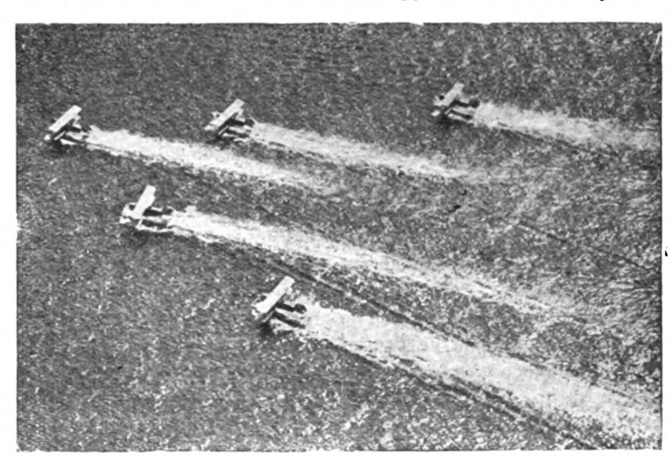
С какими расходами было связано подобное развитие авиапромышленности показывает хотя бы такая деталь: Россия, стоявшая в деле развития авиации в хвосте, сделала на 17 год заявку на одни только заграничные самолеты и моторы в сумме около 600 миллионов рублей (в 1917 году находилось на русском фронте всего лишь 700 действующих самолетов).

Соединенные Штаты, израсходовав полтора миллиарда долларов на воздушный флот, с большим трудом довели число действовавших на фронте самолетов только до 670.

Однако, бешеная трата средств останется в тени, если мы перейдем к учету потерь в людской силе. Абсолютные цифры убыли летного состава, конечно, невелики, но процентное отношение их к числу фактически действовавших на фронте летчиков—ужасно

На реляционные цифры потерь ссылаться невзможно, так как даже официальные данные враждующих сторон расходятся „на все сто процентов".

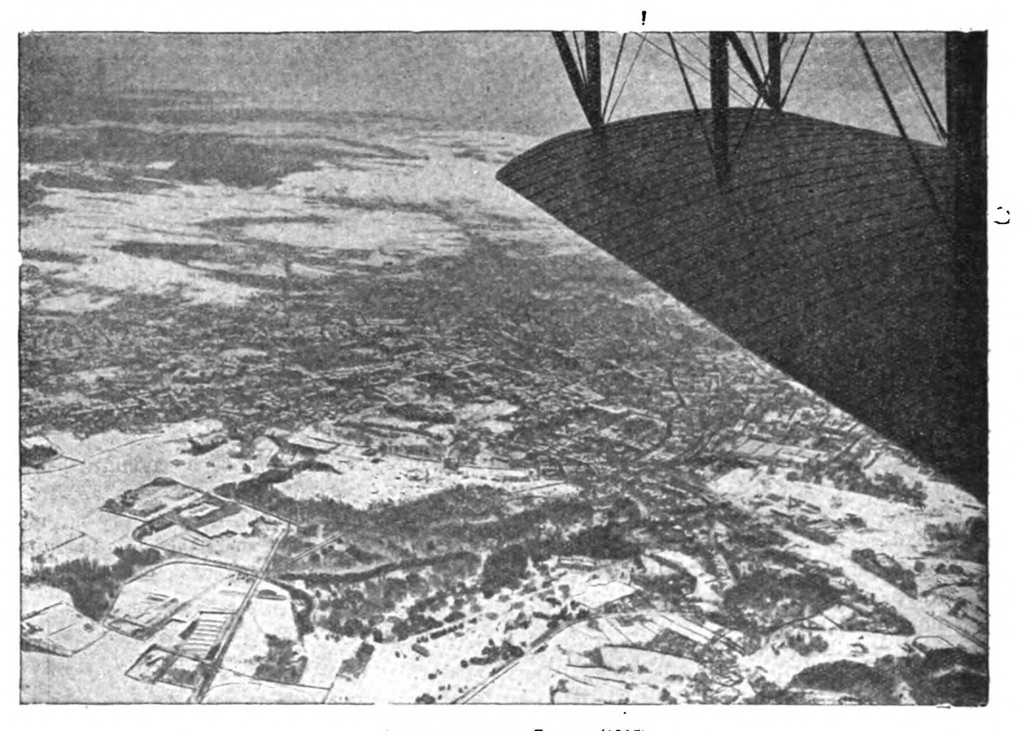
Гораздо более определенные данные получаются при изучении материалов о пополнениях, высылавшихся школами. Так, наши авиашколы выпускали ежегодно на фронт около 100% штатного состава летчиков, германские—до 15% ежемесячно, французские—довели свою продукцию



Отряд гидроторпедопланов С-А С. Ш. на разбеге для взлета.

[1]) При расчете учтен приблизительно расход на снабжение подчиненных союзников. *М. С.*

к 18 году до 600 человек в месяц; всего французские авиашколы выпустили за время войны 16.800 пилотов; если мы отбросим потребность в летчиках для самих школ, то увидим, что французская авиация с'едала ежегодно (в среднем) 3.000 пилотов, тогда как средняя годовая цифра действовавших на фронте самолетов достигает для Франции лишь 1.500 единиц: как видим, потери французских летчиков достигли 200% в год, из них большая часть (по приблизительному подсчету) выбывала из строя или полными инвалидами, или инвалидами лишь в летном отношении [1]).



Авиаснимок гор. Львова (1915).

Как видим, люди в мировую войну выстреливались в авиации как из пушки; недочеты техники и производства, неуменье штабов правильно использовать авиацию, наконец, недостатки организации — все это компенсировалось потерями и истрепыванием личного состава.

В общем итоге мировой войны авиация, несмотря на колоссальные жертвы людьми и деньгами, получила не особенно богатые результаты в смысле улучшения техники в сторону безопасности и экономичности. Единственный плюс можно видеть лишь в вовлечении в летное дело широкого круга работников и в переводе авиации из героического состояния на положение обыденного, бытового явления.

Однако, и этот плюс парализуется тем обстоятельством, что крайнее сокращение воздушных флотов после войны оставило за бортом десятки тысяч инвалидных и полуинвалидных летчиков.

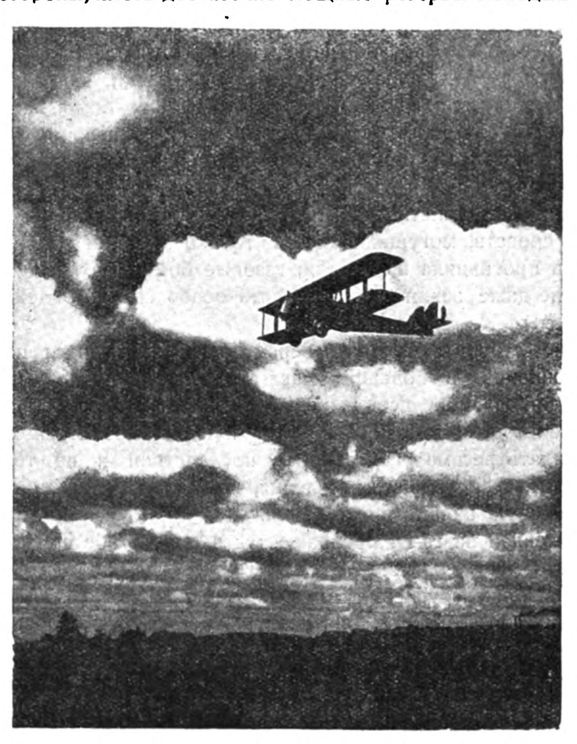
---

[1]) Процент потерь обслуживающего персонала был, конечно, ничтожным. *М. С.*

В конце-концов наибольшее достижение авиации за мировую войну, это—накопление организационного и боевого опыта для того, чтобы в будущих войнах дать неизмеримо более действительные и страшные результаты.

Сильное сокращение воздушных флотов в мирное время и невозможность, с одной стороны, содержать и своевременно освежать колоссальные запасы авиационного имущества, с другой же стороны, иметь достаточно мощные резервы молодых летчиков,—все это заставляет предполагать, что действия авиации в первые месяцы ближайшей войны будут отличаться от таковых в конце мировой войны скорее в качественном, чем в количественном отношении.

Только после того, как мобилизованная авиапромышленность и школы дадут новую продукцию, воздушные флоты воюющих сторон начнут прогрессивно расти. Нельзя, конечно, ожидать, что в ближайшей будущей войне центр тяжести боевых действий будет перенесен в воздух; ограниченность мировой добычи нефти и наличие потребности в ней для автомобилей, морфлота и промышленности положат предел развитию воздушных флотов до тех пор, пока современный бензиновый двигатель не будет заменен другим, основанным на каком-либо ином принципе.



Американский бомбовоз, вылетевший для бомбардировки.

Уже в мировую войну эта причина ограничила рост германской авиации, переведенной в 1918 году на жесткий бензино-газолиновый паек; впрочем, и у союзников, в распоряжении которых находились нефтяные богатства всего мира, бывали критические моменты, когда запасы нефти французского фронта исчерпывались потребностью всего лишь нескольких дней.

Для ближайшего десятилетия мы можем ожидать количественного увеличения воздушных флотов в несколько раз, но не в несколько десятков раз; появление совершенно нового типа двигателя даже при современном состоянии техники потребует не мало лет, прежде чем он будет усовершенствован для массового применения; для доказательства этого достаточно припомнить историю современного двигателя внутреннего сгорания.

Зато в качественном отношении авиация будущей войны, вероятно, поразит нас многими неожиданностями, часть которых мы можем в настоящее время только предвидеть.

Из новых отраслей применения воздушных флотов следует ожидать развития воздушных десантов (в ограниченных размерах) и особо широкого использования воздушных мин, управляемых по радио с земли или с другого самолета. Последние будут при-

меняться как для поражения земных об'ектов, так и для борьбы с неприятельскими самолетами.

В остальных отраслях мы, конечно, будем наблюдать дальнейшее развитие данных, уже выявленных воздушными силами в мировой войне.

Борьба в воздухе станет борьбой организованных масс и потому неизмеримо более ожесточенной.

В области задач наблюдения и связи, достигших значительного совершенства еще в мировую войну, особо выдающихся улучшений ожидать не приходится. Зато применение самолетов, как средства поражения земных целей, сделает много шагов вперед.

Бронированные аэропланы, правда, на первый раз несколько неуклюжие, применялись уже в мировую войну; в будущей войне летающие танки, ощетинившиеся десятками скорострельных пулеметов или груженые сотнями мелких бомб, найдут самое широкое применение как на поле сражения, так и во время маршей-маневров. Еще более серьезные перспективы рисуются в области бомбометания по крупным административно-промышленным центрам. В мировую войну расчеты на подавляющий результат подобных операций не могли быть особенно оптимистическими, почему стороны в общем воздерживались от применения крайних средств, могущих нанести только лишний ущерб мирному населению, но не поставить противника на колени; газовые бомбы не применялись вовсе; немцы не пустили в действие даже зажигательных бомб особо сильного действия, сконструированных к концу войны.

В будущей войне стороны, по всей вероятности, соблазнятся попыткой применить бомбардировочную авиацию в большом масштабе и с решительными целями; в самом деле, налеты на Лондон, давшие все - таки заметные результаты, производились группой всего лишь в 36 самолетов; если в дело будут пущены сотни таких самолетов, то как будто бы можно ожидать весьма решительных последствий и не только не останавливаться перед потерями безоружного населения, но, наоборот, стремиться к тому, чтобы создать возможно большую панику в населении.

Авиация, помноженная на газы, превращается в кошмарное средство для поражения и парализования густо населенных центров. Все же не приходится думать, что ближайшая война будет закончена успешными налетами тяжелых самолетов. Не говоря уже о развитии мер охраны и противодействия воздушным налетам, необходимо учитывать необычайную мощность современной промышленности, центры которой вырастают из развалин с невиданной быстротой; подводная война в отношении разрушения культурных ценностей находится в таких выгодных условиях, какие для воздушных средств никогда не будут иметь места; однако, торговое судостроение Антанты выдержало с успехом то испытание, которому подвергли его немецкие подводные лодки.

Лишь в применении к странам с отсталой промышленностью, сконцентрированной в немногих точках, массовые воздушные налеты могут создать реальную опасность поражения; только пространство сможет относительно надежно обеспечить некоторые из наших промышленных центров: дело в том, что теоретически радиус действия современных тяжелых бомбовозов значительно превосходит их „полезную" досягаемость на практике (сказывается роль загрузки самолета бомбами и особенно влияние неблагоприятных метеорологических данных при дальнем полете).

В общем итоге можно сказать, что новая большая мировая война едва ли будет скоротечно закончена воздушным налетом.

И только убытки от воздушных бомбардировок возрастут в десятки раз, а человеческие жертвы от авиации будут исчисляться не тысячами, а сотнями тысяч.

С. Холодовский.

Война на море в 1914—18 г.г.*)

„Настоящая морская война не может возникнуть, пока морская торговля не будет доставлять значительных богатств стране и пока флот не будет в состоянии удерживать господство на море".

Этими словами начинает свой известный исторический труд в области морской стратегии английский писатель Коломб [1]). Минувшая война служит блестящим подтверждением этого положения; действительно, истинной причиной возникновения этой войны была борьба германского и английского капитала за господство на мировых морях и океанах и за приносимые этим господством неисчислимые богатства и преимущества.

Шедшее за последние полвека колоссальными шагами промышленное развитие Германии не могло не беспокоить Англию, справедливо видевшую в нем слишком серьезную угрозу своему благосостоянию. Островное положение Великобритании ставит ее в непосредственную и прямо-таки жуткую зависимость от морских путей; известно, что Великобритания может прокормиться своими собственными запасами только в течение 7 недель; после этого на острове, при отсутствии морского подвоза, начнется агония голодной смерти.

Если проследить историю экономического развития Англии, то прежде всего бросается в глаза та упорная и тяжелая борьба, которую она на протяжении 4-х веков вела за обладание морем и его торговыми путями. Сбросив со своей дороги в конце XVI века тогдашнюю „владычицу морей"—Испанию, Англия вступила в середине XVII столетия в длительную и ожесточенную борьбу с достигшей высшего экономического расцвета и захватившей в свои руки больше половины всей мировой торговли, колоний и рынков Голландией. Борьба эта тянулась с 1652 по 1674 год, пока, наконец, Англия не добилась поставленной перед собой цели: Голландия была сломлена и перешла быстро на роли второстепенной, а затем и третьестепенной державы; а вышедшая из борьбы победительницей Англия гордо развернула свой флаг на всех морских путях мира. Когда на этом очистившемся горизонте появилась грозная туча в виде Французской Республики и Первой Империи, Англия не задумалась вступить с ней в решительную борьбу, тянувшуюся 21 год и давшую Англии новое, окончательное торжество.

Это было в эпоху накопления капитала в Англии,—того накопления, которое немыслимо было бы без обладания морем, его торговыми путями и приносимыми им несметными богатствами. Еще до начала Англо-Голландских войн один из выдающихся деятелей времен королевы Елизаветы, сэр Вальтер Ралэй, бросил лозунг, получивший с тех пор в Англии значение прописной истины: „Господствующий на морях, господствует над мировой торговлей; господствующий же над мировой торговлей, господствует над богатствами мира и, следовательно, над самим миром".

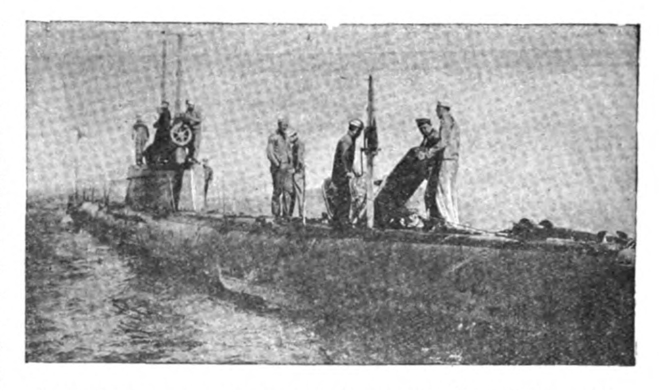
Не приходится говорить о том мировом положении и о той политической и экономической мощи которую получила Англия, благодаря своему господству на морях. Расцвет ее промышленности достиг высших пределов; почти все рынки мира принадлежали ей; при помощи этих рынков к ней стекались неисчислимые богатства со всех концов мира и поглощалась вся продукция ее промышленности.

---

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

[1]) P. H. Colomb—The Naval War. C. X.

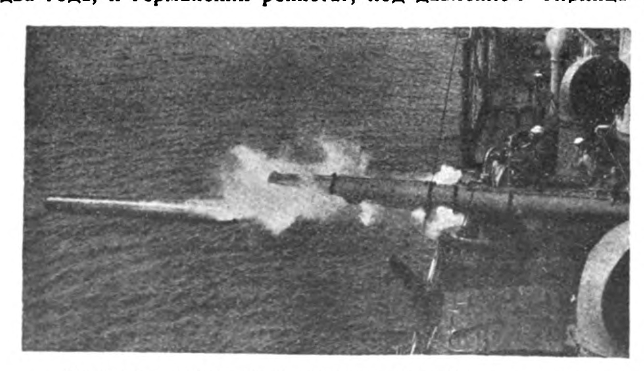
Промышленный капитал Англии естественно перерос в финансовый капитал, потребовавший расширения рынков и усиления колониальной политики „Владычицы Морей“. Весь XIX век английский капитал беспрепятственно властвовал над мировой политикой, над мировыми рынками и над мировой промышленностью. И лишь к концу этого века выросла новая и опасная угроза в виде быстрой и бурной экспансии германского капитала.



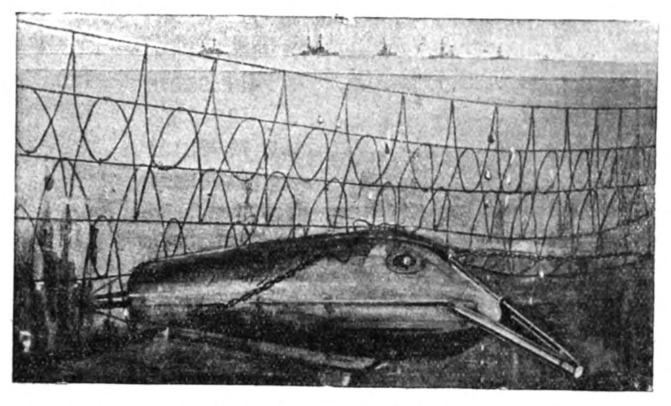
Американская подводная лодка новейшего типа. Вкладывание мины в аппарат.

К тому времени, когда Германия, под влиянием крупной буржуазии и необходимости в вывозе капитала далеко за пределы своего фатерланда, отринула традиционную территориальную политику, создала Флоттен-Ферейн, бросила устами Вильгельма лозунг „будущее Германии на водах“ и перешла на путь маринизма и колониальной политики, Англия прочно „уравновесила“ свое мировое положение на морях. Она не боялась за свою морскую торговлю и за свои колонии, так как необходимый для их защиты военный флот Англии превышал вдвое состав любого, следующего за ней по силе флота (известная формула „two power Standard“); мировой стратегический театр ее был обеспечен во всех пунктах необходимыми, прекрасно оборудованными базами. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть ту паутину английских баз, которыми опутаны все моря, океаны и все морские пути мира.

Благодаря этой казавшейся прочности положения, Англия сперва смотрела с усмешкой на попытки Германии „найти свое будущее на морях“. Ко времени прохождения в германском рейхстаге первого „закона о флоте“ (1898 г.) Германия имела всего лишь 14 броненосцев против 54 английских, а торговый флот и морская торговля Германии были еще в таком сравнительно зачаточном состоянии что английское адмиралтейство не видело в Германии хоть сколько-нибудь серьезного соперника. Но прошло всего лишь два года, и германский рейхстаг, под давлением Тирпица и Флоттен-Ферейна, утвердил новый, чудовищный по своим размерам, „закон о флоте“. Эта программа предусматривала постройку двух флагманских кораблей (броненосцев), 4-х эскадр по восьми броненосцев каждая, 8-ми броненосных и 24-х легких крейсеров, не считая мелких единиц. Кроме этого, программа предусматривала создание особого флота из восьми броненосных и десяти полуброненосных крейсеров для действия на океанских путях вне отечественных вод и,



Бросание торпеды с борта американского военного корабля.



Немецкая субмарина, проходящая через заградительную сеть.

наконец, резервную эскадру в размере 3-х броненосных и 4-х легких крейсеров.

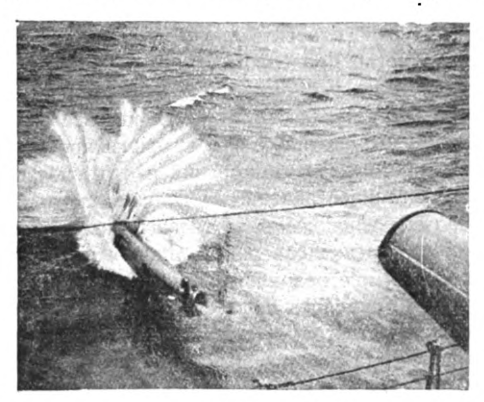
Эта фантастическая программа, и особенно часть ее, предусматривавшая действия германского флота на океанских путях, в связи с одновременным колоссальным ростом германской морской торговли, с ее блестящими успехами в колониальной политике и в захвате мировых рынков, раскрыла Англии глаза на угрожавшую ей действительность: мощный германский капитал встал во весь рост перед английским и дерзко бросил ему перчатку вызова. При этом и Англии, и остальным державам было ясно, что обоим этим соперникам будет тесно во всем просторе мира.

Предчувствуя, что эта надвигающаяся борьба вовлечет народы в невиданное еще в истории мировое взаимоистребление, оба соперника начинают принимать необходимые меры военного, политического и экономического характера: Англия стягивает свои морские силы в европейские воды и охватывает Германию с запада и востока „странами Согласия“, а Германия добавляет к „Тройственному Союзу“ Турцию и Болгарию и пытается вовлечь в свою зону Грецию и Румынию. Провоцируемая представителями крупной буржуазии и продажной прессы, Европа бросается на гибельный путь соревнования в сухопутных и особенно морских вооружениях.

Следующие таблицы расходов на вооружения наглядно рисуют дикую пляску миллиардов, которая обуяла европейские державы накануне войны.

Военные и морские расходы главных держав по десятилетиям (в миллиардах рублей):

	1890—1900	1900—1910
Германия	2,96	4,39
Англия	3,11	6,26
Франция	3,19	3,79
Австро-Венгрия	1,24	1,69
Италия	1,28	1,43
Россия	3,00	6,30



Торпеда „ныряет“.

Но указанный в этой таблице рост военных бюджетов совершенно меркнет перед теми бешеными скачками, которые делал морской бюджет в последние перед войной годы.

Для примера можно привести расходы на один лишь флот в 1912—13 бюджетном году (в рублях):

Германия	105.694.950
Англия	414.496.078
Франция	52.742.368
Италия	79.961.127
Россия	159.261.424

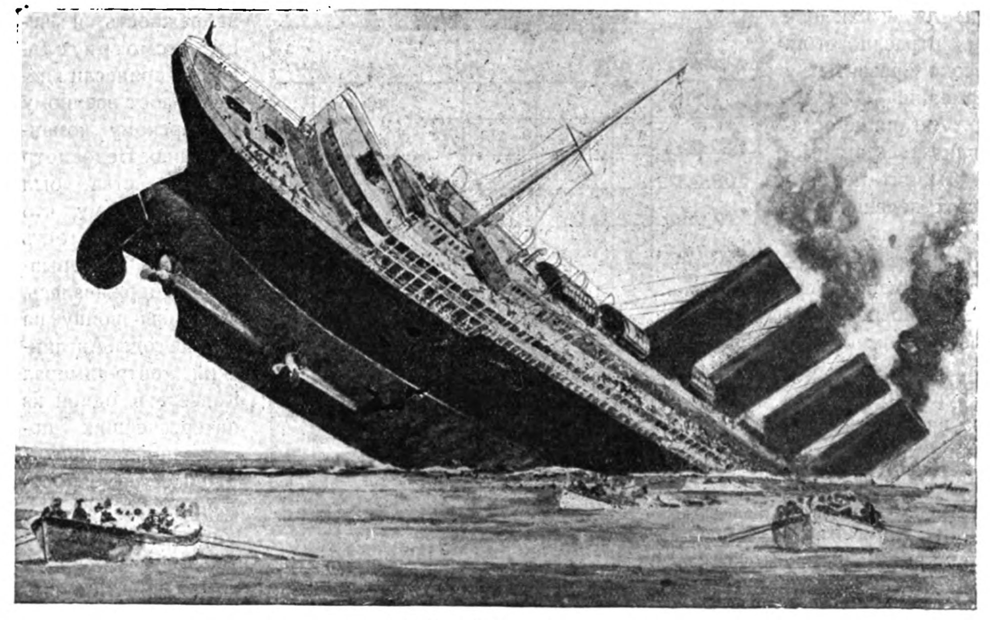
Соответственно с этими колоссальными расходами на вооружения, государственные долги всех главных держав непомерно росли, а их промышленность направлялась почти исключительно на создание гигантских истребительных вооружений.

М. П. Павлович в своем труде „Милитаризм, маринизм и война 1914—18 гг." так характеризует этот кошмарный период вооруженного и вооружающегося мира: „безумные вооружения всех европейских государств в течение последнего десятилетия накануне нынешней войны, все усиливавшаяся милитаризация бюджетов и надвигавшийся страшнейший финансовый кризис, угрожавший даже самым богатым и передовым в экономическом отношении государствам, этот „дух помешательства", обуявший всю Европу,— одним словом, вся эта политика „вооруженного мира" являлась могущественным фактором, фатально толкавшим всю Европу, и прежде всего центральные державы, к той ужасной пропасти, которая разверзлась перед народами в июле 1914 г. и поглотила уже, на-ряду с десятками непроизводительно затраченных миллиардов рублей миллионы преждевременно погибших жизней во всех странах".

Обладавшая наибольшими материальными ресурсами и развитием производительных сил, Великобритания пыталась вначале гарантировать свою безопасность на море от Германии. Когда дипломатические переговоры между Берлином и Лондоном не привели ни к чему, когда предложение Англии о взаимном сокращении флотов, а затем о рассмотрении вопроса на Гаагской Конференции были отвергнуты Германией, когда рейхстаг в ответ на эти предложения утвердил в 1908 году новый „закон о флоте",—Англия решилась на меру, которая привела бы ее к неминуемому и быстрому финансовому кризису, протянись он хоть сколько-нибудь долго: в целях удержания своего „two power Standard" она решила строить на каждый германский линейный корабль по 2 своих корабля большего водоизмещения и вооружения.

Но мера эта, увеличив непомерно налоги на население, не принесла ожидаемых результатов: германская экономическая мощь оказалась недооцененной Англией, и ей пришлось перейти, относительно германского флота, в соотношение 3:2. Но и это соотношение не могло продержаться долго: во-первых, оно с трудом поддерживалось Англией при полном ее экономическом напряжении и грозило близким финансовым кризисом и, во-вторых, заставляло Англию стянуть все свои морские силы в отечественные воды, сосредоточив их против своего главного противника и оголив, таким образом, крайне важные для нее средиземноморский и тихоокеанский театры. Особенно чувствительно было бы для Англии ослабление ее политического и экономического влияния на тихоокеанском театре, где расположены ее главные колонии и где с каждым годом сильнее развивались два новых опасных соперника: Япония и Соединенные Штаты. Англия видела, что, с одной стороны, для нее недопустимо долгое отсутствие с этого театра; иначе говоря, ей необходимо было принудить свою европейскую противницу к немедленной борьбе, уничтожить ее военный и торговый флот, пользуя для этого свои личные преимущества и своих союзников, и, выйдя победительницей из борьбы, направить вновь свои силы на покинутые временно театры. Но, с другой стороны, Англии было ясно, что ей совершенно необходимо выйти из переделки с нетронутым почти военным флотом, чтобы не допустить Америку или Японию заменить побежденную Германию тотчас же после окончания войны.

Таким образом, перед Англией встала стратегическая дилемма: либо немедленно уничтожить морскую силу Германии, рискуя при этом потерять добрую половину своего флота, либо душить ее блокадой, парализовав деятельность ее военного и торгового флота и оказывая возможно широкое, но осторожное содействие своим союзникам, сжимающим Германию железными клещами с запада и востока. Англия, естественно, выбрала второй план, несмотря на то, что и он представлял известного рода неудобства своей длительностью и необходимостью напряжения всех своих экономических и промышленных возможностей. Здесь Англии пришел вновь на помощь высокий уровень ее промышленного и экономического благосостояния, и она без особых колебаний решилась душить Германию длительной и изнуряющей блокадой, не подвергая свой могучий флот риску быть „низведенным“ с первого в мире места одним решительным боем с германским флотом, хотя и



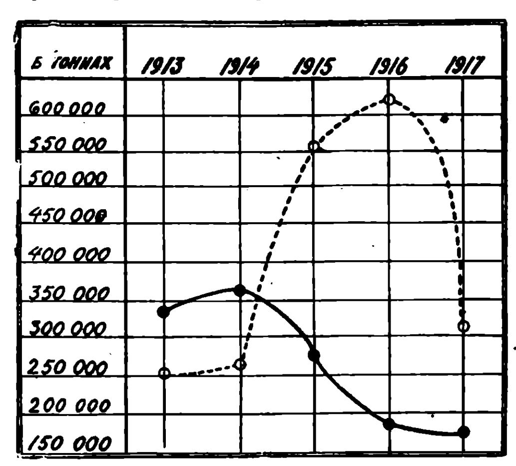
Гибель Лузитании.

более слабым по числу и вооружению кораблей, но безусловно превосходящим английский флот во многих качественных отношениях. Кроме того, за принятие второго плана говорили еще два фактора: во-первых, географическое положение Англии, дававшее ей несомненные преимущества и, во-вторых, выгода этого плана для интересов торгового мореплавания, этих легких капиталистического организма Англии. Как и во время семилетней войны (1756—1763), Англия учла все преимущества морской войны перед сухопутной в отношении развития колониальной и морской политики, и жребий был окончательно брошен.

К началу войны оба противника располагали морскими силами, представлявшими собой верх технического совершенства того времени. Английский флот превосходил своей численностью германский почти вдвое; главные силы — дредноуты — были бо́льшего водоизмещения и несли на себе более крупную и дальнобойную артиллерию, но зато германские корабли имели несомненные конструктивные преимущества, ярко проявившиеся в Ютландском бою. Англия подавляла массой своего флота, но масса эта, в сущности, не была на достаточной высоте. Материальные ресурсы и производственные возможности

Англии давали ей возможность выбрасывать с верфей и заводов десятки тысяч тонн военных судов всевозможных типов с головокружительной быстротой; но именно эта возможность сравнительно легко пополнять убыли во флоте и сознание своего подавляющего количественного преимущества и были причиной какой-то презрительной небрежности в постройке судов и в дальнейшем применении их для боевых целей. Непотопляемость английских кораблей, разбивка их на водонепроницаемые отсеки оставляла желать много лучшего; система подачи к орудиям была так организована, что возникший от попадания неприятельского снаряда в башню пожар проникал в погреба и производил взрыв погребов, губивший весь корабль со всем почти личным составом. Эти недостатки и были причиной гибели английских судов от артиллерийского огня более мелкого калибра в Ютландском бою. Метод английской морской стрельбы также уступал значительно германскому. Кроме того, Англия не учла перед войной громадного значения подводных лодок и авиации, тогда как обе эти отрасли были высоко развиты у Германии.

Англия не останавливалась, видимо, на „мелких подробностях ведения войны“; она имела общий стратегический план удушения Германии посредством своего несомненного и действительно несокрушимого господства на морях и при помощи сухопутных армий своих союзников. Но и здесь правительственная небрежность и непредусмотрительность принесли немало забот военному и морскому командованию. Недосмотр правительства был причиной тому, что сопротивляемость Германии непрерывно поддерживалась, затягивая войну на долгие годы. Английский контр-адмирал Консетт в одной из интереснейших послевоенных книг — „Торжество невооруженных сил“ [1]—разворачивает подробную и яркую картину того, как Англия сама, при посредстве нейтральных держав, обильно снабжала во время войны Германию всеми необходимыми для ведения этой войны припасами и материалами. К сожалению, автор не видит в этом снабжении преступной руки мирового „капиталистического интернационала“, поддерживавшего во имя своей наживы друзей и врагов и подписывавшего во время войны свои контракты кровью умиравших на его службе бойцов: он усматривает во всем только самый факт поддержки Германии Англией и клеймит свое правительство за простой недосмотр. Он недоумевает, как правительство могло не обратить внимания на то, что с началом войны вывоз угля, металла и прочих предметов первой необходимости из Англии в нейтральные страны стал заметно расти и к 1916 году увеличился в одних отраслях в 2 раза, в других—в 3 раза, а в иных—и до 5 раз. Одновременно и в той же, приблизительно, пропорции, рос и вывоз этих же продуктов в Германию из нейтральных стран; вместе с этим равномерно падал ввоз продуктов из нейтральных стран в Англию. Лишь в 1916 году английское правительство спохватилось и прекратило поставку всяких материалов своему противнику. Помещаемый график (один из многих, помещенных в книге Консетта) наглядно показывает плодотворную работу „нейтрального капитала“.



Скандинавский вывоз продуктов питания. Сплошная линия—в Англию, пунктиром—в Германию и Австрию.

---

[1]) „The Triumph-of Unarmed Forces 1914—18“ by Rear-Admiral M. W. W. P. Consett, London 1923. С. X.

Не приходится говорить о том, насколько подобное положение, во-первых, затрудняло военный план удушения Германии посредством прекращения ее сношений с внешним миром и, во-вторых, показало всю несостоятельность стратегических планов, построенных на военных соображениях без достаточно предусмотренного экономического базиса. В то время, как разбросанные по всему миру английские крейсера старательно прекращали широкий и отдаленный подвоз Германии жизненных и военных припасов, английский и скандинавский капиталы тихо и безнаказанно, здесь же, у себя дома, на главном морском театре снабжали под шумок германский капитал всем необходимым, затягивая войну и набивая свои карманы.

Время и сравнительно приличное снабжение позволили Германии создать у себя опасное оружие против главного противника. Она могла бы с успехом использовать свой Большой флот, на который было потрачено столько денег, борьбы и усилий и на который до войны возлагалось так много надежд. И если Германия не использовала его, то не потому, что флот этот не мог быть противопоставлен в бою английскому, а потому, что Германия, как правильно указал проф. Жерве [1]), „создала великолепный боевой флот по программе, проникнутой правильными стратегическими идеями, но во время самой войны не знала, что с ним делать". Обосновывая далее эту свою мысль, проф. Жерве говорит: „Прежде всего, вся линия стратегического поведения высшего германского командования во время войны показывает, что оно искало решения войны на сухом пути, стремясь сохранить флот целым ко дню заключения будущего мира. Это, несомненно, первая крупная стратегическая ошибка германского высшего командования. Если Великобритания имела право рассчитывать привести Германию к капитуляции и согласию сдать без боя свою морскую силу победителям, путем нанесения смертельного удара ее военной мощи с сухого пути, то у Германии не могло быть решительно никаких оснований к подобному же стратегическому замыслу в отношении ее главного противника. Островное положение Англии и сила ее флота достаточно гарантировали ее от вторжения сколько-нибудь крупных неприятельских сухопутных сил на ее территорию до полного разгрома ее флота. Боевые же успехи Германии на европейских театрах,—как бы сами по себе они крупны ни были,— не в состоянии были привести Великобританию к таким условиям мира, которые хоть сколько-нибудь смогли бы отразиться на ее положении могущественнейшей колониальной и морской державы".



Взрыв.

Благодаря этой стратегической ошибке, германский флот приговорен был к полному почти бездействию. Зато Германия широко развернула применение неиспытанного еще мощного оружия — подводной лодки, нанося этим оружием жестокие удары своему противнику. Командовавший английским флотом адмирал Джеллико, характеризуя результаты подводной деятельности Германии, пишет в своих мемуарах, что, благодаря этой деятель-

---

[1]) Б. Б. Жерве. „Организация стратегии", Морской Сборник № 9, 1924 г. *С. Х.*

ности, Англия во время войны 1914—18 г.г. „была ближе к полной катастрофе, чем когда-либо за последние 200 лет своего существования“.

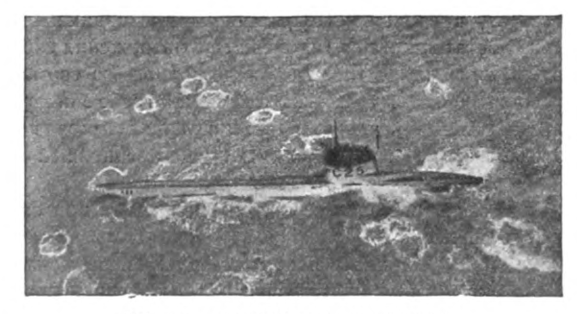
Но и тут Германией была допущена коренная ошибка: благодаря дрязгам, интригам и ссорам, происходившим между морским министром адмиралом Тирпицом, Ставкой Вильгельма и Морским Генеральным Штабом, Германия после ряда колебаний об‘явила „беспощадную подводную войну“ лишь 1 февраля 1917 года, т.-е. тогда, когда Англией были уже выработаны блестящие методы борьбы с подводными лодками. Тот же Джелико пишет, что „подводный флот был побежден даже раньше, чем средства борьбы с ним достигли полного развития“.

Действительно, „кривая истреблений“ круто изменилась уже к осени того же 1917 г.: насколько чудовищно стали расти цифры гибнущего английского надводного (особенно коммерческого) тоннажа с началом „беспощадной“ подводной войны, настолько же стали расти цифры гибнущего германского подводного тоннажа к концу ее. Когда еще германские войска шли на смерть, не помышляя о революции, на подводных лодках началось брожение, неповиновение, и команда этих лодок, отказываясь категорически выходить в море на „пловучих гробах“, делала уже великое дело восстания против безумного истребления человеческих жизней и достояний.

Таким образом, и это последнее средство морской борьбы Германии было локализовано. Теснимая со всех сторон врагами на сухом пути, блокируемая с моря мощным флотом, теряющая одного за другим своих союзников, Германия принуждена была капитулировать. Ее флот, не потерявший почти ни одной крупной единицы из своего состава, был выведен по распоряжению Антанты в Скапа-Флоу [1]), где он все же не передался в руки бывшего врага, а, обманув его бдительность, затопился весь целиком, имея поднятыми на стеньгах германские флаги.

Война закончилась, в сущности, не миром, а серией мирных трактатов, чреватых в недалеком будущем новым рядом кровопролитных внутренних и внешних потрясений. И такая жалкая и лицемерная попытка, как пресловутый Вашингтонский трактат, естественно не спасет мир от этих потрясений. Мы уже и теперь видим, что трактат этот отнюдь не остановил морских вооружений, перенеся лишь их из плоскости линейного судостроения в плоскость создания подводного, воздушного и легкого надводного флотов. Атмосфера не разрядилась, и в воздухе все сильнее пахнет кровью, дымом и ядовитыми газами. С Дальнего Востока к нам доносится зловещее зарево разгорающегося пожара, который не в состоянии будут утушить никакими мерами нынешние правители капиталистических стран. Слишком сильны их хищные интересы и слишком велико желание захватить в свои руки богатый и таинственно-прекрасный Восток.

Нет сомнений, что нам еще придется быть зрителями нового акта кровавой трагедии, именуемой „морской войной“.



Обстрел подводной лодки с аэроплана.

[1]) Главная база английского флота во время войны 1914—18 г.г. на Оркнейских островах, на северо-западе Великобритании. *С. Х.*

Н. Семашко.

Империалистическая война и народное здоровье*).

В области народного здоровья империалистическая война оставила последствия более глубокие и труднее поправимые, чем во всякой другой области.

Империалистическая бойня в корень расшатала хозяйственное положение Европы. Только социалистический строй может вывести Европу из ее нынешнего хозяйственного тупика. Однако, капиталисты всей Европы, при поддержке капиталистов нажившейся на войне Америки, так или иначе штопают износившийся халат капиталистического хозяйства, так или иначе восстанавливают „равновесие".

Империалистическая бойня внесла озверение и в умственную жизнь буржуазного общества. Еще до сих пор, т.-е. десять лет спустя, собираются конгрессы ученых Антанты, куда не допускают немецких ученых. Остатки озверения налицо. Однако, и тут озверелые ученые все больше и больше выступают, как ископаемые „зубры",—так или иначе взаимоотношения сглаживаются.

Но одно нельзя ни сгладить, ни затушевать: миллионы человеческих жизней, которые погибли на войне; десятки миллионов искалеченных, которые прыгают теперь на одной ноге по улицам городов или протягивают одну оставшуюся руку за милостыней. До сих пор еще не удалось остановить роста социальных болезней—туберкулеза, сифилиса, которые разлились после войны, затопляя не только города, но и села. И долго, долго еще будут отражаться гибельные последствия войны на подрастающем поколении.

Вот краткая табличка наших потерь на войне:

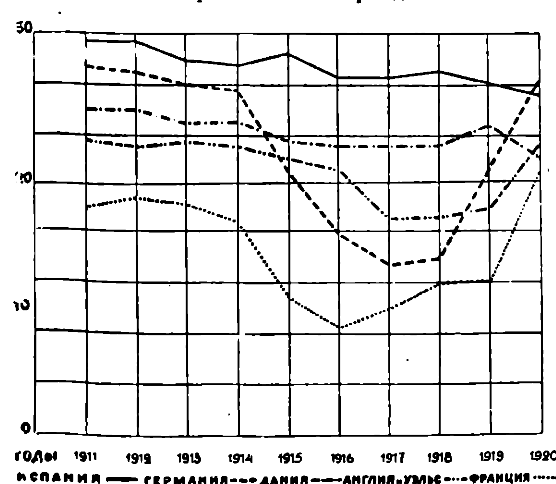
Убито и умерло скоропостижно	672.086
Ранено, контужено и пострадало от газов	3.803.827
Пропало без вести	2.333.375
Заболело	5.069.920
Итого . . .	11.879.208

По Михайловскому (Итоги переписи 29 августа 1920 г., вып. II), боевые потери исчисляются в $2^1/_2$ миллиона чел. (1.700.000 убитых, 300.000 умерших от ран и до 500.000 умерших в плену и за границей) по России.

Если даже взять первую, уменьшенную цифру, то выводы таковы: 1) мы имеем 12% безвозвратных потерь жизнями, 2) каждый из мобилизованных так или иначе пострадал во время войны.

Естественно, что благодаря этим потерям и благодаря росту заболеваний в стране население нашей Республики сократилось в РСФСР на 13,8%, в УССР—на 8,9%, на Кавказе—на 3,3%. Мало того, пострадал как-раз наиболее трудоспособный, рабочий возраст и получился резкий пере-

Влияние мировой войны на рождаемость.

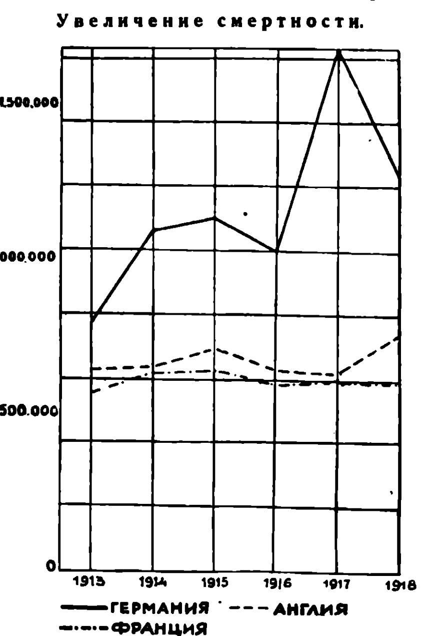


*) Написано для настоящего сборника. Ред.

вес женского пола над мужским именно в рабочем возрасте (примерно на 2 женщин приходится 1 мужчина в возрасте 20—40 лет).

Такая же, примерно, картина наблюдалась и в других воевавших государствах: в Германии население уменьшилось с 67 до 65 миллионов (в круглых цифрах), в Австро-Венгрии с 52 до 49 миллионов, во Франции с 39 до 36 милл. и т. д. Поплатились и страны победительницы, и страны побежденные.

Резко повысилась и смертность во время войны во всех государствах: за первые три года войны в Англии, Франции и Германии она возросла на 7,11⁰/₀. Эпидемия „Испанки" (род инфлюэнцы) пронеслась по всем воюющим странам, заражая и нейтральные государства и вырывая массы жертв: войска и пленные разносили заразу из угла в угол своей страны. По некоторым подсчетам от „Испанки" погибло на всем земном шаре до 12 миллионов человек! Так война родит эпидемии!



Как сказано, война резко отразилась на трудоспособности населения: т. Струмилин вычисляет, что общий урон трудоспособного населения России за 1914—20 гг. в возрасте 16—49 лет равнялся 20⁰/₀; потеряли мы в этом возрасте около 14 милл. чел. (10 милл. мужчин и 4 милл. женщин). Трудовые ресурсы нашей страны, таким образом, были подорваны войной. Тов. Струмилин указывает, что этим уроном дело не исчерпывается: через некоторое время, когда в трудовую жизнь вступят поколения, рожденные во время войны, численность которых была понижена против предшествующих поколений, „наступит новый урон в трудовых ресурсах страны без всякой войны, а лишь как далекий отзвук прошлых событий" (А. Сысин, „Соц. Гигиена", сборник № 21). „Таким образом,— пишет т. Струмилин, — потери России от блокады и войны не ограничиваются теми, кои обнаружены переписью 1920 г.: им суждено расти в течение десятилетий".

Вот что говорят статистики-экономисты и гигиенисты. Вот какой удар здоровью человечества нанесла война.

Лишь медленным, настойчивым, упорным трудом мы залечим раны, нанесенные нам войной.

И мы уже начинаем их залечивать.

Е. Варга.

Сколько стоила мировая война.

10 лет прошло с того момента, как капиталисты империалистических держав повели на бойню народы Европы. Человечество обладает очень плохой памятью. Несмотря на то, что настоящее обнищание широких трудящихся масс всех стран в большей своей части можно приписать мировой войне, все-таки эти страшные годы почти что вышли из памяти или о них не хотят помнить.

Но сознательный пролетариат должен о них подумать, потому что буржуазия всего мира готовится к новой бойне. Представим в сжатом обзоре военные издержки по многим странам Европы. Самый большой урон потерпели страны убитыми и увечными за время мировой войны: 10 миллионов одних убитых мужчин цветущего возраста. Это количество соответствует, приблизительно, всему мужскому трудоспособному населению Франции. Из всех стран Европы только небольшая часть имеет большее население, чем количество убитых на войне. Это количество превышает население всего Лондона, оно больше населения Берлина и Парижа, вместе взятых. Если бы все эти убитые были похоронены друг возле друга по отдельным могилам, то получилось бы кладбище величиною в 100 кв. километров.

Результаты империалистической войны 1914—19 г.*).

	Население к концу 1913 г.	Население к концу 1914 г.	Потери до середины 1919 года.	
			Уменьш. рождаем.	Увелич. смертн.
Германия . .	67.400.000	65.500.000	3.600.000	2.700.000
Австрия . .	52.700.000	49.800.000	3.800.000	2.000.000
Великобрит.	46.000.000	45.600.000	850.000	1.000.000
Франция . .	39.700.000	36.560.000	1.500.000	1.840.000
Италия . . .	35.400.000	35.200.000	1.400.000	880.000
Бельгия. . .	7.650.000	7.420.000	175.000	200.000
Болгария . .	4.750.000	4.875.000	155.000	120.000
Румыния. . .	7.600.000	7.620.000	150.000	360.000
Сербия . . .	4.650.000	3.450.000	320.000	1.330.000
Европ. Россия.	135.000.000	132.000.000	8.300.000	4.700.000

Общие потери в Европе.

Населен. к концу 913 г.	Населен. к концу 919 г.	Уменьшен. рождаем.	Увеличение смертности.	Военны потери.
400.850.000	389.030.000	20.250.000	15.130.000	9.829.000

Потери не европейских стран.

Сибирь.	Турция.	Англ. колон.	Соединен. Штаты Сев. Амер.
500.000	500.000	250.000	52.000

Кроме этого громадного количества убитых, есть еще не менее колоссальное количество инвалидов, еще даже точно не установленное по всем странам. В одной Франции имеется миллион девятьсот тысяч инвалидов, с более чем 10% нетрудоспособности. К концу 1919 года во французских протезных мастерских были затребованы 19.000 протезов для рук, 24.900 протезов для ног. Если мы примем приблизительно то же отношение инвалидов и для других воюющих стран, то мы получим целую армию из 150.000 инвалидов с одной рукой и 200.000 с одной ногой. Большой город в 350.000 жителей исключительно калек!

*) По реферату Schweisheimeir, „Bevölkerungs biologiesche Bilanz aus Krieges 1914—1919“. Archiw für Rassenbiologie 1920. Ред.

По французским источникам особенно тяжело раненых было 3.000 человек, у которых ампутированы две или три конечности; двадцать тысяч ранений черепа; от двух тысяч до трех тысяч слепых и до четырех тысяч тяжелых ранений лица и челюстей.

Все эти данные, как и выше приведенные, далеко еще не полны.

До 1923 года было выдано пенсий, согласно журнала статистического о-ва в Париже (1923—24 год),—миллион восемьсот тридцать пять тысяч для инвалидов, пятьсот девяносто девять тысяч для вдов и сирот и восемьсот семьдесят одна тысяча для родителей и престарелых, лишившихся своих кормильцев.

Предполагая, что 1,5 миллиона человек остаются инвалидами, французское сельское хозяйство, имея трудоспособное мужское население между 20 и 49 годами в 2.636.000 человек, потеряло 710.000, промышленность из 2.226.000—387.000, торговля из 1.230.000—200.000.

Мы видим только в одной Франции 1.349.000 убитых, 600.000 инвалидов; если мы в среднем примем всего 30% инвалидности, то все количество потерянных рабочих сил равняется 2.000.000, к ним еще следует причислить и умерших от разных болезней.

Принимая во внимание, что ежегодная производительная ценность мужчины в лучшем его возрасте равняется 2.000 золотых марок, получаем, что французское хозяйство ежегодно теряет 4 миллиарда золотых марок, что составляет шестую часть ее довоенных доходов и почти вдвое больше того, что она требует в виде репараций от Германии.

Для всех воюющих стран ежегодные потери равняются, исходя из тех же расчетов как для Франции, около 30.000.000.000 золотых марок.

Экономические последствия потерь в людях гораздо продолжительнее и тяжелее будут сказываться, чем непосредственные военные издержки; кроме того, следует обратить внимание на понижение рождаемости во многих странах, которое, конечно, даст себя почувствовать гораздо позже.

По вопросу о потерях во время войны существуют разные оценки. Согласно данных Финдмана и Богарта, за вычетом союзных долгов, но считая платежи по долгам, военные издержки видны из следующей таблицы:

СТРАНА.	Нац. имущ. (до войны в миллиардах долл.).	Нац. доходы (до войны в миллиардах долл.).	Воен. издержки (милл. долл.).
Соед. Штаты	200,0	35,0	23,159
Англия	70,5	11,0	33,421
Франция	58,5	6,0	31,324
Россия	60,0	6,5	26,522
Италия	22,8	4,0	15,636
Бельгия	15,0	1,3	1,387
Япония	11.7	1,7	40 000
Германия	80,5	10,5	46,323
Авст.-Венгр.	40,0	3,8	24,858
Турция	4,0	0,5	1,802
Болгария	4,0	0,5	732
Англ. влад.	—	—	4,198
	567,0	80,8	249,362

416.400

41.100

Стоимость войн: черн.—14—18 г.г., бел.—XIX века.

Эти количества значительно еще выше данных, приведенных тов. Троцким в его докладе на III Всемирном конгрессе Коминтерна, в 800 миллионов золотых марок.

249 миллиардов долларов составляет всего 1.046 миллиардов золотых марок (марка—46 коп. зол.). Трудно даже себе представить, что они экономически означают собой. Самый крупный об'ект германского государства составляют железные дороги, ценность которых со всеми зданиями, локомотивами, вагонами, складами и запасами оценена в проекте экспертов всего в 26 миллиардов золотых марок. На сумму военных издержек можно было бы построить 40 раз всю германскую жел.-дор. сеть со всеми вагонами, мостами и т. д.

Если считать, что стоимость одной железнодорожной версты в среднем всюду равна стоимости ее в Германии, то можно было бы на израсходованные во время войны средства еще раз построить всю жел.-дор. сеть всего мира, со всеми мостами, туннелями, локомотивами и вагонами.

Непосредственные военные расходы проглотили все народные доходы воюющих стран за три года. Если мы опять, по аналогии с расчетами относительно Франции, примем, что падение числа ценностей во всех воюющих странах, вследствие людских потерь, болезней, инвалидности, равно от одной десятой до одной шестой, то понятно станет, почему все страны так страдают от последствий войны.

Кроме этих непосредственных военных расходов, надо еще принять во внимание опустошение на театрах военных действий. Потери частной собственности, по данным Богарта, приблизительно следующие: на суше—30 миллиардов долларов, стоимость потопленных пароходов—6,8 миллиардов долларов.

Из вышесказанного мы видим, что 1) потери убитыми и инвалидами дают ежегодно убыток в 30 миллиар-

Потери армий в людском составе воюющих сторон *).

Государства Антанты.	Число убитых.	Число раненых.	Число пленных.
Россия	2.550.000 по непр. ист. 3 милл.	5.700.000	2.550.000
Франция	1.386 535 (17%)	2.800.000 (33%)	504 000 (6%)
Великобритания	689.246	2.035.965	358.807
Бельгия	100.000 (20%)	150.000 (30%)	70 000 (14%)
Соед. Штаты	75.000	73 000	
Италия	500.000 (10%)	800.000 (15%)	500 000 (10%)
Румыния	100.000 (12,5%)	200.000 (25%)	240 000 (30%)
Сербия и Черногор.	40 000 (5%)	152.000 (19%)	200.000 (25%)
Греция	4.000 (2%)	10.000 (5%)	16 000 (8%)
Португалия	3 000 (7,5%)	7 000 (17%)	10.000 (25%)
Япония	1.000 (3,3%)	1 000 (3,3%)	—
Итого по государствам Антанты	5.430.781	16.377.772	
Центральн. державы.			
Германия	1.980.000 (18%)	4.510.000 (41%)	1.000.000 (9%)
Австро-Венгрия	1.440.000 (16%)	1.980 000 (22%)	1.800.000 (22%)
Болгария	96.000 (16%)	198.000 (33%)	1.500.000 (25%)
Турция	550.000 (19,3%)	891.360 31,2%)	479.640 (12.3%)
Итого по центральным державам	4 066.000	7.579.360	3.429.640
Общие потери армий по государствам Антанты и центральным державам	9.496.781	27.386.772	

*) Процент везде исчисляется к общему количеству призванных в ряды армии. Ред.

дов зол. марок, 2) непосредственные расходы войны: а) военные издержки — 1.046 миллиардов золотых марок, б) военные потери—154 миллиарда зол. марок, всего—1.200 миллиардов золотых марок.

При этом не приняты в расчет повышенная смертность населения и понижение рождаемости; кроме того, надо принять еще во внимание потери нейтральных стран, исчисляемые в 1,75 миллиарда долларов. Кроме того, понижение производительности труда, которое можно оценить в 180 миллиардов зол. марок. Таким образом, получается общая непосредственная потеря в 1.400 **миллиардов** золотых марок.



ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

Эдмондо Пеллузо.

Изгнание*).

Накануне мировой войны вся Австрия в целом и в частности Вена, были наводнены русскими политическими эмигрантами.

Вступление России в войну на Балканах долго обсуждалось различными группами эмиграции, при чем мнения разделились. Но после отправления ультиматума Сербии со стороны Австрии, и ответного „сообщения" России, все пришли к одному соглашению: Россия должна была выступить против Австрии,—следовательно, нужно было удирать, нужно было устроиться в безопасном месте, найти другое прибежище, чтобы избежать ареста или, по меньшей мере, интернирования. Нашим русским товарищам пришлось тогда столкнуться с тысячью затруднений. Большинство из русских, которые жили в Австрии в течение долгих лет, были связаны не только с материальными благами (помещение, библиотека, средства к существованию и т. д.), но и с духовными привязанностями. И все это надо было разбить одним ударом. Затруднение заключалось не только в этом—ведь надо было найти возможность и средства для выезда.

Нужно знать, что большинство русских эмигрантов жило изо дня в день. А между тем, чтобы выехать им и их семьям нужны были деньги. Продать мебель или какие-либо другие предметы обихода было трудно, так как в этот момент никто, как оказалось, не имел желания покупать их. Еще больше затруднений встретилось в вопросе займа денег. Единственная организация, которая могла бы ссудить—австрийская социал-демократия—не только, казалось, потеряла голову, но под влиянием событий сделалась настолько шовинистической, что рассматривала своих вчерашних друзей—русских социалистов всех мастей—как врагов в равной степени с царистскими партиями. Лишь один среди австрийских социал-демократов, казалось, не изменился, это—Фриц Адлер. Повидимому, президиум Центрального Комитета с.-д. партии был чем-либо занят в это утро конца июля 1914 года, так что Ф. Адлеру пришлось стать посредником между русскими и партийной кассой. Удалось ли ему добиться денег от австрийской социал-демократии или нет, я этого сказать не могу. Но так или иначе в этот вечер поезд русских политических эмигрантов, который отходил в Швейцарию, был полон до последнего места. Наспех собранные вещи загромождали проходы вагонов, окружали кричащих детей, плачущих женщин. Только опечаленные мужчины старались сохранить все спокойствие. Троцкий составлял центр внимания этих изгнанников.

Он был окружен своими друзьями и спокойно обсуждал последние телеграммы.

Поезд тронулся в путь, оставляя за собой на перроне вокзала черную полосу, посреди которой нервно двигались белые точки. Это были друзья или родные русских эмигрантов, которые слали платками свой прощальный привет.

В то время, как они приближались к Цюриху, человек, который должен был дать основы для нового мира—Ленин, захваченный взрывом империалистической войны в горах Галиции, был арестован австрийскими жандармами и заключен в тюрьму, якобы как царский агент.

Так история в свои наиболее трагические моменты показывает неповторяемые комические стороны...

---

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

Я. Ганецкий.

Ильич накануне и в начале войны.

Еще в 1912 году Владимир Ильич переезжает из Парижа в Краков, расположенный недалеко от русской границы. Необходимо быть ближе к русским рабочим, русским партийным организациям. Необходимо установить быструю связь, быстрее должна происходить переписка, быстрее должны доходить инструкции вождя.

Связь скоро была налажена. Генеральный штаб во главе с блестящим начальником действовал великолепно. Краков, а летом Поронин стал настоящей ставкой нашей армии. Сюда постоянно с'езжались полководцы отдельных наших частей. Бывали члены нашей думской фракции, представители центрального и местных комитетов, работники по профессиональному движению, по страховым кассам и отдельные товарищи. Здесь происходили совещания, конференции. Здесь выковывались мечи против настоящих и будущих врагов пролетариата.

Живая связь с вождем давала великолепные результаты. Приезжающие товарищи выясняли животрепещущие вопросы, получали нужную линию, обогащали свои познания и возвращались к работе с усиленной энергией и верой...

Многие оставались месяц и больше и пополняли свои теоретические пробелы под руководством вождя...

Штаб работал во-всю... Шли указания, инструкции в организации. Посылались статьи для газет. Обрабатывались речи для думских депутатов по принципиальным вопросам. Каждая статья в „Правде", каждое выступление наших депутатов в думе, как тараном, било по буржуазно-помещичьей твердыне.

Рабочие массы восторженно принимали эти партийные выступления. Они все более смыкались вокруг большевистского знамени, все больше ощущали свою силу. Выступая организованно, сплоченным фронтом, под руководством большевиков, они в своих повседневных стычках с своими противниками, в стачках одерживали победу... Никакие репрессии, никакие уловки охранников не могли удержать нарастающей революционной

В 1914 году настроение рабочих масс во всех промышленных центрах напоминает 1905 год. Годы затишья и апатии прошли, и рабочие стали энергично наступать на капитал... Чувствовалось, что приближается новая решительная схватка... Кто знает, не был ли бы это последний бой рабочих, если бы не разгорелась разбойническая война.

Это настроение должен был признать даже, с позволения сказать, вождь Интернационала г-н Вандервельде, хорошо известный рабочим СССР по его защите-выступлениям в эсеровском процессе.

Он в 14 году был в Питере, бывал на многих рабочих собраниях, в разных рабочих организациях и не мог не отметить чрезвычайно приподнятого настроения. Такое настроение рабочих немного смутило этого „революционера". Особенно беспокоило его почти исключительное влияние большевиков среди рабочих. Не менее волновались по этому поводу его идейные друзья, наши меньшевики-ликвидаторы, все более терявшие почву под ногами.

Как быть, как горю пособить? Как отвлечь рабочих от большевиков? Наши меньшевики рядили, думали и додумались. Необходимо заставить большевиков об'единиться с меньшевиками... Пошла работа, и вот Интернационал созывает конференцию русских

организаций на предмет их об'единения. Меньшевики торжествуют. Высшая власть... Интернационал... заставит Ленина подчиниться.

Ильич взбешен. Работы у него по горло,—а тут глупостями приходится заниматься. Он ни на минуту не сомневался, что конференция никаких результатов дать не может. Большевики ни в коем случае не отступят от своей революционной тактики, а этого именно добиваются меньшевики и г-н Вандервельде. Лучше бы вовсе не принимать участия в конференции—думает Ильич—жаль времени и денег. Но как-то неудобно. Уж очень взбесится почтенный Интернационал и демагогически использует „недисциплинированность" большевиков.

Итак, делегацию послать. Но не для того, чтобы сдаваться, а чтобы дать еще одну политическую пощечину меньшевикам. Ильич решил делегацию послать, но ни за что не хотел сам поехать... Помню, как я его уговаривал лично принять участие в конференции: авторитет его много значит, может повлиять на меньшевиков в смысле перемены тактики. Но Ильич смеялся над моей наивностью. „Если бы меньшевики решились пойти за нами,—говорил Ильич,—то нечего им созывать конференцию. Они желают лишь ругать меня перед Интернационалом. Уж этого удовольствия я им не доставлю. Да и времени жалко, лучше заниматься делом, нежели болтовней".

Вскоре я убедился, как прав был Ильич. Конференция началась. Собираются делегаты. Постепенно появляются и большевистские (тт. Инесса Арманд, Владимирский, Попов—других не припомню, я был в польской делегации) и занимают крайнюю левую. Они почти изолированы, но настроение у них бодрое. Появляются светила Интернационала: Вандервельде, Гюисманс, Каутский. Тут—и Плеханов, и Роза Люксембург. Все косятся в сторону большевиков, — нет еще Ленина, очевидно, запоздал, появится завтра. Вандервельде произносит „горячую" речь в честь революционного российского пролетариата, указывает приближающиеся решающие моменты и призывает к единству. В единстве-де сила. Меньшевики его поддерживают, жалуются на недисциплинированность большевиков и торжественно заявляют готовность подчиниться требованию Интернационала об об'единении. В таком же духе говорят почти все... Торжественное настроение портят большевики. Они дерзнули поспорить с Вандервельде. Сила не в единстве, а в правильной революционной тактике. Сила в правильной линии, а не в единстве разных противоречащих линий. Мы не прочь об'единиться с меньшевиками, но при условии, если они безоговорочно признают нашу тактику и подчинятся нашим постановлениям... Подобной „наглости" не ожидали. Пошла бешеная ругань, чуть не дошло до кулачной расправы. „Да вы, безответственные работники, и не знаете, что говорите. Где Ленин, когда он приедет? Он должен, наконец, выслушать обвинения перед лицом Интернационала".

Трудно себе вообразить глупые физиономии господ II Интернационала, когда большевистские делегаты спокойно заявили, что Ленин занят и на конференцию прибыть не может. Они же выступают от имени Центрального Комитета большевистской партии. Пошла ругань. Кто как мог старался ругнуть нашего большевистского льва.

А Ильич спокойно сидел в Поронине и занимался делом. Размышляя о происходящей конференции, он хитро улыбался, будучи вполне спокойным, что ученики не подведут его и, несмотря на решительный нажим лидеров II Интернационала, твердо проведут предписанную линию.

Поругались наши, расплевались и уехали. Это была последняя встреча большевиков с II Интернационалом... Вскоре началась война. И вся гниль, и наглая измена этого почтенного учреждения стали очевидной для всех честных революционеров.

Вспыхнувшая война, хотя о ее подготовке столько говорилось, сильно подействовала на Ильича. Сильное впечатление произвело на него убийство Жореса. Особенно он был удручен, когда узнал, что немецкие социал-демократы голосовали за военные

кредиты. „Такой измены не ожидал я,—говорил Ильич,—но это лишь начало, очевидно пойдет так повсюду".

Ильич осунулся, мало говорил, все думал и думал. Он производит анализ нового положения и делает соответствующие выводы. В его голове зарождались новые планы действия. Война, очевидно, будет затяжной и принесет величайшие разорения для трудящихся всех стран. Буржуазия при помощи социал-предателей выдвигает лозунг об'единения всех сил в стране против общего внешнего врага. На этот опаснейший лозунг рабочие массы вначале могут пойти. Необходимо повсюду разоблачить всю гнусность этого бургфридена. Необходимо об'яснить рабочим во всех воюющих странах настоящее значение происходящей войны.

Необходимо убедить их, что они должны бороться против этой войны. Никакого об'единения с буржуазией, а об'единение против буржуазии. Не перемирие с буржуазией по случаю войны, а война—войне.

Ильичу все скоро стало ясно, у него уже готовы новые планы. И метался он, как лев в клетке. Находясь в Поронине, в Австрии, в стране воюющей, он не имел возможности работать, действовать. Вскоре он был арестован по идиотскому подозрению в шпионаже.

Освобожденный после 19-дневного пребывания в тюрьме, Ильич уезжает в Швейцарию.

Тут он со свойственной ему железной энергией начинает действовать. Восстанавливается связь с Россией. Посылаются точные инструкции и планы работы в новой обстановке. Устанавливаются сношения с небольшими остатками социал-демократов в других странах, оставшимися верными рабочему классу. Делаются приготовления к созданию нового Интернационала. Малое пока количество его приверженцев не смущает Ильича. Главное — качество их. Ильич всегда придерживался формулы „лучше меньше, да лучше" Вскоре под мощным руководством Ильича возобновляется в Швейцарии центральный орган „Социал-Демократ". Уже в первом номере этой гранитной большевистской скалы намечается тактика рабочих всех стран, тактика верная и по сей день.

Заявляя, что он пойдет против течения, „Социал-Демократ" сразу начинает беспощадную борьбу с изменниками рабочего класса, социал-шовинистами Каутским, Плехановым и другими.

Выясняется крах II Интернационала и необходимость создания нового:

„Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал..."

„Интернационал умер, побежденный оппортунизмом. Долой оппортунизм и да здравствует очищенный не только от перебежчиков, но и от оппортунизма III Интернационал!"

Раз'ясняя рабочим всю гнусность шовинизма, которым охвачено большинство с.-д. партий в Европе, „Социал-Демократ" говорил им о том, что „задачей социал-демократии каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны и что превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг".

Так вел Ильич борьбу в 14 году, в начале войны, и не прерывал ее до самого конца. Под руководством Ильича российские рабочие превратили империалистическую войну в гражданскую и победили свою буржуазию.

Под его руководством был создан III Интернационал, который становится все более мощным оружием в борьбе против мировых империалистических хищников.

Тактика Ильича накануне и во время войны была одна и та же, и эта тактика привела нас к победе.

И сейчас, когда мы заходим к нашему дорогому вождю в мавзолей, его смертное лицо говорит нам:

„Идите вперед тем же путем, и победа обеспечена за вами".

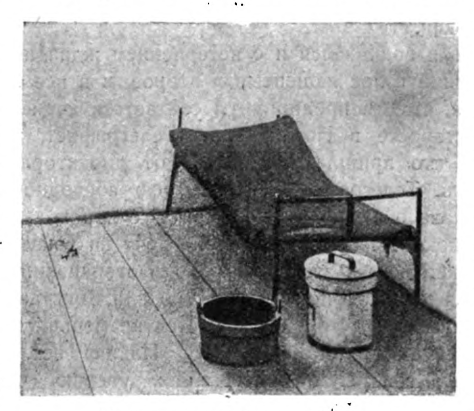
Я. Ганецкий.

Владимир Ильич в Галицийской тюрьме.

Когда вспыхнула в 1914 году всемирная война, закипело и в отдаленном уголке Галиции, в горной местности Закопанэ и окрестностях... Об'явлена была мобилизация, каждые несколько часов появлялись грозные предписания военных властей; мобилизованные крестьяне сгонялись в ближайший уездный городок Новый Торг. Одновременно была организована казенная агитация за войну против „зарвавшегося дикого москаля, угрожающего лишить нас нашей свободы, культуры и т. п....“

В период 1912—14 г.г. Владимир Ильич и тов. Зиновьев жили в Галиции. Зимой В. И. жил в Кракове, а на лето уезжал под Закопанэ, в деревню Поронин. Жил там и я. Помню один „митинг“, на который я пробрался. Председательствующие: аптекарь, мясник, почтальон, какой-то военный, и местный жандарм произносили пламенные речи в пользу „оборонительной войны в защиту дорогой австро-венгерской монархии“.

В течение нескольких дней только и слышно было, что то здесь, то там замечали подкрадывающегося шпиона, но, к сожалению, его не удалось поймать..:



Камера, в которой сидел Ильич.

Бешеная шовинистическая агитация и привела к аресту Владимира Ильича.

7-го августа. Вечер. Проливной дождь. Настроение угнетенное. Застряли мы в этом захолустье, от своих оторваны, почта из России уже не приходит. Читаешь лишь буржуазную прессу. Полна она ликований, — восхваляет войну, восхваляет бойню.

Вдруг на велосипеде появляется Владимир Ильич. Спокойный, но заметно смущение. Рассказывает, приблизительно, следующее:

„Только-что у меня был обыск. Производил здешний жандармский вахмистр. Приказал утром явиться к поезду и поехать с ним вместе в Новый Торг к старосте...[1]). Обыск был довольно поверхностный. Дурак, всю партийную переписку оставил, а забрал мою рукопись по аграрному вопросу. Статистические таблицы в ней принял за шифр... Хорошо, что переписки не взял. Были там и адреса, и другие конспиративные вещи... А жаль рукописи—не закончена, не затерялась бы.... Да, в хламе нашел какой-то браунинг,—я не знал даже, что имеется... Как думаете, арестуют завтра в Новом Торге или отпустят?...“

Краковская полиция хорошо знала Владимира Ильича и не могла сомневаться, что Владимир Ильич даже во время войны останется непримиримым врагом царизма. (Что Владимир Ильич может вести агитацию за борьбу против войны в каждом государстве в отдельности, до этого краковская полиция, да и австрийское центральное правительство

[1]) Староста—начальник уезда. *Я. Г.*

не дозрело). Когда в 1912 году Владимир Ильич решился из Парижа переехать в Краков, чтобы быть ближе к России, мы нащупывали почву через с.-д. депутатов и выяснили, не угрожает ли ему опасность быть выданным царским жандармам. Австрийские власти успокоили нас, и только тогда Владимир Ильич переехал вместе с тов. Зиновьевым. Краковская полиция имела их постоянно на-чеку, убежденная, что у Владимира Ильича генеральный штаб российской революции, что он в австрийские дела не вмешивается,— и успокоились.

Но это Краков и Вена. Поронин и Новый Торг—другое. Чиновники здесь уже совсем ограничены. Могут арестовать. Тогда суд и расправа—дело плёвое. Мы долго совещались с Владимиром Ильичем и выработали следующий „план действия": я даю телеграмму в Краков с.-д. депутату д-ру Мареку, который с властями вел переговоры до приезда В. И. Владимир Ильич дал тут же следующую телеграмму в дирекцию полиции.

„Здешняя полиция подозревает меня в шпионаже. Живу два года в Кракове, в Звежинце [1]), на 51 ул. Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я—эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать Поронин и старосте Новый Торг во избежание недоразумений. Ульянов" [2]).

Кроме того, мы условились, что, если Владимир Ильич не возвратится на следующий день из Нового Торга ближайшим поездом в час дня, то придется энергично действовать, ибо, очевидно, он арестован.

Все следующее утро я волновался и с нетерпением ждал прибытия поезда. Приедет или не приедет? Внутренний голос нашептывал второе, и я все больше нервничал. Утром получил ответ от Марека, что им предприняты соответствующие шаги, и что он телеграфировал одновременно старосте в Новый Торг. Телеграфист, добрый малый, видя мое волнение, сознался мне, что пришла телеграмма от директора полиции к жандарму, и рискнул мне ее показать. Телеграмма поясняет всю абсурдность обвинения Ильича в шпионаже. В копии послана она и в Новый Торг. Все хорошо, но пока не увижу Ильича, меня ничто не может успокоить. Уже с 12 часов торчу на вокзале. Время медленно двигается вперед. Я раздражен до-нельзя. Не могу без отвращения смотреть на довольные рожи разгуливающих военных. Тут появляется Надежда Константиновна. Как всегда, она внешне спокойна, но я чувствую, что она волнуется не меньше моего. Мы молчим. Наконец, медленно под'езжает поезд. Жандарм тут, Ильича нет. Я начинаю успокаивать Надежду Константиновну, говорю о телеграммах, уверяю, что недоразумение скоро выяснится, и Ильич будет освобожден. Я сам не верю собственным словам. Прощаюсь с Надеждой Константиновной и заявляю, что сегодня еще попытаюсь добраться в Новый Торг.

Задача эта не легкая. Поездов больше нет, да и вообще из района деревни без особого разрешения удаляться нельзя. Как быть? Иду к жандарму. Начинаю говорить об Ильиче. Он подтверждает, что Ильич арестован. „За что?" — спрашиваю. „Заподозрили в шпионаже. Время сейчас весьма серьезное, началась война. Он—русский. Я получил сообщение, что он ходит по окрестным горам и делает снимки с дорог. Кроме того, при обыске я нашел у него целые таблицы цифр, которые, очевидно, являются шифром. Не мое дело разбираться в этом, и я передал Ульянова старосте, который сделает с ним, что будет считать нужным" [3]).

Нечего было с ним больше разговаривать. Австрийский жандарм точь-в-точь похож на царского. „Ходит по горам и делает снимки с дорог..." Какое стратегическое значение имеют тропинки в горах в заброшенной деревушке? Владимир Ильич часто разгуливал на

---

[1]) Район Кракова.

[2]) Телеграмму эту, равно и протокол со сведениями комиссару, о чем речь в телеграмме, я разыскал во время моей теперешней поездки в Польшу. Документы эти сданы в Институт В. И. Ленина.

[3]) Протокол жандарма также мною разыскан. Вместе с другими документами он будет опубликован в ближайшем номере „Ленинского Сборника", издаваемого Институтом В. И. Ленина. *Я. Г.*

солнышке перед своим домом. Он, гуляя, читал книгу и делал в ней пометки. Отсюда легенда о „снимках дорог". Жандармский дурак не в состоянии был также различить статистических таблиц в научной рукописи от шифра. Нет, с ним нечего разговаривать. Староста—человек посерьезнее, поумнее, у него я скорее ликвидирую недоразумение. „Я в таком случае поеду сейчас к старосте,—дайте мне пропуск".—„За этим надо вам обратиться к войту".

Через час у меня уже пропуск на руках, наняты лошади и я мчусь по направлению в Новый Торг. По дороге заехал я к Надежде Константиновне, чтобы успокоить ее. Резиденция старосты, как повсюду в уездных городах, на рыночной площади. Нахожу „секретаря".

„Где староста, мне необходимо немедленно с ним поговорить".

„По какому делу?"—получается спокойный ответ.

„Сюда привезли из Поронина некоего Ульянова. Я опасаюсь, что его арестуют. Тут крупное недоразумение, и я должен лично со старостой это выяснить".

„Да, действительно его привезли к нам, и староста посадил его в тюрьму, передав дело в суд. Навряд ли староста вас примет. Он очень занят и весьма у нас нервный. Советую вам не показываться ему на глаза, а то и с вами может случиться неприятность. А вот и староста идет".

В двери показался рослый мужчина с необыкновенно глупым лицом, быстро направляющийся с большим криком через другую дверь в свой кабинет. Не теряя ни секунды, я бегом к нему.

„Господин староста",—успел сказать ему в дверях. Он прихлопнул двери, закричав: „Что за наглость вламываться без разрешения в мой кабинет!"

Открываю двери и решительно говорю:

„Господин староста, я прихожу по весьма и весьма важному делу, и вы должны меня немедленно выслушать. Вы только что арестовали Ульянова. Вы не отдаете себе отчета в вашем решении. Вы арестовали известного в мире вождя российской революции Как такого человека можно заподозрить в шпионаже? Вы должны его немедленно выпустить".

„Как вы смеете делать мне подобные указания. А вы кто такой?"

„Я... гражданин Поронина и являюсь к вам с протестом от всех видных граждан Поронина и Закопанэ. Все мы стыдимся по поводу ареста его и настаиваем на его освобождении. Как можно видного социал-демократа заподозрить в шпионаже? Нам стало известно, что вы получили телеграмму от директора полиции в Кракове и от депутата парламента Марека...

Имя Ульянова, его псевдоним Ленин—хорошо известны и в Вене. Навряд ли Вена одобрит ваше поведение. Я еще раз советую освободить его, иначе у вас будут неприятности..."

Староста как будто теряется, приглашает меня сесть.

„Телеграммы эти я действительно получил. Как это вы уже все знаете? Но ни директор полиции, ни Марек мне не указка. Сейчас война, я обличен военными полномочиями и должен действовать по-военному. Помилуйте, на следующий день после об'явления войны между Австрией и Россией русский подданный делает с'емки дорог, и у него находят шифры, — как же его не арестовать? Вы это сами должны одобрить. То, что он социал-демократ — это ничего не значит. Социал-демократы всегда выступают против монархов и против войны. Сейчас военное время и надо бы закрыть парламент".

„За кем он сейчас числится? Кто может дать мне какие-либо раз'яснения?"

„Обратитесь к председателю суда".

Староста оказался не умнее жандармского вахмистра. Иду к председателю уездного суда, тот направляет меня к „члену суда" Пашковскому, которому поручено ведение этого дела.

Через дорогу мне указывают домик, где я могу найти Пашковского. На улице уже темно. Темно и в домике. Только внизу в одном окне виден свет. Замечаю в окне ре-

щетки, неужели это канцелярия тюрьмы? Становлюсь на пальцы—и тут замечаю лысину дорогого Ильича, а возле него за столом двух важных суб'ектов. „Очевидно, допрос": подумал я.

Стучу в дверь—закрыта, не открывают. Я вторично, поэнергичнее. Щелкнул замок—высовывается голова.—Чего вы стучите?

— Здесь судья Пашковский,—у меня к нему весьма важное дело.

— Он здесь, но сейчас очень занят и вас принять не может. Придите завтра.

— Я знаю, чем он занят: он допрашивает Ульянова, и именно по этому делу я должен с ним немедленно поговорить. Меня к нему направил староста.

Замок опять щелкнул, и появился Пашковский. Я ему приблизительно повторил все сказанное старосте, показал телеграмму Марека и просил совета, как действовать. Пашковский оказался приличным человеком, и мы с ним скоро могли договориться.

— Я сразу понял, что дело дутое. Я теперь начал допрашивать г-на Ульянова, и этот человек весьма меня заинтересовал. Видно, человек весьма умный, создает впечатление благородного, и никак его нельзя заподозрить в шпионаже. Наш староста такой нервный и раздул дело. Ведь он передал дело одновременно в военный суд. Военные будут решать, и это уже весьма серьезно. Советую вам немедленно поехать в Краков и там энергично действовать.

Пашковский обещал мне в тот же вечер закончить допрос и на следующий день послать свое заключение прокурору. Обещал даже утром дать свидание с Ильичем Надежде Константиновне. На прощание он обещал мне, что допрос поведет лишь формально, попросив Ильича написать свою биографию [1]).

Мы разговаривали в дверях. Я старался говорить погромче, чтобы Ильич услышал мой голос и узнал, таким образом, что мы „действуем".

Уже поздно вечером я возвратился в Поронин. Первым делом заехал к Надежде Константиновне. Рассказал ей все, просил быть готовой к десяти часам утра, оба тогда поедем на свидание. Сообщил также об определенном моем решении поехать в Краков. Надежда Константиновна спокойно все выслушала. Просила лишь не говорить об аресте бабушке [2]).

Утром в 10 часов мы уже с Надеждой Константиновной на крестьянской телеге едем в Новый Торг. Пашковский сейчас же нас принял и велел вызвать из камеры Владимира Ильича.

Появился Владимир Ильич. Был взволнован. Не знал, на каком языке обратиться к Надежде Константиновне,—судья не понимает ведь по-русски.

Прощаясь с Ильичем, я сказал, что обязательно раздобуду разрешение на поездку в Краков и буду следить за делом. Владимир Ильич сообщил мне, что слышал вчера мой голос, понял, что я нарочно говорил громко, что Пашковский, возвратившись от меня, любезно вел себя. Ильич говорил нам, что чувствует себя вполне хорошо, много читает, просил прислать целую кучу книг и успокаивал Надежду Константиновну, что скоро будет дома.

Надежда Константиновна ездила к Ильичу каждый день.

Как быть с моей поездкой в Краков? В эти дни ездили только поезда для военных. Частным лицам почти не давали разрешения, каковые вообще выдавались за личной подписью корпусного начальника.

Разрешение на поездку в Краков и на право пользования воинским поездом я скоро получил и на следующий день поехал в Краков.

---

[1]) К сожалению, этот допрос, как и все следственное дело, послан был в Вену. Институт решил принять меры и разыскать весь этот материал.

[2]) Бабушка – Елизавета Крупская, мать Надежды Константиновны—тогда уже глубокая старушка. Бабушка не расставалась со своей „любимой Надей" и всю эмиграцию пробыла вместе с ней. Весьма теплое, трогательное было отношение Владимира Ильича к бабушке.

Умерла она во время войны в Швейцарии *Я. Г.*

В течение 2-х дней я бродил по всевозможным учреждениям и бесчисленным канцеляриям. Дал также телеграмму старику Адлеру, который об аресте уже знал и предпринял соответствующие шаги. Повсюду получил заверения что Ильич будет освобожден, но необходимо провести все формальности, на что понадобится еще несколько дней. Распоряжения давались по телеграфу и телефону, и 19 августа Владимир Ильич был освобожден

Из раздобытых сейчас разных документов (все они будут опубликованы в „Ленинском Сборнике") я убедился, как быстро и энергично действовали все власти, чтобы поскорее освободить Владимира Ильича.

Но Ильич не доверял особенно австрийским властям, как и всем другим буржуазным. Еще будучи в тюрьме, на свидании он говорил мне: „Недостаточно освободить из тюрьмы. Я здесь ни в коем случае оставаться не могу. Следует во что бы то ни стало добиться разрешения на выезд из Австрии в Швейцарию. Добейтесь разрешения для меня и Зиновьева. Для нас опасно оставаться в воюющей стране".

Опасность угрожала не только со стороны правительства за революционную антивоенную работу. Угрожала и со стороны темного населения. На-днях Надежда Константиновна в разговоре со мной вспомнила, как местные крестьянки, возвращаясь в одно воскресенье из костела, где ксендз на проповеди призывал к расправе с москалями, говорили между собой вслух о Владимире Ильиче, что когда этого шпиона выпустят, то нужно ему будет глаза выколоть, язык вырезать и т. п.

Итак, 19 августа Владимир Ильич был освобожден из тюрьмы, а через несколько дней вместе с Надеждой Константиновной и бабушкой через Краков и Вену направился в Швейцарию, где с удесятеренной энергией ковал новый меч для российской революции, а через него и для революции всемирной.

Ф. Самойлов.

Социал-демократическая рабочая фракция 4-й гос. думы в империалистическую войну 1914—18 г.г. *)

В Швейцарии. Наша позиция в вопросе о войне. Наша военная декларация в гос. думе.

Империалистическая война 191—18 гг. застала меня в Швейцарии. Я был тогда членом 4-й гос. думы и находился в Швейцарии на излечении.

Я чувствовал себя уже довольно сносно, и как только разыгрались мировые события, передо мной немедленно встал конкретно вопрос о возвращении в Россию. Но германская и австрийская границы были закрыты и, прежде чем ехать, нужно было долго выяснять — какие еще имеются пути, по которым можно было бы добраться до России. В это время вместе с тов. Шкловским, его семьей и Ф. Ильиным я находился в дачном местечке Лайзиген. Однажды на имя тов. Шкловского от ЦК из Австрии была получена телеграмма с просьбой выслать некоторую сумму денег (кажется, 800 фр.). У меня имелись деньги в виде полученного мной от тов. Бадаева перед началом войны моего депутатского жалования, и мы с тов. Шкловским послали Владимиру Ильичу телеграфом 500 фр.



Думская пятерка б-ков. Стоят слева направо: Петровский Г., Муранов, Бадаев, Самойлов и Шагов.

И эта посылка совершенно для нас неожиданно послужила одной из причин разыгравшейся, очень необычной для тогдашней Швейцарии следующей истории. Через несколько дней после отправки денег рано утром, когда я еще спал, я был разбужен криком с улицы, в котором мне послышалось, что кто-то по-русски называет меня и жившего рядом со мной тов. Ильина по имени. Поднявшись с кровати и накинув наскоро костюм, я подошел к окошку и увидел там Д. З. Шкловскую, жену В. Л. Шкловского. Оказалось, что это она кричала с целью разбудить нас. На мой вопрос, в чем дело, она сообщила, что этой ночью приехавшими на автомобиле из Берна полицейскими арестован Г. Л. Шкловский и что она собралась ехать в Берн, чтобы выяснить в чем дело, каковы причины ареста и т. д. И просила нас пойти к ним. Мы быстро оделись и отправились к

*) Написана для настоящего сборника. Ред.

Шкловским, и там Д. З. дополнительно сообщила нам, что представители власти после обыска без всякого об'яснения причин посадили Г. Л. Шкловского в закрытый автомобиль и спешно увезли в Берн.

На Швейцарию я тогда смотрел, как на „самую свободную страну", в которой были невозможны никакие насилия над личностью граждан, и уже, конечно, никаких незаконных, „без об'яснения причин" арестов ожидать там я не мог. А тут вдруг родная российская картина. Будучи не в состоянии понять, в чем дело, я успокаивал себя тем, что „тут какое-нибудь недоразумение", но факт оставался фактом. И авторитет „свободнейшей в мире Швейцарской демократии" с этого момента у меня начал сильно падать.

В Берне полицмейстером тогда был известный социал-демократ Страген, и Д. З. Шкловская направилась к нему за раз'яснениями, а я в ожидании ее возвращения остался с детьми. Ждать пришлось довольно долго. До Берна было несколько десятков верст. Я сидел на крылечке квартиры Шкловских с ребятами, а в это время мимо крылечка то и дело проезжали на велосипедах какие-то невиданные еще мною типы. От времени до времени типы эти, под'езжая совсем близко к крылечку, самым бесцеремонным и наглым образом рассматривали мою фигуру. Это было очень подозрительно, но я все-таки никак не мог остановиться на мысли, что это были „шпики", ибо никак не мог забыть, что нахожусь в „демократической Швейцарии". Это — во-первых, а во-вторых, такой наглости шпиков я даже в родной России никогда не видел, даже там они, следя за нашим братом-революционером, старались по возможности это делать так, чтобы мы их не замечали. А тут под'езжают почти вплотную и смотрят прямо в лицо, хоть плюй им в рожу...

К вечеру вернулась Д. З. Шкловская. Она была у полицмейстера и там выяснилось, что Г. Л. Шкловский заподозрен в шпионаже в пользу России, что поводом к этому подозрению послужила наша переписка с В. И. Лениным. При этом оказалось, что, кроме нашей денежной посылки, одним из поводов к аресту Шкловского послужила еще перехваченная полицией, посланная Владимиром Ильичем на имя Шкловского вторая телеграмма, в которой В. И. предлагал срочно снестись с Парижем (с находившимся там тов. Беленьким и другими) на предмет срочного напечатания противовоенных листовок. Дальше выяснилось, что Шкловский скоро будет освобожден.

Действительно, Шкловский на другой же день явился в Лайзиген. В тюрьме он просидел всего около суток, после чего шпики исчезли и у квартиры больше не появлялись.

В это же время были арестованы товарищи К. А. Комаровский (Данский), его знакомый, прибывший с ним в Берн откуда-то из другого швейцарского города, и еще другой знакомый Шкловского—Леонтьев, бывший раньше в одной из российских губерний вице-губернатором, а тогда живший в Швейцарии в качестве „опального", вследствие того, что его дочь—эс-эрка, покушаясь на какого-то из тогдашних русских царских палачей-сатрапов в Швейцарии, убила по ошибке похожего на этого сатрапа швейцарца и, заболев по этой причине психически, находилась в одной из швейцарских лечебниц для душевнобольных. Все трое были арестованы только за то, что во время ареста Шкловского случайно зашли к нему на квартиру в Берне; после освобождения Шкловского они скоро также были освобождены.

Дальше выяснилось, что меня тоже собирались арестовать, но не решались на это в виду моего депутатского звания, боясь некоторого рода „дипломатических осложнений". Позднее стало известно, что В. И. нашей посылки не получил, ему только было сообщено, что „на его имя имеется какое-то почтовое отправление, но что ему, как подданному воюющей державы, оно выдано быть не может".

Между тем события развивались быстро. Когда вожди социалистических партий воюющих стран изменили Интернационалу, среди российской с.-д. эмиграции Швейцарии это вызвало большой переполох, и среди нее стали определяться две диаметрально противоположные позиции. Плеханов, Алексинский и другие стали на оборонческую позицию,

а большевики, во главе с В. И. Лениным, заняли свою непримиримую, так-называемую „пораженческую" позицию. В это время я был уже снова в Берне, где тогда был и В. И. Ленин. Он тогда только-что приехал из Австрии, где перед этим был арестован, как подданный воюющей державы, но, просидев в тюрьме около 2-х недель, при содействии австрийских социал-демократов (Виктора Адлера и, кажется, еще Дашинского, члена парламента, пе-пе-эсовца), он был освобожден и ему, как известному вождю левого крыла российской социал-демократии, даже и во время войны остававшемуся попрежнему на самой непримиримой позиции в отношении тогдашнего царского правительства, было разрешено (если бы он пожелал) проживать в Вене, но он, конечно, этого не пожелал.

С ним мне приходилось ежедневно встречаться у Шкловских, которые организовали для нас обеды. Помню, в лесу за Берном тогда был устроен ряд собраний, на которые собиралось человек 10—15 эмигрантов-большевиков (там были: тт. Шкловские, Сафаров, Каспаров, В. И. Ленин, Н. К. Крупская и некоторые другие). На этих собраниях выяснилась и установилась окончательно наша позиция в отношении к происходившим тогда мировым событиям. В первую голову на них выступал В. И. Ленин, подробно развивая свою точку зрения и доказывая, что всякие разговоры о защите отечества есть шовинизм и всякая помощь правительству в войне есть измена рабочему классу, что нам необходимо использовать все военные затруднения нашего правительства для самой решительной борьбы с ним, что нужно вести агитацию за превращение империалистической войны в войну гражданскую во всем мире, что рабочим всех воюющих стран необходимо направить оружие войны против своих буржуазий и правительств и т. д. Выступали Шкловский, Сафаров и др. Я был только на первых двух из этих собраний и при мне однажды тов. Шкловский попытался возражать В. И. и, заявив перед тем как начать свою речь „я буду все-таки защищать шовинизм", он дальше говорил о том, что в случае победы Германия может явиться не менее опасным врагом и палачом европейской демократии и рабочего класса, чем царская Россия, и т. д., и что поэтому позиция использования затруднений военного времени для решительной борьбы с нашим царским правительством в своем конечном результате может принести также большой вред и российскому, и международному рабочему движению в борьбе его за свое окончательное освобождение и т. д. В. И. в ответ на его речь разбил его так основательно и решительно, что Г. Л. Шкловский вскоре изменил совершенно свой взгляд в этом вопросе.

В Берне, в бытность там В. И., мне пришлось пробыть недели 2. В это время В. И. был озабочен вопросом о посылке выработанных уже тогда им известных тезисов ЦК о войне и, при его помощи преодолев все имевшиеся препятствия к поездке в Россию, мы с тов. Комаровским в конце августа через Италию и Балканские государства выехали в Россию и повезли с собой врученные В. И. нам вышеупомянутые тезисы, которые спустя недели три и были нами доставлены по назначению, а еще месяца через два отобраны у нас, членов с.-д. фракции 4-й гос. думы, при налете полиции на наше совещание в окрестностях Петрограда. Тезисы эти послужили главным обвинительным материалом по нашему делу.

А в Петрограде за это время произошли следующие события:

Государственная дума была распущена на летние каникулы и товарищи—члены нашей фракции—раз'ехались по местам, а под'ем рабочего движения в это время продолжал усиливаться все более и более, не только в Петрограде, но и всюду в провинции (знаменитая стачка в Баку, величайшее стачечное движение в центральном текстильном районе и т. д.).

4-го июля полицией был расстрелян митинг на Путиловском заводе. В результате были убитые и раненые, и это событие послужило исходным пунктом, с которого под'ем движения пошел прямо, можно сказать, гигантскими шагами и скоро принял форму открытых революционных выступлений. Начавшиеся на другой же день после расстрела

путиловцев массовые стачки протеста быстро превратились в давно невиданные многолюдные политические митинги и демонстрации, во время которых произошел ряд столкновений с полицией. Особенно сильно движение было на Выборгской стороне, где было остановлено движение трамваев и в некоторых местах началась баррикадная борьба с полицией.

Эти события совпали с приездом в Петроград Пуанкаре, явившимся тогда для нащупывания почвы на предмет использования военных сил России, в виду надвигавшейся тогда империалистической войны, и рабочие Петрограда своим революционным выступлением устроили Пуанкаре достойную встречу.

Несмотря на производившиеся полицией массовые аресты руководителей движения, рабочие держались стойко. Чувствовалось быстрое нарастание революции, напоминавшее славные дни борьбы героического 1905 года, и полиция напрягала все силы в борьбе с этим движением.

8-го июля были закрыты рабочие газеты и произведены многочисленные аресты их сотрудников. Но движение продолжало расти и стычки с полицией происходили тут и там. Так продолжалось с неделю, а потом рабочие стали снова на работу, а через несколько дней (это было 19 июля по ст. ст.) была об'явлена мобилизация, вырвавшая из рабочей среды массу революционно настроенных людей, и движение быстро замерло.

Первое время, благодаря неожиданности мобилизации, имел место момент озадаченности, растерянности и незнания, что делать, как реагировать на события, а дальше об'явленное военное положение как железными тисками сдавило рабочие массы и реагировать на события тем или иным способом протестов было вообще крайне трудно, но тем не менее в рабочих районах от времени до времени происходили митинги и демонстрации протестов.

Рабочих газет не было, а буржуазная печать, начиная от погромной черносотенной „Земщины“ и кончая самой либеральной левой, с первых же дней мобилизации об'единившись в один общий хор, забыв все свои разногласия, захлебываясь в едином „патриотическом“ порыве, на все лады трубила о необходимости разгромить дерзкого врага всего человечества—Германию и т. д., стараясь всеми силами „обработать“ население России в „патриотическом“ духе, и скоро грязные волны самого оголтелого шовинизма, прокатываясь через всю необ'ятную территорию России, захлестнули не только все слои буржуазии, мещанства и интеллигенции, но даже и некоторую частицу рабочего класса (главным образом, его привилегированную часть).

Но с.-д. большевистские организации в создавшемся положении ориентировались сравнительно быстро. И с первых же дней, как только прошел момент некоторой растерянности, заняли определенно враждебную всем „патриотам“—сторонникам войны—позицию.

На 26-е июля ст. ст. была созвана государственная дума. Депутаты из нашей пятерки с.-д. в это время все были на местах и ко времени открытия думы из них во-время в Петроград приехал только Шагов, остальные не успели *).

Ликвидаторская семерка устроила совещание, на которое пригласив Шагова, предложила ему от имени нашей пятерки принять участие в выработке декларации для общего выступления от имени обеих с.-д. фракций в государственной думе по вопросу об отношении к войне. Не видя другой возможности выхода из положения, в виду отсутствия остальных товарищей из пятерки, Шагов согласился на предложение, и 26-го июля на „историческом“ заседании государственной думы от имени обеих с.-д. фракций по вопросу

---

*) Шляпников в своем „Кануне 1917 года“ упоминает о выходе пятерки из зала заседания гос. думы 26 июля 1914 г. в виде протеста против войны (см. стр. 32, часть I „Кануна 1917 г.“). Настоящее указание, равно как и просмотр стенограмм „исторического“ заседания гос. думы“, показывает, что тут произошло, повидимому недоразумение. Ред.

нашем отношении к происходившей тогда империалистической войне Хаустовым было прочитано с думской трибуны следующее заявление (стенограмма):

Председатель. — Член Государственной Думы Хаустов.

Хаустов (Уфимской губ.)—Гг. Члены Государственной Думы. От имени социал-демократической фракции и российской социал-демократической рабочей фракции я уполномочен заявить нижеследующее: „Страшное, небывалое бедствие обрушилось на народы всего мира. Миллионы рабочих оторваны от мирного труда, разорены и брошены в кровавый водоворот; миллионы семей обречены на голод. Война началась. Когда европейские правительства готовились к войне, европейский пролетариат, во главе с германским, выступил с дружным протестом против подготовляемой правящими кругами войны. Ряд сложившихся обстоятельств помешал рабочим России выступить открыто с тем же протестом против войны. Но в моменты грандиозных демонстраций европейского пролетариата против войны сердца российских пролетариев бились вместе с их сердцами. Настоящая война, порожденная политикой захватов, является войной—ответственность за которую несут правящие круги всех воюющих теперь стран. Пролетариат, постоянный защитник свободы и интересов народа, во всякий момент будет защищать культурные блага народа от всяких посягательств, откуда бы они ни исходили. (Рукоплескания). Сознательный пролетариат воюющих стран не мог помешать возникновению войны и тому разгулу варварства, который она с собой несет. Но мы глубоко убеждены в том, что в международной солидарности всех трудящихся масс всего мира пролетариат найдет средства к скорейшему прекращению войны. И пусть условия мирного договора будут продиктованы не дипломатами, а самим народом; и вместе с тем мы высказываем глубокое убеждение, что эта война окончательно раскроет глаза народным массам Европы на действительный источник насилий и угнетений, от которых они страдают, и что теперешняя вспышка варварства будет в то же время и последней вспышкой. (Рукоплескания на отдельных местах крайней левой; шиканье справа).

Несмотря на недостаточную определенность и решительность этого заявления, среди общего шовинистического угара, которым были охвачены все остальные думские фракции начиная от крайних правых до трудовиков включительно, это заявление прозвучало в думе, как гром среди ясного неба, и встречено было молчанием со стороны так-называемой оппозиции и злобными возгласами и шиканьем правых—черносотенцев.

Остальные фракции на этом „историческом“ заседании выступали очень единодушно в едином „патриотическом“ духе и после каждого выступления представители всех фракций провожались аплодисментами всего зала. Даже выступлению Керенского (чего раньше не бывало) аплодировали все до крайних правых включительно.

После возвращения из-за границы в Иваново-Вознесенск. Первое совещание с.-д. рабочей фракции с некоторыми партийными работниками 30 сентября—1 октября 1914 г. в Финляндии.

По возвращении в Иваново-Вознесенск из Швейцарии в половине сентября 1914 г., разыскав одного-двух товарищей с.-д., я созвал собрание и сделал доклад на тему о текущем политическом моменте. Иваново-Вознесенскую с.-д. организацию я нашел в это время сильно разгромленной властями. Подавляющее большинство старых виднейших членов ее находилось в ссылках и в тюрьмах, но были уже и новые члены в организации. На собрании выяснилось, что, несмотря на почти полную оторванность организации от высших руководящих партийных центров, все же иваново-вознесенские товарищи в отношении к войне занимали уже вполне определенную отрицательную позицию, выражавщуюся в лозунге „война—войне“. Я изложил им точку зрения Ц. К. партии по этому вопросу, которая в общем и целом совпадала с их точкой зрения. Иваново-вознесенские товарищи чутьем рабочих, классовым инстинктом пролетариев нащупали этот правильный путь и определенно

стали на него еще в первые месяцы войны. Нехватало только санкции его высшим партийным органом—ЦК партии. С моим приездом санкция эта была получена, организация начала подниматься на ноги и повела работу в духе противодействия войне.

В 20-х числах сентября я поехал в Петроград и, встретившись там с товарищами по фракции государственной думы, также изложил им точку зрения ЦК партии по вопросу о происходивших тогда событиях.

В виду того, что на местах с.-д. организации в это время всюду сильно были разгромлены властями, поэтому руководящая и организующая роль нашей думской с.-д. рабочей фракции в таких условиях была особенно важна. Было решено созвать совещание с.-д. фракции с рядом виднейших партийных работников, которое и состоялось 30-го сентября 1914 года в Финляндии, близ ст. Мустамяки, в деревне Нейвола, в квартире Л. Б. Каменева. Из депутатов на этом совещании участвовали: т. Петровский, Бадаев, Муранов и Самойлов. Из других т.т. были: Л. Б. Каменев, Н. Н. Иорданский, товарищ по кличке „Елена" и др., которых сейчас уже не помню. На нем, между прочим, был заслушан доклад Л. Б. Каменева о текущем политическом моменте и обсуждалось известное, напечатанное тогда в газетах обращение к нам, русским с.-демократам, лидера бельгийских социалистов Вандервельде, в котором он выражал надежду на то, что мы, русские соц.-демократы, станем на его оборонческую точку зрения и поддержим всех шовинистов и соглашателей в империалистической войне. На этом же совещании был выработан наш ответ Вандервельде (см. № 33 „Соц.-Дем." за 1914 г.).

По окончании совещания было решено через месяц созвать второе, более широкое совещание с представителями из наиболее крупных промышленных пунктов местных с.-д. организаций, которых каждый из нас должен был привезти с собой. Затем большинство нас депутатов раз'ехалось на места.

Вернувшись из Петрограда после совещания в Финляндии в первых числах октября в Иваново-Вознесенск, я снова созвал собрание партийных товарищей и сделал им доклад об этом совещании, затем ездил в Тейково, где также, собрав группу товарищей, в своем докладе посвятил их во все злободневные вопросы того времени, при чем выяснилось, что так же, как и иваново-вознесенцы, тейковские товарищи в своей партийной работе проводили линию решительных противников войны.

В 20-х числах октября из Петрограда от Г. И. Петровского я получил письмо с приглашением явиться „для разрешения ряда накопившихся вопросов". Из этого для меня было ясно, что готовится назначенное на первом совещании в Финляндии второе наше совещание. Поэтому, собрав иваново-вознесенскую партийную публику, я предложил им выбрать представителя от организации, чтобы захватить его с собой в Петроград на совещание. Таким представителем был избран И. А. Воронин, рабочий одной из фабрик в Иваново-Вознесенске. В конце октября 1914 года мы с ним выехали в Петроград и, чтобы не навлечь на себя лишних подозрений со стороны полиции и шпиков, мы поехали каждый отдельно: он (Воронин) поехал из Иваново-Вознесенска, а я—из Кинешмы, и прибыли в Петроград дня за два, за три до назначенного совещания.

По приезде в Петроград пришлось несколько подождать некоторых еще не приехавших товарищей. Потом в квартире, кажется Петровского или Бадаева (точно не помню), было устроено организационное собрание, на котором, между прочими вопросами, стал вопрос о квартире для совещания. Тут присутствовал член 3-й гос. думы Шурканов (впоследствии оказавшийся провокатором), имевший тогда связь с Петр. Комитетом. Ему и было поручено подыскать для совещания подходящую квартиру. Скоро квартира была найдена в Озерках, по Выборгскому шоссе, в доме № 28а. Числа 2-го ноября вечером, сохраняя полнейшую осторожность, в целях избежания слежки шпиков, решили отправиться на совещание, а меня послали в Финляндию за Л. Б. Каменевым.

Второе совещание с.-д. фракции с представителями с.-д. организаций из рядах рупнейших промышленных пунктов в Озерках. Арест участников совещания и всей с.-д. фракции и привлечение всех к ответственности по 102 ст. (принадлежность к с.-д. партии).

Л. Б. Каменев жил на прежней своей квартире в Финляндии, близ станции Мустамяки, в деревне Нейвола. По моим наблюдениям, доехал я к нему очень удачно, несмотря на сильную слежку за нами шпиков, их, казалось, с собой к Каменеву я не привез.

Когда я рассказал Льву Борисовичу, что для совещания все готово и что я приехал за ним, он ехать со мной не согласился. Вы,—говорил он,—народ такой, что с вами того и гляди как-раз попадешь на шпика и лучше уж вы поезжайте, а я приеду потом один на другой день. Я согласился с этим и вечером того же дня, оставив Л. Б. адрес квартиры совещания, уехал от него.

Когда я приехал на место, там уже были депутаты Петровский, Бадаев, Шагов и Муранов и представители местных организаций Воронин от Иваново-Вознесенска, Линде от Риги, Яковлев от Харькова. Когда я сообщил им, что Каменев приедет позднее, решили подождать Стеклова, ожидавшегося также на это совещание, который почему-то тогда еще не прибыл. За ним кого-то посылали, но посланный не застал его дома, и мы, потеряв надежду на прибытие Стеклова, в ожидании Каменева решили заняться некоторыми мелкими вопро сами (кажется, обсуждали проект прокламации к студенчеству и некоторые другие мелкие вопросы, какие именно—теперь уже не помню), а главные вопросы: обсуждение тезисов Ленина о войне, окончательная выработка нашей линии поведения в этом вопросе и практические шаги по ее проведению в жизнь были отложены до приезда Л. Б. Каменева.

Просидев довольно долго за полночь, мы легли спать, кто на разостланных хозяйкой квартиры каких-то тюфяках на полу, кто—на стульях. Окна квартиры были плотно завешаны и мы ночь проспали спокойно, а утром, проснувшись, снова собрались за столом и снова стали поджидать Каменева. Наконец он явился и с ним товарищ Антипов. Справились, как дело обстоит насчет шпиков. Ничего подозрительного не заметно—ответили они, после чего мы снова приступили к делу.

Л. Б. Каменев сделал обстоятельный доклад о войне и надвигающейся революции, в котором он, между прочим, говорил в том духе, что в случае поражения России революция неизбежна, что более чем вероятно, и что поэтому революция есть вопрос очень недалекого будущего, что наша задача двигать и приближать ее, быть к ней готовыми и т. д. После доклада Каменева предстояло обсуждение тезисов Владимира Ильича (известные семь пунктов), их находили все вполне отвечающими требованиям момента и вполне правильными, но большая резкость некоторых пунктов, говорящих о полезности для России проигрыша в войне и об опасности, угрожавшей делу революции в случае, если война будет для правительства победоносной. Некоторым товарищам такая резкая определенность, выражавшаяся в некоторых тезисах, казалась излишней (кому именно теперь—уже не помню) и не вполне подходящей для того момента по разным политическим соображениям, поэтому к этого рода пунктам предполагалось внести соответствующие поправки, не изменявшие самой сути их содержания, а только несколько их смягчавшие.

Все решения совещания записывались в протоколе, который вел тов. В. Н. Яковлев [1]).

Совещание затянулось еще на сутки, и мы у Гавриловых ночевали еще ночь, не выходя из помещения, будучи уверенными, что нам хорошо удалось скрыться от всех шпиков, и чувствуя себя в безопасности. Но на третий день вечером, когда мы уже заканчивали все свои дела, сидя за самоваром около стола и не подозревая ничего, пили чай и спокойно между собой беседовали, вдруг со двора в наружную дверь квартиры раздался громкий стук и вслед за этим почти в тот же момент с грохотом упала сорван-

---

[1]) В. Н. Яковлев расстрелян колчаковцами в Сибири. *Ф. С.*

ная с петель дверь квартиры, застучали шаги множества ног и загудели голоса людей в прихожей. Мы остались спокойно сидеть за столом, и только депутат Шагов, прохаживавшийся перед этим по комнате, быстро заглянув в переднюю, сказал: „Полиция", и вслед за этим в нашу комнату ввалилась большая толпа околоточных надзирателей, городовых, полицейских и стражников во главе с жандармским ротмистром и каким-то типом в штатском.

Идя впереди толпы охранников, жандармский ротмистр, держа в руке револьвер, скомандовал: „ни с места, руки вверх! что здесь за люди?!"—„А вам что нужно, какое вы имеете право вламываться в чужие квартиры и ломать двери"?—крикнул кто-то из нас в ответ. „Я должен здесь произвести обыск",—сказал жандармский офицер и пред'явил нам бумажку, в которой его начальство на основании 23 статьи военного положения (Озерки тогда были об'явлены на военном положении) предписывало в занимаемой Гавриловыми квартире, где происходило наше совещание, произвести тщательный обыск и арестовать всех, находившихся там лиц.

Прочитав эту бумажку, мы повставали с мест и заявили, что мы члены государственной думы и что на основании статей 15 и 16 положения о государственной думе без разрешения пленума государственной думы ни обыскивать, ни арестовывать нас никто не имеет права (так именно говорится в этих статьях), что это беззаконие властей в данном случае совершается вопреки изданных самими же ими основных государственных законов, что мы протестуем против этого и подчиняться этому беззаконию отказываемся и т. д. Словом мы начали шуметь и кричать на все лады. Тогда начали обыскивать остальных товарищей (Каменева, Воронина, Антипова, Козлова, Линде, Яковлева) и хозяйку квартиры Гаврилову, а нас депутатов пока оставили в покое.

Когда обысканные были арестованы и отправлены в тюрьму, жандармский ротмистр снова-было приступил к нам, но в виду наших решительных протестов он снова заколебался и ушел куда-то из помещения (потом оказалось, что он уходил звонить по телефону куда-то в соседний дом, так как в этом доме телефона не было), а остальные охранники в ожидании своего начальника, выстроившись против нас, густой толпой закрыли собой выход из нашей комнаты.

Пока вернулся жандарм многие из нас, путешествуя „с разрешения начальства" в уборную, спровадили туда довольно много из имевшихся у нас различных документов, так, протоколы нашего совещания, записные книжки с разными адресами и т. д.

Жандармский ротмистр явился в сопровождении другого жандарма, кажется в чине полковника, который, войдя в комнату вслед за первым, крикнул: „Обыскать, обыскать, всех обыскать, немедленно, без всяких церемоний", и тогда толпа околоточных, городовых и стражников тотчас же двинулась вперед, нас окружили и, первыми схватив меня, Бадаева и Шагова, начали обыскивать. Мы сначала-было начали сопротивляться, но, видя всю бесполезность этого, подчинились грубой силе и были обысканы. У нас было отобрано все вплоть до часов и перочинных ножей.

Петровский и Муранов сопротивлялись несколько дольше. Они еще раз заявили, что не подчинятся ни в каком случае и будут сопротивляться насилию всеми силами, но их быстро вывели в соседнюю комнату, смяли и также обыскали.

После этого началась длинная процедура составления протокола обыска, в который записывалось все у нас отобранное.

За все это время так же, как и до обыска, мы вели себя совершенно свободно, продолжая протестовать, требуя возвращения обратно отобранных у нас документов и освобождения нас, т.-е. предоставления нам свободы уйти из квартиры Гавриловых, но окружавшие нас охранники продолжали держать нас на положении арестованных, и только когда процедура с протоколом окончилась, жандармы снова ушли, повидимому, к телефону за дальнейшими инструкциями своего высшего начальства и затем вернувшись заявили нам, что мы свободны и можем уходить.

После этого нам выдали обратно отобранные у нас некоторые предметы: членские билеты, часы, револьверы (у кого они были), а у полиции остались только те из наших документов, которые компрометировали нас, как опасных революционеров. Мы снова требовали возвращения всего отобранного, но и на этот раз нам в этом было категорически отказано. После этого мы все пятеро вместе вышли из помещения и, пройдя мимо стоящих у дома автомобилей полиции, пошли по Выборгскому шоссе до ближайшего трамвая.

Было уже около 5 часов утра с четвертого на пятое ноября 1914 года. На воле было нехолодно, но очень темно, шоссе было освещено очень редко попадавшимися какими-то довольно тусклыми фонарями и идя мы рассуждали о том, что мы должны будем предпринять по поводу всего с нами происшедшего. Нам начинало казаться, что нам ничего особенного со стороны полиции не угрожало. Если власти не решились нас арестовать теперь, так сказать „на месте преступления", рассуждали мы, то возможно, что на такое грубое нарушение нашей „депутатской неприкосновенности" они не решились.

Так сильна была у нас иллюзия о нашей „депутатской неприкосновенности", что мы полушутя, полусерьезно говорили: „А все-таки она, мол, вертится", т.-е. неприкосновенность-то наша депутатская есть и с ней не считаться власти не могут и т. д. Тем не менее настроение наше в этот момент было не из веселых. Из всего происшедшего все же мы ясно сознавали, что власти против нас—рабочих депутатов предпринимают решительный поход и что так или иначе не в этот, так в другой раз, но все-таки нам не сдобровать и „мы будем из'яты из обращения", да иначе и думать было трудно, ибо слишком непримирима и неприемлема была для них наша позиция в отношении к войне и к ним самим, на которую стала тогда наша рабочая с.-д. фракция 4-й государственной думы. Поэтому, несмотря на имевшуюся тогда у нас, как я уже говорил, порядочную дозу иллюзий о нашей „депутатской неприкосновенности", для нас было ясно, что нужно готовиться к худшему и, садясь на трамвай по пути на квартиру после этого обыска и рассказывая кондукторам о том, что с нами произошло, мы просили их осведомить об этом остальных их товарищей и всех рабочих, так как нам самим это сделать уже едва ли, мол, придется, потому что время нашего пребывания на воле уже, мол, сочтено и т. д.

А придя на квартиру, мы в первую голову тотчас же приступили к осмотру наших бумаг и в течение долгого времени жгли в печках все, могущее, по нашему мнению, послужить против нас обвинительным материалом. Так погибло тогда много ценных архивных материалов. Уничтожая их, мы это вполне сознавали, но выхода другого не было. В руки полиции отдать их, мы тогда не могли.

Я остановился тогда в квартире А. Е. Бадаева. Скоро к нам пришли Петровский, Муранов и Шагов. Перед нами встал вопрос, что делать дальше, как реагировать на все происшедшее. Решили пойти в государственную думу и через ее председателя потребовать вмешательства думы в наше дело, чтобы она выступила с протестом против произведенного над нами полицией насилия и потребовала бы привлечения к ответственности виновных в нарушении нашей „депутатской неприкосновенности", а затем постараться довести обо всем до сведения широких рабочих масс.

Приняв такое решение, мы вышли из квартиры Бадаева и направились к Таврическому дворцу. На улице около квартиры на всех углах и переулках стояли подозрительные типы. По опыту мы поняли, что это были „шпики", и в этом не было ничего особенного, если бы их не было так много и если бы они вели себя как всегда. Нам бросилось в глаза их небывало большое количество и особо-наглое поведение. Когда мы проходили мимо них, они не только не старались так или иначе скрываться, чтобы быть для нас незаметными, как это было обычно раньше, но, наоборот, самым циничным образом они нагло смотрели нам в глаза и шли за нами чуть ли не по пятам. Когда мы сели в

вагон трамвая, чтобы ехать к Таврическому дворцу, несколько шпиков, нисколько нас не стесняясь, вошли вслед за нами в вагон и частью сели, а частью стали на площадке.

Видя это совершенно новое, никогда еще небывалое для нас явление, мы понимали, что тут что-то кроется неладное, но что именно вполне точного отчета в этом мы себе не давали.

На одной из остановок в вагон сел кто-то из знакомых мне думских представителей печати (кажется корреспондент „Биржевых Ведомостей", но точно теперь уже не помню). Я тотчас же заговорил с ним, кратко передавая ему всю нашу историю. Он очень заинтересовался ей и начал задавать мне по этому поводу разные вопросы. Отвечая ему на его вопросы, в свою очередь я спросил его, как он думает, почему нас сегодня никогда еще небывалым образом и в таком еще никогда небывало большом количестве атаковали шпики. „А где же они?"—удивленно спросил он.—„А вот видите эти рожи"—говорю я ему так громко, что шпики ясно слышат мои слова, и указываю на них пальцем,—вот этот, этот и этот, все время от самой квартиры не отставая ни на шаг, следуют за нами. Раньше этого никогда не бывало, а вот теперь идут за нами по пятам".—„Вот как?"—говорит он,—„по моему в виду происшедшего с вами события вас всех в первое время хотят изолировать от рабочих во избежание каких-либо выступлений с их стороны." Это об'яснение мне на первый взгляд показалось довольно правдоподобным и, обменявшись по этому поводу мнениями, мы все допускали возможность этого.

Когда мы вышли из вагона у Таврического дворца и направились во дворец, шпики снова последовали за нами, но остановились у входа во дворец, повидимому, с намерением, дождавшись нашего обратного выхода, снова последовать за нами.

Войдя в здание государственной думы Петровский и, кажется, Бадаев направились к кабинету председателя Родзянко и, рассказав ему о случившемся, от имени нашей фракции потребовали от него принятия необходимых мер для привлечения виновных к ответственности. Выслушав товарищей, Родзянко высказал сожаление по поводу всего происшедшего и даже выказал большое наружное возмущение этим и обещал принять все зависящие от него меры по части привлечения виновных в нарушении статьи 15 и 16 основных государственных законов к ответственности.

В прихожей нас встретила большая толпа депутатов разных фракций и нас закидали вопросами. Мы кратко сообщили им обо всем. Помню находившийся среди толпы Милюков, выслушав нас, говорил, что-то в роде того, что „эх, мол, вы, господа, вы еще все мечтаете о разных нелегальных способах борьбы с реакцией, вооруженных восстаниях, революции и т. д., бросили бы это, бесполезно это, ведь все равно ничего не достигнете" и т. д.

Депутат от евреев Фридман говорил: „Зачем теперь бороться против войны, ведь прекратить ее все равно невозможно, бессильны мы в этом, теперь нам остается одно—помогать нашим страдающим воинам, перевязывать им раны и только".—А известный кадетский депутат юрист Аджемов на мои вопросы, как он смотрит на произведенное на нас нападение полиции, насколько оно с точки зрения юридической незакономерно, что может и должна тут делать государственная дума и т. д., ответил, что истолкование статей 15 и 16 основных государственных законов о неприкосновенности личности депутатов может быть разно и что при желании правительство может истолковать так, как ему будет наиболее выгодно.

Когда вернулись от Родзянко Петровский и Бадаев, мы с М. К. Мурановым от имени нашей фракции отправились к Н. Д. Соколову, состоявшему тогда нашим юрисконсультом, чтобы ознакомить его с событием, узнать его мнение по этому вопросу и получить по этому поводу от него необходимые советы.

Когда мы, добравшись в сопровождении шпиков, которые от нас не отставали во всю дорогу до квартиры Соколова, подробно рассказали ему обо всем, он нас довольно основательно успокоил, дав новую пищу иллюзии о нашей „депутатской неприкосновенности".

После этого я пошел искать для себя квартиру и снял комнату на Невском проспекте в доме № 81 (это были, кажется, меблированные комнаты „Белград"). Затем я снова был у остальных товарищей, в беседе по разным вопросам просидел у них довольно долго и явился к себе уже около одиннадцати часов вечера.

Чувствуя сильную усталость после всего пережитого за последние дни, я крепко уснул. Я быстро забываю обо всем пережитом. Исчезло все: шпики, жандармы, полицейские и т. д. Действительности нет, сознание спит... но вот шорох вдруг рождается где-то и... Просыпаюсь и соображаю... стучат в дверь, стучат громко так, что позвенивают где-то стекла и какие-то металлические предметы. „Кто там,—спрашиваю я, не поднимаясь с кровати.—„Откройте, г. Самойлов, полиция",—слышится за дверью".

Наскоро накидываю костюм и открываю дверь. Входят два здоровенных толстых чиновника и тип в штатском (тот самый, который накануне был на обыске у Гавриловых).

„Вы член гос. думы Самойлов?"—спрашивает один из полицейских, тот, который потолще. „Я полицейский пристав московской части, а это вот мой помощник",—продолжает дальше полицейский, указывая на другого полицейского чиновника,—„у нас есть распоряжение вас арестовать, вот извольте прочитать", и с этими словами он вручает мне бумажку. Я читаю ее. В ней судебным следователем „по особо важным делам" Машкевичем в виду обвинения, по имеющимся признакам предусматриваемого 102 статьей уголовного уложения (принадлежность к с.-д. партии), предписывается меня арестовать и препроводить в Петроградский дом предварительного заключения (одиночная предварительная тюрьма на Шпалерной, № 25). „Так будьте добры потрудитесь собраться, а вот они уже доставят вас куда следует",—говорит он дальше, указывая на своего помощника.

Сказав что-то последнему он вместе с шпиком, который от времени до времени за время их пребывания у меня в комнате о чем-то с ним тихо перекидывался словами, вышел из комнаты. Оставшись вдвоем с помощником полицейского пристава, я быстро собравшись взял свою багажную корзинку, и мы направились к выходу.

Когда мы вышли на Невский, полицейский пристав, обращаясь ко мне, сказал: „На чем желаете ехать на извозчике или на автомобиле?". Не все ли равно как добраться до тюрьмы, ведь от этого она не станет ни лучше, ни хуже,—хотел-было я ответить полицейскому приставу, но в тот же момент сообразил, что ехать быстро смысла нет, наоборот, пробыть на улице лишних несколько минут хотя бы и в обществе полицейского чиновника гораздо приятнее, чем в тюрьме, и ответил последнему „на извозчике". Тут же мы наняли извозчика и через переполненный пестрой толпой буржуазии сверкающий огнями Невский проспект быстро поехали по направлению к предварительной тюрьме (предварилке).

Настроение было не очень плохое, но нельзя сказать, что и хорошее. Чувствовалось уже совершенно ясно, что власти берутся за нас решительно, а это не шутка. Проехали довольно большое расстояние молча. Не доезжая кварталов двух до тюрьмы, на Литейном проспекте попался газетчик с вечерней биржевкой (газета „Биржевые Ведомости"), попросил разрешение купить. Полицейский разрешил, но тут я обнаружил отсутствие кошелька с деньгами и тут же вспомнил, что он остался под подушкой на кровати, и заявил об этом полицейскому приставу. Он ответил, что нужно написать заявление и кошелек будет вам доставлен, и „любезно" уплатил свои 2 копейки за газету. В газете ничего особенного не было, но, просмотрев ее, я все же кладу ее в карман из соображения, что в тюрьме ее уже больше не получишь. Вот и тюрьма. Всюду стоят часовые. Сходим с извозчика. Открываются тяжелые железные ворота и, поглощая нас, снова шумно со звоном закрываются за нами. Входим в здание и мимо угрюмых фигур часовых идем какими-то мрачными коридорами. В них обычный тяжелый тюремный воздух, сильно насыщенный специфическими казарменными запахами. На момент становится немного жутко, потом ничего. Новизна обстановки резко бросается в глаза и поглощает внимание. Скоро входим в канцелярию. Это обычная средней величины комната с письменными столами и несколькими стульями,

но окна с толстыми решетками. Нас встречает угрюмо свирепого вида средних лет тюремный чиновник, которому помощник полицейского пристава меня и передает.

После краткого разговора с полицейским приставом тюремщик отдает распоряжение меня обыскать. Два тюремных надзирателя входят и начинается обыск. Меня раздевают до белья, тщательно обыскивают, выворачивают все карманы костюма и пальто и прочее, щупают в сапогах, в носках, за подкладкой и т. д. и отбирают все вплоть до часов и подтяжек брюк. „Зачем же подтяжки отбираете"—спрашиваю я,—„без них очень неудобно". „Не разрешается",—получается ответ. Кончается обыск, начинаю снова одеваться.

Когда я оделся, старший тюремщик, обращаясь к одному из надзирателей, сказал: „Отвести на третий этаж в камеру № 142". „Слушаю",—отвечает надзиратель, беря под козырек и обращаясь ко мне говорит: „Ну, идемте". И мы пошли. Выйдя из канцелярии, оглянувшись, вдали в коридоре я увидел Петровского, Шагова и Муранова. Их вели тоже в эту канцелярию. В момент их появления явилась мысль перекинуться с ними парой слов, но в это время мы поворачиваем в другую сторону, товарищей становится не видно и я снова иду по длинным пустынным коридорам, освещенным тускловатыми дежурными лампочками. На пути изредка попадаются лишь тюремные надзиратели, кругом тишина. Проходим первый и второй этажи мимо множества одиночек и, наконец, останавливаемся у двери камеры № 142. Ловкой привычной рукой с громким металлическим звоном надзиратель открывает дверь, зажигает электричество, и мы входим во внутрь камеры. „Вот вам камера, раздевайтесь и ложитесь",—говорит надзиратель и, быстро повернувшись, направляется к выходу.—„А сколько сейчас времени?"—задаю я ему вопрос. Он на секунду останавливается и, не поворачиваясь ко мне, говорит: „Без часов живем" и затем быстро уходит, а в следующие две-три секунды звонко гремит дверь запираемой камеры.

Очутившись таким образом в тюрьме, мы просидели до 10 февраля 1915 г. Вначале нас собирались судить по законам военного времени, так как Озерки, где мы были обысканы полицией, находились на военном положении, но потом все-таки царское правительство на жестокую с нами расправу при помощи военного суда не решилось. 10, 11, 12 и 13 февраля 1915 г. нас судило „особое присутствие Петроградской судебной палаты" по 102 ст. (за принадлежность к партии) и мы были осуждены „в ссылку на вечное поселение в Сибирь", и, таким образом, рабочий класс России был лишен своего представительства в 4-й гос. думе вплоть до февральской революции 1917 г., когда мы вместе со всеми остальными политическими были амнистированы и возвратились обратно в Россию.

И. Разгон.

В австрийском плену *).

К концу 1915 года в австрийских лагерях скопилось большое количество русских военнопленных, доходившее в каждом лагере до 40 тысяч. Эти военнопленные использовывались частью на фортификационных работах в тылу австрийских позиций, частью на военных заводах, а большая часть на сельскохозяйственных работах среди крестьян и помещиков.

Однако, средина 1916 года снова пополнила австрийские лагеря солидным количеством пленных. Все эти военнопленные, среди которых были представлены все национальности бывшей Российской империи, представляли из себя темную массу, забитую, запуганную своими офицерами (пленными же), которые для того, чтобы удержать эту массу в повиновении, распускали слухи, что по возвращении из плена всех их ждут бичи и скорпионы со стороны царского правительства, как „наказание" за плен. Совершенно естественно, что о какой бы то ни было революционной работе среди этой невежественной, забитой и запуганной массы нечего было и думать без того, чтобы, во-первых, не рассеять состояния перманентного испуга и боязни за свое будущее среди всех пленных и не научить их грамоте — во-вторых.

Мы понимали прекрасно, какое значение имело бы для успеха революционного движения в России пробуждение всей этой массы „племен, наречий, состояний" к политической жизни, ее интереса к политическим вопросам. Ведь по возвращении их на родину они являли бы собой прекрасный фермент революционизирования масс рабочих и крестьян. В каждом лагере нашлась группа товарищей, которая за эту работу и взялась.

Много усилий потребовалось для того, чтобы вернуть военнопленным их веру в себя, рассеять состояние перепуга, внушить им уважение к себе и к своему собственному достоинству, и мы перешли к выполнению второй задачи.

„Без грамотности нет политики, а есть слухи, сплетни, росказни" (Н. Ленин).

Вспоминаю нашу работу в лагерях Мархтрэнк и Браунау. С начала 1916 года среди нас выделилась группа товарищей (Кокшарев, Кучук, Казаков, Манькович, Ошеров, Разгон и др.), готовых к работе. Необходимо было завоевать авторитет среди массы военнопленных и заручиться их доверием перед тем, как приступить к обучению грамоте.

Мы взяли на себя задачу—всемерного улучшения „быта" наших товарищей, и мы без особого труда укомплектовали открытые нами школы до четырехсот человек. Последние капли недоверия к нашим начинаниям — школам и кружкам грамоты — стали исчезать, в особенности после того, как результаты этой школы стали видны. Шаг за шагом наши школы превращались в очаг революционизирования этой огромной массы русских рабочих и крестьян, томившихся в плену. Целый ряд докладов, собеседований по вопросам религии, естествознания всколыхнули всю эту массу, сорвали пелену с глаз, и вот уже к концу 1915 и началу 1916 года можно было видеть результаты налицо.

Такую же работу мы проделали в соседних близлежащих лагерях Вельс и Линц (Верхняя Австрия), нелегально убегая туда по очереди. Спустя некоторое время наша деятельность обратила на себя „благосклонное" внимание австрийского командования, и некоторые из нас стали подвергаться преследованиям и репрессиям (подвешивание и т. д.) Однако, нашей работы это не остановило.

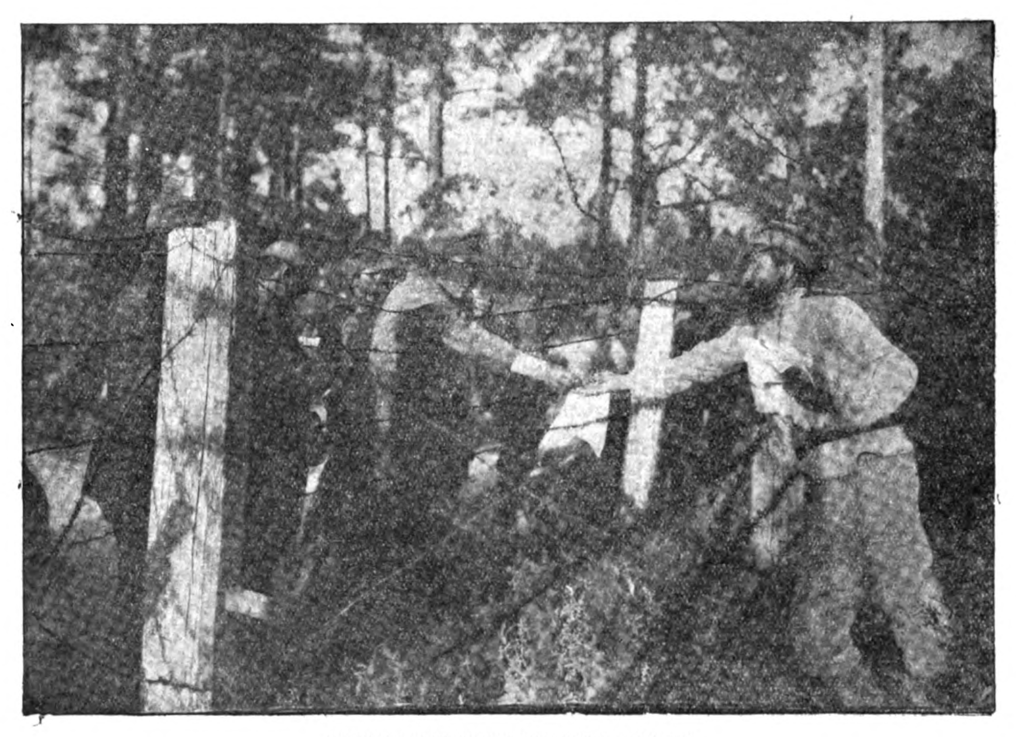
---

*) Написано на основании личных воспоминаний для настоящего сборника. Ред.

Первое мая 1916 года является рубежом в жизни нашей организации.

Накануне мы развили бешеную агитацию среди военнопленных о значении первого мая, сначала индивидуальную в бараках, затем собрали их в церкви.

Австрийцы предполагали что там собрались военнопленные для молитвы. Там высту-пало несколько товарищей с докладами о значении 1-го мая, о причинах возникновения мировой войны, о роли рабочего класса и о том, что дóлжно положить конец войне. Отрезанные от партийной жизни оторванные от высшего партийного руководства, не имея



Братание австрийских пленных с русскими.

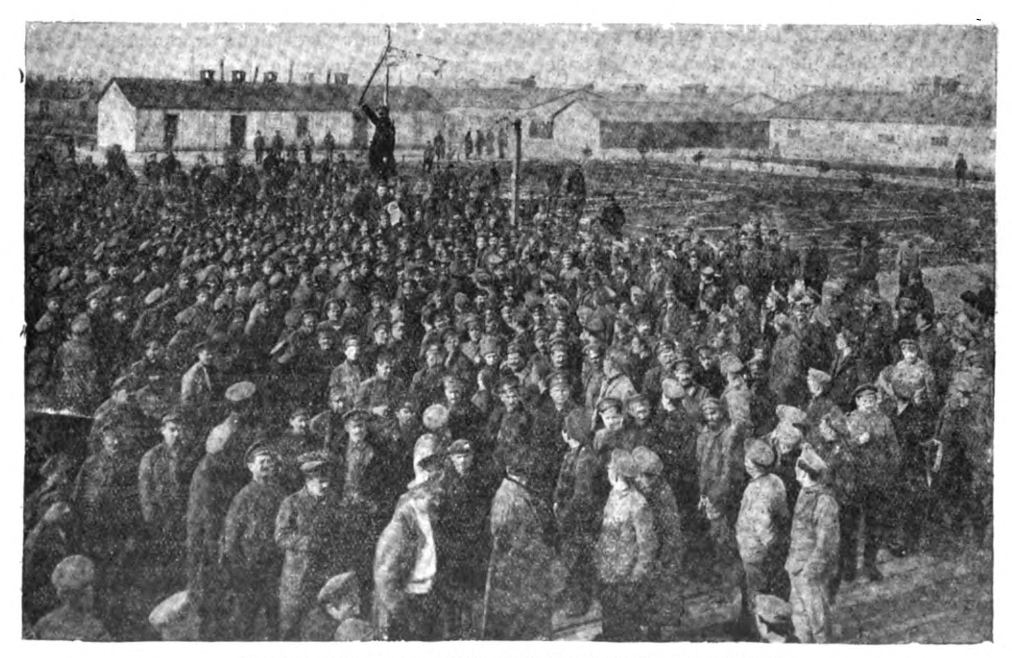
партийной литературы, мы интуитивно нащупали основные лозунги революционной социал-демократии, руководствуясь исключительно своим революционным сознанием. Эти лозунги единства интересов русских и немецких рабочих были усвоены аудиторией. В знак протеста против войны, в знак солидарности международного рабочего класса, сорокатысячная масса военнопленных лагеря Мархтрэнк решила 1 мая 1916 года не выходить на работу. Австрийское командование имело у себя на службе целый ряд подкупленных за крохи русских военнопленных и, естественно, быстро узнало о нашем постановлении. Рано утром 1 мая в целом ряде бараков, куда пришли австрийские унтер-офицеры брать людей на работу, военнопленные заявили, что на работу не пойдут, что сегодня праздник рабочих; и когда были попытки со стороны унтер-офицеров силой выводить на работу, в целом ряде бараков раздалось пение революционного гимна. Унтер-офицеры ушли. Часовые, стоящие на постах в лагере, явно сочувствовали нам. Один из наших товарищей, принимавший активное участие в нашей работе, тов. Сегель, отлично владевший немецким язы-

ком, вкратце об'яснил часовым, стоявшим на ближайших постах, сущность Первого Мая и почему мы сегодня решили праздновать. И нужно было видеть, какой улыбкой озарились лица часовых, сорокалетних крестьян, оторванных от сохи и семьи, чтобы понять, какой сильный отклик идеи международной солидарности находили и в сердце туземного мужика и в сердце крестьянина из далекой Тульской губернии. Прошло несколько часов. Вдруг в лагерь явился комендант полковник Чех. Срочно была вызвана артиллерия и батальон пехоты. Все выходы из бараков были заняты часовыми, на нас были направлены орудия. Полковник категорически предложил военнопленным приступить немедленно к работе. Я и Кучук помещались в одном бараке. Со всех бараков стали прибегать делегаты от военнопленных, желая узнать нашу директиву. Устроив краткое совещание, мы решили передать в бараки, чтобы на работу не выходили, мотивируя тем, что сегодня Первое Мая, праздник, который празднует вся рабочая Россия всегда, и поэтому мы не хотим выйти на работу, и что мы—русские военнопленные—часть русских крестьян и рабочих, и что в этот день мы подчеркиваем идеи международной солидарности. Когда австрийское командование увидело, что военнопленные упорно отказываются выполнить их требования, тогда барак, в котором помещался я, был окружен ротой мадьяр,—Кучук и я были арестованы. Из других бараков были тоже из'яты все активные товарищи. Австрийцы своего добились, но это была Пиррова победа: для австрийских часовых это событие не прошло бесследно и их отношение к нам с той поры резко меняется. Они завязывают связь с нами, и благодаря этому нам удается связаться с другими лагерями, далеко расположенными от нас. Трудно сказать, какие лагеря проявили инициативу в деле создания наших ячеек в Австрии, но смело можно сказать, что к концу 1916 года в целом ряде лагерей были мощные организации, которые вели работу не только среди русских военнопленных, но и среди местного трудящегося населения и даже среди войск. По мере увеличения работы нашей группы начинает нарастать недовольство среди русских офицеров, находящихся в плену. Через своих денщиков они начинают создавать „информационные бюро", создавать черные списки, куда заносятся фамилии более активных товарищей. Списки пересылаются в Россию с целью подвергнуть внесенных туда товарищей жестокому наказанию по окончании войны. Начинается вражда между солдатской и офицерской массами. То, что имело место в России и на фронте в марте 1917 года, то в миниатюре уже разыгралось в плену задолго до февральской революции. Вражда между пленными солдатами и офицерами достигла своего апогея.

Я помню, как в 1916 году к нам в лагерь прибыла уполномоченная Русского Красного Креста некая Ганецкая (говорили, что она тетка царя Романова). Она прибыла в сопровождении датских и австрийских офицеров генерального штаба. Мы узнали о предстоящем приезде по тем подготовительным мерам, которые приняло австрийское командование. Начали чистить бараки, за два дня до приезда была улучшена пища и изменилось обращение со стороны австрийцев. Настал день приезда, весь лагерь был построен, имея впереди подпрапорщиков и вольноопределяющихся. Предварительно она посетила офицерский лагерь и, получив там информацию о том, что среди военнопленных ведется революционная агитация, решила идти проторенной дорожкой царского самодержавия и создать раскол среди военнопленных. Первым вопросом, который она задала группе товарищей, был вопрос о том, не обижают ли здесь в плену евреи? На этот вопрос вольноопределяющийся Иванов, беспартийный, ответил громко, что в плену нет ни евреев, ни русских, а есть просто военнопленные и никакой вражды здесь нет. Мы решили использовать приезд Ганецкой в целях дискредитирования в широких массах военнопленных царского режима и в целях поднятия авторитета нашей революционной организации. Нам стало известным, что в офицерском лагере Ганецкая оставила ценные подарки, а также большие денежные суммы. Мы же продолжали пухнуть с голода, и смертность среди солдат военнопленных росла в геометрической прогрессии. Когда она стала расспрашивать

пленных о их жизни, передавая „царское благословение", то сотни глоток воскликнули: „нам не благословенье нужно, а нам нужен мир". Г-же Ганецкой пришлось замять этот разговор и она перешла в библиотеку. Здесь она поинтересовалась, нет ли в библиотеке революционных книг, и тут же добавила, что у нее имеются сведения о том, что кучка предателей-евреев мутит русских людей и что этих предателей ожидает в России жестокая кара. Этот разговор имел место при выходе из библиотеки в присутствии большой толпы военнопленных. Ей ответили, что военнопленные прекрасно осведомлены о цели ее приезда. Посыпались реплики, что Россия не знает правды о плене, что вместо того, чтобы эту правду передать, г.г. Ганецкими и ей подобными сеется ложь и инсинуации. Слышны были возгласы, что трудящиеся слои рабочих и крестьян этой лжи не поверят. „Мы рассчитываем на поддержку не царской России, не дворянства и помещиков, а мы рассчитываем на поддержку наших братьев рабочих и крестьян". Таков был клич подавляющего большинства. Присутствовавший при этой беседе австрийский полковник генерального штаба, прекрасно владевший русским языком, иронически улыбнулся, покачал головой и по-французски сказал ей: „все ваши русские—анархисты". Отсюда Ганецкая уехала в офицерский лагерь, закатила истерику, говоря, что ее оскорбили, и через два дня мы получили бутафорский приказ из офицерского лагеря от старшего офицера полковника Москул, в котором он предлагал мне и Кучуку явиться немедленно в офицерский лагерь для дачи об'яснения по поводу жалобы «сестры». И этот приказ тоже был использован в целях дискредитирования золотопогонного офицерства. Было написано ответное письмо офицерам, за подписью моей, Кучука, Кокшарева и Казакова, где им была дана достойная отповедь. Письмо это было прочитано на собрании во всех бараках и единодушно приветствовалось всеми военнопленными.

Когда получилось первое известие о февральской революции в России, энтузиазму военнопленных не было конца. Энтузиазм охватил всех; в первых раскатах февральской



Митинг в австрийском плену во время февральской революции.



Кладбище русских пленных в австрийском плену.

революции мы почувствовали конец войне, мы почувствовали возможность избавиться от ненавистного плена.

Я хотел бы подчеркнуть ту перемену, которая произошла в офицерской группе военнопленных. Многие из них быстро изменились и стали заядлыми социал-демократами. Начались заигрывания с солдатами, подделывания под народный говор, а также начинаются поиски среди наших солдат военнопленных свидетельств демократизма и политической преданности новому строю господ офицеров. Но вот наступают корниловские дни. В австрийской печати мелькает первое известие о наступлении Корнилова на Питер. Среди офицерства начинается тайное торжество, и одному товарищу, кажется Сегелю, один из офицеров заявил, что этого можно было ожидать: „наш хам еще не готов для всех этих свобод“...

Был устроен грандиозный митинг, где раз'ясняли военнопленным сущность корниловского похода. В офицерский лагерь была послана резолюция общего собрания военнопленных. В этой резолюции, между прочим, было сказано: „пусть золотопогонное офицерство знает, что революция это не такой плод, который всякая свинья сожрать может“.

В общем к этому времени мы имеем уже среди всей массы военнопленных твердую уверенность в том, что они сыграют свою роль в развитии русской революции и что с их приездом в Россию обстановка политическая и революционная должна будет сложиться в пользу революции. Руководящей группой товарищей выбрасывается лозунг: „военнопленные — к серьезной политической учёбе“; так как каждого из них по приезде домой ждет широкое поле общественной деятельности. Военнопленные лихорадочно начинают изучать целый ряд политических вопросов, грамоту, вопросы сельского хозяйства, и здесь громадную роль сыграли лагерные библиотеки, в некоторых местах доходившие до 30 тысяч томов. Книги пополнялись из различных источников: прежде всего самообложением среди военнопленных, во-вторых, присылкой книг из России и, в-третьих, потом уже, из Швейцарии от наших товарищей из эмиграции. С этими эмигрантами связь поддерживалась через лагерный комитет помощи военнопленным, во главе которого стоял товарищ Кучук.

Как на один из характерных моментов нашей революционной работы, считаю необходимым указать следующий факт.

Группой наших товарищей выписывался орган австрийской социал-демократической партии „Арбейтер Цейтунг". Мы ясно видели, что газета эта под прикрытием революционных фраз ведет все время антирабочую и соглашательскую политику. Когда мы через наших русских товарищей, работающих на амуниционном заводе, узнали о первой забастовке в Штейере,—о забастовке, которая стоила бастовавшим много рабочих жизней, и когда об этом центральный орган социал-демократической партии ни словом не обмолвился, мы решили от имени группы военнопленных написать старику Адлеру письмо. Правда, в этом письме было очень много революционной романтики, но об'ясняется это тем, что, оторванные от политической жизни, мы еще продолжали питать себя иллюзиями насчет революционности австрийской социал-демократии; последнее усугублялось еще выстрелом сына Адлера в министра внутренних дел Штюргка. Бывший тогда в лагере комендант лагерного госпиталя австрийский лейтенант доктор Поляк, член австрийской социал-демократической партии, помогал нам в нашей технической работе, доставляя нам гектограф и другие множительные средства. Через этого лейтенанта нами было передано Центральному Комитету австрийской социал-демократической партии письмо, переведенное с русского на немецкий язык товарищем Сегелем, которое, насколько мне помнится, начиналось следующими словами: „Именем международной революционной социал-демократии, мы, русские военнопленные, революционные марксисты, требуем от вас определенных и категорических действий по отношению к австрийскому империализму..."

Конечно, никакого ответа мы не получили, и здесь характерно отметить ответ австрийского социал-демократа лейтенанта Поляка, который мне заявил: „австрийский пролетариат стоит на более культурной ступени своего развития и потому австрийская социал-демократия не может пойти по бунтарскому уклону ваших Лениных и Бакуниных, который вы проповедуете".

Все же работа наших военнопленных на целом ряде заводов и в селах среди австрийского крестьянства, а также общение с солдатами австрийской армии пустили глубокие революционные корни в австрийскую почву.

В заключение должен сказать, что для двухмиллионной массы русских военнопленных, томившихся в лагерях, наша работа не прошла бесследно. Многие из них по возвращении из плена были лучшими проводниками в толщу крестьянства идей Советской власти. Многие из них легли на различных фронтах за дело рабочего класса, многие и по сей день продолжают ему честно служить.

А. Линов.

Воспоминания рядового *).

(Из австрийского плена).

Уже в начале 1915 года царскому правительству понадобился досрочный призыв, и вместо осени в январе был призван очередной год. Первые резервы иссякли в кровавой бойне, нужно было свежее пушечное мясо и на его подготовку тратилось не более 6 недель, а в некоторых случаях и того меньше. Наскоро сколоченные в запасном батальоне маршевые роты гнались на фронт, на затычку больших прорывов, которыми немцы давали сдачу за первые русские успехи.

По дороге на фронт солдаты выбрасывали за дверь вагона „для лошадей" обременительную для них амуницию—лопату, кирку и даже палатки, не очень беспокоясь об ответственности за их недостачу. Прежних солдат с кадровой муштровкой и слепой дисциплиной не было,—шла молодежь и бородачи, не желавшие ничего знать.

Участок фронта в Галиции, куда мне пришлось попасть, приходился в районе Ярослава, у реки Любочевки. Время—конец мая 1915 года. Знаменитое наступление немцев после недавних русских „побед". Солдатские массы безудержно откатывались назад и назад, недолго задерживаясь на своих позициях. Как же нас заставляли воевать? В ближайшем резерве от первой линии окопов держали людей без оружия, без винтовок, рассчитывая на то, что когда убьют в передовых окопах, освободятся винтовки, которыми и вооружат резерв. Вот где, в подлинном смысле слова, держали солдат как убойное мясо—пушечное мясо, живую стену, которой отгораживалась Сухомлиновщина от германской военной техники.

Понятно, такая „война" дала немцам в один день—31 мая—18.000 пленных русских солдат на небольшом участке фронта. Помню этот день, ураганную артиллерийскую подготовку, сравнивавшую окопы с землей, прибитых и пришибленных психически людей, поздний приказ отступать, обратный переход через покрасневшую от крови речку и все же напрасно—прорыв был глубок, и мы сидели окруженными уже давно.

Небольшая группа пленных, постепенно нарастала, собираемая со всех точек боевого участка в длинную колонну измученных, голодных и обобранных немцами солдат. Окруженная двумя-тремя австрийцами пехотинцами, потянулась длинной раздавленной змеей беспорядочная толпа пленных в австрийский тыл. К вечеру первого дня пришли к окрестностям Ярослава и увидели уже целый табор русских пленных, разделенный на отдельные „загоны", окруженные столбами с колючей проволокой. В темноте то тут, то там мелькали огни цыгарок; костров, несмотря на холодную ночь, разжигать не давали. Люди спали на голой земле, согреваясь один у тела другого. На утро пленным дали австрийское „каве" (кофе) без хлеба и на следующий день к вечеру без всякой еды погнали дальше, через Ярослав к западу. С этого момента пленных начинают именно „гнать" с одного места на другое дальше, вглубь страны. Поездные составы назначались, понятно, только для фронтовых солдат и боевых грузов, русских же пленных перегоняли пешком с места на место, как стадо баранов. Пленных совершенно не кормили; в день давали два раза по полукотелка „кавы" и по четвертушке австрийской солдатской буханки—что-то около 200 грамм гнилого кукурузного хлеба. Ночь пешего перехода в Пржеворск в 18 километрах за Ярославом стоит того, чтоб о ней рассказать несколько слов. Этот этап дороги мы сде-

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

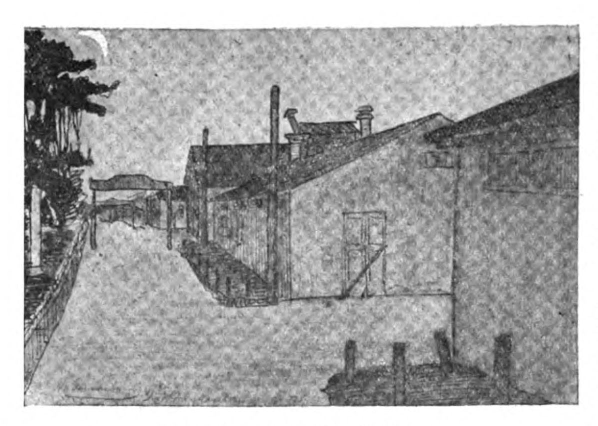


Лагерь пленных Мархтрэнк в Австрии.

лали под охраной кавалеристов, которые, не смущаясь, гнали толпу пленных лошадиным аллюром, подстегивая остающих нагайкой. Так как в течение предыдущих двух дней на несколько тысяч пленных в день привозилось только две бочки воды, у этих бочек происходила отчаянная давка, во время которой было задавлено два товарища, и вот во время ночного перехода к Пржеворску, измученные жаждой солдаты бросались в стороны к каждому колодцу и безостановочные удары плетью не могли отогнать от воды жаждущих. Каждая лужа сомнительной чистоты, подчас с привкусом лошадиной мочи, осушалась припадавшими к ней измученными и загнанными людьми.

В этапе Пржеворск, на разрушенном сахарном заводе князя Любомирского, на небольшом клочке земли, как в скотном загоне, держали несколько тысяч пленных, морили их голодом, гнали партиями на тяжелые работы. Этот пункт был не так уж далек от фронта, и в одно утро над нами появился русский аэроплан и начал метать бомбы, очевидно, принимая нас за австрийские части, а может быть имея целью железнодорожную станцию. Пара снарядов все же угодила в продовольственный ж.-д. состав, и наши солдаты, очищая разрушенные пути, принесли в своих рубахах горелую муку, из которой мы варили превкуснейшую похлебку, носящую в других условиях название „переплетного клейстера". Голод, мириады вшей и ночевка под открытым небом на сырой болотной земле породили ряд болезней среди пленных, и по этой причине через две недели нас уже повезли по железной дороге дальше, через Тарнов и Краков, во временный лагерь военнопленных у Вадовицы. Этот лагерь состоял из брезентовых палаток, кишевших вшами, оставленными там ранее проходившими партиями. Здесь уже отделяли офицеров от солдат, предоставляя первым отдельные бараки с чистыми и мягкими постелями и улучшенной пищей, в то время, как солдатам давалась вшивая земля и жидкая кукурузная похлебка.

Этот лагерь остался в памяти еще тем, что его комендантом был австрийский обер-лейтенант Леви, который при ежедневной проверке пленных, пропуская мимо себя колонну людей, растопырив ноги, с постоянным проклятием и руганью по адресу „русских свиней" увесистой палкой избивал каждую неугодную ему физиономию. Еще в этом лагере пленных „очищали". Очищали двумя способами. Первый—пропускали через баню, и второй—дезинфицировали в это время одежду, отбирая из нее и из вещевого мешка вторую рубаху, вторые шаровары, гимнастерку, поясок, щетку и т. п. более или менее ценные предметы,



Бараки пленных. Рис. А. Линова.

попадавшие под руку. Эту работу проделывали не только австрийцы, мародерствовали и русские пленные, осевшие в этом лагере—сомнительные фельдшера, санитары и переводчики.

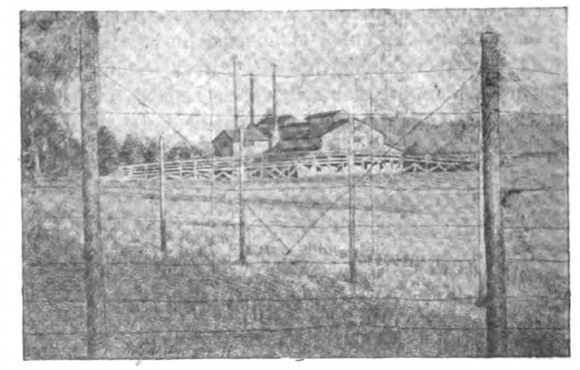
В то время мы, русские пленные, были врагами той страны, куда мы имели несчастье попасть, но не менее яркое представление об этом лагере дает друг страны—Польши, нынешней захватчицы Галиции—активный петлюровец Андриевский, он говорит: „У меня волосы становятся дыбом при воспоминании про лагери Шелково, Ланцути, Вадовицы и Дембы, где нам оказывали приют" („Правда" № 294 от 25/XII—24 г.).

Из Вадовицы мне пришлось попасть в лагерь Мархтрэнк в Верхней Австрии между главным городом Верхней Австрии—Линц и ж.-д. узловым пунктом—г. Вельс.

Лагерь только строился. Строили себе тюрьму на долгие годы сами же пленные. Из их среды отбирали плотников, столяров и других специалистов, ставили десятниками австрийцев, и постепенно вырастал особый город с домами-бараками, улицами... и все это отгораживалось от внешнего мира двумя рядами столбов, густо оплетенных колючей проволокой.

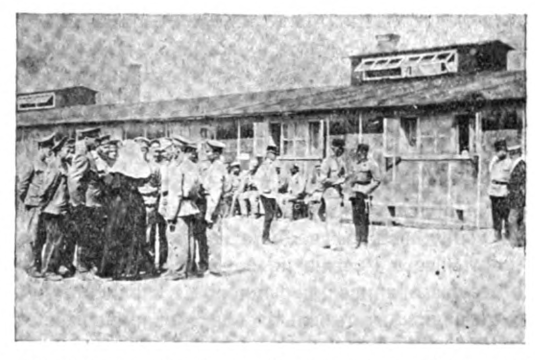
Потянулись долгие дни и месяцы ожидания мира. Связи с Россией налаживались медленно. Ничтожные лагерные „права" приходилось отвоевывать путем отсидки протестантов и зачинщиков в штрафных бараках, представлявших собою обычные бараки, окруженные двойным рядом проволоки, затем сплошной деревянной стеной выше барака, затем еще одним рядом проволоки и четырьмя часовыми по углам. Режим и пища там соответствовали понятию штрафных. Кроме этого применялась известная немецкая пытка, так называемая штанга и подвешивание. Несмотря на это, я помню одного товарища, по фамилии Славгородский, который из этой же тюрьмы сбежал после одной неудачной попытки побега из плена. С нашей же помощью Славгородский чуть ли не после десятой попытки все же из плена выбрался значительно раньше других.

Кормили пленных ужасно. Названия, которые давались пленными этой пище, были „клейстер", „асфальт", „конятина" и др. Все это представляло похлебки из молотых костей всяких животных, стеблей подсолнухов, дохлой конины и т. п. Доверие к этой „пище" было таково, что однажды в лагере распространился слух, что среди молотых костей имеются и кости солдат, павших на фронтах. Этому верили многие. Когда давали брюкву—свиной корм, в бараках был буквально праздник. Во всяком слу-



Фабрика, где выделывалось удобрение из экскрементов пленных. Рис. А. Линова.

чае, австрийская лагерная администрация из экскрементов пленных на специальной фабрике при лагере выделывала более ценный продукт (удобрение), чем та пища, которой кормили пленных. И этой пищей не кормили даром. Кроме использования пленных в самом лагере и вне его на сельскохозяйственных работах, русских посылали на другие австрийские фронты—итальянский, албанский, сербский—для рытья окопов, прокладки шоссейных дорог, взрывания тоннелей и разгрузки поездов со снарядами и амуницией. Сравнительно здоровые люди, уезжавшие на прифронтовые работы, возвращались инвалидами, с туберкулезом, малярией, ранами от снарядов, цынгой и психическими заболеваниями. На кладбище в Мархтрэнке лежит не одна тысяча наших товарищей, неизвестно за что положивших свою жизнь. Я помню, когда мимо моих окон в госпитале провозили на вагонетке узкоколейки до 30—40 гробов в день.



Ганецкая у фельдфебелей. Здесь австрийцы „благородно" стали в сторону.

Из тяжелых эпизодов нашей жизни в плену мне особенно врезался в память один, переданный мне товарищем, вернувшимся с прифронтовой работы.

В прошлом (1915) году из нашего лагеря отправили на работу неизвестно куда 500 человек. Двери вагонов не открывали, но все же удалось заметить, что к поезду были прицеплены по дороге еще вагоны с новыми товарищами из лагеря Гредек около Зальцбурга. К вечеру следующего дня прибыли на место в Тироль в оставленный жителями прифронтовой район. Поместили всех в коридорах брошенного отеля. Поставили часовых. На утро была проверка. О характере работы уже догадались, приходилось проводить шоссейные дороги, взрывать скалы, разгружать вагоны с взрывчатыми веществами. Недалеко слышна была канонада, а над головой все время летали итальянские боевые машины. После дня работы вечером утомленные люди все же, собравшись в тиши, обсудили положение и большинство решило на следующий день на работу не выходить. Утром отказались, тогда всех вывели на большой футбольный плац, невдалеке отеля, окружили часовыми и пригрозили растрелом. Половина согласилась работать сейчас же, остальных отвели обратно и продержали весь день без пищи. На следующий день сдалась еще часть, и к концу третьего дня небольшая группа из 74 человек твердо об'явила, что работать не будет. К этому времени на свой запрос австрийцы получили из военного министерства приказ расстреливать отказавшихся от работы через девять десятого. На утро, когда всех здоровых угнали на работы подальше, оставшихся вывели, построили и об'явили о том, что если теперь, в последний раз, они откажутся работать, сейчас же начнется расстрел. Небольшая кучка осталась при своем. Тогда взвод австрийских солдат построился, взял ружья на прицел. От-



Посещение Ганецкой солдат. Присутствие австрийцев связывает язык пленным.

считали десятого, поставили спиной к заранее вырытой яме. Хотели завязать глаза—отказ. Раздалась команда. Сухой дружный треск, и тело опрокинулось назад в яму. Отсчитали другого—расстреляли, третьего—расстреляли. Вывели четвертого, он безучастно направляется к яме, чтобы разделить участь своих товарищей. Невдалеке от места расстрела, стояла группа австрийских сапер. Вдруг один из них отделяется, бежит к осужденному и кричит: „Хижневич! друг!“ Тот поднимает на подбежавшего глаза и снова опускает их. „Хижневич!—кричит по-польски австриец—это ты“. Тот отвечает: „Я вас не знаю, что вам нужно“. Побледневшему австрийцу ничего не оставалось, как отступить назад. Здесь Хижневич вынул из кармана бумаги, документы и просил офицера, командовавшего расстрелом, переслать все в Россию по адресу. Тут австриец сапер снова подошел и осмотрел бумаги и долго разговаривал с офицером. Офицер задумался и готов был продолжать, но русские, устрашенные гибелью своих товарищей, из‘явили согласие подчиниться требованиям австрийцев. К Хижневичу подошли, начали его расспрашивать, но получили от него странные ответы, и когда вечером пригласили врача, тот об‘яснил, что у Хижневича тихое помешательство.

Последнюю группу так на работы и не отправили, а вернули ее в лагерь под усиленным конвоем—как бунтарей. Хижневича отправили в госпиталь, остальных в штрафной барак, где они отсидели с полгода. Хижневича долго держали в госпитале, полагая, что он симулирует, но через продолжительный срок все же отправили его в Линц в госпиталь для умалишенных...

Какую помощь, что мы могли тогда ждать из России? Вагон заплесневевших черных сухарей... Приезд высокопоставленной представительницы русского двора Ганецкой и других не улучшил положения русского серяка в плену, да никто этого от них и не ждал.

Пленные начали организовываться сами. Были товарищи (Разгон, Кучук), понявшие, что не через месяц и не через полгода избавиться нам от плена и необходимо начать живую работу взаимопомощи материальной и просветительной. Начинают строить кооперативы, кассы взаимопомощи, библиотеки. Связываются с нейтральными странами, налаживая оттуда получение литературы, и понемногу скрашиваются беспросветные дни плена. Ведется активная работа просвещения солдатских масс.

В это время.... в соседнем, изолированном от солдат, офицерском лагере военнопленных находятся такие „патриоты“, как полковник Пукалов, берущий на учет—в черные списки—революционно настроенных и работающих товарищей, другие офицеры помельче мечтают о возврате в Россию, на фронт для того, чтобы дослужиться до следующего чина и георгиевского крестика, третьи без просыпу пьют или дуются в карты.

Наступают вдали от нас в России дни революции. Тяжело было быть вдали и вне борьбы, но все же надежды на возвращение в революционную Россию крепнут. Правда, февраль не дает удовлетворения, июль внушает тревогу, зато октябрь крепит дух, и начинаются сплошные побеги домой, в Россию, свободную от Пукаловых,—в Советскую Россию к упорной работе для рабочего класса.

А. Марти.

Современное рабство *).

Так-называемые цивилизованные державы путем международного соглашения уничтожили торговлю черными. Действительно, больше уже не покупают черных— мужчин и женщин для отправки их в Америку, но поступают более лицемерно. Я имел случай, будучи морским механиком, об'ехать берега Северной Африки и Азии и я везде убеждался в том, что эти т.-н. цивилизованные державы повсюду применяют жестокий режим к народам колоний, к тем, кого они имеют претензию цивилизовать. Франция, разумеется, особенно отличается в этом отношении, и в начале 1922 года я видел в Сегоне одного аннамита, который был подвешен за ноги на конце реи государственного гидрографического парохода „La Manche" за то, что он совершил преступление, подняв руку на тех, кто его бил.

Он умер спустя два дня от последствий подвешивания и от полученных ударов.

В продолжение всей империалистической войны, с самого ее начала Франция увидела, что войска ее страшно опустошались благодаря исключительно бездарности ее генералов, каковая затем в многочисленных статьях, в частности в статье „План. 17", была так хорошо разоблачена. Надо было кем-нибудь заменить цвет французской молодежи, которую подобным образом гнали на бойню, и для этого был сделан широкий призыв к контингентам колоний.

В Алжире, где небольшая часть арабского населения, несмотря ни на что, имеет некоторые зародыши социального воспитания, французское правительство предварительно об'явило, что оно взывает к патриотизму всех алжирцев, и при возвращении их с войны оно поставит на рассмотрение вопрос о реорганизации Алжира на основе предоставления им прав французских граждан.

Рекрутский набор прошел довольно хорошо, из-за боязни французских и туземных жандармов, но по мере продолжения войны все увидели, что из уезжавших возвращались очень немногие, и правительство было поставлено перед фактом широко распространявшегося дезертирства. Одни покидали деревни еще до призыва, а другие, более догадливые, дожидались получения обмундирования и оружия и дезертировали в полном вооружении целыми взводами. В горных хребтах Кабилии об'единялось несколько тысяч дезертиров и было абсолютно невозможно поймать их там, не рискуя своей головой.

В Сенегале, в стране более отсталой, действовали другим образом.

Деревенские старосты получали каждые шесть месяцев определенный наряд молодых людей, которых они должны были доставить правительству. Они являлись ответственными за невыполнение наряда и подвергались даже аресту. На второй год войны и это уже не помогало, несмотря на кампанию, которую проводил черный депутат — социалист Диан. Тогда было решено, что деревни, которые не представят известный контингент, будут сожжены. Но дезертирства были, однако, так многочисленны, что правительство было принуждено окружать деревни заранее. Вещь была легко исполнимой, так как среди народностей Сенегала царила отчаянная национальная вражда, и таким образом можно было заставить стрелков деревни „Бамбарра" окружить деревню „Тукулер" и обратно.

*) Написано для настоящего сборника. Ред.

Так же действовали и на Мадагаскаре.

Наконец, в Индо-Китае, где население привыкло на протяжении столетий к полнейшему подчинению, было не особенно трудно набрать многочисленные желтые батальоны.

Но несмотря на то, что их развитие находится в зачаточном состоянии, на полное незнание ими собственного письменного языка,—индокитайские солдаты, по мере продолжения войны, быстро эмансипировались.

В самой Франции в отношении дезертирства арабы были первыми, кто превзошел французов.

Что же касается сенегальцев, то в 1917 году их потери были так велики (холодный климат еще увеличивал число убитых на поле сражения), что их состояние представлялось мало надежным. Один из них, суданец Шейку, раненый два раза в Дарданеллах и награжденный орденом, воспользовался своей высылкой в Дакар, чтобы проповедывать в казармах отказ служить белым; для этого он пользовался гениальным средством: он комментировал коран.

Сейчас он находится на каторге в Гвиане и присужден к принудительным работам. Не надо забывать, что среди французских солдат, оставшихся в Одессе, в апреле 1919 года, были также два сенегальца, которые бились с белыми.

У малгашей, набранных таким же образом, как и сенегальцы, к концу войны также образовались группы недовольных. Жизнь во Франции заставила познакомиться их с эксплоатацией белых. Кроме того, сенегальцы стали получать отпуска в 1917 г., чего малгаши были лишены. Во время союзной оккупации Константинополя в начале 1919 года произошел очень характерный случай—малгашский ад'ютант перед всем батальоном требовал ответа у генерала, почему с малгашцами не обращаются так же, как с сенегальцами. За этим последовало сильное пререкание, вследствие которого ад'ютант был разжалован и брошен в тюрьму.

Индокитайцы мало применялись на французском фронте, во-первых, потому, что их физическая слабость делала из них плохих солдат, а во-вторых, потому, что эти пришельцы из Тонкина могли бы посеять беспорядки.

Вопреки распространенному во Франции мнению, будто туземные войска являются лучшей защитой буржуазии, предыдущие примеры показывают, что эта истина—не абсолютна и что разумная и хорошо проводимая пропаганда могла бы посеять революционное семя в туземных войсках, которые образовали бы во французских колониях стержень, и вокруг этого стержня можно было бы вести не только национально-революционную, но даже коммунистическую пропаганду.



С. Штанько.

Пушечное мясо*).

Во время империалистической войны 1914—1918 гг. Франция взамен отправляемых в Россию снарядов и патронов потребовала посылки во Францию русских солдат.

Русское правительство, несмотря на громадные потери на своих фронтах, вынуждено было посылать русских солдат во Францию для защиты интересов французских капиталистов.

Как же отнесся к отправке во Францию русский солдат или, вернее, русский рабочий и крестьянин, переодетый в солдатскую форму?

Надо не забывать, что о Франции в России в общем и целом писалось и говорилось, как о прекрасной французской демократической республике. Наш рабочий и крестьянин знал, что там рабочие и крестьяне пользуются свободой слова, свободой собраний, свободой союзов и через своих представителей в парламенте участвуют-де в управлении республикой. А раз это так, то почему же русскому солдату, испытывающему бесконечный гнет царизма, и не отправиться во Францию, чтобы хоть капельку, может быть перед смертью, подышать теми свободами, какими пользуется его собрат во Франции.

Далее, солдаты предполагали, что вообще пока доберутся во Францию, то возможно и война кончится, ибо сама подготовка к отправке и дорога должны были занять не менее 4—6 месяцев, а этот срок в военное время весьма значителен.

Эти два момента об'ясняют то обстоятельство, что наши русские солдаты во многих случаях сами охотно из'являли свое согласие к отправке во Францию, а назначенные к отправке не особенно упорствовали.

И мы едем.

Первая дивизия—1, 2, 5 и 6 полки направляются через Сибирь—Владивосток—Марсель, вторая дивизия—3, 4, 7 и 8 полки через Архангельск—Брест (Франция).

После длительных и томительных пребываний на море, наконец, мы во Франции.

Нас торжественно встречают, гремит „Марсельеза", у нас „боже, царя храни", последний до тошноты надоел нам в России, мы жадно ловим звуки „Марсельезы", они нам представляются революционными, воскрешают в нашей памяти славный 1905 год.

Идем по городу. Француженки устилают наш путь цветами, забрасывают букетами колонны, нагружают ими наших „именинников"—офицеров.

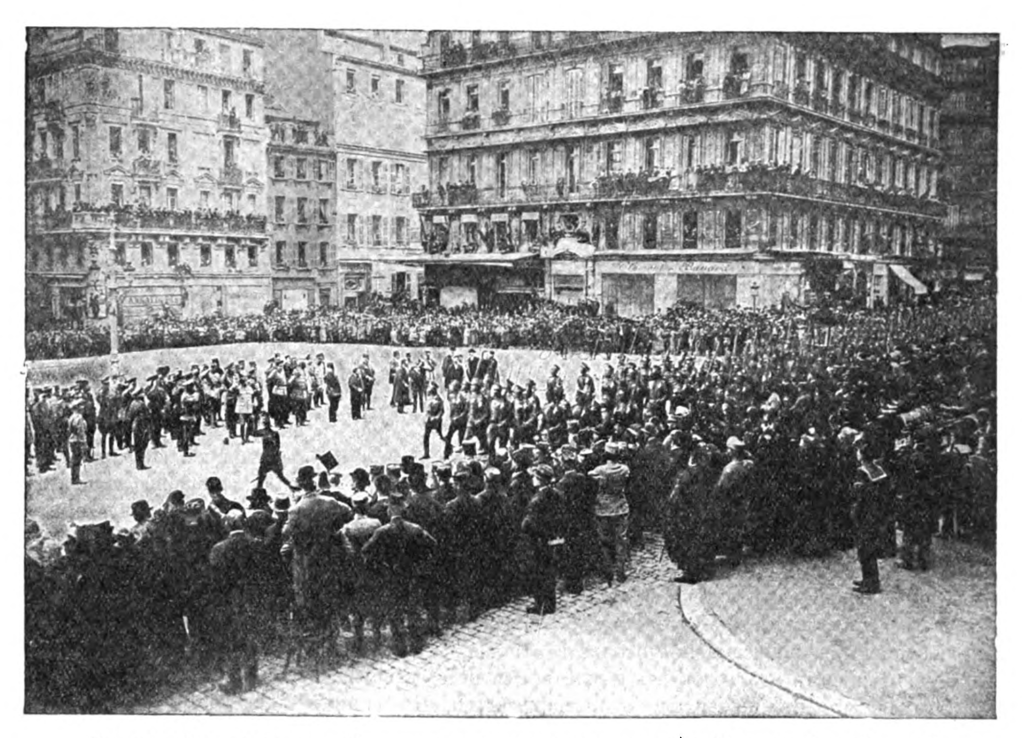
По тротуару снуют взад вперед „цивильные", между которыми мы замечаем значительную часть военных. Солдаты держат себя совершенно свободно, не „отбивают" ногами при встрече с офицерами, не щелкают каблуками и не встают „во фронт" при встрече с генералами. Наоборот, они чувствуют себя совершенно свободно и курят.

Вот она свобода где,—подумали мы. И нам показалось, что мы не ошиблись, поехав во Францию: ведь лучше умереть на полях Франции, за свободу прекрасной Франции, чем умирать в России, защищая деспотизм Николая кровавого.

Это были наши первые впечатления по приезде во Францию. Но не надолго. Наше ложное представление выветривалось по мере того, как мы ближе знакомились с французской действительностью. Отрицательное и самое сильное впечатление мы испытали на отношении французов к колониальным войскам. В Сан-Рафаэле и других местностях мы

---

*) Написано для настоящего сборника. Автор—солдат, отправленный в качестве „пушечного мяса" во Францию и на Балканы. Ред.



Русские войска во Франции. Церемониальный марш на площади перед Марсельской префектурой.

наблюдали, как французский сержант или капрал на занятиях бил сенегальцев палкой, точно скотину. Подобное обращение никак не могло согласоваться с нашим представлением о свободе. Нам казалось, что подобное обращение с цветными войсками хуже деспотического строя царской армии. Ведь если у нас в армии и практиковалась „зуботычина", то она не была узаконена, офицер или фельдфебель проделывали ее на свой риск и страх. А здесь во Франции сержант или капрал выходит на занятия с палкой, которая имеет специальное назначение бить сенегальца, анамита, марокканца, алжирца или тунисца. В данном случае палка имеет такое же значение, как кнут у извозчика.

Мало того, продолжая оставаться дальше во Франции, мы узнаем, что солдат во Франции не только не пользуется политическими правами, но что он не имеет права рассуждать о политике, а сами солдаты, с которыми нам приходилось вести разговоры на эту тему, признавали такое положение вещей вполне правильным.

Уже это мы никак не могли простить французским солдатам. Если царский режим нам запрещал заниматься политикой—нам было понятно, но мы-то сами себе не запрещали. А тут во Франции и правительство запрещает, и солдаты это запрещение признают нормальным.

Вот тут-то мы поняли, что со свободой во Франции не все благополучно, что прекрасная Франция в некоторых случаях „пожалуй" перещеголяла даже царскую Россию. Мало-по-малу мы узнаем, что и рабочих во время забастовок во Франции также расстреливают, как в России.

Первые, опьянившие нас впечатления рассеиваются, и мы убеждаемся, что французская демократическая республика, как и царская Россия, являются ни чем иным, как орга-

низацией насилия над рабочими и крестьянами с той только разницей, что французское насилие более замысловатая, более скрытая форма насилия по сравнению с откровенным деспотизмом царской России.

Этим об'ясняется тот факт, что эмигранты-большевики нашли прекрасную почву для своей агитации среди русских войск во Франции, а также и то, что когда после февральской революции начальство медлило с опубликованием приказов временного правительства, то терпению солдат весьма быстро наступил конец.

Небольшая революционная организация, поддерживавшая связь с эмиграцией через команду разведчиков, проводит по полкам агитацию за выборы делегатов в отрядный Комитет. Делегаты всюду избираются. В последних числах марта происходит первое заседание отрядного Совета Солдатских Депутатов.

Совет решает потребовать от начальства немедленного опубликования всех приказов, полученных из России.

После весьма неприятной встречи генерала Нечволодова с делегацией от солдат начальство вынуждено было дать солдатам все права, завоеванные Февральской революцией.

Офицерство, будучи в своей массе наиболее реакционным элементом (светлейшие князья и т. п.), которому даже буржуазная революция пришлась не понутру, занялось провокационной работой натравливания одного полка на другой, используя для этих целей наименее сознательную часть солдатской массы.

Комиссар временного правительства Рапп, как раз прибывший к этому моменту во Францию, решил своей социалистической головой, что единственный выход из трудного положения заключается в наступлении. Путем наступления этот „социалист" полагал французам угодить и большевистскую крамолу убить.

Французам он угодил, в этом отношении был прав. Была взята сильно укрепленная деревня Курси. Ликованию французского штаба не было конца. Похвалы градом сыпались на головы русского начальства. Но во втором случае Рапп просчитался. Большевистская крамола не была убита. Именно после этого наступления солдаты решают, что за интересы буржуазии они больше умирать не будут, и требуют возвращения на родину.

Полки были сняты с фронта и отправлены в лагерь Ля-Куртин.

Здесь, после того, как начальство попыталось вести занятия в полках, солдаты 21 июля 1917 года постановили: „на занятия больше не ходить и требовать немедленной отправки в Россию".

Это постановление начальством рассматривалось, как полное неповиновение солдат начальству. Начальство стало распускать ложные слухи, провоцируя столкновения солдат между собою.

И 24 июля распорядилось вывести 3-ю бригаду из Ля-Куртина. Ушли офицеры всех двух бригад и человек 700 прихлебателей—денщиков, писарей, фельдфебелей.

В лагере Ля-Куртин осталось 12.000 человек. Ля-куртинцы вначале осаждались социалистами приказами, ультиматумами, но когда эти орудия не прошибли стойкости ля-куртинцев, решено было жестоко наказать „смутьянов".

Керенский по телеграфу приказал ввести железную дисциплину в войсках первой дивизии и в подкрепление приказа высылает из России артиллеристов.

Лагерь Ля-Куртин окружают артиллеристами 19, 78, 82 и 105 французских полков.

Одна дивизия французских войск, направленная для усмирения ля-куртинцев, по пути к Ля-Куртину разлагается, ее убирают и заменяют другой. Когда все было готово к расстрелу, ля-куртинцам предлагают последний ультиматум—до 10 час. утра 3 сентября выйти из Ля-Куртина без оружия. Но гордые ля-куртинцы на сдаются и на глазах смерти.

Наступило роковое утро 3-го сентября. Все выходят на площадь, выстраиваются и с красными знаменами демонстрируют под лозунгом „Стреляйте, палачи! Умрем под красными знаменами".

Стрелка приближается к 10.

Музыка играет похоронный марш.

10 часов... и два снаряда уносят из рядов ля-куртинцев двух музыкантов.

Еще снаряд—и еще трупы. Струится кровь, стонут раненые, а снаряды сыплются еще... и... еще. Щедрый противник не жалеет снарядов.

Три дня длилась осада Ля-Куртина.

Сотни трупов, тысячи раненых. Остальные голодные решают сдаться.

Враг врывается, грабит и избивает беззащитную жертву и в довершение своей жестокости направляет ля-куртинцев на каторжные работы по рудникам и шахтам „прекрасной Франции" и знойной Африки.

Тяжелые условия каторжных работ и знойный климат Африки уносят тысячами в могилу беззаветных героев славного Ля-Куртина. И лишь немногим после мучительных долгих переживаний удается добраться до родных полей, фабрик и заводов в результате переговоров Советского Правительства.

Все вышесказанное относилось к первой русской дивизии во Франции, но была еще и вторая дивизия на Балканах. Дивизия на Балканах прошла тот же путь, но несколько иначе. После Февральской революции начальство, опасаясь во время отдыха оставлять в покое полки, предприняло экспедицию в Грецию и участвовало в свержении Константина, хотя Керенский задним числом и оговаривался, что не будет вмешиваться во внутренние дела Греции. Части войск или же находились в беспрерывном передвижении или отдыхали в разных местах. Это не дало возможности об'единиться. Кроме того, оторванность от всего мира чувствовалась на Балканах весьма сильно. На Балканах не было эмигрантов. Мы вынуждены были пользоваться весьма скудными газетными сведениями и читать их между строк.

Состоявшийся дивизионный С'езд решил послать делегатов в Россию; на-ряду с верноподданническими резолюциями временному правительству была также принята резолюция, требующая возвращения в Россию дивизии. Эта последняя резолюция была единственной, которая разделялась всем отрядом.

В тылу на отдыхе не пришлось долго быть.

Начальство видело, как на отдыхе солдат занимается политикой, решило снова довольно быстро вернуть солдат в окопы. Но дивизия не соглашалась, и только благодаря меньшевистскому составу комитетов удалось уговорить солдат пойти снова в окопы под тем предлогом, что в противном случае наши делегаты не будут пропущены в Россию.

Так и Октябрьская Революция застала дивизию в балканских окопах. В это время был переизбран дивизионный комитет, в котором большинство уже было большевистское. Новый комитет стал настоятельно требовать смены. Кроме того, сами солдаты, находясь в окопах, не подчинялись своему начальству. Они поддерживали перемирие и братались с болгарами. Французское командование, таким образом, вынуждено было примириться с фактическим проведением большевистской директивы о перемирии на одном из участков своего фронта. Но такое положение вещей было невыносимо, т. к. перемирием „заражались" и французские войсковые части. Надо было ликвидировать большевистскую заразу. И французский штаб решил снять с фронта русские части.

Войскам было об'явлено русским начальством, что уходят на отдых в Салоники, а оттуда прямо в Россию. Путь до Салоник далек, а поэтому, чтобы *не нести много, сдайте в обоз винтовки*. Солдаты обрадованные сдали винтовки. Так произошло разоружение дивизии. Безоружных их развели по батальонам в разные стороны Македонии и предложили разделиться на 2 категории: 1-я воевать, а 2-я работать. Но никто из солдат не выбрал ни одной из этих „категорий". Даже артиллеристы, на которых французы не мало надеялись, ибо они во Франции участвовали в расстреле ля-куртинцев, не соглашались ни на одну из предложенных „категорий". Все солдаты, как один, потребовали возвращения в Советскую Россию.

Тогда французский штаб назвал этих солдат 3-й категорией и стал голодом и холодом принуждать к работе. Но когда и эти гуманные меры не подействовали на „варваров“-большевиков, решено было пустить в ход оружие. Пьяная кавалерия зуавов врывалась в русские лагери, топтала, рубила, калечила, убивала беззащитную жертву. После таких приемов солдаты 2-й особой дивизии вынуждены были начать каторжные работы под усиленным конвоем сенегальцев.

И только победа Октябрьской Революции на всех фронтах и успешные переговоры Советской дипломатии вырвали из лап империализма несчастную жертву—русских „каторжан“.



Русские войска в Греции. На главной улице Салоник.

Эдмондо Пеллузо.

Кинтальские дни.

Все словно горело вокруг в то достопамятное апрельское утро, когда мы направились по Летшбергской электрической железной дороге к неизвестному нам еще месту конференции. Время от времени до нас доносились глухие, далекие удары орудий; так нам, по крайней мере, казалось. Действительно, за сотни километров от нас огромные массы людей, французы и немцы, снова схватились в братоубийственной драке, и ужасные машины в несколько минут разрушали то, что люди воздвигали столетиями.

Железная дорога прорезывает залитые солнцем долины; вишни и яблони стоят в полном цвету, прелестное Тунское озеро переливается голубыми оттенками, нежится под лучами весеннего солнца. Мы поднимаемся к снежным вершинам Бернских Альп словно для того, чтобы воздвигнуть там маяк и принести свет утопающему в крови человечеству...

На одной станции, имени которой я не запомнил, Гримм, „командир" нашей экспедиции, велит нам сойти. У станционного здания нас поджидали длинные кареты, род линеек, запряженные четверкой. Когда все мы расположились на местах, и наш странный кортеж двинулся в путь, мы впервые услышали имя, которому суждено было стать историческим: Кинталь, название деревушки, в которой должна была состояться наша конференция.

Наш кортеж нарушил монотонность мирных деревушек Бернского контона. Свист бичей, пыль, поднимаемая нашими тяжелыми колымагами, странный вид путников, не похожих ни на швейцарцев, ни на туристов, все это вызывало своего рода сенсацию. Окрестные крестьяне просыпались от своего столбняка и глазели на наш кортеж почти с таким же тупым видом, как их коровы, которые, прерывая свою жвачку, уставлялись на наш необычайный караван.

После под'ема в гору, продолжавшегося несколько часов, мы прибыли в „Таверну Медведя". Это был небольшой двухэтажный дом с большой верандой, построенный на берегу ручья, спускавшегося со склонов Блюмлис-Альпа. Этот дом соединяла с остальным миром только одна единственная дорога, и до ближайшей железнодорожной станции было несколько часов езды экипажем. Организаторы конференции желали, таким образом, устранить опасность „побегов", которые имели место в Циммервальде и благодаря которым как враги наши, так и правительства разных стран были информированы относительно того, что происходило на наших заседаниях.

„Сродство душ", проявившееся уже при занятии мест в тарантасах, приняло еще более осязательную форму по нашем прибытии на место. Задача Фрица Платтена, который исполнял обязанности мажордома и должен был распределить комнаты, удовлетворив все желания, была не из легких. „Левая" быстрее других успела сформировать свой блок. Ленин и Зиновьев устроились в комнате № 22. Радек и Фрелих в другой комнате; тов. Петрова (Инеса Арманд) взяла комнату смежную с Лениным. Мартов поселился с Лапинским. В этот первый вечер, в субботу, мы жили, как пассажиры на пароходе, не успевшие еще перезнакомиться между собой. Гримм принял все надлежащие меры, чтобы конференция началась на следующий день. И, как бы умиротворенные вечным покоем окружающих нас альпийских ледников, мы рано заснули.

На утро столовая нашей гостиницы была преобразована в залу заседаний. Столы были расставлены в виде продолговатого прямоугольника. Одна сторона, напротив председателя Гримма, была целиком занята итальянской делегацией,—это был богатый репертуар почтеннейших жреческих бород. По левую сторону от Гримма разместились секретари: Балабанова и Нобс. Ленин и его штаб заняли места в углу, на крайней левой. На другой стороне, от Гофмана до Аксельрода, разместились все оттенки Интернационала.

Настроение было несколько торжественное и стесненное. „Возобновление контакта" между французами и немцами, которому мы придавали столь важное значение, шло не без трудностей. Между делегатами этих стран вначале было некоторое недоверие, более ярко оно было выражено у французов. В теории эти люди были интернационалистами, но на деле они более или менее заражены были ядом шовинизма, который с начала войны сумела привить им их буржуазия. Другим большим препятствием был недостаток общего языка. Но время и совместная жизнь должны были побороть эти трудности. Общие трапезы и прогулки незаметно повели к возобновлению контакта еще в большей степени, чем заявления делегатов различных стран.

Обеды прерывали прения и смягчали духовное напряжение. Из всех присутствующих, бесспорно на немцах более чем на других, сказались следы перенесенных лишений. Кинтальские обеды были достаточно обильные и здоровые, но и здесь, как и везде, хлеб выдавался по 250 грамм на человека в день. Французы, как Раффен-Дюжан и Блан, не удовлетворенные этим, обыкновенно пускались в поиски за добавочным куском хлеба и бутылкой вина и, получив их, возвращались с победными криками. Напротив, для немцев трагедия заключалась в том, что их желудки, привыкшие к жалким военным суррогатам, не переваривали здоровой пищи; так об'яснила мне моя соседка, тов. Шуберт, работница-ткачиха из Берлина. Несмотря на весь свой аппетит, она должна была грустно глядеть на свою тарелку, не будучи в состоянии с'есть ее содержимое.

После кушанья следовала непродолжительная прогулка для того, чтобы дать время убрать залу для заседания. На этих заседаниях мы впервые имели возможность наблюдать русских товарищей в их взаимных отношениях. Ленин в своем углу, с книгой в руках и почти всегда стоя, казался часовым, занимающим наблюдательный пост. Он редко брал слово. Обыкновенно он предоставлял Зиновьеву излагать принципы. Как человек, уверенный в своем заместителе, Ленин, несмотря на то, что нос его был уткнут в книгу, внимательно следил за речью; и когда Зиновьев делал какое-нибудь важное заявление, Ленин поднимал глаза от книги, как бы для того, чтобы подчеркнуть это место, и, несомненно, также для того, чтоб убедиться, какое впечатление произвело это заявление.

„Преобразовать империалистическую войну в гражданскую войну"—таков был лозунг левой. Молодая гвардия Ленина с жаром и страстностью выступала на защиту этого положения. Когда они говорили, они имели перед собой стол итальянцев, а несколько дальше вправо — Мартова, Аксельрода и Натансона. Итальянцы, окруженные славным ореолом их оппозиции войне, казалось, играли роль посредников,— их стол находился посредине залы. Несомненно, эти старые социал-демократы и парламентарии, большинство которых после теоретической оппозиции войне уже приняло формулу: „Не потворствовать войне и не саботировать ее", чувствовали некоторое удивление, а также питали некоторый скептицизм, слушая эти речи из уст представителей левой, казавшихся им людьми совсем молодыми и неопытными.

Это впечатление „мальчишек" для убеленных сединой итальянских делегатов еще усиливалось, когда вставал и начинал говорить Фрелих. Этот небольшой человек небольшого роста, с черными глазами и волосами — ему с трудом можно было дать двадцать лет—говорил с таким огнем убеждения, который был необычен для немцев. Когда приходила очередь говорить Радеку, наступала плохая минута для Гримма. Шутки и вечная улыбка Радека исчезали и уступали место менторскому и сентенциозному тону. Сжатая

критика ошибок центра и его наиболее авторитетного дипломата Гримма заставляли последнего проглатывать без протеста упреки его молодого антагониста. Адольф Гофман, старый социал-демократ из Берлина, с прекрасной львиной головой и белой бородой, с могучим голосом оратора на массовых митингах, всегда вносил веселые интермеццо; он говорил о политике и тактике языком берлинских рабочих и в их духе; это было странным контрастом к его наружности важного бюрократа.

Среди немецких делегатов были сильные расхождения, они часто круто брали друг друга „в переплет". Между различными фракциями одной и той же нации было даже больше расхождений—и это вполне естественно,—чем между фракциями одного и того же направления в разных странах.

Но все стычки в лоне различных национальных групп не могли, конечно, сравняться со столкновениями русских фракций. Двумя крупными антагонистами были Мартов и Ленин. Надо признаться, что мы мало понимали крайнюю страстность их вражды, мы высоко ценили их обоих. Тактические и принципиальные разногласия между ними тогда еще ускользали от нас; тем более, отчасти, что крупные сражения в Кинтале возникали по поводам, которые казались незначительными, но впоследствии получали чрезвычайную важность. Я вспоминаю следующий типичный случай: прения возникли по вопросу о том, что Ленин, как утверждал Мартов, пред'являл чрезвычайные требования в пользу партии большевиков на фонд, депонированный под личную ответственность Клары Цеткин; меньшевики утверждали, что ни одна сумма не может быть взята из этого фонда без обоюдного согласия обеих русских партий. Мартов обвинял Ленина. Последний во время прений сохранял чрезвычайное спокойствие, был скорее наблюдателем. После каждого выступления Мартова немедленно брал слово Ленин и говорил дольше, чем его противник. Тогда он являлся нам совсем в другом виде. Когда он спокойно читал книги по греческой философии, в то же время слушая прения, его можно было принять за ученого, за профессора. Но когда, провоцированный Мартовым, он поднимался, чтобы дать ему отповедь, чувствовалось, что этот человек нечто совсем иное. Мыслитель, только что казавшийся совершенно ушедшим в свои мысли и в самого себя, бросался теперь на противника с жаром и силой, чистил его во-всю, бичуя его то насмешкой, то негодованием.

Мартов, столь приятный и увлекательный в мирном разговоре, производил злосчастное впечатление при своих публичных выступлениях, даже перед столь немногочисленной публикой, как это было в Кинтале. Он принимал неловкую позу, которая еще усиливала его физическую нескладность; его заикание, не очень заметное в частной беседе, обострялось, он долго искал слова, вперив свой взгляд в пол, словно ища там вдохновения. Не находя опоры в своих аргументах, он неминуемо выходил из стычки с Лениным—разбитым.

Еще больше портило ему дело, что на помощь ему часто приходил Аксельрод. Истерические взрывы этой фигуры старого апостола, потерявшего терпение, лишь подкрепляли точку зрения большевиков.

Как это часто бывает в важных событиях, возобновление сношений между немцами и французами произошло совершенно неожиданным и оригинальным способом. Однажды Гофман, Шуберт и я, гуляя по горной тропинке, столкнулись лицом к лицу с Бризоном. Он собирал цветки „эдельвейс", имел их полные пригоршни. Гофман, который уже прежде делал дружеские авансы французам, повторил и на этот раз те несколько французских слов, которые он знал. Бризон улыбнулся, а затем, следуя пришедшей ему в голову счастливой мысли, сделал шаг вперед и предложил свой букет шедшей с нами Шуберт, прося меня перевести ей, что этот букет должен запечатлеть сердечную дружбу между французским и немецким пролетариатом. Все пожали друг другу руки, и с этого момента исчезла та стесненность, которая не переставала царить между французами и немцами.

В известные часы дня гора представляла необычайное зрелище. На ее пустынном склоне бродили там и сям по тропинкам одинокие люди, предающиеся своим думам. Впрочем, бывало и так, что группы по 2—3 делегата со рвением карабкались по кручам. На большой дороге Балабанова, которую романтическая обстановка, вероятно, привела в сантиментальное настроение, тщетно упрашивает Кацлеревича спеть ей народные сербские песни, а рядом с ней Гримм распинается перед тов. Робманом, уговаривая его оставить левую и итти с центром...

Кинтальская неделя приближалась к своему концу. Комиссия по редактированию резолюций с большим трудом пришла к соглашению. Левой не удалось добиться торжества ее точки зрения, несмотря на ее ночные заседания, в которых Ленин и его штаб умело составляли систематический план завтрашнего заседания. И здесь также пришлось удовольствоваться компромиссом.

Бризон, которому тезисы казались слишком радикальными, два раза угрожал покинуть Кинталь. Раз он даже привел в исполнение свою угрозу, но, пройдя пешком несколько километров, вернулся. Поэтому с нетерпением ожидали речи, которую он должен был произнести от имени французов; казалось, что после своих колебаний он примкнул к точке зрения большинства. По аномалии истории Бризону выпала миссия быть во французском парламенте главой оппозиции против войны. Его выступления в палате против французского империализма, конечно, не имели ничего общего с оппозицией Либкнехта в рейхстаге, но во Франции, где все были охвачены военным угаром, они приобрели важное значение.

При сравнении между Бризоном и Либкнехтом бросается в глаза громадная разница между обоими этими людьми. Бризон был продуктом мелко-буржуазной среды французской провинции и имел все ее недостатки, он был хороший оратор, цитировал в изобилии классические фразы из Корнеля и Расина. Его политические речи вдохновляли по образцу жоресистской фразеологии. Это был душа-человек, очень культурный, очень комильфотный, но без сильного характера и, несомненно, без революционного под'ема. И вот в одно прекрасное утро он берет слово посреди гробового молчания в зале. Бризон придал своей речи литературную форму, начало его речи встретило сочувствие аудитории, и можно было надеяться, что все будет хорошо вплоть до конца. Но вдруг мы услышали из его уст утверждение, что для французов не может быть и речи о выступлении в пользу мира, пока французскую землю топчет сапог хотя бы одного германского кирасира. Тогда произошел настоящий кавардак. Одним из первых бросился против оратора Серрати, который замышлял расправиться с ним кулаками. Со всех сторон раздавалась брань. Ленин прервал свое чтение, поднялся и, приблизившись к нам, указывая пальцем на Бризона, сказал: „Вот каковы ваши французы". Без сомнения, он хотел этим сказать, что они мало разнятся между собою. С большим трудом удалось Бризону довести до конца свою социал-патриотическую речь, но теперь он избегал уже подобных шедевров.

Усилия конференции снова завязать международные сношения пролетариата и пробудить совесть рабочего класса привели при голосовании резолюций к декларациям почти всех делегатов. Одни находили их слишком умеренными, другие—недостаточными, одни вотировали их с оговорками, другие — с сомнениями. В Циммервальдском манифесте утверждается, что борьба за продолжительный мир должна осуществляться в то же время, как борьба „за осуществление социализма". Кинтальский манифест мог сделать шаг вперед и более ясно сказать, что „речь идет о завоевании власти".

Такими малыми шагами пробивала себе дорогу правда.

Накануне нашего от'езда швейцарские крестьяне устроили нам концерт на своих цитрах. Они пели нам свои меланхолические песни, в то время, когда все в нас дышало верой в победу и стремлением к борьбе, и мы, полные надежд, чувствовали, что этот сделанный нами новый шаг является этапом на пути борьбы за конечное освобождение.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

Н. Смирнов.

(Обзор *).

Мировая война в художественной литературе.

I. На Западе.

Влияние русского Октября в западной литературе.—Война „так, как она есть“—.Э. Толлер и Б. Келлерман.—Лучшие из мещан (Уэллс и Шоу).—Литература молодой Франции.—Голос из-за океана (Уптон Синклер).

Западная художественная литература, посвященная мировой империалистической войне, довольно скудна, но, в то же время, глубоко показательна и интересна. Эта литература, отличающаяся, прежде всего, правдивостью отображения, находится в непосредственной связи с нашей Октябрьской революцией. Октябрьская революция, родившаяся уже на закате, была утренним трубным кличем, призывающим к всемировому пролетарскому восстанию. Клич России, уходящей с кровавых полей, не был услышан на Западе: война продолжалась. Она продолжалась с особенным ожесточением, с особенным упорством, но в этом упорстве и ожесточении нельзя было не заметить перелома, происходящего, опять-таки, под влиянием российского Октября. Влияние Октября сказывалось как в медленном (очень медленном), но твердом революционизировании солдатских масс Запада, так и в той „переоценке ценностей“, которую начала производить наиболее чуткая часть западной интеллигенции.

В первые годы войны на Западе (как, разумеется, и в России) мы наблюдали под'ем патриотических чувств, „трогательный“ союз висельника с приговоренным к повешению и ненависть к „смертельному врагу“, грозящему цивилизации. Трудовые массы, отрываясь от родного очага, безропотно шли на Голгофу, привилегированные классы, под шум боевых знамен, закрепляли свое политическое и экономическое господство, священники благословляли и тех и других, а интеллигенция—ученые, писатели, художники, артисты и т. д.—несли „прекрасной родине“ и „будущему человечества“ благоговейные дары своего творчества.

И если теперь, хотя бы взором „беспристрастного“ архивиста, просмотреть литературу первых лет мировой войны, несмотря на „свежесть предания“, с трудом верится той человеческой лжи, тому нравственному рабству, той ребяческой глупости, которые насыщают эту литературу. А ведь среди ее творцов были мировые имена: Гауптман—в Германии, Эдмонд Ростан—во Франции, Метерлинк—в Бельгии, Леонид Андреев—в России! Все они воспевали доблесть своей (и жестокость „чужой“) армии, все, поднимая тост за торжество „своей“ культуры, пророчили гибель культуре „иноземной“.

Кровавый день войны—наиболее позорная эпоха мировой литературы. Закаты войны—ее постепенное воскресение. Медленно нарождающийся протест против войны, чудовищные, по силе истребления, бои на Карпатах, на Марне, в зеленых равнинах цветущей когда-то Фландрии и нечеловеческие муки закованного в панцырь человечества,—все это стало находить свое отражение в западной литературе лишь начиная с 1918 года, после искупительной бури далекого российского Октября.

Молодая литература Запада присмотрелась к войне „так, как она есть“. Подошла к огненной эпохе со стороны правдивости. Со стороны реализма.

*) Написан для настоящего сборника. Ред.

А если войну, символически изображаемую обычно в образе прекрасной женщины-бойца, освободить от цветного щита, меча и плаща, то получится другой символический образ: скелета с вознесенной косой—образ смерти.

Война, взятая реалистически, без сверкающих на солнце киверов и штыков, без цветов, которыми осыпают уходящих солдат сантиментальные девушки, есть смерть миллионов, гибнущих по воле „избранной“ горсточки человечества: капиталистов. Война за чужие интересы—чудовищное зло, наиболее яркая страница народного бытия в условиях капитализма и империализма. Солдат на войне не романтический витязь, для которого весь мир сомкнут в острие золотого копья, а только несчастнейший, доведенный до первобытной дикости человек.

Это очень хорошо выражено в стихах французского поэта Анри Жака, поэта, если и не выдержанного до конца, то все же сумевшего дать верные картины фронтовой жизни.

Шипит очаг. И дым, как змеи,
Полезет наружу из траншеи.

Солдаты грезят по углам—
Тела их здесь, а мысли там.

Щетиной обросли все лица,
И по одеждам грязь струится.

К ним густо, с головы до ног,
Прилипли глина и песок.

Война корявыми руками
Их вылепила в этой яме [1]).

Тем же чувством отрешенности и обреченности, а вместе с ними (или, вернее, логически вытекающим отсюда) горячим протестом против войны—проникнута и вся западная литература последних, 1918—24 годов. Оговариваемся: вся—в смысле отображения войны, ибо развитие западной литературы последних лет идет по нескольким и, при том, перпендикулярным линиям,—вплоть до предвоенного упадочничества и стремительного усиления авантюрно-кинематографического романа.

Однако, нас интересует область современной „батальной“, в данном случае становящейся антивоенной, литературы. Обратимся к ней.

При ознакомлении с ней бросается в глаза крайне неравномерное распределение ее по странам, принимавшим участие в мировой империалистической войне.

Побежденная, экономически-оккупированная Германия, поспешно превращаемая в душистую трубку генерала Дауэса, чрезвычайно скудна в отношении интересующей нас литературы. Здесь можно остановиться лишь на двух именах: Бернгардта Келлермана и Э. Толлера.

У Э. Толлера, впрочем, нет произведений, непосредственно отразивших мировую войну он писатель революции, проповедник (и участник) рабочего восстания. Писатель, на которого с надеждой смотрит будущая советская Германия. В творчестве же Келлермана мы находим написанный с большой художественной силой роман „9 ноября“.

„9 ноября“—день германской революции. Германская революция, недостигшая того размаха, к которому она устремлялась, была сдержана отчаянными усилиями социал-демократии.

Ее подготовка—война—и составляет основу романа Келлермана. Конечно, Келлерман не заметил движущих сил революционной подготовки: пролетарских масс (в этом недостаток романа), но в смысле характеристики привилегированных и промежуточных слоев Германии в эпоху войны „9 ноября“—ценнейшее литературное явление. Центральными фигурами романа являются генерал, „герой“ „Горы четырех ветров“, „Дора—его любовница“, представительница аристократии, сын генерала Отто (офицер), дочь Руфь, становя-

[1]) Из журнала „Современный Запад“, книга первая (пятая), 1924 г., стих. „Играй гармоника“, перевод Луи Шенталя. *Н. С.*

щаяся революционеркой, и солдат-революционер Аккерман. Роман захватывает вторую половину войны, изображая то фронт, то тыл, уже расшатанный и экономически недееспособный, дает ряд широких и весьма показательных картин Германии 1916—18 г.г. Несколько вводных сюжетов (любовь, отцовская скорбь об убитом сыне и т. д.) придают роману необходимую целостность и стройность. Роман звучит радостно и бодро — надеждой на будущее: он заканчивается днями революции.

Если от Германии перейти к Англии, одной из могущественных капиталистических стран, то и здесь та же литературная скудность: только Герберт Уэллс и Джон Досс Пассос могут задержать внимание читателя.

Уэллс — один из наиболее талантливых писателей современной Англии. Но он (как и другой, не менее крупный писатель его нации—Бернард Шоу) в полной мере сохранил типические черты консервативнейшего из мещан—бритта. Черты эти суть: ограниченность взгляда и пытливости, гордая окаменелость в рамках национализма и бессознательная преданность основным государственным традициям. Конечно, и Уэллс, и Шоу—наиболее чуткие люди среди английской творческой интеллигенции, но все-таки только лучшие из мещан. Они блестяще доказали это на примерах, относящихся к нашей пролетарской революции. Кокетливо-революционный в своем творчестве, Шоу совершенно не разбирается в политическом существе СССР: его письмо в редакцию „Известий ЦИК СССР и ВЦИК“ (№ 295, 1924 г., 25 декабря) принадлежит к классическим образцам тех суждений о пролетарской революции, которые можно услышать от каждого начитанного британского обывателя. Уэллс, писатель с огромной фантазией и большим художественным чутьем, смотрит на Россию все теми же прищуренно-самоуверенными глазами творческих „столпов“ своего отечества: нарисованный им портрет Вл. Ильича Ленина („Кремлевский мечтатель“)—замечательный документ мыслительной застылости цивилизованного (и пытливого) мещанина. Так же, приблизительно, подошел Уэллс и к войне. Его книга „Мистер Бритлинг и война“ проникнута тем характерным для Англии пацифизмом, который при реализации в жизнь—в политике—приобретает изумительные ханжество и лживость. В книге много философически-непротивленческих рассуждений, много сантиментальных вздохов у весело горящего камина, но нет главного: правдивого отражения военных лет. Книга для русского читателя неприемлема.

Гораздо значительнее и интереснее роман Джон Досса Пассоса „Три солдата“, где в простой форме, в форме непрерывной, изо-дня в день, зарисовки — дан быт английской армии, сражающейся во Франции. В романе очерчены и горе, и мимолетная солдатская радость, и бивуак, и битва,—Пассос, писатель молодой, но уже достаточно зрелый, обладает несомненным реалистическим чутьем и мастерской кистью.

Переходим к Франции. Ее литература, отражающая империалистическую войну, особенно богата и чрезвычайно ценна. Барбюсс, Ж. Дюамель, Р. Роллан, М. Мартинэ, Поль Рейналь, Р. Лефевр и П. Кутюрье, Сириль Берже, Ренэ Аркос— в беллетристике; Анри Гильбо, П. Жув, Новль Гарнье, Анри Жак—в поэзии,— все это имена, теснейше связанные с художественно-преображенной военной эпохой.

Анри Барбюсс—автор романов „В огне“ и „Свет“—давно и хорошо известен революционной России. Романы Барбюсса — лучшее из всего, написанного о войне: они овеяны великой ненавистью, направленной против господствующих классов. В этом их величайшее (общественно-революционизирующее, а проще, агитационное) значение. Будучи в то же время большим художником, Барбюсс придал своим романам особую убедительность и силу. В этом их литературная ценность.

А агитируя — силой художественного таланта — против войны, писатель наметил и ее исход: пролетарскую, коммунистическую революцию. В этом их право на длительное будущее.

Романы Барбюсса (как, впрочем, и все действительно художественное) очень просты:

в них даже фронтовая повседневность—во всей ее невысказываемой жути, с атаками, с ревом артиллерии, с тысячами убитых и раненых.

Изумительная четкость рисунка и непогрешимая правдивость заставляют прочитывать их с особенным, редко испытываемым волнением.

С неменьшим волнением прочитываются книги Жоржа Дюамеля — „Цивилизация" и „Жизнь мучеников".

Дюамель — писатель вдумчивый и острый: в „Цивилизации" он дал блестящую фигуру человека, гневно обрушивающегося на мнимые (в условиях капитализма) культурные достижения,—человека с теплым, отзывчивым на чужие страдания сердцем. Дюамель—наблюдательный, талантливый бытописатель: несмотря на то, что в его книгах нет центрального рисунка войны — фронта, он захватывает читателя. Лазареты, длинные белые коридоры, бледные тени в белых халатах, койки, и на койках — выздоравливающие и умирающие люди, — вот темы его, таких же жутко-простых, как и у Барбюсса, рассказов.

От рассказов Дюамеля веет высокой человечностью (в лучшем, подлинном ее смысле), величайшей мукой и непрерывной напряженностью. Они исключительно правдивы и искренни.

Искренность — одна из отличительных черт и следующего, очень большого писателя Франции — Р. Роллана. Но в лице Роллана мы сталкиваемся с писателем уже другого толка, с писателем-непротивленцем, с писателем в своей политической позиции довольно близко соприкасающимся с Л. Н. Толстым. Роллан находится „в стороне от схватки", конечно, не приемля ее. Непринятие же войны у Роллана исходит из той ее неправоты, которая противоречит христианской совести и творческому разуму человечества. Нужно противодействовать войне — междунациональным сговором, призывом к людской справедливости, к единению всех членов человеческого общества. Роллан, разумеется, не признает борьбы классов. И, в то же время, понимает лицемерие империализма, ведущего войну. Получается неясность и двойственность, на практике приводящая, обычно, к дверям Лиги Наций, украшенным изображением ангела... с бандитским кинжалом под белоснежным плащом.

Печать двойственности и неясности лежит на всех произведениях Роллана, посвященных мировой войне. Особенно заметно это в романе „Клерамбо", герой которого известный литератор, становящийся, под влиянием войны, „пораженцем", погибает от милитаристической пули. Заметно это и в пьесе „Лилюли". Пьеса выполнена блестяще — ее аллегории, особенно „галлипулеты" (французы), „юрлюберлоты" (немцы) и „прекрасно сохранившийся старик" (господь-бог)—полны живости и иронии, но борьба между „добром" и „злом" не доведена до необходимого, логического конца. У Роллана, конечно, нет прямых и отчетливых выводов. Он весь — в смущенной нерешительности и половинчатости. Это—Макдональд, в приложении к литературе, хотя с более заостренным политическим восприятием.

Дальше — М. Мартинэ и Поль Рейналь. Их пьесы („Ночь" и „Могила солдата" [1]) имеют много линий соприкосновения и родства. Обе насыщены чувством великого страдания и, вместе с ним, неослабевающей надежды. Презрение к войне — отличительная особенность обеих пьес.

Солдат Поля Рейналя говорит:

> — Война потеряла свое обаяние. Ее изображали жестокой и величественной, в пурпуре крови и огня. Она восходила над землей, как черное солнце. Сейчас ее называют настоящим именем: западня. Тупая, нудная, отвратительная западня... Она не пугает меня, она внушает мне омерзение Я участвую в ней и презираю ее.

---

[1]) „Могила солдата" напечатана в журнале „Звезда" (№ 3, 1924 г.). *Н. С.*

Солдат Мартинэ (Ледрю) шлет войне горячие проклятия:

— Пять лет полнейшего отчаяния, обманутых надежд
И смерти. Скорби безысходной и тоски.
Неумолимых разрушений жизни.
И нищеты с ее тяжелым кулаком, все тяжелее,
Все ниже, ниже пригибавшим человека к высохшей земле,
тощающей все больше.
Ах человек! Несчастное животное. Во что же верить?
Чего хотеть тебе? И как хотеть?
Ты вдруг бросаешься в порыве, да, в отчаянном порыве, вне себя,
Из судорог страданья
На тех, кто друг тебе,
На тех, кто враг тебе,
На самого себя.

И снова, сонным зверем пресмыкаясь, ползаешь в грязи.

Однако, отчаяние — не особенность „Ночи", заканчивающейся поражением восстания. Нет отчаяния и у Поля Рейналя. Обе пьесы звенят, как рог призыва — к революции. Неизбежность победоносной революции,—революции, как освободительницы от рабства, а, вместе с ним, и от войн,—таково итоговое впечатление обеих, выразительно-художественных пьес пробуждающейся Франции.

Остальные писатели рассматриваемой нами группы (Р. Лефевр и П. Кутюрье, Ренэ Аркос, Сириль Берже) находятся все в том же творческом родстве.

Р. Лефевр и П. Кутюрье — авторы книги „Солдатская война". Книга разбита на ряд безыскусственных (непререкаемо правдивых) очерков, отчетливо и ярко воспроизводящих жестокие будни фронта и переживания человека-труженика, одетого в боевую шинель. Простая, понятная массовому читателю книга.

Прост и понятен и роман Сириля Берже „В то время, как он сражается". Роман охватывает две противоположные жизни: боевой фронт и спокойный тыл. В центре романа — фигура солдата, выброшенного из привычной бытовой обстановки. Она выдержана с большой художественной и психологической силой.

Рассказы Ренэ Аркоса („Злые годы") отличаются от только-что упомянутых более широким бытовым (и территориальным) охватом—в них, на-ряду с изображением боевого солдата, находим и другие, еще не забытые современниками фигуры: социал-патриота, спекулянта, революционера и т. д., и т. д. Рассказы написаны с удивительной заточенной остротой: они—прямой обвинительный акт против капиталистической культуры.

Кроме этих писателей отметим Тьерри-Сандра, роман которого „Жимолость" получил в 1924 г. Гонкуровскую премию. Роман навеян войной—изображает солдата в послевоенной обстановке. В русском переводе романа еще нет.

Вот то, наиболее характерное, что есть во французской литературе, посвященной мировой войне. Она — эта литература — очень значительна, роль ее — благодарна и благотворна. В эпоху подготовки новых империалистических войн, она на-ряду с другими агитационными средствами, призвана раскрыть перед широкими народными массами истинную сущность войн, ведущихся по воле буржуазии.

Ту же роль должны выполнить и книги американского писателя Уптона Синклера: „Джимми Хиггинс" и „Сто процентов". Эти книги, кстати, единственные книги, отразившие участие Америки в мировой войне. Америка, финансовый гегемон Европы, в литературном отношении вообще — одна из беднейших стран. Но зато книги Синклера— подлинное богатство мирового пролетариата: их язык интернационально прост, а фигуры Джимми и капиталистических чудовищ — живые, вдохновляющие на социальную борьбу.

Книги Синклера занимают, безусловно, одно из первых мест в современной пролетарской литературе. С отрывка из Синклера мы и начнем приводимые ниже иллюстрации нашего обзора.

Железо и кровь.

Образцы западной литературы о войне [1]).

Буржуазия обрабатывает солдатские головы

Глава из романа У. Синклера „Джимми Хиггинс".

По вечерам устраивались сеансы кинематографа, концерты, лекции, при чем, разумеется, почти все они избирали своей темой войну. Они происходили в огромных залах, выстроенных С. М. Х.—организацией, к которой Джимми питал самое искреннее презрение. Он смотрел на нее как на хитрую затею, придуманную эксплоатирующими классами с целью научить покорности своих рабов, носящих крахмальные воротнички. Джимми был приглашен на одну лекцию и от скуки пошел на нее.

Выступал сержант Эбенезер Коллинс, привезенный из Фландрии, чтоб порассказать „зеленой молодежи" о коварстве гуннов. Сержант Коллинс говорил на каком-то чудном наречии, которого Джимми никогда раньше не слыхивал и не все сказанное на нем мог понять. Однако, это только помогло убедить его в том, что сержант этот—самый настоящий: ведь никто, вероятно, не сумел бы так подделать его произношение!

— Ежели вы попадаете теперь в Ипр,—говорил оратор,—так вы там видите старых седовласых дам и ребятишек, которые ходят белые, как упокойники; вы им говорите: „Удирайте-ка по-добру, по-здорову, гунны могут пожаловать сюда на завтра", а они не уходят, потому им некуда итти-то!

Но несмотря на трудности иностранного языка, можно было понять, что этот говорящий на лондонском жаргоне сержант — настоящий мужчина. Во-первых, у него было чувство юмора; он сохранял его среди ужаса и смерти,—сохранял его, простаивая ночи напролет в окопах, наполненных холодной, как лед, водой, и чувствуя, как ледяная вода заливается ему за воротник. Затем у сержанта было чувство чести: есть вещи, которых он не может сделать какому-нибудь гунну, даже если такой гунн и может сделать их ему, сержанту. Во время заседаний местной лисвильской группы Джимми слышал возбужденные споры о том, действительно ли союзники несколько лучше германцев; например, стали бы союзники топить пассажирские пароходы, имеющие на борту женщин и детей, если бы это было необходимо для того, чтобы выиграть войну. Сержант Коллинс не обсуждал этого вопроса, он просто проявлял себя в качестве бойца.

— Все дело тут в том, что мы играем по правилам, а они—нет,—заметил он.—Если же вы играете по правилам, то должны играть честно.

Три года и восемь месяцев Джимми слушал рассказы о жестокостях и три года и восемь месяцев отказывался в них верить. Но вот лондонский сержант рассказывает об одном своем сотоварище, который был ранен во время ночной атаки гуннов, при чем сержант пытался вынести его и должен был бросить; на рассвете они пошли в контр-атаку и снова заняли деревню и там нашли товарища сержанта еще живым, несмотря на то, что он был пригвожден к дверям риги штыками, пронзившими ему руки и ноги. Когда сержант закончил этот рассказ, по комнате пробежал тихий ропот и две тысячи юношей сжали кулаки и стиснули зубы, чувствуя себя готовыми к выполнению своей тяжелой работы во Франции.

— Как-раз теперь,—сказал сержант,—германцы производят самую отчаянную атаку в эту войну. Британцы попали в ужасное положение и прижались спиной к стене. Решение зависит от солдат, находящихся в американских военных лагерях. Никого, кроме них, нет,

---

[1]) В настоящих отрывках мы, отступая от распорядка перечисленных в обзоре авторов, придерживались иной системы: начав с тыловых зарисовок, закончить картинами боя. *Н. С.*

чтобы притти на выручку, чтобы спасти остальной мир и не дать ему пасть под копыта чудовищ-гуннов. Сделают ли они то, что от них ожидают? Джимми Хиггинс услышал ответ двух тысяч молодых глоток, и пацифист в нем ушел глубже в свою раковину и скрылся из глаз.

Но пацифист не умолк навеки. Война, это — зло! Война, это — зло! Для человеческих существ, это — гнусный и скотский способ улаживать свои несогласия. Если люди еще не настолько умны, чтобы внимать голосу рассудка, то все же, даже и в этом случае для войны нет никаких оправданий! У каждого человека должны быть принципы, и он должен крепко стоять за них, — как же иначе он сможет заставить мир пойти по указанному им пути? Да, война, это — зло! Но тем временем война пришла сюда и ей нельзя положить конец, продолжая называть ее злом! Какого же чорта прикажете тут делать?

В Англии.

Из книги Ренэ Аркоса „Злые годы".

Фолькстон, кирпичные дома, арабески чаек, синезеленое море и тяжелые облака, покачивание леса мачт, клубы дыма, железные корпуса судов и целый питомник барок, закопченных, как старые глиняные трубки; Фолькстон, старинный, пожелтевший в папке эстамп.

Птилуи без особого труда преодолел ряд последовательных препятствий, воздвигнутых перед иностранцами-путешественниками. Пощупали у него пульс, осмотрели язык. Потом ему пришлось ответить на несколько коварных вопросов и едва не суждено было застрять среди хитросплетений последней заградительной сети; в конце-концов его пропустили — такая, мол, мелкая рыбешка!

Charing Cross! Лондон. И тотчас же военный оркестр:

**It's a long, long way
To Tipperary.**

Толпа движется так, словно город, накренившись набок, заставляет всех жителей скатываться в одну сторону. Возглавляемая трубачами, проходит церемониальным маршем длинная колонна только что навербованных добровольцев; на большинстве этих юношей, розовых, словно иоркширский окорок, красуется плоская, солдатская фуражка. Птилуи замечает, что у многих из них брюки засучены и вправлены в чулки. Со всех улиц сбегаются поглазеть на шествие и остаются на краю тротуара, не трогаясь с места, не говоря ни слова. Они шагают, ударяя ногами и размахивая руками. Конные стражники на часах перед зданием морского министерства, в сверкающих шлемах и с копьем в руке, похожи на невозмутимые изваяния всадников. Поодаль, у подножья Нельсоновской колонны, забравшись на пушку, отбитую у немцев, и размахивая национальным флагом, сержант-вербовщик вносит смятение в умы прохожих. Все „buses" [1]) кидают тут же призыв, набранный двухфутовыми буквами: „Your country wants you".

И афиши, налепленные на стекла магазинов, неустанно повторяют: „Записывайтесь в армию сегодня же. Не ждите завтрашнего дня". „Идемте вместе с нами служить под национальным флагом". „Ваш король и ваши товарищи зовут вас".

На зеркальных стенах бара, куда приказчик или служащий заходит выпить свой стакан эля, в коридорах мюзик-холла, посреди газеты, которую вы только что развернули, всюду одни и те же слова подстерегают взор того, кто до сих пор говорил „нет".

---

[1]) Сокращенное „omnibuses"—омнибусы. *Н. С.*

„Нужна большая способность к сопротивлению, подкрепленная солидными доводами, чтобы устоять в течение долгого времени против столь сильного натиска",—думал Птилуи. Но по прошествии нескольких дней он уже начал сомневаться в могуществе всех этих немых приглашений. Афиши в конце-концов только бумага с типографским набором, а глаза, с другой стороны, смотрят лишь на то, на что им желательно.

Однако, свеже навербованные рекруты ежедневно дефилировали по центральным улицам города, демонстрируя тем самым, что эта система достигает цели, по крайней мере, частично.

Птилуи по целым дням бродил по городу в дождь и туман, к вечеру становившийся еще более холодным и пронизывающим. Молодой художник уже завел знакомства в самых чуждых друг другу кругах. Эти люди с беглым взглядом и малоподвижным лицом, умевшие улыбаться, но почти никогда не смеявшиеся, скупые на жесты и столь самоуверенные, в первые дни немного удивляли его. Даже их энтузиазм был холоден и методичен. Птилуи видел, как войска, несколько полков, приветствовали на маневрах генерала, портреты которого печатались во всех журналах; люди хором издавали возглас: „Хип! хип! ура!"—размахивая фуражками, все одновременно опуская и подымая руки, словно какие-нибудь автоматы. Народ, упоенный постоянным успехом, чуждый смирения других народов, воспитавшихся в страданиях и неизбывном страхе, сангвиническая нация победителей и богачей, торговцев и игроков, столь великая и столь односторонняя,—самое необыкновенное шествие поэтов и ни одного музыканта,—вся сотканная из противоречий: трэд-юнионы и парик лорд-мэра,—спящая мирным сном в сознании своей безопасности и раздираемая сомнениями, трезво-рассудительная и вся содрогающаяся от неопределенных тяготений нация, из недр которой вышли оба Вильяма [1]). Впервые после долгого периода безопасности угроза приблизилась к устьям твоих рек, к твоим мысам и островкам! Она бродит по ночам у твоих дельт и осмеливается вытягивать шею по направлению к твоему сердцу: оно привлекает к себе врага. Но тревога застает тебя исполненной, кажется, еще большей решимости, чем прежде, и ты подчиняешься дисциплине, с которою никогда не хотела примириться. В этом беспримерном в истории столкновении, главным образом, две воли противостоят одна другой: твоя, древняя и непреклонная, твоя—и молодая, изворотливая, но тоже остервенелая—воля твоего ныне проклятого двоюродного брата.

„Англичанин,—думал Птилуи,—не требует для себя первого места; он просто занимает его без всяких церемоний, если оно еще хоть немного свободно, и затем уже ничем его оттуда не выживешь. Он это делает без всякого бахвальства, как нечто совершенно естественное. Вот он плотно уселся, точно прирос к сиденью; он набивает свою трубку и разворачивает газету. Могут пройти века—они не внесут никаких изменений в создавшееся положение".

Но кто не видал англичанина в его домашней обстановке, совершенно не знает его. Гостеприимный, как нигде в Европе, за исключением, быть может, захолустных уголков нашей Бретани, изысканно вежливый, он простирает свою предупредительность вплоть до отгадывания желаний своего гостя.

— Эта война только очень тяжелая партия в „rugby",—говорил Птилуи выздоравливавший начальник конного обоза, и несколько минут спустя:

— А могла бы быть славная штука! Но эти свиньи-немцы умудряются портить все на свете. Тот вид войны, который им по душе и который они осуществляют на деле, гнусен и бесчестен.

Толстые чайки покачивались на серых водах Темзы. Лондонская Башня и Бэкингемский дворец, словно призраки зданий, маячили в тумане.

---

[1]) Вильям Питт Старший и Вильям Питт Младший—(отец и сын)—известные британские государственные деятели. (Прим. пер.).

В своей просторной, увешанной коврами мастерской художник-кубист, с утра до вечера не выпуская палитры из рук, работает над огромным панно, на котором, по воле незримого жонглера, кружатся во всех направлениях каски, сабли, мундиры, полевые бинокли, хлопья дыма и обрывки пейзажа.

— Вот, что навело меня на мысль сделать этот холст,—говорил он Птилуи, показывая ему небольшой снимок, воспроизведенный английским иллюстрированным журналом и изображавший германский главный штаб, занятый наблюдениями на холме.—Меня сразу поразило расположение об'емов, и я подумал, что из этой прелестной картины можно было бы кое-что извлечь. Сюжет сам по себе имеет весьма малое значение для современного художника, для которого он только предлог. Чистая живопись, наотрез отказывающаяся вдохновляться литературою или анекдотом, лишь запечатлевает на холсте группу плоскостей и об'емов—в порядке, подсказываемом законами самой живописи. Личность художника проявляется в собранности и уверенности его письма, а также в искусстве, с каким он умеет располагать материал своей картины. Установить точное соотношение между плоскостями и об'емами, для каждой красочной поверхности найти сопутствующую ей дополнительную тональность, не выпуская при этом из виду общего колорита,—в этом вся задача. Великая опасность, угрожающая живописи, как и в прошлом, это всегдашнее искушение со стороны внешней живописности. Вы не поверите, как нужно быть настороже, чтобы не поддаться этому соблазну. Я признаю только строгое искусство, свободное от всякой шаловливой любезности и низкой лести по адресу невежды.

* * *

Война не заставила англичан утратить всякое критическое отношение к событиям, и последние комментировались ими с об'ективностью, изумлявшей Птилуи, гражданина страны, где терпели только грубый оптимизм. „Это будет длинное, длинное путешествие“,— распевали солдаты, сразу почувствовав размеры драмы. „Мы не питаем честолюбивого и бессмысленного намерения раздавить Германию,—сказал один из министров,—и мы сочтем себя удовлетворенными в тот день, когда нам удастся привести ее к невозможности осуществить свои планы“. Разные лица и даже многие из офицеров не скрывали своих опасений. Эта война выказала себя с ужасной стороны, могла затянуться на годы, и надо было учитывать всякого рода неожиданности. Приходилось иметь дело с врагом чудовищным, упорным, как никто, и не считающимся ни с какими препятствиями. Говоря по правде, этот образ мыслей, позволявший некоторым лицам хладнокровно заглядывать в глаза всему худшему, что могло произойти в будущем, этот образ мыслей был, по преимуществу, щегольством, некоей высшей утонченностью. Он не был традиционно свойственен английской нации и потому не мог быть искренним. Однако, Птилуи восхищался этой замечательной, основанной на проницательности и стыдливости осторожностью, которой, правду сказать, кое-где слишком уж не хватало.

* * *

Как-то после обеда Птилуи, фланируя вдоль Tottenham Court Road'а, неожиданно столкнулся с этим человеком, которого он чтил и любил больше всего за его доброту и гений, с этим столь юным стариком, в настоящее время самым крупным поэтом в Европе. Покинув свой домик, он бежал из Бельгии, как только на ее почву ступил сапог вторгнувшегося врага. О, разумеется, этому старцу нечего было опасаться тех, кто сами всячески его прославляли и считали одним из своих; если он решился бежать, это было скорее потому, что он не пожелал испытать на себе их предупредительность, представлявшуюся ему чем-то еще худшим, чем их насилия. Не захватив с собой ничего, он сел с женою на последний пароход, отправлявшийся из Бельгии в Англию.

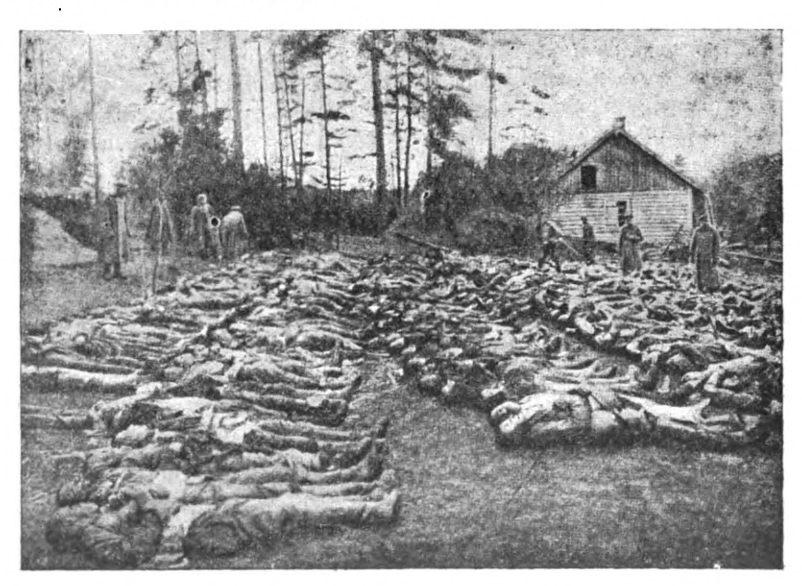
— Да, я верил в них; я их любил и восхищался ими. Они обманули мое доверие, как обманули доверие всей Европы. Они порвали договор, делавший сестрами все нации Запада. Они научили меня ненависти, и этого в особенности я не могу им простить и не прощу никогда. Я, всю свою жизнь проповедывавший любовь между людьми, жалость, прощение, я теперь ненавижу всеми силами души. Быть может, я ошибаюсь; жестоко

оскорблённый в своей вере и своих привязанностях, я, несомненно, плохой судья, тем хуже: когда впервые в жизни начинают ненавидеть в моем возрасте, ненавидят уже до последнего дня. Теперь я упрекаю себя в том, что прежде я слишком их любил. Я уже ничего не вижу в них, кроме их дурных сторон и преступлений. Динан, Лувен, Ипр... и прочее. Как забыть об этом? Как еще можно терпеть прикосновенье руки, осуществившей все эти деяния? Даже если бы когда-либо удалось доказать, что ответственность за войну не целиком ложится на них, разве тем самым были бы заглажены их бесчестные поступки? Они сожгли за собою мосты, уничтожив всякую возможность примирения в будущем.

С чувством скорби, от которого он не мог освободиться, выслушал Птилуи эти пылкие жалобы и впоследствии не один раз мысленно возвращался к ним. „Что за мрачная эпоха,—думал он,—что за времена, когда все тот же недуг изо всех сил старается сразу уничтожить все, что терпеливо создавала любовь на протяжении этих прекрасных лет, которым мы не знали цены! Ненависть в сердце такого человека!—не было ли это признаком непоправимой, со дня на день увеличивавшейся разрухи, на которую почти всюду упорно старались закрывать глаза?".

Нежное сострадание ушло из мира, и он предоставлен на растерзание хищникам еще надолго, быть может, навсегда.

Однако, не мало людей упорно верило и надеялось, не мало людей продолжало призывать бога доброты и всепрощения. В самой мрачной части улицы, где в продолжение дня Птилуи видел длинную вереницу riflemen'ов [1]), в этот вечер теснилась под дождем кучка мужчин и женщин, певшая под аккомпанемент непередаваемо-грустной музыки хвалебные псалмы богу милосердному и справедливому. Несмотря на печальное время и обстановку, несмотря на скудость освещения, уродливость мокрых стен, несмотря на леденящий туман и грубый камень мостовой, в этой маленькой толпе чувствовалась не одна только скорбь и покорность судьбе. Головы были низко наклонены, но от этих оцепеневших тел все-таки исходило какое-то пламя, маленькое тусклое трепыхающееся пламя, готовое вот-вот угаснуть в окружающем враждебном тумане, но древнее и упорное, как человеческая вера, пламя достаточно волнующее, чтобы заставить позабыть о смешных и ненужных в этой обстановке мундирах.



Жертвы газовой атаки икскюльского укрепления 25 сентября 1916 г.

[1]) Riflemen—карабинеры, стрелки. (Прим. перев.)

В резерве.

Из книги Сириля Берже „В то время, как он сражается“.

Они стояли в резерве позади Вердена.

Чудовищная атака, которую повел кронпринц, поглотила уже не мало полков.

Получив в свою очередь приказ спуститься к Маасу, они остановились километрах в двадцати за цитаделью, ожидая, чтобы их послали за линию огня.

Наступила ночь, и их согнали в овчарню, где могло поместиться не более пятидесяти овец. Противный запах вымокшей кожи примешивался там к застарелым запахам шерсти и навозной жижи.

Сквозь раз‘ехавшиеся драницы крыши виднелись звезды, дрожавшие в морозном небе.

Днем, сквозь частые щели глинобитных стен виднелся снежный простор, местами из‘еденный черной проказой.

Выдалось несколько солнечных дней.

Затем погода омрачилась.

Однажды утром небо загромоздили огромные тучи и разорвались под бичами шквалов. И место расположения войск сразу обратилось в огромную трясину.

— Готово,—сказал Арсен.—Нет даже уголка, чтобы присесть.

— А я утверждаю, что все идет как следует,—громким смехом ответил Патийон.—Скоро вода дойдет нам до шеи. И тогда—конец войне.

А пушки продолжали грохотать.

Казалось, словно рычит какое-то чудовище, спрятавшееся за горизонтом.

То был широкий и беспрерывный гул, окутывавший вас, как ветер, с головы до ног, потрясавший, проникавший насквозь и приводивший в дрожь сердце в груди.

И просыпались, и засыпали под этот гул.

Это было что-то такое же верное, как восход солнца или наступление вечера.

С течением времени они привыкли к этому беспрестанному грохоту. Они его не слышали, как не слышит моряк вечной жалобы моря.

Только лай больших калибров еще мог вырвать их из оцепенения.

Тогда они, ни слова не говоря, смотрели друг на друга.

Бывают минуты, когда люди так смотрят друг на друга и понимают один другого.

Они знают, что накануне вогнали в горнило полк, где он крутится вместе с другими. И они думают о том, что и их очередь приближается.

На некотором расстоянии от стоянки выделялось на небе широкое плоскогорье.

Движимые непобедимым любопытством Арсен и Патийон иногда взбирались на него.

У их ног лежала затопленная равнина, где на бесчисленных деревянных мостах кишмя кишели войска. Дальше—Верден, с его двухбашенным собором, уже раненым в абсиду. А за Верденом—поле сражения.

Аэропланы танцовали в облаках, вздрагивавших от беспрерывных вспышек света, так пляшут летом в грозовом воздухе рои мошек.

Когда наступал вечер, уже нельзя было различить, багровеет ли небо закатом или огнем пушек.

И Патийон, вспоминая, что говорил в окопе Белланже, готов был поверить, что он находится у входа в ад.

Иногда случалось им видеть возвращение тех, кто дрался там.

Они шли беспорядочной толпою, без оружия, без мешков, спотыкаясь на каждом шагу, угрюмые, покрытые грязью и кровью, с как бы извращенным выражением лица.

Иные шли, положив руку на плечо товарища, а иных приходилось подталкивать. И ужас битвы, еще носившийся у них перед глазами, застилал перед ними окружавшую действительность.

Солдаты из лагеря смотрели, покачивая головами, на идущих мимо, как смотрят на спасшихся после кораблекрушения, и говорили себе, что скоро они будут похожи на этих людей, если им повезет, конечно.

Южные войска.

Из книги Р. Лефевра и П. Кутюрье „Солдатская война".

Когда Рауля Тэмбаля из Тулузы спрашивали о его профессии, он отвечал:

— Трубадур.

И шел к ротной повозке за своей гитарой.

Это был человек лет тридцати, высокий, сильный, загорелый, рябой, с темными глазами и довольно большим носом, оттененным черными усами, напоминавшими зубную щетку. Свирепость и добродушие мирно уживались в его душе.

До войны он странствовал по городам вместе с женой, зарабатывая на жизнь песнями, которые он сам сочинял и бойко распевал.

Я познакомился с ними во время передышки на фронте в один чудесный майский вечер.

В той деревне, где я стоял, были расквартированы два полка: один, пришедший с с востока, другой—с юга... Оба одинаково гордились битвами, названия которых были вышиты на их знаменах, но один презирал другого по географическим причинам. И эта рознь между людьми разных департаментов одной страны мне всегда была очень неприятна: в ней было нечто худшее, чем кастовый дух в армии,—то была ненависть...

У Тэмбаля из Тулузы был на воротнике шинели номер одного из восточных полков.

Никто не знал толком, как он туда попал. Но этот день был, без сомнения, одним из печальнейших в его жизни...

И вот, в этой деревне, Тэмбаль встретил свою прежнюю часть, один из южных полков, солдаты которого говорили на языке жаркого Прованса, где ценили хороший голос и понимали пение.

Недолго думая, он стал бросаться в об'ятия тех, кого он узнавал, и хотел перецеловать всех нас поочередно...

Это вышло, может быть, немного театрально, но вполне искренно.

Его потащили в солдатскую столовую.

В комнате с выбитыми стеклами кончался обед унтер-офицеров—консервы и рагу, ведро с вином и кофе. А затем—песня, этот традиционный похоронный десерт.

Тэмбаля попросили спеть, но он согласился не сразу.

Сначала он с горечью пожаловался на свое горло, которое уже не было таким, как раньше, а потом рассказал нам о всех унижениях, которые ему пришлось пережить в чужом полку, где его не поняли: унизительное обращение с ним офицеров в присутствии товарищей, грубая брань рассерженного полковника, злые насмешки над его певучим от природы произношением, бои, в которых он старался пожертвовать своей шкурой, чтобы только „показать им себя",—словом, все его злоключения, обиды и огорчения открылись перед нами точно раны. Слушая его, я чувствовал, сколько должен был выстрадать этот добродушный и чуткий человек...

Но постепенно поток его речей иссяк.

Быстрым движением он схватил вдруг свою гитару и опять заговорил, но совсем другим голосом.

Он вспомнил о былых временах, о своих странствованиях по Франции, о песнях, которые он пел в кофейнях и предместьях, о полной сладостной печали вечерах, которые он провел в зарослях на берегах Гаронны, среди водяной пыли потоков, населенных серебристыми форелями...

Окна без стекол были раскрыты. Снаружи доносился запах измятой травы и пыли. Вечернее солнце золотило лица, руки и стены... Такие моменты одинаковы во всех странах,—неправда ли. Мы молчали...

Когда Тэмбаль запел, я, сказать по правде, немного испугался: минута была удивительно хороша, и я боялся, что он испортит ее какой-нибудь избитой мелодией. Но я не знал Тэмбаля, а он не знал самого себя. Со стоном зазвучала прелюдия, и раздалась протяжная песня горцев, воспевая реку По, ее небо и красоту родного края.

О, небо По, когда опять тебя увижу.
С тех пор, как я с тобою разлучился,
Не знает радости душа моя...

Он вложил в эти слова столько страстного чувства, что вздрогнул от физического ощущения голода, от того трепета, который испытывают от чар истинного искусства...

Голос Тэмбаля и его гитара сливались неразрывно, молили и скорбели.

Его страдания перешли в его песню, придавая звукам ее какой то новый, глубоко волновавший сердце смысл...

О, боже мой. О, боже мой.
Дай снова мне увидеть По,
Родное небо По,
Родное небо По...

Певец, казалось, преобразился.

И мало-по-малу все окружавшие его люди, раскрасневшиеся от выпитого вина и шедшие на смерть, хором подхватили припев своими звучными южными голосами и заглушили мирной мелодией гром отдаленной канонады...

Крупные слезы потекли по впалым щекам Тэмбаля.

Под окнами толпились жители деревни и солдаты соседних частей. Подошли даже офицеры восточного полка и сгрудились у порога, глубоко захваченные звуками прекрасными и полными муки...

Наконец, Тэмбаль, не выдержав волнения, которое он возбудил своей песней и которую, казалось, он сам понял только в тот момент, разразился рыданиями и упал на стул...

Тогда толпа молча разошлась...

Я увлек Тэмбаля из комнаты—под деревья, на траву...

В тот же вечер его полк ушел на боевую линию, где певец в первой же стычке сложил свою голову.

Атака.

Из романа А. Барбюсса „Огонь".

Бертран стоит на скате. Быстрым взглядом он окидывает полувзвод. Затем командует:

— Вперед!

Голоса как-то странно резонируют. Выступление произошло быстро и неожиданно, точно во сне. В воздухе не слышно свиста. Среди грохота орудий явственно ощущается это необычайное отсутствие ружейной пальбы...

Мы спускаемся по скользкому и неровному скату, по временам опираясь на винтовку с привинченным к ней штыком. Глаз машинально вглядывается в детали пути, в развороченную землю, в колья с оборванной проволокой и в воронки. Какое-то странное ощущение испытываешь, находясь среди дня на этом спуске, по которому некоторые из нас обыкновенно спускались с такими предосторожностями и на который остальные только украдкой поглядывали сквозь бойницы. Нет... Ружья молчат. Кажется, будто батальон вышел из-под земли совершенно незамеченным. Это затишье полно все растущей угрозой. Бледный свет ослепляет нас.

Всюду скат покрылся людьми, спускающимися одновременно с нами. Справа вырисовывается силуэт роты, спускающейся в лощину девяносто седьмым соединительным ходом, отбитым нами у немцев и полуразрушенным.

Мы выходим за наши проволочные заграждения. Нас еще не обстреливают. Менее ловкие спотыкаются, падают и поднимаются снова. За проволочными заграждениями мы перестраиваемся, затем начинаем спускаться более ускоренным шагом: все инстинктивно спешат вперед. Вот затрещали первые выстрелы. Бертран велит нам приберечь гранаты и ждать последней минуты.

Но звук его голоса уносит ветром. Неожиданно впереди нас по всей ширине спуска вспыхивают темные огни, оглашая пространство чудовищными взрывами. По всей линии справа налево в небе вспыхивают огни, а из земли грохочут взрывы. Точно какой-то страшный занавес отделил нас от всего мира, от прошлого и от будущего. Мы останавливаемся, как вкопанные, ошалев от этой внезапной грозы, грохочущей со всех сторон. Затем общее усилие как бы приподымает всю массу и бросает ее вперед. Мы спотыкаемся, хватаемся за соседей и, окруженные дымом, идем вперед. Мы видим, как внизу, куда мы направляемся, разверзаются как бы кратеры; это сопровождается пронзительным треском и целыми вихрями распыленной земли. Затем мы уже перестаем разбирать, куда все это попадает. Шквал так чудовищен, что мы чувствуем себя уничтоженными уже одним грохотом и ослепительным сверканием звездообразных осколков, летающих в воздухе. Мы видим и чувствуем, как мимо наших голов, шипя, пролетает что-то горячее. Я внезапно роняю ружье, так больно мне обожгло руки горячим дыханием взрыва. Снова поднимаю его и, пошатываясь, пригнув голову, снова бегу в эту бурю, сверкающую огнями, в этот истребительный ливень. По лицу хлещут струи горячей пыли и копоти. Взрывы до того оглушительны, что ушам становится больно. Точно молотом ударяет в затылок, в виски, и нет возможности сдержать крик. От запаха серы сжимается сердце. Дыхание смерти нас толкает, поднимает, бросает из стороны в сторону. Мы перемещаемся прыжками, не зная куда идем. Глаза мигают, слепнут и слезятся. Впереди нас сплошная огненная стена.



А. Барбюсс *).

Это—заградительный огонь. Нам предстоит пройти через этот вихрь пламени, через эти ужасные огненные столбы. Мы проходим. Мы прошли. Я видел вокруг себя людей, вдруг подхватываемых этим вихрем, взлетающих и падающих, озаренных точно отблеском адского огня. Я видел какие-то странные лица, испускавшие, повидимому, крики, которых не было слышно. Огромные раскаленные массы, красные и черные, падали вокруг меня, разрывая землю, вырывая ее из-под моих ног и швыряя мной, точно игрушкой. Я помню, что перепрыгнул через чей-то горевший, весь черный труп, вокруг которого шипела лужа крови; помню также, что полы шинели, двигавшейся рядом со мной, загорелись, оставляя позади себя облачко дыма. Справа от нас, вдоль девяносто седьмого хода, взгляд приковывала и ослепляла целая цепь жутко вспыхивающих ярких огней, тесно прижатых один к другому, точно люди.

— Вперед!

Теперь мы почти бежим. Некоторые из нас падают, как подкошенные, лицом вперед, другие осторожно приседают, словно от усталости. Чтобы обойти растянувшихся мертвых

*) Анри Барбюсс является также основателем и председателем Лиги б. участников войны (AR.A.C). Ред.

лежащих в спокойных или страдальческих позах, а главное, чтобы избежать раненых, которые корчатся на земле и цепляются за нас, приходится делать резкие прыжки то в ту, то в другую сторону.

Поднимаемся на вершину.

Перед нами пустое пространство. Вначале не видно ничего, кроме меловой каменистой равнины, изжелта-серой, уходящей вдаль. Впереди нас никто не идет. Впереди нас не видно ни единой живой души; но земля усеяна мертвыми. Это свежие трупы, с несбежавшим еще с лица выражением страдания или покоя. Кругом валяются останки прежних жертв, уже наполовину поглощенных землей.

Едва мы кинулись вперед, как я чувствую, что подле меня падают двое товарищей. Падают под ноги бегущих. Один с пронзительным криком, другой молча, как бык, сваленный топором. Вот с жестом безумца исчез еще один, словно унесенный вихрем. Мы инстинктивно жмемся друг к другу и неудержимо бежим вперед. Каждая брешь в наших рядах зарастает сама собой. Ад'ютант вдруг останавливается, поднимает шашку, роняет ее и опускается на колени. Его коленопреклоненное тело постепенно откидывается назад, каска сваливается к нему на ноги, и он застывает в таком положении, с обнаженной головой и лицом, глядящим на небо. Наша шеренга невольно прорвалась в этом месте, чтобы не нарушить этой неподвижности.

Мы смутно сознаем, что многие из нас валятся на землю, как подкошенные. Я делаю резкий скачок в сторону, чтобы увернуться от винтовки с примкнутым штыком, вдруг взлетевшей кверху и затем свалившейся наземь штыком кзади. Совсем близко от меня Фарфадэ, с окровавленным лицом, выпрямляется, толкает меня, бросается к Вольпатту, бегущему рядом со мной, и цепляется за него. Вольпатт сгибается в три погибели и, продолжая бежать, волочит его за собой несколько шагов. Затем стряхивает его, не оглядываясь, не зная даже, кто это, и отрывисто, задыхающимся голосом кричит:

— Пусти меня! Да пусти же чорт возьми!.. Тебя сейчас подберут... Не бойся.

Фарфадэ падает, и его лицо, покрытое кровью, лишенное всякого выражения, поворачивается из стороны в сторону, между тем как Вольпатт, отбежавший уже далеко, машинально повторяет сквозь стиснутые зубы: „не бойся“ и не сводит глаз с линии немецких окопов.

Туча пуль летает над нами, умножая с каждым шагом внезапные остановки, падения, крики, проклятия, глухие возгласы и страшные предсмертные хрипы. А мы, пока еще пощаженные пулями, глядим все вперед и стремительно бежим, окруженные смертью, вырывающей наудачу то одного, то другого из наших рядов.

Проволочные заграждения... Одна часть осталась нетронутой. Мы обходим ее. Дальше, широкая брешь, огромный прорыв, точно колоссальный кратер вулкана, вырытый снарядами.

Вид этого разрушения поражает. Кажется, что стихийные подземные силы произвели его. Этот прорыв подстегивает наш наступательный пыл, и некоторые из нас не могут удержаться, чтобы не крикнуть:

— Чорт возьми! Ну, и угостили же их наши артиллеристы. Ой-ой!

Как бы подталкиваемые ветром, мы то поднимаемся, то спускаемся по неровностям почвы, проникаем за эту развороченную изгородь, местами расплавленную огнем. Земля пристает к обуви. Мы яростно отряхиваем ноги и бежим дальше. Различные предметы снаряжения, клочья материи и всякого белья, очевидно, вывалившегося из ранцев, путаются в ногах. Приходится прыгать через эти препятствия.

Сзади нас подстегивают восклицания:

— Вперед, ребята! Вперед, чорт возьми!

— Весь полк идет за нами!—подбадривал кто-то.

Мы не оборачиваемся, чтобы убедиться в этом, но сознание этого еще больше наэлектризовывает нас.

За насыпью окопа, к которому мы приближаемся, не видать больше немецких кепи. Впереди валяются трупы немцев, сваленные горками или в одиночку. Мы подходим вплотную. Насыпь отчетливо выделяется своими коварными, подстерегающими бойницами... Чудеса! Теперь мы уже совсем близко, до жуткости близко.

Впереди нас что-то падает. Это граната. Ловким ударом ноги капрал Бертран швыряет ее вперед, и она разрывается за насыпью.

* * *

Густой дым обволакивает нас. В этом тесном рве я вначале вижу одни только голубые шинели. Мы идем в одном направлении, затем в другом, подталкивая друг друга, ругаясь и розыскивая врага. Руки наши заняты ножом, гранатами, ружьями. Мы поворачиваемся во все стороны и в первый момент не знаем, что делать.

— Они попрятались в лисьи норы, проклятые!—кричит кто-то.

Глухие взрывы колеблют почву: теперь схватка идет под землею, в норах. Внезапно нас заслоняет друг от друга такая густая масса дыма, что кругом не видно ни зги. Мы трепыхаемся, как утопающие, в этой атмосфере едкого мрака, натыкаемся на раненых, истекающих кровью и кричащих. Стены окопа едва различаешь. Временами тяжелый дым колеблется, и мы видим кишащую массу атакующих. Вот впереди нас на насыпи завязался поединок. Я слышу несколько визгливых восклицаний: „Камрад", исходящих из группы в серых куртках, загнанных в угол окопа. Окутанное дымом, точно грузовой тучей, человеческое море колеблется то вправо, то влево, яростно кружится и рокочет.

И вдруг мы как-то сразу чувствуем, что все кончилось. Мы видим, слышим и понимаем, что наша волна, докатившаяся сюда через все препятствия, не встретила волны, равной себе, и что враг отступил. Тонкая завеса защитников распылилась по норам, где мы берем их живьем, точно крыс, либо убиваем. Нет больше сопротивления. Одна пустота. Мы подвигаемся вперед, сбившись в кучу, точно зрители.

И здесь также окоп весь разрушен. Его стены обвалились, разрыхлились, и весь он производит впечатление пересохшей реки. А по берегам, на насыпи и в глубине валяются трупы. В дыму, изрыгаемом прикрытиями, в атмосфере, сотрясаемой подземными взрывами, я натыкаюсь на компактную массу людей, вертящихся на круглой площадке. В тот момент, когда мы появляемся, вся эта масса рассыпается, рассеивается: битва ослабевает. Я вижу, как высвобождается из этой массы Блэр с каской, повисшей у него на шее, на ремне, с исцарапанным лицом. Он рычит, как дикарь. Я натыкаюсь затем на человека, который вцепился в деревянную обочину при входе в нору. Правой рукой он в течение нескольких секунд размахивает ручною гранатой. Сейчас она разорвется... И вот она исчезла в норе. Оглушительный взрыв. Страшный крик гибнущих людей вылетает из недр земли. Человек хватает вторую гранату.

Вот другой человек подобрал с земли кирку и с размаху колотит ею по столбам, поддерживающим вход в прикрытие. Происходит обвал, и выход закрыт. Я вижу, как несколько теней жестикулируют и утаптывают эту могилу над живыми людьми...

Постепенно возбуждение гаснет. Один из солдат спрашивает:

— Что же мы будем делать теперь?

Затем снова вспыхивает боевой пыл: в двадцати метрах отсюда, на равнине, слышен треск выстрелов вокруг пулемета, который, зарывшись в землю, сеет смерть окрест. В желтовато-синем дыму я вижу людей, тесной цепью окруживших пулемет, смыкаясь все ближе. Рядом с собой я различаю силуэт Мениля Жозефа, который, даже не пытаясь за чем-либо прикрыться, прямо идет туда, откуда доносится треск.

Из окопа раздается выстрел. Жозеф останавливается, шатается, нагибается и падает на колени. Я бегу к нему. Он смотрит на меня и говорит:

— Это ничего... Я ранен в бедро... Доползу как-нибудь сам...

Он как бы пришел в себя, успокоился. И медленно пополз назад...

Обходя опасное место, находящееся под обстрелом, я озираюсь и ищу. Никого не видать из нашего взвода, кроме одного товарища, который ищет так же, как и я. Это Парадиз.

Нас толкают люди, несущие на плечах или под мышками какие-то куски железа самой разнообразной формы. Они запружают сапу и разделяют нас.

— Пулемет взят седьмой ротой! — кричит кто-то. — Теперь он больше плеваться не будет. А, проклятый!

— Что же нам дальше делать?

— Ничего...

Мы остаемся там, сбившись в кучу. Садимся. Живые перестали учащенно дышать, мертвые перестали хрипеть. Мы окружены копотью, огнем и орудийным грохотом, как бы несущимся со всех концов света... Мы не знаем больше, где мы находимся. Нет ни неба, ни земли,—одна сплошная туча.

* * *

Настала ночь. Пыль улеглась, уступая место полумраку и мраку, нависшему над беспорядочно лежащими людьми. Мы сходимся, садимся, встаем, ходим, опираясь или цепляясь друг за друга. Среди прикрытий, заваленных грудами трупов, мы собираемся кучками. Некоторые положили свои винтовки на землю и бродят у краев рва с устало болтающимися руками. Вблизи заметно, что эти люди почернели, как бы обгорели. У них глаза красны, а лицо покрыто грязью, точно шрамами. Мы почти не разговариваем, но начинаем искать.

Вот появляются санитары с носилками. Они ищут, наклоняются, проходят дальше и что-то несут, попарно шагая в ногу, стараясь не тряхнуть свою зловещую ношу. Справа от нас слышны удары кирки и лопаты.

Я брожу среди этой сутолоки. В одном месте, где насыпь окопа, разорванная бомбардировкой, образует легкий скат, кто-то сидит. Кругом еще бледнеет туманный свет. Спокойная поза этого человека, который задумчиво смотрит прямо вперед, поражает меня своей скульптурностью. Наклонившись, я узнаю его. Это капрал Бертран.

Он поворачивается лицом ко мне, и я чувствую, что он улыбается мне в темноте своей задумчивой улыбкой.

— Я только что собирался поискать тебя,—говорит он мне.—Мы организуем охрану окопа, в ожидании прибытия вестей о том, что сделали другие и что происходит впереди. Я поставлю тебя часовым в паре с Парадизом на сторожевом посту, только что устроенном саперами.

Мы смотрим на тени проходящих и застывших в недвижности людей, выделяющихся чернильными пятнами и согнувшихся в различных позах. Их силуэты вырисовываются на сером небе вдоль всего разрушенного парапета. Они как-то странно копошатся в темноте и кажутся маленькими, точно червяки, среди этих застланных мраком полей, умиротворенных смертью. Вот уже два года, как она косит свою жатву, превращая солдатские города в необозримые и мрачные некрополи.

Во мраке, в нескольких шагах от нас, проходят две тени и вполголоса беседуют.

—...Я, разумеется, не стал его слушать и просто-напросто всадил ему свой штык в живот... Так глубоко, что еле вытащил...

— Когда я вскочил туда, их было в норе всего четверо. Я стал звать их, чтобы они вышли, и, по мере того как они вылезали, я их приканчивал. У меня руки покраснели по локоть и рукава прилипли.

— О, господи!—продолжает первый,—когда мы позже вернемся, если только вер-

немся, к своим близким, и станем рассказывать у камелька обо всем этом, кто нам поверит! Разве это не ужас?

— А мне наплевать, лишь бы только вернуться,—отвечает другой.—Скорее бы только конец!

Обыкновенно Бертран говорил очень мало, а о себе—никогда. Однако теперь он сказал мне:

— Мне пришлось иметь дело с тремя зараз. Я колол штыком, как безумный. О, да, мы все стали, как звери, когда добрались сюда!

В его голосе чувствовалась сдержанная дрожь.

— Так надо было,—продолжал он.—Так надо было, ради будущего...

Он скрестил руки и покачал головой.

— Будущее!—воскликнул он вдруг тоном пророка.—Какими глазами станут смотреть на нас те, которые будут жить после нас и душа которых будет, наконец, приведена в равновесие прогрессом, неотвратимым, как рок? Какими глазами они посмотрят на эти убийства и на наши подвиги, о которых даже мы сами, совершающие их, не знаем, следует ли сравнивать их с делами героев Плутарха и Корнейля или же с подвигами апашей?.. И, однако, смотри! Есть же одно лицо, один образ, поднявшийся над войной, который вечно будет сверкать красотою и мужеством!

Опершись на палку, склонившись к нему, я слушал, впивая в себя эти слова, раздавшиеся в безмолвии ночи из этих почти всегда безмолвных уст. Ясным голосом он выкрикнул:

— Либкнехт!

Гора Четырех Ветров.

Отрывок из романа Б. Келлермана „9-е Ноября".

Генерал был в страшном возбуждении, взгляд его остановился...

Гора... да, письмо разбудило в нем воспоминания. Темное, щетиной заросшее чудовище вдруг замаячило перед глазами генерала. Гора Четырех Ветров, 4, 5 и 6 августа, вечером 6-го она была потеряна для нас. 4, 5 и 6 громыхали мимо грузовики, раскидывая грязь, обвешанные гроздьями людей. Красные лица, побелевшие глаза,—они кидали вверх свои каски: — урра!.. Генерал стоял на лестнице замка, делая под козырек. Какой огонь. Земля дрожала, он сейчас чувствовал это снова... Ад... Загорелся французский аэроплан и упал в парке в розовом саду...

— Генерал. Батальон егерей.

— Иду.

Автомобили колыхались, катились, бешено мчались... урра...

Гора Четырех Ветров была кладбищем в 12 этажей. Немцы, французы, немцы, французы... но они не лежали по национальностям. Мины взрывали целые этажи и раскидывали мертвецов во все стороны. Заступ натыкался на череп француза, рядом был сапог немецкого пехотинца. Он натыкался и на кости, и на остовы скелетов, потому что на горе Четырех Ветров раньше было кладбище, там раньше была деревня... где она теперь? Снесена до последнего камня. Мины снесли верхушку горы. Целыми пудами закладывался динамит в штольни, целые батальоны и бригады взлетали на воздух — да здравствует Германия, да здравствует Франция... они уж больше не возвращались... Генерал был на горе только два раза. Один раз в яркую звездную ночь (как незабвенно сияли звезды), когда было совершенно спокойно, из окопов несло холодом и гнилью, приходилось ступать по

телам и не знать, живы они или нет. Собственно, не было ничего страшного, кроме изредка свиставших пуль, и генерал подумал, что все рассказы об ее ужасах преувеличены.

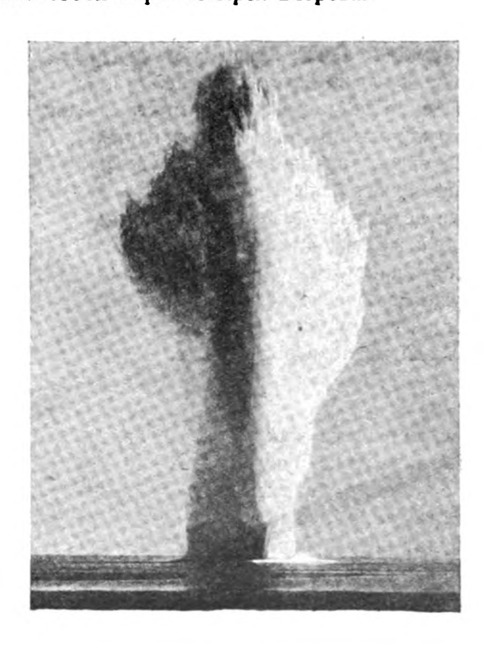
Второй раз гора показала несколько больше свое настоящее лицо. Генерал в предрассветной мгле поднялся туда, куда французы кидали тяжелые снаряды, трещавшие словно обрушивающиеся дома; словно стаи жадных, хищных птиц с длинными шеями слетались они на вершину. Иногда генерала быстро сталкивали в окоп или в глубину прохода, если тени от мин проносились вблизи. Потому, что он сам, генерал, не сдвинулся бы с места. На глазах своих офицеров и солдат, осторожно выглядывавших из окопов, он, не сморгнув, дал бы себя разорвать на куски.

Тогда же вырвалась у него эта, правду сказать, глупая фраза. Ну, что-ж, его мозг просто отказывался работать под впечатлением этих слетающихся стальных птиц и грохота лавин. На примятой земле лежал весь пропитанный кровью кусок материи, что-то в роде разорванных штанов, — в целой луже крови. Крови было так много, что генерал никак не мог предположить, — одним словом, он спросил, — кого вы тут резали.

Какая непостижимая глупость. Офицеры в окопах отвечали смущенной улыбкой. И вдруг генерал увидел кусок человека, прилипший к окопной стене, а рядом кусок затылка с короткими волосами. Как мучил его этот вопрос. И сейчас так ясно, со стыдом вспоминает он смущенную улыбку истомленных бессонными ночами, грязных от окопной службы офицеров...

В 8 часов он уже снова был на месте своей стоянки и завтракал. На третий раз генерал уже не появлялся на горе, он увидал ее в последний раз, когда она была потеряна, он видел не ее, он видел в ночи сноп красных сигнальных огней, беспрерывно вспыхивавших на ней... на помощь... и безнадежно гасших.

Вот что представляла собой Гора Четырех Ветров...



Ж. Дюамель.

Боевой рожок.

(Стихи о войне).

Баллада о солдатской смерти [1].

Он боролся целых двадцать дней,
А его мать сидела возле него.
Он боролся долго, солдат Прюнье,
Ибо мать не пускала его умереть.
Когда весть пришла к ней, что ранен он,
Из далекой провинции она собралась.
Она долго шла по гремящей земле,
Где огромная армия зарылась в грязь.
У нее редкие волосы и жесткое лицо,
И она не знает, что значит страх.
Она двенадцать яблок принесла с собой
И свежего масла в глиняном горшке.

* * *

День за днями она сидит
У койки, где умирает солдат Прюнье.
Она приходит в час, когда идет стрельба,
И сидит, пока не начнется бред.
Она выйдет на миг, когда говорят: „Уйди!"
И начнут ковырять его бедную грудь.
Если б ей позволили—она б не ушла,
Ведь не чужая рана, а сына ее!
Как же не слушать ей, как он кричит,
Пока она ждет у дверей, среди луж?
Как собака, от койки она ни на шаг,
Она уже больше не ест и не пьет.—
Не ест ее сын, солдат Прюнье,
Пожелтело масло в его горшке.

* * *

Руками, корявыми, как корни дерев,
Она гладит худую руку его.
Она не отводит упрямых глаз
От белого лица, где струится пот.
Она видит шею в веревках вен
И слышит дыханья мокрый хрип.
Она видит все, не отводит глаз,
Сухих и жестких, как ком земли.
Она не уронит ни одной слезы,

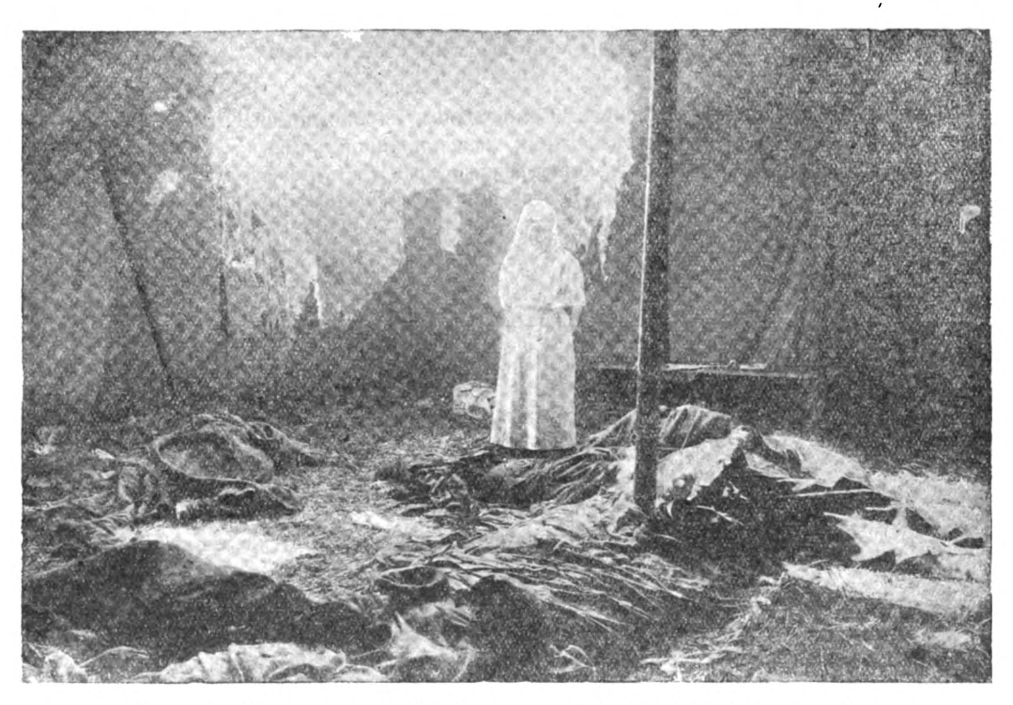
---

[1]) Обе поэмы переведены с французского Абр. Эфросом. *Н. С.*

Ибо так должна держать себя мать.
Он скажет: „Мне кашель разрывает грудь".
А она отвечает: „Ведь я же здесь".
Он скажет: „Я думаю, мне конец",
А она отвечает: „Не пущу, сынок".

* * *

Он боролся целых двадцать дней,
А его мать сидела возле него.
Так старый пловец, плывя по волнам,
Слабое держит свое дитя.
Но однажды, утром, изнемогла она
После бессонных двадцати ночей.
Она свесила голову на один лишь миг,
На одну минутку забылась сном.
Тогда умер быстро солдат Прюнье,—
Тихо, тихо, чтоб не проснулась мать.



„Удачный" снаряд добил 40 раненых (фотогр. участника войны на русском фронте).

Наши герои окопов, наши солдаты,
Наши мужья, сыновья и братья.
Это ужасно; они сражаются; их убивают; ведь это ж война!
Это они нас всех защищают

Они не штатские, у них есть форма,
Ружье, штык, гранаты, пушки;
Их убивают; но и они убивают; ведь это ж война!
А мы—мы ведь только штатские люди...



Ведут австрийских пленных.

Н. Смирнов.

Мировая война в художественной литературе.

II. В России.

Лик скрытый.—Об одной литературной традиции.—Лермонтов и Л. Н. Толстой о войне.—По современной литературе: Вл. Лидин, С. Федорченко, С. Клычков, М. Слонимский, К. Федин.

Русская литература, воспроизводящая эпоху 1914—18 гг., не отличается ни особой ценностью, ни разнообразием. О войне писали у нас много, но большинство этих писаний осталось в мусорных ящиках вчерашнего дня. Литература, изготовленная для злободневных нужд буржуазии, не могла, разумеется, пережить своего хозяина. И только незначительная ее часть вошла в современность на жизненных правах частной художественности. Из числа таких литературных произведений (и то с большими оговорками) упомянем о рассказах Ив. Шмелева „Лик скрытый" и „Это было".

О Ив. Шмелеве, писателе, несомненно, даровитом и значительном, необходимо говорить в прошедшем времени: ныне он—эмигрант. Исступленный, заклятый враг СССР. Его позднейшие произведения, печатаемые в белогвардейских художественных изданиях и газетах, относятся к разряду той клеветнически-глупой литературы, которая, помимо других чувств, вызывает, прежде всего, чувство непереносимой гадливости. И все же о рассказах его, написанных на военные темы, нельзя не упомянуть: они интересны, показательны и, в известной мере, ценны.

„Лик скрытый"—рассказ о поручике, приезжающем в отпуск, встречающемся там с любимой девушкой и... от'езжающем обратно. Рассказ подкупает своей мягкостью и задушевностью, останавливает внимание своим (правда, смутным) отношением к войне: война, по рассказу, глубочайшая чаша человеческого страдания. Страдания единичного человека (поручика), его кошмары—в рассказе очеловечены, расширены, перенесены на всех людей, отпивающих из чаши войны мутную горечь смерти. В свое время рассказ, безусловно, был нужным и действенным. Написан он, как и обычно у Шмелева, художественно и цельно.

Рассказ „Это было"—несколько на иную тему. Здесь уже не тыл, а фронт: лечебница для умалишенных, не выдержавших боевого ужаса солдат. Рассказ производит впечатление великой обреченности и жути. Его правдивость, его сгущенный лиризм, его человеческая жалобность—по настоящему волнуют. И если отбросить от него примесь историчности, его необходимо включить в число литературных памятников военной эпохи.

В рассказах Шмелева, как и в рассказах других позднейших писателей, использовывающих военные сюжеты, сказалась одна из хороших, действительно добрых традиций русской литературы: правдивое, реалистическое отношение к войне. Это очень давняя традиция, начавшаяся еще с Лермонтова.

В одной из его прекрасных поэм—„Валерик", относящейся к 1841 г., находим величественное, проникновенное описание закончившейся боевой схватки:

„Уже затихло все; тела
Стащили в кучу. Кровь текла
Струею дымной по каменьям,—
Ее тяжелым испареньем
Был полон воздух. Генерал

Сидел в тени на барабане
И донесенья принимал.
Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом,
А там, вдали,—грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
В своем наряде снеговом,
Тянулись горы,—и Казбек
Сверкал главой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек...
Чего он хочет?.. Небо ясно,
Под небом места много всем,—
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он... Зачем?"

Реалистическое отношение к войне, **правда о войне** особенно заметно сказались в творчестве одного из гениальнейших и мудрейших русских художников—Л. Н. Толстого. Не так давно (в третьей книжке журнала „Россия") были опубликованы ценнейшие выдержки из дневников Л. Н-ча—те их места, в которых говорится как раз о войне.

Вот что писал Толстой в 1893 г.

Мы все не имеем никакой злобы ни против немцев, ни против англичан, ни против никаких национальностей, мы читали их книги, пользуемся их знанием, предоставляем им пользоваться нашим, мы пользуемся их произведениями, отдаем им наши, мы любим любовно обращаться с ними и не имеем никакой ни надобности, ни желания убивать их.

В другом месте:

Я не могу сочувствовать никаким военным подвигам, хотя бы это был Давид против десятка Голиафов, а сочувствую только тем людям, которые уничтожают причины: престиж золота, богатства, престиж военной славы и главную причину всего зла—престиж патриотизма и ложной религии, оправдывающих братоубийство. (1900 г.).

Здесь не место, конечно, оспаривать религиозно-философские взгляды Л. Н. Толстого,—в нашу задачу входит лишь отметить его честнейшее отношение к войне, сопутствующее всем этапам его творчества. В художественном творчестве **антивоенные** взгляды Толстого нашли свои отражение в знаменитых „Севастопольских рассказах" и в боевых картинах „Войны и мира". Эти произведения останутся навсегда.

Под несомненным влиянием этих произведений написаны лучшие в современной литературе военные страницы — **Вл. Лидина**. Молодой, талантливый писатель сумел дать убедительные психологически-тонкие, художественно-оправданные боевые картины („Одна ночь") и—не менее вдумчивые, запоминающиеся зарисовки российского тыла („Повесть о многих днях").

„Повесть о многих днях"—повесть о днях Москвы в предфевральский и послефевральский период. Несмотря на излишнюю, слишком густую насыщенность образами, несмотря на чрезмерную (местами) словесную изысканность, повесть великолепно передает неизбежное, стихийно-разраставшееся углубление революционных завоеваний—приближение Октября.

В повести много четких отдельных фигур и эпизодов. Она построена очень стройно и цельно: непрерывно-напряженный темп ее развития придает ей органическую, мускульную силу. Повесть очень хороша.

Другая повесть Вл. Лидина („Одна ночь") находится—в сюжетном смысле—в прямой противоположности с первой. Здесь нет широких бытовых эпизодов, здесь все построено на суб'ективной восприимчивости боевого офицера. Но и здесь чувства и переживания единичного героя сгущены до массовой значимости, облечены в форму **психологи-**

ческого обобщения. Кроме того, в этой повести настойчиво и ярко—приемами художественного мастерства—обрисован истинный, апокалипси[illegible].

Отдельные персонажи и главы повести (офицерский кутеж, „пол[illegible] [illegible]совавая солдатская гибель) выписаны удивительно ярко: пером несомненно та[illegible]ливого писателя.

Вслед за Лидиным необходимо отметить книгу Софьи Федорченко „Народ на войне“. Это книга чрезвычайной ценности: в ней собраны непосредственные рассказы окопной массы, во всей их неприкосновенности, цельности и свежести. Книга может служить лучшим агитационным материалом: она каждой своей строчкой (т. е. народным словом) направлена против империалистической войны. Против капиталистической войны, за социальную революцию—вот содержание книги С. Федорченко. И все это выражено в живых—из уст подлинного народа—рассказах! Редкая, замечательная книга.

Из остальных писателей упомянем: С. Клычкова, Мих. Слонимского и К. Федина.

В романе С. Клычкова („Сахарный немец“) слишком много „непротивленческих“ настроений, мягкости и лиричности, но за вычетом их, много и ценных, пережитых автором боевых картин. Роман интересен.

В книге Мих. Слонимского („Шестой стрелковый“), изображающей, главным образом, быт фронтового офицерства, его развал, встречаются глубокие, правдиво-чуткие страницы. Они должны завоевать прочное место в русской литературе о войне.

У Федина (роман „Города и годы“) нет непосредственно боевого рисунка: кое-где (и при том бегло) зарисован лишь германский тыл—то, о чем лучше написано у Б. Келлермана.

Это все, или почти все. То немногое, что можно найти о войне в произведениях, напр., В. Зазубрина, И. Эренбурга, Вал. Катаева, Ив. Касаткина, Вяч. Шишкова и др., носит, более или менее, случайный, эпизодический характер. Мы более богаты литературой, отобразившей гражданскую войну. Так, разумеется, должно и быть: наша классовая, революционная война—героичнейшее, невиданное в мировой истории явление.

Но, поскольку окружающий на капиталистический мир стоит на огненном пороге новых войн,—наша литература не может отказываться и от тех тем, которые она может взять из кровавой летописи 1914—1918 гг.

Доказывая преступность войн за чужие интересы, она, перекликаясь с литературой Запада, должна призывать его к войне гражданской, к решительному бою за права и интересы широких народных масс.



„Сытный“ обед в плену.

Вера Ильина.

Лето 1924 года.

Было лето. Верилось, что нет
Ни утрат, ни смерти, ни печалей.
Девятнадцать легких, легких лет
Детской ношей висли за плечами.

Мир для нас лучился... А в стране
Уж гремел далекий рев орудий.
Что мы — дети — знали о войне,
О полях, где с воем гибнут люди?!.

Мы еще не верили в беду,
Но росла и ширилась тревога.
— ...„Новобранцы... бедные!.. ведут!..“ —
Стоном стонут избы и дорога.

Скрип телег. Прощальный плач „родной“,
Мужиков насупленные брови.
А потом... — окопы, раны, гной,
Море слез и океаны крови.

А потом... — последний хриплый бред
В тошнотворных запахах палаты:
— „Мама, больно!.. Мама, правды нет!..
Мы с тобой ничем не виноваты!..“

Сколько Нюш, Варвар и Акулин
Били лбом заступнице небесной,
Но война — безногие кули
Возвращала женам и невестам.

Между тем, как смертный длился бой,—
Тыл гремел разгулом диким пляса.
Миллионы гнались на убой,—
Разве жалко пушечное мясо!

Вот тогда-то ноша юных лет
Показалась трудной и кровавой.
— „Эй, цари! Довольно с нас побед!
Мы по горло сыты вашей славой!

—„С тронов прочь!..“—И кончен страшный пир.
Жизнь чиста от гнили и уродства.
И горит, горит на целый мир
Трудовое наше первородство.

Из нашей летописи

Тыл.

Из „Повести о многих днях" — Вл. Лидина.

I.

В Москву приехали на пятый день, утром. Была масленица; магазины были закрыты; проезжали голубки с колокольцами; в домах пахло блинным чадом. Мэри с вокзала поехала домой; еще в шубке стала звонить по телефону: Зое, Нине Рогожиной. Обе приехали через час, нарядные, московские, оживленные. У Нины в доме был лазарет; Зоя, наконец, победила: выступала с успехом, о ней писали. Вечером, в 7, звала к себе на блины: будут все, рады будут увидеть, послушать о войне. Скоро обе уехали. Мэри приняла ванну, легла в теплую воду, вытянулась, закрыв глаза; позади были—кровь, война, смерть; здесь встретила жизнь, милая, знакомая, московская. В пять пришла маникюрша, делала ногти, водила замшевой подушечкой, рассказывала новости, сплетни; в шесть пришел парикмахер, Жозеф, прежний, печальный: забирали на военную службу, просил похлопотать. Три дамы за него уже хлопотали — был незаменим. Мэри обещала горячо хлопотать, спросила фамилию: м-сье Жозефа звали Петр Иваныч Огуречников — это ее кольнуло.

В семь, на резвом извозчике, под звяканье сбруи, она ехала к Нине. Москва была прежняя: талая, мальчишки продавали мимозы, желто-пыльные в иодоформе. У Нины в гостиной, с бюстом коненковским, с розово-аляповатыми цветами Кончаловского в смуглой раме — в креслице сидел, вытянув ноги, Крушинский, подтощавший: желтый автомобиль его сменялся постепенно: сначала лихачами, потом резвыми извозчиками, потом просто ваньками—сивая кобыленка плелась, как попало, в низких санях сидел в мягкой мерлушковой шапке, с крашеной бородой — покровитель художников. За обедом профессор-богослов поднимал тост за Россию Богородичную, — все поднялись, чокнулись. Война затягивалась, русские войска отступали: раздетые, голодные, безоружные. Профессор поливал блин, закладывал сметаны, семгу — закатывал, говорил, поднимая вилку, о Платоне Каратаеве. Нина после обеда повела показывать лазарет: лазарет был в зале с лепным потолком. Раненые лежали, сидели в холщевых халатах, бродили с костылями; вошли всей толпой — во фраках, в открытых платьях — запах шипра, кельк-флёра пронзил иодоформ, — раненые поднимались, поворачивали головы с черными глазами, небритыми подбородками. Кофе после осмотра пили в гостиной—адвокат убедительно, жестом округлым, доказывал, что проливы России необходимы — рисовал в воздухе пальцем: Черное море, проливы. Кофе в чашечках дымилось; мимозы в высоких вазах сыпали желтую пыль. Нина собрала дам вокруг, рассказала таинственно, что в Лефортове появился ясновидящий: предсказал всю судьбу, напомнил из прошлого даже то, что забылось. Дамы загорелись, решили на утро поехать, — Крушинский обещал машину из Земского гаража.

На другой день, под солнцем февральским ехали: Мэри, Нина, Крушинский. Раненые из лазаретов выползали на солнце; афиши на стенах взывали о военном займе: в Благородном собрании в пользу инвалидов, раненых—жертв войны—было аллегри: за серебряными самоварами дамы улыбались неживыми прическами работы Жанов, Жозефов, Базилей, красными губами, вырезом с мягкой межой. Солдаты с фляжками, с сумками перегородили дорогу: шли на вокзал с терпким духом пота, овчины, сапог. Автомобиль из Земского гаража с красным крестом ехал дальше: в Лефортово. В снегу, в серебре еще показались сады Лефорта, Военная гошпиталь с Сенекой, с чашей в руке и змеей вокруг палки у входа: ясновидящий жил у Немецкого кладбища.

Дамы поднялись по скрипучей лесенке; в низких комнатах было жарко, в окнах на вате лежала пестрая шерсть. Мэри в комнату соседнюю вошла первой, поклонилась. Ясно-

видящий предложил сесть на стул; на пустом столе перед ним лежал костяной шарик. У ясновидящего голова была выбрита, прорастала густым синеватым волосом; губы под черными усами были красные, подбородок синий, глаза магнетические. Мэри села напротив—ясновидящий взял ее за руку, стал смотреть на шарик, сосредоточился, просил задавать вопросы. Мэри спросила, что ее ожидает. — Путешествие и неожиданная встреча. — Чем кончится война? — Поражением. — Что ожидает Россию? — Распад, потом соединение, снова распад и соединение, уже на всегда. Все было необычайно, туманно-магнетические глаза блестели. Мэри, Нина возвращались задумчивые, Крушинский был оживлен — ясновидящий обещал ему скорую удачу, богатство: без денег изнывал, в Стрельне еще от одних опечных денег до других тянул счет. В аллегри колеса вертелись, бумажки-пустышки развертывались,—певцы, блистая выгнутой грудью, пели,—толпа двигалась, жаркая, липкая, пила, путалась в серпантине, багровела лицами; счастливца, выигравшего корову, качали. Из аллегри везли дальше: в кабаре с стеклянным потолком, освещенным: внизу сидели, задирали головы—наверху танцовали в одних легких юбочках... Везли дальше, к Трубной,— лихачи стояли рядками, лошади в зеленых попонах, в воротах матовые двери чуть светились: тайно, призывно, томительно.

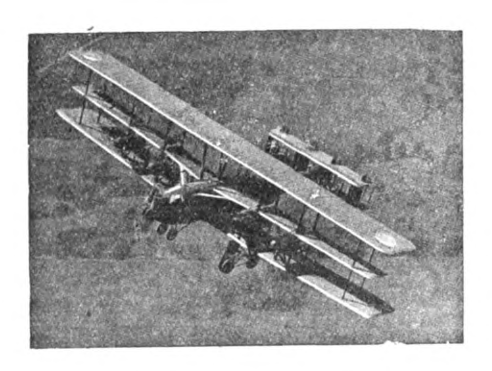
II.

Министр после докладов отдыхал, жена наливала чай: в дубовой столовой. Министр после отдыха собирал бумаги в портфель, просматривал—перед докладом. Зеленая машина у входа сдержанно клохотала, покатилась по вечереющему Петербургу. Фонари зажигались гнойно-зеленовато; улицы еще сизели; шоффер вез уверенно: перед докладом—к Фаддею Иванычу. Фаддей Иваныч жил в особнячке, на Васильевском; у особнячка, невзрачного, деревянного, стояла карета. Министр поднялся, робея, всегда уверенный: плотный, в мундире, с синим широким затылком. В столовой пахло цветами, гиацинты отцветали, ржавели; апельсины рыжели в вазе. Сестрица Симушка, великопостная, смиренно поклонилась. Фаддей Иваныч шел из кабинета: в шелковой рубахе перепоясанной, в лаковых сапогах. Дама в черном проскользнула, прошуршала, пахнула духами. Министр за Фаддеем Иванычем прошел в кабинет: в кабинете иконы, старинные, закопченные под светом восковым, алым лампад, смуглели; на столе стоял портрет в бархатной раме: сероглазый, обожаемый, с пробором, смотрел ласково. Фаддей Иваныч сел в кресло, в кресло усадил: глаза у него были раскосые, хитрые, бороденка клинушком. Министр просил наставления, вынул бумаги, показывал, — Фаддей Иваныч смотрел одним глазом, губами жевал: говорил странно, решительно: как быть. Как говорил—так все поворачивалось: день, судьба, история, Россия. Министр уезжал успокоенный,—записочку с каракулями держал на сердце, в бумажнике крокодиловом. Ехали дальше: над рекой туман мреял; машина в сырь, тьму гудела медленно, похоронно; дворцы вставали ровными рядами окон, часовые стыли; по красным дорожкам министр подымался бесшумно; паркеты, мрамор, золото рам блистали.

В госпитале ночью раненые сошлись: трое присели на кровать к выздоравливающему—фейерверкеру Федюку. Федюк лежал серьезный, бородатый, смиренноглазый: ночью в палате говорили об измене. Измена была всюду — раненые шептали, крестились, поминали Расею. Расея раскидывалась: полями предмартовскими, в снегу, путями дольними — в Сибирь, в Азию, в степи, проселками; черными деревнями: в деревнях тоже шептались—про измену. Русь ночная лежала во тьме, зарницы полыхали, поезда шли, везли: скот, людей, сено, орудия. Раненые в лазаретах бредили, стонали, умирали. Артиллерия била—по 13-му стрелковому день и всю ночь—на утро началось наступление. Неприятельские цепи раскидывались, пока били по цепям, колонна обходила далеко: к вечеру означился прорыв. Связь между частями утратилась. Части отступали назад, без дороги. Из штаба 13-му предписано было ночью оставить позиции, отступить. Ночью без огней полк вылез из окопов, свернулся, начал отступление; шли всю ночь, ракеты лопались, артиллерия бухала: при-

крывала отступление. К утру вышли к болоту, обозы увязли. Пока бились с обозами, слева, из-за леска, по обозам стала бить артиллерия: полк обошли, отступление отрезали. На военном совете постановили: пробиваться на соединение. Полк голодный, бессонный, стал пробиваться в обход, расстроился, сбился, увяз, разбрелся по лесам, топям, болотам. Через пять дней пристали к разным частям солдаты безумные, серолицые, мокрые. Их накормили, одели, дали выспаться. Отступление продолжалось.

В пользу жертв войны, в белом зале, был чай, танго. С'езжались к пяти: Крушинский, Мэри, адвокат. Белели: накрахмаленные скатерти на столиках, вырезы фраков, в красный ковер пушистый нога вникала вкрадчиво; плечи розовели матовостью жемчужной. Лакеи на подносиках разносили: кофе, печенья. Дух Англии витал, делал руку в сияющей манжете суше: привыкшей к теннису, к спорту,—руку расслабленную, с ногтями миндалевидными. Танго начиналось: юноша, напудренный, с синими тенями в впадинах, женщина в платье открытом, льющемся шелком, шифоном,—приникая, сближаясь, замирая, цепенея, сковываясь судорогой; наклонялся губами над ртом, звал, мучил, близился, уклонялся. Так, цепенея, прошли по сцене, — наконец, запрокинул ее на руку, замершую, обессилевшую. Мужчины зааплодировали, женщины щурились, смотрели в лорнеты, — легкий запах духов, табака, пудры плыл. Зоя выступала, читала Бальмонта, сжимала худые руки, с голосом звенящим, впадиной ключицы, глазами прекрасными. Чай был удачен, — для жертв войны очищалось: на махорку, портянки, бумагу.



Мих. Слонимский.

Копыто коня.

(Рассказ).

Снаряд врылся в землю и вздохнул, чтобы, как кит, вырыгнуть к небу песок и траву, чтобы в черном дыму дрожало раскаленное железо. Земля треснула, и Мацко взлетел на воздух.

В тот момент, когда тело его отделилось от земли, он увидел себя со стороны: вот он, распластав руки, режет воздух; голова втянута в плечи, лицо напряглось, глаза выпучены, подогнутые колени защищают живот.

Мацко перекувырнулся и пал на спину. Пена, дрожа, обрывалась с тяжелой узды испуганного его коня на лицо, на гимнастерку ему и рядом—на желтую сохлую траву. И вот—неба нету, ничего нету, над лицом—поросшее длинным рыжим волосом копыто коня. Копыто медленно опускается и, конечно, разможжит череп.

Мацко зажмурил глаза и закричал так, будто ему помазали кишку иодом. Копыто тяжело опустилось ему на грудь, и Мацко явственно слышал: грудь у него хрустнула, как дерево от мороза.

Конь, перешагнув через его тело, понесся по полю, взрывая копытами землю, шарахаясь от снарядов, останавливаясь, поворачивая то назад, то вправо, то влево и безумея от страха и ярости.

Мацко, боясь дотронуться до разбитой груди, кричал.

Вестовой схватил его, приподнял и кинул в пулеметную одноколку. Возница хлестнул вожжами по дрожащим бокам лошади, и одноколка запрыгала по вспаханному полю.

Офицер кричал вознице:

— Остановись! сбрось! не могу!

Но одноколка мчалась сквозь дым и грохот, перескакивала с межи на межу, кренилась и примчала офицера в лес.

И только в лесу Мацко потерял, наконец, сознание. Очнулся на поляне под деревом и простонал:

— Доктора...

Доктор не приходил, и офицер повторил:

— Я, кажется, ясно просил доктора.

Никто не ответил.

По поляне шагал поручик Сущевский, а в стороне врастяжку лежали стрелки. Других офицеров, кроме поручика, Мацко не увидел. Вестового среди стрелков тоже не было: убит должно быть.

Поручик Сущевский восклицал, шагая:

— Изменники! Подлецы! Сволочи!

Стрелки молчали, и глаза у них дымились злобой, как крученки махрой.

— Поручик,—сказал Мацко,—я не могу тронуться с места.

— Хотите остаться с ними? Я ухожу.

— Почему?

— Потому, что они изменники и подлецы.

Мацко сцепил зубы и, не выпуская стона, которым наполнилось тело, встал. И когда встал, стон вырвался, но Мацко досадливо спрятал его снова глубоко в сердце.

Все тело стонало: руки и грудь. Главное—грудь. Там, наверное, ни ребер, ни ключиц—одни осколки. Осколки рвут кожу, углами торчат всюду. Все изломано и перебито. Над головой—голубой осколок неба. Оскольчатые деревья торчат острыми ветвями в воздух, и режут слух острые слова поручика:

— Я ухожу.

Широкую спину уходящего поручика догоняют колючие взгляды стрелков. Мацко вздрогнул: взоры стрелков уже врезываются ему в мясо, рвут.

— Поручик, я с вами.

Сущевский остановился. Он кажется большим, как гора.

— Идемте.

Что гора скажет—то долина слушай. Захочет гора—сольет ручьи по склонам, увлажнит и зазеленит долину. Захочет—сокрушит долину камнем.

— Поручик, помогите, не оставляйте меня.

Одноколка стоит в стороне, уткнулась оглоблями в землю: спит.

— На одноколке бы...

Возница, тот самый, который домчал Мацко в лес, сказал злобно:

— Посмей только... Ишь нашелся... Наше, небось.

По лесу каждый шаг для Мацко—верста. Корни хватают за ноги; пни вырастают из земли; ветви рвут зеленую гимнастерку, желтые штаны, лиловую кожу на лице; воздух меж стволов оплетен паутиной. Все это для того, чтобы Мацко упал.

Мацко не падал.

Только бы не стонать. С каждым стоном из тела уходит сила. Сцепить зубы и двигать ногами вперед, вперед.

Если корень—нужно поднять ногу повыше,—если пень—обойти. Какой большой и темный лес! Долго ли итти?

Поручик шагал, опустив голову. Обернулся вдруг:

— Хорошо еще, что не убили и оружия не отобрали. Могли и это.

И снова пошел.

Мацко в ответ только улыбнулся, и улыбка, дергая мускулы, долго и мучительно стыла на губах, пока не слетела, наконец, со стоном.

— Вам больно?

Мацко, остановившись, кивнул головой. Поручик стоял перед ним большой и сильный, как гора. Конечно, он сейчас подымет Мацко огромными своими неизломанными руками и понесет.

Поручик Сущевский повернулся и пошел дальше... Мацко постоял, ожидая. Где же руки, которые понесут его? Нет рук.

— П...по...

Поручик исчез меж темных стволов, и тело Мацко от страха задрожало мелкой дрожью. Он заторопился, подымая ногу и перекидывая ее через корень. Зачем столько корней, и пней, и деревьев?

Все цепляется, рвет, душит. И осколки бьются и колют в груди.

Сжав кулаки, Мацко двинулся быстрей. Вот широкая спина Сущевского. Он стоит и ждет, развернув полевую карту.

— Вы не можете скорей? Нам далеко, версты три еще до ближайшей деревни. Там наши.

Пока он разглядывал полевую карту, Мацко не двигался, наслаждаясь тем, что он может стоять неподвижно, может быть, даже сесть.

Поручик свернул полевую карту. Мацко, чтоб хоть полминуты еще не двигаться, разжал губы и пропустил вопрос:

— А... а как... зовется деревня?

— Батрашкино.

Мацко обдумывал, какой бы еще вопрос задать. Но темные волны бились в голову, шумели в ушах и застилали зрение. И упорный глаз увидел: поручик Сущевский уходит.

— А... тут... нет дороги?

Поручик, обернувшись, бросил:

— По дороге опасно. Раз'езды.

Мацко, скрепившись, пробирался вслед за поручиком.

Осколки бьются в груди—и от них эта дрожь вокруг, и наплывающая тьма, и рожи, усмехающиеся с ветвей.

Рухнула гора, и он, осколок, катится в тьму, туман и боль. Шатается и царапается все вокруг. Быстрей, быстрей,—вниз—сквозь тьму, туман и боль.

И все оборвалось вдруг, так неожиданно, что Мацко упал ничком и закричал от страха и оттого еще, что грудь его задребезжала, и по телу прошлась тысяча ножей, полосуя мясо.

Увидел на рукаве гимнастерки темно-красный сок и стих: кровь. Значит, конец.

Но это была черника.

Мацко лежал на поляне.

Поляна обросла кустами крупной черники, и меж гроздьев черной ягоды белели, качаясь от теплого ветра, ландыши.

Поручик Сущевский опустился в траву, и черничный сок брызнул ему на китель и штаны. Он рвал чернику и горстями пихал в рот.

— Нужно итти дальше,—сказал он, наконец.

Мацко лежал на животе пред ним.

— Я не могу.

— Вставайте, еще немного.

— Не могу.

— Сделайте над собой усилие.

— Не могу.

И Мацко глядел на поручика в ожидании. Конечно, он сейчас возьмет его на руки и понесет. Сущевский сказал:

— Не могу я вас нести. Я сам еле двигаюсь. Двое суток не жрал.

— Вы... еле...

— А вы что думали? Железный я, что ли?

— Врешь.

— Что врешь?

Нужно об'яснить: ведь у поручика тело не изломано. Если он, Мацко, прошел столько, когда у него не грудь, а осколки, когда... Но говорить трудно. Можно только повторять бессмысленно:

— Врешь.

Поручик Сущевский ел чернику, пачкая темно-красным соком губы.

— Встаньте или оставайтесь здесь. Подберут. Я из деревни пришлю.

— Врешь.

— Что врешь?

— Все врешь.

Поручик Сущевский вскипел вдруг.

— Я из-за тебя, сволочь этакая, сколько времени потерял. Я разве без тебя так медленно шел бы? Я б давно в деревне кашу жрал.

— Врешь.

— Вот добью тебя,—так...

Поручик Сущевский повернул спину и пошел. Он—не гора: человек. И от него—тьма, туман и боль. Куда увел? Зачем? Оба—и Мацко и Сущевский—люди.

Мацко с трудом повернулся на левый бок и, не спуская глаз с поручика, вытянул из кобуры револьвер. Прицелился, опустил дуло и снова поднял. Дышал он тяжело и трудно.

Поручик Сущевский, пройдя поляну, у опушки, шагах в двенадцати от Мацк'о остановился, будто решив что-то.

„Добьет",—подумал Мацко и спустил курок.

Сущевский охнул так, как охает, споткнувшись, полнокровный мужчина. Нога у него зацепилась за ногу, он пошатнулся, но, сжав губы, остался на ногах.

— Сволочь,—хрипнул он.

Струйка крови, смывая черничный сок, потянулась из чуть раскрывшихся полных губ по толстому подбородку, к шее, за ворот кителя.

Мацко выстрелил вторично. Поручик Сущевский, качнувшись, упал на колени, руками удержался о землю. Так стоял на четвереньках и дышал громко и хрипло, как простуженная лошадь.

Мацко спускал курок уже разряженного револьвера, целя туда, где ворочалось грузное тело поручика Сущевского, и не мог остановиться.

Потом отбросил револьвер и долго полз по поляне к поручику. Тот лежал ничком, подвернув правую руку под живот. На левой руке, откинутой в раздавленную чернику, рукав зеленого кителя задрался, и на широкой полной кисти золотилась густая и мягкая шерсть.

Мацко склонился над ним. Лицо у Мацко—белое, точно тертое мелом, и на белом еще чернее кажутся проступившие на щеках, подбородке и над верхней, чуть вздернутой к носу губой волосы.

Поручик Сущевский перевернулся на спину, так неожиданно, что Мацко вздрогнул, отодвигаясь. Поручик глянул на Мацко и прошелестел толстыми губами что-то неслышное. Он думал, что Мацко понял его слова:

— Сволочь, я для того остановился, чтобы взять тебя на руки и понести, сукин ты сын...

И, подумав это, поручик Сущевский умер.

Мацко от усилий и напряжения опрокинулся лицом в живот Сущевскому.

Он очнулся в санитарной двуколке. Двуколка стояла на месте.

Он думал, что очнулся впервые после того, как взлетел на воздух, кинутый тяжелодышащим снарядом. Он помнил только поросшее длинным рыжим волосом копыто коня и простонал.

— Доктора...

Холщевые полотна впереди раздвинулись, пропустив с козел обросшее бородой и прыщами лицо, вот и вся голова всунулась внутрь, и на фуражке Мацко увидел красную звезду.

Санитар поглядел на Мацко и сказал:

Ишь, дите несчастное.

Мир!

Отрывок из книги С. Федорченко „Народ на войне".

Ты не пой соловьем,
все равно домой уйдем,
не дождем до осени,
теперь войну бросили.

Одно я тебе слово на все на твои на десять—домой!

Уж так-то томно здесь. Что за житье! Прежде, когда воевали, знаешь, чего у чужого хребта прибился враг, мол, велено,—соси. А теперь забыли мы, какой такой австриец враг, так чего это нам по чужим странам сохнуть, аль уж и работа-то дома не стоит?

Ищу я, братцы, правдивых слов, до конца. А то не понять, чего и пиво варивали. Царя нет, а войне конца-краю не видать. Кабы все до конца сказали бы, так уж кто как, а уж русский бы мужик дня единого войной не подышал.

Не одни мужики на свете. Ты вон французу не присягался, да за тебя пообещалися. А эти пупа не надорвут.

Плохо здесь дела идут. Вон, за сто верст, аль меньше, дерутся ведь наши-то солдатики с австрийцем. А мы сидим, совесть зазрит, а разум не велит. Трудно, уйти бы по домам.

Кто дерется, верно еще не поверили, что свобода для всех. Обманули их, вот они и воюют еще со страху-то.

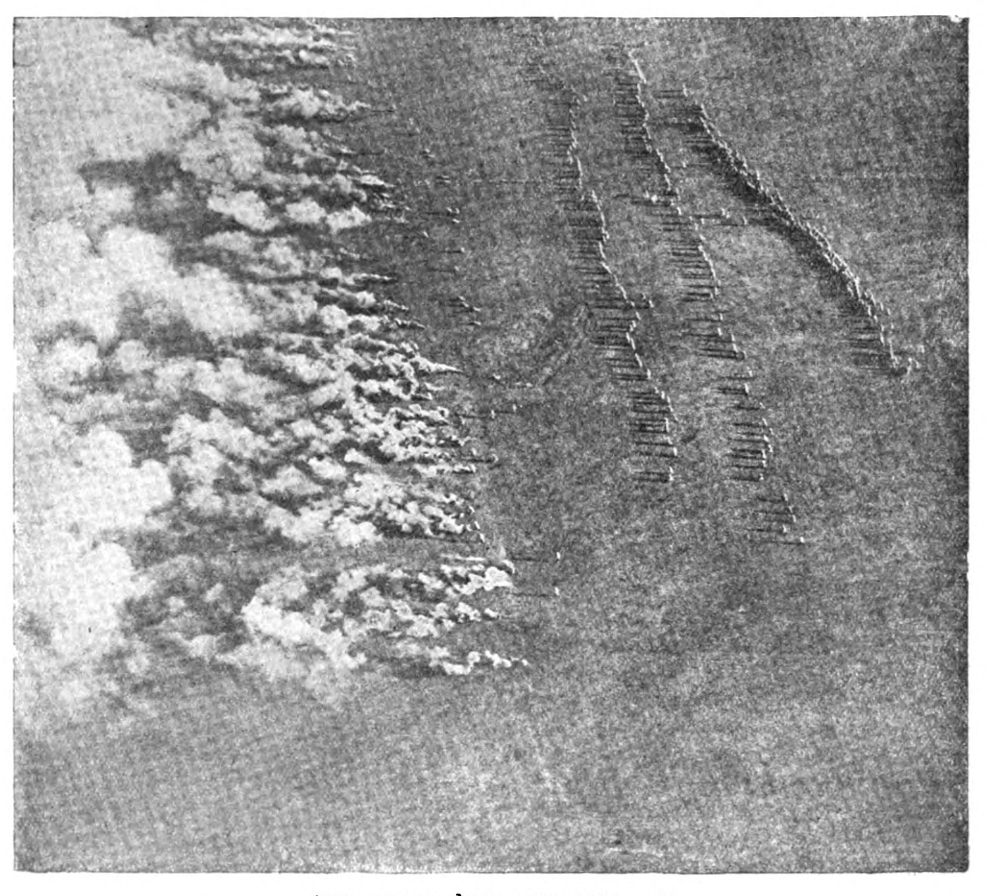
Один приезжий, сразу видно, дельный, идите, говорит, отсюда, только порядок держите, ничего не разоряйте, своего брата депутата слушайтесь, от господ подальше. А войне конец.

Сказывают, на недели прибывали Питерские Думские. Посередь военного слова их в кулаки подмяли, еле ноги уволокли. Нашли чем из Питера челом солдату бить, а еще бородатые.

Все больше адвокаты, законники разные. Небось, от старого медку никак не отлипнут,—сколько годов питались! Вот им и не понять никак, чего это вдруг солдат воевать перестал. Нового-то закону не раскусили еще.

Коли уж при царе защищали, так теперь, мол, особливо воевать нужно, когда все свое. А того не домыслят никак, что войной мира не добыть. А нам и строиться нужно, и закон новый утвердить, время ли нам теперь с чужими людьми дракой тешиться?

Нашим, мол, геройством гордились. А и все-то геройство наше с того шло, что некуда нам податься было. А как не с этого, так больше полоумные геройствовали.



Газовая волна. Справа видны цепи солдат.

Удали некуда деть было, а мы народ удалой. Теперь, как настоящим делом призаймемся, так удаль-то лучше девкам будем показывать, чем немцу, серьезному человеку.

Богу маливалися,
на царя надеялись,
от них отвалилися,
по домам нацелились.

Не нам одним мир-то надобен. Вон и пленные всякие по домам запросились, про свободу услышавши. А им,—погодите, мол, мира еще нет. А бабам-то нашим каково без мужней головы со свободами обращаться? Трудно ведь с непривычки.

Страшусь я, что дома увижу. Изнищила нас война до-чиста, от дела отбила, силы поубавила. За одно войне спасибо, до самого краю довела, дальше-то и некуда было. Вот и пересигнули.

Наш брат, рядовой, всегда хорошо знал, что простому та война кроме худова, ни к чему. Земли у нас помещичьей до некуда. Так неужто нам еще у иностранцев землю отнимать?

Наплевали на амбицью,
растеряли амуницью,
хоть приставь Дума полицью,
не вернемся на позицью.

Вы молодчики хваты,
солдатские депутаты,
коль вы кровные нам братцы,
не гоните с немцем драться.

Как солдат воевал,
царю славы добывал,
а как сшибли мы царя,
так чего нам драться зря?

Встал, месяц светит. Пошел-побрел до городу. Полуднем через город перебег, на эту дорогу вышел. Иду домой, и чем я от войны подальше, тем на душе моей тихости больше. Иду домой—мирное житье строить.

Никто нас на позиции не останавливал. Кричал кто-то из наших же солдат, мол, сукины дети. Только мы времени не теряли за обиду драться. Привычные.

А наш депутат револьвер вынул: говорит, застрелится как уйдем. А пускай его. Лучше одному под пулей-то гинуть, а нас дома ждут.

Им хорошо, самые важные дела делают, свободно туда-сюда раз'езжают. А нас, небось, целой-то частью в Питер не пошлют. Вот мы и снялись сами.

Да уж теперь на фронте не погеройствуешь. Товарищи засмеют. Мы свою удаль домой снесем,—там она в цене.

Конечно, перед тещей-то погероистей будешь, чем перед дядей немецким. Идите, идите. И псу хвост-то поджатый на ходу не помеха, только не сберечь такому добра.

Я теперь ни в жизнь воевать не стану. Как только сказали, начальство не очень для нас важно, так я врага полюбил,—всякую его обиду жалко.

Стыдно-то стыдно, да не больно видно. Все как один, все домой хотим. Чего у тебя отнято? Бить-то не за что, а дома дела стожища, вот и пошли.

На солдатскую спину
царь войну надвинул;
воевать нам неохота,
коль теперь наша свобода.

Коль настала революцья,
жить народам без господ,
а солдатска резолюцья,
по домам чтобы поход.

Земли, да земли. Конечно, земля для нашего брата первое дело; однако, земля-то без устройства и на кладбище не годится. Надо сперва господ устроить, машины да суды. А первое дело войну замирить. Земля же не уйдет.

Ты, Керенский, депутат
солдат не обманешь,
не пойдем мы воевать,
даром словом манишь.

Год, который воевал,
царю славы добывал,
да от той от славы
крестьянство ослабло.

Год, который воевал,
царю славы добывал,
а царь славы не сберег,
о . . . . , да убег.

Уж так-то мне лестно,
что я стал известный,
воевать артачился,
в газетах зазначился.

Ночью проснусь, сяду, а руки просто горят, — до дела рвутся. Куда уж тут воевать!

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.

Краткая библиография мировой войны.

Грандиозный катаклизм, потрясший буквально все человечество, вызвал уже сейчас огромную литературу. Не говоря о многочисленных трудах, специально посвященных мировой войне, вся послевоенная политическая и экономическая литература Запада так или иначе связана с ней. С другой стороны, самые разнообразные довоенные исторические и политико-экономические работы—могут быть смело помещены в библиографию мировой войны, так как они рассматривают процессы, подготовившие или вызвавшие последнюю. Создание полной библиографии требует поэтому коллективной работы нескольких исследователей, об'единенных в специальном Институте и располагающих техническими возможностями учитывать весь уже появившийся и безостановочно публикуемый книжный и журнальный материал.

Задача нашего краткого библиографического указателя—гораздо более скромная. Составители его имели в виду дать перечень основных работ, имеющих при том непосредственное отношение к мировой войне. Все труды, имеющие лишь косвенную связь с последней (особенно часто по сложному вопросу о происхождении войны или по послевоенной политико-экономической действительности) сознательно не были включены в список. Равным образом были опущены работы, хотя и посвященные непосредственно войне, но имеющие своим предметом какой-нибудь отдельный эпизод ее, интересный лишь для специалиста (напр., описание отдельных военных операций). Мало того, в виду того, что настоящее издание рассчитано на русского массового читателя, составители стремились дать более или менее полный обзор лишь русской литературы по мировой войне. Из иностранной литературы даны поэтому лишь наиболее ценные труды, имеющие капитальное значение. Названия этих трудов даны в русском переводе с указанием в скобках языка, на котором они написаны.

Для того, чтобы облегчить пользование списком, он разделен на следующие основные отделы:

I. Возникновение мировой войны: А. Материалы. В. Мемуары. С. Исследования.

II. Ход войны: А. Военная борьба. В. Дипломатия во время войны. С. Рабочее и революционное движение во время войны.

III. Результаты войны: А. Мирные конференции и договоры. В. Социально-экономические последствия. С. Послевоенные конфликты.

Надо иметь, конечно, в виду, что отнесение книги к какому-нибудь отделу во многих случаях носит условный характер; многие работы сплошь и рядом посвящены не одной, а нескольким проблемам. В списке они внесены в ту или другую рубрику, таким образом, по их преобладающему содержанию.

Указывая книгу, составители всегда стремились зафиксировать места и год издания, число страниц и пр. В тех случаях, когда одно из этих данных отсутствует—это об'ясняется несовершенством тех источников, которыми приходилось пользоваться. Пояснительные указания к книгам носят, понятно, самый общий—ориентировочный характер.

Составители, конечно, вполне сознают недостатки своей работы, об'ясняемые отсутствием разработанных библиографических материалов, хотя бы по отдельным вопросам мировой войны.

В. Гурко-Кряжин, В. Добрянский.

I.

История возникновения войны.

А. Материалы.

1. Красный Архив—Журнал. Изд. Центроархива.

2. Анналы—Журнал. Изд. Российской Академии Наук.

3. Русско-Германские отношения 1873—1914 гг. (Документы из секретного архива б. министерства иностранных дел). Изд. Центроархива. Москва 1922 г. Стр. 208.

4. Материалы по истории французско-русских отношений, НКИД 1922 г., стр. 733.

Эти четыре издания дают самый ценный для русского читателя материал.

5. Переписка Вильгельма II с Николаем II (1894—1914 г.г.) с предисловием М. Н. Покровского. Центроархив. Госиздат 1923 г., стр. 198.

6. Переписка Николая и Александры Романовых. С предисловием М. Н. Покровского. Центроархив. Госиздат т. I, II, III и IV.

7. Дневник императора Николая II, Кн-ство „Слово". Берлин 1923 г., стр. 275.

8. Политика европейских кабинетов 1871—1914 г. Германские секретные документы по выяснению причин войны. Внешняя политика с 1871 г. (нем.)

9. Письма и телеграммы, касающиеся начала военных действий. 4 тома известны под названием „Документы Каутского" (нем.).

10. Тайные договоры Австро-Венгрии. Содержат секретные дипломатические документы. (нем.).

11. Австрийская красная книга. Аналогична изданию Каутского (нем.).

12. Великие державы в Восточной Азии с 1894 по 1914 г. Дипломатическая история сношений европейских держав со странами востока в свете мировой войны (нем.)

13. Зиберт. Дипломатические документы к истории политики Антанты в предвоенные годы.—Переписка между русским министром иностранных дел и росс. послом в Лондоне. (нем).

14. К европейской политике 1897—1914 гг. Изданные германским правительством тенденциозно подобранные секретные бельгийские документы после занятия Бельгии (нем.).

15. Бельгийские документы 1905—1914 гг.—дополнение к предыдущему (нем.).

16. Сборник секретных документов из архива б. Министерства иностранных дел. Изд. НКИД. 1918 г. 7 выпуск.

17. Вторая белая книга. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая разрыву с Турцией. Изд. „Освобождение". Петроград. 1915 г., стр. 144.

В. Мемуары.

18. Бисмарк О. Вильгельм II. Воспоминания и мысли. Пер. с нем. с пред. М. Павловича. ГИЗ 1923 г., стр. 174. Ценные материалы для характеристики Вильгельма II.

19. С. Ю. Витте. Воспоминания. Царствование Николая II. Том I ГИЗ. 1923 г., стр. 408. Том II—1925 г. стр. 518.

См. рецензии Покровского в „Печ. и Revол." 1922 г. № 7 стр. II.

20. Извольский. Воспоминания. Изд. „Петроград". 1924 г., стр., 191.

Все последующие мемуары (от 21 до 36) на основании личных воспоминаний и тенденциозной обработки материалов пытаются решить вопрос о виновниках войны. Дают богатый материал для характеристик.

21. Вильгельм II. Мемуары. События и люди 1878—1919. Пер. с нем. С предисловием Луначарского. Изд. Френкель, стр. 166.

22. Пурталес. Между миром и войной. Пер. с нем. С предисловием В. Кряжина. ГИЗ 1923 г., стр. 36.

23. Палеолог. Царская Россия во время мировой войны. Пер. с французск. с предисловием М. Павловича.

24. Эрцбергер. Германия и Антанта. Пер. с нем. с вводной статьей В. Кряжина. ГИЗ 1923 г., стр. 357.

25. Записки германского кронпринца. Пер. с нем. с пред. В. Кряжина ГИЗ. 1923 г., стр. 269.

26. Бьюкенен. Мемуары дипломата. Перев. с англ. с прилож статьи Керенского. С пред. Гурко-Кряжина. ГИЗ, стр. 297.

27. Пуанкаре. Происхождение мировой войны. Изд. „Мир". Москва 1924 г. с предисловием Бороздина. Вступит. статья В. Н. Покровского: „Кто такой Пуанкаре?", стр. 256.

28. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. С пред. М. Павловича. Изд. В. В. Р. С.

29. Ягов. Причины и возникновение мировой войны (нем.).

30. Лорд Фишер. Мемуары (англ.). Морская подготовка Англии перед мировой войной. Имеются ценные указания по вопросу об активности империализма.

31. Черчиль. Мировой кризис 1911—1914 (англ.).
32. Бюлов. Кризис (нем.).
33. Лорд Хольден. Перед войной (англ.). Выходит в русском переводе с предисловием В. Кряжина. ГИЗ.
34. Бетман-Гольвег. Размышления (нем.).
35. Мольтке. Воспоминания, письма и документы (нем.).
36. Вивиани. Ответ Кайзеру (франц.).

С. Исследования.

37. Ленин. Собр. соч., особенно: Империализм, как последний этап капитализма.
38. Зиновьев. Англия и Германия перед мировой войной. О причинах войны 1914—16 гг. Изд. „Прибой" Петр. 1917 г., стр. 61.
39. Его же. Тройственный союз и тройственное согласие. Там же.
40. М. Павлович. Франция накануне мировой войны. Изд. „Коммунист", стр. 154.
41. М. Павлович. Борьба за Азию и Африку. Изд. Научной Ассоциации Востоковедения. Москва 1923 г.
42. Его же. Империализм. Изд. „Красная Новь" 1923 г. стр. 234.
43. Его же. Милитаризм, маринизм и война 1914—18 г.г. Москва 1918 г., стр. 124.
44. Его же. Интернационал смерти и разрушения, Кн-ство „Коммунист". Москва 1918 г., стр. 138.
45. Каутский. Как возникла мировая война. Изд. „Красная Новь" 1924 г., стр. 230.
46. Ньюбольд. Как Европа вооружалась к войне. (1871—1914). Изд. В. В. Р. С. 1923 г., стр. 141.
47. Нольде. Начало войны. Опыт дипломатической истории. 1914 г. Изд. „Русская Мысль".
48. М. Н. Покровский. Внешняя политика. Сб. статей. Кн-ство „Денница". 1919 г.
Из иностранных изданий укажем:
49. Валентин. Немецкая внешняя политика. Германская политика со времени ухода Бисмарка. Попытка об'ективного исследования (нем.).
50. Каннер. „Катастрофа императорской политики" (нем.). Имеются ценные малоизвестные материалы.
51. Гамман. К истории возникновения великой войны. Очень ценные материалы (нем.).

II.

Ход мировой войны.

А. Военная борьба.

1. Военная Мысль и Революция. Журнал. Изд. В. В. Р. С.
2. Военный Зарубежник. Вестник научн. о. при Военной Академии Р. К. К. А.
3. Армия и Революция. Научный военно - политический журнал. Изд. В. Р. С. укр. воен. окр. гор. Харьков.
4. Военный Вестник. Военно-политический еженедельник.
5. Морской Сборник. Журнал. Ленинград.
6. Вестник Воздушного Флота. Журнал. Орган У. В. Возд. Сил.
7. Техника и Снабжение Красной Армии. Журнал. Москва.
8. Революция и Война. Научн. военно-политический журнал. Орган В. Р. С. и военно-научного клуба Запфронта.
Все указанные журналы являются главнейшими военными периодическими органами. В ряде оригинальных статей и критических обзоров—множество ценного материала по отдельным вопросам, связанным с военной историей мировой войны.
9. Военно-исторический Сборник. I, II, III и IV выпуски трудов. комиссии по исследованию и использованию опыта мировой войны. Москва, ГВИЗ, стр. 769.
10. Военно-инженерный сборник. Материалы по истории войны 1914—1918 гг. Москва.
11. Стратегический очерк войны 1914—18 гг. в 7 частях. I ч.— Цихович, II ч.— Корольков, III и IV ч.— Незнамов, V ч. — Клембовский, VI и VII ч.—Зайончковский. Изд. ГВИЗ, стр. 1096. Капитальное издание, охватывающее историю военной борьбы на востфронте.
12. Зайончковский. Мировая война. ГВИЗ. Сжатый стратегический очерк операций на всех фронтах.
13. Отто Ф. Мозер. Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—18 гг. Перев. с немецк. Изд. В. В. Р. С., стр. 160.
14. Саджент. Стратегия на западн. фронте 1914—18 г. г. Пер. с англ. под редакцией В. Новицкого. ГВИЗ, стр. 153. Интересен изучением Салоникского фронта и роли американских войск на западном фронте.
15. Жоффр. 1914—15 гг. Подготовка войны и ведение операций. Пер. с франц. ГВИЗ.
16. Проф. Котляревский. Австро-Венгрия в годы мировой войны. Изд. ГВИЗ, стр. 111.
17. Корд. Мировая война. Изд. ГВИЗ.
18. Война на море 1914—18 г. г. Пер. с нем. ГВИЗ, стр. 252.

19. Военно-морская комиссия по исследованию и использованию опыта войны 1914—18 г. г. на море. Сборники № 1 и № 2. ГИЗ. Петроград.

20. Г. Куль. Германский Генер. Штаб. Его роль в подготовке и ведении мировой войны. Пер. с нем. под ред. Беренса. ГИЗ. Москва, стр. 224.

21. Артиллерия в войну 1914—1917 г. г. на франко-германском фронте. По сочин. фран. артил. генерала Гаскуэна составил Макшеев. Изд. ГВИЗ. Москва, стр. 139.

22. Крамон. Наш австрийский союзник (н е м). Общий обзор военного участия Австрии.

23. Новак. Путь к гибели и крах Центральных держав (н е м.). Описывают последовательное течение войны и ее возникновение.

24. Лиман Ф. Сандерс. Пять лет в Турции (н е м.).

25. Нокс. С русской армией 1914—1917. Записки очевидца—английского военного представителя на русском фронте (а н г л.).

26. Дюпон. Высшее германское командование. (С германской точки зрения). С предисловием Жоффра. Пер. с франц. ГВИЗ 1923 г., стр. 111.

27. Ген. Саррайль. Мое командование на Востоке (1916—18 г. г.) (ф р а н ц.). О македонском фронте.

28. Британские воздушные силы в мировой войне. Пер. с англ. Изд. Главвоздухфлота. Москва 1921 г. Офиц. отчет Британского воздушного министерства.

29. Кюльман. Курс общей тактики по опыту великой войны, ч. I и II. Пер. с франц. под редакц. А. Е. Снесарева. Изд. ГВИЗ. 540 стр.

30. Фуллер. Танки в великой войне (1914—1918). Пер. с англ. под редакцией Новицкого. Изд. ГВИЗ.

31. Лефебюр. Загадка Рейна. Химическая стратегия в мирное время и во время войны. Изд. „Военный Вестник". Москва 1923 г., стр. 183.

32. Ле-Энаф и Борнак. Французские железные дороги и война. Пер. с франц. ГВИЗ. 1923 г., стр. 284.

33. Ольно. Турция и война (ф р а н ц.).

34. Мелиа. Алжир и война 1914—1918. (ф р а н ц.).

35. Шене. Народы Закавказья во время войны и мира (ф р а н ц.). Закавказье в период союзнической оккупации.

36. Корольков. Стратегический очерк войны 1914—1918 г. г. Изд. ГВИЗ, стр. 186.

37. Сношения с союзниками по военным вопросам во время войны 1914—18 г. г. Составил Валентинов. Изд. Военно-Истор. Комиссии по исследованию и использованию опыта войны. Исключительно важное пособие.

38. Геппнер. Война Германии в воздухе. Изд. ГВИЗ. Пер. с нем под ред. и с пред. А. Лапчинского, стр. 184.

39. Жданов. Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918. Изд. ГВИЗ, стр. 376.

40. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918. Пер. с нем. под редакц. А. Свечина. ГВИЗ, стр. 315. Один из самых ценных трудов по военному обзору фронтов великой войны.

41. Воспоминания Гинденбурга. Пер. с нем. Изд. „Мысль". Петроград 1922 г., стр. 120. Значительно слабее; к сожалению, сокращены.

42. Фалькенгайн. Верховное командование 1914-18 г. г. в его важнейших решениях. Пер. с нем. под ред. А. Е. Снесарева. Изд. ГВИЗ, стр. 272. Фалькенгайн—заместитель Мольтке после битвы на Марне в должности Нач. Герм. Генеральн. Штаба.

43. Риттер. Критика мировой войны. Наследство графа Мольтке и Шлиффена в мировой войне. Пер. с нем. под ред. Калинского. Воен. Изд. Петр. В. О. 1923 г. XV + 202 стр. Полемика по военным вопросам.

44. Маниковский. Боевое снабжение русской армии. Три части. Изд. ГВИЗ, стр. 556. Написана исключительно на основании документов и потому имеет большую ценность в качестве материала для исторического исследования.

45. А. А. Поливанов. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника в 1907—16 г. г. С пред. М. Павловича. Изд. ГВИЗ.

46. Фрейтаг-Лорингофен. Выводы из мировой войны. Пер. с нем. под. ред. Мартынова. Изд. ГВИЗ, стр. 76. Посвящена вопросам военного миросозерцания.

47. Консет. Торжество невооруженных сил 1914—18 г. г. (а н г л.). Обосновывает первостепенную важность экономической борьбы во время мировой войны.

48. Лемке. 250 дней в царской ставке. ГИЗ.

Кроме того см. I, В, 25.

В. Дипломатия во время мировой войны.

В виду того, что дипломатическая история в 1914—1918 г. г. тесно связана с вопросом о генезисе мировой войны, мы отсылаем читателя к I отделу, особенно к №№ 1, 2, 6, 7, 16, 17, 21—36. Кроме того:

49. Вестник Наркоминдела. С 20 июня 1919 г.

50. Международная Жизнь. Еженедельник Наркоминдела.

51. Бюллетень Наркоминдела. С 1920 г.

52. Международная жизнь. Журнал Наркоминдела с 1922 г.

53. Палеолог. Царская Россия накануне революции. С пред. Павловича. ГИЗ. 1923 г., стр. 471.

54. Эрцбергер. Германия и Антанта. С вводной статьей В. Кряжина. ГИЗ. 1923 г. стр. 357. Интересен момент переговоров с Италией.

55. Чернин. В дни мировой войны. Пер. с нем. с пред. Павловича. ГИЗ, стр. 296.

56. Андраши. Дипломатия и война (н е м.). Критика политики Германии во время войны.

57. Мантейер. Австрийское мирное предложение (нем.). Интересный эпизод попытки Австрии через посредство Сикста Бурбонского завязать мирные переговоры.

58. Зиберт. Дипломатические документы по истории политики Антанты (нем.).

59. Европейские державы и Турция во время мировой войны. Раздел азиатской Турции. По секр. док. б. мининдел под ред. Адамова. Изд. НКИД. 1924 г., стр. 383.

60. Европейские державы и Греция в эпоху мировой войны. По секр. док. б. мининдел с прилож. копий дипломатич. документов. Под ред. и с вступительной статьей Е. А. Адамова. Изд. НКИД. 1922 г.

61. Луначарский. Италия и война. Петроград 1918 г., стр. 134.

62. Джемаль-Паша. Мемуары турецкого государственного деятеля (турецк.).

63. Джиолитти. Автобиография (итальянск.).

С. Рабочее и революционное движение во время войны.

См. также I, А, I.

64. Под знаменем марксизма. Ежемесячник. Изд. „Материалист“ с 1922 г., теперь „Правда“.

65. Коммунистический Интернационал. Журнал ИККИ с 1 мая 1919 г. Особенно № 5—6, 1924 г., посвященный юбилею войны.

66. Пролетарская Революция. Журнал Истпарта.

67. Манифест Коминтерна к мировому пролетариату (по поводу десятилетия мировой войны). Принят V Конгрессом Коминтерна. С полит. словарем и статьей Вольфсона „Мировая война и ее последствия“ ГИЗ. 1924 г.

68. Ленин. Собрание сочинений т. XIII. Мировая война (1914—1916 гг.).

69. Зиновьев и Ленин. Против течения. Изд. Петр. Совета 1914 г., стр. 550.

70. Зиновьев и Ленин. Социализм и война. Изд. „Прибой“ 1918 г., стр. 64.

71. Зиновьев. Война и кризис социализма. Т. I и II. ГИЗ.

72. Его же. Австрия и мировая война. Петроград 1918 г., стр. 98.

73. Его же. Причины краха германской с.-д. Изд. „Прибой“. Петроград 1917 г.

74. Троцкий. Война и Революция. Т. I и II. ГИЗ.

75. Его же. Годы великого перелома. ГИЗ, стр. 164.

76. Интернациональная и мировая война: материалы, собранные Карлом Грюнбергом. С пред. Зиновьева. ГИЗ. 1919 г., стр. 352. Множество ценных документов для иллюстрации предательской роли вождей II Интернационала в мировой войне.

77. Рязанов. Международный пролетариат и война. Сборн. статей 1914—1916 гг. ГИЗ. 1919 г., стр. 107.

78. Меринг. В эпоху войны и краха Интернационала. Всеукраин. Изд. 1919 г., стр. 52.

79. Плеханов. О войне. Петр. 1917 г. Плеханов стоит, как известно, здесь на социал-патриотической точке зрения. См. также его „Борьба за мир и восстановление интернационала“.

80. Мартов. Против войны. Сборн. статей 1914—16 гг. Изд. „Возрождение“. 1917 г. Характеризует точку зрения „центра“.

81. Д. Сверчков. На заре революции. ГИЗ 1922 г., стр. 312.

82. А. Шляпников. Канун семнадцатого года. Воспоминания и документы о рабочем движении и революционном подполье за 1914—1917 гг. В 2-х частях. ГИЗ, стр. 428.

83. Карл Радек. Роза Люксембург, Карл Либкнехт и Лео Иогихес. Изд. „Красная Новь“ 1924 г., стр. 69.

84. Либкнехт. Мой судебный процесс. По докум., с предисловием Зиновьева.

85. Памятники агитационной литературы. Р. С.-Д. Р. П. Том VI (1914—1917 гг.).

86. Канун революции. С пред. Маевского. Петроград 1918 г. Рабочее движение 1915—1917 гг.

87. Дран и С. Леонард. Подпольная литература революц. Германии за время войны. Изд. „Красная Новь“ 1924 г., стр. 176.

88. Дыбенко. Мятежники. Изд. „Красная Новь“ 1924 г., стр. 111. Предфевральская подпольная революционная работа среди моряков.

89. Война, Ленин и ленинизм. Сборник ст. ст. Зиновьева, Цеткин, Фрунзе и др. ГИЗ.

90. А. Поль-Дюбуа. Ирландская драма (Борьба Ирландии за независимость. Изд. Петроград 1924 г.) в сжатом изложении В. Омикрона, стр. 51. Скверное буржуазное извращение национального революционного движения в Ирландии во время войны.

91. Шейдеман. Крушение Германской империи. Пер. с нем. с пред. М. Павловича. ГИЗ 1923 г., стр. 325. Может быть использована для иллюстрации предательской роли социал-патриотов.

92. Херасков. Англия до и во время войны. Под ред. Покровского. Изд. Ком. Ун. им. Зиновьева, 1923 г.

93. М. Н. Покровский. Франция до и во время войны. Изд. Ком. Ун. им. Зиновьева 1923 г., стр. 108.

94. Антонов. Германская социал-демократия и война. Изд. М. К. и Обл. Бюро Ц. К. Москва, 1917 г., стр. 32.

95. Гортер. Империализм, мировая война и социал-демократия. Пер. М. И. Ульяновой. Пред. И. И. Степанова. ГИЗ, 1920 г., стр. 162.

III.

Последствия войны.

А. Мирные конференции и договоры.

Брест—см I, А, 1 и 2, также II, В, 49—52, кроме того:

1. Мирный договор между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с другой. НКИД. Москва 1918 г.

2. Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. I. Пленарное заседание. Заседания политической комиссии Полный текст стенограмм под ред. и с примеч. А. А. Иоффе с пред. Троцкого. НКИД. Москва 1920 г.

3. Ленин и Брестский мир. Статьи и речи Ленина с вводной статьей и примеч. Н. Овсянникова.

4. Троцкий. Программа мира. Изд. „Книга". 1917 г., стр. 30.

5. Каменев. Борьба за мир. (Отчет о мирных переговорах в Бресте). Изд. „Жизнь и Знание" 1918 г., стр. 82.

6. Мстиславский. Брестские переговоры. (Из дневника). Изд. „Скифы" 1918 г., стр. 91.

7. Из воспоминаний Гельфериха. Пер. с нем. Изд. „Мысль" 1922 г., стр. 61. К сожалению эти махрово-империалистические воспоминания даны в сокращении. Они относятся также к Версальскому договору, о котором имеются:

8. Мирный договор между Германией и странами Согласия. Русский пер. под ред. и с предисловием В. Я. Назимова. Берлин 1920 г., стр. 192. Кроме текста—„14 пунктов Вильсона" и текст (на русском) параллельных германских предложений.

9. Котляревский и Фельдштейн. Политическая карта Европы после Версальского мира. Берлин—Москва 1922 г., стр. 22.

10. Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. С пред. М. Павловича. ГИЗ 1923 г., стр. 447.

11. Брокдорф-Ранцау. Документы (нем.). Важный источник для выяснения германской точки зрения на мир.

12. Лансинг. Мирные переговоры (англ.). Мемуары одного из представителей Соединенных Штатов на Версальской конференции, несколько освещающие ее закулисную сторону.

13. Водовозов. Версальский мир и Лига Наций. Изд. „Мысль" 1922 г., стр 94.

14. Проф. Ден. Новая Европа. Изд. „Право" Петр. 1922 г., стр. 152. О территориальных изменениях в Европе.

15. Авербах. Законодательные акты, вызванные войной 1914—1917 гг. Т. V. 1918 г., стр. 726.

16. Кареев. Европа до и после войны в территориальном отношении. Изд. Сабашниковых. 1922 г., стр. 81.

17. Богданов. Версальское устройство. Вестник Социалистической Академии. 1923 г. № 1, стр. 106—194.

18. Мирный договор между Болгарией и союзниками. Официальный французский текст договора в Нейи, изданный по поручению герм. мин. ин. дел. С картой и указателем на нем. и фр. языках.

19. Раценгофер. Сен-Жерменский мирный договор (нем.). Сводка постановлений Сен-Жерменского мирного договора в порядке расположения разделов и статей самого договора.

20. Мирный договор с Турцией (англ.). Официальный англ. текст Севрского договора в том виде, как он был представлен Палате Общин.

В. Социально-экономические результаты.

21. Известия Народного Комиссариата Финансов. Двухнедельник НКФ с 1919 г.

22. Вестник Финансов. Еженедельник НКФ с 1922 г.

23. Новый Восток. Орган Всесоюзной Научной Ассоциации Востоковедения. №№ 1—6.

24. Кейнс. Экономические последствия мирного договора. Пер. с англ. с пред. Дволайцкого. ГИЗ 1922 г. стр. 137.

25. Его же. Пересмотр мирного договора. Пер. с англ. ГИЗ 1922 г., стр. 114.

Оба труда Кейнса представляют большую ценность.

26. Варга. Мировое хозяйство. Изд. ВСНХ 1922 г., стр. 75.

27. Его же. Период упадка капитализма. Изд. Коминтерна. 1922 г., стр. 46.

28. Его же. Кризис капиталистического хозяйства. ГИЗ 1922 г., стр. 126.

29. М. Павлович. Итоги мировой войны. Изд. „Московский Рабочий“ 1923 г., стр. 233.
30. Шульце. Развал мирового хозяйства. Пер. с нем, ГИЗ., стр. 359.
31. Суханов. Мировое хозяйство накануне и после войны. В сборнике „Красная книга“. Мировое наступление капитала, стр. 14—61. Изд. Профинтерна 1922 г. Популярный очерк.
32. Проф. Кулишер. Обзор мирового хозяйства с начала войны до начала 1924 г. Изд. Время. Ленинград 1924 г., стр. 206. Богатый статистический материал.
33. Тарле. Кризис Германии. Изд. „Петроград“ 1924 г., стр. 48.
34. Двойлайцкий. Германия в 1923 г. Финансово-экономические очерки. Изд. „Московский Рабочий“ 1924 г., стр. 110.
Обе последние книги подводят экономические итоги Версальского договора в германской действительности.
35. Проблемы восстановления европейского железнодорожного транспорта. Сборник. Перев. с англ. статей под ред. Кейнса. Изд. НКПС., стр. 75.
36. Нахимсон. Мировое хозяйство до и после войны. (нем.)
37. Брентано. Что заплатила Германия (нем.). Содержит сведения о выполнении Германией обязательств по Версальскому договору.
38. Проф. Боголепов. Европа во власти кризиса. Изд. „Право“ Ленинград 1922 г. стр. 134.
39. Проф. Кондратьев. Мировое хозяйство и его кон'юнктура во время войны и после войны. Изд. Вологодск. ГИЗ. 1922 г., стр. 258.
40. Проф. Фалькнер. Послевоенная кон'юнктура мирового хозяйства. ГИЗ. 1922 г., стр. 88.
41. Его же. Строение и кон'юнктура мирового хозяйства. ГИЗ. 1920 г., стр. 61.
42. Его же. Перелом в развитии мирового промышленного кризиса. Изд. ВСНХ 1922 г., стр. 70.
43. Финн-Енотаевский. Современное положение мирового хозяйства. ГИЗ. 1920 г., стр. 88.
44. Вальтер Ратенау. Новое Хозяйство. Пер. с нем. с пред. проф. Членова. Изд. ВСНХ. 1923 г., стр. 79.
45. Деманжон. Экономический упадок Европы. Пер. с франц. под ред. проф. Юровского. Изд. „Берег“. 1922 г., стр. 88.
46. Водолазов. Западная Европа и Америка после войны. Факты и цифры. ГИЗ. 1922 г., стр. 208.
47. Энджел. Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пер. с англ. Изд. „Право“ 1922 г., стр. 112.
48. Его же. Будет ли жить Британия? Пер. с англ. с пред. Гурко-Кряжина. В издат. портфеле. ГИЗ. Посвящена послевоенному политико-экономическому кризису в Англии.
49. Любимов. Мировая война и ее влияние на государственное хозяйство Запада. (Критич. изложение работ Кейнса). ГИЗ 1921 г., стр. 132.
50. Прокопович. Война и народное хозяйство. Изд. „Дело“. 1917 г., стр. 214.
51. Полонская. Пути Германии. Экономические факторы и социальные силы 1913—1923 гг. в фактах и цифрах. ГИЗ. 1924 г., стр. 197.
52. Гармс. Кризис мирового хозяйства. Изд. „Книга“. 1923 г., стр. 99.
Из непереведенной литературы указываются еще:
53. Фридман. Международные финансы и их реорганизация (англ.). Изучает влияние войны на денежное обращение.
54. Труд и мирный договор (англ.). Заявления рабочих партий разных стран о постановлениях Версальского мира.
Дополнительно указываем:
55. Кайо. Куда идет Франция? Куда идет Европа? Пер. с фр. с вводной статьей М. Павловича. ГИЗ. 1923 г., стр. 208. Характеристика отрицательных явлений политико-экономического состояния Европы.
56. Нитти. Вырождение Европы. Изд. Френкеля. 1923 г., стр. 176.
57. Его же. Европа без мира. Пер. с итальянского. С пред. Павловича. Изд. „Петроград“ 1923 г., стр. 224.
58. Мировой кризис и рабочее движение. ГИЗ Саратов. 1922 г., стр. 71. (Статьи Троцкого, Двойлайцкого. Фалькнера и Суханова).

С. Послевоенные конфликты.

В эту рубрику внесена лишь незначительная часть относящейся сюда чрезвычайно обширной литературы в виду недостатка места.

См. I, А, 1 и 2; В II, В. III, В, 23.

59. Библиотека по вопросам международной политики. Серия под ред. Ротштейна.
60. Материалы по рурскому вопросу. Изд. разв. отд. Штаба РККА 1923 г., стр. 219 + 50 геогр. приложен.
61. Арский. Рур—могила капитализма. Изд. „Прибой“. 1923 г., стр. 43.
62. Стоклицкий. Рур. Изд. „Красная Новь“. 1923 г., стр. 37.
63. Коммунистический Интернационал № 25.
64. Павлович. Перед угрозой будущих войн. Изд. ГВИЗ, стр. 234 (2-е издание).

65. Гурко-Кряжин. „Ближний Восток и Державы". Изд. Научной Ассоциации Востоковедения Союза С. С. Р. 1924 г., стр. 243.

66. Его же. Послевоенные мировые конфликты. Изд. „Московский Рабочий" 1924 г., стр. 124.

67. Иорданов. Балканы после войны. Изд. „Красная Новь" 1923 г., стр. 50.

68. Ллойд-Джордж. Европейский хаос. Изд. „Петроград" 1924 г., стр. 51. Крайне показательна для уяснения тех противоречий, в которых запутались империалистические державы.

На иностранных языках укажем:

69. Вальтер. Новая Европа (нем.). 2 тома политико-экономических характеристик до и после войны.

70. Краус. От Версаля до Лондона (нем.). Историко-политический очерк.

71. Делези. Нефть. Пер. с фр. с прилож. статьи Султан Заде: „Мировая нефтяная промышленность". Изд. Новая Москва. 1923 г., стр. 139. Хорошая и увлекательно написанная книга.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Стр.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ.

КАРТЫ (Де-Лазари).

ОТДЕЛ ВОСЬМОЙ.

ИЛЛЮСТРАЦИИ.

Стр.